

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

6
выпуск

Jesús HUERTA DE SOTO

**THE THEORY OF
DYNAMIC EFFICIENCY**

Routledge

Taylor & Francis Group
LONDON AND NEW YORK

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

6
выпуск

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

УДК 330.831.2
ББК 65.02
У96

Перевод с английского: *В. Кошкин*
Научный редактор: *А. Куряев*

Уэрта де Сото Х.

У98 **Социально-экономическая теория динамической эффективности** / Хесус Уэрта де Сото ; пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. — Челябинск: Социум, 2011. — xvi + 409 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 6)

ISBN 5-978-91603-031-0

Это четвертая книга Хесуса Уэрта де Сото, выходящая на русском языке. В нее вошли статьи, опубликованные автором за последние десять лет. В статьях автор исследует разные аспекты динамического процесса общественного сотрудничества, делая особый акцент на роли предпринимательства и институтов.

Первая статья сборника представляет собой введение в теорию динамической эффективности как альтернативы стандартным критериям по Парето. Затем идет подробный обзор различий между двумя подходами к экономической теории: австрийской школы и неоклассики (включая чикагскую школу). Другие темы, затрагиваемые Х. Уэрта де Сото: теория социализма, охрана окружающей среды в условиях свободного рынка, национализм, кризис и реформа системы социального страхования, теория банковского дела и экономических циклов, экономические взгляды испанских схоластов XVI в.

Книга будет полезна всем, кто интересуется методологией экономической науки, теориями банковского дела и экономических циклов, историей экономической мысли.

УДК 338.831.2
ББК 65.02

ISBN 978-0-415-42769-2 (англ.)
ISBN 978-5-91603-031-0 (русск.)

© 2009 Jesús Huerta De Soto
© Перевод на русский язык,
оформление, ООО Издательство
«Социум», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	XIV
БЛАГОДАРНОСТИ	XV
ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ	1
АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА И «СПОР О МЕТОДАХ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.	33
«ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ИСТОРИЯ» И ВЫХОД ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛЫ	63
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛИЗМА	65
КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА	87
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЫНОЧНАЯ ТЕОРИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ С ПОЗИЦИЙ СВОБОДНОГО РЫНКА	99
ТЕОРИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА	107
ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ СВОБОДНОЙ ИММИГРАЦИИ	119
КРИЗИС СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ	129
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧАСТИЧНОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	149
КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА ЧАСТИЧНОМ РЕЗЕРВИРОВАНИИ	159
ЭТИКА КАПИТАЛИЗМА	183
ПРОЕКТ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ ИМЕНИ ХАЙЕКА	197
БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА: ДЕМОНТАЖ ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ	215
ХУАН ДЕ МАРИАНА И ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ	219
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ТЕОРИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ЛЮДВИГА ФОН МИЗЕСА КАК УЧЕБНИК ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	227
ПАМЯТИ МЮРРЕЯ РОТБАРДА	245
КАК ОТЛИЧИТЬ ХОРОШЕГО ЭКОНОМИСТА ОТ ПЛОХОГО: СПОСОБ ХАЙЕКА	271
ЭФФЕКТ РИКАРДО	275
ПРИЛОЖЕНИЕ	277
ИНТЕРВЬЮ: ИСПАНСКИЕ КОРНИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ.	279
КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И АНАРХОКАПИТАЛИЗМ.	281
КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ	284
ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА ДИРЕКТИВЫ «SOLVENCY II»	306
ПРИМЕЧАНИЯ.	312
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	319
	399

СОДЕРЖАНИЕ

1 · Глава 1

ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Введение.	1
Эволюция стандарта статической эффективности: критический анализ	2
<i>Исторический контекст. . . . .</i>	2
<i>Влияние механической физики . . . . .</i>	3
«Экономическая теория благосостояния» и статическое представление об эффективности	5
Критика экономической теории благосостояния и идеи статической эффективности	7
Экономическая концепция динамической эффективности	9
Динамическая эффективность и предпринимательство	9
Экономическая концепция динамической эффективности: творчество и координация	11
Израэл Кирцнер и идея динамической эффективности	12
Мюррей Ротбард и миф статической эффективности; обзор Роя Кордато	13
Йозеф Шумпетер и «процесс созидательного разрушения»	14
Харви Лейбенштейн и идея x -эффективности	15
Дуглас Норт и его идея «адаптивной эффективности»	16
Динамическая эффективность и теория трансакционных издержек Рональда Коуза	17
Идея динамической эффективности в учебниках экономической теории.	18
Взаимосвязь этики с динамической эффективностью	20
Введение.	20
Этика как необходимое и достаточное условие динамической эффективности	21
Динамическая эффективность и принципы личной морали.	24
Эволюция этических принципов: институты, необходимые для динамической эффективности	26
Прикладное использование	28
Выводы	31

33 · Глава 2

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА И «СПОР О МЕТОДАХ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Введение.	33
Принципиальные различия между австрийской и неоклассической школами	33
Теория деятельности (австрийцы) и теория принятия решений (неоклассики).	36

Субъективизм (австрийцев) и объективизм (неоклассиков)	37
Предприниматель (у австрийцев) и homo oeconomicus (у неоклассиков)	37
Предпринимательские ошибки (у австрийцев) и рационализация всех принятых решений постфактум (у неоклассиков)	38
Субъективная информация (у австрийцев) и объективная информация (у неоклассиков).	38
Предпринимательская координация (у австрийцев) и общее и/или частичное равновесие (у неоклассиков).	39
Субъективные издержки (у австрийцев) и объективные издержки (у неоклассиков).	41
Формальная логика (австрийцев) и математические формулы (неоклассиков)	41
Связь с эмпирическим миром и различие представлений о «прогнозировании»	43
Раунды «спора о методах»	46
Первый раунд: Карл Менгер против немецкой исторической школы	46
Второй раунд: Бём-Баверк против Джона Бейтса Кларка (а заодно и Маршалла с Марксом)	48
Третий раунд: Мизес, Хайек и Майер против социализма, Кейнса и неоклассиков	50
Четвертый раунд: неоавстрийцы против мейнстрима и методологического нигилизма.	53
Ответ на некоторые критические возражения и замечания	54
Заключение: сравнительная оценка плюсов и минусов двух подходов	58

63 · Глава 3

«ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ИСТОРИЯ» И ВЫХОД ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

65 · Глава 4

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛИЗМА

Сущность предпринимательства	65
Предпринимательство и бдительность.	66
Информация, знание и предпринимательство	66
Субъективное и практическое ненаучное знание	67
Частное и рассеянное знание	67
Неявное знание, которое невозможно выразить словами	69
Принципиально творческая природа предпринимательства	70
Создание информации	71
Передача информации	72
Обучающий эффект: координация и приспособление	73
Основной принцип	74
Предпринимательство и концепция социализма	74
Социализм как интеллектуальная ошибка	77
Невозможность социализма с точки зрения общества	79
Статический аргумент	79
Динамический аргумент	80

Невозможность социализма с точки зрения контролирующего органа	82
Критика других определений социализма	84
<i>Социализм и интервенционизм</i>	86

87 · Глава 5

КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА

99 · Глава 6

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЫНОЧНАЯ ТЕОРИЯ ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ С ПОЗИЦИЙ СВОБОДНОГО РЫНКА¹**

Введение.	99
Принуждение, права собственности и окружающая среда	100
Охрана окружающей среды и невозможность экономического расчета при социализме	101
Предпринимательское решение проблем окружающей среды.	104

107 · Глава 7

ТЕОРИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Введение.	107
Понятие нации и ее характерные черты	107
Ключевые принципы либерального национализма	109
Экономические и социальные преимущества либерального национализма	112
Либеральный национализм и роль государства	114
Либеральный национализм и социалистический национализм.	115
Можно ли обратить национал-социалистов в либеральный национализм?	116
Заключение: в защиту либерального национализма	118

119 · Глава 8

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ СВОБОДНОЙ ИММИГРАЦИИ¹

Теория передвижения людей при чисто либертарианском порядке	120
Проблемы, вызванные агрессивным государственным вмешательством	121
Решение проблем, порождаемых в наши дни миграционными потоками	123
Принципы современного иммиграционного процесса	124
Заключение	127

129 · Глава 9

**КРИЗИС СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ
И ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ**

Введение.	129
Диагноз	129
<i>Технические проблемы</i>	129
<i>Этические проблемы</i>	131

<i>Внутреннее противоречие в государственной системе социального страхования</i> ¹⁶	134
Идеальная модель социального страхования с либертарианской точки зрения	137
Стратегия реформирования системы социального страхования	140
<i>Главные стратегические принципы</i>	140
<i>Этапы реформирования системы социального страхования</i>	140
<i>Основные принципы либертарианского политического проекта краткосрочного реформирования системы социального страхования</i>	142
<i>Иные стратегические аспекты</i>	144
Проблема медицинской помощи.	146

149 · Глава 10

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧАСТИЧНОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Полемика между теоретиками свободной банковской деятельности и сторонниками центральных банков	150
Развитие банковской системы и центральный банк	151
Банковская система с частичным резервированием: центральный банк и теория экономических циклов	154
Денежная и банковская система свободного общества	156

159 · Глава 11

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА ЧАСТИЧНОМ РЕЗЕРВИРОВАНИИ

Введение.	159
Колебания спроса на фидуциарные средства обращения как экзогенная переменная	160
Возможные источники одностороннего расширения кредита в свободных банковских системах с частичным резервированием	163
Теория «денежного равновесия» применительно к свободной банковской деятельности с частичным резервированием основана исключительно на макроэкономическом анализе.	165
Возможная путаница между понятиями сбережений и спроса на деньги	170
Несколько замечаний об исторических примерах свободных банковских систем с частичным резервированием.	172
Юридические аргументы	175
Заключение	180

183 · Глава 12

ЭТИКА КАПИТАЛИЗМА

Введение.	183
Крах конвенционализма	183
Роль этического фундамента свободы	184
О возможности создания теории социальной этики	185
Мораль и эффективность	186
Вклад в этику Израэля Кирцнера	188
Социальная доктрина Католической церкви и идеи Кирцнера.	191
Несколько критических замечаний	192
<i>Кирцнер и вопрос о зависимости этических принципов от исторических</i> <i>обстоятельств . . . . .</i>	192
<i>Теория предпринимательства Кирцнера и возникновение институтов</i> <i>и моральных норм . . . . .</i>	193
<i>Заключение . . . . .</i>	195

197 · Глава 13

ПРОЕКТ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ
ИМЕНИ ХАЙЕКА

Введение.	197
Наиболее распространенные аргументы в пользу того, что радикальные рыночные реформы политически невозможны.	198
Оптимистические примеры из истории.	199
Три уровня деятельности по подготовке реформ: теоретический, исторический и этический	200
Действия в теоретическом поле	201
Действия в этическом поле.	204
Действия на историческом уровне	207
Роль политика в либертарианской реформе	209
Насколько допустима ложь в политике?	211
Заключение	213

215 · Глава 14

БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА: ДЕМОНТАЖ ГОСУДАРСТВА
С ПОМОЩЬЮ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ

Политики против избирателей	215
Необходимое условие прямой демократии: право на сецессию.	216
Демонтаж государства с помощью механизмов прямой демократии и сецессии	217
Анархизм частной собственности на свободном рынке: асимптотический идеал прямой «демократии»	218

219 · Глава 15

ХУАН ДЕ МАРИАНА И ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ

227 · Глава 16

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ТЕОРИИ БАНКОВСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА

Введение.	227
Развитие банков в Севилье	228
Саламанкская школа и банковская деятельность: открытия	
Саравиа-де-ла-Калье.	230
<i>Мартин де Аспилькуэта Наварро</i>	233
<i>Томас де Меркадо</i>	234
<i>Доминго де Сото, Луис де Молина и Хуан де Луго</i>	235
Банковская и денежная точки зрения внутри Саламанкской школы	237
Заключение: позиция современных иезуитов Бернарда Демпси и Франсиско Бельды	241

245 · Глава 17

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ЛЮДВИГА ФОН МИЗЕСА
КАК УЧЕБНИК ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Введение.	245
Основные сравнительные преимущества «Человеческой деятельности»	245
<i>Типичные недостатки современных учебников по экономической теории</i>	245
<i>Важное значение трактатов об основаниях и принципах экономической науки</i>	249
Автор и его главный труд: вклад Мизеса в экономическую науку	250
<i>Людвиг фон Мизес и теория денег, кредита и экономических циклов</i>	251
<i>Теорема Мизеса о невозможности социализма</i>	252
<i>Теория предпринимательства</i>	253
<i>Априорно-дедуктивная методология и критика сциентистского позитивизма</i>	254
<i>Экономическая теория как теория динамических социальных процессов: критика модели общего и частичного равновесия и представления об экономической теории как о технологии максимизации</i>	256
<i>Краткая биография Людвиг фон Мизеса</i>	257
<i>Издательская судьба «Человеческой деятельности»</i>	258
<i>Трактат «Nationalökonomie»: немецкий предшественник «Человеческой деятельности»</i>	259
<i>Human Action, или «Человеческая деятельность» по-английски</i>	259
<i>Переводы «Человеческой деятельности» на иностранные языки (кроме испанского)</i>	260
<i>Восемь изданий «Человеческой деятельности» на испанском</i>	261
«Человеческая деятельность» как импульс для развития экономической науки	263

<i>Мизес и теория эволюции общественных институтов</i>	263
<i>Теория естественного права</i>	263
<i>Различение практического и научного знания</i>	264
<i>Теория монополии</i>	264
<i>Социализм и теория интервенционизма</i>	265
<i>Теория кредита и банковской системы</i>	266
<i>Теория народонаселения</i>	266
«Человеческая деятельность» и школа общественного выбора.	267
Методика изучения и преподавания «Человеческой деятельности».	268
<i>Потенциальные читатели</i>	268
<i>Курс политической экономии в мадридском университете Комплутенсе, основанный на изучении «Человеческой деятельности»</i>	269
Заключение	270

271 · Глава 18

ПАМЯТИ МЮРРЕЯ РОТБАРДА

275 · Глава 19

**КАК ОТЛИЧИТЬ ХОРОШЕГО ЭКОНОМИСТА ОТ ПЛОХОГО:
СПОСОБ ХАЙЕКА**

277 · Глава 20

ЭФФЕКТ РИКАРДО

ПРИЛОЖЕНИЕ

**281 · ИНТЕРВЬЮ: ИСПАНСКИЕ КОРНИ АВСТРИЙСКОЙ
ШКОЛЫ**

**294 · КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
И АНАРХОКАПИТАЛИЗМ**

<i>Введение</i>	294
<i>Роковая ошибка классического либерализма</i>	294
<i>Государство — ненужный институт</i>	295
<i>Почему этатизм теоретически невозможен</i>	298
<i>Невозможность ограничить власть государства: «летальный» характер государственной власти в сочетании с человеческой природой</i>	299
<i>Анархокапитализм — единственная модель общественного сотрудничества, не противоречащая человеческой природе</i>	301
<i>Заключение: Революционные последствия нового подхода</i>	302
<i>Краткие сведения о традиции анархизма в Испании</i>	305

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

I. Введение: опасная трансформация бухгалтерских стандартов в США во времена «иррациональной эйфории» и «новой экономики»	306
II. Отрицательные стороны реформы	308
III. Заключение	309
IV. Дополнительные замечания относительно применения международных стандартов финансовой отчетности страховой отрасли	310

ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА ДИРЕКТИВЫ «SOLVENCY II»

Введение.	312
Научные пороки новой модели	312
Смешение понятий риска и неопределенности	313
Фатальная ошибка «Solvency II»	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны тексты на английском языке, написанные мною за последние 10 лет (1994—2004). Многие из них публиковались ранее в специализированных журналах, и я собрал их в одном месте для того, чтобы упростить жизнь моим коллегам, в частности для того, чтобы на них было удобно ссылаться. Неудивительно, что все темы этого сборника так или иначе связаны с большим исследовательским проектом, к осуществлению которого я приступил 25 лет назад. Его целью является создание учебного курса, основанного на анализе характерных для рынка динамических процессов общественного сотрудничества. Особое внимание при этом должно быть уделено месту в этих процессах предпринимательства, а также тех институтов, благодаря которым жизнь в обществе становится возможной. Такой явно выраженный междисциплинарный подход характерен для австрийской экономической школы. В последние годы австрийский подход завоевывает все больший авторитет во всем мире и, в частности, переживает расцвет, к которому я имел честь приложить руку, в Испании.

Сборник отчетливо делится на четыре части. Первые три главы посвящены исследованию теоретического фундамента динамической концепции рынка. В этой части особое внимание уделено анализу теории динамической эффективности, принципиальной разнице между экономической теорией австрийской школы и неоклассической теорией, а также трехуровневому (теоретическому, историческому и этическому) подходу к изучению общественных явлений.

Вторая часть книги состоит из 9 глав, посвященных экономическому анализу различных проблем с точки зрения австрийской школы. Среди них — кризис системы социального страхования и попыток ее реформирования, апология защиты окружающей среды с рыночных позиций, социализм, национализм и миграция. Две главы посвящены банковским и экономическим циклам; эта тема особенно увлекла меня в последние годы. Наконец, в этой части говорится об этических аспектах капитализма, о политической роли экономиста-либертарианца и о будущем демократии.

Третья часть книги состоит из статей по экономической истории. В них говорится о предшественниках австрийской школы, испанских схоластах XVI в. В нее входит также статья, написанная к пятидесятилетию со дня первого издания экономического трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность».

В приложении к сборнику публикуется интервью, которое я дал *Austrian Economics Newsletter*. Там есть некоторые нюансы, которые тем не менее естественно вытекают из всего сказанного мною ранее. Это интервью может дать читателям пищу для размышлений о том, каким образом высказанные в этой книге идеи можно использовать для анализа наиболее острых экономических и политических проблем нашего общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю *Quarterly Journal of Austrian Economics*, *Review of Austrian Economics* и *Journal des économistes et des études humaines* за разрешение опубликовать в данном сборнике тексты, впервые увидевшие свет в этих журналах.

Я хотел бы также выразить признательность моим ученикам, аспирантам и ученым коллегам по Школе права и социальных наук мадридского университета Короля Хуана Карлоса за энтузиазм, с которым они участвовали и в моих многочисленных исследовательских проектах, и в их обсуждении. Я хотел бы отдельно поблагодарить Луиса Рейга Альбиоля (Luis Reig Albiol), Ингольфа Крумма (Ingolf Krumm), Габриэля Кальсаду (Gabriel Calzada), Хуана Игнасио дель Кастильо (Juan Ignacio del Castillo), Хесуса Гомеса (Jesús Gómez), Франсиско Капелью (Francisco Capella), Оскара Вару Креспо (Óscar Vara Crespo), Хавьера Арансади дель Серро (Javier Aranzadi del Cerro), Анхеля Руиса Родригеса (Ángel Ruiz Rodríguez), Хуана Пабло Мелиана (Juan Pablo Melián), Сесара Мартинеса Месегера (César Martínez Meseguer) и Мигеля Анхеля Алонсо Нейры (Miguel Ángel Alonso Neira). Если бы не они, книга, которую вы держите в руках, была бы гораздо хуже.

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

У господствующих в экономической науке вплоть до настоящего времени традиционных критериев эффективности распределения (эффективность по Парето) есть существенный недостаток: они носят статический характер и, следовательно, их невозможно использовать в качестве нормативных ориентиров на практике, поскольку реальные общественные институты динамичны¹. Пришла пора заменить традиционные стандарты эффективности иным критерием, который не обладает этими недостатками традиционного подхода по Парето и может применяться в сфере общественных институтов. Мы будем называть этот стандарт «критерием динамической эффективности».

Эта статья состоит из трех частей. В первой мы проанализируем процесс, который привел к формированию представления об эффективности по Парето. Этот стандарт был скроен по образцу принципа эффективности энергии, который возник в физике и механике XIX в. Это объясняет, почему традиционный критерий эффективности по Парето, ставший стержнем всех экономических теории благосостояния и очень часто использующийся для экономического анализа права, в силу своей относительной статичности с трудом может применяться для изучения сложной динамики институтов.

Во второй части мы сформулируем критерий *динамической эффективности*, который прямо вытекает из теории рыночных процессов, движимых творческим и координирующим потенциалом предпринимательства. Хотя стандарт динамической эффективности пока не стал частью научного мейнстрима, за ним стоит определенная традиция. Такие выдающиеся экономисты, как Мизес, Хайек и Шумпетер, а также современные теоретики Ротбард, Кирцнер и Норт (последний выдвинул идею «адаптивной эффективности») и даже Лейбенштейн (с его «*x*-эффективностью»), предлагали и формулировали критерии, более или менее похожие на нашу динамическую эффективность. В этой части мы проанализируем и сравним их идеи.

Третья и последняя часть статьи посвящена анализу очень тесных взаимосвязей, существующих между предложенным нами критерием динамической эффективности и системой этических принципов общества. Это открывает перед экономистами новое поле деятельности: они получают возможность использовать стандарт динамической эффективности, отличающийся от традиционного критерия Парето, для оценки общественных институтов (правовых, моральных и экономических). Кроме того, в ходе нашего анализа мы сформулируем те этические принципы, которые дела-

ют динамическую эффективность возможной, а следовательно, создают условия для прогресса и скоординированного развития общества и цивилизации. Тем самым мы намерены установить прямую взаимосвязь между экономической теорией и этикой и, таким образом, стимулировать развитие плодотворных взаимоотношений между этими двумя научными дисциплинами.

ЭВОЛЮЦИЯ СТАНДАРТА
СТАТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исторический контекст

Термин «эффективность» (*efficiency*) происходит от латинского слова *efficiens*, а последнее, в свою очередь, от латинского глагола *exfacio*, который означает «получать что-то из чего-то»². В экономической науке представление об эффективности как о способности «получать что-то из чего-то» старше латинского глагола и восходит к временам Древней Греции, когда слово «экономика» (οικονομία) использовалось для обозначения эффективного управления домохозяйством или усадьбой. В трактате «Экономика» (традиционное русское название «Домострой», 380 до Р.Х.) Ксенофонт приписывает Сократу утверждения, что «экономика» — это «отрасль знания, с помощью которой человек может умножить свое хозяйство», хозяйство человека — «то же, что его имущество», а имущество — «это вещи, полезные человеку»³. Сформулировав это — современное и субъективистское — определение экономики, Ксенофонт в дальнейших диалогах объясняет, что есть два пути умножить хозяйство, и они соответствуют двум разным аспектам эффективности.

Один — это аспект «статической эффективности». Он состоит в разумном управлении наличными (или «данными») ресурсами и заботе о том, чтобы они не тратились понапрасну. Согласно Ксенофонту, главный способ обеспечить это — содержать дом в хорошем *порядке*⁴ и заботиться о своих вещах, относясь к ним бережно и аккуратно. Чтобы завершить разговор о способностях, необходимых для эффективного управления «данными» ресурсами, он рассказывает притчу о мудром ответе персиянина своему царю: «Царь этот однажды получил хорошую лошадь, и ему хотелось поскорее ее откормить. Он спросил кого-то считавшегося знатоком по части лошадей, что всего скорее утучняет лошадь. Тот ответил: „Хозяйский глаз“. Так и во всем, Сократ, хозяйский глаз — самый лучший работник»⁵.

Однако Ксенофонт не ограничивается анализом «статического», как мы его называем, аспекта эффективности. Он говорит и о дополняющем его «динамическом» аспекте, который представляет собой попытки человека умножить свое достояние с помощью предпринимательской деятельности и заключения сделок. Речь идет о попытках человека не ограничиваться заботой о бережном расходовании уже имеющихся в его распоряжении

ресурсов, а умножать принадлежащие ему блага с помощью предпринимательского творчества, т.е. с помощью торговли и спекуляций. Ксенофонт приводит два конкретных примера направленной на это предпринимательской деятельности. Один пример — это покупка плохо обработанных или бесплодных участков земли и облагораживание их с последующей продажей по гораздо более высокой цене, чем цена покупки⁶. Другой пример динамической эффективности, позволяющей человеку умножить свое достояние и получить в свое распоряжение новые ресурсы, — это действия купцов, которые покупают хлеб, когда он в изобилии и, следовательно, дешев, а потом привозят его в места, пострадавшие от засухи или неурожая, и продают там по гораздо более высокой цене⁷.

Эта традиция различения двух аспектов эффективности, статического и динамического, сохранялась и в Средние века. Например, св. Бернардино Сиенский считал, что купцы и ремесленники заслужили свои доходы своим *трудолюбием* и *готовностью рисковать*: разумным и ответственным управлением своими (данными) ресурсами, т.е. поведением, последовательно направленным на предотвращение неразумной траты ресурсов (статический аспект эффективности), а также согласием на риски и опасности (*pericula*), возникающие в связи с любыми предпринимательскими спекуляциями (динамический аспект эффективности)⁸.

Влияние механической физики

Несмотря на это многообещающее начало, в Новое время понятие экономической эффективности постепенно сузилось и упростилось. Наконец, оно стало обозначать исключительно статический аспект эффективности, иными словами, добросовестное поведение, направленное на предотвращение неразумного расходования «данных» ресурсов. Решающее значение для формирования этого редуционистского представления, которое было существенным шагом назад по сравнению с формулировкой Ксенофонта, различавшего два аспекта эффективности, сыграло появление и развитие механической физики, оказавшей на экономическую мысль колоссальное влияние, особенно в XIX в. и в последующее время.

В Новое время физика сменила астрономию на пьедестале «главной науки». В основе физики лежит представление об «энергии». Об этом абстрактном понятии спорят все физики, хотя они и не пришли к общему мнению о том, что представляет собой энергия в отсутствие эмпирических свидетельств ее воздействия в виде силы или движения⁹. В силу этого ключевую роль в развитии физики сыграл «закон сохранения энергии», о принципиально статической природе которого не следует забывать (энергия не создается и не исчезает, она лишь трансформируется). Позже был сформулирован второй закон термодинамики, в котором говорится, что в ходе любого физического процесса какая-то энергия расходуется впустую, например в форме тепла, которое рассеивается, в силу чего физические системы не являются обратимыми. Эти два закона определили

развитие физики в XIX в. Именно поэтому бóльшая часть представителей точных наук воспринимает физические феномены почти исключительно с точки зрения «энергии». Кроме того, использование физических открытий на практике было связано в основном с инженерным делом, которое целиком и полностью основано на (статическом) понятии энергоэффективности (или, на языке инженеров, «минимизации энергетических потерь»). Прекрасной иллюстрацией может служить паровая машина, это классическое капитальное благо Промышленной революции. Паровая машина трансформирует тепло в движение и поднятие тяжестей; соответственно целью хорошего инженера является достижение максимума (статической) эффективности, т.е. максимального движения при минимальных расходах и потерях энергии.

Редукционистское представление о (статической) эффективности было усвоено и языком. Так, определение прилагательного «эффективный» в Словаре Вебстера («Webster's Dictionary») включает минимизацию потерь: «эффективный, обладающий способностью выбирать и использовать наиболее успешные и связанные с минимальными потерями способы выполнения задачи или достижения цели»¹⁰. В испанском языке представление об эффективности прочно связано со способностью добиваться конкретного результата или дохода. Словарь испанского языка («Diccionario de la Lengua Española») определяет слово *rendimiento* («доход») как «соотношение полученного продукта или результата с использованными средствами»¹¹ (предполагается, что и результат, и средства известны или даны).

Очень важно осознать то негативное воздействие, которое статическое представление об энергоэффективности оказало на развитие экономической теории. Ганс Майер¹² и Филип Мировски отмечали, что неоклассическая экономическая теория была подражанием механической физике XIX в.: она использовала тот же самый формальный метод (только заменила понятие энергии на понятие полезности) и те же самые принципы сохранения, максимизации результата и минимизации потерь¹³. Главным представителем этого направления, идеи которого в максимальной степени отражают воздействие физики на экономическую мысль, был Леон Вальрас. В опубликованной в 1909 г. статье «Экономическая теория и механика» Вальрас утверждал, что в «Элементах чистой экономики» он использовал математические формулы, идентичные формулам математической физики, а также подчеркивал параллель между понятиями «силы» и редкости (которые он считал векторами), с одной стороны, и между понятиями «энергии» и «полезности» (которые он рассматривал как скалярные величины) — с другой¹⁴.

Таким образом, под влиянием механической физики исчезло то творческое, спекулятивное измерение, которым идея экономической эффективности обладала с момента зарождения, и от нее осталось лишь редукционистское, статичное представление, связанное исключительно с идеей минимизации потерь (известных или данных) экономических ресурсов. В качестве примера можно привести определение «эффективного размещения ресурсов» из «The New Palgrave Dictionary of Economics», при-

надлежащее Стенли Рейтеру: «максимально возможное удовлетворение потребностей в условиях ресурсных и технологических ограничений»¹⁵. (Обратите внимание: это определение исходит из того, что ресурсы и технология являются данностью). Очень показательно и одновременно огорчительно то, что в статье об экономической эффективности в наиболее авторитетном из экономических словарей ни разу не упоминается динамический аспект этой идеи. Это особенно поучительно и печально в свете того, что в реальности ни ресурсы, ни технологии не являются «данностью»; они способны меняться — и действительно постоянно меняются — под воздействием предпринимательского творчества. Кроме того, изменчивая природа этих факторов ясно свидетельствует о наличии у эффективности отдельного, имеющего долгую традицию измерения (динамического — о котором, как мы видели, писал уже Ксенофонт); если это игнорировать, последствия для экономического анализа реальности окажутся весьма велики.

Редукционистское представление о статической эффективности оказало большое влияние на теорию организации начала XX в., иначе говоря, в эпоху тейлоризма. Фредерик Тейлор в «Принципах научного менеджмента» (1911) призвал к созданию во всех компаниях департамента «производительной эффективности»: во-первых, для надзора за работниками, во вторых, для измерения времени, которое требуется на операции, в-третьих, чтобы избегать потерь¹⁶. В результате редукционистская идея статической эффективности превратилась в идола, который требовал принести ему в жертву буквально всё; помешательство на статической эффективности (лучше всего здесь подходит слово «культ») распространилось даже на политическую идеологию.

Ярким примером такого помешательства могут служить фабианские социалисты Сидней и Беатриса Веббы. Супруги Веббы были настолько потрясены «потерями», которые они увидели в капиталистической системе, что создали Лондонскую школу экономики, чтобы продвигать реформу экономической системы. Цель их реформы состояла в том, чтобы избежать потерь и построить «эффективную» систему. Позже Веббы не скрывали своего восхищения той «эффективностью», которую они обнаружили в Советской России. Беатриса даже восклицала: «Я влюбилась в советский коммунизм». Чары статического представления об экономической эффективности подействовали и на самого Джона Мейнарда Кейнса. В предисловии к вышедшему по-немецки в 1936 г. издании «Общей теории» он писал, что его идеи экономической реформы «легче воплотить в условиях тоталитарного государства». Кроме того, Кейнс очень хвалил вышедшую в 1933 г. книгу супругов Вебб «Советский коммунизм»¹⁷.

*«Экономическая теория благосостояния»
и статическое представление об эффективности*

Вышеописанный тренд достиг кульминации в 1920—1930-е годы, когда статическое представление об экономической эффективности стало ядром

новой дисциплины, получившей известность под названием «экономической теории благосостояния»¹⁸. Она возникла на базе ряда альтернативных подходов. Согласно Пигу, экономическая система достигает максимальной эффективности тогда, когда предельная полезность всех факторов выравнивается, а для этого необходимо перераспределять доход до тех пор, пока все экономические агенты не станут получать от последней имеющейся в их распоряжении денежной единицы одинаковую предельную полезность. Таким образом, Пигу продолжает традицию жесткого утилитаризма Иеремии Бентама и наивных маржиналистов (Сакса, Сиджвика и др.). Поскольку было очевидно, что подход Пигу связан с межличностными сравнениями полезности и метанаучными ценностными суждениями, он скоро уступил место подходу Парето.

Согласно теории Парето, экономическая система находится в *состоянии* эффективности тогда, когда ничье положение нельзя улучшить без того, чтобы при этом не ухудшилось положение кого-то другого. Хотя этот подход по-прежнему статичен, он уже не требует межличностных сравнений полезности. Благодаря этому некоторые «теоретики благосостояния» (Лернер и др.) смогли сформулировать так называемую «первую теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что в системе совершенной конкуренции достигается эффективность распределения по критерию Парето. На следующем этапе были выделены так называемые «провалы рынка», которые порождают неэффективность (в статическом смысле слова), отдаляя экономическую систему от модели «совершенной конкуренции». (Сначала провалами рынка были признаны монополии и внешние эффекты (экстерналии); позже к ним добавились более вычурные вещи типа асимметричности информации, морального риска и неполноты рынков). В то же время в качестве альтернативы этому подходу был сформулирован подход Калдора—Хикса, включавший аналитический принцип «потенциальной компенсации»: ситуация II эффективнее ситуации I, если те, кто в этой ситуации выигрывает, способны компенсировать убытки тем, кто от нее проигрывает (Калдор); или же если те, кто проигрывает в ситуации II, не могут воспрепятствовать переменам, «дав взятку» тем, кто от нее выигрывает (Хикс)¹⁹.

Позже теоретики сформулировали «вторую фундаментальную теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что эффективность по Парето совместима с различными вариантами первоначального размещения ресурсов. Эта теорема исходит из того, что критерии эффективности и честности (справедливости) могут рассматриваться изолированно и сочетаться в разных пропорциях. В свою очередь, Бергсон и Самуэльсон изобрели «функцию общественного благосостояния», которая, хоть и связана с необходимостью проводить интерперсональные сравнения полезности, позволяет обойти невозможность выделения точки максимальной эффективности из всех Парето-эффективных точек, образующих кривую производственных возможностей. Однако позже Эрроу продемонстрировал, что функцию общественного благосостояния такого типа нельзя построить, не пренебрегая элементарными требованиями логики («третья фундамен-

тальная теорема экономической теории благосостояния»). Другой нобелевский лауреат, Амартия Сен, доказал, что невозможно представить такую функцию общественного благосостояния, которая одновременно была бы оптимальной по Парето и соответствовала бы традиционным либеральным стандартам, в первую очередь потому, что индивидуальные оценки порядковой (ординальной) полезности невозможно суммировать, а следовательно, функция общественного благосостояния в принципе не может обеспечить удовлетворение всех индивидуальных предпочтений²⁰.

Критика экономической теории благосостояния и идеи статической эффективности

По понятным причинам мы не можем перечислить все аргументы, критикующие разные стандарты статической эффективности, которые были сформулированы в рамках экономической теории благосостояния. Этому посвящено огромное количество работ, и мы не в силах пересказать все. Тем не менее мы остановимся на нескольких наиболее распространенных замечаниях: главным образом для того, чтобы противопоставить их тому аргументу, который мы считаем главным, несмотря на то, что до самого последнего времени его практически никто не высказывал.

Во-первых, различные критерии статической эффективности, сформулированные в рамках экономической теории благосостояния, требуют более или менее явного использования ценностных, т.е. суждений, лишенных научной объективности. Мы уже указывали, что это присуще и подходу Пигу, и представлению о функции общественного благосостояния, поскольку для их использования на практике требуются межличностные сравнения полезности, которые в сообществе профессиональных экономистов считаются ненаучными со времен Лайонела Роббинса. Кроме того, нет уверенности, что полезность можно сравнивать даже относительно одного и того же человека (в разное время и разных обстоятельствах); ведь во многих случаях человек будет пытаться сравнить между собой разнородные и разнообразные измерения, которые вряд ли поддаются такой операции. И даже подход Парето, вопреки первому впечатлению, не является полностью нейтральным с точки зрения межличностных сравнений и оценочных суждений: например, завистливому человеку может стать хуже в результате улучшения по Парето (т.е. когда кто-то выиграет, не нанося ущерба никому — разумеется, за исключением нашего завистника).

Во-вторых, в любых подходах экономической теории благосостояния есть один серьезный недостаток: они основаны на предположении, что индивидуальные шкалы полезности и те возможности, которые открываются перед каждым действующим субъектом, «даны», иначе говоря, что они известны и неизменны. Другими словами, предполагается, что эти шкалы и возможности отражают некие «функции полезности», которые тоже всегда известны и неизменны. Этот недостаток особенно ярко выражен у Пигу; его идея перераспределения дохода не просто требует проведения

межличностных сравнений полезности, — ее практическая реализация привела бы к радикальному изменению соответствующих «функций полезности», а также серьезно повлияла бы на процесс предпринимательской координации (что, как мы увидим ниже, гораздо важнее).

В-третьих, позаимствованное у механической физики представление о технической эффективности продолжает оказывать сильное воздействие на критерии статической эффективности, несмотря на стремление многих выдающихся экономистов (Роббинса, Липси, Алчиана и Аллена и др.) раз и навсегда отделить техническую (технологическую) эффективность от экономической эффективности²¹. Однако если техническая (или технологическая) эффективность означает минимизацию производственных ресурсов в физическом смысле (например, тонн угля или баррелей нефти), то она практически не отличается от экономической эффективности, которая также состоит в минимизации ресурсов, но не в физическом смысле, а в смысле затрат (исчисляемых как количество использованных единиц ресурса, умноженное на рыночную цену единицы). Если исходить из того, что технологии и рыночные цены «даны», иначе говоря, из того, что они известны и неизменны — а из этого исходят все упомянутые нами выше критерии статической эффективности, — то *modus operandi** (статической) экономической эффективности и *modus operandi* технической эффективности будут одинаковы: и та и другая в этом случае представляют собой математическую операцию в условиях известных ограничений. Можно сделать вывод, что в контексте экономической теории благосостояния между технической эффективностью и статическим представлением об экономической эффективности существует поразительное сходство. Иначе говоря: *статический подход к экономической теории сводит принцип экономической эффективности к сугубо технической проблеме максимизации*, которую всегда можно решить, прибегнув к помощи компьютера и введя в него соответствующие данные; ведь все модели статической эффективности основаны на том, что данные уже известны²².

Однако эти критические замечания гораздо менее важны, чем наша главная претензия к различным критериям эффективности, сформулированным в рамках экономической теории благосостояния. Главное в том, что они учитывают лишь один из двух аспектов экономической эффективности, статический аспект, а из этого вытекает представление о том, что ресурсы даны и неизменны, и фундаментальная экономическая задача сводится к тому, чтобы расходовать их разумно. *И когда, например, нам нужно оценить компанию, общественный институт или экономическую систему, эти критерии не позволяют нам учесть их Динамическую Эффективность, т.е. способность порождать предпринимательское творчество и координацию или, иными словами, способность предпринимателей искать, обнаруживать и преодолевать нарушения координации в обществе.*

Мы считаем, что главная цель — не в том, чтобы приблизить систему к границе ее производственных возможностей (считая кривую производства «данной»), а в систематическом использовании критерия динами-

ческой эффективности, от которого зависит способность системы непрерывно «сдвигать» кривую производственных возможностей вправо. Для этого необходимо преодолеть традиционные статические критерии экономической эффективности и заменить их другим, более полным критерием, таким, который учитывал бы динамическое измерение экономической системы. В следующем разделе наш критерий динамической эффективности рассматривается более подробно.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Динамическая эффективность и предпринимательство

Критерий динамической эффективности теснейшим образом связан с понятием предпринимательства; на самом деле, чтобы как следует понять, что такое динамическая эффективность с точки зрения экономической теории, надо сначала хотя бы кратко описать сущность и основные черты предпринимательства — главной действующей силы, порождающей стихийное творчество и координацию на рынке. Слово «предпринимательство» (*entrepreneurship*) происходит от латинского *in prehendo* — «совершать открытие», «видеть», «осознавать» нечто. Мы можем определить предпринимательство как *характерную для человека способность находить вокруг себя возможности для извлечения прибыли и действовать в соответствии с этим*. Таким образом, предпринимательство требует специальной «бдительности» (*alertness*). Словарь Вебстера («*Webster's New World Dictionary and Thesaurus*») толкует слово *alert* как «зоркий», «бдительный»²³. С идеей предпринимательства тесно связан и глагол «спекулировать» (*to speculate*), который тоже восходит к латыни и связан со словом *specula* (так называли башни, с которых наблюдатели могли озирать окрестности и заранее обнаруживать тех, кто к ним приближался)²⁴.

Наиболее существенные черты предпринимательства с точки зрения критерия динамической эффективности таковы:

1. Предпринимательство всегда порождает новую информацию; иначе говоря, любой акт предпринимательства связан с обнаружением новой информации, которой у субъекта предпринимательства до этого не было (иными словами, возможности для извлечения прибыли, которую он раньше не замечал). Информация, которую своими действиями порождают предприниматели, является субъективной, практической (в том смысле, что она возникает исключительно в конкретных обстоятельствах, связанных с конкретными действиями предпринимателя), рассеянной (ведь какая-то ее частица имеется в уме каждого человека) и неявной (ее очень сложно выразить словами).
2. По своей фундаментальной природе предпринимательство носит творческий характер; любое нарушение общественной координации представляет возможность для извлечения прибыли, каковая возможность

остаётся скрытой до тех пор, пока ее не обнаруживают предприниматели. Например, если В не очень нужен ресурс R, в котором остро нуждается А, то это явное нарушение общественной координации, которое порождает возможность для извлечения прибыли: чтобы получить «чистую предпринимательскую прибыль», предпринимателю С достаточно всего лишь заметить эту возможность, дешево купить ресурс у В и дорого продать его А. Соответственно, когда предприниматель обнаруживает еще никем не замеченную прибыльную возможность, он тем самым *создает* не существовавшую до этого информацию, которая в результате завершения акта предпринимательства порождает чистую предпринимательскую прибыль.

3. Предприниматель передает информацию. Когда предприниматель С дешево покупает ресурс R у В, который владеет им в изобилии и не использует его, а потом дорого продает остро нуждающемуся в нем С, он *передает* А и В информацию о том, что ресурс R доступен и что его нужно беречь. Он также сообщает всему рынку (эта информация распространяется волнообразно), что есть некто, кто готов дать за R высокую рыночную цену (рыночные цены — это очень мощные сигналы, они передают большой объем информации при очень низких издержках).
4. Предпринимательство оказывает координирующее воздействие. В результате описанного нами акта предпринимательства А и В обучаются координировать свое поведение, приспосабливаясь к нуждам друг друга: после того как нарушение общественной координации было обнаружено и устранено, В начинает накапливать ресурс R, который он раньше не использовал, чтобы передать его остро нуждающемуся в нем А.
5. Предпринимательство состязательно, конкурентно. Слово «конкуренция» (*competition*) происходит от латинского *cum petitiō*; это выражение обозначает состязание претензий на одну и ту же вещь, которая в итоге должна достаться кому-то одному. Предпринимательство конкурентно: это значит, что после того, как один предприниматель обнаружил или создал возможность для извлечения прибыли, эту возможность (в тех же временных и пространственных координатах) уже не может обнаружить или создать никто другой. Это превращает предпринимательский процесс в процесс соперничества, в процесс чистой конкуренции, в ходе которого предприниматели борются с друг другом, чтобы обнаружить и использовать существующие вокруг них возможности для извлечения прибыли. Словарь Вебстера («Webster's Revised Unabridged Dictionary») дает следующее толкование глаголу *to compete* («конкурировать»): «соревноваться; стремиться или пытаться достичь вещи, должности или награды, к которой стремится еще кто-то; соперничать, например из-за награды или из-за контракта, подобно тому как конкурируют друг с другом купцы»²⁵. Такое представление о конкуренции, безусловно, не имеет ничего общего с так называемой моделью совершенной конкуренции, в рамках которой многочисленные поставщики проделывают одни и те же движения, продавая одно и то же благо по одной и той же цене, иначе говоря, ведут себя так, что никто не назвал бы это конкуренцией.

6. Наконец, предпринимательский процесс никогда не заканчивается. Хотя в принципе можно было бы вообразить, что социальный процесс, порождаемый предпринимательством, мог бы достичь состояния равновесия, т.е. остановиться или закончиться, после того как все предприниматели обнаружат и используют все возможности для извлечения прибыли, воплощенные в нарушениях общественной координации (кстати, большинство членов нашего цеха считают такое «конечное состояние покоя» единственным предметом, достойным их профессионального внимания), на самом деле предпринимательский процесс координации никогда не прерывается и никогда не заканчивается. Истина состоит в том, что когда предпринимательский акт вносит координацию, он создает новую информацию, которая, в свою очередь, *меняет то, как субъекты, действующие на рынке, воспринимают свои цели и средства. В силу этого появляются новые нарушения координации и предприниматели начинают находить их исправлять, создавая координацию в ходе непрерывного процесса расширения знания и ресурсов. Этот процесс обеспечивается постоянным ростом населения, а степень его координации стремится к максимально возможной при данных исторических обстоятельствах* (скоординированный социальный «большой взрыв»).

После того как мы описали фундаментальные черты предпринимательского процесса, нам будет легче понять экономическую концепцию динамической эффективности, а также существовавшие в разное время взгляды на него.

Экономическая концепция динамической эффективности: творчество и координация

С точки зрения динамического подхода эффективность человека, компании, института или экономической системы в целом зависит от уровня их творческой способности к предпринимательству и координации (в описанном выше смысле).

С этой точки зрения самое главное — не столько препятствовать напрасной трате средств, которые считаются известными и «данными» (с точки зрения статической эффективности), сколько постоянно обнаруживать и создавать новые цели и средства, тем самым стимулируя координацию. При этом необходимо учитывать, что в ходе любого предпринимательского процесса всегда возникают новые нарушения координации, и *в силу этого в рыночной экономике какие-то ресурсы неизбежно тратятся впустую*.

Можно уверенно утверждать, что динамический аспект эффективности — это ее главный аспект. Хотя экономическая система может и не достигать границы производственных возможностей, все действующие в ней субъекты могут действовать с выгодой для себя, в случае если энергия предпринимательского творчества постоянно сдвигает кривую (производственных возможностей) вправо и соответственно улучшает возможно-

сти каждого человека, обеспечивая непрерывный творческий поток новых целей и средств, которые, до того как их открыли предприниматели, никто и вообразить себе не мог.

Очень существенно также и то, что динамический аспект экономической эффективности включает в себя статический: ведь *предпринимательская сила, порождающая динамическую эффективность посредством создания и обнаружения новых возможностей для извлечения прибыли, это та же самая сила, которая обеспечивает достижение наиболее высокого из возможных в данный конкретный момент уровня статической эффективности, обеспечивая исправление существовавших ранее нарушений координации.* (Однако, как мы уже отмечали, с учетом бесконечного потока новых нарушений координации в реально существующей рыночной экономике оптимум по Парето в принципе недостижим, поэтому вероятность напрасной растраты имеющихся ресурсов полностью исключить нельзя.)

Ниже будут проанализированы взгляды разных ученых на проблему динамической эффективности. Многие из них испытали серьезное воздействие традиции австрийской экономической школы, что неудивительно, потому что эта школа уделяет огромное внимание динамической концепции рынка и ведущей роли предпринимательства на рынке. Мы отсылаем читателей, желающих узнать об этом больше, к работам Мизеса и Хайека о рынке как динамическом процессе, движимом предпринимательством (Мизес), и о конкуренции как процессе открытия (Хайек)²⁶.

Израэл Кирцнер и идея динамической эффективности

Великий современный ученый Израэл Кирцнер, следуя за Мизесом и Хайеком, подробно проанализировал феномен предпринимательства. Это один из ведущих теоретиков, изучавших экономическое понятие динамической эффективности. Кирцнер определяет динамическую эффективность как «способность, стимулируя предпринимательскую бдительность, породить ценное знание, о самом существовании которого ранее никто не догадывался». Кирцнер считает акт предпринимательства чрезвычайно эффективным инструментом координации и рассматривает общественную координацию не статически — т.е. не с точки зрения Парето, — а динамически, иначе говоря, как «процесс, в ходе которого участники рынка осознают существование взаимовыгодных возможностей для торговли и, используя эти возможности, исправляют допущенные ранее ошибки»²⁷.

Кирцнер подчеркивал, что его критерий динамической эффективности, основанный на творческой способности и предпринимательской координации, не связан с ценностными суждениями и соответственно полностью ценностно нейтрален (*wertfrei*): любой, кто желает стимулировать координацию, должен поощрять и поддерживать свободу предпринимательства, и напротив, тот, кто предпочитает общественные конфликты и нарушения общественной координации, должен всячески препятствовать предприни-

мательству²⁸. Экономическая теория сама по себе не может назвать одни цели — плохими, а другие — хорошими, но она, безусловно, способна помочь людям лучше осознать стоящий перед ними этический выбор и сформулировать логически последовательную этическую позицию.

Идея динамической эффективности Кирцнера неуязвима для тех критических замечаний, которые мы сформулировали выше по отношению к доминирующим до сих пор критериям статической эффективности. Наконец, Кирцнер указывает, что с точки зрения аналитика динамический аспект эффективности особенно полезен для проведения сравнительного анализа институтов и законодательных инициатив. Действительно, анализ динамической эффективности позволяет вынести оценку, дающую возможность сформулировать гораздо более ясную — и часто принципиально иную — позицию, чем та, которая является результатом анализа одного лишь аспекта статической эффективности²⁹.

Мюррей Ротбард и миф статической эффективности; обзор Роя Кордато

Ротбард также внес существенный вклад в анализ динамической эффективности. Он подчеркивал, что идеал «статической эффективности», имеющий такое огромное значение для теоретиков благосостояния, это всего лишь *миф*, так как его использование на практике требует наличия неизменной структуры целей и средств, формирование которой в условиях непрерывно меняющихся реалий общественной жизни невозможно (а если бы и было возможно, то ее нельзя было бы познать). Больше всего внимания Ротбард уделил связи динамической концепции экономической эффективности со сферой этики. С учетом того, что реально существующие в обществе цели, средства и функции полезности нам неизвестны, Ротбард считал первоочередной задачей создание этического контекста, поощряющего динамическую эффективность. Для этого требуется набор правил, защищающих права собственности и обеспечивающих возможность добровольной торговли, в ходе которой экономические субъекты выражают свои истинные предпочтения. Ротбард полагал, что критериями эффективности, определяющими наши решения, могут быть только *этические принципы*, и ничто иное³⁰.

Рой Кордато опубликовал интересную книгу, где проанализировал главные открытия австрийской школы, и в частности Мизеса, Ротбарда, Хайека и Кирцнера, с точки зрения экономической теории благосостояния. Кордато приходит к выводу, что главной целью рынка должно быть не достижение «оптимальных» результатов (задача статической эффективности), а обеспечение институциональной структуры, порождающей предпринимательское творчество и координацию. Экономическая политика должна быть направлена на выявление и уничтожение искусственных препятствий для добровольной торговли и предпринимательского процесса³¹. Особое восхищение вызывает попытка Кордато впустить в затхлое обиталище экономической теории благосостояния, застывшей в своей упрямой при-

верженности статическим допущениям, свежий воздух субъективистского и динамического подхода к рынку, который до него развивали почти исключительно экономисты австрийской школы.

Йозеф Шумпетер и «процесс созидательного разрушения»

Йозеф Шумпетер — возможно, самый известный из экономистов, занимавшихся анализом экономической эффективности с динамических позиций. Он начал разрабатывать эту тему уже в 1911 г., когда опубликовал на немецком языке книгу «Теория экономического развития»³². В этой книге Шумпетер, демонстрируя в чистом виде австрийский подход, пишет о предпринимателе как о новаторе, который придумывает и открывает новые блага, новые источники благ и новые сочетания благ, а также внедряет технологические инновации, постоянно создавая новые рынки и расширяя существующие. Спустя тридцать лет, в 1942 г., Шумпетер продолжил развивать эти идеи в книге «Капитализм, социализм и демократия», особенно в главах 7 и 8. Он даже назвал главу 8 «Процесс созидательного разрушения»; в ней он описывает процесс экономического развития, породивший эволюцию капитализма и соответственно напряжение, связанное с двумя измерениями эффективности — динамическим и статическим. Шумпетер крайне критически относился к традиционному неоклассическому принципу статической эффективности и пришел к выводу о том, что «совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна; нет никаких оснований рассматривать ее как модель идеальной эффективности»³³.

С нашей точки зрения, главный недостаток позиции Шумпетера состоит в том, что для него главным инструментом экономического анализа остается модель равновесия. Он писал, что в отсутствие предпринимателей экономическая жизнь представляла бы собой рутинный кругооборот. Он считает предпринимателя исключительно фактором внесения искажений или дисбаланса. Иными словами, он обращает внимание лишь на один аспект предпринимательского процесса, который называет выражением «процесс созидательного разрушения», ставшим в наши дни расхожим штампом, Шумпетер игнорирует то, о чем мы говорили выше: предметом экономического анализа должен быть динамический процесс предпринимательства, а не модель равновесия. Ведь в реальности движимый силой предпринимательства рыночный процесс обладает не только способностью к «созидательному разрушению» (а это единственное, на что обратил внимание Шумпетер), но и способностью обеспечивать координацию и тем самым приближать социальный процесс к состоянию равновесия, несмотря на то что это состояние никогда не достигается, так как по мере его приближения постоянно возникают новые нарушения координации. С точки зрения Шумпетера, предпринимательский процесс — это некая взрывная сила, посредством созидательной энергии предпринимательства разрушающая предшествующий порядок. При этом он не понимает, что *та же самая сила,*

которая провоцирует созидательное разрушение, обеспечивает координацию системы и, следовательно, дает возможность «большому взрыву» пройти настолько гладко, насколько позволяют сложившиеся исторические обстоятельства. В отличие от Шумпетера, рассматривающего предпринимателя как фактор дисбаланса, с точки зрения нашего динамического подхода предпринимательство — это одновременно созидательная и координирующая движущая сила, которая постоянно влечет вперед рынок и человечество.

Харви Лейбенстайн и идея x -эффективности

Харви Лейбенстайн впервые выдвинул идею x -эффективности в статье «Эффективность размещения ресурсов и x -эффективность» («Allocative Efficiency vs. X -Efficiency»), опубликованной в 1966 г.³⁴ В ней он писал, что x -неэффективность — это некая степень неэффективности, возникающая на рынке в силу неполноты многих контрактов, управляющих взаимоотношениями предпринимателей, и прежде всего — из-за того, что в них недостаточно четко определены задачи каждой из сторон. Лейбенстайн называет причинами неэффективности психологическое давление, испытываемое экономическими агентами, бремя привычки, инерцию и рутинное поведение, из-за чего многие задачи выполняются гораздо менее эффективно, чем это в принципе возможно.

Прежде всего нужно отметить, что понятие x -эффективности по Лейбенстайну довольно туманно, по крайней мере если брать его первоначальную формулировку. На наш взгляд, Лейбенстайн обнаружил важную вещь (он открыл, что существует неэффективность такого рода, которую модели равновесия неспособны учесть), но не смог ее как следует сформулировать. Спустя 10 лет в статье под ироническим названием «О существовании x -эффективности» («The Existence of X -Efficiency»)³⁵, Стиглер (1976), возражая Лейбенстайну, писал, что существующий на реальном рынке уровень инерции и неведения всегда оптимален, потому что стремление побороть эти явления прекращается, как только предельные издержки этого занятия перевешивают ожидаемую предельную прибыль. Позже Кирцнер поддержал Лейбенстайна, указав на по крайней мере один постоянно существующий источник x -неэффективности, а именно на подлинные предпринимательские ошибки, которые возникают, когда предприниматель не видит существующих на рынке возможностей извлечения прибыли. Эти возможности продолжают оставаться скрытыми до тех пор, пока их не обнаружат другие предприниматели³⁶.

Суть аргумента Кирцнера состоит в том, что если признать, что в модели равновесия и совершенной информации x -эффективность не может существовать по определению (на что указывал Стиглер, хотя это явно не имело отношения к делу), то, чтобы использовать концепт x -эффективности для целей анализа и в практических целях, следует понимать x -эффективность как динамическую эффективность в описанном нами смысле. С этой идеей

в конце концов согласился и сам Лейбенштайн. По иронии судьбы, «отец» x -эффективности был вынужден признать, что сформулированное им туманное понятие может иметь (важное) научное и практическое значение лишь при условии, если его неоднозначность будет преодолена и оно будет восприниматься как синоним термина «динамическая эффективность» (в нашем смысле)³⁷.

Дуглас Норт и его идея «адаптивной эффективности»

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт подверг критике господствовавшее среди неоклассиков чисто аллокативное, паретианское представление об эффективности. Он предложил заменить его концептом *адаптивной эффективности*, понимаемой как «готовность общества приобретать знания и умения, поощрять новое, идти на риск и заниматься творческой деятельностью (в широком смысле), а также решать возникающие в обществе проблемы и расшивать узкие места»³⁸.

Норт включил в свое определение характеристики, которые соответствуют нашему описанию динамической эффективности: приобретение знаний, творчество, инновации и т.п. Кроме того, для него характерно особое внимание к *институциональному контексту*, стимулирующему творческую энергию и адаптивные способности различных обществ; так, в качестве примеров гибкости и адаптивности он приводит Европу и США.

С нашей точки зрения, главный недостаток Норта состоит в следующем: он забывает упомянуть о том, что главным двигателем всех рыночных процессов является предпринимательство. Иначе говоря, Норту интересуют исключительно способность общества в целом *адаптироваться* к внешним переменам и ударам; существенно то, что Норт рассматривает перемены как нечто принципиально внешнее по отношению к обществу: именно поэтому он говорит об «адаптивной эффективности». Таким образом, его подход не активен, а реактивен. Он как будто не осознает, что именно энергия предпринимательства, присущая динамической эффективности и ее координирующей способности, и провоцирует те (эндогенные, а не внешние) перемены и удары, порождающие проблемы, к которым вынуждено адаптироваться общество.

Подход Норта прямо противоположен подходу Шумпетера. Шумпетера интересуют исключительно созидательная энергия предпринимательства и ее разрушительный потенциал (процесс «созидательного разрушения»); Норт исследует другой аспект предпринимательства: его адаптивную (координирующую) энергию. *При этом он совершенно забывает о созидательной природе предпринимательства. Таким образом, наша концепция порождаемой предпринимательством динамической эффективности позволяет объединить созидательное и координирующее измерения этого процесса, которые Шумпетер и Норт исследовали по отдельности, впадая до некоторой степени в редуциционизм и пренебрегая существенными элементами изучаемого явления.*

*Динамическая эффективность и теория
транзакционных издержек Рональда Коуза*

Хотелось бы высказать несколько замечаний о возможной связи понятия динамической эффективности и теории транзакционных издержек Рональда Коуза, завоевавшей большой авторитет в области экономического анализа, особенно в сфере исследований права и институтов³⁹.

Вероятно, главное различие между теорией динамической эффективности и теорией транзакционных издержек сформулировал Израэль Кирцнер. С его точки зрения, главным препятствием для достижения динамической эффективности являются не транзакционные издержки, а то, что он называет «чистыми, или истинными, предпринимательскими ошибками», порождаемые недостаточной бдительностью предпринимателя⁴⁰. Иначе говоря, даже если представить себе нирвану⁴¹, «идеальный мир, где нет транзакционных издержек», то все равно идеальной динамической эффективности там не будет, потому что многие возможности для извлечения прибыли не будут обнаружены в силу чистых, или истинных, предпринимательских ошибок. В конечном счете, несмотря на первое впечатление, теория транзакционных издержек несвободна от тех же самых недостатков, на которые мы указывали, когда анализировали статическое измерение эффективности. В частности, сравнительный институциональный анализ, при котором сравниваются транзакционные издержки различных институтов, основан на предположении, что, во-первых, эти издержки даны и известны, а во-вторых, что в каждой отдельно взятой ситуации существует возможность изменить конструкцию института так, чтобы скорректировать транзакционные издержки. Однако та структура транзакционных издержек, из которой мы исходим в рамках анализа, может внезапно и радикально измениться в результате акта чистого предпринимательского творчества, создающего новые возможности, в том числе производственные, и принципиально новые решения, которые до того никому из предпринимателей не пришли в голову.

Следовательно (мы еще рассмотрим этот вопрос подробнее), с точки зрения динамической эффективности первоначальное распределение прав собственности не может быть чем-то несущественным, поскольку динамическая эффективность основана на творчестве и предпринимательской координации (причем это относится и к случаю полного отсутствия транзакционных издержек, в отличие от того, что ошибочно подразумевается в теореме Коуза). На самом деле именно от распределения прав собственности в соответствии с этическими принципами, создающими условия для динамической эффективности (об этом мы будем говорить ниже), и зависит в каждый отдельный момент то, кто окажется под воздействием стимулов, пробуждающих предпринимательскую активность в ее неразрывно связанных между собой аспектах, творческом и координирующем. Иными словами, с точки зрения основанной на предпринимательстве динамической эффективности теорема Коуза — в любом ее толковании — неверна, потому что даже в гипотетическом институциональном сценарии с нулевы-

ми трансакционными издержками распределение прав собственности всегда будет иметь значение, если целью является достижение динамической эффективности⁴².

Идея динамической эффективности в учебниках экономической теории

Большинство авторов учебников экономической теории даже не упоминают о динамическом аспекте экономической эффективности. Это свидетельствует о наличии у большинства экономистов фиксации на сравнительной статике и равновесии и, следовательно, о том, насколько остро необходим переход к динамическому анализу рынков и к использованию понятия динамической эффективности.

Из 20 наиболее известных испанских и англоязычных учебников экономической теории о динамической эффективности упоминается только в четырех. Однако и в них содержится чрезвычайно беглый обзор этой идеи; к сожалению, она не используется авторами для анализа различных институтов и возможностей. Далее в этом параграфе дается краткий обзор наиболее примечательных подходов к динамической эффективности⁴³.

Несмотря на то что в учебнике Гвартни и Струпа «Экономическая теория: частный и общественный выбор» («Economics: Private and Public Choice»)⁴⁴ термин «динамическая эффективность» не фигурирует, авторы объясняют, что под воздействием творческой энергии предпринимателей и конкуренции между ними мир постоянно меняется. По их мнению, постоянный процесс перемен обязывает экономистов пересмотреть традиционные представления о статической эффективности.

Долан и Линдсей⁴⁵ уделяют анализу динамической эффективности, и особенно различиям между статической и динамической эффективностью (которую они называют «показателем, обеспечивающим с течением времени сдвиг границы производственных возможностей вправо») гораздо больше внимания, чем Гвартни и Струп. Статическую эффективность они считают «показателем того, насколько та или иная экономическая система близка к границе своих производственных возможностей». Долан и Линдсей упоминают в связи с понятием динамической эффективности о выдающейся роли Шумпетера в исследовании этого вопроса; они считают главными факторами динамической эффективности инновации и технологические открытия; при этом они не забывают ни о творческой энергии предпринимательства, ни о том, что ее открыли теоретики австрийской школы. Они даже пытаются оценить потери американской экономики от падения ее статической эффективности в период с конца Второй мировой войны до наших дней и приходят к цифре в среднем в 2,5% ВВП США. После этого они пишут, что эти потери были с лихвой компенсированы выигрышем в динамической производительности благодаря творческой и координирующей силе американского предпринимательства.

В 1998 г. Вольфганг Каспер и Манфред Штрайт опубликовали учебник по экономическому анализу институтов. В нем они определяют экономическую эффективность как «неотъемлемую способность людей адаптироваться к новому знанию, реагировать на него или создавать его»⁴⁶. Как мы видим, это очень близко к нашему определению динамической эффективности. Кроме того, они, вслед за Демсецем, критикуют типичный для методологии неоклассиков «подход нирваны», основанный на сравнении реальности с утопией статической эффективности. Каспер и Штрайт приходят к выводу, что многие так называемые провалы рынка с динамической точки зрения таковыми не являются, так как они либо стимулируют творческую энергию и внедрение новых технологий (в случае «монополий»), либо представляют собой фундаментальное свойство реальных рынков (это относится, например, к «асимметрии информации», к связанному с каждым предпринимательским актом моральному риску, который в принципе невозможно застраховать, и т.п.). Они считают, что аналитики должны сравнивать реально существующие институты не с идеальными и недостижимыми моделями (как это делают сторонники экономической теории благосостояния), а со стимулирующими предпринимательское творчество и координацию институтами, которые можно реализовать на практике. Тем самым Каспер и Штрайт соединяют догадки Демсеца с теорией возникновения и создания знания Хайека, в соответствии с которой знание постоянно открывается предпринимателям в процессе их работы на рынке.

О'Дрисколл и Риццо в книге «Экономическая теория времени и неведения» («The Economics of Time and Ignorance»), близкой по духу учебнику Каспера—Штрайта, пишут, что неправильно, как это часто делают экономисты-неоклассики, критиковать реальные рыночные процессы за то, что они не соответствуют кривой производственных возможностей (т.е. за то, что предполагаемые «провалы рынка» мешают рынку достичь статической эффективности). С точки зрения О'Дрисколла и Риццо, критические выпады неоклассиков подразумевают, что мы якобы можем каким-то образом получить ту информацию, которая возникает непосредственно в ходе реального рыночного процесса, хотя если бы она была известна заранее, рыночный процесс стал бы избыточным и ненужным. Иными словами, кривая производственных возможностей не может быть известна никому, потому что она не является данностью: ее постоянно меняет и сдвигает вправо творческая энергия предпринимательства. Упрекать рынок в том, что он не доходит до предела, который никому не известен и постоянно меняется, не только серьезная экономическая ошибка, но и ошибочное основание для оправдания интервенционистских мер экономической политики, которые мешают реальному рыночному процессу в его стремлении постоянно отодвигать количественный и качественный предел производственных возможностей⁴⁷.

Наконец, нельзя не упомянуть учебник П. и Р. Воннакоттов, авторы которого пытаются дать динамической эффективности чисто «статическое» определение. С их точки зрения, динамическая эффективность — это «оптимальные» темпы технологических изменений. О том, как можно

судить, приближается ли та или иная экономическая система к своему «оптимальному» темпу, Воннакотты ничего не пишут. Они заявляют, что модель совершенной конкуренции стимулирует динамическую эффективность, вынуждая предприятия быстро внедрять новые технологии. Они отмечают также, что вопрос о том, какая система больше всего способствует возникновению и созданию новых технологий: монополия или конкуренция — вызывает определенные споры. Взгляды Воннакоттов на динамическую эффективность не только целиком и полностью основаны на статической трактовке экономики, но и весьма путанны (вызывая замешательство). Такое впечатление, что им очень хотелось написать что-нибудь о динамической эффективности, потому что они считали ее важным фактором, но при этом они не смогли или не удосужились подкрепить свои слова динамическим анализом реальных рыночных процессов, в основе которых находится предпринимательство⁴⁸.

В заключение краткого обзора наиболее распространенных учебников следует констатировать, что, несмотря на отдельные отрадные исключения, современным экономистам все еще чужд принцип динамической эффективности, и тем более — его систематическое применение и учет многочисленных следствий из него. Когда они возьмут его на вооружение — ведь ни одно прикладное экономическое исследование не может исключить из рассмотрения аспект динамической эффективности, — это понятие постепенно просочится в учебники и в будущем станет обязательным разделом во всех руководствах по экономической теории.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИКИ С ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Введение

Во втором разделе мы упоминали о том, что «вторая фундаментальная теорема экономической теории благосостояния», сформулированная в рамках статического подхода неоклассической теории, рассматривает эффективность и этику как два разных измерения, которые можно сочетать различным образом⁴⁹. С точки зрения экономической теории благосостояния существуют многочисленные оптимумы по Парето (каждая из точек на кривой производственных возможностей соответствует локальному оптимуму по Парето), каждому из которых может соответствовать своя этическая модель перераспределения доходов. Например, с точки зрения Бергсона — Самуэльсона, гипотетическая «функция общественного благосостояния» потенциально воплощает социально приемлемую модель перераспределения и может привести нас к optimum optimum, сверхоптимуму, который находится в точке пересечения функции общественного благосостояния с кривой производственных возможностей. Такой подход убедил многих ученых в том, что экономическая теория благосостояния плохо подходит для оценки экономической системы, поскольку они считали, что в конечном

счете оценка будет зависеть от ценностных суждений, лежащих вне предмета экономической теории.

При введении динамического представления об экономической эффективности в парадигму мейнстрима последняя сразу же рухнет: ведь, как мы увидим ниже, не все этические системы перераспределения доходов совместимы с динамической эффективностью, если понимать ее как предпринимательское творчество и предпринимательскую координацию. В данном случае теоретик сталкивается с захватывающей исследовательской задачей определения принципов социальной этики (распределительной справедливости), совместимых с теми рыночными процессами, которые характеризуют динамическую эффективность.

Этика как необходимое и достаточное условие динамической эффективности

Большая часть представлений о распределительной справедливости и социальной этике, господствовавших до настоящего времени и сформировавших «этический фундамент» влиятельных политических и общественных движений («социалистического» или социал-демократического характера), основана на статическом понимании экономической эффективности. Сложившаяся парадигма неоклассической экономической теории базируется на представлении о том, что информация объективна и дана (в том смысле, что ее либо можно знать точно, либо оценить с определенной вероятностью); это позволяет неоклассикам использовать анализ затраты — выгоды. Как мы уже отмечали, вопросы максимизации прибыли никак не связаны с моральными соображениями, поэтому два этих аспекта можно сочетать в разных пропорциях. Кроме того, доминирующий статический подход практически всегда приводит к представлению о том, что ресурсы тоже в определенном смысле известны и заданы, а экономическая проблема распределения ресурсов соответственно тоже отделена от вопроса их производства. Разумеется, если ресурсы даны, то исследование наилучшего способа распределить между разными людьми имеющиеся средства производства и конечные результаты различных производственных процессов является первоочередной задачей.

Но весь этот подход рухнет, подобно карточному домику, в свете нового, динамического понимания рыночных процессов, основанного на теории предпринимательства и на том представлении о динамической эффективности, о котором мы подробно говорили выше. С этой точки зрения у каждого человека есть врожденная творческая способность, позволяющая ему чувствовать и обнаруживать вокруг себя возможности для извлечения прибыли и действовать так, чтобы использовать их в своих интересах. Таким образом, предпринимательство — это специфически человеческая способность постоянно создавать и обнаруживать новые средства и цели. С этой точки зрения ресурсы никогда не даны заранее; цели и средства постоянно создаются *ex novo** предпринимателями, так как предприниматели всегда

стремятся достичь новых целей, ценность которых они *открывают*. В то же время, как мы уже видели, творческая энергия предпринимательства сочетается с его координирующей силой. Но если цели, средства и ресурсы не «даны», а постоянно создаются из ничего в результате предпринимательской деятельности людей, то фундаментальным вопросом этики становится не то, как справедливо распределить «уже существующее», а то, как максимально поощрить предпринимательскую координацию и творческую энергию.

Следовательно, в области социальной этики мы приходим к следующему фундаментальному выводу. Представление о людях как о творческих и обеспечивающих координацию деятельных единицах базируется на аксиоме о том, что *каждый человек имеет право на присвоение результатов собственного предпринимательского творчества*. Иначе говоря, частное присвоение плодов предпринимательского творчества и предпринимательских открытий является принципом естественного права; ведь если экономический агент не имеет права притязать на то, что он создает и открывает, то его способность чувствовать возможности для извлечения прибыли будет заблокирована и у него пропадет стимул действовать. Этот принцип носит универсальный характер: он распространяется на всех людей, на все времена и на любое место в пространстве.

Сформулированная нами норма представляет собой этический фундамент любой рыночной экономики. У нее есть и другие очевидные и специфические достоинства. Во-первых, она обладает бесспорной и универсальной интуитивной притягательностью: представляется очевидным, что если человек создает что-то из ничего, то он имеет право на созданное им, потому что, поступая таким образом, он не наносит никому ущерба⁵⁰. (До того, как он создал нечто новое, этого не существовало; следовательно, его изобретение никому не вредит и приносит пользу как минимум своему создателю.) Во-вторых, этот универсальный этический принцип очень близок к традиционной норме римского права о гомстеде, т.е. первоначальном присвоении не принадлежащих никому ресурсов (*occupatio rei nullius**). Кроме того, он является решением парадокса, заключенного в так называемом условии Локка. Локк требовал, чтобы при первоначальном присвоении другим людям оставалось «достаточно» ресурсов. Наш принцип основан на творческой способности человека. При таком подходе условие Локка теряет смысл, ведь ни один продукт человеческого творчества не существовал до момента, когда предприниматель обнаружил или создал его, и следовательно, его присвоение не может нанести ущерба никому. Условие Локка имеет смысл только в статической среде, иначе говоря, когда считается, что ресурсы уже существуют («даны») в неизменном количестве и должны быть распределены между конкретным количеством людей.

Если смотреть на экономику как на динамичный предпринимательский процесс, то этический принцип, регулирующий взаимоотношения в обществе, опирается на представление, что справедливее всего то общество, которое наиболее энергично поощряет предпринимательское творчество всех своих членов. Чтобы достичь этой цели, общество должно априори

гарантировать каждому человеку, что он сможет присвоить результаты своего предпринимательского творчества и никто не отберет их у него ни полностью, ни частично (и уж конечно этого не сделает власть).

Мы приходим к выводу, что сформулированный выше базовый принцип социальной этики, принцип частной собственности на все, созданное и открытое в результате предпринимательства, и следующий из него принцип добровольного обмена всеми благами и услугами есть одновременно необходимое и достаточное условие динамической эффективности. Это необходимое условие, потому что воспрепятствование частной собственности людей на плоды их деятельности означает разрушение наиболее мощного стимула создавать и открывать возможности для извлечения прибыли, а также уничтожение фундаментального источника творчества и координации, порождающего динамическую эффективность экономической системы (т.е. сдвиг соответствующей кривой производственных возможностей вправо). Но этика частной собственности является не только необходимым, но и достаточным условием динамической эффективности. Поскольку всем человеческим существам присуща творческая энергия, свободная среда, где они не сталкиваются с насилием, а их частная собственность уважается, является достаточным условием для развития предпринимательского процесса творчества и координации, т.е. динамической эффективности.

Препятствование свободной человеческой деятельности посредством ограничения права людей владеть тем, что они создают в процессе предпринимательства, не только приводит к динамической неэффективности, мешая развитию творческой и координирующей способности людей: это еще и абсолютно аморально, поскольку такого рода принуждение не дает людям развивать в себе то, что является отличительной чертой человека, врожденную способность чувствовать и создавать новые цели и средства и действовать в соответствии с этим, стремясь достичь своих целей. В той степени, в какой государственное принуждение мешает предпринимательской деятельности людей, их творческие возможности будут ограничиваться; следовательно, информация и знания, необходимые для обеспечения координации в обществе, не будут создаваться или обнаруживаться. Итак, социализм и экономический интервенционизм государства не только динамически неэффективны, но и этически предосудительны⁵¹.

Именно поэтому социализм представляет собой не просто интеллектуальную ошибку. Он не просто не дает людям генерировать информацию, которая требуется регулирующему органу для координации общества посредством приказов. Социализм, как мы уже отмечали, противоречит природе человека и поэтому морально неприемлем. Иными словами, в свете нашего анализа становится видно, что социалистическая, интервенционистская система аморальна, потому что построена на использовании силы ради того, чтобы помешать людям притязать на продукт их личного предпринимательского творчества. Таким образом, социализм не просто невозможен теоретически и *неэффективен* динамически. Эта социальная система фундаментально *аморальна*, потому что она противостоит главному, что

делает человека человеком: она препятствует людям свободно действовать и присваивать результаты собственного предпринимательского творчества, иначе говоря, она мешает их самореализации⁵².

Согласно нашему подходу, нет ничего более (динамически) эффективного, чем Справедливость (в ее истинном смысле). Если мы рассматриваем рынок как динамический процесс, динамическая эффективность, т.е. координация и творческая энергия, возникает из поступков людей, подчиняющихся определенным законам морали (предписывающим уважение к жизни, частной собственности и контрактам). Человеческая деятельность, согласующаяся с этими этическими принципами, порождает описанный нами выше динамически эффективный социальный процесс. Легко понять, почему с динамической точки зрения эффективность нельзя совместить с несколькими моделями справедливости (как ошибочно утверждает вторая фундаментальная теорема экономической теории благосостояния) и почему она достигается лишь одной моделью справедливости (основанной на уважении к частной собственности и предпринимательству). Следовательно, между эффективностью и справедливостью не существует никакого противоречия. То, что справедливо, не может быть неэффективным, а то, что эффективно, не может быть несправедливым. Динамический анализ показывает, что справедливость и эффективность — это две стороны одной медали, порождающие последовательный и непротиворечивый социальный порядок. Таким образом, наш анализ динамической эффективности позволил нам выяснить, какие этические принципы создают условия для ее существования. Но еще более существенно и важно то, что наша позиция обеспечивает объективный и единый методологический подход ко всем социальным проблемам⁵³.

Динамическая эффективность и принципы личной морали

До сих пор мы говорили о социальной этике и рассматривали ключевые принципы, обеспечивающие функционирование структуры, которой присуща динамическая эффективность. Наиболее интимные принципы личной морали находятся за пределами этой сферы. Влияние этих принципов на динамическую эффективность изучают редко; кроме того, их относят к иной сфере, чем сфера социальной этики. Однако мы считаем такое разделение совершенно неоправданным. На самом деле многие этические и моральные принципы имеют важное значение для динамической эффективности социальных процессов. В связи с этими нормами возникает следующий парадокс: их несоблюдение приводит к ужасающим потерям в динамической эффективности, но при этом попытки навязать их людям средствами государственного принуждения также порождают крайнюю неэффективность с динамической точки зрения. Существуют социальные институты, которые играют чрезвычайно важную роль в передаче и поощрении тех или иных личных моральных принципов. Эти принципы

по своей природе таковы, что их невозможно навязать силой; тем не менее они оказывают существенное влияние на динамическую эффективность общества. Люди усваивают эти принципы, в частности, благодаря религии и семье, приучаются придерживаться их, а потом передают следующему поколению⁵⁴. Принципы сексуальной морали: создание семьи и ее сохранение на неопределенный срок, взаимная верность супругов и совместная забота о детях, сдерживание первобытных инстинктов и особенно преодоление и ограничение нездоровой зависти — все это очень важно для успешного функционирования социального процесса творчества и координации, стимулирующего динамическую эффективность общества.

Когда человек нарушает принципы морали, в конечном счете это всегда приводит к ужасающим человеческим издержкам не только для него самого, но и для большого числа прямо и косвенно связанных с ним лиц. Такое поведение может в значительной степени заблокировать динамическую эффективность общественной системы в целом. Еще более серьезная угроза — распространение аморального поведения в результате систематических процессов порчи нравов; в конечном итоге это может привести к полному параличу здорового и эффективного социального процесса. Поэтому изучение с точки зрения экономической теории динамической эффективности роли личных моральных принципов и различных социальных институтов, обеспечивающих и стимулирующих их соблюдение и сохранение, представляет собой чрезвычайно перспективную область исследований, и мы надеемся, что в будущем результаты этих исследований будут иметь практическое значение.

Приведем пример того, какое значение может иметь анализ личных моральных принципов для динамической эффективности. Рассмотрим то, как должны вести себя супруги, чтобы сохранить собственный брак и институт семьи ради своего собственного блага и, в особенности, ради блага детей. Например, если женатый мужчина высоко ценит свое легкомысленное желание быть рядом с молодой и привлекательной девушкой, то когда его дети вырастут, а жена постареет, он вполне может с ней развестись. Если такое поведение станет обычным, то женщины перед принятием решения выйти замуж и завести детей станут учитывать высокий риск того, что мужья бросят их, когда дети станут взрослыми, т.е. именно в тот момент, когда их возраст и квалификация поставят их в крайне невыгодное положение на рынке труда. В результате не просто возрастет число разводов, но и уменьшится число браков, а женщины будут откладывать замужество и детей, чтобы обеспечить себе материальную независимость. Все это приведет к резкому падению рождаемости. В отсутствие миграционного притока, способного смягчить этот тренд и возникающее в результате старение населения, пострадает социальный процесс предпринимательского творчества и предпринимательской координации. И для развития цивилизации, и для экономического и социального прогресса требуется постоянный рост населения, способного обеспечивать устойчивый рост социального знания, генерируемого творческой энергией предпринимательства. В конечном счете динамическая эффективность зависит от

творческой энергии людей и их способности к координации; следовательно, при прочих равных она будет расти с ростом населения, а рост населения способна обеспечить лишь определенная семейная мораль.

Легко увидеть, что в контексте взаимоотношений в семье личные моральные принципы становятся ключевым фактором динамической эффективности. Тем не менее государство не должно навязывать эти принципы, подобно тому как оно защищает, например, нормы уголовного права, хотя это и может на первый взгляд показаться парадоксальным. Уголовное право связано в основном с запретом на такое поведение, которое связано с преступным насилием или обманом по отношению к другим людям; иными словами, с физическим насилием или его угрозой или же с преступным достижением какой-либо цели с помощью обмана и грабежа. Принудительное навязывание принципов личной морали изуродует динамическую эффективность; отношения внутри семьи — это одна из самых интимных сфер жизни человека; внешнему наблюдателю практически невозможно получить всю необходимую информацию для того, чтобы дать им оценку, и уж конечно он не способен решить внутрисемейные проблемы в ситуации, когда их не хотят или не готовы решать сами члены семьи. Придание принципам личной морали статуса норм закона может породить лишь закрытое общество доносчиков, где люди будут лишены практически всех личных свобод, составляющих фундамент предпринимательства — единственного во всем социальном процессе стимула динамической эффективности.

Эти соображения свидетельствуют о значимости непринудительных методов, благодаря которым люди усваивают и вырабатывают личные моральные стандарты и придерживаются их. Религиозное чувство и религиозные принципы, впитанные с молоком матери, играют в этом отношении очень большую роль (наряду с социальным давлением со стороны членов семьи и ближайшего окружения). Религиозные нормы дают человеку представление о том, как ему следует поступать, они помогают людям сдерживать свои первобытные инстинкты и выбирать себе друзей и брачных партнеров на всю жизнь. При прочих равных уважение к человеку должно зависеть от устойчивости и высоты его моральных принципов⁵⁵.

Эволюция этических принципов: институты, необходимые для динамической эффективности

В другом месте мы писали, что понимаем под институтом «любой регулярный поведенческий паттерн»⁵⁶. В сочетании со сказанным выше из этого определения можно сделать вывод о том, что социальный процесс творчества и координации, от которого зависит динамическая эффективность, должен регулироваться, или, иными словами, подчиняться, морали и праву, т.е. определенным моральным принципам и установлениям закона.

Как мы уже видели, базовый акт предпринимательства состоит в покупке по низкой цене и продаже по высокой, т.е. в использовании возможности

для извлечения прибыли и обеспечения координации изначально нескоординированного поведения социальных акторов. Этот акт может состояться и окончиться успешно исключительно в том случае, если выполнение обязательств всеми его участниками будет гарантировано; если же какие-либо обстоятельства приведут к аннулированию контракта или если в момент оплаты или поставки выяснится, что одна из сторон сделки дала согласие на нее потому, что была обманута или введена в заблуждение относительно качества товара, то базовый акт предпринимательства завершен не будет. По этой причине базовые принципы права: уважение к жизни, приобретение прав собственности ненасильственным путем, соблюдение договоренностей — и вообще подчинение *сформировавшимся с течением времени требованиям права, гражданского и уголовного, представляют собой базовую институциональную структуру динамической эффективности, или, другими словами, ее необходимые предпосылки*. То же самое можно сказать о личных принципах морали, которые мы обсуждали в предыдущей главе, о естественном праве на владение частной собственностью и о следствиях из этого права. Все это образует фундамент базовой социальной этики, без которой динамическая эффективность невозможна.

Хотя эти принципы сформировались в результате процесса эволюции, они составляют часть природы человека. Иначе говоря, человеческая природа проявляет себя в процессе эволюции, и благодаря опыту прошлого и наличию у людей разума они имеют возможность усовершенствовать эти принципы с учетом прошлых логических ошибок и противоречий, усилить их и, тщательно исследовав, начать применять в новых областях, для решения новых проблем, встающих перед обществом. Следовательно, любой научный анализ динамического аспекта социальной эффективности должен начинаться с признания того, что такое исследование невозможно в условиях институционального вакуума; теоретический анализ динамической эффективности неотделим от изучения институционального контекста предпринимательского поведения. Поэтому мы чрезвычайно критически относимся к экономической теории нирваны, созданной экономистами-неоклассиками — сторонниками экономической теории благосостояния, большинство из которых стремится оценивать реальные рыночные процессы, помещая их в полный институциональный вакуум, иначе говоря, полностью пренебрегая взаимодействием людей в реальном мире.

Это открывает для специалистов по прикладной экономике новое поле для исследований: анализ и переоценку всех социальных институтов (экономических, юридических, моральных, этических и даже лингвистических) с точки зрения их роли как фактора динамической эффективности. В другом месте мы уже писали, что теоретик, приступающий к исследованию этих вопросов, должен быть особенно скрупулезен и осторожен, потому что ему предстоит анализ очень сложных особенностей реально существующего общества, складывавшихся на протяжении длительного времени и заключающих в себе огромные объемы опыта и информации. Эти элементы, образующие человеческую природу, обычно трудно исследовать с помощью традиционного инструментария аналитика⁵⁷.

В следующем, заключительном, разделе этой главы мы приведем несколько примеров практического характера, чтобы указать, хотя бы приблизительно, направление, в котором, по нашему мнению, будет развиваться экономический анализ социальных институтов, если он будет основан на последовательном использовании сформулированного нами понятия динамической экономической эффективности.

ПРИКЛАДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Мы хотели бы перечислить несколько конкретных областей, где, с нашей точки зрения, очень пригодилось бы систематическое использование сформулированной выше теории динамической эффективности. Речь не идет о подробном анализе, это лишь предварительные замечания. Они могут оказаться полезными для тех ученых, которые придут к выводу, что исследование динамической концепции экономической эффективности может быть захватывающим и плодотворным занятием.

1. Прежде всего следует упомянуть о *теории налогообложения*. Мы уже видели, какую роль (чистая) предпринимательская прибыль (и убыток) играет в качестве ориентира для творческой и координирующей деятельности предпринимателей. На самом деле именно предпринимательская прибыль служит ориентиром и двигателем рыночного процесса, который ведет к динамической эффективности. Искажение предпринимательской прибыли в силу фискальных факторов может серьезно повлиять на процесс динамической эффективности (т.е. на творчество и координацию) и привести к большим издержкам, в результате чего динамическая эффективность снизится. Эти издержки возникают наряду с тем, что теоретики называют «избыточным бременем», которое в рамках модели равновесия соответствует потерям в статической эффективности (а это единственные потери, существование которых объясняет теория оптимального налогообложения)⁵⁸. Следовательно, в идеале, для того чтобы стимулировать динамическую эффективность, нужно избежать налогообложения чистой предпринимательской прибыли. Важно понимать, что если сформулировать цель экономической политики таким образом, возникнут серьезные проблемы; ведь чистая предпринимательская прибыль почти всегда неразрывно связана с другими источниками дохода (трудом, капиталом, землей и др.). Тем не менее такие трудности должны лишь вдохновить тех аналитиков и исследователей, которые стремятся увеличить динамическую эффективность, на поиск новых налоговых схем и разработку фискальных реформ, минимизирующих негативное воздействие налогов на предпринимательскую прибыль, иначе говоря, на предпринимательское творчество и координацию⁵⁹.
2. *Теории регулирования и интервенционизма* (т.е. экономическому анализу институционального принуждения) тоже пошло бы на пользу систематическое использование динамического подхода. Имеет смысл

проанализировать все акты регулирования и экономического вмешательства, ограничивающие свободу предпринимательства, как факторы динамической неэффективности. Выявление неэффективности, порождаемой экономическим интервенционизмом, должно привести к выработке плана реформ, способных постепенно уничтожить существующие препоны для творчества и координации, тем самым увеличив динамическую эффективность системы.

3. Динамический подход позволяет совершенно по-новому взглянуть на *антимонопольное законодательство*. В ходе движимых энергией предпринимательства динамических рыночных процессов и при отсутствии институциональных ограничений свободной человеческой деятельности, т.е. предпринимательства, соперничество между предпринимателями часто приводит к тому, что в данное в время и в данном месте на рынке доминирует небольшое число производителей или даже один производитель. Это обстоятельство не указывает на «провал рынка», а, напротив, является одним из типичнейших проявлений успеха тех предпринимателей, которым лучше, чем их соперникам, удается удовлетворять желания потребителей (т.е. открывать и создавать новые продукты более высокого качества и выходить с ними на рынок по более низкой цене). Рестриктивное законодательство, предназначенное якобы для «защиты» конкуренции, может породить высокие издержки с точки зрения динамической эффективности, так как потенциальные предприниматели будут исходить из того, что в случае успеха (успешного внедрения изобретения, успешного запуска нового продукта или успешного завоевания рынка) государство будет претендовать на результаты их творчества и даже частично или полностью изымать их. История с «Майкрософт» и подобные ей истории борьбы с «монополистами» сегодня у всех на устах, поэтому мы не будем вдаваться в подробности. Высказанное выше соображение относится к многим другим обычаям, например к ценовым соглашениям между поставщиками, к договоренностям о разделе рынка, совместной продаже товаров, соглашениям об эксклюзивной дистрибуции и т.п. Хотя эти меры могут восприниматься как ограничительные с точки зрения статической эффективности — а ныне существующее монопольное законодательство основано на статическом подходе, — они могут быть вполне рациональны с точки зрения обеспечения динамической эффективности, играющей важнейшую роль в реальных рыночных процессах⁶⁰.
4. *Теория экономического развития* — это еще одна сфера, где использование теории динамической эффективности может принести хорошие результаты. Применительно к ней следует поставить вопрос о том, какие реформы могли бы уничтожить барьеры для предпринимательства и стимулировать предпринимательство в развивающихся странах. Не будем забывать, что предприниматель — ведущая фигура в любом процессе экономического развития. Поэтому невозможно не поражаться тому, что авторы многочисленных томов об экономических проблемах «третьего мира» игнорируют эту ключевую фигуру процесса экономи-

ческого роста и его творческую и координирующую роль, хотя именно это сводит на нет все их усилия. В этом смысле неоклассические специалисты по догоняющему развитию в значительной степени несут ответственность за то, что экономический курс правительств развивающихся стран не включает мер, направленных на защиту, стимулирование и поощрение отечественных предпринимателей, а также тех иностранцев, которые принимают решение вложить свои средства в наиболее нуждающиеся в инвестициях страны, где население балансирует на грани выживания.

5. Использование теории динамической эффективности может многое дать *макроэкономике* вообще и *теории денег* в частности. Со времен Карла Менгера нам известно, что деньги сформировались по обычаю, а стимулом для их развития была предпринимательская смекалка тех немногих, кто первым сообразил, что им будет проще достичь своих целей, если они будут требовать в обмен на товары и услуги легкоторгуемое на рынке средство обмена. После того как такое поведение распространилось и вошло в привычку, деньги превратились в общепринятое средство обмена. На самом деле в статической, обладающей 100%-ной эффективностью модели равновесия деньги не нужны, потому что в ней нет неопределенности будущего, а следовательно, никому не нужны остатки наличности. Однако реальность непредсказуема, в значительной мере — благодаря творческой энергии предпринимателей, и поэтому людям необходимы остатки наличности, чтобы действовать в условиях меняющегося и принципиально неопределенного будущего. Таким образом, деньги обязаны своим происхождением той неопределенности, которую порождает творческая энергия предпринимательства; в то же время они дают людям возможность заниматься творческим и координирующим предпринимательством, так как позволяют им иметь выбор перед лицом принципиально неопределенного будущего. Важно, чтобы монетарные институты не мешали процессам предпринимательской координации, т.е. чтобы они не препятствовали достижению динамической эффективности. Например, если создание денег в форме кредитной экспансии позволяет запускать инвестиционные проекты темпами, совершенно не соответствующими реальному увеличению добровольных сбережений в обществе, то в поведении инвесторов и потребителей возникнет колоссальная межвременная рассогласованность. На первом этапе она будет проявляться в надувании спекулятивного пузыря за счет расширения выпуска фидуциарных средств, что в итоге приведет к непропорциональному росту цен на капитальные блага. Процесс экспансии рано или поздно обратится вспять в форме рецессии, в ходе которой проявятся совершенные в период кредитной экспансии предпринимательские ошибки и возникнет необходимость остановить или реструктурировать начатые по ошибке инвестиционные процессы⁶¹. Оценка современных денежных и кредитных институтов в свете сформулированного нами выше представления о динамической эффективности открывает перед учеными новые возможности. С течением времени они смогут разрабо-

тать реформы, направленные на стимулирование творческой энергии предпринимательства и интертемпоральной координации. Это позволит избежать тех искусственных нарушений, координации, которые после возникновения в начале XIX в. банковской системы с частичным резервированием стали бичом современных рыночных экономик.

6. Наконец, следует радикально пересмотреть *экономический анализ права, правового регулирования и социальных институтов*, который до настоящего момента опирался исключительно на традиционные постулаты модели равновесия, в свете новых открытий и гипотез, основанных на динамическом представлении об эффективности. Этот новый подход позволяет оценить различные законодательные акты и социальные институты по-новому, применительно к их способности стимулировать предпринимательское творчество и координацию. Динамический подход существенно обогатит экономический анализ договорного права, гражданско-правовой ответственности, патентного и авторского права, семейного права и т.д. Его можно с успехом использовать для экономического анализа любых законов и институтов, связанных с реальной социальной средой, по своей природе имеющей динамический характер.

Понятно, что этими примерами возможные способы практического использования динамического представления об экономической эффективности никоим образом не ограничиваются. Мы уже говорили, что этот подход можно и нужно применять во всех сферах экономической науки, как теоретической, так и прикладной. Мы горячо надеемся, что наш список послужит стимулом для молодых ученых-экономистов и что их будущие усилия увенчаются заслуженным успехом.

ВЫВОДЫ

В этой статье мы пришли к следующим основным выводам:

1. Динамическую эффективность можно описать как способность экономической системы стимулировать предпринимательское творчество и координацию.
2. Несмотря на это, вплоть до настоящего времени большинство профессиональных экономистов занимались почти исключительно эффективностью распределения ресурсов, т.е. статическим аспектом экономической эффективности, не обращая внимания на ее динамический аспект.
3. Однако динамическая эффективность — это наиболее важный аспект экономической эффективности, особенно в реальном мире, где невозможно достичь равновесия и где идеал эффективности распределения ресурсов, или статической эффективности, по определению недостижим.
4. Многие институты и модели поведения, которые представляются неэффективными с точки зрения краткосрочных критериев распределения ресурсов, или статических критериев, способны оказать мощное позитивное воздействие на динамическую эффективность. Соответственно

перед исследователями встает задача анализа возможного баланса двух аспектов эффективности и выработки плана реформ, направленных на поощрение предпринимательского творчества и координации.

5. Динамическая эффективность не предполагает разнообразия моделей этики; ей соответствует лишь одна модель: та, в которой сильнее всего уважение к частной собственности и особенно — к праву предпринимателя на присвоение результатов собственного творчества. Таким образом, этика и динамическое понятие эффективности — это две стороны одной медали. Кроме того, мы полагаем, что сложившиеся в ходе истории базовые принципы человеческой морали способствуют динамической эффективности. Поэтому наш динамический подход к экономическому анализу обеспечивает единообразную методологическую трактовку всех социальных проблем; в его контексте эффективность и справедливость не отделены друг от друга, а неразрывно связаны друг с другом и обладают эффектом взаимного усиления.
6. Наконец, мы считаем, что любой анализ экономической эффективности будет неполон без учета динамического аспекта. Иными словами, любой исследователь, занимающийся прикладными экономическими вопросами, обязан учитывать влияние предлагаемых им реформ, институтов или практик на динамическую эффективность. Динамическая эффективность должна стать ключевым фактором, который необходимо учитывать в любых экономических исследованиях. Это не только откроет перед будущими экономистами новые научные горизонты, но и приведет к более динамичному (в смысле динамической эффективности) развитию нашей дисциплины, призванной стоять на службе человечеству.

ГЛАВА 2

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА И «СПОР О МЕТОДАХ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Отличительная особенность австрийской школы и ее главная заслуга — создание теории человеческой деятельности (в отличие от теории экономического равновесия, т.е. бездействия).

Людвиг фон Мизес²

ВВЕДЕНИЕ

Крах реального социализма и кризис государства всеобщего благосостояния нанесли тяжелый удар по неоклассикам, поддерживавшим социальную инженерию, тогда как тезис австрийской теории о невозможности социализма блестяще подтвердился. В 1996 г. австрийской школе исполнилось 125 лет: она родилась в 1871 г., с выходом в свет «Оснований политической экономики» Карла Менгера³. Вероятно, сейчас, в свете последних исторических событий и тенденций в сфере экономической мысли, настал подходящий момент для того, чтобы вернуться к анализу различий и сравнительных преимуществ австрийского и неоклассического подхода.

Статья построена следующим образом. Вначале мы подробно остановимся на специфике каждого из двух подходов. Затем коротко опишем этапы «спора о методах» (*Methodenstreit*), который с 1871 г. ведет австрийская школа, и кратко проанализируем эту тему. В завершение будет дан ответ на наиболее распространенные возражения по адресу австрийцев и оценка сравнительных преимуществ двух рассмотренных нами теоретических подходов.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ АВСТРИЙСКОЙ И НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛАМИ

Вероятно, в большинстве учебных курсов по истории экономической мысли не хватает сравнительного обзора основных элементов австрийской школы и неоклассического мейнстрима. В табл. 2.1 предпринята попытка заполнить эту лагуну. Она охватывает основные различия между двумя подходами.

Таблица 2.1

**Принципиальные отличия австрийской школы
от неоклассической**

	АВСТРИЙСКАЯ ПАРАДИГМА	НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
1. Представление о том, что такое экономическая наука (основной принцип)	Теория человеческой деятельности, понимаемой как динамический процесс (<i>праксиология</i>)	Теория <i>принятия решений</i> : рациональная, основанная на максимизации с учетом ограничений.
2. Исходная методология	<i>Субъективизм</i>	(Объективистский) стереотип <i>методологического индивидуализма</i>
3. Протагонист социального процесса	Творец- <i>предприниматель</i>	<i>Ното оесопотисис</i>
4. Возможность/невозможность априорных ошибок акторов и природа предпринимательской прибыли	Существуют чистые предпринимательские ошибки, вызывающие сожаление <i>ex post</i> ; источником чистой предпринимательской прибыли является предпринимательская алертность	Нет таких ошибок, о которых стоило бы жалеть, потому что все решения можно объяснить посредством анализа затраты—выгоды; прибыль — это вознаграждение за услуги, оказанные каким-либо производственным фактором
5. Природа информации	Знание и информация <i>субъективны, рассеяны в пространстве</i> и постоянно <i>меняются</i> (предпринимательское творчество); научное (объективное) знание радикально отличается от практического (субъективного)	Постулируется наличие полной, объективной и <i>неизменной</i> информации о целях и средствах; между практическим (предпринимательским) и научным знанием нет различий
6. Точка отсчета	Всеобщий координирующий процесс; отсутствие различий между микро и макро: все экономические проблемы рассматриваются как взаимосвязанные	Модель <i>равновесия</i> (общего или частичного); отделение микроэкономики от макроэкономики
7. Представление о конкуренции	Процесс соперничества предпринимателей	Ситуация или модель «совершенной конкуренции»
8. Представление об издержках	<i>Субъективные</i> (зависят от способности предпринимателя обнаруживать новые цели)	Объективные и постоянные (доступны третьим лицам; можно измерить)
9. Способ представления	<i>Вербальный</i> , основанный на формальной логике и абстракции; позволяет учесть субъективное время и творческую природу человека	<i>Математический</i> (использование символического языка, обычно применяемого для анализа постоянных атемпоральных феноменов)

10. Связь с эмпирической реальностью	<i>Априоризм, дедуктивный</i> характер рассуждений; резкое разведение (и одновременно — соположение) теории (науки) и истории (искусства); история не является доказательством теории	<i>Эмпирическая</i> фальсификация гипотез (по крайней мере декларируется)
11. Конкретные прогнозы	Невозможны, потому что будущее зависит от будущего предпринимательского знания, которое еще не создано; возможны исключительно качественные теоретические предсказания «паттернов» негативных последствий, к которым приводит нарушающее процесс координации вмешательство государства	Являются целью
12. Кто занимается прогнозами?	Предприниматели	Экономические аналитики (специалисты по социальной инженерии)
13. Текущее состояние	<i>Возрождение</i> (последние 20 лет, особенно после кризиса кейнсианства и крушения реального социализма)	Нарастающий <i>кризис</i> ; <i>изменения</i>
14. Позиции (с точки зрения вложенного «человеческого капитала»)	<i>Меньшинство</i> (но растущее)	<i>Большинство</i> (но наличие некоторое рассеяние и брожение)
16. Последние открытия	<ul style="list-style-type: none"> • критический анализ институционального принуждения (социализма и интервенционизма) • теория свободной банковской деятельности и экономических циклов • эволюционная теория (правовых и этических институтов) • теория предпринимательства • критический анализ «социальной справедливости» 	<ul style="list-style-type: none"> • теория общественного выбора • экономический анализ семьи • экономический анализ права • неоклассическая макроэкономика • экономическая теория «информации»
17. Представители	Ротбард, Мизес, Хайек, Кирцнер	Коуз, Демсец, Блауг, Самуэльсон, Бьюкенен, Стиглиц, Фридман, Беккер

Теория деятельности (австрийцы) и теория принятия решений (неоклассики)

Теоретики австрийской школы рассматривают экономическую науку как теорию деятельности, а не как теорию принятия решений, и это одно из самых главных различий между ними и неоклассиками. В понятие человеческой деятельности входит как принятие индивидуальных решений, так и многое другое. С точки зрения австрийской школы понятие деятельности включает не только гипотетический процесс принятия решений в ситуации, когда информация о целях и средствах «дана», но и прежде всего — и это чрезвычайно важно — «само представление о структуре целей и средств, которые должны будут размещаться и экономно использоваться»⁴. Кроме того, для австрийцев важен не сам факт принятия решения, а то, что это решение имеет виду действия человека в ходе *процесса* (который может завершиться или не завершиться каким-либо результатом), представляющего собой последовательность взаимодействий и процессов координации, изучение которых, собственно, и является, с их точки зрения, предметом экономической науки. Таким образом, для австрийцев экономическая теория — это не теория выбора или принятия решений, а теория процессов социального взаимодействия, которые могут обладать большей или меньшей степенью координации в зависимости от бдительности индивидуальных участников актов предпринимательства⁵.

Соответственно австрийцы очень критически относятся к тому узкому пониманию экономической теории, которое восходит к знаменитому определению Роббинса (экономическая теория — это наука, изучающая использование редких ресурсов, которые можно по-разному использовать для удовлетворения потребностей людей)⁶. Определение Роббинса исходит из того, что цели и средства известны; поэтому задача экономической науки сводится к чисто технической задаче распределения, максимизации и оптимизации при известных ограничениях. Иными словами, представление Роббинса об экономической теории является неоклассическим и не имеет никакого отношения к австрийской школе в современном понимании. Человек, каким его представлял себе Роббинс, это автомат или карикатура; он способен лишь пассивно реагировать на внешние раздражители. Совершенно по-другому воспринимали человека Мизес, Кирцнер и остальные австрийцы. Они считали, что на самом деле люди не распределяют имеющиеся у них средства в соответствии с заранее известными целями, а постоянно находятся в поиске новых средств и целей, используя для этого опыт прошлого и собственное воображение и создавая своими действиями будущее. Поэтому, согласно австрийцам, экономическая теория является частью более общей дисциплины — общей теории человеческой *деятельности* (а не принятия решений). По мнению Хайека, если эту общую науку о человеческой деятельности «нужно как-то называть, то более всего уместен термин „*праксиологические науки*“. Предмет этих наук исчерпывающе описан Людвигом фон Мизесом, который часто использовал слово „*праксиология*“»⁷.

*Субъективизм (австрийцев) и объективизм
(неоклассиков)*

Вторым важнейшим свойством австрийской школы является ее субъективизм⁸. Он выражается в стремлении построить экономическую науку с учетом существования реальных, живых людей, которые рассматриваются в качестве ведущих творческих участников всех социальных процессов. Именно поэтому Мизес писал: «Экономическая теория — это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей»⁹.

Поэтому австрийцы — и это значительно отличает их от неоклассиков — считают, что источниками экономических ограничений являются не объективные явления и материальные факторы внешнего мира (например, запасы нефти), а субъективные предпринимательские знания людей (например, изобретение карбюратора, вдвое увеличившего эффективность двигателя внутреннего сгорания, *имеет тот же экономический эффект*, что и удвоение физических запасов нефти).

*Предприниматель (у австрийцев) и homo oeconomicus
(у неоклассиков)*

В австрийской экономической теории понятие предпринимательства играет ведущую роль; напротив, в неоклассической экономической науке оно блистает своим отсутствием. Предприниматель — фигура, типичная для реального мира, который постоянно находится в неравновесном состоянии; но именно поэтому предприниматель отсутствует в моделях равновесия, поглощающих все научные силы неоклассиков. Неоклассики рассматривают предпринимательство как один из факторов производства, который используется в зависимости от ожидаемых затрат и выгод; они не понимают, что, представляя предпринимателя таким образом, они впадают в неразрешимое логическое противоречие: для того, чтобы распределять предпринимательские ресурсы в соответствии с ожидаемыми затратами и выгодами, нужно обладать информацией (о вероятной ценности будущих затрат и выгод), которую предприниматели *еще не создали*. Иными словами, главная функция предпринимателя состоит в том, что он создает и открывает новую, не существовавшую и не известную до него информацию, а в этой ситуации принимать неоклассические решения, т.е. размещать ресурсы заранее на основании ожидаемых затрат и выгод, невозможно.

Кроме того, в наши дни все теоретики австрийской школы считают ложным представление о том, что источником прибыли предпринимателя является предпринимательский риск. Риск, наоборот, представляет собой

дополнительные издержки производства и не имеет ничего общего с чистой предпринимательской прибылью¹⁰.

*Предпринимательские ошибки (у австрийцев)
и рационализация всех принятых решений
постфактум (у неоклассиков)*

Тому, что австрийцы и неоклассики совершенно по-разному понимают, что такое *ошибка*, как правило, не придают особого значения. С точки зрения австрийцев совершить чисто предпринимательскую ошибку¹¹ просто: это происходит всякий раз, когда предпринимателям не удается обнаружить скрытые возможности для извлечения прибыли. Именно существование такого типа ошибок и является источником чистой предпринимательской прибыли. С точки зрения неоклассиков, напротив, чистых предпринимательских ошибок, таких, о которых впоследствии можно было бы пожалеть (*ошибках, достойных сожаления*), не существует. Неоклассики дают всем принятым решениям рациональное обоснование постфактум посредством анализа затраты—выгоды в рамках условной максимизации. Поэтому в мире неоклассиков никаких оснований для появления чистой предпринимательской прибыли не существует, а когда о ней все-таки упоминают, то рассматривают ее как компенсацию услуг соответствующего производственного фактора или же как доход, полученный в результате принятия риска предпринимателем.

*Субъективная информация (у австрийцев)
и объективная информация (у неоклассиков)*

Предприниматели постоянно порождают *новую информацию*; эта информация носит субъективный, практический, дисперсный характер, и ее трудно выразить словами¹². Поэтому субъективная информация является важнейшим элементом австрийской методологии, но отсутствует в методологии неоклассиков, так как последние склонны считать информацию объективной. Большинство экономистов не осознает, что, когда австрийцы и неоклассики говорят об *информации*, они имеют в виду принципиально разные вещи. Для неоклассиков информация, подобно товарам, есть нечто объективное; она продается и покупается на рынке в результате принятия максимизирующего решения. Эта «информация», которую можно хранить на различных носителях, не имеет ничего общего с *информацией в субъективном смысле*. Австрийцы, говоря об информации, имеют в виду значимое в практическом отношении знание, которое действующий субъект создает, истолковывает, познает и использует в контексте конкретных действий. Соответственно австрийцы критикуют Стиглицу и других неоклассиков, занимающихся теорией информации, за то, что их теория информации, в отличие от австрийской, игнорирует главный источник информации — предприни-

мательство. Кроме того, с их точки зрения, Стиглиц не вполне понимает, что *информация* всегда субъективна и что «несовершенные» рынки не порождают «неэффективности» (в понимании неоклассиков), а создают потенциальные возможности для получения предпринимательской прибыли, которые предприниматели находят и используют, тем самым стимулируя процесс координации рынка¹³.

*Предпринимательская координация (у австрийцев)
и общее и/или частичное равновесие (у неоклассиков)*

Модели равновесия экономистов-неоклассиков обычно не учитывают той координирующей силы, которой, по мнению австрийцев, обладает предпринимательство. На самом деле эта сила не просто создает и передает информацию, но и — что гораздо важнее — создает основу для координации рассогласованных поступков действующих в обществе людей. В итоге любые нарушения координации в обществе реализуются в виде возможностей извлечения прибыли, которые остаются латентными до тех пор, пока их не обнаружат предприниматели. Когда предприниматель обнаруживает наличие такой возможности и начинает использовать ее в своих интересах, она исчезает. Так функционирует *стихийный процесс координации*, благодаря которому любая рыночная экономика стремится к равновесию. Кроме того, координирующая природа предпринимательства — это единственное, что превращает экономическую теорию в науку, если понимать под «наукой» теоретический *корпус* законов координации, с помощью которых можно объяснить социальные процессы¹⁴. Именно поэтому экономисты австрийской школы изучают *динамическое* явление конкуренции (понимаемой как процесс *соперничества*), а неоклассики занимаются исключительно *статическими* по своей природе моделями равновесия («совершенной» конкуренцией, монополией, «несовершенной», или монополистической, конкуренцией)¹⁵. С точки зрения Мизеса, как мы видим (см. с. 33), строить экономическую науку на основании модели равновесия, т.е. исходя из того, что вся информация, необходимая для построения функций спроса и предложения, рассматривается как «данность», просто нет смысла. По сравнению с неоклассиками австрийцы совершенно иначе формулируют основную задачу экономической науки. По их мнению, экономическая наука — это изучение динамического процесса *социальной координации* (общественного сотрудничества), отдельные участники которого постоянно порождают новую информацию (которая никогда не «дана») в процессе поиска значимых для них в контексте их действий целей и средств и тем самым, сами того не осознавая, порождают стихийный процесс координации. Таким образом, для австрийцев базовая проблема экономической теории не носит технического или технологического характера, в отличие от неоклассиков, которые обычно считают цели и средства «данностью» и соответственно считают главной проблемой экономической науки чисто техническую проблему максимизации. Иными словами, для австрийцев глав-

ная задача экономической теории — не максимизация заранее известной целевой функции, ограниченной условиями, которые также известны заранее. Напротив, это сугубо экономическая проблема: *она возникает в условиях конкуренции множества средств и целей, информация о которых не является неизменной и заранее данной, а рассеяна в умах бесчисленных людей, непрерывно создающих и порождающих и это новое знание; в силу этого все уже существующие возможности и те возможности, которые будут созданы в будущем, а также степень интенсивности, с которой люди будут их использовать, принципиально не могут быть известны и познаны*¹⁶.

Кроме того, необходимо понимать, что даже в том, что кажется просто максимизацией или оптимизацией человеческой деятельности, всегда есть предпринимательский компонент, потому что субъект деятельности, чтобы начать действовать, обязательно должен осознать, что данный образ действий, пусть автоматический, механический и пассивный, является наилучшим в его конкретных обстоятельствах. *Иными словами, неоклассический подход — это всего лишь частный (и не слишком существенный) случай австрийской теории, куда более общей, более богатой содержанием и более корректно объясняющей реальный мир.*

С точки зрения австрийцев нет никакого смысла жестко отделять макроэкономику от микроэкономики, как поступают неоклассики. Напротив, экономические проблемы нужно изучать во всей сложности их взаимосвязей, не проводя деления на микро- и макрокомпоненты. Разделение экономической науки на «микро» и «макро»-аспекты является характерным недостатком современных учебников и хрестоматий по политической экономии для начинающих. Вместо того чтобы, как Мизес и другие экономисты австрийской школы, сформулировать единый подход к экономическим проблемам, неоклассические учебники всегда делят экономическую науку на две не связанных друг с другом дисциплины («микроэкономику» и «макроэкономику»), которые, естественно, можно изучать по отдельности. Как справедливо отметил Мизес, это разделение происходит из-за того, что они используют понятия типа *общего уровня цен*, игнорируя достижения субъективной маржиналистской теории ценности в области теории денег и культивируя атавистические реликты донаучной стадии развития экономической теории, когда в качестве аналитических инструментов использовались агрегаты, или глобальные классы благ, а не инкрементальные, или предельные, единицы благ. Так возникла целая «дисциплина», основанная на изучении механических соотношений, якобы существующих между макроэкономическими агрегатами, чью связь с человеческой деятельностью трудно, а то и вообще невозможно понять¹⁷.

Так или иначе, фокусом исследования для экономистов-неоклассиков стала модель равновесия. Эта модель исходит из того, что вся информация «дана» (в абсолютном либо вероятностном отношении), а разнообразные переменные находятся в идеальном соотношении друг с другом. С точки зрения австрийцев главный недостаток этой методологии — представление

о том, что все переменные и параметры идеально сбалансированы, так как на этом основании легко прийти к ошибочным заключениям относительно причинно-следственных связей между различными экономическими понятиями и явлениями. *В результате равновесие действует как своего рода вуаль, мешающая теоретику обнаружить истинное направление причинно-следственных векторов, воплощенных в экономических закономерностях.* Для экономистов-неоклассиков на месте направленных определенным образом причинно-следственных законов существует взаимная обусловленность явлений, первопричина которой (человеческая деятельность) остается скрытой либо считается несущественной¹⁸.

Субъективные издержки (у австрийцев) и объективные издержки (у неоклассиков)

Одним из важнейших элементов австрийской методологии является чисто субъективное понятие издержек. Многие экономисты считают, что понятие субъективных издержек довольно просто включить в парадигму неоклассического мейнстрима. На самом деле это чистейшей воды риторика. В конечном счете неоклассики, хотя и рассуждают о важности представления об альтернативных издержках (*cost of opportunity*), на самом деле всегда включают в свои модели объективированные издержки. Между тем для австрийцев издержки — это субъективная ценность для действующего субъекта тех целей, от которых он отказывается, когда принимает решение действовать определенным образом. Иными словами, объективных издержек не существует. Инструмент определения издержек — это предпринимательская бдительность действующего субъекта. И действительно, многие возможности могут долго оставаться незамеченными, но стоит их обнаружить, как *субъективное восприятие* издержек предпринимателем резко меняется. Следовательно, объективных издержек, определяющих ценность целей, не существует. В жизни издержки, наоборот, имеют субъективную ценность, которая в силу своей субъективности зависит от субъективной ценности истинных целей действующего субъекта (потребительских благ). Поэтому, с точки зрения представителей австрийской школы, конечные цены потребительских благ, представляющих собой результат материализации субъективных оценок на рынке, определяют те издержки, которые действующий субъект готов нести ради того, чтобы произвести их — а не наоборот, как склонны полагать неоклассики.

Формальная логика (австрийцев) и математические формулы (неоклассиков)

Одно из важных и интересных различий между двумя школами связано с их отношением к использованию математики в экономическом анализе. Уже в момент зарождения австрийской школы ее основатель Карл Менгер

счел нужным заявить: преимущество слов над математическими формулами в том, что словами можно выразить сущность (*das Wesen*) экономических явлений, а формулами — нет. В письме Вальрасу, написанном в 1884 г., Менгер восклицает: «Как можно с помощью математических методов познать сущность явлений, например сущность ценности, сущность земельной ренты, сущность предпринимательской прибыли, разделения труда, биметаллизма и т.п.?»¹⁹ Математические методы прекрасно подходят для описания моделей равновесия, которые изучают экономисты-неоклассики, но не подходят для работы с такими ключевыми компонентами австрийской теории, как субъективный фактор времени и в особенности — с фактором предпринимательского творчества. Вероятно, лучше всех это уловил Ганс Майер, писавший: «По сути дела, ядром всех теорий математического равновесия является более или менее завуалированная фикция. Эти теории связывают в систему уравнений функционирующие в составе причинно-следственной последовательности разновременные величины таким образом, как если бы эти величины существовали одновременно. „Статический подход“ синхронизирует ситуацию, которая в реальности представляет собой процесс. Но когда мы рассматриваем порождающий процесс „статически“, т.е. как состояние покоя, мы выхолащиваем саму его суть»²⁰.

Это означает, что, с точки зрения австрийцев, многие объяснения и выводы, полученные с помощью неоклассического анализа производства и потребления, лишены смысла. Например, это относится к так называемому «закону равенства взвешенных (по ценам) предельных полезностей», имеющему под собой весьма сомнительное теоретическое основание. Этот закон подразумевает, что действующий субъект способен одновременно оценить полезность всех благ, находящихся в его распоряжении, т.е. не учитывает того, что любая деятельность носит творческий и последовательный характер. В реальности блага оцениваются не одновременно (что действительно означало бы равную предельную полезность), а последовательно, на разных стадиях процесса и в контексте разных действий, и потому их предельные полезности не только различаются, но и в принципе несоизмеримы²¹. Иначе говоря, с точки зрения австрийцев, использование математики в экономической теории неадекватно потому, что математические формулы синхронно связывают друг с другом разнородные с точки зрения времени и предпринимательского творчества величины. По той же самой причине, с точки зрения представителей австрийской теории, аксиоматические критерии рациональности, которые часто используют экономисты-неоклассики, тоже не имеют смысла. Действительно, если действующий субъект предпочитает А — В и В — С, то он вполне может предпочитать С — А, и если его предпочтения изменились, это вовсе не свидетельствует о его «иррациональности» (даже если перемена занимает сотую долю секунды)²². По мнению австрийцев, в неоклассических критериях «рациональности» последовательность перепутана с неизменностью.

Связь с эмпирическим миром и различие представлений
о «прогнозировании»

Австрийская парадигма резко отличается от неоклассической своим отношением к эмпирической реальности и к возможностям прогнозирования (предсказания). Собственно, то, что ученый-«наблюдатель» в принципе не может получить практическую информацию, которую непрерывно и децентрализованно создают и обнаруживают «объекты наблюдения», т.е. действующие субъекты-предприниматели, уже свидетельствует о том, что никакая эмпирическая верификация экономической теории невозможна. На самом деле, по мнению австрийцев, доказательство теоретической невозможности социализма одновременно доказывает невозможность эмпирицизма и анализа затраты—выгоды (т.е. утилитаризма в узком смысле) в экономической науке. Совершенно несущественно, кто именно — исследователь или правитель — безуспешно пытается получить практическую информацию о конкретной ситуации для того, чтобы либо верифицировать свои теории, либо придать своим приказам координирующий характер. Если бы это было возможно, полученную информацию можно было бы использовать и для обеспечения в обществе координации с помощью принудительных команд (социализма и интервенционизма), и для эмпирической верификации экономических теорий. Однако с точки зрения австрийской экономической теории и социалистический идеал, и позитивистский (утилитаристский в узком смысле) идеал невозможны по нескольким причинам: во-первых, ввиду колоссального объема информации, требующейся для их реализации; во-вторых, в силу характера этой информации (рассеянной, субъективной и неартикулированной); в-третьих, в силу динамического характера предпринимательского процесса (невозможно передать ту информацию, которую предприниматели еще не сгенерировали в ходе непрерывного процесса творческой инновации, т.е. предпринимательства); в-четвертых, из-за последствий принуждения и эффекта самого научного «наблюдения» (искажений и порчи информации, а также создания препятствий, мешающих ее порождению).

Те же аргументы лежат в основе мнения австрийцев о теоретической невозможности *конкретных* (т.е. имеющих количественное содержание и относящихся к конкретному месту и времени) экономических *прогнозов*. Наука не может сегодня точно знать, что случится завтра, потому что это зависит в основном от той информации и от тех знаний, которые еще не созданы предпринимателями, и, следовательно, пока неизвестны.

Соответственно экономическая теория может предсказывать только общие тенденции (то, что Хайек называет «*паттернами*»). Такие прогнозы носят теоретический характер; они относятся к негативным последствиям институционального принуждения (социализма и интервенционизма) по отношению к рынку.

Следует также помнить, что доступных для непосредственного наблюдения объективных фактов внешнего мира не существует, потому что согласно субъективистской теории австрийцев «факты» экономической

науки — это *идеи* — то, что люди думают о собственных целях и действиях. Эти факты нельзя непосредственно наблюдать, их можно только интерпретировать в историческом контексте. Чтобы дать интерпретацию социальной ситуации, которая является фактом истории, необходимо обладать теорией, а также ненаучным суждением о значимости (*Verstehen*, или «пониманием»). Понимание не объективно; у разных историков разное понимание исторических событий, что делает эту дисциплину (историю) настоящим искусством.

Наконец, австрийцы полагают, что эмпирические феномены непрерывно меняются, и, следовательно, в сфере социального нет параметров и констант, а есть лишь «переменные». Это ставит под сомнение традиционную цель эконометрики, а также разнообразные версии позитивистских методологических подходов (от примитивного верификационизма до утонченной попперианской фальсификации). В отличие от неоклассиков, стремящихся к позитивистскому идеалу, теоретики австрийской школы строят свою систему на априорных и дедуктивных рассуждениях. Их задача состоит в том, чтобы создать полный логический и дедуктивный методологический арсенал²³ на базе самоочевидного аксиоматического знания (типа субъективного понятия человеческой деятельности и ее основных элементов), которое является результатом научной интроспекции самого исследователя и считается очевидным потому, что соответствующие аксиомы невозможно опровергнуть, не впад в внутренние противоречия²⁴. По мнению австрийцев, такой теоретический арсенал необходим для адекватного толкования на первый взгляд не связанных друг с другом сложных исторических явлений, из которых состоит мир социального, а также для того, чтобы создать историю прошлого и предсказывать события будущего (типичная миссия предпринимателя) с минимальной степенью последовательности, гарантиями и шансами на успех. Это позволяет понять ту роль, которую австрийцы отводят историческим дисциплинам, а также то, почему они отделяют историю от экономической теории, признавая тем не менее тесную связь двух этих отраслей знания между собой²⁵.

Хайек называет необоснованное применение метода естественных наук в социальных науках *сциентизмом*. В мире природы действительно существуют такие константы и функциональные соотношения, которые оправдывают использование математических методов и количественных лабораторных экспериментов. Однако, по мнению австрийцев, в экономической теории, в отличие от физики и естественных наук, функциональных взаимосвязей (и, следовательно, функций спроса, предложения издержек и вообще любых функций) не существует. Напомним, что с точки зрения математики, точнее, теории множеств, функция — это всего лишь взаимно однозначное соответствие двух множеств: начального и финального. Люди наделены врожденной способностью к творчеству, благодаря которой они непрерывно порождают и обнаруживают новую информацию в любой конкретной ситуации, действуя и стремясь достичь своих целей с помощью имеющихся в их распоряжении конкретных средств. Следовательно, можно констатировать, что при этом не соблюдается ни одно из трех условий, необ-

ходимых для формирования функционального соответствия: 1) элементы начального множества не даны и не являются константами; 2) элементы финального множества не даны и не являются константами; 3) главный пункт, *взаимные соответствия между элементами этих двух множеств тоже не даны, — они постоянно меняются в результате деятельности людей и благодаря их врожденной творческой способности*. С точки зрения австрийцев, для использования в нашей науке функций необходимо вводить *предположение о неизменности информации*, но это означает, что мы исключаем из социального процесса главного героя: человека, наделенного врожденной творческой способностью к предпринимательству. Заслуга австрийских теоретиков состоит в том, что они показали: весь корпус экономической теории можно построить на логических рассуждениях²⁶, не прибегая к функциям и не постулируя констант, несовместимых с творческой природой человека, единственного истинного субъекта всех социальных процессов, которые изучает экономическая наука.

Даже самые знаменитые неоклассики были вынуждены признать, что есть важные экономические законы, которые невозможно верифицировать эмпирически (например, теория эволюции и естественный отбор)²⁷. Австрийцы всегда подчеркивали, что для развития экономической теории эмпирические исследования имеют ограниченное значение. В лучшем случае эмпирические исследования могут предоставить нам некоторую информацию о результатах происходящих в реальном мире социальных процессов. Однако они не предоставляют нам информацию о формальной структуре социальных процессов: этим как раз и занимается экономическая теория. Иными словами, статистические и эмпирические исследования не могут породить теоретическое знание. Полагавшие обратное представители немецкой исторической школы XIX в. ошибались, и эту ошибку в существенной степени повторяют экономисты неоклассической школы. Как верно заметил Хайек в своей Нобелевской речи, агрегаты, которые поддаются статистическому измерению, часто бессмысленны в теоретическом отношении, и наоборот, многие важные теоретические понятия не поддаются измерению или эмпирической интерпретации²⁸.

Таким образом, главные возражения австрийских теоретиков в адрес неоклассиков таковы: во-первых, неоклассики занимаются исключительно состояниями равновесия, используя максимизирующую модель, основанную на представлении о том, что все экономические агенты располагают полной информацией о целевых функциях и их ограничениях; во-вторых, выбор неоклассиками переменных и параметров целевых функций и ограничений зачастую произволен, они обычно включают в рассмотрение наиболее очевидные параметры и забывают о других, которые не менее важны, но с трудом поддаются эмпирической трактовке (о моральных ценностях, обычаях и т.п.); в-третьих, они занимаются моделями равновесия, применяя математические методы, что не позволяет им выявлять реальные причинно-следственные связи; в-четвертых, они возводят в ранг теоретических выводов свои интерпретации исторических ситуаций, которые могут, конечно, иметь определенное значение, но не могут быть ни универ-

сальными, ни теоретическими, потому что основаны лишь на историческом знании. Это не означает, что все выводы неоклассиков ложны. Напротив, многие из них, вероятно, верны и универсальны. Австрийцы стремятся привлечь внимание исключительно к отсутствию каких-либо гарантий того, что выводы экономистов-неоклассиков верны, а также обратить внимание на то, что к тем из их выводов, которые действительно верны, можно прийти и с помощью динамического анализа, используемого австрийской теорией. У него есть и дополнительное преимущество: обнажая недостатки и ошибки, которые успешно скрывает эмпирический метод, основанный на неоклассической модели равновесия, динамический анализ позволяет выявить многочисленные ложные теории.

РАУНДЫ «СПОРА О МЕТОДАХ»

Австрийская школа совершенствовала свой методологический подход с момента своего основания в 1871 г. — иными словами, очень долго, — и почти всегда это происходило в рамках многочисленных научных дискуссий, в которых принимали участие ее представители. Можно без преувеличения сказать, что *Methodenstreit*, или «спор о методах», начался с самого момента зарождения австрийской школы и с тех пор продолжает оказывать значительное влияние на развитие экономической науки. Рассмотрим наиболее важные этапы «спора о методах».

*Первый раунд: Карл Менгер против немецкой исторической школы*²⁹

Вне всякого сомнения, австрийская школа родилась в 1871 г., когда Менгер опубликовал «Основания политической экономии». Главной особенностью этой книги было то, что Менгер стремился построить такую экономическую теорию, где отправной точкой был бы человек, наделенный творческой энергией главное действующее лицо любого социального процесса (*субъективизм*). Отталкиваясь от этой отправной точки, он сформулировал две главные идеи. Во-первых, он построил свою теорию на базе процесса деятельности, представляющего собой последовательность *промежуточных этапов* («экономических благ более высокого порядка»), которые действующий субъект реализует до тех пор, пока результатом процесса не становится конечное потребительское благо («экономическое благо первого порядка»). Менгер приходит к следующему заключению: «Когда в нашем распоряжении имеются какие-либо конкретные комплементарные блага высшего порядка, нам следует преобразовать их сначала в блага следующего, более низкого порядка, а затем *поэтапно* преобразовывать их в блага все более и более низких порядков до тех пор, пока они не станут благами первого порядка, ибо только блага первого порядка можно использовать непосредственно для удовлетворения наших потребностей»³⁰.

Второе важнейшее открытие Менгера — экономическая теория возникновения *общественных институтов*. Менгер выяснил, что институты есть результат социального процесса, образуемого многочисленными действиями людей; направление этого процесса определяют те люди (предприниматели), которые в данных обстоятельствах места и времени способны первыми понять, что им будет проще достигнуть своих целей, если они станут поступать определенным целенаправленным образом. Так запускается децентрализованный процесс проб и ошибок, в ходе которого вырабатываются формы поведения, наилучшим образом обеспечивающие координацию и устранение рассогласованности; так бессознательный социальный процесс обучения и подражания приводит к тому, что общество начинает следовать примеру наиболее успешных и творческих своих членов. Вот так в области экономики (деньги), права (нормы нравственные правила) и лингвистики возникают паттерны (шаблоны) направляемого поведения (или *институты*), благодаря которым становится возможной жизнь в обществе³¹.

То, что профессора немецкой исторической школы не только не оценили идей Менгера, но и посчитали их большой угрозой для своего историцизма, скорее всего, должно было вызвать у Менгера большое разочарование. Вместо того чтобы расценить идеи Менгера как теоретический фундамент, в котором давно нуждалась эволюционная концепция общественных процессов, они решили, что абстрактная и теоретическая природа его рассуждений несовместима с проповедуемым ими узким историцизмом. Это стало началом первой, и вероятной, самой знаменитой научной дискуссии, в которой принимали участие австрийцы. Это и был так называемый спор о методах, *Methodenstreit* (Дискуссия I), который в течение нескольких десятилетий стимулировал интеллектуальную энергию Менгера³².

В ходе этой дискуссии Менгер начал формулировать методологию экономической науки, что стало одним из важнейших побочных продуктов «спора о методах». С его точки зрения, экономическая наука представляет собой ряд теорий, которые образуют «форму» (в аристотелевом смысле), выражающую сущность экономических явлений, и открытие которых происходит в процессе внутренней рефлексии (*интроспекции*), осуществляемой в ходе логического процесса, основанного на дедуктивных рассуждениях. История сопутствует теории; она состоит из эмпирических факторов, образующих «материю» (в аристотелевом смысле). Теоретические объяснения нельзя вывести непосредственно из истории; напротив, для того, чтобы верно интерпретировать историю, необходимо предварительно иметь теорию. Так Менгер заложил основы методологии австрийской школы³³.

Благодаря современным исследователям мы узнали, что Менгер, через Сэя, возродил очень старую интеллектуальную традицию, которая практически пресеклась в результате негативного влияния Адама Смита и британской классической школы. Я имею в виду католическую традицию континентальной Европы, которая уже содержала все ключевые элементы подхода современной австрийской школы. Так, идея стихийного формирования институтов, как показал Бруно Леони, восходит к правовой традиции Древнего Рима³⁴, к испанским схоластам³⁵, таким как Хуан де Луго и Хуан

де Салас³⁶, а также к французским теоретикам: к Balesbat (1692), к маркизу д'Аржансону (1751) и прежде всего к Тюрго, задолго до Адама Смита писавшему о рассеянной природе знания, воплощенного в общественных институтах, которые представляют собой проявления стихийного порядка. В 1759 г. Тюрго пришел к следующему выводу: «Нет необходимости доказывать, что человек сам может лучше всего судить о том, как наилучшим образом использовать свою землю и свой труд. Только у него самого имеется то знание, в отсутствие которого любой другой, самый просвещенный человек будет вынужден судить наугад. Он учится на своих пробах и ошибках, удачах и неудачах, и в результате у него возникает своего рода чутье. И от собственного чутья ему куда больше пользы, чем от любых теоретических знаний бесстрастного наблюдателя, потому что его подгоняет потребность».

Тюрго пишет также о «полной невозможности с помощью неизменных правил и постоянного контроля управлять множеством сделок, которые нельзя полностью познать уже в силу их количества, а также в силу того, что они всегда зависят от множества изменчивых обстоятельств, которые невозможно предугадать и которыми невозможно управлять»³⁷. Субъективную теорию ценности также сформулировали испанские схоласты XVI в., в первую очередь Диего де Коваррубас-и-Лейва³⁸. Схоласт Луис Саравиаде-ла-Калье был первым, кто показал, что издержки зависят от цен, а не наоборот. Испанские схоласты (Аспилькуэта Наварро и Луис де Молина) положили начало субъективистской теории денег, включив в нее фигуру предпринимателя, о которой до них писали св. Бернардино Сиенский и св. Антонино Флорентийский, а после них — Кантильон, Тюрго и Сэй.

Эта традиция практически пресеклась в результате Реформации, чем в значительной степени объясняется связанный с именем Адама Смита регресс экономической науки. Лиланд Игер в рецензии на посмертно опубликованный труд Ротбарда по истории экономической мысли писал об этом так: «Смит отказался от традиционных представлений о субъективной ценности и предпринимательстве, а также от традиционного внимания к рынкам и образованию цен в реальном мире. Вместо этого он выдвинул трудовую теорию ценности и сконцентрировался на неизменном долгосрочном равновесии „естественных цен“, где предпринимательства как бы не существовало. Он смешал экономическую теорию с кальвинизмом, когда поддержал запрет на ростовщичество и провел различие между производительными и непроизводительными занятиями. Он искажил разработанную рядом французских и итальянских экономистов XVIII в. теорию *laissez faire* своими вздорными оговорками. Его работы не являются систематическими и изобилуют противоречиями»³⁹.

*Второй раунд: Бём-Баверк против Джона Бейтса
Кларка (а заодно и Маршалла с Марксом)*

Ведущим игроком команды австрийцев во втором раунде «спора о методах» был Бём-Баверк. Содержание второго тура составляла очень важная

для нас полемика Бём-Баверка с Джоном Бейтсом Кларком (Дискуссия II), а также менее существенные для нас споры Бём-Баверка с Маршаллом (Дискуссия III) и Марксом (Дискуссия IV).

Джон Бейтс Кларк выступал категорически против введенного Менгером динамического представления о деятельности, прежде всего — против менгеровского представления о том, что деятельность состоит из следующих друг за другом этапов. Кларк считал капитал однородным самовоспроизводящимся фондом, обеспечивающим мгновенное, не связанное с фактором времени производство (т.е. человеческую деятельность). Это было ему необходимо, чтобы обосновать вывод о том, что ставка процента зависит от предельной производительности капитала. Для этого недостаточно, чтобы капитал представлял собой фонд, способный к мгновенному самовоспроизводству; необходима также абсолютно сбалансированная статичная (равновесная) среда; кроме того, ценность капитальных благ должна определяться историческими издержками их производства. Сам Кларк признавал, что его тезис имеет смысл исключительно для абсолютно сбалансированной, находящейся в равновесии статичной среды, когда писал, что «в динамических условиях общества... требуется время, чтобы произвести готовые к потреблению блага, и в течение этого промежутка владельцы благ находятся в ожидании. После того как цепочки благ, пребывающих на разных фазах производства, установились, капитал начинает функционировать в нормальном режиме»⁴⁰.

Бём-Баверк подверг тезис Кларка критике⁴¹. Он назвал его *мистическим* и *мифологическим* и показал, что он представляет собой не только радикальную атаку на динамический подход Менгера, но и означает окончательное воцарение статической парадигмы равновесия в мире экономической науки. По мнению Бём-Баверка, которое позже было подтверждено фактами, это не могло не оказать серьезного влияния на развитие экономической науки. В дальнейшем неоклассики вслед за Кларком осознали, что для сохранения в целостности их теоретической системы им нужно отказаться от сформулированного Менгером динамического представления о деятельности как о последовательности временных этапов. Это относится, например, к основателю чикагской школы Фрэнку Найту, в 1930-е годы вступившему с Хайеком и Махлупом в дискуссию, которая была практически точной копией полемики Кларка и Бём-Баверка в конце XIX в.⁴² Кларк оказал крайне негативное воздействие на последующее развитие экономической мысли, выступив против американских институционалистов, признававших правоту австрийцев в полемике с немецкой исторической школой. Однако в результате того, что Кларк выступил в защиту парадигмы равновесия и резко восстал против введенного Менгером динамического понятия деятельности, мейнстрим нашей науки стал развиваться в направлении, диаметрально противоположном пути австрийской школы.

Бём-Баверк участвовал не только в полемике с Кларком (мы будем называть ее Дискуссия II, в отличие от Дискуссии I — полемики Менгера с исторической школой), но и в полемике с Маршаллом и Марксом по дру-

гим вопросам, имевшим отношение к австрийской школе. Маркс не учитывал субъективности *временного предпочтения*, что лишило научного фундамента марксистский анализ прибавочной ценности, или эксплуатации⁴³. Маршалл же пытался реабилитировать Рикардо, по крайней мере — взгляды Рикардо на сторону предложения, защищая тезис о том, что предложение в первую очередь зависит от *исторических издержек производства*; соответственно он был неспособен оценить австрийскую идею субъективных альтернативных издержек и то, что из нее следовало⁴⁴.

Третий раунд: Мизес, Хайек и Майер против социализма, Кейнса и неоклассиков

В третьем туре методологической полемики участвовало третье поколение экономистов австрийской школы во главе с Мизесом. Инициатором этой полемики стал Мизес, когда выдвинул тезис о *теоретической невозможности социализма* (Дискуссия V). По мнению Мизеса, теорема о теоретической невозможности социализма непосредственно следовала из субъективистской и динамической концепции австрийской школы. Если источником всех потребностей, оценок и знаний является творческая способность людей к предпринимательству, то любая система, которая, подобно социализму, основана на использовании насилия против свободной человеческой деятельности, представляет собой препятствие для создания и передачи необходимой для обеспечения общественной координации информации. Мизес прекрасно отдавал себе отчет в том, что экономисты-неоклассики неспособны понять теорему невозможности социализма, потому что не согласны с субъективистским и динамическим подходом австрийцев. Он писал: «Иллюзия, что в обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, возможен рациональный порядок экономического управления, обязана своим происхождением теории ценности классической школы и неспособности многих современных экономистов последовательно продумать до конечных выводов фундаментальные теоремы субъективистской теории... Воистину именно ошибки этих школ позволили расцвести социалистическим идеям»⁴⁵.

В качестве примера можно привести основателя чикагской школы Фрэнка Найта, который говорил, что «социализм — это политическая проблема, и ее следует обсуждать в терминах социальной и политической психологии, а экономическая теория мало что может о нем сказать»⁴⁶. Даже в наши дни экономисты-неоклассики по-прежнему не понимают глубоких теоретических причин, по которым социализм невозможен, и в лучшем случае пытаются объяснить крах социализма *a posteriori*, либо ссылаясь на «ошибочную» интерпретацию поступавших из стран реального социализма статистических данных некритически относившимися к ним «специалистами», либо говорят о неудовлетворительной оценке роли «стимулов» в экономической жизни⁴⁷. К счастью, экономисты из бывших социалистических стран смогли оценить факты более трезво, чем их западные коллеги из нео-

классической школы, и поняли, что Оскару Ланге и другим социалистам-неоклассикам «нечем было ответить на вызов австрийской школы»⁴⁸. Нам внушает определенные надежды то, что недавно столь выдающийся неоклассик, как Джозеф Стиглиц, наконец, признал, что «ответственность за то катастрофическое положение, в котором оказались страны Восточной Европы, отчасти несут стандартные неоклассические модели. Можно привести убедительные аргументы в пользу того, что половина человечества была обречена на чудовищные страдания по вине некоторых экономических идей»⁴⁹.

Полемика с макроэкономистами, прежде всего — с Кейнсом и кембриджскими теоретиками (полемика VI), которую с австрийской стороны вел в основном Хайек, тоже возникла естественным образом, в силу фундаментального различия между анализом, основанным исключительно на макроэкономических агрегатах, и выработанным австрийской школой динамическим подходом к рынку. Подробное описание этой полемики не укладывается в логику нашей статьи⁵⁰, однако в табл. 2.2 можно ознакомиться с главными различиями в подходах к макроэкономике австрийской и неоклассической школ (под неоклассической школой мы имеем в виду монетаристов, кейнсианцев и их последователей)⁵¹.

В результате теоретических дискуссий, происходивших между двумя мировыми войнами, австрийцы наконец убедились, что их победа над немецкой исторической школой в *первом раунде спора о методах* была пирровой и чисто внешней, как в свое время — «победа» теоретиков денежной школы, увенчавшаяся в 1844 г. принятием закона Пиля. Как отметил Кирцнер, одним из важнейших побочных продуктов полемики о невозможности социализма стало то, что она заставила австрийцев усовершенствовать свою методологию, осознать фундаментальные выводы из нее и увидеть, насколько велика методологическая пропасть, отделяющая их от неоклассиков⁵².

Так, потихоньку, экономисты австрийской школы начали вторую методологическую полемику, на этот раз против неоклассиков. Они уточнили свои методологические позиции; это отразилось в работах Мизеса, Майера и Хайека, опубликованных в 1930—1950-е годы (Дискуссия VII). В различных работах, посвященных методологии, Мизес сформулировал методологические аргументы против позитивизма и использования в экономической науке математических методов; его позиция отражена в первой части «Человеческой деятельности». Ганс Майер в большой статье, которая остается без ответа до сих пор, разгромил использование математического и функционального анализа в неоклассической теории цен. Статья Майера лишь недавно переведена на английский язык благодаря усилиям Израиля Кирцнера; она называется «Когнитивная ценность функциональных теорий цены: критическое и позитивное исследование проблемы цены» («The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem»)⁵³. В опубликованной в 1952 г. книге Хайека «Контрреволюция науки» содержалась методологическая критика эмпиризма (у истоков которого стоял Сен-Симон) и узкого ути-

Таблица 2.2

Два представления о макроэкономике

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА	НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА (МОНЕТАРИСТЫ И КЕЙНСИАНЦЫ)
1. <i>Время</i> играет ключевую роль	1. Влияние фактора времени не учитывается
2. «Капитал» рассматривается как <i>гетерогенное</i> множество капитальных благ, которые изнашиваются и должны <i>воспроизводиться</i>	2. «Капитал» рассматривается как <i>однородный</i> самовоспроизводящийся фонд
3. Производственный процесс носит <i>динамический</i> характер и состоит из многочисленных <i>вертикальных</i> стадий	3. Имеется одна <i>плоская</i> и <i>горизонтальная</i> производственная структура, пребывающая в равновесии
4. Деньги влияют на процесс, меняя структуру <i>относительных</i> цен	4. Деньги влияют на <i>общий</i> уровень цен; изменения относительных цен не учитываются
5. Объясняет макроэкономические явления <i>микроэкономически</i> (изменениями относительных цен)	5. <i>Макроэкономические</i> агрегаты мешают анализу стоящих за ними микроэкономических ситуаций
6. Имеется объяснение <i>эндогенных</i> причин экономических кризисов и их регулярного <i>повторения</i>	6. Эндогенного объяснения циклов нет; кризисы имеют <i>экзогенные</i> причины (психологические и/или ошибки монетарной политики)
7. Развитая <i>теория капитала</i>	7. Нет теории капитала
8. Сбережения играют ведущую роль и определяют <i>долгосрочные</i> изменения производственной структуры и тип технологий, которые будут использоваться в будущем	8. Сбережения неважны; капитал воспроизводится « <i>сбоку</i> » (простым умножением), <i>производственная функция неизменна</i>
9. Спрос на капитальные блага обратно пропорционален спросу на потребительские блага (для любых инвестиций нужны сбережения, иначе говоря — сберегатель временно жертвует потреблением)	9. Спрос на капитальные блага изменяется <i>в том же</i> направлении, что и спрос на потребительские блага
10. Производственные издержки <i>субъективны</i> и не являются данностью	10. Производственные издержки <i>объективны</i> , реальны и считаются данностью
11. Производственные издержки зависят от рыночных цен, а не наоборот	11. Считается, что рыночные цены зависят от исторических производственных издержек
12. Ставка процента рассматривается как рыночная цена, зависящая от субъективных оценок с учетом временного предпочтения; она используется для дисконтирования текущей ценности будущего потока доходов, к которой стремится рыночная цена каждого капитального блага	12. Считается, что ставка процента зависит от предельной производительности или эффективности капитала; она рассматривается как внутренняя ставка доходности, обеспечивающая ожидаемый поток доходов на уровне исторических издержек производства капитальных благ (эти издержки считаются известными и неизменными); ставка процента считается по преимуществу денежным феноменом

литаризма неоклассического анализа затраты—выгоды⁵⁴. К сожалению, на следующий год была опубликована ставшая очень популярной работа Милтона Фридмана «Очерки позитивной экономической теории» («Essays in Positive Economics»)⁵⁵, в которой активно пропагандировалось использование в нашей науке позитивистской методологии.

Хотя в упомянутой выше работе 1952 г. Хайек предвосхитил важнейшие идеи опубликованной чуть позже книги Фридмана и подверг их жесткой и обоснованной критике, позже он писал: «Я часто публично признавался в том, что одна из вещей, о которой я больше всего жалею, это то, что я не вернулся к критическому анализу трактата Кейнса [т.е. „Общей теории“], — но не меньше я жалею о том, что не дал критического разбора не менее опасной, чем трактат Кейнса, книги — „Очерков позитивной экономической теории“ Милтона Фридмана»⁵⁶.

Четвертый раунд: неоавстрийцы против мейнстрима и методологического нигилизма

Последний раунд методологической полемики разворачивается уже в течение двадцати пяти лет. В ходе этого раунда экономисты австрийской школы снова убедились в правильности своих взглядов: ведь неоклассические модели (общего равновесия) использовались для теоретического обоснования возможности социализма. Более того, многие неоклассические теоретики-позитивисты полагали, что в конечном счете выбор между капиталистической экономической системой и социализмом зависит исключительно от эмпирических обстоятельств⁵⁷; целиком и полностью проигнорировав априорную теорию австрийской школы, доказавшую невозможность социализма, они обрекли значительную часть человечества на ужасные страдания в течение многих десятилетий XX в. С точки зрения австрийцев, многие представители неоклассической школы несут ответственность за эти ужасы не только потому, что неоклассики проигнорировали австрийское доказательство невозможности социализма, но и потому, что они до сих пор исповедуют позитивизм, иначе говоря, представление о том, что тезис о жизнеспособности того или иного общественного строя может быть подтвержден или опровергнут исключительно опытом, — и это несмотря на несомненную вину позитивизма в том, что пришлось пережить людям в XX в.

Значительный рост популярности австрийской школы в последние двадцать пять лет объясняется именно этим, а также усилиями современных австрийских теоретиков, направленными на то, чтобы вписать наиболее важные достижения экономической науки в контекст субъективистской методологии и динамического подхода, которые начал разрабатывать Менгер, очистив их от ошибок, тайком проникших в корпус нашей науки благодаря позитивистской парадигме равновесия. Распространение утонченного методологического нигилизма, возникшего в результате полемики вокруг учения Карла Поппера (Дискуссия VIII) затронуло даже саму австрийскую

школу. Триумф методологического плюрализма сначала, казалось, работал на австрийскую школу, так как ее метод, о самом существовании которого большинство экономических теоретиков забыли, встал (как и любой другой метод) в ряд «уважаемых». Однако потом многие австрийцы поняли, что вошедшая в моду методологическая неразборчивость противоречит традиционным австрийским критериям методологической строгости и стремлению австрийской школы к научной истине. Этим объясняется реакция многих современных австрийских теоретиков на нигилизм и постмодернистскую герменевтику тех, кто, подобно Дейрдре Макклоски и Дону Лавою, считает, что научная истина в значительной степени зависит от культурного контекста полемики между ведущими научными школами. Израэл Кирцнер⁵⁸ и Ганс-Герман Хоппе⁵⁹ отмечали, что экспансия герменевтики в сферу методологии экономической науки означает своего рода возрождение немецкой исторической школы, поскольку в результате научная истина ставится в зависимость от внешних исторических обстоятельств.

ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

В этом разделе мы дадим ответ на некоторые наиболее частые и, на наш взгляд, необоснованные критические замечания в адрес австрийского подхода. Итак, начнем.

Два этих подхода (австрийский и неоклассический) не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга.

Так утверждают многие неоклассики, желающие придерживаться эклектических взглядов и не вступать в открытый конфликт с австрийской школой. Однако австрийцы считают, что в общем и целом это утверждение является прискорбным следствием нигилизма, типичного для методологического плюрализма, согласно которому любой метод допустим, а единственная проблема экономической науки связана с выбором метода, наиболее подходящего для решения той или иной конкретной задачи. Мы полагаем, что это всего лишь попытка оградить неоклассическую парадигму от мощного критического напора австрийской методологии. Утверждение о совместимости двух подходов было бы обоснованным, если бы неоклассический метод (основанный на равновесии, неизменности предпочтений и узком понимании рациональности) соответствовал тому, как люди действуют в реальной жизни, и не обесмысливал в значительной степени, по мнению австрийцев, теоретический анализ как таковой. Именно поэтому так важно переработать на основании субъективистской и динамической методологии австрийцев теоретические выводы неоклассиков, чтобы увидеть, какие из них верны, а от каких следует отказаться в силу их теоретических дефектов. С точки зрения австрийцев неоклассический анализ ложен по сути: он таит в себе серьезные опасности и риски для аналитиков и часто уводит их в сторону от истины⁶⁰.

Наконец, мы должны помнить, что, согласно Хайеку, иерархия стихийных порядков зависит от их сложности и более сложный порядок может объяснять, учитывать и включать в свой состав сравнительно более простые порядки. Однако относительно простой порядок не может объяснять и содержать такие порядки, которые обладают более сложной категориальной системой, чем он сам; это исключено⁶¹.

Если приложить это открытие Хайека к методологии, то можно сказать, что австрийский подход, относительно более сложный, глубокий и реалистический, может учитывать и включать в себя неоклассический подход, который имеет право на существование как минимум в тех относительно редких ситуациях, когда люди предпочитают вести себя реактивно, т.е. в соответствии с неоклассической концепцией, и стремиться к максимизации в узком смысле. Однако в неоклассическую парадигму в принципе невозможно включить такие реалии жизни людей, как творческое предпринимательство, которое выходит далеко за рамки категориальной структуры неоклассической модели. Попытка запихнуть предмет исследований австрийской школы, субъективные реалии жизни людей, в смирительную рубашку неоклассического подхода приводит либо к их обеднению, либо к иному, более здоровому решению, когда неоклассический подход склоняется перед более сложной, более глубокой и объяснительно более мощной концепцией австрийской школы.

Австрийцы не должны критиковать неоклассиков за использование упрощенных допущений, которые помогают понять реальность.

На этот навязший в зубах аргумент экономисты австрийской школы отвечают, что упрощать допущения — это одно, а делать их абсолютно нереалистичными — совершенно другое. Австрийцы возражают не против использования упрощенных допущений, а против того, что неоклассические допущения противоречат тому, каковы люди на самом деле и как они действуют (творчески и динамически). С точки зрения австрийцев, прикладные выводы экономистов-неоклассиков сомнительны не потому, что они упрощают реальность, а потому, что их допущения не имеют ничего общего с реальностью.

Австрийцы не в состоянии формализовать свою теорию.

Например, это единственное, в чем упрекает австрийскую школу Стиглиц в своей недавно опубликованной работе, посвященной критическому анализу моделей общего равновесия⁶². Мы уже объясняли (с. 41—42), почему большинство теоретиков австрийской школы с самого начала не доверяли использованию в экономической науке языка математики. С точки зрения австрийцев, это порок, а не добродетель. Математика представляет собой символичный язык, сконструированный для удовлетворения потребностей логики, естественных и инженерных наук, т.е. областей, где нет ни субъективного времени, ни предпринимательского творчества. Поэтому язык математики не учитывает ключевых особенностей человека, прота-

гониста социальных процессов, а именно они являются предметом изучения экономической науки. Сам Парето признавал этот серьезный недостаток математических методов, когда отмечал, что его анализ не учитывает истинного фигуранта социального процесса (человека); с точки зрения его математического подхода «от индивида требуется лишь фотография его вкусов, а сам он может исчезнуть [из поля зрения теоретика]»⁶³. Подобную ошибку совершил и Шумпетер, писавший, что «от людей [экономической науке] нужны лишь функции ценности потребительских благ, из которых можно вывести все остальное»⁶⁴.

Так или иначе, математики пока не разработали новую «математику», которая учитывала бы творческие способности людей и все последствия этого и не прибегала бы к позаимствованному у физики допущению о неизменности, на котором до сих пор были основаны все известные математические языки. С нашей точки зрения, для научной дисциплины, имеющей дело с творческой способностью людей, идеальный язык — это естественный язык, стихийно возникающий в ходе повседневного процесса предпринимательства и воплощенный в многочисленных существующих в реальном мире языках.

Австрийцы практически не занимаются эмпирическими исследованиями.

Это самый распространенный упрек. Несмотря на то что австрийцы отводят истории очень важную роль, они полагают, что область их научной активности — теория, которую необходимо знать до того, как она будет применена к реальности или проиллюстрирована историческими фактами, — это нечто принципиально иное. По мнению австрийцев, мы имеем дело с избытком исторических исследований и недостатком теоретических работ, которые позволили бы нам понять и интерпретировать то, что происходит в реальности. Хотя на первый взгляд кажется, что методологические допущения неоклассической школы (равновесие, максимизация и неизменность предпочтений) облегчают эмпирические исследования и «верификацию» конкретных теорий, на самом деле они зачастую маскируют истинные теоретические взаимосвязи и могут привести к серьезным теоретическим ошибкам и неверной интерпретации реальных исторических обстоятельств.

Австрийцы отвергают предсказания в экономической сфере.

Мы уже видели, что теоретики австрийской школы очень осторожно подходят к возможности научных предсказаний в сфере экономических и общественных событий. Их гораздо больше интересует построение системы и создание арсенала теоретических понятий и законов, которые, объясняя реальность, обеспечивали бы действующим людям (предпринимателям) более высокие шансы на принятие удачных решений. Австрийские «предсказания» действительно всегда носят качественный и теоретический характер. Тем не менее поскольку допущения австрийцев более реалистичны, чем у неоклассиков (австрийцы занимаются анализом динамических

процессов, питаемых творческой энергией предпринимательства), то их теории и выводы позволяют существенно точнее предсказывать действия людей, чем прогнозы неоклассической школы⁶⁵.

У австрийцев отсутствуют эмпирические критерии, подтверждающие их теорию.

Эмпирицисты, бросающие австрийцам этот упрек, подобны апостолу Фоме, более известному как Фома Неверующий («если я не вижу этого, то я не верю в это»). Они полагают, что лишь при помощи эмпирической реальности можно определить, какие теории верны, а какие нет. Как мы уже видели, они не учитывают того, что применительно к экономической теории эмпирическое «подтверждение» никогда не может быть окончательным, потому что мы имеем дело со сложными историческими явлениями. Они не могут стать предметом лабораторных экспериментов, в рамках которых интересующие нас элементы изолируются, а все аспекты, которые могут оказывать на них влияние, остаются постоянными. Иными словами, экономические законы всегда представляют собой законы *ceteris paribus* (при прочих равных), но в реальности это условие никогда не соблюдается. По мнению австрийцев, правильность экономической теории можно подтвердить путем последовательного исключения из дедуктивной цепочки рассуждений, с помощью которой она выведена, дефектных логических звеньев, при условии, что, используя теорию для анализа реальности, мы будем тщательнейшим образом выяснять, имеют ли место в данных исторических обстоятельствах те *допущения*, из которых она исходит. С учетом общей для всех людей логической структуры разума этой постоянной аналитической работы более чем достаточно для достижения согласия между разными исследователями. На самом деле достичь согласия по отношению к эмпирическим явлениям обычно гораздо сложнее, поскольку эти явления имеют чрезвычайно сложную природу и в силу этого всегда допускают самые различные толкования.

Австрийцы — догматики.

В наше время благодаря возрождению австрийской школы и тому, что коллеги-экономисты стали гораздо лучше понимать ее, чем раньше, этот упрек звучит все реже. Тем не менее в прошлом многие экономисты-неоклассики, поддавшись соблазну, ставили на австрийской школе клеймо «догматизма», не удосужившись разобраться в ее идеях или ответить на критику с ее стороны⁶⁶.

Особенно критически к склонности неоклассиков с порога отбрасывать австрийскую методологию относится Брюс Колдуэлл. Он, в свою очередь, называет догматической и антинаучной эту установку неоклассиков и приходит к выводу, что она не имеет под собой никакого научного обоснования. Вот что он пишет о позиции Самуэльсона: «Что же стоит за этой, можно сказать, антинаучной реакцией на праксиологию? Разумеется, всегда есть практическое объяснение: если праксиология станет мейнстримом экономической науки, человеческий капитал большинства экономистов зна-

чительно снизится (или устареет). Но главная причина, по которой экономисты отвергают методологию Мизеса, не столь утилитарна. Дело в том, что интерес прагматиков к „фундаментальным основам“ экономической теории должен казаться добросовестным ученикам Фридмена, усвоившим его методологию и, следовательно, искренне считающим, что допущения не имеют значения, а главное — это предсказания, праздным, если не извращенным... Но вне зависимости от истоков этой реакции, она является догматической и по сути антинаучной»⁶⁷.

Экономисты-неоклассики обычно выражают то, что они считают точкой зрения экономической науки, куда более высокомерно и догматично, чем австрийцы. Они руководствуются исключительно принципами равновесия, максимизации и неизменности предпочтений. Они претендуют на монопольное право представлять «точку зрения экономической науки» и умалчивают о существовании конкурирующих теорий, в том числе австрийской, значительно более глубокой и гораздо в большей степени соответствующей реальности. Мы питаем надежду на то, что к вящему благу нашей науки этот скрытый догматизм постепенно сойдет на нет⁶⁸.

К счастью, некоторые неоклассики в последнее время начали признавать узость и ограниченность того, что они традиционно считали «точкой зрения экономической науки». Так, Стиглиц признал, что к «недостаткам неоклассической экономической теории относится не только ее неспособность учитывать общие следствия из экономической организации и природы общества и человека, но и то, что она ограничивает свой интерес к человеку чересчур узким подмножеством, а именно *эгоистичным и рациональным поведением*»⁶⁹.

К сожалению, такая открытость пока не стала достоянием большинства экономистов. Своими попытками использовать характерное для них узкое представление о рациональности во все новых и новых областях, таких как семья, уголовная преступность и экономический анализ права, неоклассики вполне обоснованно заслужили обвинение в «научном империализме». По этому поводу Израэл Кирцнер недавно сказал: «Современные экономисты играют с огнем, позволяя рациональности в максимально узком понимании определять социальную политику. Неудивительно, что это вызывает резкую критику»⁷⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПЛЮСОВ И МИНУСОВ ДВУХ ПОДХОДОВ

Сказанное выше не означает, что все или большинство теоретических идей экономистов-неоклассиков следует отвергнуть. На наш взгляд, неоклассическую концепцию нужно заново подвергнуть анализу и, если понадобится, переработать, используя австрийский подход. В результате важные и верные идеи теоретиков неоклассической школы получают дополнительное подкрепление, а скрытые ошибки, которые невозможно было увидеть в неоклассических «теоретических очках», выйдут на поверхность.

Мы не упомянули еще об одном очень значимом — особенно для экономистов-либертарианцев, заинтересованных в развитии исследований теории и практики человеческой свободы — аспекте. Основанная на узком понимании рационализма, утилитаристском подходе к анализу затраты—выгоды и представлении о неизменности и полной доступности необходимой информации (в детерминистском или вероятностном смысле), неоклассическая методология очень легко впадает в оправдание принудительных мер государственного вмешательства. Иными словами, когда неоклассики начинают заниматься «социальной инженерией», они, незаметно для самих себя, превращаются в «аналитиков», готовых выписать интервенционистский рецепт для лечения тех болезней, которые они наблюдают в реальном мире. Это, конечно, создает вокруг неоклассической школы ореол «практичности», но, с другой стороны, именно это часто приводит неоклассиков к оправданию массивного государственного вмешательства. Эта проблема особенно остро стоит перед нашими союзниками — неоклассиками чикагской школы; преданность чикагцев делу свободы и их стремление ее защитить не вызывает сомнений, несмотря на то что их теоретические выводы зачастую далеки от того, что хотелось бы видеть либертарианцам, так как преданность чикагцев сциентизму неоклассической школы вполне сравнима с их преданностью идеалам свободы, а возможно, даже превосходит последнюю. Еще в 1883 г. Менгер, критикуя Адама Смита, показал, как ученые, пытаясь научными методами создать или исправить социальные институты, неизбежно приходят к интервенционистским выводам⁷¹. А уже в наше время один из столпов либертарианского Общества Мон-Пелерен с сожалением констатировал: «Печально, когда наши чикагские союзники используют свои выдающиеся таланты, помогая государству более эффективно делать то, чего оно не должно делать, или то, что оно должно было бы делать в значительно более скромных масштабах»⁷². Те неоклассические теоретики, которые хотят быть либертарианцами, часто становятся жертвой своего рода «парадокса либертарианской социальной инженерии»: полностью разделяя научный подход неоклассической социальной инженерии, они одновременно пытаются использовать неоклассическую модель и инструментарий для оправдания того, что кажется им более «либертарианской» экономической политикой (хотя на самом деле защищаемые ими меры часто противоречат главным принципам свободы). В долгосрочной перспективе они всегда, зачастую незаметно для себя, приходят к поощрению типичного для государственного вмешательства институционального принуждения. Причина не только в том, что в руках других, не очень добросовестных или не слишком любящих свободу теоретиков их аналитические новации легко превращаются в инструмент оправдания мер государственного вмешательства, но еще и в том, что — как в случае, упомянутом Крейном, — они сами предлагают решения, которые лишь на первый взгляд ведут в верном направлении, а на самом деле часто усиливают в конечном счете интервенционистскую роль государства. Это противоречие между сциентистским подходом неоклассиков и либертарианством не раз возникало на протяжении истории экономической мысли; вероятно,

самым ярким примером может служить Иеремия Бентам, который в начале склонялся к либертарианству, но в конце концов стал сторонником государственного интервенционизма⁷³. Как бы то ни было, всем очевидно, что социальная инженерия, которую усиленно поощряет неоклассический мейнстрим, несет ответственность за ту небывалую экспансию государства, которую мы наблюдаем сейчас. Поэтому, с нашей точки зрения, Ганс-Герман Хоппе совершенно справедливо говорит, что позитивистская методология неоклассиков нередко служит «интеллектуальным прикрытием социализма»⁷⁴.

Крах реального социализма и кризис государства всеобщего обеспечения, двух наиболее амбициозных проектов социальной инженерии XX в., безусловно, должны оказать серьезное влияние на развитие неоклассической парадигмы. Очевидно, что если неоклассическая экономическая теория оказалась не в состоянии ни предсказать, ни объяснить историческое событие такого масштаба, то с ней что-то серьезно не в порядке. Именно поэтому неоклассик Шервин Розен был вынужден признать: «Для большинства из нас крах централизованного планирования стал неожиданностью»⁷⁵. Критика стандартных неоклассических моделей уже отражена в известной книге (и курсе лекций) Стиглица «До какой степени социализм?» («Whither Socialism?»). К счастью, нет необходимости отстраивать методологию с чистого листа: теоретики австрийской школы уже создали и усовершенствовали большую часть аналитических инструментов, которые нужны для того, чтобы перестроить экономическую науку. Они вырабатывали, обосновывали, защищали и совершенствовали эти инструменты в ходе описанной нами полемики с теоретиками неоклассической школы. Некоторые из неоклассиков, например Марк Блауг, оказались мужественными людьми и публично заявили об отказе от модели общего равновесия и статического вальрасианского подхода. Блауг признал: «Постепенно и крайне неохотно я все-таки пришел к выводу, что они [австрийская школа] правы, а мы все были неправы»⁷⁶. Кроме того, благотворное влияние сложившейся ситуации проявилось в том, что мейнстрим занялся исследованиями новых для него предметов (теорией аукционов, теорией финансовых рынков, экономическим анализом информации, теорией отраслевой организации, теорией игр и стратегических взаимодействий). Однако по отношению к этим исследованиям нужно сделать важную оговорку: если дело сведется всего лишь к появлению относительно более реалистичных допущений в рамках неизменного методологического подхода, то, скорее всего, мы станем свидетелями замены одних методологически дефектных моделей другими, не менее ложными. С нашей точки зрения, плодотворное развитие экономической науки в новую эпоху, которую мы переживаем, способен обеспечить лишь разработанный австрийской школой динамический подход, основанный на рыночных процессах, субъективизме и предпринимательском творчестве.

Неоклассики обычно оценивают сравнительный успех различных подходов с помощью эмпирических и количественных показателей, что вполне соответствует их методологии. Так, например, они обычно считают, что критерием «успеха» методологии является количество ученых, которые

ею пользуются. Кроме того, они часто ориентируются на *количество* конкретных проблем, «решенных» с помощью того или иного методологического подхода. Однако этот якобы «демократический» аргумент (количество сторонников той или иной парадигмы) не очень убедителен. В истории человеческой мысли, в том числе в истории естественных наук, часто бывали ситуации, когда большинство заблуждалось; мало того, в экономической науке вообще не бывает окончательных эмпирических подтверждений, и поэтому ложные доктрины удается разоблачить и отвергнуть не сразу.

Если теоретические взгляды, основанные на модели равновесия, получают так называемое эмпирическое подтверждение, то они могут считаться верными в течение очень длительного времени, несмотря на то что лежащая в их основе экономическая теория может быть ложной. И даже когда их теоретические дефекты и содержащиеся в них ошибки наконец обнаруживаются, то, в силу того, что в свое время эти идеи формулировались в связи с необходимостью найти решение конкретных исторических задач, найденные аналитические ошибки в значительной степени остаются скрытыми и не замечаются большинством исследователей, так как соответствующие исторические задачи давно утратили свою актуальность.

Если добавить к этому, что всегда существовал (и будет существовать) наивный, но значительный спрос на конкретные прогнозы и «оперативный» анализ возможных мер социально-экономической политики со стороны социальных агентов (прежде всего со стороны властей, общественных лидеров и граждан), то становится очевидным, что этот спрос (подобно спросу на гороскопы и астрологические прогнозы) будет удовлетворяться за счет рыночного предложения аналитиков и социальных инженеров, поставляющих клиентам то, чего они хотят, с соблюдением надлежащего научного декораума. Мизес справедливо отмечал: «Появление профессии экономиста следствие интервенционизма. Профессиональный экономист суть специалист, который разрабатывает различные меры государственного вмешательства в производство. Он является экспертом в сфере экономического законодательства, которое сегодня неизменно направлено на создание препятствий на пути действия рыночной экономики»⁷⁷. Если в качестве окончательного судьи парадигмы, которая, подобно австрийской, доказывает нелегитимность интервенционистских мер, выступает сообщество специалистов по интервенционизму, то называть это «демократией» смешно. Если же признать, что в сфере экономической науки, в отличие от сферы инженерных и естественных наук, иногда имеет место значительный регресс⁷⁸ и совершаются серьезные ошибки, выявление и исправление которых занимает длительное время, то количество внешне успешных «практических» решений тоже не может служить окончательным критерием: ведь завтра вполне может обнажиться ошибочный теоретический фундамент того, что сегодня кажется «верным» с практической точки зрения.

Вместо критериев, оценивающих эмпирический успех⁷⁹, мы предлагаем *качественный* критерий. Согласно этому критерию более успешным считается тот подход, который породил большее количество значимых для развития человечества теоретических открытий. Безусловно, в этом

отношении австрийский подход превосходит неоклассический. Экономисты австрийской школы выдвинули теорию невозможности социализма, которая позволила бы человечеству избежать огромных страданий, если бы вовремя была оценена по достоинству. Крах реального социализма стал иллюстрацией теоретической правоты австрийцев. Нечто похожее, как мы видели, произошло с Великой депрессией 1929 г., а кроме того, и во многих других сферах, применительно к которым австрийцы развивали идеи динамического подхода и говорили о том, что государственное вмешательство искажает координацию в обществе. Это, в частности, деньги и кредит, теория экономических циклов, переработка динамической теории конкуренции и монополии, анализ теории интервенционизма (государственного вмешательства), поиски новых критериев динамической эффективности вместо традиционных критериев Парето, — иными словами, исследование рынка как процесса социального взаимодействия, в основе которого лежит предпринимательство. Эти примеры серьезных качественных успехов австрийского подхода представляют собой яркий контраст по сравнению с серьезными недостатками (или неудачами) неоклассического подхода, в особенности — с его признанной самими неоклассиками неспособностью вовремя распознать невозможность социалистической экономической системы и предупредить негативное воздействие на человечество попыток ее реализации.

Понятно, что для того, чтобы преодолеть инерцию, порожденную постоянным спросом общества на конкретные предсказания, интервенционистские рецепты и эмпирические исследования, которые с готовностью принимаются, несмотря на то что содержат серьезные теоретические ошибки (эти ошибки трудно увидеть в эмпирической среде, где очень сложно получить окончательное доказательство правильности выводов), нужно расширять и углублять субъективный и динамический подход австрийской школы к экономической науке. Здесь уместно вспомнить знаменитые слова Хайека: «Вероятно, не будет преувеличением сказать, что за последние сто лет мы обязаны субъективизму всем важным открытиям в экономической науке»⁸⁰. Если он прав, то дальнейшее развитие экономической науки возможно только на основе субъективистского метода австрийской школы.

Спор о методах будет продолжаться до тех пор, пока есть люди, предпочитающие теории, симпатичные им лично, теориям, верным в теоретическом отношении, и до тех пор, пока людям будет свойственна пагубная рационалистическая самонадеянность, заставляющая их считать, что они обладают гораздо большей информацией, чем это есть на самом деле. Этим опасным тенденциям в человеческой мысли, которые неизбежно будут проявляться снова и снова, мы способны противопоставить гораздо более реалистичную, более глубокую и более гуманистическую методологию, разработанную теоретиками австрийской школы, — и я искренне приглашаю присоединиться к ней всех ученых, любящих свободу.

ГЛАВА 3

«ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ИСТОРИЯ» И ВЫХОД ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛЫ¹

В «Пагубной самонадеянности» Хайек писал: «Как ни противоречит это нашим хотениям, мы должны навсегда оставить надежду на создание какой бы то ни было имеющей универсальную значимость системы этики». В этой заметке мы хотели бы выразить сомнение в справедливости этого утверждения и сказать несколько слов о совместимости трех разных уровней в подходе к изучению жизни людей.

Первый уровень связан с тем, что Хайек, вслед за Юмом, называет «предполагаемой историей»². Предполагаемая история представляет собой истолкование эволюционных процессов и анализ их результатов (обычаев, нравов, законов и институтов). Эта традиция берет начало в работах Монте-скье [1689—1755] и Юма [1711—1776] и достигает расцвета в главных книгах Хайека [1899—1992] и в особенности — в «Пагубной самонадеянности» [1988]. Для этого подхода характерен высокий уровень междисциплинарности; он подразумевает социологические, политические, антропологические и другие исследования. Иными словами, это первый подход к изучению жизни людей, который сформировался в ходе становления научной мысли; его цель — дать объяснение эволюции и возникновения «реального, или позитивного, права». Для исследователя главный риск здесь связан с тем, что в ходе интерпретации явлений исторической эволюции очень просто совершить ошибку, особенно если (явно или по умолчанию) использовать ошибочную теорию.

Второй подход к исследованию жизни людей возник гораздо позже, в XVIII в., с появлением экономической науки. Наиболее ярко он проявляется в теории австрийской экономической школы, которая занимается формальным научным исследованием стихийных динамических процессов, представляющих собой результат взаимодействия людей. Следовательно, его главная задача — создание формальной теории социальных процессов или, если угодно, попытка предложить подробное рациональное объяснение этих процессов. На этом уровне возникает праксиология (формальная теория социальных процессов). Ее отцом был Менгер, его дело продолжил Мизес; к праксиологической традиции принадлежат ранние работы Хайека, а в наши дни эту науку развивают современные представители неоавстрийской школы. Если придерживаться терминологии Монте-скье, то на этом уровне цель состоит в том, чтобы посредством рациональных инструментов открыть законы природы в сфере социальных процессов. Главный риск для этого подхода (т.е. для экономической науки) сопряжен с тем, что Хайек называет конструктивизмом; экономисту чрезвычайно легко забыть о том, что ему следует ограничиваться интерпретацией и исследованием социальных процессов с помощью логических и формальных инструмен-

тов, поддаться пагубной самонадеянности и поверить в то, что научные знания можно использовать для перестройки и конструирования общества *ex novo*.

Наконец, третий подход предполагает создание формальной теории социальной этики. Как видно из приведенной нами цитаты, Хайек считает эту задачу невозможной. Однако нам представляется, что, подобно тому как мы можем дать рациональное истолкование социальных процессов (экономическую теорию), мы можем предложить и формальное и рациональное объяснение социальной этики. Эта задача связана с поиском и обоснованием так называемого естественного права. Родоначальником этой традиции является Локк, а в наше время она представлена, в частности, Нозиком и Ротбардом. Как и в случае с экономической теорией, главную опасность для этого подхода представляет конструктивизм. Однако это не повод, чтобы отказываться от попыток разработать формальную теорию социальной этики. Таким образом, имеется три уровня: уровень реального (или позитивного) права, уровень законов природы и уровень естественного права. Их изучают предполагаемая история, праксиология и формальная теория этики соответственно. Все три подхода взаимно дополняют друг друга; на каждом уровне имеются свои риски (риск теоретических ошибок — на первом, риск конструктивизма — на втором и третьем). На практике мы должны руководствоваться следующим правилом: когда выводы второго или третьего уровня противоречат выводам первого уровня (предполагаемой истории), это должно быть поводом для беспокойства. В таких случаях нужно вести себя крайне осторожно, чтобы не скатиться в конструктивизм.

Хайек внес большой вклад в развитие второго подхода (т.е. в экономическую теорию), а также первого (своей теорией эволюции и критикой конструктивизма). Нам кажется, что если бы профессор Хайек обратился и к исследованиям третьего уровня (т.е. к разработке теории социальной этики), он мог бы обогатить науку и в этом отношении.

ГЛАВА 4

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛИЗМА¹

В этой статье я стремлюсь продемонстрировать, что теория предпринимательства, созданная Израэлем Кирцнером, должна стать необходимым элементом любого анализа невозможности социализма. Я также сформулирую новое, основанное на понятии предпринимательства определение социализма, которое представляется мне более универсальным и аналитически перспективным, чем стандартное определение. В первой части статьи я предлагаю собственную интерпретацию сущности предпринимательства, а во второй — новое определение социализма, после чего будет проанализирована невозможность социализма с точки зрения теории предпринимательства. В заключение я выступаю с критикой других определений социализма, в том числе — традиционного.

Сущность предпринимательства

В самом общем и наиболее широком смысле предпринимательство и человеческая деятельность совпадают². Можно сказать, что любой, кто *действует*, чтобы изменить свое настоящее и достичь своих целей в будущем, занимается предпринимательством. Хотя на первый взгляд это определение может показаться слишком широким и не соответствующим нынешнему словоупотреблению, нужно учитывать, что оно находится в русле той концепции предпринимательства, которую изучает и разделяет все больше экономистов³, и полностью согласуется с исходным этимологическим значением термина *entrepreneur* (*предприниматель*). Действительно, английские слова *enterprise* (французское *entreprise*, испанское *empresa*), и *entrepreneur* (*предприниматель*, исп. *empresario*) восходят к латинскому глаголу *in prehendo-endi-ensum*, означающему «открывать, видеть, воспринимать, осуществлять, достигать»; а латинское *in prehensa* явно подразумевает *действие* и означает «брать, ловить, хватать». Говоря коротко, *empresa* является синонимом действия. Во Франции термин *entrepreneur* уже во времена Средневековья использовался для обозначения людей, ответственных за выполнение важных военных задач или за строительство больших соборов. Оксфордский словарь английского языка («The Oxford English Dictionary») определяет «предпринимательство» (*enterprise*) как «*деятельность*, за которую берется человек», а также как «дерзкое, сложное и масштабное предприятие»⁴. «Словарь Испанской Королевской Академии» («Diccionario de la Real Academia Española») определяет одно из значений слова *empresa* так: «напряженная и тяжелая *деятельность*, доблестно взятая на себя». Это слово вошло в употребление в Средние века.

Тогда им обозначали инсигнии* некоторых рыцарских орденов. Они означали, что те, кто их носит, поклялись совершить какое-либо важное деяние. Представление о *предпринимательстве* как о деятельности всегда связано с особой предпринимательской установкой, которая состоит в постоянной готовности предпринимателя искать, открывать, создавать или обнаруживать новые цели и средства (в полном соответствии с описанным выше этимологическим значением латинского глагола *in prehendō*).

Предпринимательство и бдительность

Предпринимательство в узком смысле слова состоит в основном в том, чтобы открывать и подмечать (*prehendo*) возможности для достижения какой-либо цели, получения прибыли или выгоды, или, если угодно, действовать, используя возникающие вокруг возможности. Кирцнер считает, что предпринимательство связано с особым рода *бдительностью* (по-испански *perspicacia* [восприимчивость]), т.е. с постоянной *настороженностью* и *восприимчивостью*, которая позволяет человеку обнаруживать и понимать то, что происходит вокруг него⁵. Возможно, Кирцнер использует английское слово *alertness** из-за того, что *entrepreneurship* (предпринимательство) происходит из французского и в английском, в отличие от романских языков, не предполагает автоматически представления о *prehendo*. Во всяком случае, испанское прилагательное *perspicaz* (прозорливый) вполне подходит для предпринимательства, поскольку, как утверждает «Словарь Испанской Королевской Академии», оно описывает «зоркий и очень острый взгляд». Слово *speculator* (спекулянт) происходит от латинского *specula*, что означает сторожевую башню или наблюдательный пункт, с которого можно осматривать окрестности. Этот образ очень хорошо сочетается тем, как ведет себя предприниматель, когда принимает решения о том, как он будет действовать, и оценивает будущие последствия своих действий. Слово *alertness* также подходит для предпринимателя, потому что оно связано с идеей настороженности и сосредоточенного внимания [а также с «живостью, проворством, резвостью, расторопностью». — *Ред.*].

Информация, знание и предпринимательство

Чтобы как следует усвоить свойства предпринимательства в нашем понимании, нужно глубоко осознать, каким образом оно модифицирует и меняет информацию и знание, которыми обладает действующий субъект. Во-первых, когда человек осознает или находит новые цели и средства, это приводит к модификации его знаний, так как он обнаруживает новую информацию. Во-вторых, это открытие меняет всю карту, весь информационный контекст, которым обладает человек. Это позволяет нам сформулировать следующий фундаментальный вопрос: какие свойства информации и знания значимы с точки зрения предпринимательства? Мы рассмотрим

шесть основных черт этого типа знания: 1) оно субъективно и носит практический, т.е. ненаучный, характер; 2) это частное, т.е. эксклюзивное, знание; 3) оно рассеяно в умах всех людей; 4) это знание в основном неявное, и потому оно не выражено в словах; 5) это знание, созданное предпринимательством *ex nihilo*, из ничего; 6) это знание может быть передано, в основном бессознательно, посредством сложных социальных процессов, исследование которых и является предметом экономической науки.

Субъективное и практическое ненаучное знание

Анализируемый нами тип знания — то знание, которое имеет наибольшее значение для практической человеческой деятельности — прежде всего является *субъективным* и носит практический, а не научный характер. Практическое знание — это такое знание, которое нельзя представить формальным способом; оно приобретает посредством практики, т.е. в процессе самой человеческой деятельности в ее разнообразных контекстах. Как пишет Хайек, это знание имеет значение в любых конкретных обстоятельствах, т.е. конкретных субъективных координатах времени и места⁶. Иными словами, мы имеем в виду знание, выраженное через то, как человек оценивает свои цели, а также через его субъективное представление о целях, которые преследуют другие действующие субъекты. Это знание включает также практическую информацию о средствах, которые, по мнению действующего субъекта, доступны ему и могут дать ему возможность достичь целей, но особенно — информацию обо всех обстоятельствах, личных или иных, которые, как считает действующий человек, могут иметь для него значение в контексте конкретной деятельности⁷.

Частное и рассеянное знание

Практическое знание является эксклюзивным и рассеянным. Это означает, что каждый действующий субъект обладает только несколькими «атомами», или «битами», всей информации, которая генерируется в масштабах социума и распространяется глобально, и что парадоксальным образом этими битами владеет только он: иными словами, только он сознательно обращается к ним и интерпретирует их. Следовательно, каждый человек, действующий и проявляющий предпринимательство, делает это своим собственным, личным и неповторимым способом, поскольку он стремится достичь определенных целей в соответствии с неким мировоззрением и некоей суммой знаний о мире, которыми во всех их разнообразных и многочисленных оттенках владеет только он и которые в этой форме недоступны никому другому. Поэтому знание, которое мы имеем в виду, не дано, оно не есть нечто, что может стать доступным каждому через материальные средства хранения информации (газеты, журналы, книги, компьютеры и т.п.). Это значимое для человеческой деятельности знание

является практическим и строго эксклюзивным по своей фундаментальной природе; оно «распространяется» исключительно в сознании индивидов, которые действуют и в совокупности составляют общество. На рис. 4.1 изображены человечки, которые будут служить наглядной иллюстрацией наших рассуждений.

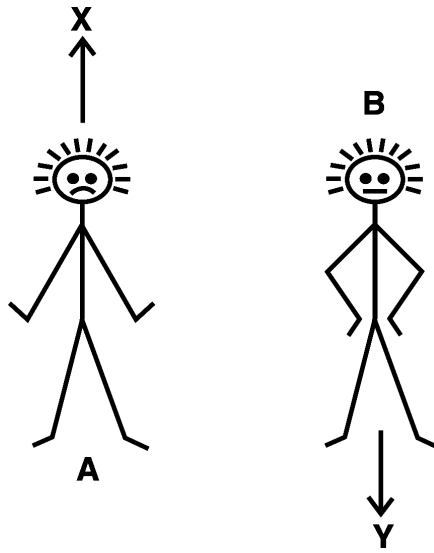

Рис. 4.1

Человечки на этом рисунке символизируют двух *реальных людей* из плоти и крови, которых мы будем называть А и В. Каждый из людей, которых обозначают А и В, обладает неким личным и эксклюзивным знанием, т.е. знанием, которым не обладает другой. Действительно, с нашей точки зрения, внешнего наблюдателя мы видим, что «существует» знание, которым не обладает внешний наблюдатель, и оно рассеяно между А и В, так как одной частью его обладает А, а другой — В. Предположим, например, что информация, которой владеет А, состоит в том, что он планирует достичь цели X (эту цель обозначает направленная на X стрелка над его головой), и у него есть конкретное практическое знание, значимое в контексте его деятельности (набор практических знаний или информации обозначен лучиками вокруг головы А), чтобы помочь ему в этом. В находится в аналогичной ситуации, за исключением того, что он преследует совершенно иную цель Y (ее обозначает стрелка, направленная от его ног к Y). Набор практической информации, которую субъект В считает значимой в контексте своей деятельности, направленной на достижение Y, также изображен лучиками вокруг его головы.

Во многих случаях, когда деятельность является простой, действующий субъект обладает всей информацией, необходимой для достижения цели, и у него нет необходимости иметь дело с другими действующими субъектами. В таких ситуациях то, предпринимается действие или нет, зависит

от *экономического расчета*, т.е. от оценочного суждения, которое человек выносит, *напрямую* сравнивая и взвешивая субъективную ценность своей цели с издержками, т.е. с ценностью, которую он приписывает тому, от чего он вынужден будет отказаться ради достижения избранной цели. Действующий субъект может принять решение такого типа непосредственно только применительно к некоторым, очень простым типам действий. Большая часть деятельности, в которую мы вовлечены, гораздо сложнее и относится к другому типу. Представим себе, что, как изображено на рис. 4.1, А страстно желает достичь цели X, но для этого ему требуется недоступное для него средство M, про которое он *не знает*, где или как его найти. Давайте также предположим, что В находится в другом месте и стремится к совершенно другой цели (к цели Y), направляя на это все свои усилия, и что он знает или имеет в своем распоряжении достаточное количество ресурса M или знает о существовании ресурса M, который не нужен ему и не подходит для его целей, но при этом случайным образом представляет собой именно то, что необходимо А, чтобы достичь желанной для него цели (X). Нужно отметить, что цели X и Y *противоречат друг другу*, как и в большинстве реальных ситуаций: действующие лица преследуют различные цели с различной степенью интенсивности и обладают несопоставимыми или рассогласованными знаниями об этих целях и о средствах, находящихся в их распоряжении (этим объясняются унылые рожицы наших человечков). Позже мы увидим, как предпринимательство позволяет преодолеть эти противоречия и *отсутствие координации*.

Неявное знание, которое невозможно выразить словами

Практическое знание — это в основном *неявное* знание, которое *нельзя выразить словами*. Это означает, что человек знает, как выполнить какие-то действия (*знание как*), но не может выделить части или элементы того, что он делает, или определить, ложны они или истинны (*знание что*)⁸. Например, когда человек учится игре в гольф, обучение состоит не в том, что он зазубривает набор объективных научных правил, позволяющих ему делать нужные движения, предварительно вычислив их с помощью формул матфизики, а в том, что он усваивает определенные практические навыки поведения. Мы можем также вслед за Майклом Поланьи привести в качестве примера, как люди приобретают навык сохранять равновесие при езде на велосипеде, поворачивая руль в ту сторону, в которую велосипед начинает падать, создавая тем самым центробежную силу, не дающую ему упасть. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев велосипедист не знаком с физическими принципами, стоящими за его умением, и не осознает их. На практике велосипедисты используют свое «чувство равновесия», которое каким-то образом подсказывает им, как себя вести, чтобы не упасть. Поланьи утверждает даже, что любое знание в основе своей неявно⁹. Даже максимально формализованное и научное знание всегда восходит к интуитивной догадке или к творческому озарению, т.е. к проявле-

ниям неявного знания. Кроме того, новое, формализованное знание, источником которого являются формулы, книги, графики, карты и т.п., значимо для нас в основном потому, что оно помогает нам реструктурировать уже имеющуюся у нас информацию в контексте иного, более глубокого и перспективного взгляда на мир, открывающего для нашей творческой интуиции новые возможности.

Другой тип знания, которое невозможно выразить словами, также играющее ключевую роль в развитии общества, представлен набором обычаев, традиций, институтов и юридических норм, в совокупности образующих право, которое делает возможным существование общества. Люди обучаются повиноваться этим нормам, несмотря на то что не могут дать им объяснение и подробно описать точную функцию этих норм и институтов в тех ситуациях и в общественных процессах, где они, безусловно, играют важную роль. То же самое можно сказать о языке, или, например, о финансовом и производственном учете, используемом предпринимателями в качестве ориентира для действий и представляющем собой практические знания или инструменты, в контексте конкретной рыночной экономики обеспечивающие предпринимателей общими директивами для достижения их целей, хотя большинство предпринимателей неспособны сформулировать научную теорию учета и уж тем более неспособны объяснить, какую роль он играет в сложных процессах координации, делающих возможной жизнь в обществе¹⁰. На этом основании мы можем сделать вывод, что предпринимательство в нашем понимании (способность открывать и замечать возможности получения прибыли и сознательно их использовать), по сути, сводится к неявному знанию, которое невозможно выразить словами.

Принципиально творческая природа предпринимательства

Занятие предпринимательством не требует никаких средств. Это значит, что предпринимательство не подразумевает никаких издержек и, следовательно, носит принципиально творческий характер. Творческий аспект предпринимательства воплощается в том, что оно производит прибыль такого рода, которая, в определенном смысле, возникает из ничего. Мы будем называть ее *чистой предпринимательской прибылью*. Чтобы извлечь предпринимательскую прибыль, человеку не нужно предварительно никаких средств, — ему нужно только правильно распорядиться своей предпринимательской способностью. Чтобы проиллюстрировать это, вернемся к ситуации, изображенной на рис. 4.1. Для появления возможности извлечения чистой предпринимательской прибыли достаточно простого осознания того, что между А и В имеется *рассогласованность* или *отсутствует координация*. На рис. 4.2 появляется третье лицо С, которое начинает заниматься предпринимательством, обнаружив прибыльную возможность, вытекающую из рассогласованности и отсутствия координации, изображенных на рис. 4.1 (лампочка показывает, что С увидел эту

возможность). С точки зрения логики и на практике предпринимательством могут заниматься А, В или А и В одновременно, с различной или одинаковой интенсивностью, но в наших целях для большей наглядности мы используем третье лицо С.)

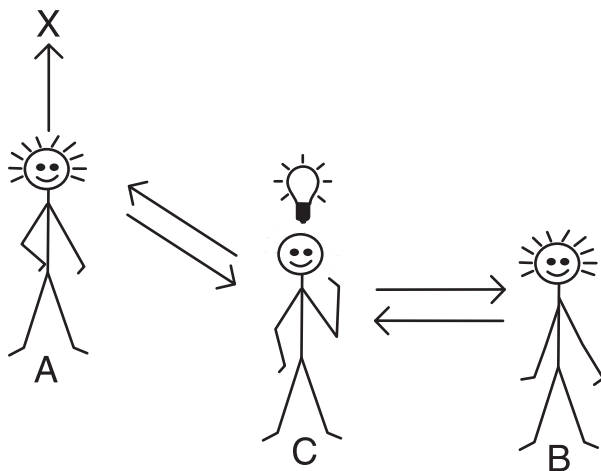

Рис. 4.2

На самом деле С нужно только вступить в контакт с В и предложить купить у него по какой-нибудь цене, скажем, за три денежных единицы, тот ресурс, который в изобилии доступен для В и не имеет для него почти никакого значения. В будет ужасно рад, поскольку ему никогда не приходило в голову, что он может столько получить за свой ресурс. Позже, после осуществления этой сделки С получает возможность вступить в контакт с А и продать ему ресурс, который так остро нужен для достижения его цели. С может продать А этот ресурс, например, за 9 денежных единиц. (Если у С нет денег, то он может достать их, например, убедив кого-нибудь дать ему на время в долг.) Итак, с помощью предпринимательства С извлек *ex nihilo* чистую предпринимательскую прибыль в размере 6 денежных единиц.

Особенно важно подчеркнуть, что у данного акта предпринимательства имеются три чрезвычайно важных последствия. Во-первых, предпринимательство *создало* новую информацию, которой раньше не существовало. Во-вторых, эта информация была *передана* с помощью рынка. В-третьих, данный предпринимательский акт *научил* его участников подстраивать свое поведение под поведение других. Эти последствия предпринимательства настолько важны, что имеет смысл рассмотреть их по отдельности.

Создание информации

Каждый предпринимательский акт приводит к созданию новой информации *ex nihilo*. Информация создается в уме того индивида (в нашем слу-

чае человека С), который первый приступает к предпринимательству. Действительно, когда С понимает, что существует ситуация с участием А и В, подобная описанной нами, у него в уме появляется новая информация, которой он до того не обладал. Более того, как только С начинает действовать и вступает в контакт с А и В, новая информация возникает также в умах А и В. Так, А понимает, что ресурс, которого у него не было и в котором он так остро нуждался для достижения своих целей, доступен в ином месте на рынке в больших количествах, чем он думал, и что, следовательно, теперь он может предпринять те действия, к которым не мог приступить ранее из-за отсутствия этого ресурса. В, в свою очередь, понимает, что имеющийся у него в изобилии ресурс, которого он не ценил, является объектом желания других и что, следовательно, он может дорого продать его. Кроме того, часть новой практической информации (тот факт, что В продал за три денежных единицы, а А купил за девять), которая первоначально появилась в уме С в ходе его предпринимательской деятельности, а позже возникла в умах А и В, в сжатой форме фиксируется в данных о *ценах*, т.е. об исторических пропорциях обмена.

Передача информации

Создание информации предпринимателями подразумевает ее немедленную *передачу* на рынке. Действительно, передать что-то кому-то означает стать причиной того, чтобы в уме этого человека возникла часть информации, созданной или обнаруженной нами до этого. Строго говоря, в нашем примере не просто произошла передача В мысли, что его ресурс важен и что он не должен расходовать его непроизводительно, а А — мысли, что он может приступить к реализации цели, которую поставил себе, но не начал осуществлять из-за отсутствия конкретного ресурса; распространение информации на этом не закончилось. Ведь цены, которые образуют чрезвычайно мощную коммуникационную систему, так как передают большой объем информации при очень низких издержках, сообщают всему рынку и всему обществу, во-первых, что данный ресурс следует беречь и производить, поскольку на него есть спрос, а во-вторых — что все те, кто воздерживался от действий, потому что считал, что этого ресурса не существует, могут получить его и приступить к реализации своих планов. Логически важная информация всегда субъективна и не существует вне людей, способных ее истолковать или обнаружить, поэтому информацию всегда создают, воспринимают и передают люди. Ошибочное представление, будто бы информация объективна, проистекает из того, что часть субъективной информации, созданной предпринимательством, «объективно» выражается в знаках (ценах, институтах, правилах, «фирмах») и т.п., которые могут обнаружить и субъективно интерпретировать в контексте своих конкретных действий многие люди, что будет способствовать созданию новой, более разнообразной и сложной субъективной информации. Однако, несмотря на это, передача социальной информации в основном является неявной и субъек-

ективной; это значит, что информация не формулируется явным образом и сообщается в сильно сокращенном виде (в действительности, субъективно сообщается и воспринимается лишь необходимый минимум информации, способный обеспечить координацию социальных процессов), что позволяет людям наилучшим образом использовать ограниченную способность человеческого ума непрерывно создавать, обнаруживать и передавать новую информацию.

Обучающий эффект: координация и приспособление

Наконец, следует обратить внимание на то, каким образом действующие субъекты А и В научились действовать, подстраиваясь друг под друга. В результате предпринимательской деятельности, которую инициировал С, В больше не обходится расточительно с доступным ему ресурсом, а сохраняет его, действуя в своих собственных интересах. Поскольку в таком случае А может рассчитывать на этот ресурс, он в состоянии достичь своей цели и приступает к деятельности, от которой отказывался ранее. Итак, они учатся действовать *скоординированно*, т.е. обуздывать себя и подстраивать свое поведение к нуждам другого. При этом они обучаются наилучшим из возможных способов: не осознавая того, что учатся и по собственному побуждению; иными словами, добровольно и в рамках системы, внутри которой каждый из них стремится к своим личным целям и преследует собственные интересы. Именно это является *ядром* изумительного по своей простоте и эффективности процесса, который делает возможной жизнь в обществе. Наконец, мы видим, что предпринимательская активность С не только делает возможной отсутствовавшую до этого координацию действий А и В, но и позволяет им обоим произвести *экономический расчет* для собственных действий, используя данные и информацию, которая раньше была им недоступна и владение которой значительно повышает вероятность того, что каждый из них достигнет своей цели. Таким образом, именно информация, порождаемая в ходе предпринимательского процесса, и есть то, что позволяет людям производить экономические расчеты. В отсутствие предпринимательского процесса информация, необходимая людям для того, чтобы правильно посчитать или оценить ценность каждого из возможных вариантов их действий, не возникает. Итак, в отсутствие предпринимательства экономический расчет невозможен¹¹.

В этих наблюдениях заключаются важнейшие и наиболее фундаментальные уроки социальной науки, позволяющие нам сделать вывод, что предпринимательство, несомненно, является наиболее существенной из социальных функций, поскольку оно делает жизнь в обществе возможной, корректируя и координируя поведение его отдельных членов. Невозможно представить существование какого бы то ни было общества в отсутствие предпринимательства.

Основной принцип

С теоретической точки зрения по-настоящему важно не то, кто конкретно занимается предпринимательством (хотя в практическом отношении именно это важнее всего): принципиально то, что в отсутствие институциональных и правовых ограничений свободы предпринимательства любой человек может использовать свои предпринимательские способности, как он считает нужным, извлекая выгоду из той эксклюзивной практической информации, которую он создает в каждом конкретном случае.

Более глубоко исследовать происхождение той врожденной силы, которая побуждает человека действовать по-предпринимательски во всех областях жизни, — это задача не для экономиста, а для психолога. Мы же хотим просто подчеркнуть следующий фундаментальный принцип: как правило, человек находит интересующую его информацию, а в силу этого — при условии, что он свободен в достижении своих целей и отстаивании своих интересов, — его цели и интересы работают как стимулы для его предпринимательской деятельности и дают ему возможность постоянно замечать и находить практическую информацию, необходимую для реализации его стремлений. Верно также и обратное. Если — не имеет значения, почему — в какой-либо области жизни общества предпринимательство ограничено или запрещено (посредством принудительных юридических, институциональных или традиционных ограничений), то люди не станут даже рассматривать возможность достижения целей в этой запретной области, а раз цели будут недостижимыми, то они не будут работать как стимулы и, соответственно, не будет появляться никакой практической информации, значимой для их достижения. Кроме того, в этих условиях даже те люди, кого это затронет, *не будут осознавать* огромной ценности и многочисленности целей, ставших недостижимыми в результате институциональных ограничений. На примере человечков, изображенных на рис. 4.1 и 4.2, мы видим, что если люди свободны в своей человеческой деятельности, то в каждом случае социальной рассогласованности и отсутствия координации «предпринимательская лампочка» может свободно загореться, запустив процесс создания и передачи информации, процесс, приводящий к устранению рассогласованности; именно такая координация делает жизнь в обществе возможной. Однако если в какой-либо сфере имеются препятствия для предпринимательства, то «предпринимательская лампочка» никак не может загореться: иными словами, тогда у предпринимателя нет возможности обнаружить существующую рассогласованность, которая в силу этого продолжает существовать и может даже углубляться.

Предпринимательство и концепция социализма

Первый раздел статьи мы посвятили предпринимательству потому, что предлагаемое нами определение социализма основано на понятии предпринимательства. Мы называем «социализмом» *любую систему институцио-*

нальной агрессии против свободного проявления предпринимательства. Под агрессией, или принуждением, мы имеем в виду любое физическое насилие или угрозу физического насилия, которые инициирует или предпринимает против действующего субъекта иное лицо или группа лиц. В результате такого принуждения человек, который в ином случае свободно занимался бы предпринимательством, вынужден, чтобы избежать худшего, действовать не так, как он действовал бы в подобных обстоятельствах, но в отсутствие принуждения, и следовательно, менять свое поведение и приспособлять его к целям лица или лиц, которые его принуждают¹². Мы рассматриваем агрессию, понимаемую таким образом, как в высшей степени античеловеческую деятельность. Ведь принуждение не дает человеку свободно заниматься предпринимательством, т.е. добиваться своих целей используя те средства, которые, согласно имеющейся у него информации и с учетом тех знаний, которыми он располагает, больше всего подходят, чтобы достичь успеха. Агрессия есть зло, так как она не дает человеку заниматься тем главным, что делает его человеком, тем, что наиболее полно отвечает его сокровенной сути.

Агрессия бывает двух типов: систематическая (институциональная) и несистематическая (неинституциональная). Второй тип принуждения, рассредоточенный, произвольный и малопредсказуемый, воздействует на предпринимательство при условии, что человек считает более или менее вероятным, что в ходе конкретной деятельности он подвергнется насилию, исходящему от третьей стороны, которая, возможно, изымет у него продукт его предпринимательского творчества. В то время как несистематические вспышки агрессии могут быть более или менее серьезными, в зависимости от обстоятельств институциональная, или систематическая, агрессия по отношению к согласованному осуществлению человеческого взаимодействия имеет гораздо более важное значение. Именно об этом типе агрессии идет речь в нашем определении социализма¹³. Институциональное принуждение носит высокопредсказуемый, повторяющийся, методичный и организованный характер. Систематическая агрессия против предпринимательства существенно мешает предпринимательской деятельности и, кроме того, искажает характер предпринимательства во всех областях жизни общества, которые затрагивает. На рис. 4.3 изображена типичная ситуация, возникающая в результате систематического принуждения.

На рис. 4.3 показано, что свободной человеческой деятельности С по отношению к А и В в конкретной сфере социальной жизни систематически и организованно препятствуют путем принуждения. Принуждение обозначено вертикальными линиями, отделяющими С от А и В. Систематическое принуждение представляет собой серьезную угрозу, и вследствие этого С больше не в состоянии обнаружить и использовать возможность получения прибыли, которая появилась бы у него, если бы он мог свободно взаимодействовать с В и А. Очень важно четко понимать, что агрессия не только мешает людям пользоваться прибыльными возможностями: она не позволяет им даже обнаружить их. Стимулом для поиска возможностей является надежда получить прибыль или преимущество. Но если в какой-то сфе-

ре социальной жизни имеет место систематическое принуждение, то люди обычно приспосабливаются к нему, считают такое положение данностью и соответственно не создают, не находят и не замечают скрытых возможностей. Чтобы показать это на нашей схеме, мы перечеркнули лампочку, обозначающую творческий акт чистого предпринимательского открытия.

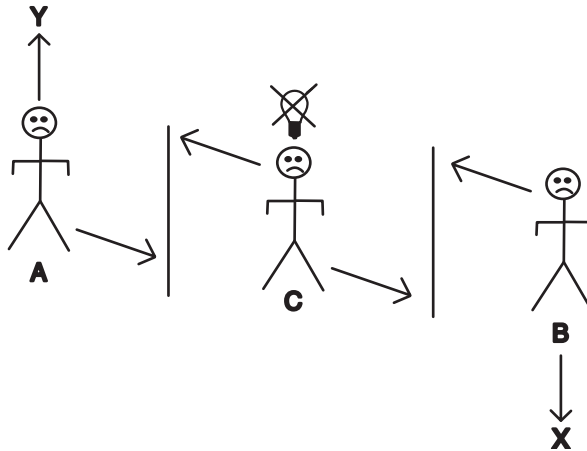

Рис. 4.3

Если в конкретной социальной сфере систематически происходит агрессия и в результате люди не могут заниматься в ней предпринимательской деятельностью, то там не возникнет ни одного из изученных нами типичных последствий предпринимательского акта. Во-первых, новая информация не будет создана и передана. Во-вторых — и это еще хуже, — в случаях отсутствия социальной координации не будет происходить необходимое приспособление. Действительно, если люди не могут свободно использовать возможности для получения прибыли, у них нет стимула находить ситуации социальной рассогласованности и отсутствия координации. Иными словами, информация не будет создаваться и распространяться, а индивиды не будут учиться приспосабливать свое поведение к поведению других людей.

Таким образом, на рис. 4.3 мы видим, что отсутствие у С условий для предпринимательства поддерживает систему в состоянии перманентной разбалансированности: А не может преследовать цель Y, потому что у него нет ресурса, который есть у В и ему совсем не нужен. Не зная, что А существует и остро нуждается в этом ресурсе, В тратит его впустую. На основании нашего анализа можно сделать вывод, что главное последствие социализма, как мы его определили, состоит в сдерживании действия координирующих сил, которые делают возможной жизнь в обществе. Означает ли это, что сторонники социализма борются за хаотическое и беспорядочное общество? Совсем наоборот. За редкими исключениями, приверженцы социалистического идеала защищают его потому, что явно или неявно считают или предполагают, что в результате использования институционального,

или систематического насилия, к которому они призывают, система социальной координации не только не будет повреждена, но, напротив, станет гораздо более эффективной, поскольку систематическая агрессия будет осуществляться контролирующим органом, чьи оценки и знания (в отношении целей и средств) и в количественном, и в качественном отношении значительно, по мнению социалистов, превосходят те, на которые способны жертвы принуждения. Теперь мы можем дополнить наше определение социализма, сформулированное в начале раздела: *Социализм — это любая систематическая или институциональная агрессия, которая ограничивает свободное осуществление предпринимательства в какой-либо социальной сфере и осуществляется контролирующим органом, отвечающим за обеспечение необходимой социальной координации в этой сфере.* В следующем разделе мы выясним, является ли социализм в нашем определении интеллектуальной ошибкой.

Социализм как интеллектуальная ошибка

Жизнь в обществе возможна благодаря тому, что люди, стихийно и не осознавая этого, обучаются подстраивать свое поведение к потребностям других. Этот бессознательный процесс обучения происходит естественным образом в ходе осуществления человеком предпринимательской деятельности. По мере того как человек взаимодействует с другими людьми, он стихийно инициирует процесс корректировки или координации, в ходе которого постоянно возникает, обнаруживается и распространяется между людьми новая, неявная, практическая и рассеянная информация. Проблема, связанная с феноменом социализма, такова: может ли в принципе механизм принуждения контролировать необходимые для функционирования общества процессы, корректирующие и координирующие поведение зависящих друг от друга людей, происходящие в системе, где люди постоянно находят и создают новую практическую информацию, которая обеспечивает развитие цивилизации? Идеал социализма дерзок и честолюбив¹⁴, поскольку его сторонники не только считают, что механизм социальной координации и приспособления возможно обеспечить с помощью контролирующего органа, применяющего институциональное принуждение в соответствующей сфере, но и полагают, что принуждение может привести к более высокому уровню координации.

Рис. 4.4 иллюстрирует наше определение социализма. На «нижнем» уровне изображенной на нем схемы мы находим людей, которые обладают практическим знанием или информацией и, следовательно, пытаются свободно взаимодействовать друг с другом, несмотря на то что в некоторых сферах институциональное принуждение препятствует их взаимодействию. Мы изображаем это принуждение с помощью вертикальных линий, которые отделяют друг от друга человечков внутри каждой группы. На «высшем» уровне мы нарисовали контролирующий орган, который осуществляет институциональное принуждение в некоторых сферах социаль-

ной жизни. Вертикальные стрелки, идущие от человечков нижнего уровня и направленные вверх и вниз, указывают на наличие у них рассогласованных личных планов, что является типичным признаком отсутствия социальной координации. Эти случаи отсутствия координации невозможно обнаружить и устранить с помощью предпринимательства из-за барьеров, воздвигнутых институциональным принуждением. Стрелочки, идущие от головы человека-контролера к каждому из человечков нижнего уровня, обозначают приказы, воплощающие типичную для социализма институциональную агрессию; они предназначены для того, чтобы заставить граждан согласованно действовать ради достижения цели F, которую контролирующей орган считает «справедливой».

Приказ — это любое конкретное указание или правило, имеющее четко определенное содержание, если это указание, вне зависимости от его юридической формы, запрещает или приказывает людям совершать конкретные действия в конкретных обстоятельствах. Приказ характеризуется тем, что он запрещает людям свободно заниматься предпринимательством в конкретной социальной сфере.

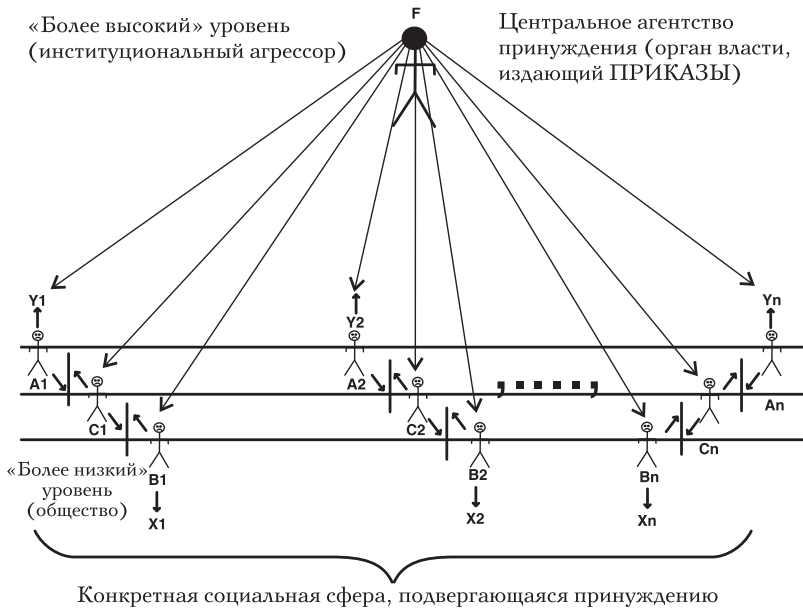

Рис. 4.4

Кроме того, приказы представляют собой сознательные решения контролирующего органа, занимающегося институциональной агрессией; они предназначены для того, чтобы принудить всех людей реализовывать не свои собственные цели, а цели тех людей, которые управляют и контролируют.

В силу сказанного выше социализм представляет собой интеллектуальную ошибку, потому что теоретически невозможно, чтобы орган, отвечаю-

щий за осуществление институциональной агрессии, обладал достаточной информацией для порождения приказов, способных координировать жизнь общества. Мы рассмотрим этот простой довод подробнее. Его можно развивать с двух разных, но дополняющих друг друга точек зрения: во-первых, с точки зрения человеческих существ, которые составляют общество и подвергаются принуждению; во-вторых, с точки зрения органа принуждения, систематически осуществляющего агрессию. Мы проанализируем проблему социализма с каждой из этих двух точек зрения.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Статический аргумент

Не надо забывать, что каждый из взаимодействующих людей, в совокупности образующих общество («нижний» уровень на рис. 4.4), обладает эксклюзивной, практической, рассеянной и по большей части неявной информацией, которую невозможно выразить словами. Следовательно, передать эту информацию контролирующему органу власти («верхнему» уровню на рис. 4.4) логически невозможно. Дело не только в том, что общий объем всей практической информации, которой располагают и пользуются люди на индивидуальном уровне, поистине колоссален, и невозможно представить себе, чтобы контролирующий орган смог сознательно овладеть ею. Самое главное — то, что эта информация рассеяна по умам всех людей в форме неявного знания, которое невозможно заключить в слова, а следовательно, невозможно выразить формально или явным образом передать в контролирующей общество центр.

Во втором разделе мы видели, что значимая для жизни общества информация создается и передается имплицитно и в рассеянном виде; иными словами, бессознательно и ненамеренно. Различные субъекты деятельности действительно обучаются согласовывать свои действия с интересами других, но они не осознают, что учатся и, следовательно, приспособливают свое поведение к поведению других людей: они осознают лишь то, что действуют, т.е. пытаются достичь своих собственных, частных целей, используя те средства, которыми, по их мнению, они располагают. Следовательно, знание, о котором идет речь, доступно только людям, действующим в обществе, и по своей природе оно таково, что его нельзя явным образом передать какому-либо центральному регулирующему органу. Поскольку это знание необходимо для социальной координации различных индивидуальных моделей поведения, обеспечивающей возможность функционирования общества, и поскольку его нельзя передать контролирующему органу, так как нельзя выразить, то представление о том, что социалистическая система работоспособна, логически абсурдно.

Динамический аргумент

Социализм невозможен не только потому, что информация, которой располагает действующий субъект, по своей природе не поддается эксплицитной передаче, но и потому, что с динамической точки зрения, когда люди осуществляют предпринимательство, т.е. действуют, они постоянно создают и открывают новую информацию. Крайне сложно передать контролирующему органу информацию или знание, которые еще не созданы и возникают постепенно, в ходе самого социального процесса (при условии, что этому процессу не мешают).

На рис. 4.5 изображены человечки, непрерывно создающие и находящие новую информацию в ходе социального процесса. С течением времени (в субъективном смысле), те, кто проявляет предпринимательство, взаимодействуя с другими людьми, непрерывно открывают новые возможности получения прибыли, которыми они стремятся воспользоваться. В результате информация, которой владеет каждый из них, постоянно меняется. На рисунке это изображено с помощью разных лампочек, зажигающихся по мере того, как проходит время. Ясно, что контролирующий орган в принципе не может получить необходимую для координации общества посредством приказов информацию, не только потому, что это информация рассеянная, эксклюзивная и не поддающаяся вербализации, но и потому, что с течением времени она постоянно меняется и возникает *ex nihilo*. Край-

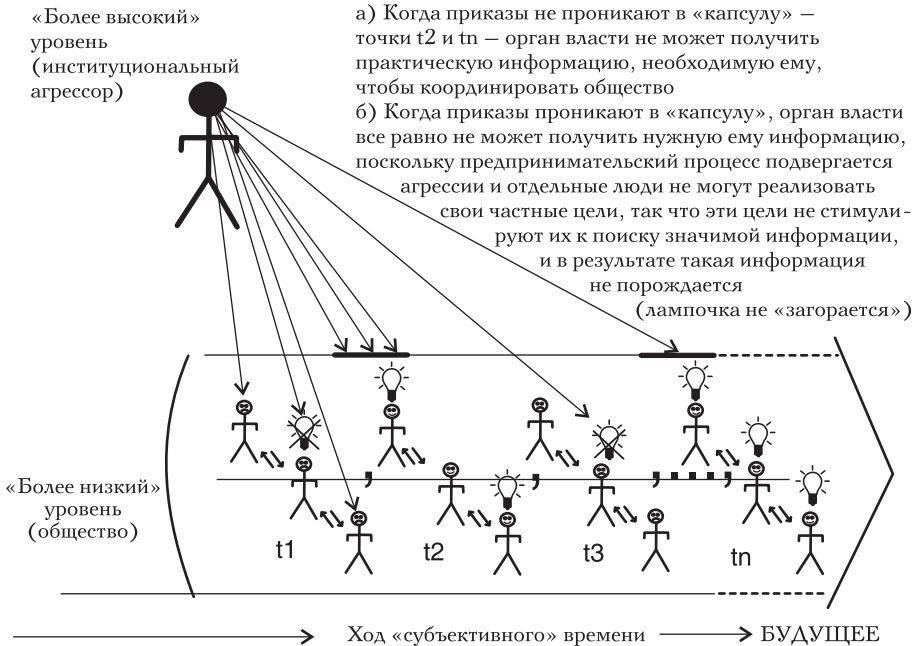

Рис. 4.5

не маловероятно, что существует возможность передать контролирующему органу необходимую для обеспечения координации в обществе информацию, которая еще не создана предпринимательским процессом.

Например, когда утро предвещает перемену погоды, фермер понимает, что ему следует изменить свои планы относительно конкретных дел, которые он собирался сделать в этот день. Но он не может формально изложить причины своего решения. Поэтому фермер не смог бы передать эту информацию, плод многих лет опыта и труда на ферме, гипотетическому контролирующему органу (например, столичному Министерству сельского хозяйства) и ожидать от него указаний. То же самое относится к любому другому человеку, который занимается предпринимательством в конкретной сфере и решает, инвестировать ему или нет в конкретную компанию или в конкретную отрасль, покупать или нет конкретные акции или ценные бумаги, нанимать или нет конкретных людей на работу и т.п. Таким образом, кроме того, что практическая информация находится, так сказать, в капсуле, в том смысле, что она недоступна для контролирующего органа, осуществляющего институциональную агрессию, она постоянно меняется и возникает в новых формах по мере того, как люди своими действиями шаг за шагом творят будущее.

Наконец, вспомним, что чем продолжительнее и действеннее социалистическое принуждение, тем больше оно будет препятствовать свободному осуществлению личных целей. Следовательно, эти цели не смогут служить стимулами для людей, и открывать или создавать в ходе предпринимательского процесса практическую информацию, необходимую для координации общества, станет невозможно. Поэтому контролирующий орган неизбежно встает перед дилеммой. Ему остро необходима информация, которую порождает социальный процесс, но он в принципе не в состоянии получить ее: если он вмешивается в этот процесс, то разрушает способность последнего создавать информацию, а если не вмешивается, то все равно не получает никакой информации.

Иными словами, можно сделать вывод, что с точки зрения социального процесса социализм представляет собой интеллектуальную ошибку, поскольку уполномоченный отдавать приказы контролирующий орган в принципе не может добыть информацию, необходимую, чтобы добиться координации в обществе: во-первых, из-за объема информации (орган вмешательства не в состоянии сознательно усвоить тот огромный объем практической информации, который рассеян в умах людей); во-вторых, поскольку необходимую информацию невозможно передать центральной власти (так как по своей природе она является неявной и не может быть выражена словами); в-третьих, невозможно передать информацию, которую люди еще не обнаружили и не создали, и которая к тому же возникает исключительно в процессе свободного предпринимательства; в-четвертых, использование принуждения не дает предпринимательскому процессу открывать и создавать информацию, необходимую для поддержания координации в обществе.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ОРГАНА

Если встать на точку зрения того, что на наших рисунках фигурирует как «высший» уровень, т.е. на точку зрения более или менее организованной группы лиц (или одного лица), осуществляющих систематическую институциональную агрессию против свободного предпринимательства, то мы должны будем сделать ряд замечаний, еще в большей степени, если такое возможно, подтверждающих вывод о том, что социализм представляет собой просто интеллектуальную ошибку.

Допустим в порядке дискуссии, как это делает Мизес¹⁵, что контролирующий организм (будь это диктатор, военный лидер, элита, группа ученых или интеллектуалов, министерство, группа демократически избранных «народом» представителей или любое сочетание всех или некоторых из этих элементов любого уровня сложности) обладает максимальными техническими и интеллектуальными возможностями, опытом и мудростью, а также исполнен наилучших намерений (правда, вскоре мы увидим, что действительность не соответствует этому допущению, и узнаем, почему). Однако мы вряд ли имеем право предполагать, что контролирующий орган власти обладает сверхчеловеческими способностями или, конкретно, даром всеведения¹⁶, т.е. способностью одновременно собирать, усваивать и истолковывать всю рассеянную, эксклюзивную информацию, существующую в умах каждого из действующих в обществе людей, информацию, которую эти люди к тому же постоянно генерируют *ex novo*. В реальности контролирующий орган, который иногда называют плановым органом или органом, осуществляющим централизованное или отчасти централизованное государственное вмешательство, чаще всего не только не обладает рассеянным знанием, существующим в умах всех тех, кто потенциально является объектом его приказов, но и имеет о нем чрезвычайно смутные представления. Поэтому вероятность того, что планирующий орган узнает, что и как искать, а также сообразит, где найти фрагменты рассеянной информации, которая порождается в ходе социального процесса, информации, которая так отчаянно нужна ему, чтобы контролировать и координировать процесс, практически равна нулю.

Кроме того, контролирующие органы всегда состоят из людей из плоти и крови, со всеми их пороками и добродетелями, из людей, которые, как и все остальные действующие агенты, имеют личные цели, работающие как стимулы, — и эти стимулы побуждают их находить информацию, значимую для них в контексте их частных интересов. Следовательно, весьма вероятно, что если те, из кого состоит контролирующий орган, способны эффективно использовать свою предпринимательскую интуицию для достижения своих целей и обслуживания своих интересов, то они будут порождать такую информацию и опыт, которые будут необходимы им, например, для того, чтобы оставаться у власти всю жизнь, оправдывать и рационализировать перед собой и другими собственные действия, использовать принуждение все более изощренными и эффективными способами, преподнести

свою агрессию гражданам как нечто неизбежное и правильное и т.п. Иными словами, хотя в начале мы и выдвинули гипотезу «благих намерений», на самом деле описанные выше стимулы, как правило, будут доминировать над остальными, и особенно — над интересом к открытию существующей в обществе в рассеянном виде важной и конкретной практической информации, необходимой для того, чтобы обеспечить координацию в обществе с помощью приказов. Отсутствие стимулов приведет к тому, что контролирующий орган не будет даже осознавать собственного неустрашимого неведения и станет все больше и больше погружаться в процесс, постепенно отдаляющий его от социальной реальности, которую он пытается контролировать.

Кроме того, контролирующий руководящий орган не сможет производить экономические расчеты, так как, вне зависимости от его целей (допустим даже, что они чрезвычайно «гуманны» и «моральны»), у него не будет возможности узнать, как издержки реализации его целей соотносятся с той субъективной ценностью, которую он им приписывает. Издержки — это субъективная ценность, которую имеет для человека то, от чего он должен отказаться ради достижения данной цели. Ясно, что контролирующий орган не может получить знания или информацию, необходимые для того, чтобы осознать, какие издержки он на самом деле несет (с точки зрения его же собственной шкалы ценностей), потому что информация, необходимая для оценки издержек, рассеяна по умам всех людей, или действующих лиц, которые составляют социальный процесс и подвергаются принуждению со стороны (демократически избранного или иного) контролирующего органа, ответственного за осуществление систематической агрессии против общества.

Если мы будем называть ответственным действие, которое человек совершает, осознавая его издержки (основанные на приблизительном экономическом расчете), то мы можем сделать вывод, что контролирующий орган, вне зависимости от его состава, способа рекрутирования и ценностных представлений, будет, как правило, действовать безответственно, так как он не в состоянии увидеть собственные издержки и оценить их. Здесь возникает неразрешимый парадокс: чем больше контролирующий орган пытается планировать или контролировать какую-либо область жизни в обществе, тем менее вероятно, что он достигнет своих целей, потому что он не может получить информацию, необходимую для того, чтобы организовывать и координировать общество; напротив, применяя принуждение и ограничивая предпринимательские возможности людей, он порождает новые, более тяжелые случаи рассогласованности и дисбаланса. Следовательно, мы должны сделать вывод, что считать, будто контролирующий орган способен, подобно отдельно взятому предпринимателю, сделать экономический расчет, — серьезная ошибка. Наоборот, чем выше степень развития социалистической организации, тем больше теряется необходимой для экономического расчета непосредственной и практической информации, и именно там, где орган институционального принуждения ограничивает свободную человеческую деятельность, расчет становится полностью невозможен.

КРИТИКА ДРУГИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Социализм традиционно определяется как система организации общества, основанная на государственной собственности на средства производства. По историческим и политическим причинам это определение было господствующим в течение длительного времени. Именно им Мизес руководствовался в 1922 г. в своем критическом трактате о социализме¹⁷, а позже и он сам, и другие его последователи использовали его в качестве отправной точки в ходе дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме.

Однако традиционное определение социализма с самого начала было явно неудовлетворительным. Во-первых, оно носило очевидно статический характер, так как зависело от существования (или несуществования) конкретного правового института (прав собственности) в связи с конкретной экономической категорией (средствами производства). Поэтому использование этого определения требовало предварительного объяснения того, что такое права собственности, а также связанные с этим экономические последствия. Кроме того, в ходе спора о невозможности социализма выяснилось, что его участникам было довольно сложно понимать друг друга именно из-за того, что они вкладывали разный смысл в понятие прав собственности. Наконец, под традиционное определение не попадали интервенционизм и экономическое регулирование. На самом деле эти институты, хотя и не требуют полной национализации средств производства, порождают тот же самый (в качественном отношении) эффект отсутствия координации. По всем этим причинам представлялось весьма разумным продолжать поиски такого определения социализма, чтобы оно описывало самую суть этого явления, было свободно, насколько это возможно, от понятий, которые легко ошибочно истолковать, а также, подобно процессам, к которым оно относится, носило бы явно выраженный динамический характер.

Одним из самых важных последствий спора о невозможности экономического расчета при социализме стало создание и развитие экономистами австрийской школы (Мизесом, Хайеком и в особенности Кирцнером) теории, которая раскрыла роль предпринимательства как ведущей творческой силы, стоящей за всеми социальными процессами. Направление, в котором следовало искать действительно научное определение социализма, окончательно определилось после того, как австрийцы открыли, что именно врожденная способность человека к предпринимательству, выраженная в его личной творческой деятельности, делает возможной жизнь в обществе, так как выявляет случаи социальной рассогласованности и приводит к созданию и передаче информации, необходимой каждому человеку, чтобы научиться приспосабливать свое поведение к поведению других людей.

Ганс-Генрих Хоппе в 1989 г. сделал следующий важнейший шаг на пути к созданию корректного определения социализма¹⁸. Хоппе выяснил, что ключевая характеристика социализма, его фундамент — это институционализированное вмешательство, или агрессия, против прав собственности. Его определение более динамично и в силу этого более практично, чем традиционное. Для Хоппе важно не наличие или отсутствие прав собственности,

а то, используется ли принуждение или физическое насилие для нарушения прав собственности институционально, т.е. организовано и регулярно. Хотя мы считаем определение Хоппе большим шагом вперед, оно не вполне удовлетворяет нас, так как, во-первых, требует предварительного определения или уточнения того, что имеется в виду под «правами собственности», а во-вторых, не включает упоминания о предпринимательстве как о главной силе, стоящей за всеми социальными процессами.

Если мы соединим идею Хоппе о том, что социализм всегда предполагает систематическое использование принуждения, с тем, что недавно сделал Кирцнер в теории предпринимательства, то придем к выводу, что наиболее адекватное определение социализма — это определение, которое предлагается и используется в настоящей статье: социализм — это любая организованная система институциональной агрессии против предпринимательства и человеческой деятельности. Это определение обладает тем преимуществом, что оно понятно каждому и не нуждается в подробном предварительном объяснении того, что такое права собственности и каково должно быть содержание этого понятия. Очевидно, что человеческая деятельность может либо быть агрессивной, либо нет, и что если она не агрессивна (кроме случаев, когда человек защищается от произвольной или несистематической внешней агрессии), эта деятельность представляет собой наиболее сокровенную и типическую и соответственно совершенно законную особенность человека, которую следует уважать.

Иными словами, мы полагаем, что наше определение социализма наиболее уместно потому, что оно сформулировано в терминах человеческой деятельности, самой сокровенной и фундаментальной черты человека. Кроме того, мы рассматриваем социализм как институционализированную агрессию против тех сил, которые как раз и делают возможной жизнь в обществе, и в этом смысле утверждение, что нет ничего более антисоциального, чем социалистическая система, парадоксально только на первый взгляд. Одно из самых больших достоинств нашего определения социализма состоит в том, что оно демонстрирует это. Несомненно, процесс свободного от агрессии социального взаимодействия требует соблюдения целого ряда норм, законов и обычаев. Все вместе они образуют право в обычном понимании, т.е. рамку, внутри которой могут мирно совершаться человеческие действия. Тем не менее право не предшествует человеческой деятельности, а представляет собой результат эволюции и обычаев самого процесса социального взаимодействия. Следовательно, согласно нашему определению, социализм — это не система институциональной агрессии против результата эволюции предпринимательства (т.е. прав собственности), а система агрессии против человеческой деятельности как таковой, т.е. против предпринимательства. Наше определение социализма позволяет нам прямо связать теорию общества с теорией права и его возникновению, развития и эволюции. Кроме того, оно позволяет нам поставить на уровне теории вопрос о том, какие права собственности происходят из добровольного (непринудительного) социального процесса, какие права собственности являются справедливыми и в какой степени социализм этически допустим.

Социализм и интервенционизм

Другое достоинство нашего определения социализма состоит в том, что под него подпадает социальная система, основанная на интервенционизме. Действительно, вне зависимости от того, рассматривается ли интервенционизм как типичное проявление социализма или — что встречается чаще — как промежуточная система между «реальным социализмом» и свободным социальным процессом, ясно, что, поскольку любые интервенционистские меры представляют собой агрессивное институциональное насилие по отношению к конкретной социальной сфере, интервенционизм, какими бы ни были его мотивы и его степень, и к какому бы типу он ни относился, с точки зрения нашего определения является социализмом.

Приравнивание термина «социализм» к термину «интервенционизм» не означает неоправданного расширения обычного значения этих слов и является, собственно говоря, аналитическим требованием теории социальных процессов. В самом деле, хотя первые теоретики австрийской школы, занимавшиеся интервенционизмом, первоначально рассматривали его в качестве отдельной от социализма категории¹⁹, по мере развития полемики о невозможности экономического расчета при социализме границы между двумя этими понятиями стали размываться, и это продолжалось вплоть до наших дней, когда сторонникам теории предпринимательства стало ясно, что между социализмом и интервенционизмом нет качественной разницы²⁰, хотя в разговорной речи эти слова иногда используются для обозначения разной степени интенсивности проявлений одной и той же тенденции.

Кроме того, предлагаемое определение социализма позволяет науке выполнить важную функцию, представив в истинном свете совершающиеся сейчас в очень многих политических, социальных и культурных областях искусные попытки придать интервенционизму устойчивость к тем естественным и неизбежным последствиям, которые логически вытекают из экономического, социального и политического коллапса его ближайшего предшественника и интеллектуального предтечи: «реального социализма». Чаще всего реальный социализм и интервенционизм представляют собой проявления одного и того же феномена институционального принуждения, только разной степени интенсивности; в их основе лежит одно и то же фундаментальное интеллектуальное заблуждение, и они приводят к принципиально сходными крайне пагубным социальным последствиям.

ГЛАВА 5

КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА¹

Нет ничего практичнее хорошей теории. Именно поэтому в этой статье я хочу теоретически разъяснить, что такое социализм и почему с точки зрения науки он невозможен. Я объясню, почему рухнул строй, который назывался реальным социализмом, и расскажу, почему социализм, ныне существующий в странах Запада в форме государственного вмешательства, — это главный источник напряжения и конфликтов. Несмотря на падение Берлинской стены, мы живем по сути дела в социалистическом мире и продолжаем страдать от того, что с точки зрения теории является типичными последствиями вмешательства государства в жизнь общества.

Чтобы дать определение социализма, следует понимать, что такое предпринимательство. Экономисты теоретики считают «предпринимательство» врожденной способностью человека. В данном случае предприниматель не означает «бизнесмен». Под предпринимательством имеется в виду врожденная и свойственная абсолютно всем людям способность открывать, создавать и находить вокруг возможности для извлечения прибыли (в широком смысле слова), а также действовать, используя эти возможности. Неслучайно этимологически слово *entrepreneur* (предприниматель) означает «хвататель», человека, который обнаруживает нечто новое и ухватывается за него. Когда предприниматель видит новую возможность, у него в голове как будто загорается лампочка.

Предпринимательство — это базовая способность человека. Именно способностью создавать и обнаруживать вокруг нас цели и средства мы больше всего отличаемся по своей природе от остальных животных. В общем-то, определение *homo empresario* (человек предпринимающий) больше подходит человеку, чем *homo sapiens* (человек разумный). Яркий образчик предпринимателя — это, например, Мать Тереза. Разумеется, такие люди, как Генри Форд и Билл Гейтс, — выдающиеся предприниматели в сфере бизнеса и экономики, но слово «предприниматель» в нашем понимании приложимо к любому творческому и активному человеку. Мать Тереза стремилась облегчить страдания самых слабых и творчески подходила к поиску средств для решения своей задачи, вовлекая в этот процесс множество самых разных людей и обеспечивая координацию их усилий и желаний. Поэтому она была образцовым предпринимателем. Мы полагаем, что предпринимательство — это наиболее специфическое свойство людей как биологического вида и что именно благодаря этому нашему качеству стало возможным возникновение общества, этой чрезвычайно сложно устроенной сети взаимосвязей. Эта сеть состоит из отношений обмена между людьми, в которые мы вступаем потому, что считаем их полезными для себя, — а движет нами при этом наш предпринимательский дух.

Любой акт предпринимательства состоит из трех этапов. На первом этапе происходит создание информации; когда предприниматель обнаруживает или создает новую идею, он порождает в своем мозгу информацию, которой до этого не существовало. Затем, последовательными волнами, происходит передача созданной информации — это второй этап. Я вижу дешевый и недоиспользуемый ресурс и обнаруживаю, что в нем существует острая потребность. Я покупаю его дешево и продаю дорого. Я передаю информацию. Наконец, на третьем этапе эту информацию усваивают экономические агенты, до той поры действовавшие рассогласованно; они обнаруживают, что им следует создавать запасы данного ресурса, потому что он нужен другим. Таковы три этапа этого процесса: создание информации, передача информации и — самый главный этап — возникновение в конечном счете эффекта координации или согласованности. Все то время, пока мы бодрствуем, мы согласуем наше поведение с потребностями других, совершенно неизвестных нам людей, и мы поступаем так добровольно, *motu proprio**, потому что именно такое поведение разумно с точки зрения наших личных предпринимательских целей. Теперь, когда мы выяснили, что такое предпринимательство, можно переходить к описанию социализма.

Под социализмом следует понимать «любую систему систематической институциональной агрессии против свободного проявления предпринимательства». Под агрессией мы понимаем навязывание людям целей с использованием государственного принуждения. Социалистический режим может пропагандировать и рекламировать свои цели, но при этом он всегда навязывает их, а значит, агрессивно вмешивается в процесс социальной координации, в авангарде которого выступают предприниматели. В социалистической системе государство всегда использует принуждение, и это главная особенность социализма. Об этом очень важно помнить, потому что социалисты скрывают эту черту своей системы. Принуждение означает применение насилия для того, чтобы заставить людей делать определенные вещи. Оно бывает двух типов: то, которое используют преступники и грабители, и то, которое использует государство. Социализму присущ второй тип принуждения. Механизмы рынка позволяют обеспечить эффективную защиту от несистематической агрессии и выработать определение прав собственности. Однако, если мы имеем дело с систематической и институциональной агрессией государства, располагающего широким спектром инструментов государственной власти, у нас очень мало шансов избежать принуждения или защититься от него. Тогда мы видим истинное, без прикрас лицо социализма.

Мое определение социализма не связано с типом собственности на средства производства (частной или государственной). Это архаизм. Суть социализма — это агрессия, институционализованный агрессия государства, с помощью которой оно пытается обеспечить координацию в обществе. В результате ответственность переходит от людей, свободно использующих свою способность к предпринимательству, ищущих цели и стремящихся создать благоприятные условия для их достижения, к государству, которое пытается «сверху» насильно навязать людям конкретное мировоззрение

и конкретные цели. С точки зрения моего определения социализма не имеет значения, является ли при этом правительство демократически избранным. То, что орган власти, который пытается насильственно обеспечить в обществе координацию, имеет демократическое происхождение, не имеет никакого отношения к теореме невозможности социализма.

Теперь, когда у нас есть определение социализма, я объясню, почему он является интеллектуальной ошибкой. Социализм является интеллектуальной ошибкой потому, что орган власти, отвечающий за поддержание координации в обществе посредством принуждения, в принципе не может получить информацию, необходимую ему для того, чтобы его приказы оказывали координирующее воздействие. В этом состоит проблема и великий парадокс социализма. Социализму для успешного достижения своей насильственной цели — организации общества — необходимы информация, знания, данные. Однако орган власти в принципе не в состоянии получить такую информацию. В XX в. в ходе дискуссии с теоретиками-неоклассиками, оказавшимися неспособными осознать, в чем состоит проблема социализма, теоретики австрийской экономической школы Мизес и Хайек сформулировали четыре главных аргумента в пользу невозможности социализма. Неоклассики не смогли постичь проблему социализма потому, что верили, что реальная экономика функционирует так, как написано в учебниках экономической теории для первого курса. Но в этих учебниках функционирование рыночной экономики описано неверно. Их авторы используют для описания рынка математические методы, представляя его как машину для достижения совершенной согласованности. Они рисуют рынок как своего рода компьютер, который автоматически согласовывает между собой желания потребителей и деятельность производителей в соответствии с идеальной моделью совершенной конкуренции, описываемой системой одновременных уравнений Вальраса.

Первая услышанная мной в студенческие годы лекция по экономической теории началась с поразительных слов преподавателя: «Предположим, что вся информация дана». После этого он стал писать на доске формулы и чертить графики. Неоклассики всегда исходят из того, что вся информация дана и неизменна. Однако это их предположение не имеет ничего общего с реальностью. Оно противоречит главной особенности рынка, на котором информация никогда не бывает дана.

Информация постоянно возникает в результате творческой деятельности предпринимателей, ищущих новые цели и новые средства. Отправной пункт неоклассиков не может служить фундаментом для корректной экономической теории. Экономисты-неоклассики считали социализм возможным, так как исходили из того, что вся информация, необходимая для создания и решения системы уравнений, «дана». Они были не в состоянии увидеть те реальные события, которые должны были стать объектом их исследований; они не могли увидеть того, что происходило на самом деле.

Австрийская школа во главе с Людвигом фон Мизесом стояла на других позициях. Австрийцы никогда не считали, что информация дана; они считали, что экономический процесс двигают предприниматели, постоянно

меня информацию и открывая новое знание. Никому, кроме представителей австрийской школы, не удалось понять, что социализм представляет собой интеллектуальную ошибку. Их позиция была основана на четырех аргументах, двух «статических» и двух «динамических».

Первый аргумент: орган власти не может получить информацию, необходимую ему для того, чтобы его приказы обладали координирующей силой, в силу колоссального объема этой информации. Люди используют огромное количество информации, и вряд ли один орган в состоянии управиться с информацией, рассеянной в умах семи миллиардов человек. Неоклассики способны воспринять этот аргумент, но он наименее сильный и значимый из всех. В конце концов, современные компьютеры позволяют обрабатывать колоссальные объемы информации.

Второй аргумент гораздо глубже и обладает гораздо большей убедительностью. Та информация, с которой люди имеют дело на рынке, не является объективной; она отличается от информации того типа, которая содержится в телефонной книге. Предпринимательская информация совсем иная. Она субъективна, а не объективна. Она не выражена словами. Иначе говоря, мы знаем ее в смысле «знания как» (умения), но не знаем подробно, из чего она состоит, т.е. не знаем в смысле «знания что». Примером может служить информация о том, как ездить на велосипеде. Можно, конечно, попытаться ездить на велосипеде, изучив формулу матфизики, описывающую равновесие, в котором находится велосипедист во время движения, но таким образом нельзя получить знание, которое дает человеку возможность управлять велосипедом. Люди учатся этому на практике, в ходе процесса обучения, который обычно вначале сопряжен с неудачами, но в конце концов приводит к тому, что человек научается поддерживать равновесие во время езды и привыкает к тому, что ему нужно попорачивать руль, чтобы не падать. Скорее всего, Лэнс Армстронг понятия не имеет о законах физики, которые позволили ему семь раз стать победителем гонки «Тур де Франс», но он знает, как ездить на велосипеде. Неартикулированную информацию невозможно выразить формализованно и объективно; ее невозможно передать, в том числе — органу власти. Органу власти можно передать только однозначную информацию, такую, которая не допускает разных толкований; такую информацию он способен усвоить и потом использовать для агрессии против общества, для того, чтобы наделить свои приказы координирующей силой. Однако жизненно важная информация обычно не является объективной; она не похожа на информацию, которая напечатана в телефонной книге; она субъективна; ее нельзя выразить словами.

Однако этих двух аргументов — что информации очень много и что ее нельзя выразить словами — недостаточно. Есть еще два аргумента. Это динамические аргументы, и они гораздо более убедительно, чем статические, доказывают невозможность социализма.

Люди наделены врожденной творческой способностью. Мы постоянно ищем и находим «новые» вещи, «новые» цели, «новые» средства. Вряд ли можно передать органу власти информацию, или знание, которое предприниматели еще не «создали». Орган власти стремится построить «социаль-

ную нирвану» с помощью принуждения и распоряжений «Официального правительственного вестника». Однако для этого ему нужно знать, что произойдет завтра. А это зависит от предпринимательской информации, которой сегодня еще не существует, и, следовательно, ее нельзя сегодня передать властям, чтобы они завтра успешно откоординировали нас своими приказами. Это парадокс социализма — и третий аргумент.

Но и это не все. Есть еще четвертый, решающий, аргумент. По своей природе социализм — основанный, как мы уже говорили, на агрессии против общества в целом, — вмешиваясь в жизнь общества, препятствует предпринимателям в создании именно той информации, без которой власти не могут отдавать свои координирующие приказы.

Таково научное объяснение теоретической невозможности социализма: власти не в состоянии получить ту информацию, которая нужна для того, чтобы их приказы обладали координирующей силой. Это объяснение строго научно и объективно. Оно не требует исходить из того, что при социализме у власти находятся «плохие люди». Даже самый прекрасный и мудрый человек в мире, руководствуясь наилучшими побуждениями, не в состоянии организовать общество по модели социалистического принуждения; у него все равно получится ад на Земле, потому что *с учетом природы человека достичь социалистического идеала (цели) невозможно.*

Все эти особенности социализма и приводят к тем эффектам, которые мы можем наблюдать в реальной жизни. Прежде всего следует подчеркнуть, что социализм чрезвычайно привлекателен. В душе каждого из нас есть искра симпатии к социализму, потому что его идеал влечет нас и потому что людям свойственно восставать против своей природы. Нам неприятно жить в мире неопределенного будущего, нас привлекает идея контроля над будущим и ликвидации неопределенности. В «Пагубной самонадеянности» Хайек писал, что социализм представляет собой социальное, политическое и экономическое проявление первородного греха человека: гордыни. Человек хочет стать Богом и обрести всеведение. Поэтому каждому поколению людей предстоит тщательно ограждать себя от соблазна социализма и заново смиряться с тем, что их природа, природа человека — предпринимательская и творческая. «Социализм» — это не просто слово, встречающееся в названиях конкретных политических партий, движений и государств. Он всегда пытался и всегда будет пытаться прокрасться в сообщества, семьи, общины, консервативные и либеральные партии. Мы должны противостоять соблазну этатизма, потому что в нем заключена главная опасность для нашей человеческой природы, наш главный соблазн. Он соблазняет нас поверить в то, что человек — это Бог. Социалисты считают себя всеведущими, и это фундаментально дискредитирует социальную систему, за которую они выступают. Социализм — это всегда результат греха интеллектуальной гордыни. Внутри каждого социалиста живет гордец, высокомерный интеллеktуал.

У социализма есть и другие особенности, которые мы будем называть «второстепенными» (или «периферийными»). Это нарушение общественной координации и беспорядок. Чистый предпринимательский акт оказывает

координирующее воздействие, но социализм своим насильственным вмешательством искажает его и нарушает координацию. Предприниматель реализует возможность извлечения прибыли. Он покупает дешево, чтобы продать дорого. Он передает информацию и порождает координацию. Благодаря ему два человека, первоначально действовавшие несогласованно, сами того не подозревая, начинают действовать скоординированно и согласованно. Используя насилие, социализм препятствует этому обмену; поэтому он в той или иной степени порождает рассогласованность. В довершение всего, когда социалисты видят порожденную ими рассогласованность, конфликты и перемены к худшему, они не только не приходят к изложенным нами выше рациональным заключениям, но и начинают требовать больше социализма, т.е. больше институционального принуждения. Так мы вовлекаемся в процесс, в ходе которого проблемы не решаются, а бесконечно усугубляются и порождают бесконечное разрастание государства. Идеал социализма требует, чтобы щупальца государства дотягивались до каждой щели в обществе, и это запускает процесс, который приводит к тоталитаризму.

Другая особенность социализма — его непоследовательность. Критерии все время меняются, по мере углубления проблем наблюдаются зигзаги политического курса. Соответственно социалистическое насилие носит хаотический характер. Почему? Потому что результаты интервенционистских мер обычно сильно отличаются от того, что было задумано. Например, минимальная заработная плата была придумана для того, чтобы повысить уровень жизни. Результаты? Рост безработицы и рост бедности. Кто больше всего страдает от существования минимальной заработной платы? Социальные группы, впервые выходящие на рынок труда: молодежь, женщины, этнические меньшинства, иммигранты. Другой пример: в результате общеввропейской сельскохозяйственной политики рынок Евросоюза наводнили субсидированные продукты и продукты по «политическим» ценам. Потребители стали платить больше, а бедные страны оказались в невыгодном положении, потому что мировые рынки завалены европейскими продуктами по субсидируемым ценам, с которыми производители из бедных стран не в состоянии конкурировать.

Кроме того, социализм — это своего рода наркотик. Он блокирует рецепторы. Он порождает неэффективные инвестиции, так как искажает сигналы, указывающие на то, куда следует инвестировать, чтобы удовлетворить желания потребителей. Социализм обостряет проблемы, связанные с фактором редкости, порождая дефицит, и поощряет систематическую безответственность правительств (так как информацию, необходимую для того, чтобы действовать ответственно, получить невозможно, в силу того, что издержки неизвестны). Власти могут действовать, повинувшись исключительно собственным капризам, о которых мы узнаем из «Правительственного вестника». Однако, как говорил Хайек, желания правительства — это не «Право с большой буквы», а «законодательство», т.е. правила, которые в большинстве случаев избыточны и бесполезны, даже тогда, когда они якобы основаны на объективных данных. Ленин считал, что вся экономика должна быть устроена по образцу почтовой службы и что главный депар-

тамент в социалистическом государстве — департамент статистики. Слово «статистика» недаром происходит от слова *state* (государство). Мы должны быть осторожны со статистикой, если хотим избежать социализма, статистика — вещь сомнительная. Иисус родился в Вифлееме потому, что император приказал провести статистическую перепись населения для целей налогообложения. Долг любого либертарианца состоит в том, чтобы требовать упразднения национальных статистических служб. Раз уж мы не можем помешать государству творить зло, то по крайней мере мы можем снабдить его шорами, чтобы неизбежный ущерб от его деятельности хотя бы распределялся случайным образом, т.е. относительно равномерно.

Социализм наносит страшный вред природе. Единственное средство защитить окружающую среду состоит в том, чтобы четко определить права собственности и последовательно противостоять посягательствам на них. Люди, как правило, не выбрасывают свой мусор во двор соседа, они делают это исключительно в «публичных местах». Старая испанская поговорка гласит: *lo que es del común es del ningún*, «общее значит ничье». «Трагедия общинных пастбищ», или «трагедия общего» (явление, которое впервые описал Людвиг фон Мизес в 1940 г.^{**}), будь то загрязнение воды, сокращение поголовья рыбы или вымирание носорогов — всегда результат государственного ограничения прав собственности, которые являются необходимым условием функционирования рыночной экономики. Например, там где горы приватизированы, охотиться можно, а там, где они находятся в государственной собственности — нельзя (дичь истреблена). Слоны выжили там, где были переданы в частную собственность. Боевые быки существуют потому, что за этим следят предприниматели, которые организуют бои быков. Единственное средство сохранить окружающую среду — это рыночная экономика, капиталистическая система, где по умолчанию четко определены права собственности. Там, где этого нет, экология страдает. Например, английские реки приватизированы. В них чистая вода и полно рыбы, которую ловят члены многочисленных обществ рыболовов-любителей. Рыболовные билеты стоят по-разному: есть и дешевые, и дорогие. Что касается рыбной ловли в испанских реках... не будем о грустном.

Наконец, еще одно. Социализм развращает. Те, кто жил при реальном социализме, в экономиках, отгородившихся от мира Берлинской стеной, осознали, что весь этот мир был сплошной ложью. Нам не стоит почивать на лаврах и думать, что мы окончательно победили эту ложь и у нее нет власти над нами. Она все еще жива, хотя и не тотальна. Почему социализм развращает? По нескольким причинам. Люди, подвергающиеся насилию социалистической системы, быстро понимают, что наилучший способ достичь своих целей в этой системе связан не с поиском возможностей извлечения прибыли, т.е. не с обслуживанием потребностей других людей, а с поиском средств влияния на власти. Отсюда берутся группы влияния, которые стремятся оказать воздействие на решения правительства. При социализме правительство притягивает извращенные и вредные воздействия, подобно магниту. Кроме того, социализм порождает ожесточенную борьбу за власть. Там, где доминирует социалистическая модель, вопрос

о том, к какому — «моему или «чужому» — клану принадлежит тот, кто у власти, имеет жизненно важное значение. Социалистическое общество всегда отличается чрезвычайно высокой политизированностью, в отличие, например, от Швейцарии, где большинство людей не знают, как зовут их министра обороны и даже президента. Для них это не имеет особого значения, потому что кто именно находится у власти, не так важно.

Люди должны иметь возможность стремиться к достижению личных целей, не испытывая вмешательства со стороны государства. Процесс борьбы за власть и интервенционизм постепенно приводят к моральному разложению. Поведение людей становится все более аморальным и все в меньшей степени зависит от принципов. Наше поведение становится все более агрессивным. Мы стремимся получить власть, чтобы навязать наши желания другим. Это отражается и на нашем поведении в быту; мы все меньше и меньше заботимся о самодисциплине и начинаем преступать традиционные требования морали. Мораль — это автопилот свободы. Распад морали — это еще один пример тлетворного влияния социализма.

Кроме того, чем больше социализма, тем больше теневой экономики и черного рынка. Однако, как говорили восточноевропейцы, при социализме черный рынок — это не проблема, а решение. Например, в Москве при СССР бензин был в дефиците, но все знали, где его можно купить с рук. В результате автовладельцы могли пользоваться своими машинами.

Разумеется, социалистические правительства не могут согласиться с такой критикой. Поэтому они прибегают к политической пропаганде. Они утверждают, что государство вовремя замечает все проблемы и немедленно их решает. Политическая пропаганда ведется непрерывно, систематически, она затрагивает все сферы общественной жизни. В результате попыток государства отразить справедливую критику создается культура этатизма, которая дезориентирует и вводит в заблуждение население. Люди начинают верить в то, что государство решит за них все их проблемы. Это сугубо социалистическое мировоззрение поколения людей усваивают со школьной скамьи, потому что система образования всегда находится под контролем государства.

Пропаганда порождает мегаломанию. Бюрократические органы, государственные чиновники, политики и т.п. не подчиняются логике прибылей и убытков. Плохие производственные результаты и низкокачественный менеджмент не приводят к их изгнанию с рынка. Власти и государственные чиновники подчиняются исключительно бюджетной дисциплине и ведомственным инструкциям. И это не их злая воля (по крайней мере далеко не всегда). Они такие же, как и мы, но институциональная среда, в которой они функционируют, искажает их действия. Их деятельность в рамках государства заставляет их требовать расширения бюрократии и увеличения государственного бюджета, а также доказывать необходимость своей работы. Можете ли вы вспомнить хоть одного чиновника или политика, который по глубоком размышлении пришел бы к выводу, что его министерство бесполезно? Хоть одного бюрократа, который предложил бы своему начальнику ликвидировать его ведомство и вычеркнуть из бюджета соответствующую

строку? Такого не бывает. Наоборот, при любых обстоятельствах и в любых правительствах все чиновники считают, что без них обойтись никак нельзя. Социализму присуща мегаломания, и он заражает ей все общество. Один из примеров — культура, превращенная в «культурную политику». Что это такое, прекрасно сформулировал один высокопоставленный евробюрократ в беседе с товарищем по партии, министром культуры одной из стран ЕС: «До фи́га государственных денег, до фи́га вечеринок для молодежи и до фи́га премий для друзей и знакомых».

Социализм приводит также к извращению понятий о праве и правосудии. В классическом понимании право — это не что иное, как набор абстрактных материальных правил, или законов, которые распространяются на всех. Правосудие предполагает, что выносятся суждения о том, насколько индивидуальное поведение человека соответствует этим объективным абстрактным законам. Закон слеп. Именно поэтому богиню правосудия Фемиду традиционно изображают с повязкой на глазах. В Библии (Лев 19, 15) читаем: «Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего». Когда мы нарушаем всеобщие принципы права, даже «ради доброго дела» (например, если нас тронула судьба семьи, выселяемой из квартиры за неуплату, или потому, что мелкая кража практически не ощутима для крупного супермаркета), мы наносим огромный ущерб правосудию. Судьи, которые поступают подобным образом, т.е. пренебрегают законом, становятся жертвами пагубной самонадеянности, полагая себя богами. Это фатальная ошибка. Они подменяют право своими личными эмоциями, тем самым поощряя тех, кто стремится разжалобить судей и не заинтересован в отправлении правосудия. В результате любой иск превращается в лотерейный билет, потому что исход дела зависит не от закона, а от того, кому повезет или не повезет в суде. Возникает лавина исков. Перегруженные судьи выносят все более пристрастные решения, а это, в свою очередь, приводит к дальнейшему росту количества исков. Правовая определенность исчезает, правосудие утрачивает свой авторитет.

Разумеется, предоставление судебной системе еще большего количества ресурсов не решит этой проблемы, хотя чиновники требуют именно этого.

Однако самые ужасные последствия разлагающего влияния, оказываемого социализмом, затрагивают сферу личной этики. Для добропорядочных людей социализм очень привлекателен; ведь он обещает, что в случае появления проблем их будет решать государство за счет государственных ресурсов. Разве можно не соглашаться с тем, что это достойная и важная цель? К сожалению, такие представления глубоко невежественны. Государство в принципе неспособно знать, что может понадобиться ему для решения возникших проблем; оно не Бог, хотя некоторые с этим несогласны. Вера во всеведение государства расстраивает предпринимательский процесс и усугубляет проблемы. Вместо того чтобы действовать автоматически, согласно догматическим принципам права, государство действует произвольным образом, и именно это более всего деморализует и разлагает общество. Прекрасный пример — та выходящая за рамки закона борьба

с террористами, которую вела Испанская социалистическая рабочая партия (PSOE) в период пребывания у власти. Это была колоссальная ошибка. Принципы (в данном случае принципы права) — это не препятствие, мешающее нам достигнуть желанной цели, а единственно возможный путь к ней. Согласно английской поговорке, «честность — лучшая политика», иными словами, честность — это принцип, который должен соблюдаться всегда. Именно этого не делает социализм, потому что социалистическая модель выбора оптимального сочетания целей и средств основана на том, что руководители чувствуют себя богами; поэтому «оптимальный» план действий предполагает нарушение моральных принципов.

Социализм — это не только интеллектуальная ошибка, но и глубоко антиобщественная сила, так как его ключевая особенность состоит в принудительном ограничении (разной интенсивности) предпринимательской свободы человека, творческого и координирующего начала в обществе. Поскольку предпринимательская свобода — специфическое качество человека как вида, то социализм — это противоестественная общественная система, противоречащая природе человека и его стремлениям.

В энциклике «Сотый год» («Centesimus Annus»; IV, 42) Папа Иоанн Павел II, размышляя над тем, является ли капитализм наиболее подходящим людям общественным устройством, писал: «Если под „капитализмом“ понимать экономическую систему, которая признает важнейшую и положительную роль дела, рынка, частной собственности и вытекающей из этого ответственности за средства производства, а также свободной и творческой деятельности на ниве экономики, тогда ответ, конечно, — „да“». Однако он тут же добавляет: «Но...»*** Почему? Потому что всю свою жизнь папа Иоанн Павел II предупреждал об опасности, исходящей от капитализма, не ограниченного принципами этики, морали и права. Но с учетом того, что его негодование вызывали эгоизм, аморальность и т.п., можно смело утверждать, что подлинный капитализм в самом худшем случае является этически нейтральной социальной системой. На самом же деле система, основанная на добровольном обмене, способствует моральной зрелости и различению добра и зла, в отличие от морального распада, который всегда сопутствует социализму.

И наконец, что же все-таки произошло с социализмом? Потерпел ли он окончательное поражение? Кончился ли он? Исчез ли он с лица земли? И да, и нет. «Реальный социализм» действительно потерпел поражение, но наше общество до сих пор насквозь пропитано духом социализма. Различие между так называемыми «левыми» и так называемыми «правыми» — это различие в степени, хотя в 2000—2004 гг., когда в Испании у власти находилась правая Народная партия, стране удалось сделать несколько шагов к свободе. Во-первых, было отменено рабство XX в. — всеобщая воинская повинность. Военная служба стала добровольной, и это принципиально важное изменение (позвольте мне упомянуть о том, что социалисты были против отмены призыва). Во-вторых, были приняты довольно робкие меры к сокращению налогов и принципиальное решение о том, что государственный бюджет должен быть сбалансирован; кроме того, можно упомянуть

о некоторой либерализации и приватизации. Не очень много, конечно; но мы не должны забывать, что большинство из 11—12 млн избирателей Народной партии были фактически социалистами в нашем понимании. Вряд ли правое правительство могло в этих условиях сделать больше.

На самом деле будущее в наших руках: в руках университетских профессоров, интеллектуалов и популяризаторов («торговцев поддержанными идеями»). Это мы несем ответственность за постепенное изменение духа эпохи, особенно настроений молодежи, способной выйти на улицу во имя идеалов. Сегодня социализм по-прежнему господствует: правительства западных стран распоряжаются 40—50% ВВП. Как обычно, наша единственная надежда — на власть идей и на интеллектуальную честность молодых.

ГЛАВА 6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЫНОЧНАЯ ТЕОРИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ С ПОЗИЦИЙ СВОБОДНОГО РЫНКА¹

В своей научной деятельности профессор Жак Гарелло, чей вклад в распространение идей свободы трудно переоценить, уделяет большое внимание анализу проблем окружающей среды с позиций свободного рынка. Я впервые имел честь встретиться с профессором Гарелло во время семинара, посвященного этой теме, организованного им в сентябре 1985 г. в Эксан-Прованс². В связи с этим мне кажется уместным посвятить профессору Гарелло обзор того, как выглядит рыночная теория охраны окружающей среды сегодня, спустя десять лет после этого исторического семинара.

ВВЕДЕНИЕ

*Рыночная теория охраны окружающей среды*³ — это новая дисциплина. Она начала формироваться лишь двадцать лет назад, но уже достигла значительного развития⁴.

Главным достижением теоретиков в этой области стала идея тесной взаимосвязи экономической теории и экологии. Эта взаимосвязь очевидна, особенно в свете того, что экономическая наука в наиболее современном понимании представляет собой теоретическое исследование динамических процессов взаимодействия людей⁵, а экологию можно определить как «науку, которая изучает отношения людей друг с другом и с окружающей средой»⁶. Из этого следует, что две этих дисциплины параллельны, как и объекты их изучения; экономическая теория занимается анализом рынка, понимаемого как децентрализованный стихийный порядок, а экология — изучением и мониторингом экосистем, понимаемых как децентрализованные эволюционные процессы, в ходе которых различные биологические виды стихийно модифицируются и приспособляются к конкретным обстоятельствам места и времени, которые невозможно в точности предсказать или полностью познать⁷.

Самое важное открытие рыночной теории охраны окружающей среды связано с существованием стихийных процессов, движимых творческой силой предпринимательства. Эти процессы конфигурируют экономическое и социальное развитие человеческого рода таким образом, что это позволяет нам с уважением относиться к остальным биологическим видам и к окружающей нас природе и координировать свои действия с их интересами. Иными словами, эта теория открыла, что вмешательство человека в природу, породившее проблему загрязнения, поставившее под угрозу суще-

ствование многих видов и приводящее к истощению природных ресурсов и разорению окружающей среды, вовсе не является неизбежным итогом экономического развития и функционирования рынка и стихийной системы социальной организации, основанной на свободном предпринимательстве, а связано с систематической институциональной агрессией государства, которая препятствует стихийному процессу координации и адаптации, происходящему на рынке в ходе свободного предпринимательства во всех тех сферах, где люди взаимодействуют друг с другом, с другими видами и с природными ресурсами.

ПРИНУЖДЕНИЕ, ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Следует подчеркнуть, что проблема деградации окружающей среды с этой точки зрения представляет собой один из наиболее типичных примеров негативного воздействия на мир систематического институционального принуждения, или агрессии, против человеческой деятельности, или, иными словами, предпринимательства⁸. Если в предпринимательство не вмешиваться и не применять по отношению к нему насилие, то оно стихийно порождает набор институтов — устойчивых паттернов поведения. Эти паттерны, с одной стороны, порождаются предпринимательским процессом, а с другой — обеспечивают возможность его функционирования⁹. Наряду с языком и деньгами одним из важнейших социальных институтов, которые, подобно экосистемам, возникают и развиваются эволюционно, децентрализованно и адаптируясь к обстоятельствам, является институт частного права вообще, и контрактного права и прав собственности, в частности. Действительно, если бы творческий результат человеческой деятельности насильственно (противоправно) экспроприировался третьими лицами, а не доставался бы самому действующему агенту, а также регулярно оказывалось, что действия одних людей направлены против других и наносят им ущерб, как это бывает, когда действующий агент не учитывает альтернативных издержек своих действий, то люди нечасто решались бы что-либо предпринимать. В силу этого принципиально важно — и это является одним из элементов институционального фундамента системы свободного предпринимательства — разграничить права собственности по отношению ко всем тем объектам, которые могут в данных исторических обстоятельствах стать редкими (с точки зрения достижения целей). Права собственности, во первых, позволяют интернализировать внешние издержки деятельности¹⁰, а во-вторых, гарантируют каждому субъекту предпринимательства реализацию целей, обнаруженных, созданных и достигнутых им с помощью предпринимательства в контексте правил, установленных правом собственности¹¹.

Если посмотреть на ситуацию с охраной окружающей среды, легко заметить, что именно там, где созданы препятствия для разграничения и/или защиты прав собственности и, следовательно, для свободы пред-

принимательства, ограниченной традиционными принципами частного права, наиболее ярко проявляются те ужасные последствия разорения и уничтожения природы, о которых так часто говорят ее защитники. Если бы перед нами стояла задача дать теоретическое определение того, что такое *деградирующая окружающая среда или окружающая среда, находящаяся под угрозой*, то мы могли бы обратить внимание на два типа биологических видов или природных ресурсов. Во-первых, это те ресурсы, которые до сих пор имелись в относительном изобилии, но в силу обстоятельств в данное время становятся редкими (если рассматривать их с точки зрения конкретных планируемых действий). Например, это ресурсы, занимающие *промежуточное* положение между так называемыми бесплатными благами и относительно редкими (с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей) ресурсами, которые в силу своей редкости должны распределяться на основании экономических соображений. Там, где существуют препятствия для разграничения прав собственности на такие «промежуточные ресурсы», как это часто бывает в случае с традиционно бесплатными ресурсами, которые вдруг становятся редкими (как это случилось, например, в XIX в. с прериями Дикого Запада), всегда возникает тот негативный эффект в форме сверхэксплуатации или истощения, который Гаррет Хардин обозначил ставшим общепринятым выражением «трагедия общинных общинных пастбищ»¹². Ко второму типу ресурсов относятся все те биологические виды и ресурсы, которые уже являются редкими, при условии, что государство по каким-либо причинам воспрепятствовало тому, чтобы на них распространялось частное контрактное право и права собственности. Как следствие этого с правовой и административной точки зрения они считаются «государственной собственностью».

Происхождение этих двух типов ресурсов, наличие которых неизбежно приводит к сверхэксплуатации природы, связано либо с привилегиями, которые государство предоставляет отдельным частным лицам и организациям, позволяя им безнаказанно нарушать права собственности других (как во многих случаях промышленного загрязнения, когда загрязнители ограждены от наказания за последствия своих действий в силу неверного понимания государством защиты промышленного развития), либо с ошибочной доктриной «общественных благ»¹³, которую применяют к некоторым редким ресурсам, чтобы оправдать запрет на их стихийную приватизацию, тем самым блокируя предпринимательский дух, необходимый, чтобы правильно их использовать, а также препятствуя открытию и внедрению технологических инноваций, необходимых, чтобы верно определить и надежно защитить соответствующие права собственности.

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАСЧЕТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Таким образом, сила предпринимательства уничтожается, а ее энергия и творческий дух искажаются. Кроме того, очевидно, что проблемы окру-

жающей среды представляют собой частный случай, прекрасно иллюстрирующий теорию невозможности экономического расчета при социализме, если понимать под социализмом агрессивную систему, которая более или менее систематически препятствует свободному предпринимательству. Существование особой общественной, или коммунальной, собственности подрывает возможность *экономического расчета*, основанного на знании существенных фактов, который должен предшествовать решению о размещении ресурсов¹⁴. Без экономического расчета невозможно оценить различные планы действий. Таким образом, если свободному рынку мешают функционировать и права собственности не разграничены, то информацию, необходимую для того, чтобы действовать рационально, создать невозможно. В этих условиях даже наиболее ревностные защитники окружающей среды не могут быть уверены в том, что конкретные меры, за которые они выступают, не спровоцируют еще больший ущерб для природы, чем тот, которого они стремятся избежать. Например, как мы можем быть уверены, что принудительное внедрение на предприятиях, использующих уголь, технологий очистки выбросов от SO₂ (диоксида серы) не породит таких вторичных и косвенных последствий для окружающей среды, вред от которых перевесит пользу от этой меры? Ведь вполне вероятно, что издержки производства и установка обязательных очистных систем (с точки зрения расходования экономических ресурсов и нагрузки на окружающую среду) гораздо выше, чем альтернативные издержки тех решений проблемы загрязнения, которые могли бы быть обнаружены предпринимательским путем, если бы предприниматели могли искать такие решения в рамках системы четко разграниченных и хорошо защищенных прав собственности (например, они могли бы попытаться использовать вместо специальных очистных систем уголь с более низким содержанием серы).

Кроме того, как мы уже видели, распространение правового статуса государственной (общественной) собственности на природные ресурсы не только блокирует рациональный экономический расчет, но и оказывает разлагающее воздействие на предпринимательство, так как создает ложные стимулы для предпринимателей. Очевидно, что если воздух — общественная собственность, это препятствует разграничению прав собственности на него; соответственно все загрязнители вольны загрязнять его в свое удовольствие. Таким образом, у всех предпринимателей возникает стимул к загрязнению воздуха. Ведь в этих условиях те экологически сознательные предприниматели, которые принимают решение об установке очистных систем, несут большие издержки, чем те, кто со спокойной душой загрязняет атмосферу. В результате предприниматели, уважающие природу, проигрывают в конкуренции и будут вытеснены из бизнеса. Это превосходное объяснение феномена «трагедии общинных пастбищ», который возникает тогда, когда права собственности плохо определены или недостаточно защищены, а свободное функционирование рынка насильственно ограничено. Дело в том, что если какая-либо сфера объявлена общественной (государственной) собственностью, это означает, что все игроки, действующие в этой сфере, присваивают выгоды от ее использования, но не

берут на себя связанных с ее использованием издержек и не несут за них ответственность. Более того, в таких случаях издержки не замечаются и не осознаются; они размываются по всем нынешним и будущим пользователям. А это, в свою очередь, означает, что стимул к нанесению ущерба или сверхэксплуатации увековечивается. Пословица гласит: «Общее — значит ничье». И правда, если сегодня браконьер не убил бизона или слона ради их шкуры или бивней, то он знает, что, скорее всего, завтра это сделает другой браконьер. Общественная (государственная) собственность неизбежно приводит к истреблению слонов, бизонов, китов и вообще любых природных ресурсов, находящихся в общественной собственности.

В том, чтобы отстаивать государственный или общественный статус природных ресурсов, не определяя по отношению к ним прав частной собственности, а регулируя их использование с помощью государственного законодательства, тоже мало смысла. Дело в том, что, как доказала и подробно разъяснила школа общественного выбора, политические системы крайне неэффективны. Решения правительства подменяют свободную сеть добровольных соглашений, от которых выигрывают все их участники (в противном случае они бы в них не вступали), политической борьбой между группами интересов, в ходе которой одни выигрывают, а другие проигрывают (так называемые игры с нулевой суммой). Система государственного управления представляет собой непроходимый законодательный лабиринт, и от этого управление ресурсами становится чудовищно неэффективным: и потому, что оно основано на политическом консенсусе, и потому, что оно произвольно по своей природе, и — самое главное — в силу глубокого и совершенно неустранимого неведения законодателя по отношению к действующим субъектам экономики. Ведь информация о любых сторонах жизни общества и, в частности, информация о биологических видах и природных ресурсах, всегда является эксклюзивной, рассеянной в пространстве, субъективной и плохо вербализуемой; она всегда зависит от конкретных обстоятельств времени и места, и ее может узнать (иначе говоря, обнаружить и истолковать) только отдельно взятый предприниматель в контексте собственной конкретной деятельности. Соответственно эту информацию в принципе невозможно передать контролирующему государственному органу; более того, агрессивное вмешательство государства препятствует предпринимательству, блокируя возникновение информации, необходимой для правильного распределения природных ресурсов и эффективного управления ими. К примеру, каким образом мы можем узнать, какие подгузники наиболее экологичны? С учетом того, что за уборку и переработку мусора отвечает правительство (иными словами, мы финансируем эту деятельность как налогоплательщики), у потребителей нет абсолютно никакой возможности оценить издержки утилизации разных типов отходов, а это означает, что у производителей подгузников нет никакого стимула для выпуска экологичной продукции. То же самое происходит всегда, когда государство вмешивается в предпринимательский процесс, хотя в большинстве случаев мы этого не осознаем¹⁵.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Как же, в таком случае, можно решить проблемы окружающей среды? Большое достоинство рыночной теории охраны окружающей среды состоит в том, что ее представители настаивают: в этой сфере возможны исключительно институциональные решения. Это означает, что конкретных технологических рецептов не существует, так как такие рецепты должна создавать — применительно к конкретным обстоятельствам каждой отдельно взятой ситуации — сила свободного предпринимательства, действующая в условиях четкого разграничения и надежной защиты прав собственности¹⁶. Только творческая энергия предпринимателей способна найти решение этих проблем и внедрить технологические новшества, которые позволят разграничить права собственности и обеспечить их защиту в тех областях, где это до сих пор считалось невозможным. Многих удивит идея частных автомобильных дорог, но с технической точки зрения она вполне реальна, и ее осуществление приведет не только к существенному повышению безопасности на дорогах, но и к тому, что дороги станут значительно чище и существенно менее шумными. Аналогичный подход можно использовать для системного анализа проблем, связанных с различными природными ресурсами: от проблем национальных парков до проблем загрязнения воды, утилизации мусора, исчезновения биологических видов и т.п. Во всех этих областях может быть применена динамическая теория основанных на предпринимательстве рыночных процессов; в результате такого анализа можно будет предложить — по аналогии с уже существующими в других сферах предпринимательскими решениями или экспериментальными проектами — возможные решения, которые предприниматели смогут разрабатывать и воплощать¹⁷.

Таким образом, практическая стратегия защиты окружающей среды должна быть основана в первую очередь на приватизации государственной собственности и пересмотре роли государства. Государство должно посвятить себя всемерному поощрению процесса разграничения и защиты прав собственности на ресурсы, находящиеся в государственной собственности, а также на «промежуточные» бесплатные ресурсы, которые постепенно становятся редкими¹⁸. Создание условий для разграничения прав собственности, построение эффективной правовой системы и обеспечение защиты корректно разграниченных прав собственности — вот наиболее важные и актуальные меры, которые должно реализовать правительство, желающее сохранить и возродить окружающую среду¹⁹. Иными словами, рыночная теория охраны окружающей среды уже продемонстрировала, что с точки зрения теории государственная (общественная) собственность на природную среду необоснованна. Те проблемы, решение которых могло бы оправдать ее существование, на самом деле создают мощный стимул для предпринимательского творчества. С точки зрения динамического подхода, когда складываются условия, порождающие так называемую общественную собственность, всегда начинают действовать стихийные силы,

направленные на ее уничтожение; следовательно, такой тип государственной собственности не имеет смысла²⁰.

Я пишу эти строки на мысе Форmentor. Это одна из самых прекрасных экосистем Испании. Но я вижу, во что превратилась бухта. Я вижу лесные пожары, в которых гибнут миллионы сосен, переполненные пляжи и то, что вода, хоть и чистая, уже не кристальная. И, применив к этой проблеме рыночную теорию охраны окружающей среды, я понимаю, что природную красоту Майорки можно защитить от разрушения и сохранить для грядущих поколений только при условии, если ее разрешат использовать в соответствии с принципами свободного рынка и все природные ресурсы Майорки будут приватизированы (иначе говоря, права собственности на них будут четко разграничены и эффективно защищены государством). Я уверен, что непредубежденный защитник окружающей среды, прочитав мою статью, придет к тому же выводу, что и я, — в полном согласии с рыночной теорией охраны окружающей среды.

ГЛАВА 7

ТЕОРИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО¹ НАЦИОНАЛИЗМА²

ВВЕДЕНИЕ

Проблема национализма и существования наций вызывает большое беспокойство у современных либеральных теоретиков. С одной стороны, они признают позитивную роль национализма в создании предпосылок падения коммунистических режимов Восточной Европы, а также в противодействии интервенционистскому и централизующему этатизму. В последнее время серьезные европейские либералы выступали с заявлениями о том, что нация представляет собой необходимый элемент равновесия, противодействующий интервенционистским и централизаторским тенденциям, связанным, в частности, с процессом объединения Европы. Наконец, можно отметить, что в конкретных исторических обстоятельствах националистическая децентрализация часто порождает процесс стихийной конкуренции, ограничивающий интервенционистское регулирование, исходящее в основном от центральных органов государственной власти³.

Однако, с другой стороны, нужно признать, что зачастую национализм порождает последствия, несовместимые с человеческой свободой. Трудно забыть о катастрофе, к которой привел приход к власти в Германии и Италии национал-социалистов. К сожалению, легко привести и современные примеры. Это и ужасные войны между народами бывшей Югославии, и многие явления, которые не столь общеизвестны: скажем, то, как нынешнее каталонское правительство ограничивает образовательные свободы*.

В силу всего этого имеется потребность создать такую теорию национализма, которая объяснила бы эти проблемы и помогла либералам занять последовательную позицию в вопросах национализма, наций и межнациональных отношений.

ПОНЯТИЕ НАЦИИ И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Нация — это подгруппа внутри гражданского общества. Это живой стихийный порядок человеческих взаимоотношений, основанный на определенных культурных, лингвистических, исторических и религиозных паттернах (этнические и расовые факторы тоже играют определенную роль, но гораздо меньшую). Важнейшая особенность нации — язык, представляющий собой один из ключевых факторов национальной идентичности**.

Это представление о нации прекрасно сочетается с тем объяснением происхождения, природы и развития общественных институтов, которым мы обязаны австрийской экономической школе⁴. Австрийская школа объясняет стихийный характер возникновения общественных (этических,

моральных, экономических и лингвистических) институтов и их эволюционную природу тем, что они являются результатом децентрализованного процесса взаимодействия людей, ведущую роль в ходе которого играют те, кто в данных исторических обстоятельствах обладает максимальным предпринимательским чутьем и даром предвидения, позволяющими им найти способы поведения, более всего подходящие для достижения личных целей. Эти способы поведения проходят испытание методом проб и ошибок в ходе социального процесса и с помощью социальных механизмов обучения и подражания распространяются по всему социуму. Это означает, что общественные институты находятся в процессе непрерывной эволюции. Это относится и к институту нации во всей совокупности его лингвистических и культурных особенностей: он постоянно меняется, пересекаясь и конкурируя с другими нациями (с другими национальными порядками), возникающими, растущими, развивающимися, а порой — стагнирующими. Нации могут даже исчезать, вливаясь в другие нации и языки, более развитые, крупные и богатые. Иными словами, нация представляет собой всего лишь эволюционирующую социальную реальность, основанную на фундаменте общего языка и других исторических и культурных черт. Нации возникают стихийно, эволюционным путем; они постоянно соперничают между собой на мировом «рынке» наций, и нет никакой возможности узнать *a priori* историческую судьбу конкретной нации, не говоря уж о том, какие нации будут доминировать или продолжат существовать⁵.

Важно учитывать, что между правовыми и экономическими институтами и подгруппой гражданского общества, которую мы называем «нацией», существуют очень тесные отношения. Общество — это не что иное, как сложнейший процесс взаимодействия людей, основанный на актах обмена. В ходе обмена стороны всегда используют язык; очень часто это именно тот общий язык, который представляет собой базовый субстрат любой нации. Кроме того, взаимодействие людей происходит согласно определенным стандартам, правилам и нормам поведения, которые в совокупности образуют материальное право, а также набор всевозможных социальных норм. Это мораль, манеры, образовательные стандарты, этикет, мода, верования и т.д. Все эти факторы составляют элементы понятия нации. Те социальные группы, которые усваивают наиболее подходящие для реализации своих целей нормы поведения, занимают в ходе непрерывного эволюционного процесса стихийного отбора доминирующее положение. Люди не обладают информацией, которая позволила бы им сознательно конструировать сложные социальные процессы, оперирующие огромными объемами информации и практического знания, которое усваивают и открывают действующие в обществе индивиды. Поэтому использование принуждения или физического насилия для навязывания людям норм поведения, присущих определенному национальному типу, обречено на провал по тем же причинам, по которым теоретически невозможно обеспечить в обществе координацию с помощью приказов сверху. Иными словами, доказанная теоретиками австрийской школы (Мизесом и Хайеком) теорема невозможности социализма справедлива и в отноше-

нии целенаправленного навязывания социальным процессам конкретного национального результата⁶.

С учетом этого вывода, а также с учетом динамической природы нации никак нельзя согласиться с тем, что каждой нации должно соответствовать одно государство (одна политическая единица) с конкретными фиксированными границами. Действительно, если понимать под нацией подгруппу гражданского общества, которое всегда находится в процессе непрерывной эволюции и экспериментирования, то очевидно, что всегда будет существовать значительное количество людей, находящихся в процессе национального экспериментирования, иными словами, под влиянием нескольких национальных типов поведения. При этом невозможно знать заранее, чем кончится дело: вольются ли «экспериментаторы» в какую-либо из уже существующих наций или создадут новую. Мы знаем, что нации постоянно соперничают, меняются, развиваются и частично совпадают. Если рассматривать ту историческую реальность, которую мы обозначаем словом «нация», с точки зрения динамического подхода, то становится очевидно, что она не может быть жестко и навечно привязана к конкретному географическому пространству. Любая попытка зафиксировать такую непостоянную социальную реальность, как нация, насильственными средствами в пределах конкретных географических границ в конечном счете лишь породит неразрешимые конфликты и войны, социальные и человеческие издержки от которых в результате создадут угрозу для существования самой этой национальной реальности. Напротив, если понимать под нациями подгруппы гражданского общества, то гарантией их выживания должен быть *международный* конкурентный процесс в условиях свободы. Основным элементом этого процесса посвящен следующий раздел.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Мирные, разумные и стихийные отношения между нациями основаны на трех основных принципах. Это принцип самоопределения, принцип полной свободы торговли и принцип свободы миграции. Мы анализируем каждый из этих принципов.

Принцип *самоопределения* означает, что у любой национальной группы всегда должна быть возможность решать, в составе какого государства (в политическом смысле) она хочет жить. Иными словами, у каждой подгруппы внутри гражданского общества должно быть право свободно решать, к какой политической группе она хочет принадлежать. Некоторые нации, согласно свободно выраженному желанию составляющих их людей, могут быть рассеяны по нескольким государствам. Примером может служить англосаксонская нация, возможно, наиболее развитая, энергичная и производительная из всех современных наций. Она рассеяна по разным государствам (самые значительные — безусловно, США и Великобритания). В качестве примера можно привести и немецкую нацию. Составляю-

щие ее 100 млн человек в основном живут в трех европейских государствах: ФРГ, Австрии и части Швейцарии. Одно государство могут образовывать несколько наций. Швейцария состоит из кантонов, населенных представителями трех разных наций: немецкой, французской и итальянской. В Испании есть как минимум три национальные группы: кастильцы, каталонцы и баски⁷.

В связи с принципом самоопределения необходимо сделать два замечания. Во-первых, решение нации стать (или не становиться) частью определенного государства необязательно должно быть эксплицитным, т.е. выраженным прямо (хотя, безусловно, при некоторых исторических обстоятельствах вопрос о сецессии может быть решен на референдуме: см. недавний «развод» чешской и словацкой наций). Однако часто решение нации существовать в составе того или иного государства выражено в виде традиции (так бывает тогда, когда желание данной нации быть частью того или иного конкретного государства исторически разделяло большинство нации). Во-вторых, важно отметить, что принцип самоопределения означает не только то, что объединенные национальным самосознанием жители той или иной конкретной местности имеют право, используя правило большинства, решать, хотят ли они входить в состав конкретного государства; этот принцип должен действовать на всех уровнях, применительно к любым подгруппам внутри гражданского общества, независимо от того, что связывает членов подгруппы: чувство национальной общности или что-то иное. Это означает, что наличие наций, свободно решивших рассеяться по разным государствам, ничуть не противоречит принципу самоопределения. Кроме того, нужно признать за любым меньшинством внутри нации или государства право принимать решение о сецессии, отделении или присоединении к другому государству, если оно этого желает. Следует избегать ситуаций, когда национальная группа, принявшая решение отделиться от государства, где она составляла меньшинство, использует систематическую агрессию (от которой ранее страдала сама), чтобы держать в подчинении национальные меньшинства в своем составе.

Второй ключевой принцип, на котором должны быть основаны взаимоотношения между нациями, это полная *свобода торговли*. Если нации стремятся отделиться друг от друга границами, если они препятствуют свободе торговли и принимают протекционистские меры, то это неизбежно рождает потребность в автаркической организации национальной экономики и общества. С экономической точки зрения автаркия нежизнеспособна, поскольку в наше время международного разделения труда нет такой географической области, которая обладала бы всеми ресурсами, необходимыми для поддержания современной экономики. Это значит, что нация, вставшая на путь протекционизма, постоянно будет стремиться расширять свои границы, чтобы увеличить свои экономические, материальные и человеческие ресурсы. Следовательно, протекционизм в разрезе наций неизбежно порождает конфликты и войны: ведь они логически вытекают из цели расширения границ для завоевания рынков и приобретения дополнительных производственных ресурсов. В конечном счете национальный протекцио-

низм в ходе неизбежной войны всех наций против всех наций разрушает и приносит в жертву сами нации. Нетрудно понять, что главной причиной мировых войн всегда был национализм, замешанный на протекционизме, а также, что межнациональные конфликты в их нынешнем виде (в Югославии, на Ближнем Востоке и пр.) прекратились бы, если бы существовал глобальный рынок, на котором для всех наций обеспечивалась бы полная свобода торговли.

В связи с этим принципом следует учитывать следующий экономический закон. При прочих равных, чем меньше государство, с которым связана нация, тем сложнее ему будет внедрить централизованный протекционизм и тем в большей степени оно будет вынуждено мириться со свободой торговли. Причина в том, что чем меньше государство, тем лучше его жители понимают, как сложно им будет получить доступ к иностранным рынкам и ресурсам при отсутствии свободы торговли. И наоборот, чем больше государство (и по размеру, и по количеству живущих на его территории людей), тем легче организовать его экономику на автаркических принципах, причем его граждане в большинстве случаев не будут осознавать, что они теряют из-за отсутствия свободной торговли. Бесспорно, этот важный экономический закон является ключевым аргументом в пользу децентрализации и максимально дробной политической организации наций⁸.

Свободной торговли недостаточно. Требуется еще полная *свобода миграции*. Если свобода эмигрировать и иммигрировать отсутствует, то между общественными группами может постоянно существовать значительная разница в доходах, вызванная наличием протекционистской монополии на рынке труда (такую монополию обеспечивают как раз границы и законодательное ограничение свободы иммиграции). В конечном счете все это может привести к серьезным беспорядкам и вспышкам насилия в обществе. Тем не менее свобода эмиграции и иммиграции должна подчиняться определенным правилам и принципам, не позволяющим использовать ее для агрессивных интервенционистских целей, которые противоречат свободному взаимодействию наций. Во-первых, «государство всеобщего благосостояния»* не имеет права субсидировать иммиграцию. Люди, принявшие решение об иммиграции, должны делать это на свой страх и риск. В противном случае принудительное перераспределение дохода от одних социальных групп к другим создаст искусственные стимулы для иммиграции, что не только изменит направление процессов перераспределения, но и приведет к серьезным конфликтам в обществе. Бесспорно, иммиграция действительно представляет страшную угрозу для «государства всеобщего благосостояния», но не менее бесспорно и то, что в наше время созданием барьеров для иммигрантов занимается именно «государство всеобщего благосостояния». Поэтому единственный способ обеспечить политическое сотрудничество между нациями — это демонтаж «государства всеобщего благосостояния» и полная свобода миграции⁹.

Во-вторых, свобода иммиграции ни в коем случае не означает, что иммигранты тут же получают право голоса, так как в этом случае вновь прибывшие получают возможность политически эксплуатировать нации, тра-

диционно живущие в государстве, куда они переселились. Собирающиеся иммигрировать должны понимать, что они окажутся в иной культурной среде (где, как они ожидают, их уровень жизни повысится) и что переезд не дает им права использовать механизмы политического принуждения (в виде демократического голосования), чтобы вмешиваться в стихийные процессы на тех национальных рынках, куда они входят, и менять их под себя. И только тогда, когда после длительного периода времени они как следует усвоят культурные принципы общества, оказавшего им гостеприимство, им может быть предоставлено право голоса — это ключевое политическое право¹⁰.

В-третьих, претенденты на въезд в страну должны быть в состоянии продемонстрировать, что они присоединяются к принимающей их социальной группе для того, чтобы внести в ее жизнь вклад в виде трудовых усилий, технологических талантов или предпринимательских способностей; иначе говоря, они должны доказать, что им будет на что жить, что они в состоянии прокормить себя и не станут обузой для общества.

Наконец, последний, самый важный принцип иммиграции состоит в том, что иммигранты должны уважать материальное (и в особенности уголовное) право принимающей социальной группы, в частности права частной собственности, существующие на их новой родине. Благодаря этому можно будет избежать эпизодов массового захвата чужой собственности (как в случае с бразильскими фавелами, которые всегда строились на земле, у которой уже были законные собственники). Наиболее острые проблемы, порождаемые иммиграцией, обычно возникают в силу недостаточно четко разграничения прав собственности и недостаточно надежной их защиты; в таких условиях иммиграция неизбежно означает значительные внешние издержки для коренных жителей, что приводит в итоге к вспышкам ксенофобии и насилия, которые, в свою очередь, тоже связаны с высокими социальными издержками. Такие конфликты удается минимизировать или даже свести не нет в той степени, в какой в данном обществе реализована приватизация всех ресурсов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Если перечисленные выше принципы соблюдаются, то идея нации не только не препятствует процессу социального взаимодействия, но и приводит, с точки зрения либерала, к важным положительным последствиям, так как она обогащает, усиливает и углубляет стихийный мирный процесс социального сотрудничества. Рассмотрим в качестве примера среду, где реализованы все три принципа, в особенности принципы свободы торговли и свободы миграции, а именно Европейский Союз (в прошлом — Европейское экономическое сообщество). Очевидно, что в этой среде ни одно отдельно взятое национальное государство не имеет права принимать интервенционистские меры или меры институционального принуждения. И мы видим,

что в Европе национализм функционирует как противовес социалистическим и интервенционистским силам, воплощением которых являются такие евробюрократы, как Жак Делор и другие фанатики единой Европы. Нам следует помнить, что при попытке ввести более жесткое государственное регулирование или повысить налоги в каком-то одном государстве или регионе инвестиции и граждане немедленно начинают покидать эту страну и переселяться в другие страны, с менее интервенционистским и более благоприятным регулированием. Например, недавно это произошло во французском городе Дижоне, где ввели такие налоги и такое регулирование рынка труда, что крупнейшие предприятия в регионе закрылись и переехали в другие страны ЕЭС, а именно в Шотландию и другие части Соединенного Королевства. Тот факт, что Маргарет Тэтчер, знаковая фигура для европейского либерализма, была лидером либералов-евроскептиков (к коим отношусь и я) и отстаивала модель либерального национализма против централизаторских усилий Брюсселя, не было ни случайностью, ни противоречием, потому что конкуренция между нациями в условиях свободы торговли ведет к тому, что наиболее либеральные законодательные меры каждой из них перенимаются и начинают применяться всеми остальными в качестве естественного результата конкуренции¹¹. В то же время хорошо понятно, почему социалисты и интервенционисты выступают за создание мощного федеративного и централизованного общеевропейского государства со столицей в Брюсселе. Ведь интервенционистские меры (в области налогов, социальной сферы и рынка труда) можно успешно внедрить лишь при условии, что они будут одновременно навязаны всем государствам и нациям Евросоюза. У социалистов нет иного выхода, кроме как сместить центр тяжести принятия политических решений от национальных государств к центральным европейским структурам, расширяя полномочия и прерогативы расположенных в Брюсселе организаций за счет национальных государств — членов Сообщества. Примечательна крайняя близорукость многочисленных социалистических политиков и, в частности, Фелипе Гонсалеса*; они до сих пор не поняли, что в централизованном федеративном государстве значение их собственных государств и наций будет сведено к минимуму. Давно ли вы слышали о главе Техаса? А ведь это, между прочим, тоже государство. Если брюссельские централизаторы одержат верх, то через несколько десятилетий международная роль глав государств (да и королей) вроде Испании и Великобритании будет примерно такой же, как у американских губернаторов.

Другим примером среды со свободной торговлей, внутри которой разные нации конкурируют друг с другом, является сама Испания. Очевидно, что между различными областями и нациями Испании существует свобода торговли и свобода миграции. В итоге конкуренция между регионами привела к некоторому дерегулированию. К сожалению, оно не было достаточно глубоким из-за той роли, которую до сих пор играет во всех провинциях Испании социалистическая партия, выступающая за централизацию и интервенционизм. Тем не менее недавно Министерство финансов Страны Басков отменило налог на наследство, которым облагаются все остальные

испанцы (за исключением жителей Наварры), и разрешило предприятиям пересматривать балансы, бросив открытый вызов жадности мадридских фискалов. Отдельно нужно упомянуть о Наварре, которая по историческим причинам сама занимается сбором причитающихся ей налогов. Несмотря на то что до сих пор Наварра пользовалась своими историческими привилегиями очень робко, она представляет собой модель того самого «полностью децентрализованного администрирования», которую следует как можно скорее распространить на все регионы Испании.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Модель конкуренции между нациями в среде, где соблюдаются три перечисленные нами принципа (самоопределение, свобода торговли и свобода миграции), следует использовать на всех уровнях государственной организации. Ее нужно использовать на *верхнем* уровне, например применительно к национальным государствам — членам ЕС, в рамках модели либеральной конкуренции между ними, которую отстаивала, как мы помним, Маргарет Тэтчер. Конкуренция между нациями неизбежно приведет к либерализации модели регуляторного социализма, навязываемой из Брюсселя. Но модель либеральной конкуренции следует распространить и *вниз*, т.е. на те регионы и нации, которые входят в состав различных европейских государств. Например, это относится к Испании и тем автономным сообществам, из которых она состоит. Процесс расширения автономии регионов Испании, с нашей точки зрения, должен завершиться *полной административной децентрализацией* тех регионов и наций Испании, которые выразят такое желание (по модели Наварры, где достигнут максимально возможный уровень децентрализации).

Итак, какую же роль должно играть государство в отстаиваемой нами либеральной системе конкурирующих наций? Его роль (если у него вообще должна быть какая-то роль) в том, чтобы быть юридическим воплощением трех базовых принципов, обеспечивающих добровольное и мирное сотрудничество между разными нациями. В Испании существование Короны и Государства оправдано лишь в том случае, если эти институты гарантируют и защищают основные принципы либерализма, т.е. свободу торговли, предпринимательства и миграции, как внутри отдельных областей, так и между ними. То же самое можно сказать и о Европейском Союзе. Его единственное предназначение состоит в защите этих принципов, что полностью соответствует духу Римского договора. Кроме того, важно соблюдать принцип, согласно которому ни одна государственная организация не должна обладать полномочиями, которые может исполнять государственная организация более низкого уровня**. Соответственно чем выше уровень государственной организации, тем меньше должно быть у нее политических полномочий и тем в большей степени ее компетенция должна иметь чисто юридическую природу (как, например, у суда по правам человека, который занимается прежде всего защитой и обеспечением принципов сво-

боды предпринимательства и торговли). Кроме юридических полномочий у государственных организаций высокого уровня может быть право ограничивать сверху уровень регулирования и налогообложения, устанавливаемый политическими организациями более низкого уровня, в порядке дополнительной защиты свобод граждан. Иными словами, следует препятствовать попыткам автономных регионов (например, Каталонии) безнаказанно ущемлять права граждан, несмотря на формальное наличие свободы торговли и свободы миграции из региона в регион. Представляется вполне разумным, если дополнительно к стихийным процессам конкуренции между нациями, которые *обычно* приводят к демонтажу интервенционистских мер, государствами и политическими организациями высокого уровня будет установлен максимальный уровень регулирования и налогообложения, который децентрализованные единицы не будут иметь права превышать ни при каких обстоятельствах¹². Соответственно следует прекратить процесс гармонизации законодательства в рамках Европейского сообщества, поскольку это обычно приводит к распространению интервенционистских мер, действующих в одной из стран Евросоюза, на все остальные страны, и перейти к конкурентному процессу дерегулирования, по отношению к которому Европейское экономическое сообщество должно выполнять исключительно юридическую функцию (защиты прав личности и обеспечения свободы торговли и свободы миграции), а также устанавливать максимальный уровень экономического, социального и фискального вмешательства и регулирования, допустимый в государстве — члене ЕС.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Легко понять, что причиной тех нынешних бед, которые принято связывать с национализмом, на самом деле является несоблюдение трех базовых принципов либерального национализма. Иными словами, национализм перестает быть позитивной силой мирного процесса общественного сотрудничества и становится источником конфликтов и обид (как это случилось при нынешнем правительстве Каталонии) тогда, когда он перестает быть либеральным и становится интервенционистским, т.е. социалистическим. Таким образом, проблема в социализме, интервенционизме и систематическом использовании принуждения, а не в национализме как таковом. Тем не менее следует признать, что интервенционисты и социалисты часто прибегают к идее нации и протестируют ее, чтобы питать и обосновывать свои насильственные меры. Анализ любого национального конфликта позволяет понять, что причиной проблем и конфликтов является не национализм, а социализм и интервенционизм. Так, война в Югославии немедленно прекратилась бы, если бы там была обеспечена полная свобода миграции в сочетании с общим рынком товаров и услуг и уважением к правам собственности. Конфликт вокруг системы образования, спровоцированный правительством Каталонии, порожден тем, что образование в Каталонии

является государственным и финансируется за счет налогов. В силу этого решение о том, на каком языке ведется преподавание, есть политическое решение, представляющее собой систематическое насилие по отношению к широким слоям населения. При наличии свободы образования (т.е. системы школьных ваучеров или иной системы, которая гарантировала бы гражданам свободу выбора) правительство Каталонии не имело бы возможности разжечь конфликт в сфере образования¹³.

МОЖНО ЛИ ОБРАТИТЬ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ В ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ?

У предлагаемой нами идеи либерального национализма есть то преимущество, что она может раскрыть глаза тем защитникам националистического идеала, которые пока неверно толкуют его требования и выражают свой идеал, в большей или меньшей степени, посредством интервенционизма или социализма.

Истинному националисту можно попробовать объяснить, что есть только две модели сотрудничества между разными нациями. Одна — модель, основанная на принципах свободы торговли, свободы миграции и самоопределения, другая — модель, основанная на протекционизме, государственном вмешательстве и систематическом принуждении. Настоящий националист легко поймет, что модель принудительного протекционизма и агрессии по отношению к другим нациям обречена на провал. Она порождает автаркию, которая, в свою очередь, порождает войны; а военные потери в конечном счете обескровливают нацию, ради защиты которой эти войны ведутся. Следовательно, протекционистская модель отношений между нациями абсолютно нежизнеспособна. Единственная разумная стратегия — и это начинают признавать сами националисты — это равноправное соперничество наций, основанное на принципах свободы торговли и свободы миграции.

Если националист согласился с необходимостью соблюдения принципов свободы торговли и свободы миграции, можно продолжить теоретические разъяснения и рассказать ему, что если он решил быть националистом-интервенционистом и националистом-протекционистом (т.е. в той или иной степени социалистом), то регулирование, за которое он выступает, может принести пользу нации лишь в том случае, если он изловчится и сможет навязать его одновременно всем нациям, с которыми конкурирует его нация. Иными словами, глупо вводить интервенционистские меры или какое-то конкретное регулирование в одном национальном государстве (например, в одном государстве Европейского экономического сообщества), если это регулирование нельзя навязать (с помощью общеевропейской директивы) всем остальным национальным государствам и регионам ЕЭС. Таким образом, если националист с интервенционистскими и социалистическими симпатиями будет упорно и настойчиво продвигать свои интервенционистские инициативы, то в итоге он добьется лишь того, что центр принятия политических и экономических решений той нации, интересы которой он

желает защитить, переместится в политический центр того государства или надгосударственной организации, к которому принадлежит его нация (в Мадрид или в Брюссель). Мы снова приходим к тому, что социалистические инстинкты Жака Делора, Фелипе Гонсалеса и прочих еврофанатиков не изменяют им, когда они стремятся к расширению полномочий Брюсселя. Но то, что многие лидеры националистов в ущерб собственным нациям отстаивают расширение внешней по отношению к ним государственной власти, когда проводят интервенционистскую политику, представляется странным и парадоксальным.

В контексте всего этого можно смело утверждать, что значительная часть ответственности за централизаторскую политику Мадрида лежит на каталонском национализме. Когда лидеры каталонских националистов хотели получить от Мадрида привилегии (протекционистского характера и т.п.), они нисколько не чурались «пактов» с центральной властью, результатом чего становились законы, распространявшиеся на все регионы Испании. Так они увеличивали власть Мадрида в ущерб нации, интересы которой якобы защищали¹⁴. Следовательно, исторически главную ответственность за централизм Мадрида несут сами близорукие каталонские националисты¹⁵. И то же самое происходит сегодня в масштабах Европейского экономического сообщества, к помощи которого прибегают лидеры регионов и национальных меньшинств, рассчитывая на то, что это уменьшит полномочия национальных государств. Они не осознают, что усиление ЕЭС приведет к укреплению центральной власти Брюсселя, которая в конечном счете может принести им гораздо больше вреда. Таким образом, простодушные националисты, выступающие за расширение полномочий Брюсселя потому, что это ослабляет национальные государства, и наивные евроэнтузиасты типа Фелипе Гонсалеса, которых побуждают работать на усиление Брюсселя их социалистические инстинкты, становятся, как это ни странно, союзниками. При этом ни те, ни другие не понимают, что за свою любовь к Брюсселю они платят ослаблением испанской национальной идеи и ее главных символов, в том числе монархии, а также постепенным ослаблением идеалов национализма на региональном уровне (поскольку решения региональных правительств имеют все меньшее значение по сравнению с решениями, которые принимаются на уровне ЕЭС).

И снова мы видим, как наивность националистов и социалистов, неверно понимающих собственные интересы, работает против истинно либерального духа, способного обеспечить мирные, гармоничные и плодотворные отношения между нациями.

Тем не менее мы не должны отказываться от попыток переубедить националистов с интервенционистскими склонностями, так как те из них, для кого идеалы национализма важнее интервенционистской идеологии (т.е. идеала принуждения), все-таки потенциально способны понять, что у национализма нет большего врага, чем отстаиваемые ими интервенционистские меры экономического, культурного, лингвистического характера и т.п.

Возможно, разумнее всего объяснять интервенционистский национализм присущими многим нациям комплексом неполноценности и неуве-

ренностью в себе. Именно поэтому наиболее агрессивно ведут себя угасающие нации, которые, естественно, больше всего неуверены в себе. В общем и целом можно сказать, что чем ближе нация к угасанию (т.е. к поглощению другими, более богатыми и динамичными нациями), тем громче будут ее предсмертные хрипы (об этом свидетельствует и ситуация с басками, и, в меньшей степени, вмешательство каталонцев в языковую ситуацию). Уверенная в себе и своем будущем, нация, не боящаяся равноправной конкуренции с другими, — это нация, в которой возобладали описанный нами дух либерального сотрудничества¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: В ЗАЩИТУ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Проделанный нами в этой статье анализ либерального национализма позволяет прийти к заключению, что политика евроскептиков, начатая в отношении Европейского экономического сообщества еще Маргарет Тэтчер, является последовательной и разумной, в отличие от наивного энтузиазма европейских социалистов вроде Фелипе Гонсалеса, Жака Делора и др. Мы должны выступать за то, чтобы нации развивались в условиях свободы торговли, свободы рынка и свободы миграции, потому что это единственная надежная гарантия против регулирования, агрессии и интервенционизма. Мы должны объяснить близоруким националистам всех сортов, что всё, кроме развития национального идеала в обстановке полной свободы, в конечном счете разрушает лелеемую ими идею нации. Отсутствие уверенности в себе и в ценности культурных и лингвистических основ своей нации приводит их к насильственному введению лингвистического, культурного и экономического протекционизма, что в итоге ослабляет нацию и ставит под угрозу сам процесс либеральной конкуренции наций друг с другом. Нацию можно развивать и укреплять только в обстановке свободы. Чем скорее националисты усвоят эти базовые принципы, тем скорее они откажутся от самоубийственной политики, которую вели до сих пор, разрушая и свою нацию, и другие нации, с которыми они вынуждены сосуществовать. Либеральный национализм — это не просто единственная концепция национализма, совместимая с развитием наций, но и единственный принцип, способный обеспечить мирное, гармоничное и плодотворное сотрудничество всех социальных групп во имя будущего.

ГЛАВА 8

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ СВОБОДНОЙ ИММИГРАЦИИ¹

Проблемы, связанные со свободой миграции, часто порождают у теоретиков либертарианства и приверженцев свободы некоторое замешательство. Традиционно либертарианская доктрина отстаивала принцип полной свободы иммиграции и эмиграции без каких-либо ограничений. Эта позиция основана на том, что политические границы представляют собой результат сугубо интервенционистских мер и институциональной агрессии со стороны государства с целью воспрепятствовать свободному передвижению людей или даже запретить его совсем. Кроме того, пограничный контроль и иммиграционное законодательство возникли в результате политических действий привилегированных групп интересов (в частности — профсоюзов), которые стремятся ограничить предложение рабочей силы для того, чтобы искусственно повысить ставки заработной платы. То, что эти интервенционистские правила миграции препятствуют добровольным соглашениям между людьми (включая иностранцев), безусловно, нарушает базовые принципы, которые должны соблюдаться во всяком либертарианском обществе. Интервенционистская политика в области иммиграции затрагивает прежде всего людей, живущих за пределами данной страны, потому что с принципом свободного передвижения людей внутри страны все в общем согласны.

Государственное принуждение проявляется не только в том, что государство препятствует свободному передвижению людей, но и в том, что одновременно оно выступает за принудительную интеграцию вопреки желаниям тех, кто традиционно живет в соответствующем регионе или стране. Агрессивная деятельность государства в этом отношении носит как внутренний, так и международный характер. Так, жителям страны часто насильственно навязывают меры, направленные на интеграцию меньшинств и конкретных групп (примером могут служить законы против дискриминации, практика положительной дискриминации или принудительное совместное обучение детей разных рас). На международном уровне многие государства официально или фактически открывают границы для любых иностранцев и позволяют им использовать общественные блага (дороги, парки, пляжи, государственное здравоохранение, образование и социальное обеспечение) на халяву. В результате государство генерирует существенные внешние издержки для местных жителей, которых оно — вопреки их мнению или на условиях, которые они считают неприемлемыми, — принуждает смириться с интеграцией иностранцев в общество².

Чтобы найти решение этих противоречивых проблем, необходимо понять их истинную причину и сформулировать либертарианскую теорию иммиграции. Эта теория должна включать принципы, которые должны управлять процессами иммиграции и эмиграции в свободном обществе.

ТЕОРИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ
ПРИ ЧИСТО ЛИБЕРТАРИАНСКОМ ПОРЯДКЕ

Как и Мюррей Ротбард, мы начнем с анализа анархо-капиталистической модели в чистом виде, иными словами, с анализа ситуации, когда «„государственных“ (общественных) земель не существует и каждый квадратный сантиметр поверхности (в том числе улицы, площади и жилые кварталы) находится в частной собственности»³. Очевидно, что в этой ситуации не может возникнуть ни одна из перечисленных нами выше проблем. Об условиях и количественных параметрах иммиграции, а также о длительности пребывания въезжающих в новых для них местах будут договариваться сами участники процесса. При этом возможна и массовая иммиграция рабочей силы, если предприниматели готовы предоставить иммигрантам работу, помочь им найти жилье, организовать переезд и т.д. Иными словами, в этих условиях будут заключаться самые разнообразные договоренности, каждая из которых будет учитывать специфику конкретной ситуации.

В этих обстоятельствах миграционные потоки станут мотором развития цивилизации и, безусловно, не будут приносить вреда социально-экономическому развитию. Тезис о том, что приток рабочей силы со стороны всегда наносит ущерб местным рабочим, неверен. Людей нельзя рассматривать в качестве однородного производственного фактора; их поведение по отношению к редким ресурсам не является детерминированным биологически, как у крыс и других животных. У животных рост популяции всегда приводит к уменьшению количества ресурсов, приходящегося на каждую особь. Люди, в отличие от крыс, одарены врожденной способностью к предпринимательскому творчеству — и она расцветает при благоприятных институциональных условиях. В динамической среде рост населения обеспечивает непрерывное открытие и использование новых возможностей и, следовательно, рост уровня жизни.

Способность человеческого ума усваивать информацию (или знание) ограничена; в то же время социальный процесс, движущей силой которого является предпринимательство, порождает непрерывно растущие объемы информации. Следовательно, для развития цивилизации требуется постоянное углубление разделения труда или, если угодно, разделения знания. Это значит, что процесс развития порождает все более глубокое, специализированное и частное знание и для того, чтобы это знание распространялось горизонтально, требуется увеличение количества людей, т.е. непрерывный рост населения. Во всемирном масштабе рост населения в долгосрочной перспективе возможен тогда, когда число рождений превышает число смертей. Но в кратко- и среднесрочной перспективе единственным способом соответствовать требованиям, предъявляемым экономическими и социальными изменениями, являются эмиграция и иммиграция. Миграционные потоки обеспечивают быстрое углубление разделения труда и преодолевают ограниченность способности отдельно взятого человека к усвоению информации, так как увеличивают количество участников социальных процессов⁴. Хайек совершенно верно отметил: «Мы стали цивилизованными людьми,

когда нас стало много; в то же время тем, что нас стало много, мы обязаны цивилизации; у нас есть выбор: быть кучкой дикарей или многочисленным сообществом цивилизованных людей»⁵.

Развитие городов как экономических и культурных центров хорошо иллюстрирует процесс расширения знания, который стало возможным благодаря иммиграции. Непрерывающаяся депопуляция сельской местности и массовый отток рабочих рук в городские центры не приводят к тому, что города становятся беднее, а, напротив, способствует их развитию, — и этот процесс со времен промышленной революции стал одним из самых характерных проявлений прогресса человечества. Кроме того, в рассматриваемой нами либертарианской системе миграционные потоки будут способствовать росту разнообразия возможных решений новых проблем, встающих перед людьми. Все это будет стимулировать культурное развитие и социально-экономический прогресс, так как в либертарианской модели миграция всегда возникает в результате добровольных соглашений и при любом изменении обстоятельств у тех, кого они затронули, всегда есть возможность эмигрировать или переехать туда, где расположены другие предприятия⁶.

Наконец, нужно отметить, что в либертарианской системе, т.е. после того, как все ресурсы и блага, которые сегодня считаются «государственными» или «общественными», будут приватизированы, ни одного из перечисленных выше негативных последствий насильственной интеграции просто не возникнет. Антидискриминационных законов, законодательства о позитивной дискриминации, а также иммигрантов, живущих на улице, практически не останется. Для передвижения будут использоваться частные транспортные средства, используемые по договоренности с их владельцами по рыночным ценам. Возникнут специальные службы, которые займутся организацией переезда иммигрантов, заранее гарантируя новоприбывшим доступ ко всем средствам транспорта. Владельцы этих служб будут заинтересованы в том, чтобы путешественники успешно достигли пункта назначения и не превращались в нежелательных чужаков. Этот процесс будет развиваться, порождая такие социальные обычаи, юридические и экономические институты, которые мы сегодня не можем даже вообразить, так как рынку и предпринимателям запрещено иметь дело с благами, сегодня считающимися общественными (public).

Итак, сама по себе не нарушающая базовых принципов права миграция в системе, где все ресурсы частные, не только не создает никаких проблем (в том числе связанных с насильственной интеграцией) и не порождает дополнительных издержек для местных жителей, но и, напротив, становится важным фактором социально-экономического развития и способствует увеличению богатства и культурного разнообразия цивилизации⁷.

ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗВАННЫЕ АГРЕССИВНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ

Анализ анархо-капиталистической модели позволяет выделить и осознать истинную причину проблем, связанных с эмиграцией и иммиграцией. Их

источником является агрессивное вмешательство государства на разных уровнях. Во-первых, вмешательство государства создает барьеры, которые препятствуют перемещениям людей, основанным на добровольных договоренностях. Во-вторых, в то же время государство настаивает на различных мерах, направленных на принудительную интеграцию, либо прямо (так называемые законы против дискриминации и положительная дискриминация), либо косвенно (когда объявляет значительные территории — улицы, дороги, парки и т.п. — «общественными» и, следовательно, доступными для всех). Государственное вмешательство является причиной всех связанных с миграцией проблем, потому что государство не определяет права собственности «иностранцев» и «местных» однозначно и четко.

Государство ведет агрессивную деятельность на двух уровнях. Во-первых, в границах отдельно взятого национального государства. В результате проблемы, вызванные насильственной интеграцией и отрицательными внешними эффектами, которые всегда возникают в ситуации, когда государство препятствует приватизации «общественных» ресурсов, приобретают острую форму. Во-вторых, государственная интервенционизм проявляется на международном уровне, где он выражается в том, что государство регулирует входящий миграционный поток. В этом случае интервенционизм носит двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, государство мешает передвижениям, основанным на добровольном соглашении сторон (т.е. на договоренностях местных с иностранцами). С другой стороны, субсидии и пособия, которые положены жителям государства всеобщего благосостояния, искусственно стимулируют массовый приток иммигрантов.

В результате, как это ни странно, в наши дни те, кто желают строго соблюдать закон, часто сталкиваются с запретом на въезд, несмотря на то что работодатели желали бы нанять их. В то же время существование общественных благ и всеобщий характер социального обеспечения подобно магниту привлекают иммигрантов, в основном нелегальных, порождая серьезные конфликты и внешние издержки. Все это поощряет ксенофобию и способствует принятию очередных интервенционистских мер, которые лишь усугубляют ситуацию. При этом граждане не могут понять, в чем истинная причина этих проблем. В этой обстановке они легко становятся жертвами демагогов и поддерживают противоречивые, неэффективные и вредные меры государства.

Наконец, нельзя забывать, что в наше время наиболее серьезно стоит проблема международной иммиграции. В любом отдельно взятом национальном государстве в ходе его исторического развития обычно достигается социально-экономическая и культурная однородность, и в силу этого внутри него не существует особых стимулов для массовой миграции. Напротив, разница в доходах между странами очень велика, а благодаря развитию средств транспорта и связи сегодня стало гораздо проще, чем раньше, путешествовать из одной страны в другую. Нужно всего несколько часов, чтобы попасть из Дели в Нью-Йорк или из Латинской Америки в Испанию, а если речь идет о эмиграции из Северной Африки в Европу или из Мексики в США, то издержки еще меньше.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ, ПОРОЖДАЕМЫХ В НАШИ ДНИ
МИГРАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ

Идеальным решением этих проблем были бы приватизация всех ресурсов, которые сегодня считаются общественными (public), и отказ государства от вмешательства в сферу миграции. Иными словами, раз причиной всех проблем является агрессивное вмешательство государства, а не миграция сама по себе, то при чисто анархо-капиталистическом строе огромного большинства этих проблем просто не было бы.

Тем не менее до тех пор, пока национальные государства продолжают существовать, мы должны найти «процедурные» решения, обеспечивающие решение этих проблем в нынешней ситуации. Некоторые теоретики либертарианства недавно занялись разработкой модели сецессии и децентрализации, которая, приводя к разбиению современных высокоцентрализованных национальных государств на все более мелкие политические единицы, тем самым способствует снижению государственного интервенционизма. Ведь в условиях децентрализации каждое государство будет вынуждено ограничивать свою агрессию в силу конкуренции за граждан и инвестиции с другими государствами (т.е. действовать так, чтобы привлечь в страну новых граждан, и так, чтобы старым гражданам не хотелось ее покинуть). Логика этого процесса приведет к тому, что политика государств будет постепенно становиться либертарианской. В процессе конкуренции между государствами, которые будут становиться все мельче и все менее централизованными, эмиграция и иммиграция будут играть ключевую роль, ведь они отражают результат «голосования ногами». Чтобы избежать эмиграции, государства будут вынуждены постепенно демонтировать тот налоговый и интервенционистский аппарат, который у них есть сегодня. Ганс-Герман Хоппе пишет: «Мир, состоящий из десятков тысяч различных стран, регионов и кантонов, а также из сотен тысяч вольных городов-государств, подобных Монако, Андорре, Сан-Марино, Лихтенштейну, Гонконгу и Сингапуру, которые сегодня воспринимаются как исключение из правил, мир, в котором многократно расширятся возможности для экономической миграции, будет миром небольших либеральных правительств, экономически интегрированным благодаря свободе торговли и мировым товарным деньгам (скажем, золоту). Это будет мир беспрецедентного экономического роста и невиданного процветания»⁸.

То, что мы предложили как идеальное, так и процедурное решение проблем, связанных с миграцией, не избавляет нас от обязанности выработать принципы управления миграционными потоками, уместные в нынешней ситуации, т.е. при наличии чрезвычайно интервенционистских национальных государств. Эти принципы не должны противоречить либертарианским идеалам. В то же время они должны учитывать *реально существующие* трудности и противоречия, вызванные фактом существования национальных государств. Мы расскажем об этих принципах в следующем разделе.

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОГО ИММИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Необходимость предложить не противоречащие либертарианским идеям принципы, которые могли бы работать в нынешних условиях, объясняется несколькими причинами. Даже если расчленение национальных государств, за которое выступают Ротбард, Хоппе и многие другие, начнется, у нас нет никаких гарантий, что меры, которые станут принимать в этой области каждое из децентрализованных государств, окажутся верными с либертарианской точки зрения. Хоппе пишет, что «сецессия решает эту проблему, позволяя мелким территориям выработать собственные правила иммиграции и самостоятельно решать, с кем они желают сотрудничать на своей собственной земле и с кем они хотят взаимодействовать на расстоянии»⁹. Однако вполне вероятно, что эти правила и соответствующее регулирование будут интервенционистскими, иными словами — что они будут препятствовать добровольным соглашениям о въезде, заключенным между местными жителями и иностранцами.

Кроме того, до тех пор пока будут существовать (сколь угодно мелкие) государства, где есть «общественные» улицы, дороги и земельные участки, т.е. права собственности не до конца разграничены и недостаточно надежно защищены, насильственная интеграция и массовый захват земель (как в Бразилии) могут продолжаться, генерируя значительные внешние издержки и нарушая права собственности местных жителей. Наконец, предлагаемые решения должны не просто вести в правильном направлении и не противоречить либертарианским принципам: они должны быть «функциональными», т.е. предлагать ответ на наиболее актуальные текущие вопросы (например, что делать с эмиграцией из Мексики в США или из Северной Африки в Европу). Иными словами, следует сформулировать правила, которые не позволяли бы использовать иммиграцию в агрессивных интервенционистских целях, несовместимых с идеей свободного взаимодействия людей и народов.

Первый принцип: люди, принявшие решение об иммиграции, должны действовать на собственный страх и риск. Это означает, что иммиграция не должна субсидироваться за счет системы социального обеспечения, т.е. не должна финансироваться государством за счет налогов. Мы имеем в виду не только социальное обеспечение в узком смысле (образование, здравоохранение, государственные пенсии и т.д.), но и бесплатное использование общественных благ. Все эти социальные субсидии, которые в конечном счете представляют собой не что иное, как принудительное перераспределение доходов от одних социальных групп к другим, действуют как магнит, привлекая многих иммигрантов. Ведь для возникновения негативных последствий достаточно того, чтобы некоторые (необязательно все) группы иммигрантов учитывали при принятии решения о переезде свои будущие социальные пособия. Соответственно наш аргумент несколько не противоречит выдвигаемому некоторыми тезису, что иммигранты дают экономике страны гораздо больше того, что они получают (особенно в первые годы

после переезда) в качестве социальных пособий. Для того чтобы возникли искусственные стимулы для иммиграции, наносящие ущерб местным жителям, достаточно, чтобы хотя бы некоторые группы иммигрантов, пусть меньшинство, рассчитывали на жизнь на пособие.

Итак, первое правило: у иммигрантов не должно быть прав ни на какие пряники от государства всеобщего благосостояния. Это должно помешать некоторым группам иммигрантов жить за счет субсидий. Если считать, что вклад иммигрантов в экономику превышает получаемые ими пособия, то для того, чтобы избежать их эксплуатации, можно в самом крайнем случае обязать их иметь минимальную социальную страховку (но исключительно частную). Таким образом, будут достигнуты две либертарианские цели: можно будет избежать искусственного стимулирования иммиграции, порождаемого перераспределительной политикой государства, и приступить к ускоренному демонтажу государственных программ пенсионного обеспечения, основанных на принципе выплат из текущих доходов (солидарных пенсионных систем). Это будет также способствовать развитию частных систем, основанных на сбережениях и частном инвестировании, поскольку иммигранты станут их клиентами¹⁰.

Второй принцип, на котором должна быть основана современная миграционная политика: все иммигранты должны доказать, что у них будут собственные средства и они не станут бременем для налогоплательщиков. Иными словами, иммигранты должны продемонстрировать, что они присоединяются к новой социальной группе для того, чтобы вложить в нее свой труд, таланты (профессиональные или предпринимательские) и капитал. Есть разные способы реализовать этот принцип на практике, хотя каждый из них имеет свои недостатки. Возможно, лучше всего сделать так, чтобы у каждого иммигранта всегда был поручитель — физическое лицо или частная организация, которая может гарантировать его платежеспособность (заклучив с ним трудовой договор, храня на депозите или инвестируя определенную сумму принятых от него денег или взяв на себя юридическую ответственность за него). Поскольку рынок должен быть гибким, то нужно позволить уволенным или уволившимся по собственному желанию иностранным рабочим искать новое место в течение какого-то времени, а не отправлять их на родину немедленно. Хотя это потребует от работодателей сообщать в государственные контрольные органы о расторжении трудовых контрактов, с административной точки зрения это ничуть не сложнее и обременительнее тех иммиграционных процедур, которые существуют в большинстве стран, включая Испанию.

Третий принцип: ни при каких обстоятельствах иммигранты не должны быстро получать избирательных прав, так как это может дать некоторым группам эмигрантов возможность политически эксплуатировать местных жителей. Люди, приезжающие в чужую страну и в иную культурную среду, как правило, в результате повышают свой уровень жизни. Но у них нет права использовать механизм политического принуждения, т.е. демократического голосования, для того, чтобы поддерживать политику перераспределения доходов и вмешиваться в стихийные процессы на нацио-

нальных рынках страны, куда они переехали. Безусловно, по мере того как будет происходить процесс расчленения ныне существующих национальных государств на мелкие государственные единицы, избирательные права и выборы постепенно утратят значение, и их место займет «голосование ногами». Тем не менее до тех пор, пока процесс децентрализации не завершен, автоматическое предоставление иммигрантам избирательных прав следует рассматривать как бомбу с часовым механизмом, потенциально способную разрушить рынок, культуру и язык страны, которая согласилась принять иммигрантов. Вопрос о предоставлении иммигрантам всех гражданских прав, включая избирательные права, может рассматриваться только спустя долгое время после их прибытия в страну, когда они полностью усвоят новые для них культурные принципы. Кстати сказать, существующая в Евросоюзе практика, когда граждане одной из стран ЕС, живущие в другой, могут голосовать на муниципальных выборах в месте своего постоянного проживания, весьма сомнительна. Она может привести к полному уничтожению культурной идентичности в местах, где большинство жителей составляют иностранцы, например в тех регионах Испании, куда массово переезжают пенсионеры из Великобритании, Германии и других стран. Предоставление им избирательных прав может быть оправданно только в том случае, если они уже прожили на новом месте какое-то установленное количество лет и являются владельцами собственности (дома или иной недвижимости) там.

Наконец, самый главный принцип: все иммигранты должны соблюдать законы той социальной группы, которая их приняла. В частности, они должны уважать права собственности, существующие в том обществе, к которому они присоединяются. Любое нарушение прав собственности иммигрантами должно не просто наказываться в соответствии с уголовным законодательством; виновный в этом иммигрант должен изгоняться из страны (в большинстве случаев — навсегда). Это позволит избежать случаев массового захвата собственности (мы упоминали выше о Бразилии, где фавелы в основном возникали на земле, у которой уже имелись законные собственники).

Мы уже видели, что наиболее острые проблемы, связанные с иммиграцией, возникают из-за того, что права собственности местных жителей недостаточно четко определены или плохо защищены; в таких условиях появление иммигрантов часто генерирует дополнительные внешние издержки для граждан. В результате могут возникнуть серьезные вспышки ксенофобии и насилия, которые сами по себе сопровождаются высокими социальными издержками. Это, в свою очередь, приводит к юридическим и политическим последствиям, издержки по оплате которых часто ложатся на плечи ни в чем не повинных людей. Конфликты можно минимизировать, если те ресурсы, которые сейчас считаются «общественными», перейдут в частную собственность. До тех пор пока тотальная приватизация не произошла, следует регулировать использование общественных благ таким образом, чтобы воспрепятствовать случаям массового захвата земли, подобных тем, о которых мы упоминали выше¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечисленные нами меры не приведут к полному исчезновению всех проблем, которые порождают в наше время миграционные потоки. Однако их реализация приведет к сокращению подобных проблем и будет шагом в том направлении, которое защитники свободы считают правильным. Так или иначе, окончательное решение всех проблем возможно только после того, как современные государства распадутся на мелкие политические единицы, а все принадлежащие им так называемые общественные блага перейдут в частные руки.

ГЛАВА 9

КРИЗИС СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ¹

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы государственной системы социального страхования можно разделить на две группы: во-первых, проблема *пенсий* (включая пенсии по старости и инвалидности, а также пособия, выплачиваемые вдовам и сиротам в случае утраты кормильца), иначе говоря, регулярно выплачиваемых пособий на дожитие, в случае инвалидности и потери кормильца; во-вторых, не менее важная проблема медицинской помощи. Мы рассмотрим их отдельно. При этом мы уделим основное внимание пенсиям, поскольку для стран Запада это, вероятно, самая актуальная проблема: и в силу объема обязательств государства в этой сфере, и в силу тех сложностей, с которыми сталкивались любые попытки реформировать пенсионную систему.

Первая часть статьи посвящена диагностированию проблем пенсионной системы в техническом и этическом аспекте. В результате выясняется, что в любой государственной системе социального страхования заложено *внутреннее противоречие*. После этого будет описана *либертарианская модель социального страхования*, которую мы считаем наиболее продуктивной. Мы предложим программу *реформирования пенсионной системы* с учетом необходимости минимизировать те трудности, которые возникают в ходе любого реформирования. Затем с различных точек зрения будет проанализирована *стратегия*, которой необходимо следовать для успеха этой реформы. Наконец, отдельный раздел будет посвящен проблемам, порожденным системой государственного медицинского страхования.

ДИАГНОЗ

Кризис государственной системы социального страхования, в наличии которого никто сегодня не сомневается, имеет двойную природу: с одной стороны, это технический кризис экономической и актуарной природы; с другой стороны, это этический кризис.

Технические проблемы

Выявить технические проблемы проще всего. Для начала следует отметить, что *солидарный принцип финансирования системы социального стра-*

хования, как правило, значительно снижает совокупный уровень сбережений. Это происходит потому, что пенсии выплачиваются из налогов и социальных взносов, которые каждый финансовый год отбирают у налогоплательщиков *насильно*. Из-за этого сберегать становится очень сложно: не только потому, что часто налоговое бремя в виде налогов и обязательных взносов на социальное страхование почти невыносимо, но и потому, что большинство граждан в этих обстоятельствах субъективно рассчитывают (или по крайней мере рассчитывали до сих пор) на то, что будущие поколения станут оплачивать их пенсии таким же образом, как это происходит сейчас². Минимизировать это негативное субъективное воздействие государственной пенсионной системы на развитие национальной экономики очень сложно. Так, доля сбережений в ВВП Испании снизилась с 27% в 1975 г. до 19% в 1992 г.³ Более того, это уменьшение сбережений можно рассматривать в качестве одного из ключевых факторов нынешней экономической рецессии (и предшествовавших ей). Ведь рецессия проявляется прежде всего в том, что многочисленные инвестиционные проекты оказываются невыгодными из-за отсутствия достаточного предложения реальных финансовых ресурсов (т.е. сбережений) по приемлемой ставке процента. Если бы объем сбережений был значительно больше, то значительное число брошенных или подвергшихся реструктуризации инвестиционных проектов могло бы быть завершено благодаря изобилию финансовых ресурсов. Такое изобилие, в свою очередь, возникает вследствие увеличения реальных сбережений, которые позволяют финансировать торговлю и промышленность по относительно низким ставкам⁴. Во-вторых, с технической и экономической точки зрения необходимо подчеркнуть, что вне зависимости от того, как система работает с правовой и юридической точки зрения, неверно полагать, что взносы на социальное страхование платит компания-работодатель. На самом деле, несмотря на то, как это выглядит с точки зрения законодательства, с экономической точки зрения все социальные взносы всегда платит работник, так как с точки зрения работодателя эти взносы составляют часть его совокупных издержек на оплату труда и, следовательно, работодателю все равно, как их платить: непосредственно работнику или государственной системе социального страхования. Об этом писал еще Людвиг фон Мизес в 1922 г.: «Страховые взносы всегда платятся из заработной платы, вне зависимости от того, с кого их собирают: с предпринимателя или с работников. То, что работодатель должен выплачивать в виде взносов на социальное страхование, приводит к уменьшению предельной производительности труда, и, следовательно, к сокращению заработной платы»⁵.

В-третьих, с точки зрения актуария бремя, которое государственная система социального страхования налагает на работающих, растет как снежный ком. Таков неизбежный результат постепенного старения населения в большинстве западных стран и соответственно роста доли пенсионеров относительно доли работающего населения. Например, в 1993 г. в Испании на одного пенсионера (по возрасту или получающего пенсию за потерю кормильца) приходилось два работающих. Как ожидается, если система не

будет реформирована, в начале XXI в. каждый работающий должен будет содержать одного пенсионера. Кроме того, из-за инфляции приходится постоянно увеличивать размер выплачиваемых пенсий⁶.

Таким образом, бремя пенсионной системы для работающего населения становится невыносимым и для страны в целом и для отдельно взятого налогоплательщика, подавленного явными признаками экономической рецессии и ростом налогов. Возникает все больше сомнений в том, что государственные системы пенсионного страхования будут в состоянии выплачивать обещанные пенсии, и вполне возможно, что мы доживем до того времени, когда люди трудоспособных возрастов в той или иной степени откажутся от своих «обязательств» по отношению к пенсионерам из-за того, что они станут для них невыносимым финансовым бременем. Необходимость глубокого реформирования существующей пенсионной системы очевидна; мы должны постепенно создать новую систему, в рамках которой пенсионеры смогут позаботиться о себе сами и не будут вынуждены зависеть от более молодых и насильно отбирать у них деньги.

В-четвертых, вероятно, самый главный аргумент вытекает из *принудительного* характера существующей системы. В странах Запада государственная система социального страхования является одной из главных форм всеобщей и систематической институциональной агрессии государства против граждан⁷. Невозможно минимизировать ужасные последствия этой агрессии, препятствующей свободному и стихийному взаимодействию людей и творческому развитию предпринимательства, для всех участников системы социального страхования (компаний, работников, пенсионеров, сирот, вдов и вдовцов, инвалидов, больных, страховых компаний, финансовых институтов, больниц, врачей, сберегателей и инвесторов)⁸. Она приводит не только к грубым ошибкам в размещении трудовых ресурсов и капитала и к нежеланию откладывать деньги⁹, но и, что еще страшнее, препятствует творческому процессу генерирования и передачи предпринимателями информации, необходимой для того, чтобы экспериментировать с новыми, неожиданными решениями бесчисленных проблем, которые порождает институт государственного социального страхования. Вследствие этого дисбаланс в обществе постоянно углубляется и планы отдельных людей продолжают оставаться рассогласованными¹⁰.

Этические проблемы

Техническими, экономическими и актуарными проблемами, о которых мы только что говорили, дело не ограничивается; наряду с ними имеются серьезные и важные проблемы этико-политического характера. Существующая система социального страхования основана на устаревшем патернализме, она нехороша тем, что способствует росту напряжения и конфликтов между поколениями, ее негибкость ограничивает возможности человеческого и профессионального развития людей старшего поколения, наконец, она основана на принципах «социальной справедливости» и «перераспреде-

ния доходов», которых не разделяют либертарианцы. Рассмотрим все эти проблемы по очереди.

Во-первых, государственные системы социального страхования основаны на *патерналистской идее*, что люди, по своей природе, не задумываются о будущем и, следовательно, нуждаются в обязательной и всеобщей системе социального страхования. Однако в наши дни эта идея не имеет под собой никаких оснований. Действительно, уму непостижимо, как можно считать граждан, с одной стороны, достаточно зрелыми и ответственными для того, чтобы в ходе свободных выборов выбирать себе правителей, а с другой — неспособными самостоятельно позаботиться о том, что будет с ними на старости лет. Таким образом, патерналистские аргументы в пользу государственной системы социального страхования в условиях демократии (а мы живем в условиях демократии) парадоксальным образом основаны на том, что в современном государстве *«государственные дела» устроены согласно желаниям избирателей, которых законодатели считают неспособными устроить свои личные дела*¹¹.

В силу сказанного выше роль государства может быть ограничена и сведена к обеспечению минимального уровня социальной помощи меньшинству людей, которые по разным причинам (недостаточной предусмотрительности, вследствие ударов судьбы и т.п.) неспособны в старости позаботиться о себе сами. Сегодня положение просто абсурдно: из-за того, что меньшинство людей неспособно накопить на старость, всех насильно загоняют в государственную систему, не давая им использовать большую часть ресурсов, предназначенных ими на старость, так, как они считают нужным и выгодным. Следовательно, государственная система социального страхования *представляет собой ущемление свободы каждого отдельно взятого гражданина*. Примерно на тех же основаниях можно создать систему, обязывающую все население питаться в благотворительных столовых: ведь в обществе есть люди, которым не хватает еды. Моральная ущербность этой системы особенно хорошо видна в свете того, что, как мы уже отмечали, в конечном счете все взносы платят работники. Таким образом, система лишает их значительной части доходов, которые они не могут использовать для того, чтобы обеспечить свою старость так, как им кажется наиболее правильным с учетом конкретных обстоятельств их жизни¹².

Во-вторых, нельзя забывать, что всякий раз, когда агрессивное государственное регулирование покушается на свободную экономику, это приводит к возникновению конфликтов и напряжения и в большей или меньшей степени разрушает ту сеть мирных и добровольных обменов, которую представляет собой любое свободное общество. В случае системы социального страхования это проявляется особенно ярко. До возникновения государственных пенсионных систем, основанных на принципе финансовой солидарности, т.е. на идее, что работающие люди обязаны обеспечивать пенсиями тех, кто уже не работает, проблема накоплений на старость решалась разными добровольными средствами, не приводившими к росту межпоколенческой напряженности. Сегодня конфликты между поколениями особенно серьезны; очень сложно принять такое политическое решение в сфере

пенсионного обеспечения, которое не приводило бы к *росту напряжения и трений между поколением тех, кто еще работает, и поколением тех, кто уже не работает*. Поскольку по финансовым и техническим причинам в долгосрочной перспективе существующую систему поддерживать невозможно, то неявно пенсионеров начинают обвинять в том, что их становится все сложнее содержать¹³.

Все это очень похоже на ситуацию, которая складывается, когда рынок труда перестает быть свободным и в результате всевозможных институциональных и профсоюзных ограничений возникает безработица. При этом появляется напряжение между различными социальными группами, потому что работающим кажется, что их рабочим местам угрожают, с одной стороны, молодые, с другой — пожилые, не желающие уходить на пенсию. Звучат требования ввести правила, увеличивающие возраст, с которого разрешено работать, и принудительно снизить пенсионный возраст, что наносит серьезный ущерб соответствующим социальным группам (молодежи, безработным и пожилым).

Таким образом, можно сделать вывод, что государственная система социального страхования представляет собой инструмент дестабилизации современных обществ, создает угрозу для гармоничного и мирного общественного прогресса и порождает серьезные конфликты и проблемы, которые невозможно решить.

В-третьих, в особенно тяжелом положении оказываются люди, вынужденные выйти на пенсию по милости негибких и косных правил государственной пенсионной системы. Один из самых больших недостатков государственной пенсионной системы — это ее негибкость и то, что ее правила одинаковы для всех. Невозможно понять, почему отдельно взятому человеку, компании и организации не дают права организовать переход от работы к пенсии так, как эта компания или этот человек считают наиболее разумным в конкретных обстоятельствах и таким образом, чтобы это нанесло всем участникам процесса минимальный ущерб. В свободном обществе *стихийно* возникнут самые разнообразные системы, которые позволят каждому гражданину *выбирать*, как ему жить после выхода на пенсию. Появятся, например, институты постепенного выхода на пенсию и неполной занятости для пенсионеров; это минимизирует те серьезные психологические и физические травмы, которые наносит пожилым людям в нашем обществе необходимость принудительного выхода на пенсию, навязываемая им государственной пенсионной системой. Об этом очень хорошо написал Хайек: «Примечательно, что в двух главных сферах, где существует угроза формирования государственной монополии: в пенсионном обеспечении и здравоохранении — мы становимся свидетелями наиболее интенсивного распространения новых методов, экспериментов, которые почти наверняка приведут к появлению новых способов удовлетворения текущих потребностей, и новаций, чье появление невозможно запланировать, именно там, где пока нет абсолютного контроля государства»¹⁴.

Наконец, в-четвертых, мы должны подвергнуть критике представление о том, что государственная система социального страхования хороша

как минимум с точки зрения идеала «социальной справедливости», так как перераспределяет доходы в пользу наиболее слабых социальных групп. С экономической точки зрения *последствия политики перераспределения доходов наносят ущерб именно самым уязвимым социальным группам*. Это происходит потому, что в свободном обществе невозможно отделить процессы производства от процессов распределения доходов. В рыночной экономике производство осуществляется в соответствии с ожидаемой прибылью, а это значит, что невозможно модифицировать посредством политики перераспределения доходов результаты процесса производства, не повлияв существенным образом на сам производственный процесс. Политика перераспределения доходов является сильнейшим негативным стимулом для производителей и делает беднее всю страну, и в особенности наиболее уязвимые социальные группы. Кроме того, в политике перераспределения доходов нет ничего прогрессивного: ведь она мешает людям из групп с низкими доходами подняться на высшие ступени социальной лестницы.

Как совершенно справедливо писал Хайек, идеал «социальной справедливости» очень опасен, и либертарианцы обязаны его критиковать. Во-первых, понятие социальной справедливости лишено смысла и несовместимо с принципами свободного общества. Как мы только что говорили, свободное общество порождает гармоничное и динамичное экономическое развитие, но приводит к неравному и постоянно меняющемуся распределению доходов. Распределить результаты процесса свободы поровну возможно лишь один раз, потому что это разрушает сам процесс и с ним — основания свободного общества, которые мы обязаны защищать. Кроме того, идеал «социальной справедливости» предполагает предоставление государству огромной власти над гражданами, что противоречит нашему пониманию свободы. В свободном обществе не должно быть иной справедливости, чем та, которую образуют законы общего характера, в равной степени распространяющиеся на всех граждан, и той справедливости, которая не допускает того, чтобы результат взаимодействия между гражданами был заранее известен. Единственное равенство, которое обязаны отстаивать либертарианцы, — это *равенство перед законом* в указанном смысле. Ни в коем случае не следует стремиться к равенству результатов, так как оно принципиально несовместимо со свободой и основано на ложном и паразитическом понятии «социальной справедливости»¹⁵.

*Внутреннее противоречие в государственной системе социального страхования*¹⁶

С момента возникновения государственной системы социального страхования внутри нее существует неразрешимое противоречие, которое является главной причиной многих ее проблем. Она пытается функционировать одновременно в качестве «страховой» системы и в качестве системы «социальной помощи». Но эти две системы невозможно соединить.

Государственная система социального страхования работает как «страховка», когда выплачивает пособия в соответствии с формулой, по которой более высокие пенсии получают те, кто платили более высокие взносы в течение более длительного времени. Такие выплаты происходят вне зависимости от того, нуждаются ли в них получатели. Эти черты (зависимость выплат от взносов и независимость их от нужд получателя) объединяют государственную пенсионную систему с частными страховыми институтами, которые в данном отношении основаны на тех же принципах.

Однако в то же время государственная система социального страхования занимается социальной помощью малоимущим. Она выплачивает пособия тем группам, которые считаются наиболее нуждающимися, вне зависимости (или вне прямой зависимости) от размера выплаченных ими взносов и продолжительности периода их уплаты. Более этого, в соответствии со своей «социальной» функцией, эта система направлена на осуществление такого перераспределения доходов, которое считается справедливым (мы уже говорили, что с либертарианской точки зрения это недопустимо).

Специалисты часто называют эти две цели государственной системы социального страхования «индивидуальной справедливостью» (страховка) и «социальным равенством» (социальная помощь малоимущим).

Две эти функции, однако, фундаментально несовместимы, и когда их пытается реализовать один и тот же государственный орган, то у него получается с точки зрения отдельно взятого человека очень некачественная страховка, а с точки зрения социума — очень некачественный и несправедливый инструмент социальной помощи малоимущим. Дело в том, что невозможно одновременно достичь цели из области «частного страхования», где все основано на принципе соответствия выплат ранее сделанным взносам вне зависимости от того, нуждается ли в них получатель, и социальной справедливости и перераспределения доходов с помощью выплат нуждающимся, не зависящих от того, вносили ли они что-нибудь в систему.

Желание достичь социальной справедливости и социального благополучия с помощью государственной системы социального страхования, безусловно, затрагивает принцип «индивидуальной справедливости» (страховки); мы уже видели, что солидарный принцип финансирования пенсионной системы оказывает негативное воздействие на состояние сбережений и экономику страны, а в конечном счете неизбежно создает ситуацию, в которой государство не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. С учетом роста финансового давления солидарной пенсионной системы на работающих наступит момент, когда государственная пенсионная система будет вынуждена сократить выплаты и окажется, что пенсионеры не смогут получить те пенсии, на которые они рассчитывали, ориентируясь на размер своих пенсионных взносов. Кроме того, плательщик взносов в государственную пенсионную систему не получает той финансовой выгоды, которую принесли бы ему его пенсионные сбережения, если бы он имел возможность разместить их в действительно частной системе страхования¹⁷.

Неравенство того, что люди вкладывают в систему, и того, что они от нее получают, означает, что системы такого типа всегда строятся на фунда-

менте принуждения: иными словами, это обязательные системы. Действительно, трудно ожидать, что система, подобная государственной пенсионной системе, может быть основана на добровольном членстве; ведь в таком случае те участники, которые получают от системы больше, чем вкладывают, останутся в ней, а те, кто вкладывает больше, чем получает, уйдут, и в результате финансовое равновесие системы разрушится.

На основании того, что по своей природе государственная система социального страхования может быть только *принудительной*, большинство людей делает вывод, что руководить ею может только государство. В результате система становится восприимчива к политическому воздействию, что делает ее *принципиально нестабильной*. У политиков возникает соблазн использовать социальные программы для достижения собственных целей, часто за счет участников системы и экономики страны в целом. В западных странах подкуп избирателей с помощью популистских изменений или реформ системы социального страхования, а также посредством увеличения социальных выплат является обычной практикой. Нужно отметить, что этим занимаются и правящие партии, и оппозиция¹⁸.

Кроме того, государственная пенсионная система не обеспечивает социальной справедливости, так как выплата пенсий происходит вне зависимости от того, нуждаются ли в них получатели. Часто молодые люди с низкими доходами, с трудом кормящие семью, вынужденно лишаются части своего дохода, которая идет на финансирование государственных пенсий пожилых людей, менее нуждающихся, чем они сами, или получающих пенсии из нескольких источников одновременно¹⁹.

Таким образом, понятно, что «страховые» элементы государственной системы социального страхования систематически подрывают эффективность программы социальной помощи малоимущим, которая является одной из заявленных целей этой системы, и наоборот.

Невозможно понять суть проблем государственной системы социального страхования и начать серьезно реформировать эту систему до тех пор, пока не будет осознано это фундаментальное противоречие между заявленными целями системы. *Также невозможно представить себе серьезную реформу социального страхования, которая не предполагала бы, что эти цели будут разделены и их реализацией будут заниматься разные институты.*

Цель социальной помощи малоимущим могла бы вначале²⁰ реализовываться через государственную систему социальной помощи малоимущим, финансируемую из государственного бюджета (иначе говоря, в соответствии с солидарным принципом). Эта система обеспечивала бы малоимущих выплатами в соответствии с их нуждами и гарантировала бы всем *нуждающимся* гражданам минимальную пенсию.

Напротив, выплатой пенсий, превышающих минимальный уровень, в соответствии с желаниями и экономическими возможностями граждан и с учетом периода, в течение которого участник системы платит пенсионные взносы, а также с учетом совокупного размера уплаченных им взносов, должна заниматься система, основанная на *индивидуальных и коллектив-*

ных частных пенсионных планах, т.е. на традиционных принципах и технологиях коммерческого страхования жизни.

Только так можно обеспечить непротиворечивую и не порождающую экономических проблем реализацию этих двух целей, которые наше общество считает приоритетными. При проведении любой частичной реформы государственной системы социального страхования нужно исходить из того, что указанное противоречие является источником всех ее проблем и что, следовательно, задача реформирования системы состоит в том, чтобы выявить это противоречие и постепенно смягчить и преодолеть его.

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ С ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Описанных в предыдущем разделе технических и этических проблем можно было бы избежать, если бы финансовые ресурсы на выплату пенсий по старости, потере кормильца и инвалидности поступали бы из трех разных источников. Первый: *социальная помощь*, которую люди, а также государство (на местном уровне) оказывают исключительно тем, кто по разным причинам оказался неспособен обеспечить себя самостоятельно. Второй, главный, — это пенсии, выплачиваемые по *частным пенсионным планам* (индивидуальным и коллективным). Третий: *личные сбережения*, накопленные человеком в течение жизни.

Частные пенсионные планы — это частные системы, основанные в основном на актуарных технологиях и договорах страхования жизни. Их участниками могут быть отдельные люди, компании, группы компаний, профессиональные ассоциации и т.п. Основной их принцип заключается в создании финансового фонда, существующего в течение всего периода занятости работников. После того как работники выходят на пенсию, фонд в состоянии выплачивать им пенсии пожизненно. Кроме того, из него могут осуществляться выплаты в случае смерти или болезни работника (пенсии по потере кормильца и по инвалидности).

Эта система, которую очень просто описать, возникла стихийно²¹ и в промышленно развитых странах Запада достигла высокой степени развития. Она одновременно решает две серьезные проблемы: во-первых, она приводит к существенному увеличению общего уровня сбережений в стране, что способствует окончанию кризиса и развитию экономики, а во-вторых, она решает описанные выше технические и этические проблемы социального страхования, порожденные солидарным принципом финансирования государственной системы социального страхования, который приводит к тому, что одно поколение вынуждено нести ответственность за другое.

Положительное воздействие этой системы на сбережения связано с тем, что взносы, которые делают в пенсионную систему работодатели и работники, не выплачиваются сразу в виде пенсии, как это делается в рамках государственной пенсионной системы, а поступают в пенсионные фонды, что резко увеличивает объем доступных национальной экономике ресурсов.

В результате вырастут инвестиции и станет возможно создать компании и реализовать проекты, которые сегодня нельзя осуществить из-за нехватки сбережений. Система частных пенсионных планов в среднесрочной перспективе обеспечит: 1) *финансирование пенсий по старости без создания социального напряжения*, финансовых проблем и без негативного влияния на уровень сбережений в стране (напротив, частная система приводит к росту сбережений); 2) *сокращение затрат на рабочую силу* и снижение уровня безработицы в стране, поскольку актуарная система капитализации может гарантировать нынешний уровень пенсий при более низком, чем сегодня, размере пенсионных взносов (понятно, почему: сегодня пенсионные взносы не приносят никакого процента, а в системе частных пенсионных планов процентные доходы, напротив, играют важную роль и существенно снижают конечные затраты); 3) *рост реальной заработной платы наемных работников* в результате экономического роста в стране за счет накопления капитала и появления возможности получить инвестиционные ресурсы под более низкий процент²².

Кроме того, система частных пенсионных планов решит проблемы, возникающие из-за того, что одно поколение вынуждено содержать другое. Она уничтожит неизбежно возникающее в таких обстоятельствах социальное напряжение и конфликты, присущие нынешней системе социального страхования.

Создание пенсионных фондов на период занятости наемных работников позволит им после выхода на пенсию *зависеть не от младшего поколения*, а от средств, накопленных за время работы. Собственно, речь идет всего лишь об использовании применительно к этой сфере общепринятого принципа учета издержек, согласно которому издержки учитываются тогда, когда они понесены, а не позже. Иными словами, затраты на пенсии по старости должны быть отнесены на продукцию, произведенную самими будущими пенсионерами тогда, когда они работали (как в частной системе пенсионных планов), а не на блага и услуги, произведенные позже людьми, которые не имеют никакого отношения к этим пенсионерам (как в солидарной пенсионной системе). Когда каждое поколение обеспечивает себя самостоятельно, неразрешимые конфликты между поколениями, которые искусственно создаются государственной системой социального страхования, исчезают.

Наконец, частные пенсионные планы порождают огромное разнообразие решений и схем там, где речь идет о формулах, по которым высчитывается итоговая пенсия, о возрасте выхода на пенсию и т.п. Частные пенсионные планы представляют собой механизм, который предоставляет *гибкое* удовлетворение потребностей конкретных людей и компаний и обеспечивает гораздо более *гуманный* подход к людям, выходящим на пенсию.

Каким образом рынок сможет решить все проблемы социального страхования? С теоретической точки зрения абсурдно пытаться предугадать заранее, как именно рынок решит проблему, связанную с удовлетворением спроса на то или иное новое благо или услугу²³. Однако мы можем воспользоваться опытом уже стихийно возникших в реальности институтов стра-

хования жизни, а также имеющимся во многих странах опытом развития частных пенсионных планов. Можно выделить две группы инструментов, применяемых для финансирования частных пенсионных планов, в зависимости от того, участвует ли в этом компания, занимающаяся страхованием жизни. В первом варианте в страховой полис или договор включается подробное и конкретное описание пенсионного плана во всех деталях. Во втором может использоваться пенсионный фонд (который может быть, но необязательно, юридическим лицом). Пенсионным фондом управляет профессиональный управляющий, а инвестированием средств занимается финансовый институт. Нестраховые пенсионные схемы обычно используются для оказания услуг группам людей, достаточно большим для того, чтобы в них обеспечивалась актуарная техническая стабильность (соответственно для них не так важен страховой аспект).

Главные преимущества тех финансовых инструментов, которые предлагают компании по страхованию жизни, носят технический и административный характер. Что касается технического аспекта, не нужно забывать о том, что компании по страхованию жизни уже почти двести лет успешно занимаются решением проблемы, идентичной рассматриваемой, а именно гарантированным обеспечением капитала или пенсии на случай дожития или смерти. Институт страхования жизни успешно справлялся со своей задачей, в том числе в крайне неблагоприятных экономических и исторических обстоятельствах, когда другие финансовые институты были не в состоянии выполнять свои обязательства без помощи государства. Это стало возможным благодаря конкретным актуарным, финансовым и контрактным принципам, которые вырабатывались и испытывались на практике многими поколениями и сегодня продолжают стихийно развиваться²⁴. С административной точки зрения компании по страхованию жизни умеют использовать стандартизованные и компьютеризованные процессы для обслуживания значительного числа полисов, что в совокупности с актуарными и финансовыми услугами позволяет при управлении пенсионными планами существенно сэкономить на масштабе. Наконец, компании по страхованию жизни предлагают очень широкий набор частных пенсионных соглашений, направленных на удовлетворение различных существующих на рынке потребностей (договор о доходах будущих периодов, договор вклада и т.п.).

Несмотря на все сказанное выше, существует довольно много конкретных ситуаций, когда лучший способ пенсионного обеспечения — это созданный компанией, но отделенный от нее нестраховой пенсионный фонд. Это удобно прежде всего для крупных компаний, пенсионный фонд которых сравним по размеру с ресурсами ведущих компаний, занимающихся страхованием жизни. Тем не менее, несмотря на то что такие фонды не заключают договоров с компаниями, занимающимися страхованием жизни, они должны использовать те же консервативные актуарные и финансовые критерии и тот же консервативный подход к платежеспособности, что и страховщики.

СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Мы должны начать с краткого анализа либеральной политической стратегии реформирования системы социального страхования, а также других сфер, реформирование которых входит в программу либертарианцев.

Главные стратегические принципы

Главная опасность для любой либертарианской стратегии — это соблазн скатиться в *политический прагматизм* и забыть о конечных целях на том основании, что по политическим причинам их невозможно достичь в краткосрочной перспективе. Такой прагматизм очень опасен. Он принес либертарианской идеологии очень большой вред. Ради того, чтобы получить и удержать политическую власть, достигался консенсус и принимались политические решения, которые зачастую были несовместимы с конечными целями либертарианцев. Более того, обсуждались исключительно проблемы, политически перспективные в краткосрочном периоде; конечные цели откладывались, и про них забывали. В результате эти цели подробно не анализировались, их не пропагандировали. Это, в свою очередь, привело к тому, что наша идеология стала терять содержание и во многих случаях оказалась разбавлена до неузнаваемости другими программами и идеологиями.

Правильная стратегия либертарианской реформы должна быть основана на соблюдении *двух* принципов. Она должна предполагать, во-первых, постоянное изучение конечных средне- и долгосрочных целей и *ознакомление* с ними широкой публики, а во-вторых, краткосрочные политические меры, которые направлены на продвижение к этим целям и *не противоречат* им. Только тогда то, что кажется недостижимым сегодня, станет политически возможным в будущем²⁵.

В двух следующих разделах мы изложим контуры реформы системы социального страхования, разработанные с опорой на такую стратегию.

Этапы реформирования системы социального страхования

В табл. 9.1 отражены четыре основных этапа реформирования системы социального страхования. Они расположены справа налево по мере возрастания «прогрессивности» (в либертарианском понимании). На первом этапе существует классическая государственная система социального страхования (по Бисмарку).

Таблица 9.1.

Этапы реформирования системы социального страхования (СС)

ЭТАП 4	ЭТАП 3	ЭТАП 2	ЭТАП 1
1. Социальная помощь малоимущим: (предоставляется нуждающимся и оплачивается из государственного бюджета)	1. Минимальная государственная пенсия (государственный бюджет)	Уровни: 1. Минимальная государственная пенсия (государственный бюджет)	Классическая система государственного социального страхования
2. Частные пенсионные страховые и пенсионные фонды (индивидуальные и коллективные; все — добровольные)	2. Частные пенсионные планы (обязательные до уровня 50—60% заработной платы, сверх этого — добровольные)	2. Пенсия, формирующаяся за счет взносов (60—70% заработной платы; СС)	Один уровень (90—100% от заработной платы)
3. Личные сбережения	3. Личные сбережения	4. Частные пенсионные планы (коллективные и добровольные) 5. Личные сбережения	

Таблица 9.2

Ситуация в некоторых странах

ШВЕЙЦАРИЯ	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	ФРАНЦИЯ	ИСПАНИЯ	ИТАЛИЯ
← Самая прогрессивная система	(с точки зрения личной свободы)			Самая отсталая система

Суть второго этапа состоит в уменьшении выплат, гарантируемых государственной системой социального страхования, и в появлении — вследствие этого — некоторого простора для развития индивидуальных пенсионных планов. На этом этапе появляется также разделение источников финансирования системы социального страхования. Минимальная пенсия финансируется из государственного бюджета, а кроме нее люди получают пенсию, гарантированную государственной системой социального страхования. *Социалистические правительства некоторых европейских стран (Испании, Италии и др.) робко переходят от первого этапа ко второму.*

На третьем этапе система принудительного участия в государственной системе социальной защиты сохраняется, но делится на два уровня. Первый уровень образует, как и на втором этапе, гарантированная государством минимальная пенсия, которая финансируется из государственного бюджета. Однако второй уровень — хотя он и остается обязательным — образуют

частные пенсионные планы, а государственная система социального страхования играет при этом вспомогательную роль (как в современной Великобритании) или не играет никакой (как в Швейцарии).

Четвертый этап соответствует нашей конечной цели. На нем, как мы уже говорили, роль государства сведена к минимуму (иными словами, имеется система социальной помощи малоимущим, которая осуществляет минимальные выплаты только по обоснованному запросу)²⁶. Остальные вопросы решаются *частным образом* с помощью индивидуальных и коллективных пенсионных планов.

В свете этой таблицы становится очевидно, что с либертарианской точки зрения реформа системы социального страхования должна обладать следующими характеристиками:

1. Она должна обязательно соответствовать движению справа налево в нашей таблице, иными словами — движению в направлении этапа 4.
2. Ни при каких обстоятельствах нельзя принимать политические решения, означающие движение (хотя бы отчасти) в обратном направлении (критерий соответствия конечной цели).
3. В краткосрочной перспективе модель реформы системы социального страхования явно должна быть гораздо радикальней той, которую сегодня планируют многие правительства. Иными словами, *мы должны подготовить такую краткосрочную стратегию реформирования системы социального страхования, которая обеспечит переход от первого этапа сразу к третьему*. А сейчас мы перейдем к описанию такой стратегии.

Основные принципы либертарианского политического проекта краткосрочного реформирования системы социального страхования

Предлагаемый нами проект реформирования предполагает переход от первого этапа к третьему (вопрос о переходе от третьего этапа к четвертому будет рассмотрен отдельно после осуществления данной реформы)²⁷.

Основные принципы реформы системы социального страхования:

1. Следует разрешить частные пенсионные планы, всячески поощрять их, способствовать их развитию и *перевести на них всех, кто впервые выходит на рынок труда*. В результате текущие обязательства пенсионной системы будут распространяться только на нынешних пенсионеров и часть работающих, что положит предел дальнейшему углублению существующих сегодня проблем.
2. Вначале нужно установить минимальный уровень пенсии (зафиксировав его на уровне примерно половины минимальной заработной платы), который будет выплачиваться из государственного бюджета. Второй уровень может пока до определенного порога (не выше 50% последней заработной платы) оставаться обязательным. В то же время на втором уровне *управление пенсионными средствами должно осуществляться*

- с помощью частных пенсионных планов.* Вносить взносы в государственную систему социального страхования и соответственно оставаться частью системы будут только те компании, которые не *передадут* (добровольно) управление этими средствами частным институтам. Частные пенсионные планы смогут обеспечить пенсии, размер которых будет превышать обязательный минимум второго уровня, что вполне логично.
3. *Часть тех взносов, которые сегодня уплачиваются государственной пенсионной системе, будет разрешено вкладывать в частные пенсионные планы.* В соответствии с опытом других стран (Чили и Великобритании), те компании, которые *предпочтут* передать средства второго уровня в частное управление, будут вносить в государственную систему социального страхования меньше, однако уменьшенные взносы они всё-таки будут платить в силу необходимости выплачивать текущие пенсии (до тех пор, пока такая необходимость не исчезнет).
  4. Государственная система социального страхования и государство должны *продолжать выплачивать пенсии пенсионерам.* Эти пенсии должны финансироваться за счет налогов и оставшейся части взносов в государственную систему.
  5. Необходимо дать работающим полную свободу выбора между старой, государственной пенсионной системой и новой системой, основанной на частных пенсионных планах. Для этого нужно будет выдать людям, которые приняли решение перейти в новую систему, т.е. на частный пенсионный план, в середине профессиональной карьеры, *ваучер на сумму, эквивалентную актуарной ценности их взносов в государственную пенсионную систему.*
  6. Нынешние пенсионеры, которые получают пенсии от государственной системы, исчезнут в течение одного поколения. Соответственно *финансовые затраты на переход к новой системе будут постепенно сокращаться*, высвобождая все больший объем пенсионных средств, которые можно будет использовать для увеличения объема частных пенсионных планов, снижения затрат компаний и наемных работников на финансирование двух систем (новой частной системы и старой, в связи с необходимостью какое-то время производить выплаты «дореформенным» пенсионерам) или и для того, и для другого.
  7. Мы планируем, что те компании, которые не примут решения о переходе на частные пенсионные планы, будут оставаться участниками государственной пенсионной системы. Однако желательно всемерно поощрять частные пенсионные планы (посредством налоговых льгот²⁸ и пр.), чтобы государственную пенсионную систему использовало все меньше и меньше людей и компаний (как в Великобритании) и она постепенно *исчезала.*
  8. Наконец, нужно решить, на каком уровне будут приниматься решения о переходе на новую, частную систему: *на уровне компании* (как в Великобритании, где компании, принявшие решение о переходе на частные пенсионные планы, были обязаны перевести на него всех работников, вне зависимости от их возраста) или *на уровне отдельного человека* (как

в Чили — или как это сейчас происходит в Англии, которая продвинулась по этому пути очень далеко). У каждого варианта есть свои достоинства и недостатки, которые требуют подробного анализа с технической и политической точки зрения, что явно не входит в задачу данной статьи²⁹.

Иные стратегические аспекты

Очевидно, что предложенное нами глубокое реформирование системы социального страхования, в котором остро нуждаются общество и экономика, невозможно провести без мобилизации серьезных социальных и политических сил в его поддержку. Принципиально важно правильно спланировать этот процесс³⁰. Для глубокого реформирования государственной системы социального страхования необходимо следующее:

1. *Простое и четкое объяснение того, куда и почему мы идем.* Мы уже говорили, что для проведения реформ необходимо ясное представление о том, к какому идеалу мы стремимся. План реформ может основываться на самых разнообразных актуарных, статистических и экономических исследованиях, но в итоге он должен сводиться к нескольким простым базовым принципам. Мы уже описали их выше, но хотелось бы особенно выделить следующие:
  - источником проблем государственной системы социального страхования является то, что она пытается одновременно достичь двух *противоречащих друг другу* целей: обеспечить индивидуальную справедливость и социальную помощь малоимущим;
  - современная, государственная система социального страхования плохо подходит для предоставления социальной помощи малоимущим; этим должна заниматься развитая система государственной помощи и частной благотворительности;
  - реализацию цели индивидуальной справедливости лучше всего смогут обеспечить частные институты, которые уже существуют на рынке и основаны на технологиях страхования жизни, взаимной выгоде, индивидуальных и коллективных частных пенсионных фондах;
  - вспомогательная система социальной помощи малоимущим должна финансироваться из государственного бюджета;
  - система индивидуального пенсионного страхования должна финансироваться ее участниками (вне зависимости от того, кто является плательщиком с точки зрения законодательства: компания или наемный работник);
  - реформы следует начать как можно быстрее: любое движение в указанном направлении представляет собой прогресс;
  - ни одним из этих принципов нельзя поступаться во имя краткосрочных политических или переговорных преимуществ.
2. *Нужно успокоить нынешних пенсионеров.* Без этого любые серьезные реформы обречены. Пенсионеры должны быть уверены в завтрашнем

дне, поскольку эта группа обладает достаточным влиянием, чтобы заблокировать любую демократическую реформу государственной системы социального страхования³¹.

3. *Общество должно быть в курсе дела.* Нужно организовать кампанию по разъяснению людям того, как на самом деле устроена государственная система социального страхования. Люди не знают, что взносы, которые они платят, ежегодно тратятся на выплаты нынешним пенсионерам, и что если пенсионную систему не реформировать, выплата пенсий в будущем будет зависеть исключительно от политической ситуации и доброй воли работающих.

Работающим нужно объяснить на конкретных примерах, какую выгоду они могли бы получить, если бы платили пенсионные взносы в частную систему, основанную на капитализации³². Наконец, нужно продемонстрировать обществу, каким образом перенаправить часть текущих пенсионных взносов в частный сектор при сохранении в полном объеме обязательств государства перед нынешними пенсионерами.

Только тогда, когда люди осознают, каково их положение сегодня и что стоит на кону, только тогда, когда им разъяснят достоинства и недостатки разных вариантов, общество согласится пойти на жертвы, связанные с необходимостью продолжать содержать нынешних пенсионеров и временно направлять дополнительные взносы в частную систему.

4. Нужно постепенно создавать *коалицию интересов*³³. Она должна быть достаточно большой и мощной, чтобы иметь возможность продвигать реформу системы социального страхования. Главные группы, которые должны составить эту коалицию, таковы. В первую очередь деловой мир. Деловые люди первыми получают выгоду от реформ, поскольку они приведут к резкому росту сбережений и соответственно к резкому росту предложения финансовых ресурсов. Когда возникнет система частных пенсионных планов, финансирование бизнес-проектов станет проще и дешевле.

Нужно подчеркнуть, что главная выгода для делового мира состоит именно в этом, а не в сокращении издержек в результате сокращения взносов в пенсионную систему. Более того, в краткосрочной перспективе уменьшение взносов практически нереально: наоборот, их нужно будет повысить, чтобы обеспечить одновременное финансирование текущих выплат и создание частных пенсионных фондов. Таким образом будет обеспечено перенаправление текущих взносов, полностью или частично, в частные системы. Очень важно объяснить предпринимателям, в чем состоят их интересы в сфере пенсионной реформы, потому что сейчас многие из них глубоко заблуждаются на этот счет. Внутри делового мира главный сегмент, заинтересованный в развитии частных пенсионных планов, это компании, занимающиеся страхованием жизни, финансовые институты и т.п. Дело не только в том, что для них открываются новые рынки. По самой своей природе эти институты должны быть готовы к новым задачам. Наконец, группа, которая заинтересована в реформах наиболее очевидным образом, — это молодые и далекие от

пенсионного возраста наемные работники. Ведь именно на этих ни в чем неповинных людей ляжет растущее бремя финансирования государственной системы социального страхования, если ее не реформировать.

5. Наконец, *необходимо ослабить противников реформ*. Лучший способ — начать движение по верному пути, т.е. в направлении приватизации социального страхования, разъяснив обществу неизбежные негативные последствия действующей системы и те выгоды, которые люди получают от новой системы. Любая, самая скромная реформа системы социального страхования, при условии что она представляет собой шаг в правильном направлении, даст представление о преимуществах, которые дадут частные пенсионные планы в тех странах, где они уже получили широкое распространение, и обеспечит общественную поддержку шагов по расширению частных пенсионных фондов, которой будет очень сложно сопротивляться. Более того, успех просветительской кампании в обществе сможет привести к возникновению общественных требований, которые разрушат фундамент нынешней системы и ослабят сопротивление реформам. Так или иначе, нельзя опускать руки даже тогда, когда парламент контролируют левые. Ведь даже социалистические правительства бывают вынуждены предпринимать непопулярные реформаторские шаги, хоть и робкие, но ведущие в правильном направлении. Кроме того, именно в такие периоды нужно разрабатывать стратегии сопротивления и заниматься уточнением концепций и целей, возможность реализовать которые появится позже³⁴.

ПРОБЛЕМА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Принято говорить, что основные причины, по которым обязательное (т.е. принудительное) медицинское страхование желательно, это необходимость поддерживать состояние здоровья населения, обеспечение защиты от распространения инфекционных заболеваний и стремление минимизировать количество случаев, когда гражданин в силу состояния здоровья становится бременем для общества. Анализ этих аргументов не входит в задачу настоящей статьи. Тем не менее важно подчеркнуть, что сама по себе необходимость наличия обязательного медицинского страхования *совершенно не означает, что его должна обеспечивать государственная монополия*. Напротив, имеются серьезные аргументы против монополии государства на медицинское страхование и убедительные доказательства того, что всеобщей системы бесплатной государственной медицинской помощи существовать не должно.

Аргументы в пользу бесплатной медицины обычно содержат две фундаментальные ошибки. Во-первых, они основаны на допущении, что потребность в медицинской помощи может быть установлена объективно и что медицинскую помощь можно и нужно предоставлять при любых обстоятельствах, вне зависимости от экономических обстоятельств; во-вторых, они исходят из того, что такая система возможна с финансовой точки зре-

ния (те, кто их высказывает, полагают, что, поскольку квалифицированная медицинская помощь обычно приводит к восстановлению трудоспособности и производительности получающего ее работника, из этого следует, что возможно обеспечить самофинансирование системы здравоохранения).

Однако не существует объективной мерки, которая позволила бы изменить усилия и труды медицины, необходимые в каждом конкретном случае³⁵. По мере развития медицины становится все очевиднее, что *не существует предела* финансовым средствам, которые можно потратить на здравоохранение.

Нужно также отметить, что с точки зрения личных бытовых оценок, не всё, что мы в принципе можем сделать для сохранения нашего здоровья и жизни, является для нас *абсолютно приоритетным* по отношению к другим нашим потребностям. В жизни мы постоянно взвешиваем риски и решаем, что предпочтительнее для нас в каждом конкретном случае: застраховаться от данного конкретного риска или потратить средства на удовлетворение других потребностей. *Даже сверхбогатые люди обычно не пользуются всеми возможностями медицины, потому что у них есть другие дела, поглощающие их время, энергию и ресурсы.*

Таким образом, в каждом конкретном случае кто-то должен решать, стоит ли тратить на здоровье дополнительные ресурсы. Главный вопрос состоит в том, кто должен решать: человек, которого это касается непосредственно (оценив, принесут ли дополнительные жертвы с его стороны желаемый результат), или государство и государственная бюрократия³⁶.

С либертарианской точки зрения идеальное решение в данном случае очень похоже на идеальное решение проблемы социального страхования. В идеале каждый человек должен самостоятельно создать для себя такую систему медицинской помощи, которая, по его мнению, больше всего ему подходит, сравнивая экономические издержки каждого из вариантов и принимая решение в каждом случае в соответствии со своими личными обстоятельствами и оценками. Роль государства должна, как обычно, сводиться к обеспечению государственной медицинской помощи людям, которые не располагают средствами, т.е. к оплате базового, минимального уровня медицинской помощи (*устанавливаемого a priori*).

Опыт других стран указывает на то, что рынок посредством медицинских страховых компаний, организаций медицинского обслуживания (НМО) и частных больниц способен обеспечить частную медицину, которая гарантирует очень высокий уровень медицинской помощи.

Это идеальная схема. Можно предложить также проект практической реформы, политически осуществимой в ближайшее время. В рамках этого проекта государство может остаться организатором, координатором и контролером некоторых из многочисленных аспектов системы здравоохранения, но оно должно согласиться с тем, что *управление* медицинским обслуживанием будет в основном находиться в частных руках. *Государственная монополия на здравоохранение не является гарантией эффективности, гибкости и скорости.* В долгосрочной перспективе нам предстоит заплатить за эту монополию очень высокую цену с точки зрения эффективности,

затрат и качества услуг. Напротив, нужно способствовать возникновению немонопольных частных организаций, эффективность которых будет обеспечиваться конкуренцией между ними. Кроме того, эти организации можно будет сравнивать между собой с точки зрения эффективности.

Обладая исключительной властью предоставлять услуги и принимать решения, влияющие на здоровье людей, монопольные системы медицинской помощи всегда представляют собой угрозу свободе. Это всегда означает, что контролирующие их люди навязывают остальным серьезные решения, затрагивающие их здоровье, но принятые без их участия. Очевидно, что в демократической системе нельзя лишать людей возможности делать выбор и отдать распоряжение их здоровьем в железные лапы государства, не поставив под удар основы демократии. Кроме того, широко известно, что государственная монополия на здравоохранение не приводит к более быстрому развитию медицины, в том числе медицинской науки и технологий, успехами которых мы в основном обязаны частной предпринимательской инициативе.

Таким образом, либертарианская политика должна быть направлена против огосударствления медицины. Либертарианцы должны добиваться того, чтобы управлением так называемым базовым уровнем учреждений здравоохранения занимались частные институты, конкурирующие друг с другом на рынке.

ГЛАВА 10

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧАСТИЧНОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

В начале XXI в. главный теоретический вызов для экономической науки представляет собой теория денег, банковского кредита и финансовых рынков. Не будет преувеличением сказать, что после того, как была заполнена «теоретическая лакуна», связанная с проблемой социализма, монетарная сфера оказалась наименее изученной и наиболее важной. Как верно отмечал Фридрих Хайек², в ней изобилуют методологические ошибки, остро ощущается недостаток теоретических знаний, а итогом всего этого стала систематическая агрессия государства. Безусловно, общественные отношения, связанные с деньгами, представляют собой наиболее абстрактный и сложный для понимания тип общественных отношений, а это означает, что порождаемое ими социальное знание является предельно общим, сложным и труднодоступным для исследователя. В силу этого систематическая агрессия, которую правительства и центральные банки осуществляют в этой сфере, — это самый опасный и вредный тип государственной агрессии. Интеллектуальное отставание денежной и банковской теории от других экономических дисциплин оказало существенное негативное влияние на развитие мировой экономики. Несмотря на все жертвы, принесенные ради того, чтобы перестроить западные экономики после кризиса 1970-х годов, были в точности воспроизведены старые ошибки, порожденные дефектами финансового и денежного управления, что неизбежно приведет к новому масштабному экономическому спаду.

То, что корни нынешних злоупотреблений в области денежной и финансовой политики следует искать в экономической политике второй половины 1980-х годов, когда у власти в США и Великобритании находились правительства, которые принято считать консервативно-либертарианскими, еще больше подчеркивает важность теоретического осмысления этой проблематики (ведь эти ошибки совершили политические лидеры такого калибра, как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер). Принципиально важно, чтобы современные лидеры, придерживающиеся похожих взглядов осознали, что с идеалом свободного общества по-настоящему совместима только одна денежная и банковская система. Нужна целая программа исследований, чтобы выяснить, какой должна быть денежная и банковская система неинтервенционистского общества, поскольку очевидно, что это неясно даже для многих либертарианцев.

В данной статье мы предлагаем новый подход к анализу проблем денежной и банковской теории. Мы рассчитываем оживить спор между приверженцами свободной банковской деятельности и сторонниками центральных банков, в частности обсуждение вопроса о том, является ли институт центрального банка результатом стихийной эволюции рынка. Мы также надеемся пролить свет на многие конкретные проблемы современной экономической политики, особенно на проблему будущего развития европейской денежной системы.

ПОЛЕМИКА МЕЖДУ ТЕОРЕТИКАМИ СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТОРОННИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Прежде чем начать, нужно оговорить, что под спором между сторонниками свободной банковской деятельности и сторонниками центральных банков мы понимаем не знаменитую дискуссию банковской и денежной школ XIX в., а нечто иное. Многие из тогдашних защитников свободной банковской деятельности опирались на неверные и неполные инфляционистские аргументы банковской школы, а большинство теоретиков денежной школы стремились путем создания центрального банка, который должен был положить конец злоупотреблению деньгами, достичь финансовой платежеспособности и экономической стабильности.

Однако с самого начала в числе теоретиков денежной школы были и такие, кто считал, что с центральным банком все будет еще хуже и что идея оздоровить финансы с помощью этого института нереальна и утопична. Они понимали, что лучшее средство положить конец созданию фидуциарных средств обращения и достичь денежной стабильности — это свободная банковская система, подчиняющаяся, наравне со всеми остальными субъектами хозяйственной деятельности, традиционным принципам гражданского и торгового права. Кроме того, хоть это и может показаться странным, большинство сторонников идей банковской школы приветствовали создание центрального банка — кредитора в последней инстанции, гарантирующего незыблемость экспансионистских привилегий частных банков. Таким способом привилегированное банкирское сословие попыталось отказаться от взятых на себя обязательств и посвятить себя прибыльному «бизнесу» создания фидуциарных средств обращения посредством кредитной экспансии, не особенно заботясь — слава центральному банку! — о проблемах с ликвидностью.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на то что по сути теория денежной школы была верна, большинство ее представителей были неспособны понять, что те самые пороки, которые они справедливо усматривали в праве банков на выпуск фидуциарных денег в форме необеспеченных банкнот, также присущи, причем в скрытом и, следовательно, более опасном виде, «деятельности» по щедрому предоставлению кредита против банковских вкладов до востребования. Кроме того, эти теоретики заблуж-

дались, когда считали решением всех проблем введение законов, запрещающих банкам свободно выпускать не обеспеченные банкноты, и создание центрального банка в целях защиты принципов сбалансированной денежной политики.

Только Людвиг фон Мизес, развивая традиции Чернуски, Гюбнера и Михаэлиса, смог осознать, что рекомендация теоретиков денежной школы создать центральный банк была ошибкой и что лучшее и единственное средство реализации разумных принципов денежной политики, которые отстаивала эта школа, это система свободной банковской деятельности, подчиненная (без каких бы то ни было привилегий) общим принципам частного права. Неспособность большинства теоретиков денежной школы осознать это привела к фатальным последствиям. Закон Пиля 1844 г., несмотря на благие намерения его авторов, хоть и запретил выпуск необеспеченных банкнот, не помешал созданию фидуциарного кредита. На самом деле именно закон Пиля привел к созданию системы центральных банков, которая в дальнейшем — в первую очередь благодаря влиянию таких теоретиков банковской школы, как Маршалл и Кейнс, — стала использоваться для оправдания и стимулирования политики, предусматривавшей недостаточный контроль за денежной системой и породившей финансовые злоупотребления гораздо более опасные, чем тем, для борьбы с которыми был принят этот законодательный акт.

РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

Центральный банк не является естественным продуктом развития банковской системы³. Он был насильственно навязан рынку извне в результате действий правительства. Эти действия, бывшие следствием целого ряда исторических случайностей, породили денежную и финансовую систему, которая очень сильно отличается от той, что могла бы возникнуть стихийно в условиях свободной банковской деятельности, подчиняющейся общим принципам частного права и не испытывающей агрессии государства в лице центрального банка. Нам неизвестно, какие знания и какие институты банкиры создали бы, если бы они действовали свободно, подчиняясь общим принципам права, а не государственному принуждению⁴. Однако можно представить примерно следующее: некую систему инвестиционных фондов, в которые вложены текущие «депозиты», обладающие высокой ликвидностью, но без гарантии погашения по номинальной стоимости (их ценность будет зависеть от колебаний рыночной ценности соответствующих единиц); сеть учреждений, предоставляющих платежные и бухгалтерские услуги и т.п.; эти учреждения свободно конкурируют между собой и берут за свои услуги деньги; и отдельно, *безо всякой связи с кредитом*, частные институты, занимающиеся добычей (extraction), дизайном и предложением разных типов частных денег (тоже взимающие небольшую плату за свои услуги)⁵.

На самом деле современная система центральных банков — это всего лишь логически неизбежный результат постепенного и подспудного проталкивания частными банкирами совместно с правительствами банковской системы, основанной на частичном резервировании. Здесь принципиально важно не оказаться в той интеллектуальной ловушке, куда попала большая часть теоретиков, выступавших за свободную банковскую систему. Им, за исключением Мизеса и еще нескольких человек⁶, не удалось понять, что единственный способ обеспечить по-настоящему свободную банковскую систему — это вернуться к законодательному требованию полного резервирования сумм, полученных в качестве вкладов до востребования.

В конечном счете речь идет о реализации в сфере денежной и банковской политики ключевой идеи Хайека о том, что любое нарушение традиционных правил поведения в результате институционального принуждения со стороны государства или же в результате предоставления правительством привилегий отдельным лицам и учреждениям рано или поздно приводит к незапланированным негативным последствиям, которые наносят большой вред стихийному социальному процессу сотрудничества.

В случае с банковской деятельностью традиционное правило поведения, которое нарушается, — это принцип права, согласно которому при заключении договора вклада денег как заменимых вещей (так называемой *иррегулярной поклажи*) должно соблюдаться традиционное обязательство хранения (ключевой элемент всех договоров поклажи незаменимых вещей), которое требует резервирования 100% суммы полученных в качестве вклада заменимых денег. Это означает, что любые способы использования этих денег, и в особенности предоставление кредита против них, являются нарушением этого принципа, иначе говоря — незаконными актами неправомерного присвоения.

В юридической традиции континентальной Европы есть один принцип, восходящий ко временам римского права. Согласно этому принципу *в случае иррегулярной поклажи (вклада) хранение представляет собой обязательство хранителя всегда располагать суммой, равной той, которая получена от вкладчика*. Хранитель вклада должен «всегда иметь хранимое в качестве и количестве, равном качеству и количеству полученных вещей», хотя эти вещи могут постоянно обновляться и замещаться. Для заменимых вещей, таких как деньги, это означает постоянное наличие полного эквивалента, для незаменимых вещей — наличие вещей, отданных на хранение⁷. Даже в нашем веке этот общий принцип права, требующий, чтобы банковская деятельность была основана на 100%-ном резервировании, находил поддержку у французской и испанской юстиции.

Вердикт Парижского суда от 12 июня 1927 г. осудил одного банкира за незаконное присвоение средств, поскольку он, в соответствии с обычной банковской практикой, использовал [в своих целях] деньги, полученные им от клиентов в качестве вкладов до востребования. Другим постановлением того же суда от 4 января 1934 г. было принято аналогичное решение. Еще более любопытным было решение суда первой инстанции, в котором слушалось дело о банкротстве Банка Барселоны. Согласно этому решению право

вкладчика выписывать чеки означает, что хранящее его вклад учреждение обязано *всегда* иметь средства, которыми текущий держатель счета мог бы распорядиться, и поэтому практика, когда банк рассматривает средства, размещенные на текущем счету, как собственные, является неприемлемой⁸. Следует добавить к этому, что «неправомерное присвоение» возникает в тот момент, когда тот или иной незаконный акт (т.е. выдача суммы вклада в кредит) совершается, а не тогда, когда это обнаруживается спустя долгое время (обычно факт неправомерного присвоения вкладчик обнаруживает, когда выясняется, что банк не может вернуть ему его деньги). С набившим оскомину аргументом, что «закон больших чисел» якобы позволяет банкам, не подвергаясь опасности, нормально функционировать в условиях системы частичного резервирования, согласиться нельзя, потому что вероятность нетипичного по масштабам снятия денег со вкладов по своей природе является нестрахуемым риском.

Теория экономических циклов австрийской школы прекрасно объяснила, каким образом банковская система с частичным резервированием эндогенно и циклически порождает экономические спады, а следовательно, приводит к необходимости прекращения начатых под влиянием ложных стимулов инвестиционных проектов и возврата плохих долгов, а также к массовому снятию денег с вкладов. Как известно всем теоретикам страхового дела, последствия такого события (нетипичной волны закрытия вкладов), которое не полностью независимо от «страховки» (частичного резерва), не страхуются по причинам морального риска⁹.

Исторически банкиры быстро стали поддаваться соблазну и нарушать упомянутое выше правило поведения, используя деньги вкладчиков ради собственной выгоды¹⁰. Сначала, когда банкиры еще помнили, что поступают нехорошо, они делали это робко и тайком. Например, так было в Банке Амстердама, дела которого по вышеуказанным причинам велись, как сообщает сэр Джеймс Стюарт, в *величайшей тайне*¹¹. Нужно отметить, что весь авторитет Банка Амстердама был основан на вере в то, что он держит 100%-ные резервы; всего за 15 лет до сообщения Стюарта так полагал Давид Юм¹². Но уже в 1776 г. Адам Смит упоминал, что в это время Банк Амстердама *продолжал говорить*, что держит 100%-ные резервы¹³.

Лишь позже банкиры добились законодательного одобрения практикуемых ими нарушений этого традиционного принципа права. Это произошло тогда, когда им удалось получить от правительства *привилегию* на использование части денег вкладчиков (обычно в виде кредитов, часто — кредитов государству) в собственных интересах. Так банки и государство стали сообщниками и создали коалицию. Это прекрасно объясняет те отношения «взаимопонимания» и «сотрудничества» (с незначительными оттенками), которые существуют между этими институтами во всех странах Запада и на всех уровнях. Более того, вскоре банкиры поняли, что нарушение упомянутого выше традиционного принципа права открыло перед ними возможности для чрезвычайно прибыльной финансовой деятельности, которая, однако, требовала в качестве обязательного условия наличие

кредитора последней инстанции, т.е. центрального банка, чтобы в трудные минуты (как показывает опыт — регулярно повторяющиеся) он предоставлял коммерческим банкам необходимую ликвидность¹⁴.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА С ЧАСТИЧНЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК И ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Зловещие последствия для общества этой предоставленной банкирам (и никому больше) *привилегии* были до конца осознаны только тогда, когда Мизес и Хайек разработали теорию экономических циклов¹⁵. Теоретики австрийской школы показали, что упорное стремление достичь теоретически невозможной в правовом, контрактном и технико-экономическом отношении цели, а именно соединить в одном контракте услуги инвестиционного фонда (в особенности возможность получать процент по «вкладу») с традиционным договором вклада (который по определению должен позволять вкладчику в любой момент получить все вложенные деньги), рано или поздно должно неизбежно приводить к неконтролируемому расширению денежного предложения, инфляции и к ошибочному размещению производственных ресурсов на микроэкономическом уровне. В конечном итоге результатом этого становятся рецессия, исправление ошибок, возникших в структуре производства на стадии кредитной экспансии, и массовая безработица.

Нужно осознавать, что предоставленная банкам привилегия, позволяющая им действовать в условиях частичного резервирования, по умолчанию означает посягательство правительства на права вкладчиков и отказ от их защиты. Это неизбежно порождает — как и в любых ситуациях, когда права собственности определены некорректно, — так называемый эффект «трагедии общинных пастбищ», в силу которого каждый отдельно взятый банк стремится опередить остальных и расширить кредитную базу быстрее конкурентов. Поэтому банковская система с частичным резервированием всегда будет стремиться к более или менее неконтролируемой экспансии, даже если ее контролирует нетипичный центральный банк, который, в отличие от большинства собратьев, действительно хочет ограничить экспансию и навести порядок. В связи с этим Анна Шварц приходит к выводу, который не вполне усвоили многие современные теоретики свободной банковской деятельности: система межбанковских клиринговых учреждений, за которую они выступают, не становится тормозом для кредитной экспансии, если все банки решают расширить кредит одновременно (в большей или меньшей степени)¹⁶. Это явление, которое уже описывал Людвиг фон Мизес в своем блестящем анализе свободной банковской системы¹⁷, представляет собой результат типичного для «трагедии общинных пастбищ» процесса. Причиной всего процесса экспансии является, как мы видели, *привилегия*, нарушающая права собственности. Каждый из банков интернализирует [т.е. присваивает] всю прибыль, полученную за счет расширения кредита,

а соответствующие издержки распределяются по всей банковской системе. Легко понять, что механизм межбанковских расчетов или клиринговых палат способен прекратить отдельные, изолированные экспансионистские инициативы в рамках свободной банковской системы с частичным резервированием; но он бесполезен, если, в большей или меньшей степени, кредитному «оптимизму» подвержены все банки.

Предложение создать банковскую систему со 100%-ным резервированием было включено уже в первое, опубликованное в 1912 г. издание «Теории денег и кредита» Мизеса. В этой работе Мизес пришел к следующему заключению: «Очевидно, что единственный способ устранить влияние людей на кредитную систему состоит в том, чтобы прекратить выпуск фидуциарных средств обращения. Нужно пересмотреть базовые принципы закона Пия, дополнив его законодательным запретом на выпуск кредита в форме банковских балансов»¹⁸.

Позже Мизес снова обратился к этой теме в 1928 г.¹⁹ Он включил в англоязычное издание «Теории денег и кредита», вышедшее в 1953 г., приложение, посвященное перестройке денежной системы («Monetary Reconstruction»). Там он писал: «Главное, чтобы у правительства не было возможности увеличивать количество денег в обращении, включая безналичные деньги, если они не полностью (на 100%) покрыты депозитами вкладчиков»²⁰.

Хайек обратился к этой теме в 1937 г.²¹ Он, как и Мизес, предлагал разрешить свободный выбор валюты и банковской системы, чтобы в итоге создать банковскую систему, основанную на 100%-ном резервировании²². После Мизеса, уже в наше время, идею отказа от банковской системы в ее нынешнем виде энергично и с блеском отстаивал Мюррей Ротбард²³. Также в наше время принцип 100%-ного резервирования отстаивал Морис Алле, хотя он полагает, что его нужно ввести для того, чтобы облегчить правительству решение задач в области денежной политики, заблокировав экспансию, вызванную существованием банковской системы с частичным резервированием²⁴. В этом отношении Морис Алле всего лишь наследует идее, которую одно время развивала чикагская школа (сейчас она от нее отказалась), что 100%-ное резервирование следует ввести для того, чтобы финансовая политика правительства стала более предсказуемой и эффективной²⁵. Несмотря на то что при 100%-ном резервировании денежная политика будет более предсказуемой, теоретики чикагской школы проявляют крайнюю наивность, если полагают, что правительство сможет и захочет проводить стабильную денежную политику. Примерно такую же наивность демонстрируют современные сторонники свободной банковской деятельности с частичным резервированием, верящие, что механизмы стихийного клиринга могут остановить кредитную экспансию, предпринятую по согласованию большинством банков. *Таким образом, единственный способ освободить общество от привилегий и экономических циклов — это банковская деятельность, которая свободна, но при этом подчиняется закону, иными словами, свободная банковская деятельность, основанная на 100%-ном резервировании.*

ДЕНЕЖНАЯ И БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА
СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА

Таким образом, главная слабость большинства теоретиков, выступающих за свободную банковскую деятельность, состоит в том, что они не понимают, что с теоретической точки зрения в их рекомендации обязательно должно входить требование 100%-ного резервирования. В частности, они не осознали, что все недостатки, которые сторонники центральных банков видят в свободной банковской системе, полностью исчезают, если эта система действует в рамках традиционных принципов обычного права. Или, если говорить об этом словами Мизеса, банки следует подчинить традиционным принципам гражданского и торгового права, согласно которым все люди и все предприятия обязаны выполнять взятые на себя обязательства в строгом соответствии с тем, что буквально записано в договоре²⁶.

Ошибка, связанная с недооценкой вреда частичного резервирования, распространена очень широко. Ее можно обнаружить, в частности, в многочисленных работах, порожденных выходом книги Хайека о денационализации денег (Hayek. Denationalization of Money [рус. пер.: Хайек. Частные деньги]), а также экономическим и финансовым кризисом конца 1970-х годов. За редкими исключениями, их авторы используют аргументы в пользу свободной банковской деятельности для протаскивания старых идей так называемой банковской школы, ложность которых была доказана давным-давно. Кроме того, все они, в том числе Уайт, Селджин и Доуд²⁷, забывают о том, что, как мы уже объясняли, единственный способ избавиться от центрального банка и его злоупотреблений — это отменить привилегию частичного резервирования, которой сегодня пользуются банкиры.

Если мы хотим создать в новом веке действительно стабильную финансовую и денежную систему, обеспечивающую экономике максимально возможную защиту от кризисов и спадов, следует выполнить три условия: 1) должна существовать полная свобода выбора валюты; 2) должна существовать свободная банковская деятельность; 3) (самое главное условие) все участники свободной банковской системы должны подчиняться общим, традиционным нормам и принципам права. В частности, ни у кого, даже у банкиров, не должно быть привилегии, позволяющей выдавать в качестве кредита деньги, которые были доверены банку по договору вклада до востребования (это означает банковскую систему со 100%-ным резервированием).

Современные теоретики свободной банковской деятельности ошибочно считают (в частности, в силу отсутствия у них юридического образования), что требование 100%-ного резервирования является недопустимым *административным* ограничением личной свободы. Они не понимают, что этот принцип вовсе не связан с систематическим административным принуждением со стороны государства; это всего лишь распространение на сферу банковской деятельности обычных представлений о *правах собственности*. Иными словами, они не понимают, что знаменитая фраза неизвестного американца, которую цитирует Тук: «Свободная торговля в банковском деле

означает свободную продажу сомнительных ценных бумаг через подставных лиц»²⁸ — справедлива лишь тогда, когда свободная банковская деятельность не признает права (и в силу этого использует частичное резервирование). В конечном счете защищать свободную банковскую деятельность следует не потому, что она позволяет использовать богатые возможности кредитной экспансии, а потому, что она является *косвенным* средством приблизиться к идеальной модели свободной банковской деятельности со 100%-ным резервированием. Кроме того, мы должны стремиться к этому идеалу *непосредственно*, используя все законные средства, доступные нам в данный исторический момент²⁹.

Хотя наши рекомендации могут показаться утопическими и очень далекими от проблем, с которыми люди сталкиваются на практике, особенно от проблем создания общеевропейской денежной системы и управления ею, они как минимум указывают направление, в котором должны развиваться реформы, а также опасности, которых следует избегать. Так, мы, безусловно, должны отказаться и от системы монопольных национальных валют, конкурирующих между собой в хаотической обстановке плавающих валютных курсов, и от идеи создания центрального банка для всей Европы.

Создание центрального европейского банка помешает конкуренции валют в пределах европейской экономической зоны, не продвинет банковскую реформу и не сможет гарантировать валютную стабильность хотя бы на уровне наиболее стабильной (в каждый конкретный момент) национальной валюты. Этот банк станет серьезным препятствием для начала реформ, ведущих в правильном направлении.

Вероятно, в краткосрочной и среднесрочной перспективе наиболее практичная и уместная модель была бы такой. Нужно ввести в Европе полную свободу выбора государственных и частных валют и в пределах Сообщества, и за его границами, связав при этом друг с другом национальные валюты, которые по традиции продолжают использовать систему фиксированных курсов. Фиксированный курс будет оказывать дисциплинирующее воздействие на политику всех стран — участников системы, поскольку они будут идти в фарватере той страны, которая на данный момент проводит наиболее сбалансированную и стабильную денежную политику. В этом случае у национальных государств — членов ЕЭС по крайней мере сохранится возможность реформировать свою денежную и финансовую политику в описанном нами направлении (см. выше три условия)³⁰. После этого другие страны Сообщества будут вынуждены последовать за лидером. (Исключительно в этом, как представляется, состояла суть тех идей относительно будущего денежной политики ЕЭС, которые отстаивали Маргарет Тэтчер и ее сторонники, так называемые евроскептики — термин, вводящий в заблуждение — в том числе и автор этих строк.)

Очевидно, что фундаментальный труд по теории денег и банковской деятельности, который был бы основан на анализе исторического противостояния между сторонниками свободной банковской деятельности и сторонниками центральных банков, еще не написан. Поэтому, к сожалению, вполне обоснованы опасения, что мир будет страдать от повторяющихся

снова и снова опасных экономических спадов до тех пор, пока центральные банки сохраняют монополию на выпуск денег, а банкиры — дарованные им правительством привилегии. Мы закончим тем, с чего начали. С нашей точки зрения, после исторического, теоретического и практического краха социализма главная теоретическая задача профессиональных экономистов и защитников свободы — это борьба против института центральных банков и привилегий частных банкиров.

ГЛАВА 11

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ СВОБОДНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА ЧАСТИЧНОМ РЕЗЕРВИРОВАНИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Последние пятнадцать лет мы присутствуем при возрождении некоторых экономических доктрин старой школы свободной банковской деятельности группой теоретиков, отстаивающих тезис о том, что свободная банковская деятельность с частичным резервированием не только порождает меньше искажений и финансовых кризисов, чем нынешняя система центральных банков, но и приводит, как правило, к устранению экономических спадов. Мы будем называть этих теоретиков «школой свободной банковской деятельности с частичным резервированием»². Эта школа представляет собой коалицию теоретиков, принадлежащих к разным научным традициям³. В число ее приверженцев входят весьма уважаемые представители австрийской школы Лоуренс Уайт⁴, Джордж Селджин⁵, а в последнее время также Стивен Хорвиц⁶; представители английской субъективистской школы, в частности Кевин Доуд⁷; наконец, монетаристы типа Дэвида Гласнера⁸, Лиланда Игера⁹ и Ричарда Тимберлейка¹⁰. Даже Милтон Фридман, хотя его и нельзя считать членом этой новой школы, стал постепенно склоняться к ней, когда разочаровался в центральных банках после провала их попыток реализовать на практике его знаменитую доктрину монетаризма¹¹.

Некоторые современные теоретики школы свободной банковской деятельности во главе с Джорджем Селджином выдвинули свою теорию денежного предложения в условиях свободной банковской деятельности. Используя аналитическую модель денежного равновесия (неравновесия), разработанную монетаристской и кейнсианской школами в первой трети прошлого века¹², они пытаются доказать, что свободная банковская деятельность с частичным резервированием приблизит систему к состоянию «денежного равновесия» больше, чем альтернативные варианты, так как она якобы позволяет более эффективно приспособливать денежное предложение к спросу на деньги.

В сильно упрощенном виде эта концепция основана на следующем анализе того, что происходит в случае увеличения спроса на фидуциарные средства обращения со стороны субъектов экономики при наличии неизменного предложения товарных денег из банковских резервов¹³. Предполагается, что в этих условиях интенсивность обмена фидуциарных средств

обращения на банковские резервы снизятся, резервы возрастут, а банки, стремясь получить больше прибыли и понимая, что при таких обстоятельствах им понадобится меньше «пруденциальных» резервов, будут расширять кредит и увеличивать выпуск банкнот, что, в свою очередь, вызовет увеличение объема фидуциарных средств обращения в соответствии с *предшествующим* увеличением спроса на них. В случае снижения спроса на фидуциарные средства обращения произойдет обратное: субъекты экономической деятельности станут обменивать фидуциарные средства обращения на банковские резервы более активно. В результате банки начнут опасаться за свою платежеспособность и будут вынуждены сократить кредит и уменьшить выпуск депозитных сертификатов и банкнот. Таким образом, уменьшение предложения фидуциарных средств обращения *последует* за уменьшением спроса на них.

Такой анализ «денежного равновесия» напоминает аргументы старой банковской школы относительно «потребностей торговли». Согласно старой банковской школе создание частными банками фидуциарных средств обращения не приносит вреда, если происходит в ответ на рост «потребностей» торговых людей¹⁴. Согласно новой теории «денежного равновесия» в условиях свободной банковской деятельности создание частными банками фидуциарных средств обращения (банкнот и депозитов) не порождает экономических циклов потому, что *представляет собой всего-навсего реакцию на рост спроса на такие инструменты со стороны части общества*. Несмотря на то что в зачаточном виде эта новая, более утонченная версия теории «потребностей торговли» была намечена в книге Уайта о свободной банковской деятельности в Великобритании (*Lawrence H. White. Free Banking in Britain*)¹⁵, в явном виде сформулировал ее не он, а Джордж Селджин, один из лучших его учеников. А сейчас мы рассмотрим более подробно и теорию «денежного равновесия» в условиях свободной банковской деятельности Селгина, и концепцию свободной банковской деятельности с частичным резервированием.

КОЛЕБАНИЯ СПРОСА НА ФИДУЦИАРНЫЕ СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ КАК ЭКЗОГЕННАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

Современные теоретики свободной банковской деятельности с частичным резервированием исходят из того, что спрос на деньги в форме фидуциарных средств обращения представляет собой внешнюю по отношению к системе переменную, которая становится больше или меньше в зависимости от желаний субъектов экономической деятельности. Поэтому, с точки зрения Уайта и Селджина, главным достоинством свободной банковской системы является то, что она позволяет привести выпуск депозитных сертификатов и банкнот в соответствие с колебаниями спроса на них¹⁶. *Однако на самом деле этот спрос не всегда бывает внешним по отношению к свободной банковской системе явлением; он может быть эндогенным и формироваться внутри нее.*

Понятно, почему теоретики школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием обычно начинают анализ своей модели денежного равновесия с предположения о том, что спрос на фидуциарные средства обращения внезапно претерпел резкие изменения, в причины и этиологию которых они, как правило, не углубляются¹⁷. Такое впечатление, что они помнят, что теоретики австрийской школы, анализирувавшие эту ситуацию со стороны предложения, продемонстрировали, что кредитная экспансия вызывает в экономике существенные диспропорции, что свидетельствует в пользу жесткой монетарной системы¹⁸, не допускающей денежных сжатий и расширений, которые порождает любимая представителями необанковской школы свободная банковская система с частичным резервированием. Таким образом, если проанализировать денежное предложение, то из теоретических аргументов австрийцев вытекает необходимость создания относительно неэластичной денежной системы типа чистого золотого стандарта со 100%-ным резервированием по вкладам до востребования¹⁹. Легко понять, что любой, кто хочет найти теоретическое оправдание для свободной банковской системы с частичным резервированием, которая может порождать значительные увеличения и сокращения предложения фидуциарных средств, должен неизбежно обратиться к анализу другой стороны проблемы, т.е. денежного спроса, в надежде на то, что это позволит ему доказать, что изменения в предложении фидуциарных средств обращения (неизбежные в свободной банковской системе с частичным резервированием) всегда связаны с удовлетворением *предшествующих* им и совершенно не зависящих от них колебаний спроса. Если это так, то действительно правомерно было бы говорить о восстановлении существовавшего ранее и «денежного равновесия», нарушенного экзогенными изменениями спроса на фидуциарные средства обращения.

Однако развитие событий может отличаться от того, как его описывают эти теоретики. Исходной точкой могут быть не автономные изменения спроса на фидуциарные средства, а манипулирование с денежным предложением (т.е. кредитная экспансия), которую все свободные банковские системы с частичным резервированием способны порождать автономно и экзогенно (пусть и в разной степени). Рост кредитной экспансии будет искажать производственную структуру и запускать экономический цикл, который вызывает резкие колебания спроса на деньги и фидуциарные средства, особенно на последних стадиях бума и в период кризиса и рецессии.

Если система состоит из многочисленных свободных банков, которые не могут рассчитывать на поддержку центрального банка (его нет), то кредитная экспансия действительно прекратится значительно раньше, чем в системе, которой дирижирует центральный банк, использующий свою ликвидность для помощи банкам, попавшим в беду. Это главный аргумент в пользу идеи свободной банковской деятельности с частичным резервированием, который предложил Парнелл, а позже в качестве *второго наилучшего* варианта рассматривал Мизес²⁰. Однако одно дело — утверждать, что в условиях абсолютной свободы банковской деятельности кредитная экспансия прекратится *раньше*, и совершенно другое — заявлять, что кредитная экспансия,

порождаемая свободной банковской системой с частичным резервированием, в принципе не искажает производственную структуру в силу того, что она якобы лишь обеспечивает восстановление гипотетического «денежного равновесия». На самом деле Людвиг фон Мизес ясно пишет, что кредитная экспансия *всегда* искажает производственную систему, тем самым отвергая главное, что есть в современной теории денежного равновесия: «Понятие нормальной кредитной экспансии абсурдно. *Выпуск в обращение дополнительных фидуциарных средств обращения, вне зависимости от их количества, всегда приводит к изменениям в структуре цен, описание которых является задачей теории экономических циклов*»²¹.

Теория «денежного равновесия» в условиях свободной банковской деятельности с частичным резервированием не признает, что *предложение фидуциарных средств способно в значительной степени само породить спрос на эти средства*. Иными словами, современная теория свободной банковской деятельности повторяет главную ошибку старой банковской школы. Как показал Людвиг фон Мизес, причина этой ошибки — в непонимании того, что величина спроса на кредиты со стороны общества точно соответствует тому, что готовы ссудить банки. Таким образом, если банки не очень волнует их будущая платежеспособность, то их положение позволяет им расширить кредит и выбросить на рынок новые фидуциарные средства обращения, просто снизив ставку процента по кредитам и смягчив обычные условия их предоставления²². Кроме того, увеличение предложения денег, вызванное кредитной экспансией, по крайней мере сначала, увеличивает спрос на фидуциарные средства. Те субъекты экономики, которые еще не поняли, что начался инфляционный процесс экспансии, столкнутся с опережающим ростом цен на некоторые товары и услуги и в надежде на возврат цен к «нормальному» уровню вполне могут предъявлять повышенный спрос на фидуциарные средства обращения. Вот что писал об этом Мизес: «Первый этап инфляционного процесса может длиться долгие годы. В это время цены на многие товары и услуги еще не приведены в соответствие с изменившимся денежным отношением. В стране еще существуют люди, пока не осознавшие, что они столкнулись с ценовой революцией, которая в конечном счете приведет к значительному росту всех цен, хотя степень этого роста не будет одинаковой для различных товаров и услуг. Они еще считают, что когда-нибудь цены понизятся»²³.

Следовательно, дело не только в том, что при свободной банковской системе с частичным резервированием банки могут начать кредитную экспансию *в одностороннем порядке*; само по себе увеличение предложения фидуциарных средств обращения также может породить увеличение спроса на них, и этот спрос будет поддерживаться до тех пор, пока публика не поймет, что происходит, не утратит доверия к экономическому буму и не осознает, что впереди ее ждет общий рост цен. После этого, на последних стадиях бума и во время рецессии, когда уровень уверенности резко падает, люди тоже обычно предъявляют повышенный спрос на банковские деньги.

Можно сделать вывод, что поскольку причиной колебаний спроса на деньги является генерируемое свободной банковской системой предложе-

ние фидуциарных средств обращения, то теория денежного равновесия в условиях свободной банковской деятельности с частичным резервированием, согласно которой предложение фидуциарных средств обращения всего лишь приспособляется к спросу на них, не имеет твердого фундамента. На самом деле вполне возможно, что к увеличению денежного предложения, которое в виде кредитов генерируют банки, приспособляется как раз спрос на фидуциарные средства обращения (по крайней мере это может происходить в течение довольно длительных периодов).

ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОДНОСТОРОННЕГО РАСШИРЕНИЯ КРЕДИТА В СВОБОДНЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМАХ С ЧАСТИЧНЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ

Есть несколько причин, по которым свободная банковская система с частичным резервированием может генерировать кредитную экспансию не в ответ на предшествующие колебания спроса на фидуциарные средства обращения.

Во-первых, анализу денежного равновесия в свободной банковской системе присущи многие из недостатков традиционного неоклассического анализа, который и на макро-, и на микроуровне способен объяснить лишь то, каким образом при условии строго максимизирующего поведения экономических агентов (банкиров) может быть достигнуто гипотетическое конечное состояние покоя для социальных процессов (иными словами, денежное равновесие). Экономический анализ австрийской школы, с другой стороны, уделяет основное внимание не равновесию, а разворачивающемуся на рынке динамическому предпринимательскому процессу. Каждый предпринимательский акт служит для координации и оформления *движения* к равновесию, которое, однако, никогда не достигается, потому что в ходе этого процесса предприниматели постоянно порождают новую информацию; кроме того, на рынке происходят другие мешающие этому изменения. Если приложить эту хорошо известную теоретическую концепцию динамического предпринимательского процесса, изучаемой австрийской теорией, к модели денежного равновесия, то становится очевидно, что в реально существующей свободной банковской системе с частичным резервированием точное соответствие между выпуском фидуциарных средств обращения и спросом на них, что автоматически предусматривается в модели, установиться не может, разве что в очень приблизительном и несовершенном виде.

В реальности занимающиеся банковской деятельностью предприниматели, каждый из которых в разной степени одарен предпринимательским чутьем и талантом и по-своему (субъективно) интерпретирует данные, поступающие из внешнего мира (это касается в том числе оценки, оптимистической или пессимистической, направления развития экономических событий, «пруденциального» уровня резервов и собственной платежеспособности), будут ежедневно принимать решения о выпуске фидуци-

арных средств обращения в принципиально неопределенных условиях. Очевидно, что в ходе этого предпринимательского процесса будет совершаться множество ошибок в форме одностороннего выпуска фидуциарных средств обращения, искажающих реальную структуру экономического производства. Эти ошибки действительно обычно будут обнаруживаться и исправляться, но это будет происходить в ходе более или менее длительного процесса, так что некоторая часть фидуциарных средств обращения будет выпускаться по ошибке и наносить *реальный* ущерб структуре производства. Если к этому добавить теснейшую связь, существующую между предложением фидуциарных средств обращения и спросом на них со стороны общества, о которой мы уже говорили в предыдущем разделе, то мы приблизимся к пониманию главной проблемы, связанной с достижением денежного равновесия в реально существующей свободной банковской системе с частичным резервированием: дело в том, что методом проб и ошибок банкиры-предприниматели будут пытаться достичь соответствия между выпускаемыми ими фидуциарными средствами обращения и спросом, который им, во-первых, неизвестен, а во-вторых, склонен колебаться вследствие неизбежных ошибок в виде «неправомерного выпуска» фидуциарных средств обращения, которые будут совершать банкиры, стремясь приспособиться к изменениям спроса. Вопрос о том, будет ли этот предпринимательский процесс координации в целом двигаться в направлении какого-нибудь «равновесия», является спорным, и его решение будет зависеть от конкретных исторических обстоятельств, но, с нашей точки зрения, нельзя отрицать, что как минимум в ходе этого процесса координации будут совершаться ошибки, неправомерный выпуск отдельными банкирами фидуциарных средств обращения будет приводить к кредитной экспансии и производственная структура будет искажаться, как показывает австрийская теория экономических циклов²⁴.

То же самое относится и к возможности «коллективного» расширения фидуциарных средств обращения, предпринятого одновременно группой банкиров, и к тому, что в системе свободных банков могут происходить слияния и поглощения, направленные на объединение «пруденциальных» резервов соответствующих банков и более эффективное управление ими. Возникшие в результате этого банки смогут выпускать больше, чем раньше, фидуциарных средств обращения в расчете на рост прибыли²⁵. Если сторонники свободной банковской деятельности не намерены препятствовать слияниям и поглощениям посредством введения жесткого антимонопольного регулирования банковского сектора (а нам кажется, что они вряд ли этого желают), то, скорее всего, в свободной банковской системе с частичным регулированием такие вещи будут происходить весьма часто. Джордж Селджин пишет про предварительно согласованную экспансию группы банков, что «стихийные коллективные экспансии содержат встроенный механизм автокоррекции», потому что рост объема клиринга обязательств приведет к росту *дисперсии* клиринга по дебету и по кредиту²⁶. Однако даже если не принимать во внимание того, что Селджин в своей модели всегда исходит из неизменности банковских резервов, и того, что многие экономисты сомне-

ваются в эффективности упомянутого механизма²⁷, и в порядке дискуссии предположить, что он прав, можно все равно возразить, что корректировка в принципе не может быть ни абсолютно точной, ни немедленной, и что в ходе процесса внесения исправлений и координации коллективные экспансии и слияния могут способствовать одностороннему выпуску значительного количества новых фидуциарных средств обращения, а это может запустить экономический цикл.

Наконец, свободная банковская система с частичным резервированием приводит к одностороннему росту выпуска фидуциарных средств обращения, не соответствующему предшествовавшему увеличению спроса, тогда, когда происходит увеличение мировых запасов денежного товара, который банки используют в качестве пруденциальных резервов (золота). Если вспомнить, что исторически мировые запасы золота росли на 1—5% в год²⁸, то понятно, что свободная банковская система может сочетаться со значительным (от 1 до 5% в год) увеличением выпуска фидуциарных средств обращения, которое будет связано не с ростом спроса на них, а с ростом мировой добычи золота²⁹.

Таким образом, даже в условиях свободной банковской деятельности с частичным резервированием могут возникать серьезные инфляционные процессы³⁰ и экономические кризисы³¹.

ТЕОРИЯ «ДЕНЕЖНОГО РАВНОВЕСИЯ»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СВОБОДНОЙ
БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ЧАСТИЧНЫМ
РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ ОСНОВАНА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Следует обратить внимание на то, что современный анализ денежного равновесия в свободной банковской системе с частичным резервированием не учитывает *микроэкономических* последствий колебаний генерируемого банковской системой предложения фидуциарных средств обращения. Иными словами, даже если в порядке дискуссии согласиться с тем, что все беды происходят от неожиданных колебаний спроса на банковские деньги со стороны экономических агентов, как считают теоретики свободной банковской деятельности с частичным резервированием, то все равно очевидно, что фидуциарные средства, созданные банковской системой в ответ на изменения спроса, не поступят немедленно именно к тем экономическим агентам, чья оценка новых фидуциарных средств изменилась первоначально. Они будут выброшены на рынок в конкретных точках и вполне конкретным способом: постепенно, в ходе процесса, развертывающегося во времени, в форме кредитов, предоставленных за счет снижения ставки процента, — и достанутся конкретным инвесторам, которые в результате начнут осуществлять новые инвестиционные проекты, искажающие структуру производства.

В силу сказанного выше неудивительно, что современные теоретики банковской школы с частичным резервированием склонны игнорировать некоторые ключевые элементы австрийской теории экономических циклов. Австрийскую теорию цикла трудно совместить с их интерпретацией процесса создания фидуциарных средств обращения в свободной банковской системе с частичным резервированием. Обычно теоретики необанковской школы используют исключительно макроэкономический анализ и такие инструменты, например уравнение обмена или понятие «уровня цен», которые не учитывают важные микроэкономические явления, происходящие в экономике, где идет кредитная экспансия и меняется объем фидуциарных средств обращения (иными словами, в экономике, где имеются колебания относительных цен и нарушения межвременной координации).

В ходе нормального рыночного процесса предложение потребительских благ и услуг обычно колеблется в зависимости от спроса на них и новые, дополнительно произведенные товары попадают именно к тем потребителям, чья оценка благ соответствующего типа повысилась. В случае с фидуциарными средствами обращения ситуация принципиально иная: новые фидуциарные средства обращения обычно не поступают в карманы тех экономических агентов, которые предъявляют на них повышенный спрос, *напрямую* и непосредственно, а попадают к ним в результате долгого и извилистого процесса, по пути пройдя через карманы многих других экономических агентов и исказив в ходе этой длительной переходной стадии всю производственную структуру.

Когда банкиры, действующие в рамках свободной банковской системы с частичным резервированием, создают новые фидуциарные средства обращения, они не передают их напрямую тем экономическим агентам, которые предъявляют дополнительный спрос на банковские деньги. Они выдают кредиты предпринимателям, которые, получив эти средства, *инвестируют их целиком и полностью*, никак при этом не учитывая желаний конечных держателей относительно распределения этих новых фидуциарных средств обращения между потреблением и инвестициями. Следовательно, вполне вероятно, что при условии, что потребительские и инвестиционные предпочтения общества не изменились, новые фидуциарные средства обращения, созданные банками для того, чтобы уравновесить уже возросший спрос на банковские деньги, как минимум частично будут *использованы для увеличения расходов на потребительские блага*, что приведет к росту их относительных цен. Хайек писал в связи с этим: «Если хоть какая-то часть дополнительного дохода тратится на потребительские блага (т.е. если не весь дополнительный доход сберегается), то цены на потребительские блага по отношению к ценам на факторы производства постоянно растут. И если этот процесс продолжается относительно долго, то он совершенно очевидным образом оказывает воздействие на относительные цены различных факторов производства и на то, какие методы производства кажутся прибыльными»³².

Хайек проясняет нашу позицию еще в большей степени, когда формулирует следующий вывод: «Для того, чтобы это имело место, достаточно,

чтобы при росте доходов за счет инвестиций дополнительный доход, который тратится на потребительские блага, превышал рост производства потребительских благ за счет новых инвестиций в течение того же периода. Безусловно, нет оснований ожидать, что будет сберегаться значительная часть новых доходов [созданных кредитной экспансией]; несомненно, будет сберегаться меньше, чем было дополнительно инвестировано, ибо в противном случае это означало бы, что сберегается практически весь доход, полученный за счет новых, дополнительных инвестиций»³³.

Чтобы проиллюстрировать наш тезис, мы предположим, что имеет место рост спроса на фидуциарные средства обращения, совпадающий с желаниями экономических агентов в части распределения средств между инвестированием и потреблением³⁴. При таких условиях экономические агенты будут вынуждены сократить денежный спрос на потребительские блага, продать часть акций и инвестиционных активов и прежде всего снизить реинвестирование в различные стадии процесса производства до того момента, когда они накопят то количество банковских денег, в котором нуждаются.

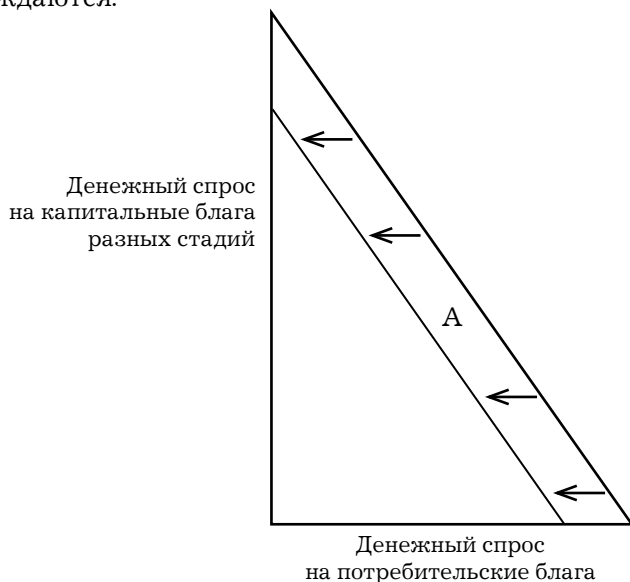

Рис. 11.1

Если мы будем исходить из неизменности временных предпочтений, то при использовании знаменитых треугольных диаграмм Хайека³⁵ для изображения изменений, произошедших в производственной структуре (см. рис. 11.1), мы увидим, что рост спроса на фидуциарные средства обращения приводит к смещению гипотенузы влево. Это указывает на то, что денежный спрос на потребление и инвестиции снизился, хотя соотношение потребления и инвестиций не изменилось. На рисунке полоса А соответствует новым «сбережениям» фидуциарных средств индивидами:

Главный тезис теории денежного равновесия в свободной банковской системе с частичным резервированием состоит в том, что банки будут реагировать на рост спроса на фидуциарные средства обращения расширением их предложения в точном соответствии с ростом спроса (что отражает полоса А на рисунке), а структура производства при этом останется неизменной (см. рис. 11.2). Однако не следует забывать о том, что созданные банками новые фидуциарные средства обращения не поступают к конечным пользователям (к экономическим агентам, увеличившим свои запасы банковских денег на сумму А; см рис. 11.1) сразу, а сначала выдаются в качестве кредитов предпринимателям, которые тратят все средства, изображенные в виде области А, на капитальные блага, что первоначально формирует структуру производства в виде, изображенном на рис. 11.3. Однако в долгосрочной перспективе эту более капиталоемкую структуру невозможно поддерживать, поскольку как только созданные банками новые фидуциарные средства обращения попадают к конечным пользователям (которые наконец накопили дополнительные банковские деньги в том количестве, которое желали получить с самого начала; см. рис. 11.1), они тратят их на инвестиции и потребительские блага (в нашей модели — в том же соотношении, что и на рис. 11.1 и 11.2). Если мы совместим треугольник 11.3 с треугольником 11.2, сразу становится видно, насколько исказилась структура производства.

На рис. 11.4 заштрихованная область В обозначает инвестиционные проекты, предпринятые по ошибке вследствие того, что все новые кредиты, выданные банкирами в условиях свободной банковской деятельности для того, чтобы уравновесить первоначальный рост спроса на фидуциарные средства, используются для инвестиций³⁶.

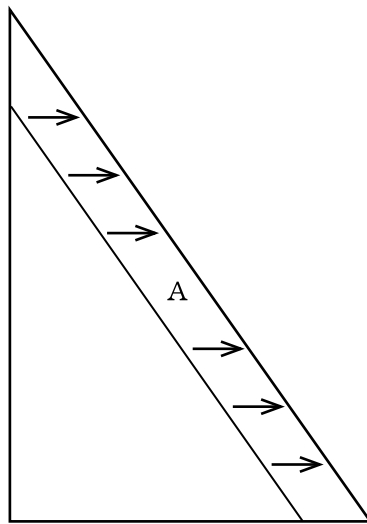

Рис. 11.2

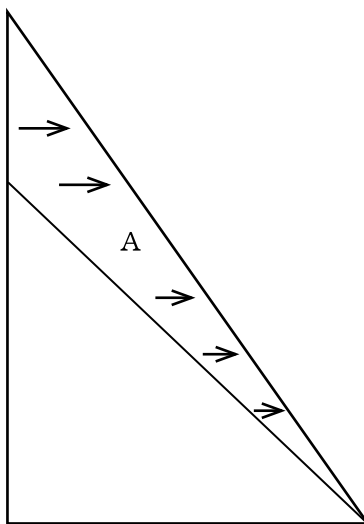

Рис. 11.3

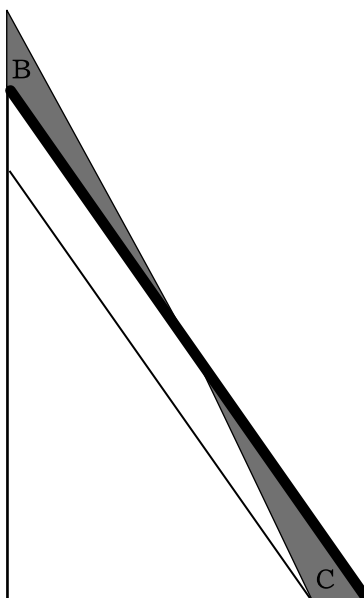

Рис. 11.4

Заштрихованная область С (по площади равная В) соответствует тому, что конечные держатели фидуциарных средств обращения тратят на блага, непосредственно предшествующие потреблению, в результате чего первоначальная структура производства (см. рис 11.1) восстанавливается, но лишь после болезненной и необратимой реструктуризации, которой в рамках свободной банковской системы с частичным резервированием избежать не удастся (как и следует из австрийской теории экономического цикла).

Таким образом, в данном случае, несмотря на то что увеличение объема фидуциарных средств обращения точно соответствует предшествовавшему ему росту фондов фидуциарных средств обращения, находящихся в распоряжении экономических агентов, оно, вопреки мнению Селджина и Уайта, приводит к запуску австрийского экономического цикла³⁷.

ВОЗМОЖНАЯ ПУТАНИЦА МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ СБЕРЕЖЕНИЙ И СПРОСА НА ДЕНЬГИ

Попытка возродить по меньшей мере ключевой элемент доктрины «потребностей торговли» и продемонстрировать, что свободная банковская деятельность с частичным резервированием не порождает экономических циклов, вынудила Джорджа Селджина защищать идею, в чем-то похожую на представления о банковских вкладах до востребования Джона Мейнарда Кейнса. Вспомним, что, с точки зрения Кейнса, человек, который получает дополнительные средства, соответствующие новому банковскому кредиту, *сберегает*: «Более того, сбережения, возникающие в результате этого решения, — это такие же сбережения, как и любые другие. Нельзя принудить кого-либо владеть дополнительными средствами, соответствующими новому банковскому кредиту, если у него нет сознательного предпочтения в пользу владения дополнительными деньгами, а не богатством в какой-либо иной форме»³⁸.

Позиция Джорджа Селджина, когда он утверждает, что спрос людей на остатки наличности в виде банковских сбережений и депозитных вкладов выражает их желание предложить в рамках банковской системы краткосрочные «кредиты» на ту же величину, весьма напоминает позицию Кейнса. Единственное различие между ними состоит в том, что тезис Селджина относится исключительно к «направленной на сохранение денежного равновесия корректировке предложения средств, которые могут быть выданы в качестве кредитов»³⁹. Он пишет: «Владеть внутренними (обеспеченными частными кредитными обязательствами) деньгами означает добровольно сберегать... Во всех случаях, когда банк расширяет свои обязательства в форме новых кредитов и инвестиций, в конечном счете в качестве кредиторов выступают держатели этих обязательств. Они одалживают те реальные ресурсы, которые могли бы приобрести, если бы не стали держать деньги, а потратили бы их. Когда расширение или сокращение обязательств банков соответствует колебанию спроса на внутренние деньги, объем реальных капитальных фондов, предоставляемых банками кредитополучателям, равен объему фондов, добровольно предоставленных банком клиентам. В этих условиях банки — всего лишь посредники при предоставлении кредитов»⁴⁰.

Однако рост остатков фидуциарных средств обращения, которые люди желают иметь, может превосходно сочетаться с одновременным ростом спроса на потребительские блага и услуги в ситуации, когда они принимают решение увеличить инвестиционные расходы. Экономический агент может

использовать имеющиеся у него остатки наличности тремя способами: он может потратить их на потребительские блага и услуги; он может потратить их на инвестиции; он может хранить их в виде остатков наличности или фидуциарных средств обращения. Других вариантов их использования не существует. Решение о том, сколько потратить на потребление, а сколько — на инвестиции, отлично (и не зависит) от решения о том, сколько средств хранить в виде фидуциарных средств обращения и остатков наличности. Поэтому вывод о том, что все денежные остатки эквивалентны «сбережениям» и, следовательно, им должны соответствовать банковские кредиты и инвестиции, неправилен. Совершенно не исключено, что конечные держатели не станут инвестировать часть новых, созданных банками фидуциарных средств обращения, а потратят их на потребление.

Утверждение, что «каждый держатель обязательств до востребования того или иного свободного банка предоставляет этому банку кредит на сумму этих обязательств»⁴¹, равносильно утверждению, что любое создание банком денег в ответ на рост спроса на фидуциарные средства обращения в конечном счете означает предоставление банку *a posteriori* кредита на сумму созданных им денег. Тем не менее банк создает кредиты из ничего и предлагает предпринимателям дополнительную покупательную способность, а они пользуются этим без всякого учета подлинных желаний тех экономических агентов, которые в итоге станут конечными держателями этих фидуциарных средств обращения, относительно их распределения между потреблением и инвестициями. Таким образом, вполне вероятно, что при неизменности социальных предпочтений в сфере потребления и инвестирования по крайней мере часть новых фидуциарных средств обращения, созданных банками, в конечном счете будет использована на покупку потребительских благ, что приведет к росту относительных цен на эти блага.

Теоретики свободной банковской деятельности с частичным резервированием обычно считают, что все выпущенные банком банкноты и депозиты представляют собой «финансовые активы», которые опосредуют «заем». С юридической точки зрения эта идея проблематична (мы вернемся к этому ниже). С экономической точки зрения это означает, что мы рассматриваем банковские деньги как «финансовый актив», который представляет собой добровольные сбережения экономического агента, «одалживающего» настоящие блага (обычно деньги) в обмен на будущие блага (обычно тоже деньги)⁴². Однако *сами по себе деньги являются абсолютно ликвидным настоящим благом*⁴³, а факт владения остатками фидуциарных средств обращения ничего не говорит о том, какую их часть владеющий ими экономический агент желает потратить, а какую — инвестировать. С точки зрения банковской системы в целом совокупные запасы фидуциарных средств обращения не являются «финансовым активом», потому что *в норме они не выведены* из системы, а обращаются в ней неопределенное время, переходя из рук в руки. Это происходит в силу того, что они представляют собой деньги, точнее — совершенные «заместители денег». Напротив, финансовый актив есть поставка настоящих благ в обмен на будущие блага, которые обязательно должны быть возвращены *в конкретный момент в буду-*

цел (пусть через очень небольшое время), и создается он за счет реального предварительного увеличения сбережений экономических агентов. Кроме того, финансовый актив обычно имеет вид сертификата, подтверждающего отказ от денег в настоящем в обмен на получение большей суммы денег завтра. Когда считается, что финансовый актив, в свою очередь, разменивается на деньги, то происходит инфляционное удвоение платежных средств, создаваемых из ничего, и никакого роста действительных сбережений для этого не требуется.

Для новых сбережений всегда требуется снижение уровня реального потребления, иначе говоря — жертвы. Новые сбережения — это отнюдь не разница между реальным потреблением и гипотетическим «потенциальным» потреблением, при котором все остатки фидуциарных средств обращения тратятся на потребительские блага. Селджин, однако, считает именно так, и на этом основании предлагает пересмотреть концепцию «создания кредита», предложенную Махлупом. С нашей точки зрения, Махлуп совершенно справедливо видит «создание кредита» во всех случаях, когда расширение предложения кредита предоставляет предпринимателям покупательную способность, источником которой не являются предшествующие жертвы в сфере потребления (т.е. сбережения), в том числе и в случае, когда создание кредита стремится компенсировать предшествовавший ему рост спроса на фидуциарные средства обращения (см. выше). Источником кредита всегда должны быть *предшествующие* сбережения; во всех остальных случаях он искажает структуру производства. Если потребительской жертвы не было, а инвестиции финансируются за счет вновь созданного кредита, то, как мы видели, производственная структура может искажаться⁴⁴.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕРАХ СВОБОДНЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ С ЧАСТИЧНЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ

Теоретики свободной банковской деятельности с частичным резервированием приложили большие интеллектуальные усилия к тому, чтобы проиллюстрировать ключевые элементы своей теории на реальных исторических примерах. На сегодняшний день они обнаружили и изучили около 60 эпизодов, когда банковские системы с частичным резервированием функционировали относительно свободно⁴⁵. Обычно на основании таких исторических штудий приходят к общему выводу о том, что «уровень банковских банкротств в системах, где отсутствовали требования к капиталу банков, их филиальной сети и диверсификации (т.е. в Шотландии и Канаде), был ниже, чем в системах, где такие требования существовали (т.е. в Англии и США)⁴⁶. Однако, даже если согласиться с тем, что свободная банковская система порождает *относительно* меньше банковских кризисов, чем система с центральным банком, для нас это в данном случае не имеет значения, и вот почему.

Во-первых, те исторические исследования, которые проводились до настоящего времени, вместо того, чтобы сосредоточиться на изучении

вопроса о том, позволяла ли свободная банковская система избежать односторонней кредитной экспансии, искусственного бума и экономической рецессии, на практике ограничивались выяснением того, чаще или реже по сравнению с системой с центральным банком случалась в этих условиях банковская паника (согласитесь, что это совсем иной вопрос). Мы уже изложили теоретические аргументы, на основании которых мы полагаем, что свободная банковская система с частичным резервированием может порождать существенное одностороннее расширение выпуска фидуциарных средств обращения, и объяснили, что из-за того, что новые банковские деньги всегда вбрасываются на рынок в виде кредитов, вне зависимости от желаний экономических агентов в отношении инвестиций и потребления, это всегда порождает искажения производственной структуры и запускает цикл бума и последующей рецессии. Несмотря на то что исследование историками циклического воздействия свободной банковской деятельности с частичным резервированием на экономику еще далеко не завершено, уже опубликовано некоторое количество работ, посвященных анализу реально существовавших в отсутствие правовых ограничений (или при наличии очень скромных правовых ограничений), центрального банка и институциональных барьеров свободных банковских систем с частичным резервированием. Все они подтверждают тезис о том, что свободные банковские системы с частичным резервированием могут порождать масштабную кредитную экспансию, способную привести к экономической рецессии. Так, Карло Чиполла проанализировал разразившийся в Италии во второй половине XVI в. экономический кризис, где экспансия банковских денег была ключевым фактором⁴⁷. Даже в Шотландии свободная банковская система с частичным резервированием переживала последовательно фазы кредитной экспансии и кредитного сжатия, что привело к экономическим циклам, т.е. к чередованию бумов и спадов по крайней мере в 1770, 1772, 1778, 1793, 1797, 1802—1803, 1809—1810, 1818—1819, 1825—1826, 1836—1837, 1839 и 1847 г.⁴⁸ Следы похожих явлений можно обнаружить и в остальных эпизодах исторически существовавших свободных банковских систем с частичным резервированием⁴⁹.

Во-вторых, то, что результаты исторических исследований показывают, что свободные банковские системы с частичным резервированием были менее подвержены банковской панике, чем системы с центральным банком, не означает, что в них вообще не случались банковские кризисы. Даже Селджин приводит по крайней мере три таких примера: банковский кризис 1797 г. в Шотландии, 1837 г. — в Канаде и 1893 г. — в Австралии⁵⁰. Несмотря на то что, как мы уже отмечали, для нас существенное значение имеют объемы кредитной экспансии и наличие спровоцированных банками циклических чередований бума и спада, а не сами по себе банковские кризисы и эпизоды банковской паники, имеются и другие институциональные причины, которыми можно объяснить этот эффект, кроме меньшей подверженности кризисам свободной банковской системы по сравнению с системой с центральным банком. Например, Мюррей Ротбард писал про то, как в Шотландии банки так удачно «разрекламировали» свои банкноты,

что практически никто не требовал их оплаты золотом, а тот, кто просил кассира банка выдать наличные, сталкивался со всеобщим неодобрением и прессингом со стороны банкиров, которые обычно называли его поведение «нелояльным» и угрожали бедному клиенту сложностями с получением кредита в будущем.

Как бы то ни было, я не считаю, что главным историческим критерием оценки банковской системы является ее способность избегать банковских кризисов. Ведь в этом случае даже теоретики свободной банковской системы с частичным резервированием были бы вынуждены признать, что идеальная банковская система — это свободная банковская система со 100%-ным золотым резервированием, ведь даже Селджин согласен, что «при 100%-ном резервировании банковские кризисы невозможны»⁵².

Наконец, в-третьих, имеется неоспоримый исторический факт: все 60 обнаруженных исследователями свободных банковских систем с частичным резервированием прекратили свое существование. Все эти системы были вытеснены системами с центральным банком, в основном в тот период (со второй половины XIX в. до начала XX в.), когда в мире царил относительно *laissez faire* и отсутствовал высокий уровень государственного вмешательства, характерный для нашего времени. То, что мы знаем о *человеческой природе*, позволяет нам дать правдоподобное объяснение, почему свободная банковская деятельность с частичным резервированием породила нынешнюю систему с центральным банком и высоким уровнем государственного вмешательства. После того как были нарушены принципы свободной банковской системы со 100%-ным резервированием, экономические, социальные и политические агенты больше не могли сопротивляться систематическому соблазну, которому они подвергались. Некоторые из субъектов экономики, я имею в виду банкиров, поддавшись соблазну, начали злоупотреблять выпуском фидуциарных средств обращения, даже когда это ставило под угрозу их собственную платежеспособность; другие экономические агенты, а именно вкладчики, соблазнились возможностью получать «проценты» на вклады и понесли в банки деньги с энтузиазмом, интенсивность которого можно сравнить лишь с их реакцией на банкротство банка, когда они, стеная и рыдая, требуют от правительства вмешаться и помочь им; наконец, возможно, главной жертвой соблазна стали правительства, вечно пытающиеся найти неиссякаемый источник финансовых средств и наконец нашедшие «философский камень» в виде банковской системы с частичным резервированием, обеспечившей им простор для вмешательства в дела общества и манипулирования денежной системой. Кевин Доуд предложил любопытную обобщающую таблицу, в которой он свел главные причины, положившие конец разным свободным банковским системам с частичным резервированием (банковский кризис, теория с идеологией и сеньораж, т.е. доход государства от денежной эмиссии). Он пришел к выводу, что «разумеется, свободная банковская система была несовершенной; в мире, где живут несовершенные люди, не может быть совершенных институтов»⁵³. Я бы сказал в связи с этим, что с учетом человеческого несовершенства и того, что люди отказались следовать элементарным принципам морали и права (к кото-

рым я причисляю обязанность действовать в рамках свободной банковской системы со 100%-ным резервированием), последующее развитие событий в банковской сфере не должно никого удивлять.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

Анализ проблем банковской деятельности обязательно должен носить междисциплинарный характер, поскольку существует тесная теоретическая и практическая связь между юридическими и экономическими аспектами социальных процессов вообще и социальных процессов, имеющих отношение к банковской деятельности, в частности⁵⁴. Согласно юридической традиции континентальной Европы, восходящей к римскому праву, классический юрист занимается *искусством*, которое состоит в поисках сущности (*das Wesen*) правовых институтов, возникающих из сети социальных взаимодействий. При этом он не стремится быть «оригинальным», «блистательным» или «ярким»; его цель — «служить *фундаментальным принципам* права, в верности которым, как отметил Савиньи, и состоит величие юриста»⁵⁵. Главное занятие юристов — поиск и *открытие* универсальных и неизменных принципов права, присущих логике человеческих взаимоотношений, хотя в ходе процесса социальной эволюции часто возникает необходимость применять эти неизменные по своей природе принципы в новых ситуациях и для решения новых задач, созданных этой эволюцией. Постоянно занимаясь толкованием и совершенствованием общих принципов права, юристы не только используют собственный профессиональный инструментарий для разбора конкретных дел, но и нередко получают существенную помощь от других дисциплин, в частности от экономической теории и истории, которые могут указать юристам на те области социального взаимодействия, где правовые основания несовершенно или противоречивы.

Одним из наиболее ярких примеров того, как несовершенно и противоречивые юридические основания порождают серьезные нарушения координации и наносят большой ущерб обществу, является банковская система с частичным резервированием. Она возникает и оформляется в результате желания объединить два договора, договор вклада до востребования и договор займа, которые так же несовместимы друг с другом, как лед и пламень. Всегда, когда происходит попытка нарушить или исказить общие принципы права, это приводит к многочисленным негативным последствиям, о некоторых из которых мы уже говорили⁵⁶. Главные различия между этими двумя (совершенно разными) типами договора: договором о вкладе денег (в качестве заменимого блага) до востребования и договором займа — отражены в табл. 11.1, помогающей понять юридические вопросы и проблемы, порождаемые договорами, на которых основана банковская деятельность с частичным резервированием⁵⁷.

В первую очередь следует отметить, что банковская деятельность с частичным резервированием с юридической точки зрения противоречит

логике. Действительно, когда банк предоставляет займы против вкладов, доверенных ему до *востребования*, то при этом из ничего возникает собственность на деньги в сумме, равной сумме кредита, выданного банком. Вкладчик *владеет* своим вкладом и деньги на вкладе составляют часть его денежных остатков. В то же время тот, кто берет в банке кредит, получает от банка деньги, которые, в свою очередь, становятся частью его остатков наличности. С точки зрения права это абсолютно неправильно; в результате договора может происходить взаимная передача права собственности (*do ut des* [даю, чтобы ты дал]), но договор не может создать собственность из ничего. В рассматриваемом нами случае никаких новых физических денег (например, золота) создано не было, однако обе стороны (вкладчик и заемщик) ведут себя так, как если бы каждый из них владел одним и тем же физическим золотом. На первых этапах формирования современной банковской системы такие вещи бывали результатом мошенничества и актов неправомерного присвоения собственности банкирами, которые использовали доверенные им на хранение деньги, чтобы выдавать кредиты⁵⁸.

После того как банкиры получили от государства *привилегию* на использование частичного резервирования, их действия перестали считаться уголовно наказуемыми, по крайней мере в глазах позитивного права. Но эта привилегия никоим образом не наделяет договор о денежном вкладе до востребования надежным юридическим основанием. Напротив, в большинстве случаев этот договор является юридически ничтожным с точки зрения общих принципов права, поскольку *главная цель* одной из сторон (вкладчика) состоит в том, чтобы совершить операцию вклада, тогда как другая сторона (банкир) получает от вкладчика деньги в виде займа. Согласно обычным принципам права, в ситуации, когда участники обмена думают, что они заключили разные договоры, заключенный договор считается ничтожным. Если этот юридический принцип *главной субъективной цели*⁵⁹ договора (главной *причины* договора в римском праве) распространить на миллионы ныне действующих банковских договоров, то станет очевидно, что подавляющее большинство вкладчиков считают, что они заключили договор о доверительном хранении, для того, чтобы иметь возможность в любой момент конвертировать в наличные сумму вклада, которую они рассматривают как часть своих денежных остатков. С другой стороны, банкиры получают эти деньги в качестве «займа», о чем свидетельствует то, что они выдают их в виде кредита, так что получатели кредита, в свою очередь, увеличивают таким образом свои денежные остатки. Я полагаю, никто не будет спорить с утверждением, что нынешние договоры вклада до востребования имеют под собой очень шаткое юридическое основание⁶⁰. В договорах и в профессиональном обиходе их называют «вкладами» — и это точно отражает главную цель вкладчиков. Однако, получив вклады, банки используют их так, как если бы они были займами, хотя договор займа, как видно из табл. 11.1, радикально отличается от договора вклада до востребования⁶¹. Но если большинство вкладчиков обманываются (или сознательно введены в заблуждение) относительно истинной природы заключаемого ими договора, более того, если их соблазняют обещаниями процентов⁶² или бесплат-

Таблица 11.1

Принципиальные различия между двумя типами договоров

ДОГОВОР ВКЛАДА ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	ДОГОВОР ЗАЙМА
<i>Экономические различия</i>	
1. Настоящие блага не обмениваются на будущие блага	1. Настоящие блага обмениваются на будущие блага
2. Средства полностью и в любой моменты доступны вкладчику	2. Заимодавец теряет доступ к средствам и полностью передает его хранителю
3. Процент не выплачивается, так как настоящие блага не обмениваются на будущие блага	3. Процент выплачивается, так как настоящие блага обмениваются на будущие блага
<i>Юридические различия</i>	
1. Главное — хранение средств вкладчика или <i>tantundem</i>	1. Главное — передача доступа к настоящим благам заемщику
2. Срок возврата вклада не установлен, договор заключается «до востребования»	2. Срок возврата займа и условия уплаты процента зафиксированы в договоре
3. Хранитель обязан хранить <i>tantundem</i> для выдачи вкладчику по первому требованию в любое время (100%-ное резервирование)	3. Заемщик обязуется вернуть <i>tantundem</i> в оговоренный срок и уплатить оговоренный процент

ным банковским обслуживанием, то массовость такого рода операций не может служить доказательством того, что люди действительно предпочитают данный тип договора, и уж тем более — того, что этот тип договора является общественной необходимостью.

В-третьих, даже если обе стороны (вкладчики и банкиры) были бы согласны с тем, что они заключили друг с другом договор займа (в реальности, вероятно, в большинстве случаев это не так), то и это не решило бы проблемы с юридической природой договора банковского вклада до востребования. Ведь с юридической точки зрения у банков нет возможности выполнить свои обязательства по возврату депозитов, превышающих их резервы. Ситуацию усугубляет то, что практика банковской деятельности с частичным резервированием способна порождать банковские кризисы и экономические спады, которые подрывают доверие людей к банкам. А согласно общим принципам права договор, который невозможно исполнить при определенных обстоятельствах, также является юридически ничтожным. Существование этих так называемых договоров «займа» с обязательством выплаты по первому требованию их полной *номинальной* стоимости возможно только при 100%-ном резервировании, которое гарантирует, что эти так называемые займы, предоставленные банкам вкладчиками, могут быть в любой момент выкуплены банками, или же при поддержке со стороны центрального банка, который предоставляет банкам ликвидность в случае необходимости, и, следовательно, только при этих условиях такие договора будут действовать.

В-четвертых, даже если исходить из того, что лишь отдельные банки раз в несколько лет оказываются неспособными исполнить свои обязательства по договорам вклада до востребования, это все равно не отменяет вопроса о правовой природе этого договора, потому что банковская деятельность с частичным резервированием *является нарушением социального порядка* и наносит ущерб третьим лицам⁶³. Банковская деятельность с частичным резервированием — в силу того, что она порождает кредитную экспансию, не обеспеченную ростом реальных сбережений, — искажает структуру производства и побуждает предпринимателей, получающих кредиты и обманутых их дешевизной, осуществлять вложения, которые в итоге не принесут им прибыли. Когда наступит неизбежный спад, им придется остановить и ликвидировать эти инвестиционные проекты, с большими экономическими, социальными и личными издержками не только для инвесторов и предпринимателей, но и для всех остальных участников рыночного процесса (наемных работников, поставщиков, потребителей, вкладчиков, банкиров и т.п.). Поэтому мы не можем согласиться с тезисом, согласно которому в свободном обществе банки и клиенты должны иметь возможность заключать друг с другом любые устраивающие их соглашения⁶⁴. На самом деле, если добровольное и устраивающее обе стороны соглашение наносит ущерб третьим лицам, и, следовательно, нарушает социальный порядок, оно является недействительным и юридически ничтожным.

Ганс-Герман Хоппе⁶⁵ объясняет, что этот тип «договора» наносит ущерб третьим сторонам тремя разными способами: во-первых, порождаемая им кредитная экспансия увеличивает предложение денег и уменьшает покупательную способность денежных единиц, которые имеются у других владельцев денежных остатков; тем самым у них отбирают часть ценности, которую имели бы принадлежащие им денежные единицы, если бы не было кредитной экспансии. Во-вторых, ущерб наносится вкладчикам в целом, потому что в результате процесса кредитной экспансии и при отсутствии центрального банка уменьшается вероятность того, что они смогут вернуть свои вклады. В-третьих, больше всего страдают остальные заемщики и экономические агенты, которые платят за кредитную экспансию неверными инвестиционными решениями, финансовыми кризисами, безработицей, беспорядками, волнениями и т.п.

Любое манипулирование деньгами, иначе говоря — *общепринятым* средством обмена в силу самой природы денег всегда связано с воздействием на третьих лиц. Мы, разумеется, не имеем в виду в данном случае те «денежные внешние эффекты [экстерналии]», которые транслируются на рынок с помощью системы цен в результате изменений субъективных оценок и действий людей, подчиняющихся общим принципам права. Речь идет о серьезном вмешательстве в функционирование социума, причиной которого является противоречивый характер правового статуса банковских договоров о вкладе до востребования, дающий банкам возможность мультиплицировать деньги без учета желаний сторон, в отсутствие роста сбережений или иных изменений, оправдывающих рост денежного предложения⁶⁶. На самом деле с экономической точки зрения в *качественном*

отношении последствия кредитной экспансии ничем не отличаются от последствий подделки монет и банкнот, которые преследуются по ст. 283—290 испанского уголовного законодательства⁶⁷. В обоих случаях происходят создание денег из ничего, перераспределение доходов в пользу кучки людей в ущерб всем остальным и внесение искажений в системы производства. Однако в количественном отношении лишь кредитная экспансия способна увеличить денежное предложение в степени, достаточной, чтобы создать искусственный бум и вызвать рецессию. По сравнению с кредитной экспансией в системе свободной банковской деятельности с частичным резервированием и с манипулированием деньгами, которым занимаются правительство и центральный банк, подделка денег фальшивомонетчиками — детские игрушки, не стоящие внимания.

Все эти обстоятельства не укрылись от внимания некоторых современных теоретиков свободной банковской деятельности с частичным резервированием. Чтобы обеспечить стабильность своей системы, они предложили следующее решение: банкам следует принимать меры «предосторожности» и «информировать» клиентов о том, что банк может в любое время приостановить или отложить возврат вкладов до востребования или выдачу наличных⁶⁸. Очевидно, что введение этой «оговорки» противоречит природе денег, поскольку суть понятия денег именно в том, что они обеспечивают совершенную (полную, немедленную и безусловную) ликвидность в любой произвольный момент. Предлагаемая «оговорка» означает, что в условиях кризиса банки могут превратить своих вкладчиков и держателей облигаций из владельцев абсолютно ликвидных денежных единиц или заместителей денег в вынужденных кредиторов. В результате традиционный договор о вкладе до востребования превращается в лотерею, потому что возврат средств по вкладу будет зависеть от везения, влияния вкладчика и других сиюминутных обстоятельств. Не может быть никаких возражений против того, что стороны по обоюдному согласию заключают «лотерейный» договор. Но в той степени, в какой, несмотря на эту оговорку и «полную» осведомленность всех участников (т.е. банкиров и их клиентов) о ее последствиях, стороны договора и остальные экономические агенты по-прежнему будут вести себя так, как если бы они (субъективно) считали, что в практическом отношении их вклады до востребования абсолютно ликвидны, банковская система все равно останется способной порождать кредитную экспансию. Следовательно, «оговорки» не помешают воспроизводству процессов экспансии, кризиса и экономического спада, которые способна порождать свободная банковская деятельность в условиях частичного резервирования. Таким образом, этот аргумент продиктован отчаянием и никоим образом не опровергает тезиса о том, что свободная банковская деятельность с частичным резервированием способна наносить систематический ущерб трети сторонам, т.е. нарушать общественный порядок.

Удивительно, что, несмотря на все эти обстоятельства, большинство теоретиков школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием, вместо того чтобы призывать к отказу от принципа частичного резервирования, ограничиваются лишь требованием уничтожить цент-

ральные банки и приватизировать банковскую систему и совершенно не упоминают о том, что наилучшим решением всех проанализированных нами экономических и правовых проблем была бы свободная банковская система со 100%-ным резервированием. Приватизация действительно положит конец тем практически неограниченным злоупотреблениям, которыми предаются в наше время денежные власти. Однако она не исключает возможности (менее масштабных) злоупотреблений со стороны частных банкиров. Представим себе, что правительству разрешено систематически убивать, грабить и совершать любые другие преступления. С учетом колоссальной власти и монополистической природы государства это приводило бы к огромному ущербу для общества. Нет никаких сомнений, что приватизация этой преступной деятельности (т.е. лишение правительства права на систематическое занятие ею) привело бы к колоссальному «улучшению» ситуации: преступная мощь государства была бы нейтрализована, а частные субъекты экономики получили бы возможность заниматься предупреждением преступлений и обеспечивать защиту от них. Тем не менее приватизация уголовных преступлений не является окончательным решением проблемы преступности; эту задачу можно решить только тогда, когда преступления будут преследоваться всеми законными средствами, даже в случаях, когда их совершают частные лица в частной сфере. На самом деле все проблемы с центральными банками и банковским законодательством, а также все проблемы, которые способна породить свободная банковская деятельность с частичным резервированием, можно решить с помощью одной статьи в Уголовном кодексе будущего Либертарианского общества: «Банкир, присваивающий вклады до востребования и не обеспечивающий 100%-ного резервирования по ним, наказывается тюремным заключением и обязан возместить жертвам нанесенный им ущерб»⁶⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная манера описания противостояния между сторонниками центрального банка и сторонниками свободной банковской системы с частичным резервированием не отражает сути проблемы. На самом деле сторонники свободной банковской деятельности с частичным резервированием не понимают, что реализация их предложений в конечном счете практически с неизбежностью приводит к возникновению, формированию и консолидации института центрального банка. Кредитная экспансия, которую способна генерировать любая банковская система с частичным резервированием, порождает попятные движения в виде банковских кризисов и экономических спадов, а это почти неизбежно приведет к тому, что страдающие от кризиса граждане, а также банкиры, начнут требовать от государства, чтобы оно вмешалось и ввело государственное регулирование. Более того, банкиры вскоре обнаружат, что они уменьшат риски собственного банкротства, если заключат между собой соглашения, объединятся и потребуют создания кредитора последней инстанции (центрального

банка), который обеспечит их ликвидностью в тяжелые времена, а кроме того, институционализирует кредитную экспансию и будет дирижировать ей. Ну и, конечно, правительства не в состоянии устоять перед соблазном использовать в своих интересах те колоссальные возможности по созданию денег, которые предоставляет банковская система, основанная на частичном резервировании.

Таким образом, принцип частичного резервирования — главный фактор, ответственный за появление и консолидацию института центрального банка. Поэтому в ходе теоретической и практической дискуссии разумно было бы обсуждать не то, что обсуждают обычно, а выбор между двумя радикально различными вариантами: свободной банковской системой, подчиняющейся общим принципам права (т.е. со 100%-ным резервированием), где любые операции с использованием частичного резервирования, как «добровольные», так и недобровольные, считаются незаконными и представляют собой нарушение социального порядка, и системой, допускающей частичное резервирование, в рамках которой неизбежно появление центрального банка в качестве кредитора последней инстанции и органа финансового и банковского надзора. Ни с теоретической, ни с практической точек зрения никаких других вариантов не существует.

ГЛАВА 12

ЭТИКА КАПИТАЛИЗМА¹

ВВЕДЕНИЕ

Традиционная проблематика естественного права и справедливости отошла на задний план, когда экономическая наука стала пытаться использовать, неуклюже и механически, в качестве методологии социальных наук методы, выработанные естественными науками в ходе исследования материального мира. Согласно этому подходу «дифференцирующей» особенностью экономической теории являются систематическое использование узкого критерия «рациональности» и представление о том, что действия отдельно взятых людей и экономическая политика определяются расчетом и оценкой затрат и выгод с помощью критерия оптимизации, который якобы позволяет «оптимизировать» достижение целей в условиях, когда средства даны. Так что исследование этических принципов, служащих ориентирами для людей в их деятельности, утратило значение. Казалось, был найден универсальный принцип человеческого поведения, который можно реализовать на разных (индивидуальных и социальных) уровнях, применяя один-единственный критерий, критерий максимизации *последствий* каждого действия. В силу этого больше не было необходимости соотносить поведение людей с установленными заранее этическими нормами. Таким образом, возникло впечатление, что науке удалось элиминировать фактор справедливости, который в рамках этой концепции казался избыточным и устаревшим.

КРАХ КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМА

Однако идеал *консеквенциализма*, основанный на вере в то, что действовать надо так, чтобы максимизировать положительные последствия действий, исходя из того, что средства и издержки даны, явно не оправдал ожиданий². Во-первых, экономическая теория доказала, что получить необходимую информацию об издержках и выгодах *всех* человеческих действий теоретически невозможно. Эта теорема современной экономической теории основана на врожденной способности человека к творчеству, побуждающей его непрерывно открывать новые средства и цели и, следовательно, генерировать новую информацию и новое знание, в результате чего предсказать конкретные будущие последствия конкретных человеческих действий и/или политических решений оказывается невозможно³. Смертельный удар консеквенциалистской доктрине нанес крах реального социализма, этого самого амбициозного в истории человечества эксперимента в области

социальной инженерии. История показывает, что несмотря на огромные ресурсы, которые в течение почти 70 лет тратились на то, чтобы оценить разные политические решения с точки зрения затрат и выгод и насильно навязать их гражданам с целью «оптимизации» способов достижения поставленных целей, ожидания, связанные с этими экспериментами, не оправдались; их результатом стали колоссальные человеческие страдания и значительное отставание в экономическом развитии.

Хотя пока нельзя оценить долгосрочное влияние краха реального социализма на развитие науки и философии, кое-что очевидно уже сейчас. Во-первых, нужно приложить усилия для развития новой экономической теории, гораздо более гуманистической и реалистической, чем старая. Эта теория основана на концепции человека как творческого субъекта деятельности, и ее задачей является анализ динамических процессов общественной координации, которые реально протекают на рынке. У этого подхода, который был выработан главным образом австрийской экономической школой, гораздо меньше претензий, чем у сциентизма, которому удалось наплодить множество учебников, покалечить несколько поколений студентов, а также породить в обществе абсолютно необоснованные ожидания относительно возможностей нашей науки, соответствовать которым она, естественно, оказалась неспособна.

Другое важное последствие — это создание эволюционной теории социальных процессов, которую также разработала австрийская экономическая школа. Эта теория доказала, что большинство ключевых социальных (лингвистических, экономических, юридических и моральных) институтов, без которых была бы невозможна жизнь в обществе, возникли стихийно, в результате длительного развития, на основе обычаев, в результате участия в этом процессе огромного числа людей, действовавших в чрезвычайно разнообразных обстоятельствах места и времени. Таким образом были созданы институты, в которых воплощены колоссальные объемы информации, значительно превосходящие понимание и возможности действующего намеренно человеческого разума.

Наконец, нужно обратить внимание на то, что этика и проблема справедливости в наши дни вновь стали предметом бурного интереса социальных наук. Действительно, после теоретического и исторического краха сциентистского консеквенциализма на первый план вновь вышли нормы поведения, основанные на этических догмах. Их роль в качестве незаменимого «автопилота», управляющего поведением людей и обеспечивающего человеческую свободу, снова начинают оцениваться по достоинству.

РОЛЬ ЭТИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА СВОБОДЫ

Вероятно, одно из важнейших открытий теории свободы в нашем веке заключается в доказательстве того, что консеквенциалистского анализа затраты—выгоды недостаточно, чтобы обосновать необходимость существования рыночной экономики. И дело не только в том, что значительная часть совре-

менной экономической науки основана на интеллектуальной ошибке: статическом подходе, для которого цели и средства являются данностью. Даже гораздо более реалистичная и продуктивная аналитическая позиция австрийской школы, основанная на учете творческих возможностей человека и теоретическом изучении динамических процессов социальной координации, сама по себе не является достаточным обоснованием для либертарианской идеологии. Даже если мы откажемся от статического критерия эффективности по Парето и перейдем на какой-нибудь другой, более динамический критерий, основанный на координации, соображений «эффективности» никогда не будет достаточно, чтобы убедить всех тех, для кого справедливость важнее «эффективности» в разных пониманиях этого термина. Добиться от людей признания того, что в долгосрочной перспективе любые систематические попытки использовать принуждение по отношению к стихийным процессам человеческого взаимодействия приводят к нарушениям социальной координации (т.е. порождают «неэффективность»), тоже недостаточно. Этот аргумент неспособен убедить тех, для кого *временное предпочтение* настолько важно, что, осознавая негативные средне- и долгосрочные последствия государственного вмешательства, они оценивают краткосрочные выгоды от него выше, чем его долгосрочные негативные эффекты⁴.

Таким образом, создание этического фундамента теории свободы необходимо по следующим причинам: 1) ввиду краха «социальной инженерии» и в особенности консеквенциализма, который основывался на неоклассическом вальрасианском подходе, т.е. на экономическом мейнстриме; 2) в силу того, что теоретический анализ рыночных процессов, основанный на предпринимательских способностях людей, хотя и гораздо мощнее неоклассического анализа, сам по себе не является достаточным условием обоснования рыночной экономики; 3) потому что с учетом неискоренимого невежества людей в сочетании с их способностью непрерывно создавать новую информацию они нуждаются в системе моральных принципов, которые могли бы автоматически подсказывать им рекомендованные паттерны поведения; 4) потому что в стратегическом отношении именно моральные факторы лежат в основе готовности людей поддержать реформы: люди часто соглашаются идти на серьезные жертвы ради того, что они считают правильным и справедливым с моральной точки зрения. Поддержку реформ гораздо сложнее обеспечить посредством демонстрации холодного расчета затраты—выгоды (не говоря уже о том, что такие расчеты крайне сомнительны с точки зрения науки).

О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Значительная часть ученых все еще считают, что создать объективную теорию справедливости и моральных принципов невозможно. В значительной степени это обусловлено позицией сциентистской экономической теории, представители которой, помешанные на критерии максимизации,

полагают, что не только цели и средства действующих агентов субъективны, но и регулирующие человеческое поведение моральные принципы тоже зависят от субъективной автономии человека, который принимает решение. Если в любых обстоятельствах можно принять решение *ad hoc*, основываясь исключительно на анализе соотношения затраты и выгод, то существование морали, понимаемой как набор предварительно установленных норм поведения, не является необходимым, поскольку при таких предпосылках любые нормы размываются и их действие ограничивается сферой субъективной автономии индивида. Мы не согласны с этой позицией, несмотря на ее доминирование в современном обществе, и полагаем, что доказанная экономической наукой субъективность оценок, полезности и издержек — это одно, а представление о том, что объективных принципов морали не существует, — нечто совершенно иное⁵.

Кроме того, мы полагаем, что создание научной теории моральных принципов, которым должны следовать люди в своем взаимодействии с другими, не только желательно, но и возможно. На самом деле в последнее время появилось несколько важных работ на эту тему. Среди них следует выделить новую концепцию распределительной справедливости в условиях капитализма, предложенную Израэлем Кирцнером. Отметим, что автор этой концепции — один из наиболее выдающихся теоретиков австрийской экономической школы. Это свидетельствует о том, что поле экономической теории, если это верная теория, тесно взаимосвязано с полем социальной этики. На самом деле экономическая наука, даже если она *wertfrei*, т.е. свободна от ценностных суждений, способна не только занять более четкую этическую позицию, но и, как показывает пример Кирцнера, может упростить и подкорректировать дедуктивные логические рассуждения в области социальной этики, избавив соседнюю дисциплину от многочисленных опасных ошибок, которые порождает экономическая теория, основанная на статическом подходе и гипотезе наличия полной информации⁶.

Согласно подходу Кирцнера, факторы «эффективности» и «справедливости» не являются *компромиссом* (в том смысле, что они не могут комбинироваться по принципу «побольше эффективности — поменьше справедливости», и наоборот), а представляют собой две стороны одной медали. С нашей точки зрения, только справедливость порождает эффективность и наоборот, то, что эффективно, не может быть несправедливым. Оба типа факторов — факторы, связанные с моральными принципами, и факторы, связанные с экономической эффективностью, — не только не противостоят друг другу, но и усиливают и поддерживают друг друга⁷.

МОРАЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Идея о том, что эффективность и справедливость — два различных фактора, которые могут сочетаться в разных пропорциях, представляет собой одно из естественных негативных последствий доминирующего в экономической науке неоклассического подхода. Действительно, если считать,

что можно принимать решения на основании анализа затраты—выгоды, потому что требующаяся для этого информация якобы статична и дана, то отдельным людям совершенно не обязательно следовать в своих действиях фиксированным моральным паттернам (за исключением принципа «максимизации полезности *ad hoc*»). Более этого, из этого вытекает тезис (включенный, кстати, в так называемую вторую фундаментальную теорему экономической теории благосостояния) о том, что любая насильственно навязанная система распределения совместима со статическими критериями эффективности по Парето.

Однако если рассматривать социальный процесс как динамическую реальность, образованную взаимодействием тысяч и тысяч людей, каждый из которых наделен врожденной и постоянно проявляющейся творческой способностью, то выяснить конкретные затраты и выгоды, которые возникнут в результате того или иного действия, невозможно. Это означает, что человек должен использовать в качестве автопилота определенные ориентиры, иными словами, моральные принципы. К тому же эти моральные принципы обычно обеспечивают возможность скоординированного взаимодействия людей. Тем самым они порождают процесс координации, и, следовательно, их можно назвать эффективными в динамическом смысле. Если рассматривать рынок как динамический процесс, то эффективность, понимаемая как координация, возникает из поведения людей тогда, когда они действуют в соответствии с определенными моральными принципами, и наоборот, человеческая деятельность, соответствующая этим этическим принципам, порождает динамическую эффективность, понимаемую как фактор, координирующий процессы социального взаимодействия. Следовательно, мы можем сделать вывод, что с динамической точки зрения эффективность несовместима с разными схемами распределения (т.е. справедливости), так как она порождается только одной из них.

Как мы уже сказали, недопустимо также утверждать, что критерии эффективности и критерии справедливости противоречат друг другу. Это представление совершенно ошибочно. То, что справедливо, не может быть неэффективным, как и то, что эффективно, не может быть несправедливым. На самом деле с точки зрения динамического анализа справедливость (распределение) и эффективность — просто две стороны одной медали, что подчеркивает взаимосвязанность и логичность порядка, царящего в социальном универсуме. Представление о конфликте этих двух факторов порождено ошибочной концепцией статического равновесия, разработанной неоклассической школой «экономической теории благосостояния» наряду с ложной концепцией распределения, или «социальной справедливости», согласно которой результаты социального процесса можно оценить, не обращая внимания на индивидуальное поведение его участников. Теоретические идеи экономической теории благосостояния, основанные на статических критериях эффективности по Парето, возникли в ответ на тщетную надежду избежать необходимости перехода в область этики и привели к невозможности оценить серьезность проблемы динамической неэффективности, которая возникает в случае, если предпринимательский

процесс в большей или меньшей степени испытывает на себе институциональное принуждение. Представление экономики в виде процесса не только позволяет дать эффективности динамическое определение, но и проливает свет на критерий справедливости, которая обязана торжествовать в социальных отношениях. Этот критерий основан на традиционных принципах морали, позволяющих оценивать поведение человека как справедливое или несправедливое согласно общим и абстрактным нормам права. Такие нормы прежде всего регулируют права собственности, исходя из того, что людям позволено получать в собственность все, что является результатом проявления их собственной врожденной способности к предпринимательскому творчеству. Кроме того, эта точка зрения демонстрирует принципиальную аморальность всех прочих критериев справедливости. Среди таких критериев следует выделить так называемый критерий «социальной справедливости», который оценивает конкретные результаты социального процесса в конкретный исторический момент как справедливые или несправедливые *без учета того, соблюдали ли участники процесса общие нормы права и морали*. Критерий «социальной справедливости» имел бы смысл исключительно в фантазмагорическом статичном мире, где блага и услуги даны и единственная проблема — как их распределить. Однако в реальном мире, где в результате предпринимательского импульса производство происходит *одновременно* с распределением, термин «социальная справедливость» не имеет научного смысла. «Социальная справедливость» глубоко аморальна с трех точек зрения: 1) с эволюционной точки зрения — поскольку принципы, вытекающие из идеи «социальной справедливости», нарушают традиционные, выработанные в рамках обычного права принципы прав собственности, благодаря которым стало возможно появление современной цивилизации; 2) с теоретической точки зрения — так как организовать общество на фундаменте «социальной справедливости» невозможно, потому что систематическое принуждение, необходимое для того, чтобы навязать людям цель перераспределения дохода, препятствует свободному осуществлению предпринимательства, а следовательно, блокирует координацию и творческий импульс, обеспечивающих развитие цивилизации; 3) с точки зрения этики — потому что нарушает моральный принцип, согласно которому любому человеку принадлежит естественное право на плоды его собственного предпринимательского творчества. Можно прогнозировать, что по мере того, как граждане будут осознавать серьезные ошибки, вытекающие из ложного представления о «социальной справедливости, и аморальность этой концепции, институциональное принуждение со стороны государства, которое обосновывается необходимостью обеспечивать «социальную справедливость», начнет постепенно исчезать⁸.

Вклад в этику Израэля Кирцнера

Главная заслуга Кирцнера состоит как раз в демонстрации того, что идея распределительной справедливости, до сих пор разделяемая большинст-

вом ученых и ставшая «этическим фундаментом» влиятельных социальных и политических движений (социалистов и социал-демократов), в значительной степени основана на ошибочной концепции экономической теории, а именно на статической модели⁹. Действительно, неоклассический подход в большей или меньшей степени основан на предположении о том, что информация объективна и (определенно или вероятно) дана, а следовательно, позволяет осуществить анализ затраты—выгоды. Из этой гипотезы вполне логично вытекает вывод о том, что максимизация полезности никак не зависит от моральных соображений и что эти два типа факторов могут сочетаться в разной пропорции. Кроме того, статический подход неизбежно подразумевает, что ресурсы в каком-то смысле даны и известны, а следовательно, что экономическая проблема распределения ресурсов отделена от проблемы их производства. И действительно, если ресурсы даны, то вопрос о том, как будут распределены между людьми средства производства и результаты различных процессов производства, становится исключительно важным.

Изложенная выше позиция устарела в свете разработанной австрийской экономической школой динамической концепции рыночных процессов и, в частности, в свете осуществленного Израэлем Кирцнером анализа феномена предпринимательства и того, что это означает с точки зрения этики. По Кирцнеру, предпринимательство — это присущая абсолютно всем людям врожденная способность оценивать и обнаруживать вокруг себя возможности получения прибыли (в широком смысле) и действовать в соответствии с этим знанием. Таким образом, сущность предпринимательства составляет присущая человеку способность постоянно создавать и обнаруживать новые цели и средства. В рамках этой концепции ресурсы не считаются данными; напротив, предприниматели постоянно изобретают и создают цели и средства, стремясь достичь все новых целей по мере того, как обнаруживают, что эти новые цели для них более ценны, чем предыдущие. Раз цели, средства и ресурсы не даны, а постоянно создаются из ничего за счет предпринимательской способности людей, то понятно, что фундаментальная задача этики состоит не в решении вопроса, как справедливо распределить «то, что уже существует», а в поиске наиболее подходящих для людей, с учетом их творческой природы, стимулов. Главный вклад Кирцнера в социальную этику связан именно с тем, что он рассматривает человека как творчески действующего субъекта. Из такого представления о человеке неизбежно следует, что *все люди имеют естественное право на плоды собственного предпринимательского творчества*. И дело не только в том, что в противном случае эти плоды не смогли бы стать стимулом, возбуждающим в людях предпринимательскую бдительность и творческое вдохновение, но и в том, что этот принцип универсален. Его можно распространить на всех людей и на любые обстоятельства.

У этого этического принципа есть и другие важные достоинства. Во-первых, следует подчеркнуть его интуитивную привлекательность: представляется само собой разумеющимся, что тот, кто создал нечто из ничего, имеет право на созданное им, так как при этом никому не наносится

ущерб (созданное не существовало до момента создания; следовательно, его создание никому не вредит и приносит пользу как минимум его создателю, а часто — и многим другим людям). Во-вторых, это универсальный этический принцип, тесно связанный с принципом римского права, трактующим первоначальное приобретение прав собственности на ничейные ресурсы (*ocupatio rei nullius*). Он позволяет разрешить парадоксальную задачу, известную под именем «оговорки Локка». Локк считал, что границы первоначального присвоения ресурсов должны быть установлены таким образом, чтобы другим людям оставалось «достаточное» количество присваиваемого ресурса. Как верно показал Кирцнер — и эта одна из его наиболее оригинальных и плодотворных этических идей, — творческая природа человека преодолевает «оговорку Локка» и лишает ее смысла, поскольку созданное человеческим творчеством не существовало до того, как его создал или обнаружил предприниматель, и, следовательно, присвоение созданного его создателем не может причинить никому вреда. Концепция Локка имеет смысл исключительно в статичной среде, где предполагается, что ресурсы уже существуют (или «даны») в фиксированном и неизменном виде, и задача состоит в их распределении между фиксированным количеством людей.

В-третьих, Кирцнер демонстрирует, что большинство остальных теорий справедливости и в особенности теория справедливости Джона Ролза, основаны на постулировании совершенной информации, а следовательно, статичной среды с заданными ресурсами. Несмотря на то что Ролз учитывает фактор «вуали неведения», он приходит к выводу, что наиболее справедлива такая система, в которой каждый человек, не зная заранее своего места в социальной иерархии, тем не менее может быть уверен в том, что если окажется в самом низу, то получит максимум ресурсов¹⁰. Понятно, что если рассматривать экономику как динамический предпринимательский процесс, то этический принцип должен быть совершенно другим: наиболее справедливо то общество, которое в наибольшей степени стимулирует творческую предпринимательскую энергию всех живущих в нем людей. Для этого каждый человек должен быть априори уверен, что он получит право владеть плодами своего предпринимательского творчества (которых не существует для социума до тех пор, пока их не создадут или не обнаружат конкретные люди) и что у него их не отберут.

В-четвертых, еще одно достоинство концепции Кирцнера состоит в том, что она обнажает аморальную природу социализма, если понимать под социализмом любую систему институциональной агрессии государства против свободной человеческой деятельности, т.е. предпринимательства. Когда людей подвергают принуждению, в них гаснет их естественная и врожденная способность создавать и находить новые цели и средства и стремиться к достижению этих целей. Ограничение предпринимательской деятельности людей со стороны государства уменьшает их творческие возможности; в результате не появляются информация и знание, необходимые для координации социальных процессов. Именно поэтому социализм является интеллектуальной ошибкой. Он не дает людям генерировать информацию, которая необходима органу власти для того, чтобы координировать обще-

ство посредством принудительных приказов. Более того, анализ, проделанный Кирцнером, демонстрирует, что социалистическая система аморальна потому, что она силой препятствует людям владеть и распоряжаться плодами своего предпринимательского творчества. Таким образом, социализм — это не только нечто теоретически неверное и невозможное с экономической точки зрения (т.е. *неэффективное*); это еще и глубоко аморальная система, поскольку она посягает на святая святых человека — его предпринимательскую природу и не дает нам свободно владеть плодами нашего предпринимательского творчества¹¹.

СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ИДЕИ КИРЦНЕРА

Вероятно, то, что социальная доктрина Католической церкви в ее наиболее современной версии во многих отношениях благосклонна к рыночной экономике, в значительной степени объясняется влиянием идей австрийской экономической школы, прежде всего в лице Хайека и Кирцнера, агностика с католическими корнями и глубоко религиозного иудея. Все были поражены, когда католический мыслитель Майкл Новак предал гласности факт встречи и долгой беседы между Папой Иоанном Павлом II и Хайеком незадолго до смерти последнего¹². Позже в книге «Католическая этика и дух капитализма» (*The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism*) Новак указал на большое сходство между концепцией творческой человеческой деятельности, которую сформулировал папа в своей докторской диссертации под названием «Действующее лицо», и кирцнеровской концепцией предпринимательства¹³. Иоанн Павел II развивал эту концепцию в энциклике «Сотый год» (*Centesimus Annus*), где он прямо говорит, что ключевой для общества элемент — это предпринимательская способность, она же творческая человеческая деятельность, или, его словами, «сам человек, т.е. его знания», научные и практические, которые необходимы, «чтобы понимать и удовлетворять потребности других людей». Согласно Иоанну Павлу II, это знание позволяет людям «проявить свои творческие силы, осуществить себя», «познакомиться и связаться с теми, кто оценил бы и использовал их способности», т.е. выйти на рынок и интегрироваться в социум. Он приходит к выводу о том, что «все более явной и насущной становится роль упорядоченного *творческого труда* [я бы предпочел термин «человеческая деятельность»] и, как составляющей его части, — *инициативы и предприимчивости*»¹⁴. Несомненно, энциклика «Сотый год» свидетельствует о том, как модернизировались представления ее автора об экономической науке. В научном отношении она представляет собой огромный шаг вперед, в результате которого значительная часть прошлой социальной доктрины Церкви была отброшена как устаревшая. По своему научному уровню она даже превосходит многое в современной экономической науке, которая в значительной степени погрязла в неоклассическо-кейнсианской парадигме и оказалась неспособна учесть в своих «моделях» динамическую

и творческую природу предпринимательства. Впервые в истории благодаря положительному влиянию австрийской экономической школы социальная доктрина Католической церкви опередила экономический мейнстрим, который до сих пор продолжает игнорировать творческую природу человека и цепляться за статическую модель рынка и социума.

НЕСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Любая книга, какой бы замечательной она ни была, несвободна от недостатков; можно сказать, что мелкие недостатки хорошей книге, как и хорошему человеку, даже к лицу. Я хотел бы завершить эту статью двумя замечаниями по поводу книги Кирцнера о социальной этике

Кирцнер и вопрос о зависимости этических принципов от исторических обстоятельств

Наше первое замечание относится к неоправданной уступке, на которую Кирцнер идет на с. 126—127 и 176—177. Сначала он пишет, что предложенный им принцип справедливости (основанный на том, что предприниматели имеют право собственности на созданные ими блага и услуги) имеет самое большое значение в ситуации с высоким уровнем неравновесия, неопределенности и творческих возможностей¹⁵. После этого он утверждает, что на относительно стабильных рынках и в других исторических обстоятельствах его принцип справедливости может играть менее существенную роль. С нашей точки зрения, предложенный Кирцнером динамический принцип справедливости универсален и действует вне зависимости от особенностей исторической ситуации. Там, где для перераспределения общественного продукта используется институциональное принуждение, проявления творческой способности, источником которой является сама природа человека, в большей или меньшей степени блокируются, а это ограничивает создание новой информации и негативно влияет на координацию социального процесса. Кроме того, с помощью анализа невозможно отличить ситуации, в которых относительно более «стабильный» характер социального процесса якобы позволяет использовать другие критерии, основанные на «социальной», т.е. распределительной справедливости, от ситуаций, в которых относительная социальная стагнация является непосредственным результатом систематической государственной агрессии, к которой приводит использование упомянутых критериев. Кирцнер сам признает, что «чем дольше развивается капитализм, чем более сложным и открытым он становится, тем сильнее и в экономической теории, и в моральной философии капитализма ощущается потребность в концепции предпринимательского открытия»¹⁶. Суть наших разногласий с Кирцнером, таким образом, сводится к тому, что мы считаем, что предложенный им принцип справедливости (основанный на понятии предпринимательства) универсален и не знает

исключений. Этот принцип действует в любых исторических обстоятельствах, где действуют люди, — существа, наделенные врожденной творческой и предпринимательской способностью.

*Теория предпринимательства Кирцнера
и возникновение институтов и моральных норм*

Недавно Израиль Кирцнер опубликовал две странные статьи, где он пишет, что теорию предпринимательства, которой он посвятил столько лет, нельзя непосредственно использовать для доказательства существования стихийного движения, направленного на формирование и совершенствование общественных институтов¹⁷. Главный (и единственный) аргумент, который он приводит в пользу своей идеи, — это наличие в этой сфере гипотетических «внешних эффектов» («экстерналий»), препятствующих материализации существенных для общества институциональных улучшений в виде возможностей извлечения прибыли, которыми могут воспользоваться предприниматели. Согласно Кирцнеру, процесс предпринимательского творчества и открытия не распространяется на сферу институтов, потому что предприниматели не могут присвоить те выгоды, которые возникают в результате их предпринимательской активности в институциональной сфере. В то же время Кирцнер совершенно справедливо отмечает, что в условиях, когда государство силой препятствует разграничению и/или защите прав собственности, проблема так называемых общественных благ не может рассматриваться как дефект, поскольку абсурдно называть «дефектом рынка» неидеальность ситуации, являющуюся результатом несовершенства институтов. Далее Кирцнер пишет — и здесь мы с ним не согласны, — что институциональные недостатки могут возникнуть и сохраняться также в результате наличия проблемы «общественных благ», которая, по Кирцнеру, не дает предпринимателям обнаруживать и приближать необходимые институциональные улучшения (см. выше)¹⁸.

Мы не можем разделить эту парадоксальную и ограничительную позицию, занятую Кирцнером в последнее время в отношении применения его собственной теории предпринимательства к возникновению институтов. Во-первых, мы не считаем, что в динамическом контексте рыночного процесса проблему общественных благ правомерно рассматривать как дефект рынка, поскольку эта проблема представляет собой результат институциональной «неэффективности». С нашей точки зрения, «проблема» общественных благ никогда не является дефектом рынка, так как всегда, когда подобная ситуация (совместное предложение и невозможность исключить «безбилетников») возникает в отсутствие агрессивного государственного вмешательства, это стимулирует активность предпринимателей, которые, стремясь присвоить результаты предпринимательского творчества, изобретают технические, юридические и институциональные способы, необходимые для того, чтобы решить проблему общественного блага. Например, именно это произошло с прериями американского Запада. До тех пор

пока права собственности фермеров и скотоводов не были определены, там возникали многочисленные конфликты и сложности с обеспечением общественной координации. Однако именно это способствовало тому, что предприниматели изобрели и внедрили важное новшество: колючую проволоку, использование которой позволило разграничить права собственности на обширные участки земли за разумные деньги. Это полностью решило проблему данного общественного блага. Другой пример — использование маяков для обеспечения безопасности судоходства. Исторически маяки часто находились в частной собственности. Благодаря предпринимательству изобретено множество технологических и институциональных процедур, которые позволили выявить выгодополучателей и возложить издержки на них (в том числе бойкотирование «безбилетников», создание объединений рыбаков и судовладельцев и т.п.). Нам нет нужды упоминать многие другие технологические инновации (например, кабельное телевидение), которые стали решением проблемы общественных благ, существовавшей до того, как за дело взялись предприниматели. Таким образом, с динамической точки зрения при отсутствии вмешательства государства множество общественных благ под влиянием творческой способности предпринимательства стремятся к состоянию пустого множества.

В сфере общественных (юридических, моральных, экономических и лингвистических) институтов проблемы, возникающие в связи с индивидуальным характером присвоения результатов предпринимательского творчества, являются более сложными и запутанными. Однако это не означает, что их нельзя решить и что в этой сфере не происходит постоянных улучшений. Более того, в отсутствие творческой способности предпринимательства невозможно даже представить себе процесс порождения важнейших институтов общества и процесс их развития и усовершенствования. Именно это имел в виду Менгер, когда писал об эволюционном происхождении социальных институтов и, в частности, денег. Появление денег прекрасно объясняется тем, что первоначально небольшая группа сравнительно прозорливых людей раньше остальных поняла, что им будет проще достичь поставленных целей, если в обмен на блага и услуги они будут просить такие блага, которые легче других реализовать на рынке. Так возникло так называемое средство обмена. В результате (стихийного) процесса обучения такое поведение распространилось на все рынки: средство обмена стало общепринятым и в результате превратилось в деньги¹⁹. Известно также, что языки постоянно развиваются; благодаря творчеству множества людей возникают новые термины, совершенствуются старые, упрощаются и меняются грамматические правила и произносительные нормы и т.д. В результате, если сравнить документы, написанные на одном и том же языке в разные эпохи, мы увидим там важные и очень существенные отличия. Ни одно из них невозможно объяснить без учета предпринимательского творчества и чутья пользователей языка той или иной историческую эпоху.

Наконец, очевидно, что не существует объективного критерия, который позволил бы утверждать, что в контексте динамических социальных про-

цессов, движимых энергией предпринимательства, «рационально» задуманный институт эффективнее института, сформировавшегося в ходе эволюции. Какой язык более совершенен и «эффективен»: эсперанто или английский с испанским? Можно ли сформулировать критерии, позволяющие установить, что метрическая система с точки зрения динамических процессов координации эффективнее всех остальных? Что же касается очень небольшого числа главных принципов права, без которых общественная координация и предпринимательство невозможны, то они таковы: уважение к жизни, уважение к собственности и мирно приобретенному имуществу, исполнение обещаний и договорных обязательств.

Наш тезис, что созданная Кирцнером теория предпринимательства, несмотря на мнение ее автора, является недостающим звеном, которое было необходимо, чтобы создать прочную основу для австрийской теории возникновения и развития социальных институтов, не означает, что работать над «улучшением» ныне существующих социальных институтов невозможно²⁰. Однако эта задача состоит в имманентной «критике», иными словами, в толковании, выправлении логических дефектов и применении принципов, сформированных ходом эволюции, к новым областям и к новым задачам, возникающим вследствие предпринимательского творчества (например, трактовка традиционных принципов договорного права применительно к приватизируемым участкам моря или к суррогатному материнству и т.п.). В итоге, как это ни странно, Кирцнер оказывается недостаточно верен собственным взглядам в том, что касается возможностей использования его теории предпринимательства для анализа возникновения, формирования и усовершенствования социальных институтов.

Заключение

Наши замечания ни в коей мере не умаляют заслуг Кирцнера в области теории предпринимательства и ее использования для развития и обоснования фундамента новой теории социальной этики, способной обойтись без понятия о «социальной», т.е. перераспределительной справедливости, которое представляет собой результат аналитической ошибки — представления о том, что экономика статична, а информация и ресурсы являются данностью. Динамическое представление о рынке позволяет занять определенную этическую позицию и служит сильным аргументом в пользу того, что свободные рынки, движимые энергией предпринимательства, не только эффективнее с динамической точки зрения, но и представляют собой единственно возможные справедливые рынки. Следовательно, у людей, действующих по-предпринимательски и соблюдающих традиционные принципы прав собственности, нет никакого основания испытывать чувство вины, когда они присваивают плоды собственного предпринимательского творчества. Если осознать, каким образом функционирует динамический рыночный процесс предпринимательства, то становится очевидно, что основные принципы социальной справедливости и социальной этики

должны базироваться на праве людей владеть результатами собственного предпринимательского творчества и что из этого логически вытекает добровольное использование творческой предпринимательской энергии и предпринимательского духа для того, чтобы искать людей, попавших в беду, и помогать им.

ГЛАВА 13

ПРОЕКТ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ ИМЕНИ ХАЙЕКА¹

Ф. Хайек, посвятивший всю свою жизнь борьбе за идеи свободы, никогда не забывал, насколько важную роль в деле рыночных реформ играет эффективная и последовательная стратегия. Нам нужно развивать и усовершенствовать идеи Хайека в области практической стратегии, если мы надеемся на воплощение либертарианских идеалов в жизнь. Именно об этом я думал, работая над этой статьей, написанной в честь д-ра Геррита Мейера (Gerrit Meijer).

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине прошлого века теория свободы достигла значительного прогресса. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что по крайней мере в сфере экономической *теории* триумф принципов свободного рынка был полным и окончательным. Всем стало очевидно, что реальный социализм на самом деле теоретически невозможен, как и доказывали в свое время Мизес, Хайек и другие представители австрийской экономической школы². Многие фундаментальные исследования свидетельствуют о том, что интервенционистская экономическая политика, которую проводят страны с так называемой смешанной экономикой, тоже обречена на провал. Кроме того, постоянно появляются работы о том, что так называемое государство всеобщего благосостояния переживает кризис. Таким образом, мы имеем полное право сделать вывод, что в начале нового века победу в теоретической борьбе одержали защитники экономики свободного рынка. Однако в области *практической* реализации либертарианских принципов нам все еще предстоит долгий путь. Несмотря на то что крах реального социализма в Восточной Европе продемонстрировал невозможность коммунизма, а в остальных интервенционистских государствах (которые безосновательно именуют странами с «рыночной экономикой») произошла некоторая либерализация, впереди еще много трудностей, и хотя теория ясно сформулировала конечную цель, приступить к реформам на практике по-прежнему тяжело. В частности, несмотря на то что реформы, направленные на обеспечение свободы рынка, имеют убедительное теоретическое и моральное обоснование, часто приходится слышать, что они «невозможны по политическим причинам». В этой статье мы собираемся развенчать тезис о невозможности либертарианских реформ. С этой целью мы проанализируем стратегию и тактику, которые больше всего подходят для стимулирования и реализации рыночных реформ, а также выясним, какие отношения должны связывать экономистов-либертарианцев с политиками, которые стремятся на практике предпринимать шаги в правильном направлении.

Сначала мы рассмотрим причины, на которые обычно ссылаются, когда говорят о политической невозможности реализации на практике принципов теории свободного рынка; в частности, мы обратимся к историческим примерам из недавнего прошлого, опровергающим этот пессимистический тезис. После этого мы сформулируем ту стратегию, у которой, с нашей точки зрения, больше всего шансов преодолеть барьер «политической невозможности» на теоретическом, этическом и историческом уровне. Мы предложим список того, чем можно и нужно заниматься, чтобы изменить общественное мнение и превратить граждан в сторонников свободного рынка, и остановимся отдельно на той важной роли, которую играют политики вообще и политики-либертарианцы в частности. В заключение мы опишем четыре типа профессиональных политиков, классифицировав их по тому, как они относятся к теории и практике свободы, а также с точки зрения наиболее важных факторов, влияющих на их поведение. Наконец, мы предложим несколько рекомендаций, которые, с нашей точки зрения, пригодятся любому либертарианцу, намеревающемуся заняться политикой.

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ТОГО, ЧТО РАДИКАЛЬНЫЕ РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНЫ

Те, кто утверждает, что либертарианские реформы политически невозможны, тем самым оправдывая сохранение статус-кво, обычно ссылаются на одни и те же обстоятельства. Например, часто приходится слышать, что теоретические аргументы в пользу свободного рынка слишком абстрактны и недоступны для неспециалистов. Ссылаются и на то, что люди не любят перемен, особенно когда они основаны на абстрактных теориях, и требуют первоначальных «жертв», несмотря на то что в средне- и долгосрочной перспективе обещают принести большую пользу. В результате обычно политики продвигают правильные реформы слишком робко и неубедительно: им кажется, что либертарианские аргументы крайне уязвимы для критики, особенно в свете того, что социалистическая оппозиция, многократно доказавшая свою нечистоплотность на деле, не стесняется прибегать к самой откровенной и бесстыдной демагогии.

Такие аргументы, которые обычно высказывают политики, в принципе являющиеся сторонниками свободного рынка, получили теоретическое подкрепление со стороны так называемой школы общественного выбора. Некоторые из исследований этой школы, возглавляемой Джеймсом Бьюкененом, предлагают теоретическое объяснение тех трудностей, с которыми сталкиваются политики, желающие провести разумные реформы. В частности, представители школы общественного выбора говорят об эффекте «рационального невежества». Он проявляется в том, что с учетом крайне невысокой вероятности того, что голос отдельно взятого избирателя способен повлиять на результат выборов, современные демократические системы сознательно и бессознательно побуждают граждан не тратить драгоценное

время на то, чтобы вникнуть в сложные проблемы, которые обсуждаются на политическом уровне, и разобраться в них как следует³. На фоне относительной апатии граждан появляются лоббисты и «группы влияния». Они представляют конкретные интересы и успешно мобилизуют ресурсы для того, чтобы влиять и давить на власти, и в результате получают привилегии за счет «молчаливого большинства», интересы которого никто специально не защищает. Другой обнаруженный школой общественного выбора эффект — это эффект «близорукости правительства». Он связан с тем, что главная задача политиков — добраться до власти и удерживать ее любой ценой. Поэтому, когда они принимают решения, то берут в расчет исключительно краткосрочную перспективу (будущие выборы). В результате они часто жертвуют долгосрочными интересами сограждан ради «краткосрочных политических выгод». Кроме того, школа общественного выбора показала, что бюрократические ведомства всегда неуклонно расширяются и находят веские причины, чтобы оправдать факт своего существования и необходимость своего разрастания. Это происходит потому, что они не зависят от своих «производственных результатов» и не должны отстаивать свое право на существование на рынке, что вынуждена делать любая частная компания. Они финансируются из государственного бюджета, и поэтому их существование зависит от наличия политической поддержки (которую обычно обеспечивает им та или иная группа влияния).

Вопрос о научном потенциале этих идей не является темой данной статьи. Однако очевиден серьезный риск того, что теоретические взгляды школы общественного выбора сеют нигилизм среди тех, кто желал бы приложить усилия к практической реализации реформ, которые вели бы в верном направлении. Школа общественного выбора обосновывает и подтверждает мнение о том, что в области политики существует «порочный круг», из которого очень тяжело вырваться. Она доказывает, что политик в значительной степени вынужден следовать в фарватере общественного мнения, которое в результате совместного воздействия эффекта «рационального невежества» и деятельности привилегированных групп влияния (а также «эффекта близорукости правительства» и склонности бюрократии к неограниченному росту) очень тяжело мобилизовать в правильном направлении. Если к этому прискорбному положению, для которого к тому же имеется убедительное теоретическое объяснение, добавить личный негативный опыт многих политиков, пытавшихся осуществить рыночные реформы, то становится понятно, почему люди с такой легкостью приходят к выводу, что с «политической невозможностью» трудно или даже невозможно бороться.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ ИЗ ИСТОРИИ

Однако имеются исторические примеры, которые свидетельствуют о том, что радикальные реформы можно осуществить даже в очень неблагоприятных обстоятельствах. Если обратиться к послевоенному опыту⁴, то в пер-

вую очередь следует упомянуть о либеральных реформах Людвиг Эрхарда, которые были прямым вызовом интервенционистским «рекомендациям» экономических советников (Гэлбрейта и др.), приданных ему оккупационными властями. Декреты Эрхарда, молниеносно либерализовавшие экономику Германии в 1948 г., породили *Wirtschaftswunder*, «экономическое чудо»⁵.

Спустя тридцать лет в США потрясающие результаты дала «консервативная революция», которую провел за два президентских срока (1980—1988) Рональд Рейган. Он осуществил важную налоговую реформу, снизив максимальную ставку подоходного налога до 28%, и в значительной степени демонтировал государственное регулирование экономики, урезав роль федерального правительства. Это привело к экономическому подъему, который выразился в создании 12 млн новых рабочих мест⁶.

В Европе можно привести в пример консервативную революцию, которую совершила в Великобритании Маргарет Тэтчер. За 12 лет она осуществила самую масштабную в истории программу приватизации национализированных корпораций. Тэтчер продала миллионы принадлежавших муниципалитетам домов их арендаторам, превратив широкие круги общества в частных собственников. Она, как и Рейган, провела глубокую налоговую реформу, снизив максимальную ставку подоходного налога до 40%, и начала программу морального возрождения, которая стала серьезным импульсом для экономики страны, серьезно пострадавшей от десятилетий политики государственного вмешательства, которую проводили после войны не только лейбористские кабинеты, но и правительства консерваторов, ввапшие в стратегическую ошибку «прагматизма»⁷.

Наконец, мы должны упомянуть о крахе реального социализма в странах Восточной Европы, который последовал в результате серии преимущественно бескровных революций, пронесшихся по региону, начиная с 1989 г., к изумлению западного мира и его ведущих политиков и интеллектуалов. Со временем по достоинству будут оценены и реформы, осуществленные в Латинской Америке, особенно в Чили, Аргентине, Мексике Боливии, Перу и Эквадоре, политиками-популистами, которые тем не менее оказались способны сделать шаги в правильном направлении⁸.

Очевидно, что, несмотря на все соблазны нигилизма, эти и другие исторические примеры показывают, что даже в самых неблагоприятных обстоятельствах зачатие «политической невозможности», на которое якобы неизбежно наталкиваются попытки проведения рыночных реформ, можно преодолеть. Теперь перейдем к описанию стратегий и мер, способных превратить то, что сегодня кажется очень сложным или даже невозможным в силу политических соображений, в нечто вполне реальное.

ТРИ УРОВНЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ

Я уже высказывал ранее мысль о том, что существует три уровня подхода к любой политической, экономической и социальной ситуации: теорети-

ческий, исторический и этический⁹. Соответственно социальные явления можно и нужно анализировать и интерпретировать на всех трех уровнях.

Исходя из этой модели легко понять, что неверная политика всегда формируется в результате сочетания факторов, относящихся к этим трем уровням. За любой вредной для общества политикой обычно скрываются серьезные научные ошибки и заблуждения на строго *теоретическом* уровне. Для оправдания вредной интервенционистской политики постоянно используются неверные теории. Часто такие теории появляются случайно, сами собой, а в дальнейшем на основе их теоретических и методологических ошибок формируется политический курс. Однако чаще неверные теории конструируются *ad hoc*, чтобы оправдать те или иные политические меры после того, как решения уже приняты¹⁰.

На *историческом* уровне — иными словами, на уровне бытовом и практическом — одним из важнейших факторов, порождающих ошибочную политику, является вмешательство групп влияния или привилегированных лоббистов, которые получают выгоду от ошибок. Следовательно, к ошибочным теоретическим основам нужно добавить еще одну причину ошибочной политики — наличие людей или социальных групп, получающих особые привилегии в результате ошибочных политических решений.

Наконец, на *этическом* уровне нужно отметить, что неверная политика, порожденная теоретическими ошибками и вредной поддержкой со стороны привилегированных групп влияния, становится практически неизбежной, если моральные принципы социума — т.е. те нормы поведения, которым подчиняется большинство его членов, — переживают кризис. Иными словами, последним бастионом общества, в котором имеются теоретические ошибки и существуют привилегированные группы влияния, становится способность его лидеров и граждан придерживаться определенных моральных норм поведения. Если этот последний бастион падет, то общество падет жертвой политических демагогов, опасных интервенционистов, которые всегда найдут теоретическое обоснование своим действиям, а также поддержку у той или иной группы привилегированных лоббистов.

Эти соображения позволяют нам перейти к анализу стратегии, необходимой, чтобы превратить то, что сегодня кажется невозможным, в то, что в будущем должно стать политической реальностью. Я имею в виду отказ от интервенционистской политики и переход к политическому курсу, который в большей степени сочетается с идеалами свободного рынка. Мы предлагаем конкретные меры и действия, которые следует предпринять на каждом из трех уровней (теоретическом, историческом и этическом), чтобы выйти из порочного круга политической невозможности, из-за которого либертарианские по содержанию реформы сегодня кажутся неосуществимыми.

ДЕЙСТВИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОЛЕ

В битве за свободу роль чистого теоретика очень велика. Превыше всего для него должно быть стремление к научной истине. В борьбе за выход из

порочного круга политической невозможности чистый теоретик в долгосрочной перспективе играет главную роль. Нет сомнений, что миром движут идеи и что так или иначе их импульс всегда доходит до социума и оставляет на нем отпечаток.

Кроме того, основные успехи за последнее время были достигнуты именно в сфере теории либертарианства. Сегодня можно смело утверждать, что в ней была одержана полная победа над теориями, которые использовались для обоснования социализма и интервенционизма. Достаточно упомянуть хотя бы о том, что теорема невозможности социализма, доказанная в свое время австрийской экономической школой (Мизесом и Хайеком), после нескольких десятилетий ожесточенных споров в наши дни получила практическое подтверждение: и в лице краха реального социализма в Восточной Европе, и в виде безнадежного на первый взгляд кризиса, в котором пребывает западная модель интервенционистского государства, более известная под названием «государства всеобщего благосостояния»¹¹.

На теоретическом уровне, вероятно, самое важное — продолжать поиск научной истины, не идя ни на какие уступки ради краткосрочной выгоды и политического влияния. Хайек писал об этом: «Я не думаю, что работа политика совместима с работой ученого, исследующего общество. Наоборот, мне кажется, что для того, чтобы стать успешным политиком и настоящим политическим лидером, человеку, можно сказать, необходимо не иметь оригинальных социальных идей. Политик должен просто выражать мнение большинства... Я думаю, что [экономист] не должен связывать себя с конкретной политической партией и даже посвящать себя какому-нибудь одному благородному делу. Это не только сказывается на трезвости его суждений, но и влияние в обществе, которое он приобретает таким образом, практически всегда покупается ценой интеллектуальной независимости. Желание добиться конкретной цели или сохранить влияние на конкретную группу неизбежно будет мешать экономисту высказывать непопулярные идеи — а именно в этом состоит его профессиональный долг — и заставит его пойти на компромисс с «господствующими мнениями», в том числе с такими, которые не выдерживают серьезной научной критики»¹².

Таким образом, Хайек предостерегал нас от ошибки, которую иногда совершают уважаемые либертарианцы чикагской школы, когда в своих работах выдают «компромиссные решения» за научные выводы. Я имею в виду многие из их практических рекомендаций, в частности идею поддержания постоянных темпов роста денежной массы, плавающие валютные курсы, «отрицательный подоходный налог», образовательные ваучеры, иммиграционную реформу и др. Все эти идеи вызвали бурную дискуссию и в научном сообществе, и в широких кругах. То, что предлагая все эти решения, чикагцы не упоминали о своих конечных теоретических целях и не объясняли, что речь идет в значительной степени о политически приемлемых компромиссах, сильно подорвало их репутацию как теоретиков свободы¹³. Вследствие этого ведущая роль в теоретической защите принципов свободного рынка постепенно перешла к австрийской школе, которая придерживается гораздо более фундаментальной теории свободы

и гораздо меньше концентрируется на поиске краткосрочных политических «решений».

Чтобы избежать этих и других рисков, на теоретическом уровне разумнее всего придерживаться стратегии, которую мы, вслед за Уильямом Хаттом, будем называть *двойной стратегией*¹⁴. Суть ее в следующем. С одной стороны, следует исследовать ключевые принципы теории свободного рынка и связанные с ними эффекты, чтобы определить конечные долгосрочные цели и их ключевые теоретические последствия, не становясь заранее на ту или иную сторону. В тоже время в краткосрочной перспективе можно и нужно сформулировать политику, которая приблизит нас к этим целям, ни в коем случае не забывая о том, что она не должна *противоречить* им.

Следует избегать так называемых компромиссных решений, которые отдаляют конечные, заранее поставленные цели или вводят граждан в заблуждение относительно этих конечных целей и последствий их реализации. Только такая стратегия способна в средне- и долгосрочной перспективе обеспечить достижение тех политических целей, которые сегодня кажутся трудноосуществимыми.

Таким образом, *двойная стратегия*, которую должны разработать все либертарианские теоретики совместно, должна учитывать следующее:

1. Необходимость упорного и глубокого исследования теоретических принципов и конечных результатов, к которым они приводят, без каких-либо уступок, продиктованных текущим политическим спросом.
2. Деятельность, описанную в п. 1, нельзя прекращать никогда; нужно постоянно просвещать граждан, знакомя их с нашими главными теоретическими принципами и конечными целями.
3. Не забывая о конечных целях и о том, что с этим связано, и не прекращая просветительской работы, нужно в то же время работать над теоретическим обоснованием *возможных вариантов переходных процессов*, не нарушающих наши базовые теоретические принципы и ведущих в правильном направлении.
4. Если от решения текущей политической проблемы невозможно отказаться, предлагаемые рекомендации всегда должны находиться в гармонии с базовыми принципами (их воплощение не должно приводить к отдалению от конечных целей). Более того, в таких случаях нужно всегда объяснять гражданам, что речь идет о краткосрочной уступке и о временном решении, обусловленным политическими обстоятельствами, а не теоретическими принципами, логически и неизбежно вытекающими из либертарианской идеологии.

В сфере теории самая большая опасность, с которой обязательно сталкивается любой стратег свободного рынка, это опасность скатиться в *политический прагматизм* и под грузом усталости, охватывающей любого, кто вынужден принимать краткосрочные политические решения, забыть о конечных целях, убаюкивая себя тем, что они якобы политически недостижимы. Ее можно избежать только если строго придерживаться сформулированных выше принципов. *Прагматизм* — самый страшный порок либертарианцев, и в прошлом он уже нанес ужасный вред либертариан-

ской идеологии. Прагматизм систематически приводил либертарианцев к выработке и одобрению политических решений, направленных на то, чтобы добиться власти или удержать ее, несмотря на то, что часто эти решения противоречили конечным целям либертарианцев (их реализация не приближала к ним, а наоборот). Обсуждение исключительно политических мер, осуществимых в краткосрочной перспективе, а также то, что конечные цели отошли на второй план или даже были совсем забыты, часто препятствовало глубокому изучению теоретических принципов и тактики их распространения. Все это приводило к тому, что идеология свободного рынка размывалась и часто оказывалась неотличимой от других программ, точек зрения и идеологий.

К счастью, сейчас обстоятельства изменились, и либертарианские теории снова перешли в наступление. Они изучают фундаментальнейшие теоретические принципы и делятся добытым знанием с людьми. Это привело к возрождению идей рыночной экономики и либертарианства во всем мире.

ДЕЙСТВИЯ В ЭТИЧЕСКОМ ПОЛЕ

До сих стратегии, направленные на защиту и пропаганду либертарианства вообще и экономики свободного рынка в частности, забывали об этическом поле. Корни этой прискорбной ошибки нужно искать в узкой, «сциентистской» концепции экономической науки. Сторонники этой концепции пытались развивать нашу науку, используя методологию и процедуры, работающие в физике и других естественных науках. Поэтому неоклассические модели, которые доминировали в экономической науке вплоть до наших дней, базируются на редукционистском представлении о человеческой рациональности, которое исходит из модели замкнутой среды с неизменными целями и средствами (иными словами, из постулирования совершенной информации — в абсолютных либо относительных терминах), где люди принимают решения *ad hoc* с целью условной максимизации. С точки зрения этого подхода людям необязательно следовать каким-либо моральным нормам, потому что верное решение в каждом конкретном случае принимается исключительно на основании критерия максимизации заранее заданных целей с использованием средств, которые тоже рассматриваются как данность и по определению считаются доступными принимающему решению лицу (а поскольку принятое решение выражается в виде математической формулы, оно еще и выглядит очень научно). Эту сциентистскую концепцию экономической науки неустанно развивает большая часть либертарианцев неоклассической школы. Однако их аргументы в защиту рынка апеллируют исключительно к узко понимаемой утилитаристской эффективности, что дает мощное теоретическое оружие в руки сторонников государственного вмешательства и даже социализма. На самом деле, если исходить из того, что информация дана, а действия людей обусловлены критерием максимизации в узком смысле, то практически невозможно удержаться от следующего теоретического шага и прийти к заключению,

что такую информацию и такие критерии может с максимальной эффективностью использовать правительство или государственный плановый орган, чтобы «правильным образом» организовать общество в целом или отдельные его сферы посредством принудительных приказов¹⁵.

Этой редукционистской экономической концепции Хайек и его последователи из австрийской школы противопоставили тезис о том, что ни действующий человек, ни ученые, ни члены правительства, ни чиновники госплана не способны добыть ту информацию, которую неоклассики а своих моделях считают данной. Причина — в *творческой предпринимательской энергии людей*, благодаря которой они непрерывно отыскивают новые цели, средства и возможности извлечения прибыли. Таким образом, следует отказаться от редукционистского и статичного неоклассического понятия «рациональности», которое в зародыше душиет творческие порывы людей¹⁶.

Кроме того, поскольку критерии максимизации в узком смысле неспособны стать единственным ориентиром для человеческой деятельности, их деятельность неизбежно развивается в рамках юридических и моральных норм, эволюционирующих в ходе многочисленных процессов человеческого взаимодействия, из которых и состоит история человечества. Люди не в состоянии намеренно создавать эти этические и правовые институты, воплощающих в себе столько разнообразной информации, что это превосходит понимание отдельно взятого человека, а также его аналитические способности и способности к предвидению событий. Тем не менее эти юридические, моральные, экономические и лингвистические институты имеют ключевое значение для эволюции жизни в обществе и, следовательно, для развития цивилизации. Все эти идеи, доведенные до совершенства Хайеком и другими теоретиками австрийской школы, в основном в ходе дискуссии о теоретической невозможности социализма, в которой они участвовали на протяжении прошлого века, свидетельствуют, что рынок и экономическую свободу нужно отстаивать не только по причинам «динамической эффективности»¹⁷ (иными словами, потому, что они способствуют проявлению творческой способности людей и, соответственно, более эффективной координации), но и прежде всего потому, что капитализм с этической точки зрения представляет собой единственно моральную экономическую систему¹⁸.

Кризис, который переживала этика в XX в., стал результатом типичного для преувеличенного сциентизма обожествления разума. В рамках этого подхода считается, что любой человек может и имеет право принимать решения *ad hoc* на основании своих субъективных импульсов, руководствуясь исключительно критериями условной максимизации, и не нуждается в каких бы то ни было предустановленных нормах морали. Эта ложная сциентистская концепция, которую столь резко критиковал Хайек, стала одним из базовых экономических оснований социализма. Действительно, вполне правомерно определение социализма как экономической системы, в которой правительство координирует гражданское общество посредством приказов, не нуждаясь ни в каких догматических моральных принципах, поскольку предполагается, что оно располагает информацией, позволяю-

щей принимать любые решения на основании расчета прибылей и убытков. Когда Мизес и Хайек теоретически доказали¹⁹, что действовать таким образом невозможно, в первую очередь из-за отсутствия информации, они вернули забытым политиками, учеными и значительной частью общества этическим принципам традиционной морали их ведущую роль в рыночной экономике. Среди этих принципов следует подчеркнуть право человека на владение плодами своего предпринимательского творчества; личную ответственность, или учет человеком издержек, связанных с его действиями; понимание, что «солидарность», навязанная силой, аморальна, поскольку в этом случае утрачивается ее главный этический компонент, который может существовать лишь при условии свободы и добровольности; а также понимание того, что агрессия государства, направленная на достижение конкретных целей в социальной сфере, аморальна, поскольку противоречит человеческой природе, а также принципам уважения к свободе человеческой деятельности индивида и равенства перед законом, обеспечивающим подлинное верховенство права. Для политического успеха либертарианских реформ необходимо защитить мораль и этику рыночной экономики. Нужно положить конец той монополии на «моральные» аргументы, которая сегодня принадлежит (правым и левым) политикам-интервенционистам и обусловлена в основном отсутствием этических критериев, данью узкому утилитаристскому рационализму неоклассической экономической школы. Одним из самых последних важных открытий в области теории свободы стало то, что для обоснования идеи рыночной экономики *недостаточно* чисто консеквенциалистского анализа затрат и выгод с точки зрения сугубо утилитаристской эффективности, которым до сих пор занималась экономическая наука. Таким образом, разработка этического фундамента теории свободы необходима по следующим основным причинам: 1) в силу крушения «социальной инженерии» и, в частности, консеквенциализма, который стал следствием господствовавшей в экономической науке вплоть до нашего времени неоклассической вальрасианской парадигмы; 2) из-за того, что теоретического анализа рыночных процессов, осуществленного австрийской школой на базе теории предпринимательства и понятия динамической эффективности, недостаточно для обоснования необходимости рыночной экономики, особенно с учетом наличия привилегированных групп интересов, которые всегда присваивают себе краткосрочные выгоды от насильственного вмешательства государства в экономику, и чьи временные предпочтения в пользу *текущих* достигающихся им субсидий, привилегий и преимуществ превышают их субъективную оценку будущих негативных последствий тех интервенционистских действий, плоды которых они присваивают сейчас²⁰; 3) прежде всего потому, что с точки зрения стратегии люди выступают за реформы в первую очередь в силу моральных соображений и готовы идти на большие жертвы ради того, что считают правильным, тогда как обеспечить поддержку реформ на базе критерия эффективности в узком смысле, т.е. холодных расчетов затрат и выгод, к тому же сомнительных в научном отношении, вряд ли возможно. С учетом всего сказанного мы должны сделать вывод, что рыночная реформа может быть

успешной в долгосрочной перспективе только тогда, когда ее инициаторы смогут убедить сограждан не только в том, что рыночная экономика эффективнее остальных, но и прежде всего в том, что это единственная экономическая система, не противоречащая нормам морали, тогда как государственный интервенционизм и деятельность поддерживающих его групп влияния глубоко аморальны.

ДЕЙСТВИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Третий и последний уровень, на котором нужно действовать, чтобы выйти из порочного круга политически невозможного, это уровень практики, уровень обычной жизни, который мы будем называть «историческим уровнем». Понятно, что политические решения всегда зависят от общественного мнения и от того, каким образом оно влияет на политические процессы²¹. Общественное мнение является продуктом идеологий, верований и принципов, часто ложных и противоречивых; они медленно распространяются по социуму посредством сети *идеологических посредников*, которых Хайек называл *торговцами поддержанными идеями*. Среди них можно выделить тех, кого обычно называют «интеллектуалами»: писателей²², историков, сценаристов, а также профессиональных распространителей чужих идей, которые каждый день сообщают нам актуальные новости и интерпретируют их (т.е. журналистов).

Главная и наиболее актуальная задача на бытовом уровне состоит в том, чтобы изменить общественное мнение и предложить ему теорию и этику, согласующиеся с либеральными принципами. Для этого необходимы последовательность и упорство. В первую очередь нужно просветить «интеллектуалов» и распространителей чужих идей и привлечь их в ряды сторонников дела свободы, а также этики свободы и теории свободы, выработанных на тех уровнях, о которых мы говорили выше. После этого либертарианский идеал начнет распространяться в социуме благодаря трудам «армии» распространителей (журналистов) и интеллектуалов, которые будут примерять к ежедневной практике принципы фундаментальной теории свободы.

Какие конкретно действия могут и должны быть предприняты в этой сфере? Мы не стремимся составить полный список, а хотим лишь предложить несколько примеров (имеется в виду упорная и неустанная повседневная деятельность, а не разовые мероприятия):

1. Образование и просвещение: университетские семинары, лекции, конференции, конгрессы и другие мероприятия, во время которых интеллектуалы и распространители смогут получить информацию о теоретическом фундаменте рыночной экономики и главных аргументах в ее защиту из первых рук. На этих встречах будет также происходить обмен мнениями и выработка новых форм работы с гражданами по разъяснению им либертарианских принципов.
2. Издание и распространение книг, брошюр и других текстов, имеющих отношение к либертарианской идеологии. Здесь следует упомянуть об

усилиях нескольких издательств, которые занимаются изданием важнейших работ классиков либертарианской теории. Имеется также множество институтов, бизнес-ассоциаций, фондов и т.п., которые в большей или меньшей степени поддерживают прикладные исследования, связанные с использованием теории свободного рынка для решения актуальных общественных проблем.

3. Деятельность в области СМИ, в том числе издание журналов и научных вестников, посвященных исследованию и практическому применению идей свободного рынка; привлечение авторитетных СМИ на сторону экономики свободного рынка; установление и поддержание отношений с журналистами, особенно с теми, кто симпатизирует либертарианским идеям; наконец, проникновение на радио и телевидение, т.е. в массовые электронные СМИ, которые сейчас оказывают на публику наибольшее влияние.
4. Создание либертарианских исследовательских институтов и экспертных центров; иными словами, воспроизведение доказавшей свою эффективность методики создания, поощрения и развития институтов и фондов свободного рынка, занимающихся анализом социальных проблем с либертарианской точки зрения, а также выделением стипендий и исследовательских грантов на изучение, разработку и дизайн конкретных политических мер, направленных на реализацию либертарианских реформ²³.
5. Наконец, необходима координация всех этих действий на *международном* уровне. Опыт показывает, что обмен опытом между институтами разных стран и помощь друг другу теоретиков и распространителей либертарианских идей во всем мире приносит огромную пользу. Ведущую роль в этом играет Общество Мон-Пелерен, созданное Хайеком после Второй мировой войны. Сегодня в нем состоит 400 членов, в том числе семеро лауреатов Нобелевской премии по экономике²⁴. Важное значение для создания институтов в Латинской Америке, Азии и Восточной Европе и распространения либертарианства в странах, которые до недавних пор были закрыты для всего, кроме марксизма и мирового социализма, имеет деятельность исследовательского фонда «Атлант», созданного Энтони Фишером. Наконец, нельзя не упомянуть о работе по организации научных семинаров и об издательской деятельности, которую ведут на международном уровне Фонд Свободы, Институт гуманитарных исследований, Институт Катона, Институт Людвиг фон Мизеса и многие другие организации.

Разумеется, вся эта деятельность должна вестись исходя из принципа специализации и разделения труда. Отдельно взятый человек или институт не может и не должен заниматься всем одновременно. Наоборот, необходимо заниматься разными видами деятельности профессионально, не забывая, однако, о том, что успеху каждой отдельно взятой инициативы способствуют разумная координация и функциональная организация. Шаг за шагом, постоянные и совместные действия во всех этих областях смогут

не только разъяснить гражданам ошибки интервенционизма, его глубокую аморальность и эгоизм привилегированных групп влияния, использующих в своих интересах кратковременные выгоды, создаваемые механизмами политической власти, но и разрушить интервенционистский идеологический *истеблишмент* и создать ситуацию, когда симпатии общественного мнения к свободному рынку и либертарианству будут медленно, но неумолимо расти до тех пор, пока не станут господствующими с социальной и политической точки зрения.

РОЛЬ ПОЛИТИКА В ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ РЕФОРМЕ

Обычно считается, что хороший политик — это тот, у кого хорошие отношения с избирателями; как следствие этого обычно политики лишь *следуют в фарватере* общественного мнения. Согласно этой точке зрения политик — лишь рупор породившего его социума, и в этом есть большая доля правды²⁵. Например, президентские программы Голдуотера и Рейгана, двух сторонников свободного рынка, были очень похожи. Но Голдуотер проиграл выборы, потому что в 1964 г. американское общество находилось под обаянием мифа государства всеобщего благосостояния, а Рейган был два раза избран президентом (первый раз — в 1980 г.) с подавляющим преимуществом, главным образом потому, что симпатии американского общественного мнения резко сместились в сторону моральных и теоретических принципов капиталистической системы. Следовательно, поскольку политики всего лишь снимают сливки с настроений общества, особое значение приобретает работа с интеллектуалами и с теми, кто распространяет в обществе идеи, в соответствии с данными в предыдущем разделе рекомендациям, так как в конечном счете именно они могут изменить общественное мнение, за которыми склонны следовать политики, в правильном направлении.

Однако то, что политик просто следует в фарватере общественного мнения, это *не вся* правда. На самом деле политики, несмотря на очевидные ограничения, которые накладывают на них среда и общественное мнение, часто обладают значительным *пространством для маневра* и имеют возможность не только проводить назревшие реформы, но и создавать благоприятный для реформ общественный климат. Нам кажется, что эту мысль очень удачно выразил испанский политик XIX в. Кановас дель Кастильо в своем ставшем классическим определении политической деятельности: «Политика — это искусство воплотить в жизнь идеал в той степени, в какой это возможно при данных исторических обстоятельствах»²⁶. В этом определении говорится о том, что нужно пытаться воплотить идеалы в жизнь по максимуму; из этого вытекает, что политическая активность либертарианцев должна быть наступательной. Тэтчер и Рейган, в 1980-х годах совершившие либертарианско-консервативные революции в Великобритании и США, и президент Аргентины Карлос Менем, который, одержав победу на выборах благодаря популизму, провел глубокие рыночные реформы, глубоко трансформировавшие политическую, общественную и экономи-

ческую структуру страны, представляют собой яркие образцы того, чего могут достичь харизматические политики, если они — в силу убеждений или в результате стечения обстоятельств — решают провести реформы в духе идеалов свободного рынка.

В силу всего этого очень важно, чтобы среди наших государственных деятелей было максимальное количество «профессиональных политиков» с либертарианскими взглядами и идеалами. Они должны знать принципы теории свободного рынка, а также понимать основные последствия рыночных реформ и главные аргументы в их поддержку, чтобы иметь возможность излагать либертарианские идеи в виде, понятном и привлекательном для большинства граждан. Невозможно переоценить роль политиков в деле объяснения этих принципов людям; благодаря им либертарианский проект сможет пробудить энтузиазм в массах. В этом отношении очень полезно разделить профессиональных политиков на четыре крупных группы:

1. Политики-*прагматики*. Они незнакомы с принципами свободного рынка и с тем, что из них вытекает. Они не знают и не хотят ничего знать о либертарианской идеологии, поскольку их интересуют исключительно достижение и удержание политической власти, а их личных способностей для этого достаточно. К сожалению, это наиболее распространенный тип профессиональных политиков, в основном юристов, преподавателей, интеллектуалов и журналистов, главным политическим талантом которых является умение распространять беспочвенные идеи²⁷.
2. Политики, которые, несмотря на свой прагматизм, *кое-что знают* об основных принципах и идеях теории свободного рынка: они относительно правильно представляют себе способ функционирования процессов социального взаимодействия благодаря политическому чутью, знаниям, полученным в юности, и практическому опыту пребывания у власти. В результате они осознают, какой ущерб наносят обществу, когда принимают интервенционистские политические меры, хотя, с учетом их беспринципности и высокой степени прагматизма, наивно надеяться на то, что они испытывают хоть какое-то чувство вины за вредные последствия тех интервенционистских мер, которым они обеспечивают политическую поддержку.
3. Политики, которые хорошо знакомы с идеями свободного рынка и хоть как-то пытаются развернуть свою политическую деятельность в *верном направлении*: они придерживаются либертарианской идеологии и стараются, как могут, уменьшить вред, который приносит их деятельность; с другой стороны, в большинстве случаев они опускают руки, столкнувшись с серьезными трудностями и практическими ограничениями, и мало что делают для дела либертарианских реформ²⁸.
4. Политики, которые знакомы с либертарианской теорией и способны воздействовать на политические события в правильном направлении. Их отличает способность оптимистически *излагать* либертарианские идеи и заражать ими *массы* избирателей, способность *убедить* сограждан в необходимости реформ и способность *получить поддержку* большинства электората. В эту последнюю группу входит небольшое чис-

ло «политиков-исключений». Странам, в истории которых случились политики такого типа, крупно повезло. Наиболее яркие примеры (не на сто процентов, но в основном) — Эрхард, Рейган, Тэтчер и Вацлав Клаус. Эти политики успешно осуществили важные рыночные реформы. Кроме того, были и такие политики, которые пытались сделать это, но у них не получилось; в частности, Варгас Льюса в Перу и Антонио Мартино в Италии. Все эти люди должны служить примером тем профессиональным политикам, которые стремятся достичь успеха в реализации идей свободного рынка²⁹.

Очевидно, что просвещение и привлечение на свою сторону возможно большего числа максимально одаренных будущих политиков (расширение групп 3 и 4), должны стать для либертарианцев одними из приоритетов. Чтобы достичь этой большой цели, можно использовать самые разные инструменты и способы действий, и в первую очередь либертарианские институты, которые должны сыграть главную роль в деле соединения принципов либертарианской теории и этики с их практической реализацией в виде реальных политических мер, ведущих в правильном направлении, ясно выраженных в политическом аспекте и вызывающих симпатию у широких кругов населения. Эти реформы должны быть такими, чтобы стать необратимыми, иначе говоря, от них должны выигрывать широкие слои граждан. Когда граждане увидят, какую пользу принесли реформы лично им, они станут стойкими приверженцами идеалов свободного рынка³⁰. Поэтому нам совершенно необходимо сосредоточиться на том, чтобы обеспечить необратимый характер либертарианских реформ.

НАСКОЛЬКО ДОПУСТИМА ЛОЖЬ В ПОЛИТИКЕ?

Несмотря на все сказанное выше, не нужно обманывать себя: политики сильно ограничены в своих действиях, и часто у них почти нет пространства для маневра. Более того, практическая политика связана с таким количеством сложностей, что все смирились с тем, что типичное для политика качество — это способность обманывать избирателей и лгать им. Можно ли обойтись без этого? Где расположены те границы, которые, с нашей точки зрения, политик не имеет права преступать?

Несмотря на то что политик-либертарианец сталкивается с многочисленными трудностями и ограничениями, он не должен забывать, что его долг — следовать *двойной стратегии*, о которой мы говорили выше. Соответственно политик-либертарианец никогда не должен забывать о точке отсчета (о конечных целях и их главных теоретических и этических последствиях). В крайнем случае он может приспособливаться к сложностям и опасностям текущего момента. В силу этого допустимо в некоторых случаях *умалчивать* о некоторых реформах, которые этот политик собирается провести, если позволят обстоятельства, и даже о некоторых последствиях принятых им политических решений. Допустима и некоторая сознательная *двусмысленность*, особенно во время избирательной компа-

нии, чтобы избежать дискуссии по вопросам, которые, в силу их сложности, очень трудно разъяснить общественности, а также чтобы не превращаться в удобную мишень для демагогов из конкурирующих партий. Наконец, политик-либертарианец должен уметь «говорить правду вовремя» и быть не чужд *здоровой демагогии*, когда он отстаивает популярные (и при этом несомненно либертарианские) меры, например снижение налогов и отмену призыва в армию³¹.

Однако есть вещи, которые политик-либертарианец не должен себе позволять: 1) он не должен сознательно лгать людям и дезинформировать их относительно того, что он собирается сделать; 2) он не должен соглашаться на такие изменения его программы, которые искажают идеи свободного рынка; 3) он не должен — и это самое главное — предпринимать шаги, которые ведут в неправильном направлении и отдаляют общество от либертарианского идеала, иначе говоря, он не должен предавать базовых этических и теоретических принципов либертарианской идеологии.

В пределах этих ограничений допустима даже «ленинистская» стратегия³², если это делается ради того, чтобы получить поддержку, необходимую для проведения либертарианских реформ; в каждом конкретном случае для этого могут понадобиться разные союзники среди социальных групп и институтов. Мы уже говорили о том, что рыночные реформы важно провести таким образом, чтобы обеспечить их необратимость. Таким образом, наша либертарианская стратегия должна быть всегда направлена на завоевание массовой поддержки и на ослабление наших противников, интервенционистов. Что касается масштабов и глубины либертарианских реформ, то здесь лучше переусердствовать, чем проявить излишнюю осторожность. Нет ничего более достойного сожаления, чем политик, который, как часто бывает, приходит к власти с программой рыночных реформ, получившей поддержку большинства избирателей, но при первых трудностях сдаётся и не оправдывает ожиданий, либо в силу того, что его собственные убеждения не слишком тверды, либо потому, что не осмеливается идти на решительные меры; в результате от его репутации ничего не остается и, что самое неприятное, его провал отражается на репутации либертарианских идей³³.

Несмотря на все сказанное, в жизни политический результат зависит от конкретных исторических обстоятельств, по поводу которых теоретизировать бессмысленно. Тем не менее можно сформулировать основные правила, чтобы дать политикам возможность представлять, как они должны действовать в отношении общественного мнения. Так, можно утверждать, что при прочих равных политик-либертарианец может позволить себе более радикальные высказывания и шаги тогда, когда имеет дело с образованным обществом. Наоборот, чем невежественнее общество, тем труднее политику донести либертарианские идеи до избирателя. Другое правило: чем нестабильнее ситуация в обществе, тем радикальнее может быть политическая программа. В ситуации реального социального кризиса граждане проявляют большую готовность идти на жертвы и поддерживать *шоковые меры*³⁴. Далее, чем больше (при прочих равных) среди профессиональных политиков представителей групп 3 и 4 (т.е. тех, кто хорошо знаком с либертариан-

ской идеологией и способен донести ее до людей), тем более радикальную политическую программу они могут предлагать избирателям. Соответственно менее просвещенные профессиональные политики (представители групп 1 и 2) неспособны корректно выразить и убедительно отстаивать либертарианские идеи, поскольку не обладают необходимыми теоретическими и этическими знаниями. Наконец, чем больше политик, участвующий в выборах, уверен в своей победе за счет сопутствующих обстоятельств, тем меньше у него необходимость прибегать к радикальным либертарианским лозунгам. И наоборот, если его шансы на победу невелики, он должен пользоваться избирательной кампанией для радикальной критики интервенционистского статус-кво.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы дадим несколько рекомендаций тем либертарианским политикам, для кого подготовка, продвижение и реализация масштабной программы либерализации экономики и общества значат больше, чем стремление любыми средствами добиться власти и удержать ее.

Мы хотим еще раз подчеркнуть, что переборщить всегда лучше, чем пойти на ненужные уступки. Иными словами, политик должен выдвигать такую программу, которая кажется слишком радикальной даже его товарищам по партии, не говоря об остальных гражданах. Это единственный способ выяснить, относится ли этот политик на самом деле к группе 4, иными словами, способен ли он увлечь избирателей идеями либертарианских реформ и превратить их в своих сторонников. В худшем случае он потерпит поражение внутри собственной партии и будет вынужден уступить место более прагматичным коллегам. Однако именно способность заразить своими идеями товарищей по партии и является доказательством того, что у политика есть электоральный потенциал. Если у него это не получается, лучше, вероятно уступить место другим, менее принципиальным профессиональным политикам (представителям групп 3 и 2) и, вместо того чтобы напрасно тратить силы на политику, посвятить себя иной, не менее (а может быть, и более) полезной в долгосрочной перспективе общественной деятельности по развитию и распространению либертарианства.

Поступив таким образом, убежденный либертарианец не будет зря надрываться, расходуя энергию на деятельность, которая, в силу особенностей исторического момента, не дает ему быть верным своим идеалам, а кроме того, вполне под силу другим, менее идейным политикам. Однако имеет смысл всегда «держат в резерве» некоторое количество политиков-либертарианцев на случай, если обстоятельства изменятся и они получат возможность взять на себя политическую ответственность в ситуации, когда они смогут реализовать свою программу либертарианских реформ, не сталкиваясь с лишними помехами внутри собственной партии³⁵.

Таким образом, степень участия в политике убежденных либертарианцев зависит от того, какие политические возможности есть у них в данный ис-

торический момент. Чем меньше их, тем сложнее политику-либертарианцу будет действовать, и тем больше вероятность, что его менее убежденные коллеги (представители групп 2 и 3) смогут сделать все, что возможно в данных обстоятельствах. В то же время в ситуации, которая позволяет выдвинуть более радикальную программу, без участия идейных политиков обойтись сложнее, потому что их менее убежденные и менее подкованные теоретически коллеги вряд ли смогут распознать окно возможностей, позволяющее реализовать глубокие либертарианские реформы, а тем более воспользоваться им. Естественно, суждение о том, что возможно, а что невозможно в конкретной исторической ситуации, — это вопрос политического инстинкта конкретного человека.

Так или иначе, главный риск, заложенный в предлагаемой стратегии, состоит в том, что политик из группы 4, заручившись наконец поддержкой партии и убедив товарищей принять его программу, может проиграть выборы или потерять власть. Однако в этом случае — а такое часто бывает³⁶ — отрицательный результат не следует считать поражением. С либертарианской точки зрения настоящее поражение — это предательство собственных принципов или реализация менее глубоких реформ, чем позволяет ситуация. Во всех остальных случаях поражение на выборах должно рассматриваться как тактическая неудача в ходе долгой и трудной борьбы за дело свободы.

ГЛАВА 14

БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА: ДЕМОНТАЖ ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ¹

Я глубоко сочувствую призыву Бруно Фрея к развитию прямой демократии и повсеместному введению института референдума по образцу швейцарской политической модели. Однако, если либертарианец как следует вчитается в слова Фрея, у него может сложиться впечатление, что для Фрея сама Демократия (с большой буквы) и есть та цель, ради которой нужно стимулировать прямое участие граждан в политике. Хотя у швейцарской системы референдумов по сравнению с распространенными гораздо шире системами непрямой демократии действительно есть интересные и привлекательные черты, которые ярко и верно описывает Бруно Фрей, я хотел бы обратить внимание на то, что наша главная цель как либертарианцев — это свободный рынок, а не демократия как таковая. Иными словами, для нас достоинства прямой демократии состоят исключительно в том, что она позволяет (хоть и в недостаточной степени) приблизиться к либертарианскому идеалу свободного рынка и ограниченного правительства.

ПОЛИТИКИ ПРОТИВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Политики действительно не любят референдумы. Классический случай — испанская политическая элита, сочинившая ныне действующую Конституцию 1978 г. Ст. 92 нашей Конституции допускает проведение лишь таких референдумов, решения которых необязательны для правительства (т.е. консультативных). В этом отношении она ограничивает функцию института референдума как никакая другая конституция в Европе (кроме шведской). В результате, в полном соответствии с выводами Фрея, в Испании у граждан практически нет возможности разрушить картель политиков, как он был разрушен, скажем, в Швейцарии, когда ее граждане высказались против вступления страны в Европейское экономическое сообщество на референдуме 6 декабря 1992 г. (правда, позже это решение было частично пересмотрено в результате референдума, состоявшегося 22 мая 2000 г., когда 67,2% избирателей одобрили двусторонние соглашения между Швейцарией и Европейским Союзом). Отсутствие в Испании института демократического референдума обеспечивает политическое алиби сталинистским убийцам из баскской террористической банды ЕТА, называющим себя «сепаратистами»; ведь если бы можно было провести, с соблюдением всех демократических процедур, референдум об отделении Страны Басков от Испании, то, они, скорее всего, потеряли бы свою базу

в обществе (по нашим оценкам, их поддерживает примерно 10% басков). Хотя сейчас проведение такого референдума политически невозможно, я уверен, во-первых, в том, что большинство из 2 млн граждан Страны Басков не поддержали бы отделение, а во-вторых, в том, что такой референдум, вне зависимости от конечного результата, мог бы стать важным шагом к решению проблемы баскского терроризма. В этом я тоже согласен с Бруно Фреем, который пишет (Раздел IV, 4), что прямая демократия способна урегулировать проблемы сепаратизма «гораздо меньшим потом и кровью, чем демократии, где к референдумам не прибегают или используют их только в форме плебисцита».

Тем не менее в конечном счете, с точки зрения либертарианца, гораздо важнее то, насколько либертарианским является принятое решение, чем та конкретная демократическая процедура, которую использовали для его принятия. К примеру, никого из нас не устроило бы, если бы независимая Страна Басков превратилась в социалистическое государство типа Албании, соседствующее с гораздо более либертарианской по сравнению с ним Испанией и другими странами ЕС. Соответственно мы стремимся отыскать такие политические процедуры, которые больше всего способствуют ограничению полномочий правительства и развитию подлинно свободного рынка. Прямая демократия может быть одной из таких процедур при условии соблюдения права любой социальной группы на самоопределение и отделение от той политической организации [государства], в которое она включена.

НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ: ПРАВО НА СЕЦЕССИЮ

Самый короткий раздел (раздел III «Референдум и федерализм») Бруно Фрей посвящает тому, что, на мой взгляд, важнее всего: соотношению прямой демократии и децентрализации принятия политических решений. С точки зрения прямой демократии «малое прекрасно и эффективно»², и Бруно Фрей очень убедительно объясняет, что необходимую для принятия разумных политических решений информацию гораздо проще собрать в маленьких политических сообществах; неслучайно традиция референдумов развита в Швейцарии с ее кантональным устройством и семью миллионами населения гораздо больше, чем в Испании и Франции (40 и 60 млн жителей соответственно), которые традиционно были централизованными государствами. Не нужно забывать и об одном экономическом законе: чем, при прочих равных, меньше государство, в состав которого включено то или иное политическое сообщество, тем сложнее этому государству проводить интервенционистскую и протекционистскую политику и тем в большей степени оно вынуждено терпеть свободную торговлю и либертарианство. Ведь чем меньше государство, тем больше его жители страдают от издержек регулирования и ограничений свободы торговли, и тем острее они осознают, что причина их страданий связана с отсутствием полной экономической

свободы и свободы торговли. Бруно Фрей (вслед за Тьебу, Бьюкененом и др.) упоминает о том, что возможность голосования ногами, которая у людей гораздо больше при условии, что размер политических сообществ невелик, «обычно разрушает сговоры между политиками». Можно сделать вывод, что в политической среде, где не нарушаются либертарианские принципы свободы самоопределения, свободы торговли и свободы миграции (в рамках прав собственности), появление маленьких государств на месте крупных обеспечит рост свободы и процветания³.

Однако с либертарианской точки зрения в работе Фрея не хватает одной важной вещи. Дело в том, что большинство может использовать механизм прямой демократии (т.е. референдум) для введения регулирования, ущемляющего меньшинство. Прямая демократия в лучшем случае является лишь улучшенной формой демократии. Она не дает гарантий, обеспечивающих защиту меньшинств от институциональной агрессии и политических притеснений. Поэтому для либертарианца чрезвычайно важно, чтобы политические процедуры прямой демократии сочетались с реальным правом на самоопределение для любого меньшинства, которое посчитает себя ущемленным результатом референдума. Таким образом, я придерживаюсь более радикальной позиции, чем Бруно Фрей. Мы, либертарианцы, не должны довольствоваться обычным федерализмом в качестве необходимого условия эффективности механизмов прямой демократии (раздел III статьи Фрея). Мы выступаем за то, чтобы демократия (даже «прямая» демократия) была ограничена гарантированным правом на сецессию. Иными словами, любая группа и любое объединение людей должны быть вправе в любой момент принять решение об отделении от данного государства (или иной политической единицы), а также о создании новой политической единицы или о вхождении в состав уже существующей.

ДЕМОНТАЖ ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ МЕХАНИЗМОВ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ И СЕЦЕССИИ

Технологическая революция и экономическая глобализация создают новые возможные для прямой демократии и сецессии, в том числе такие, которые пока трудно себе представить. В глобальном мире, где выборы проходят в интернете, например, с использованием индивидуальных криптографических ключей, практически все вопросы можно будет решать с помощью референдума при очень низких затратах. В современном мире традиционные национальные государства все больше и больше выглядят анахронизмом. Политический процесс, основанный на сочетании механизмов прямой демократии с правом на сецессию, может превратить мир XXI в. в мозаику, состоящую из десятков тысяч разных стран, регионов и кантонов и сотен тысяч независимых свободных городов, подобных сегодняшним «исключениям из правил»: Монако, Андорре, Сан-Марино, Лихтенштейну, Гонконгу и Сингапуру. Это резко увеличит возможности для миграции по экономическим мотивам.

Этот мир будет миром небольших либеральных правительств, миром свободной торговли и мировых частных товарных денег (типа золота), миром беспрецедентного экономического роста и невиданного процветания⁴. В том новом мире, который, по мнению многих либертарианцев, ждет нас в XXI в., людям будет даже необязательно «голосовать ногами», чтобы гарантировать себе свободу (например, чтобы покинуть «островки» тирании и принуждения), если в нем стихийно возникнут Функционально пересекающиеся конкурирующие юрисдикции (ФПКЮ), основанные на прямой демократии и референдуме. Эти пересекающиеся Юрисдикции по своему характеру будут подобны правительствам, но, поскольку они не являются территориальными, они будут конкурировать между собой. Их придумал и описал Бруно Фрей в блестящей статье, которую он предложил вниманию участников региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Барселоне (1997)⁵. Я горячо рекомендую ее всем читателям этой книги.

АНАРХИЗМ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
НА СВОБОДНОМ РЫНКЕ: АСИМПТОТИЧЕСКИЙ
ИДЕАЛ ПРЯМОЙ «ДЕМОКРАТИИ»

Здесь не время и не место для подробного обсуждения Функционально пересекающихся конкурирующих юрисдикций по Фрею. Мое главное возражение против них (которое относится также к минимальным государствам и свободным городам по Хоппе) состоит в том, что они в любом случае будут по сути правительствами, поскольку у них будет сохраняться возможность для использования принуждения по отношению к гражданам (в виде сбора налогов и т.п.). Я хотел бы спросить: «А почему бы не усовершенствовать прямую демократию еще больше и не сделать эти Юрисдикции совершенно добровольными?» В результате мы достигли бы совершенной «прямой демократии», того, о чем писал в 1913 г. Фрэнк Феттер, который назвал рынок идеальной демократией, где каждый цент играет роль избирательного бюллетеня⁶, а также наш покойный коллега Уильям Хатт, выдвинувший идею «суверенитета потребителя»⁷. Эти выражения и сравнения, безусловно, обладают одним недостатком. Вместо того чтобы сравнивать рынок с так называемым идеалом демократии, гораздо корректнее говорить, что прямая демократия позволит дать гражданам в сфере политики такие же права, которые рыночная экономика предоставляет им в других сферах⁸. Из этого вытекает, что достичь идеала прямой демократии можно только тогда, когда благодаря возникновению пересекающихся по своим функциям, добровольных и конкурирующих друг с другом частных агентств, ассоциаций и корпораций свободный рынок воцарится и в тех сферах, которые сегодня отданы на откуп государству⁹. Это позволит нам избавиться от политиков, склонных вступать в сговор друг с другом против обычных граждан, и достичь в XXI в. максимальной «демократии», которую мы сегодня способны себе вообразить: демократии частной собственности и анархии свободного рынка.

ГЛАВА 15

ХУАН ДЕ МАРИАНА И ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ¹

Мюррей Ротбард убедительно доказал, что истоки австрийской экономической школы следует искать в трудах испанских схоластов так называемого золотого века (*Siglo de Oro Español*, середина XVI — середина XVII в.). Ротбард впервые высказал эту мысль в 1974 г.² а позже развил ее в главе 4 («Поздние испанские схоласты») своего монументального труда «История экономической мысли с точки зрения австрийской экономической теории»³.

Однако Ротбард был не единственным крупным представителем австрийской школы, полагавшим, что истоки австрийской экономической школы нужно искать в Испании. Того же мнения придерживался и Фридрих Хайек, особенно после того, как познакомился с замечательным итальянским ученым Бруно Леони, автором книги «Свобода и закон»⁴. Леони, общавшийся с Хайеком в 1950-е годы, смог убедить его, что интеллектуальные корни классического экономического либерализма имеют континентальное и католическое происхождение и их нужно искать в Средиземноморье, а не в Шотландии⁵.

Что представляли собой испанские предшественники австрийской экономической школы? Это схоласты, которые преподавали этику и теологию в университете Саламанки, изумительного средневекового города, расположенного в 240 км к северо-западу от Мадрида, почти на границе с Португалией, по преимуществу доминиканцы и иезуиты. Именно они заложили основы той субъективистской, динамической и либертарианской традиции, которую 250 лет спустя продолжил Карл Менгер и его последователи из австрийской школы⁶. Возможно, самым большим либертарианцем из всех схоластов был иезуит Хуан де Мариана; это особенно заметно в его зрелых работах.

Мариана родился в 1536 г. в городе Талавера-де-ла Рейна, рядом с Толедо. Считается, что он был внебрачным сыном местного каноника. Шестнадцатилетним юношей он вступил в только что созданное Общество Иисуса (Орден иезуитов). Когда ему исполнилось 24 года, его отправили в Рим учиться теологии, потом перевели в иезуитский коллегийум в Мессине, а оттуда — в Парижский университет. В 1574 г. он вернулся в Испанию, в Толедо, где жил и работал до самой смерти в 1623 г. в возрасте 87 лет.

Хотя о. Хуан де Мариана написал много книг, первая работа, где он высказал либертарианские идеи, это опубликованный в 1598 г. трактат «De rege et regis institutione» («О короле и об установлении королевской власти»). В нем он защищает право на тиранубийство. По мнению Марианы, любой человек имеет полное право убить короля, который вводит налоги без согласия народа, отбирает у людей собственность и проматывает ее или препятствует созыву и заседаниям демократического парламента⁷. Аргументация Марианы использовалась для оправдания убийств конкретных

тиранов — королей Франции Генриха III и Генриха IV, — и в результате его книга была торжественно сожжена в Париже по решению городского парламента от 4 июля 1610 г.⁸

В Испании к этой книге Марианы относились с уважением, хотя власти не были от нее в восторге. На самом деле Мариана всего лишь довел до логического заключения мысль о том, что естественный закон выше в моральном отношении, чем мощь государства. До него эту мысль подробно развивал основатель международного права, доминиканец Франсиско де Витория (1485—1546), который первым из испанских схоластов стал обличать преступления испанских завоевателей в Новом Свете, в особенности — порабощение индейцев.

Наверно, самой значительной работой Марианы была изданная в 1605 г. книга «De monetae mutatione» («О перемене монеты»)⁹. В этой книге Мариана ставит вопрос о том, принадлежит ли королю (правителю) частная собственность граждан (вассалов), и дает на него отрицательный ответ. На этом основании он проводит различие между королем и тираном: «Тиран попирает чужие права и считает, что все вокруг принадлежит ему, король же ограничивает свое любостыжание и остается в рамках разумного, поступая по справедливости».

Из этого Мариана делает вывод, что король не может требовать уплаты налогов без согласия на то народа, так как налоги суть присвоение части богатства подданных. Чтобы это присвоение было легитимным, подданные должны на него согласиться. Король не имеет права и создавать государственные монополии, потому что это всего-навсего закамouflированный способ сбора налогов.

Король не имеет права — и это самое главное — получать фискальный доход, снижая металлическое содержание монет. Мариана понимал, что снижение содержания драгоценного металла в монетах и увеличение количества монет в обращении вызывают инфляцию (самого этого термина тогда не существовало, и соответственно он его не использовал), а инфляция всегда приводит к повышению цен, потому что «если установленная законом ценность денег падает, то цены всех благ неизбежно увеличиваются пропорционально падению денег, и все расчеты идут прахом».

Мариана так описывает серьезные экономические последствия порчи монеты правительством: «Только безумец может пытаться разделить эти ценности так, чтобы цена, установленная законом, отличалась от естественной. Безумен, а пуще того — злонамерен правитель, если он приказывает продавать по десять вещь, которую добрые люди оценивают, скажем, в пять. В таких вопросах люди руководствуются общим мнением, основанным на оценке качества вещей, а также их изобилия или редкости. Ни одному правителю не под силу отменить основы коммерции. Лучше оставить их в покое и не пытаться разрушить их силой на горе всем людям»¹⁰.

Важно отметить, что Мариана называет источником ценности вещей «общее мнение» людей, тем самым следуя в русле традиционного субъективизма схоластов, у истоков которого стоял Диего де Коваррубиас-и-Лейва. Коваррубиас родился в 1512 г. и умер в 1577 г. Он был сыном знаменитого

архитектора, епископом Сеговии и министром короля Филиппа II. В 1554 г. он сформулировал субъективную теорию ценности, отметив, что «ценность товара зависит не от его природных свойств, а от субъективной оценки этого товара людьми, даже если эта оценка выглядит дико и безумно». Он привел следующий пример: «в Индиях пшеница дороже, чем в Испании, потому что люди ценят ее более высоко, несмотря на то что свойства пшеницы в обоих местах одинаковы»¹¹. Субъективистскую концепцию Коваррубиаса дополнил его современник Луис Саравиа-де-ла-Калье, тоже схоласт. Он был первым, кто доказал, что издержки зависят от цен, а не наоборот. Важно также, что свой главный труд Саравиа-де-ла-Калье написал по-испански, а не на латыни. Он назывался «Instrucción de mercaderes» («Поучение купцам»). В нем мы читаем: «Те, кто меряют справедливую цену трудом, издержками и риском купца, глубоко ошибаются. Справедливая цена определяется не подсчетом издержек, а общим мнением»¹².

Субъективистская доктрина Коваррубиаса позволила другим испанским схоластам осознать истинную природу рыночных цен и невозможность достижения экономического равновесия. Кардинал иезуит Хуан де Луго, размышляя о цене равновесия, уже в 1643 г. понимал, что равновесие зависит от такого количества факторов, что их может знать один лишь Господь. (*Pretium iustum mathematicum licet soli Deo notum, справедливую математическую цену один Бог ведает*¹³.) Другой иезуит, Хуан де Салас, рассуждая о возможности достать конкретную рыночную информацию, пришел к выводу — совершенно в духе Хайека, — что дело это настолько сложное, что *quas exacte comprehendere et ponderare Dei est non hominum* (только Господу, а никак не людям, под силу в точности понять ее)¹⁴.

Кроме того, испанские схоласты первыми ввели в оборот динамическое понятие конкуренции (лат. *concurrentium*), т.е. соперничества предпринимателей. Так, Херонимо Кастильо де Бовадилья (1547—?) писал о том, что «цены падают вследствие изобилия, соперничества (*emulación*) и конкуренции (*concurrència*) между продавцами»¹⁵.

Тех же взглядов придерживался Луис де Молина¹⁶. Коваррубиас в своем описании девальвации кастильского мараведи, главной испанской монеты того времени, предвосхитил многие из выводов о Хуана де Марианны. Эта работа, содержащая статистические данные относительно динамики цен в XV в., вошла в его латинский трактат «*Veterum collatio numismatum*» («Сборник данных о старых деньгах»)¹⁷. В Италии эту работу высоко оценили Даванцати и Галиани; на нее ссылается в «Основах учения о народном хозяйстве» основатель австрийской экономической школы Карл Менгер¹⁸.

Следует также отметить, что анализируя последствия инфляции, о. де Мариана кратко изложил основы количественной теории денег, которую в более полном виде разработал другой выдающийся схоласт, Мартин Аспилькуэта Наварро (его называют также доктор Наварро, а по-русски — Наваррий). Аспилькуэта Наварро родился в Наварре (на северо-востоке Испании, близ границы с Францией) через год после открытия Америки (1493) и прожил 94 года. Он знаменит тем, что в 1556 г. впервые сформулировал в своей работе «Решающее толкование вексельных курсов» количе-

ственную теорию денег. Проанализировав последствия, которые оказал на цены внутри Испании огромный приток в страну драгоценных металлов из Америки, Аспилькуэта заявил: «Опыт показывает, что во Франции, где денег меньше, чем в Испании, хлеб, вино, одежда, наемный труд и труд ремесленников стоят гораздо меньше; и даже в Испании в те времена, когда денег было меньше, вещи и человеческий труд продавались гораздо дешевле, чем после того, как открытие Индии осыпало страну серебром и золотом. Причина сего в том, что деньги стоят больше там и тогда, где и когда их не хватает, а не там, где и когда их в избытке»¹⁹.

Вернемся к о. Хуану де Мариане. Очевидно, что его главное открытие связано с осознанием того, что инфляция — это налог, который «берется с тех, у кого были деньги до ее начала, и кто вследствие нее принужден покупать вещи по более высокой цене». Мариана утверждал, что нельзя справиться с последствиями инфляции, установив ограничение максимальных ставок или цен, поскольку опыт показывает, что эти меры никогда не приводили к успеху. Кроме того, согласно его теории тирании, на инфляцию требуется согласие народа, поскольку она представляет собой налог; но даже если бы согласие было получено, для экономики этот налог все равно имел бы крайне разрушительные последствия: «Порча монеты есть новый налог или новый сбор, посему он является дурным и незаконным, если на то нет согласия королевства, но ежели таковое согласие и получено, то я тем не менее полагаю его ошибочным и вредным во многих отношениях».

Каким образом, по его мнению, можно обойтись без такого удобного инструмента, как инфляция? Сбалансировав бюджет. Для этого Мариана предлагал меньше тратить на королевскую семью, потому что «умеренная сумма, потраченная упорядоченно, обеспечивает больше блеска и величия, чем избыточная сумма, потраченная беспорядочно».

Кроме этого, он предложил королю «умерить свои милости»; иными словами, он считал, что король должен менее щедро вознаграждать своих вассалов за их реальные или воображаемые заслуги. Он писал: «В мире нет другого королевства с таким количеством наград, синекур, пенсий, бенефитов и привилегий; если бы в их распределении был порядок, они меньше обременяли бы казну, и на них бы шло меньше денег, полученных от налогов».

Мы видим, что отсутствие контроля за бюджетными расходами и обмен субсидий на политическую поддержку — явления, имеющие долгую историю. Мариана также заявлял, что «король должен избегать ненужных предприятий и войн, отказываться от них и обрубать пораженные раком неизлечимые члены».

Таким образом, он выдвинул целую программу сокращения бюджетных расходов и поддержания бездефицитного бюджета, которую могли бы взять за образец многие современные правительства.

Бесспорно, если бы о. Хуан де Мариана был знаком с экономическими механизмами, которые приводят к запуску банками процесса кредитной экспансии, а также с последствиями этого процесса, он заклеил бы как грабеж не только порчу монеты правительством, но и наносящую еще больше вреда инфляцию кредитов, которую создают банки. Но анали-

зом кредитной экспансии, которую организуют банки, занимались другие испанские схоласты. Луис Саравиа-де-ла-Калье чрезвычайно критически относился к банковской системе, основанной на частичном резервировании. Он утверждал, что получение процента несовместимо с природой вклада до востребования и что банкир обязательно должен получать деньги за то, что хранит вклад в банке. Примерно к такому же выводу пришел и более известный Мартин Аспилькуэта Наварро²⁰.

Иезуит Луис де Молина одобрительно относился к банковской системе, основанной на частичном резервировании, и в отличие от Аспилькуэты и Саравиа-де-ла-Калье плохо понимал разницу между двумя типами договоров: кредитными и депозитными. Однако более существенно то, что в 1597 г. Молина — намного раньше, чем Пеннингтон в 1826 г., — стал первым, кто обнаружил, что банковские депозиты составляют часть денежного предложения. Он даже придумал термин «писанные деньги» (*chirographis pecuniarium*) для обозначения письменных документов, которые ходили наряду с банковскими деньгами²¹. Таким образом, испанских схоластов можно условно разделить на две школы: «протоденежную школу», к которой принадлежат Саравиа-де-ла-Калье, Аспилькуэта Наварро и Томас де Меркадо, с большим недоверием относившиеся к банкам и по умолчанию требовавшие 100%-ного резервирования, и «протобанковскую» школу во главе с иезуитами Луисом де Молиной и Хуаном де Луго, относившимися к частичному резервированию куда более благосклонно²². Эти две группы монахов в некотором смысле были предшественниками теоретического разделения, проявившегося в Англии триста лет спустя в ходе дебатов между денежной школой и банковской школой.

Мюррей Ротбард отмечает, что другой важной заслугой испанских схоластов, особенно Аспилькуэты, перед экономической теорией, было то, что они возродили важнейшую идею временного предпочтения, впервые сформулированную в 1285 г. одним из наиболее блестящих учеников Фомы Аквинского Эгидием Лессинским. Эгидий писал, что будущие блага не оцениваются так же высоко, как блага, непосредственно доступные в данный момент, и что они не позволяют их владельцам достичь той же полезности, что и настоящие блага. В силу этого они по справедливости должны обладать более низкой ценностью²³.

Хуан де Мариана написал еще одну очень важную книгу. Она была опубликована посмертно под названием «Discurso de las enfermedades de la Compañía» («Рассуждение о недугах Общества Иисуса»). В ней Мариана не только подверг критике военную иерархию ордена иезуитов, но и высказал чисто австрийскую мысль, что централизованное управление неспособно обеспечить координацию в силу принципиальной недоступности необходимой для этого информации. Он пишет: «Управлять из центра — безумие... Рим далеко, генерал [ордена иезуитов] не знает ни людей, ни фактов... и уж точно он не знает всех обстоятельств, от которых зависит успех... будут неизбежно во множестве совершаться серьезные ошибки, люди будут ими недовольны и станут презирать слепоту начальства... большая ошибка, когда слепые желают вести зрячих».

В итоге Мариана делает вывод, что там, где много законов, «ни один из них не уважают, потому что невозможно знать и соблюдать их все»²⁴.

Итак, о. Хуан де Мариана и испанские схоласты смогли сформулировать принципиальные элементы теории, которая позже легла в основание австрийской экономической школы: во-первых, субъективную теорию ценности (Диего де Коваррубас-и-Лейва), во-вторых, правильное представление о взаимосвязи цен и издержек (Луис Саравиа-де-ла-Калье), в-третьих, идею динамической природы рынка и невозможности существования в реальности модели равновесия (Хуан де Луго и Хуан де Салас), в-четвертых, динамическое понятие конкуренции, понимаемой как процесс соперничества продавцов (Кастильо де Бовадилья и Луис де Молина), в-пятых, принцип временного предпочтения (заново открытый Аспилькуэтой Наварро), в-шестых, тезис о том, что инфляционный рост предложения денег искажает цены рынка (Хуан де Мариана, Диего де Коваррубас и Аспилькуэта Наварро), в-седьмых, тезис о негативных экономических последствиях частичного резервирования (Луис Саравиа-де-ла-Калье и Аспилькуэта Наварро), в-восьмых, представление о том, что банковские депозиты составляют часть денежного предложения (Луис де Молина и Хуан де Луго), в-девятых, идею невозможности организации общества приказами сверху в силу недостатка необходимой информации (Хуан де Мариана) и в-десятых, либертарианский принцип, согласно которому любое неоправданное вмешательство со стороны государства является нарушением естественного закона (Хуан де Мариана).

Чтобы оценить влияние испанских схоластов на развитие австрийской экономической школы, нужно учитывать, что в XVI в. император Карл V (король Испании Карлос I) сделал своего младшего брата Фердинанда I эрцгерцогом Австрии. «Австрия» (*Austria*) буквально означает «восточная» часть империи, в те дни владычествовавшей над всем континентом, не считая Франции, этого островка в океане испанских владений. Поэтому причины интеллектуального влияния испанских схоластов на австрийскую школу понять нетрудно. Дело не в совпадении и не в капризах истории, а в теснейших политических и культурных взаимосвязях, исторически существовавших между Испанией и Австрией в течение нескольких столетий, начиная с XVI в. В этих отношениях важную роль сыграла Италия, которая поистине послужила культурным, экономическим и финансовым мостом между двумя крайними форпостами Империи в Европе (Испанией и Веной). Таким образом, существуют весьма серьезные аргументы в пользу того, что австрийская школа по сути своей школа испанская.

Можно даже сказать, что важнейшая заслуга Карла Менгера состояла в том, что он возродил и продолжил континентальную католическую традицию испанской схоластической мысли, которая была предана забвению под влиянием так называемой черной легенды, сложившейся вокруг Испании, и в силу того крайне негативного влияния, которое оказала на историю экономическая мысль Адама Смита и его последователей, британских экономистов классиков классической школы²⁵.

К счастью, несмотря на триумф интеллектуального империализма британской (классической) школы политической экономии, развитие континентальной традиции никогда не прерывалось. Благодаря таким экономистам, как Кантильон, Тюрго и Сэй, факел субъективизма продолжал гореть. Даже в Испании периода упадка, в XVIII—XIX вв., старая схоластическая традиция продолжала жить, несмотря на типичный для этого периода комплекс неполноценности по отношению к британцам и их интеллектуальному миру. Доказательством тому может служить то, что один испанский католик нашел решение «парадокса ценности» и открыл теорию предельной полезности на 27 лет раньше Карла Менгера. Этого человека звали Хайме Бальмес. Он родился в Каталонии в 1810 г. и умер в 1848 г. Несмотря на короткую жизнь, Бальмес — самый крупный испанский философ-томист XIX в. За несколько лет до смерти 7 сентября 1844 г. он опубликовал статью «Истинная идея ценности, или Размышления о происхождении, природе и разнообразии цен», где предложил решение парадокса ценности и сформулировал идею предельной полезности. «Почему драгоценный камень стоит больше краюхи хлеба?» — спрашивал Бальмес. И отвечал: «Объяснить это легко. Ведь ценность вещи определяется ее полезностью... если количество единиц этой вещи увеличивается, то это уменьшает нужду людей в каждой из них по отдельности; ведь если есть выбор из многих одинаковых вещей, то ни одна из них не является необходимой. Поэтому увеличение или падение ценности вещи всегда связано с ее нехваткой или, напротив, с избытком»²⁶.

Таким образом Бальмес подвел своего рода черту под этим этапом развития континентальной традиции, которую спустя несколько лет подхватили, оживили и завершили Карл Менгер и его последователи из австрийской экономической школы.

ГЛАВА 16

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ТЕОРИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА¹

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, Мюррей Ротбард был страстным и убежденным сторонником свободной банковской деятельности в рамках общего договорного права, иными словами банковской системы со 100%-ным резервированием депозитов [до востребования]. Он был и одним из первых теоретиков, обнаруживших важную роль, которую сыграли теоретические открытия испанских схоластов XVI—XVII вв., связанных с университетом Саламанки, прямых предшественников австрийской экономической школы².

Нам кажется, что будет уместно посвятить памяти Мюррея Ротбарда статью о том, как теоретики саламанкской школы, сформировавшейся в XVI в., в царствование императора Карла V, создали первую версию теории легитимной банковской деятельности, которая в значительной степени совпадает со значительно более поздними идеями австрийской школы в целом и Мюррея Ротбарда в частности.

Анализ банковской деятельности в эпоху Карла V имеет важное значение по ряду причин: во-первых, вследствие того, что поток драгоценных металлов из Америки привел к тому, что центр экономической активности сместился, по крайней мере временно, из торговых городов Северной Италии в Испанию, точнее — в Севилью и другие испанские рынки; во-вторых, потому, что постоянная потребность Карла V в наличных деньгах, возникшая в результате его экстравагантной имперской политики, привела к тому, что он стал обеспечивать свои нужды посредством банковской системы, без зазрения совести пользуясь той ликвидностью, которую она ему предоставляла. Традиционный сговор правителей и банкиров, который, несмотря на попытки его закамуфлировать, уже стал правилом, при Карле V приобрел выдающиеся масштабы. Кроме того, император не смог избежать банкротства казны, что, естественно, привело к разрушительным последствиям: и для всей испанской экономики и, в особенности, для тех банкиров, которые давали ему деньги. Все это побудило наиболее прозорливых людей того времени, иначе говоря, теоретиков саламанкской школы, начать размышлять о финансовой и банковской деятельности. В результате мы получили в наследство чрезвычайно ценные аналитические исследования, которые следует тщательно изучить. Такова проблематика нашей статьи.

РАЗВИТИЕ БАНКОВ В СЕВИЛЬЕ

Благодаря работам Рамона Каранде³ нам известно многое о деятельности частных банков Севильи в правление Карла V. Каранде сообщает, что он использовал список банкиров, составленный Торговой палатой (*Casa de Contratación*) Севильи в 1545 г. в ходе конфискации у них драгоценных металлов. Когда казна опустела, Карл V, бесстыдно поправ закон, взял деньги там, где они лежали: из хранилищ севильских банкиров. Правда, эти банкиры тоже нарушили закон по отношению к вкладам до востребования (т.е. к вкладам в заменимых деньгах), использовав значительную часть депозитов в собственных интересах. Тем не менее факт остается фактом: неблагоприятная имперская политика, выразившаяся в игнорировании базовых принципов прав собственности и в прямой конфискации денег из банковских хранилищ, стала для банкиров еще большим стимулом, чтобы инвестировать большую часть полученных ими депозитов. Это превратилось в обычную практику. В отсутствие какой бы то ни было гарантии, что государственная власть будет с уважением относиться к той части денежных резервов, которая хранится в банках (а опыт показывал, что в трудные времена император, не колеблясь, забирал эти резервы себе в виде принудительных займов королю), банки, естественно, предпочитали выдавать большую часть депозитов в качестве кредитов частной промышленности и торговле, что позволяло им избежать экспроприации и повышало прибыль.

Так или иначе, эта конфискационная политика, вероятно, представляет собой предельное выражение обычной политики властей, традиционно использующих незаконные доходы банкиров, чтобы экспроприировать активы этих учреждений, которые по закону должны сохранять и гарантировать депозиты третьих лиц. Понятно, что правители, будучи главными выгодополучателями этой незаконной деятельности, в конце концов санкционировали ее и предоставили банкам разнообразные привилегии, согласные которым они могли продолжать использовать частичное резервирование, т.е. действовать за рамками общих принципов права.

В своей главной книге «Карл V и его банкиры» («Charles V y sus Banqueros») Рамон Каранде перечисляет главных севильских банкиров того времени. Это в первую очередь семейство Эспиноса, Доминго де Лисарасас и Педро де Морга, а также банкиры второго ряда, такие, как Кристоаль Франсискин, Диего Мартинес, Хуан Иньигес и Октавио де Негрон. Все они разорились, и главной причиной этого стало то, что у них не оказалось ликвидности, чтобы справиться с массовым изъятием денег вкладчиками. Это свидетельствует о том, что они использовали частичное резервирование, получив разрешение на это от севильского муниципалитета и Карла V. У нас нет данных о том, сколько они резервировали, но нам известно, что они часто вкладывали деньги в собственные предприятия, связанные с торговлей с Америкой, сбором налогов и т.п., и деньги вкладчиков были для них колоссальным соблазном, потому что если исход предприятия оказывался благоприятным, то прибыль была огромна. Регулярные конфискации драгоценных металлов из хранилищ частных банков служили дополнительным

стимулом для их беззаконий. Банк семейства Эспиноса разорился в 1579 г.; его основных владельцев заключили в тюрьму. Банкротство Доминго де Лисаррасаса случилось 11 марта 1533 г. в результате того, что он не смог оплатить счет более, чем на 6,5 млн мараведи. Педро де Морга, основавший свой банк в 1553 г., разорился в 1575 г. в ходе второго банкротства короля Филиппа II. Судьба остальных банкиров была такой же. Показательно свидетельство Томаса Грэшема, который отправился в Севилью с поручением снять с депозита 320 тыс. дукатов с разрешения императора и королевы Марии. Грэшем был потрясен тем, что в городе, куда поступали сокровища Индии, денег было очень мало. Он опасался, что после того, как он выполнит поручение, все банки в городе прекратят платежи. К сожалению, теория не является сильной стороной труда Рамона Каранде, и он дает банкротствам севильских банков чрезвычайно поверхностные объяснения, указывая на «жажду» золота, которая постоянно ставила платежеспособность банков под угрозу, на то, что банкиры занимались рискованными делами (фрахтом судов, морской торговлей с Америкой, страхованием и различными спекуляциями), которые отягощали их дополнительными обязательствами, и на то, что государственное казначейство, постоянно испытывавшее потребность в ликвидности, регулярно прибегало к конфискациям. Он нигде не упоминает об истинной причине банкротств: о неизбежности рецессии и экономического кризиса, следующих из искусственного бума, вызванного инфляцией поступающих из Америки драгоценных металлов и искусственной, не основанной на реальных сбережениях кредитной экспансией, порожденной банковской системой с частичным резервированием.

К счастью, этот пробел в теории у Рамона Каранде, по крайней мере частично, восполнил Карло Чиполла. Несмотря на то что в его исследовании банковского и экономического кризиса второй половины XVI в. речь идет исключительно об итальянских банках, оно имеет прямое отношение и к финансовой системе Испании, так как финансовые системы и финансовые потоки этих двух государств в ту эпоху были очень тесно связаны⁵. Чиполла объясняет, что во второй половине XVI в. важной составляющей денежного предложения (того, что сегодня называется агрегатом M1 или M2) были так называемые банковские деньги, т.е. депозиты, созданные из ничего банкирами, отказавшимися от 100%-ного обеспечения вкладов до востребования. Это привело к колоссальному искусственному процветанию, которое неизбежно кончилось, когда в середине XVI в. вкладчики стали испытывать экономические трудности, что привело к банкротству крупнейших флорентийских банков.

Чиполла пишет, что фазу экспансии в Италии запустили управляющие банка Риччи, которые использовали значительную часть созданных из ничего депозитов банка для покупки государственных ценных бумаг и выдачи кредитов. Другие банки, если они желали сохранить конкурентоспособность, уровень прибыли и долю рынка, тоже были вынуждены подключиться к кредитной экспансии. Так возникла кредитная эйфория, породившая искусственную экспансию, которая вскоре начала превращаться в свою противоположность. В эдикте 1574 г. можно найти обвинения

по адресу банкиров, которые отказываются возвращать вклады звонкой монетой и платят лишь «чернилами» (т.е. банковскими расписками). Сложности с выплатой депозитов звонкой монетой росли, и в городах Венецианской республики начал ощущаться дефицит денег. Ремесленники были не в состоянии забрать из банка деньги, чтобы оплатить свои долги. Это привело к кредитному сжатию (иными словами, к дефляции) и глубокому экономическому кризису, блестяще проанализированному Чиполлой. В теоретическом отношении анализ Чиполлы гораздо более фундирован, чем объяснения Рамона Каранде. Однако и он не полон, потому что Чиполла уделяет кризису и периоду кредитного сжатия гораздо больше внимания, чем предшествовавшей фазе кредитной экспансии, в которой и состоит истинная причина последовавших бедствий. В свою очередь, главной причиной кредитной экспансии было нарушение банкирами обязательства хранить доверенные им вклады в неприкосновенности, т.е. обеспечивать их на 100%⁶.

САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОТКРЫТИЯ САРАВИА-ДЕ-ЛА-КАЛЬЕ

Все эти финансовые и банковские явления произвели огромное впечатление на умы выдающихся представителей Саламанской школы, которые, согласно мнению солидных исследователей, были предшественниками субъективной теории, разработанной австрийской экономической школой⁷.

Хронологически первой и, возможно, наиболее важной для нас работой на эту тему является «Поучение купцам» («Instruction of merchants») доктора Саравиа-де-ла-Калье, опубликованное в Медина-дель-Кампо в 1544 г.⁸ Саравиа-де-ла-Калье чрезвычайно суров к банкирам. Он называет их «алчными, всепожирающими, всеразрушающими демонами, подобным гарпиям, терзавшим несчастного царя Финея»⁹ [эти гарпии с громким визгом вырывали из рук несчастного царя хлеб и воду и набрасывались на них, а что не могли пожрать, то оскверняли. — Пер.]. Он описывает, как «банкиры, подобно публичным девкам, выходят на дороги и площади со своими конторками, ящиками для наличности и банковскими книгами», и как они, получив лицензию на свой промысел и пользуясь гарантиями, предоставляемыми им законом страны, добывают депозиты у клиентов, предлагая им бухгалтерские услуги, кассовое обслуживание и даже проценты по вкладу.

Саравиа-де-ла-Калье не без оснований утверждает, что получение процента несовместимо с природой вклада до востребования, а также — что банкиры должны получать плату за хранение денег. Он резко осуждает тех клиентов, которые вступают с банкирами в сделки. Об этом он пишет, в частности, следующее: «И если вы утверждаете, что не одалживаете деньги, а размещаете их (или кладете на депозит), это еще большая насмешка, ибо кто видел, чтобы хранитель платил? Наоборот, ему обычно

платят за сохранение вклада и сопутствующие услуги; более того, если вы даете ростовщику деньги в качестве займа или вклада, получая часть от его прибылей, то на вас также лежит вина, и даже ее большая часть»¹⁰.

В главе XII своей книги Саравиа-де-ла-Калье верно разграничил два принципиально различных типа сделок, которые проводят банки. С одной стороны, это вклады до востребования, которые клиенты без каких бы то ни было процентов приносят банкирам, «чтобы обеспечить безопасность денег, сделать так, чтобы они были под рукой, если понадобится расплатиться, чтобы освободиться от бремени расчетов и не думать о сохранности денег, а также потому, что, поскольку они оказывают таким образом услугу ростовщику, есть надежда, что и ростовщик согласится на беспроцентный овердрафт в ситуации, когда у них не будет денег на счету»¹¹.

От таких контрактов очень сильно отличаются депозиты на определенный срок. Они представляют собой кредиты, так как предоставляются банку на фиксированный период времени в обмен на уплату процента. Следуя традиционному каноническому праву, Саравиа-де-ла-Калье сурово осуждает эту практику. Более того, он пишет, что при заключении контрактов первого типа — о вкладах до востребования — клиенты должны платить банкиру, «потому что если они кладут деньги на вклад, они должны платить за их хранение, а не получать прибыль за то, что они приносят в банк деньги или товары на ответственное хранение»¹². Саравиа-де-ла-Калье осуждает тех клиентов, которые эгоистически стремятся извлечь выгоду из незаконных действий банкиров, доверяя им вклады до востребования и желая получить с них процент. Он добавляет: «Виновен в грехе, пусть и простибельном, кто доверил свои деньги тому, кто, как ему известно, не будет хранить их, а будет тратить, так же, как виновен в грехе тот, кто доверяет девственницу попечению развратника или поручает чревоугоднику сторожить деликатесы»¹³.

Не может вкладчик и успокаивать свою совесть рассуждениями о том, что банкир будет ссужать или использовать не его деньги, а деньги других, «исходя из предположения, что он, вероятно, будет хранить деньги с этого вклада, а не ссудит их; но этого нельзя ожидать ни от одного ростовщика, поскольку заранее известно, что все они немедленно ссужают доверенные им деньги и используют их для получения прибыли. Как могли бы они предлагать вкладчикам 7 и 10% годовых, если бы деньги вкладчиков просто лежали в хранилище? И даже если было бы известно, что в поведении вкладчика нет греха (что неправда), ростовщик, безусловно, грешит, когда ссужает ваши деньги и с их помощью ворует имущество ваших соседей»¹⁴.

Доктрина Саравиа-де-ла-Калье вполне понятна. Использование банкирами в собственных интересах денег, доверенных им в виде депозитов до востребования, незаконно и является большим грехом. Эта доктрина полностью совпадает с доктриной классического римского права и естественным образом вытекает из существа, характера и правовой специфики договора о вкладе до востребования¹⁵.

Саравиа-де-ла-Калье очень выразительно рассуждает и о тех огромных прибылях, которые приносит банкирам их незаконная деятельность,

закрывающаяся в том, что они используют вклады своих клиентов, вместо того, чтобы, как добрые отцы семейств, довольствоваться скромной платой за ответственное хранение вверенных им средств. Вот что он пишет: «Если вы получаете плату, она должна быть умеренной, а не грабительской и не позволять вам строить пышные дворцы, тратить огромные деньги на семью и прислугу, устраивать роскошные приемы и одеваться в шелка, особенно если, перед тем как начать ссужать деньги, вы жили в бедности и были скромным ремесленником»¹⁶.

Саравиа-де-ла-Калье отмечает, что банкиры часто разоряются и даже предлагает краткое теоретическое объяснение этого феномена. Из него следует, что после экспансионистской фазы, вызванной искусственным расширением предложения ссуд со стороны *logreros* («ростовщиков»), неизменно наступает фаза рецессии, когда плохие долги приводят к серии банковских банкротств. Он добавляет: «Если купец не платит ростовщику, то ростовщик оказывается разоряется, прекращает платежи и происходит общий крах; как известно, ростовщики суть начало, причина и источник краха, *потому что если бы их не было, люди могли бы использовать лишь свои собственные деньги и не более того, а следовательно, вещи продавались бы по справедливой цене и за них не просили бы больше, чем составляет их цена в звонкой монете*. Посему было бы весьма хорошо, если бы правители Испании запретили промысел ростовщиков, как запрещен он во всем мире, и удалили бы их от своего двора и из своего королевства»¹⁷.

Как известно, утверждение о том, будто правители других государств более успешно справлялись с надзором за деятельностью банкиров и ростовщиков, чем властители Испании, не соответствует действительности. Во всех странах происходило примерно одно и то же, и в конце концов короли повсеместно предоставили банкирам привилегии, разрешавшие им использовать деньги вкладчиков в своих интересах, в обмен на возможность использовать (полностью или отчасти) банковскую систему, как более быстрый и доступный источник средств, чем налоги. В завершение своих рассуждений Саравиа-де-ла-Калье пишет: «Христианин ни при каких обстоятельствах не должен давать денег ростовщикам, потому что если он грешит, делая это, он должен перестать грешить, а если он не грешит, он должен перестать делать это, чтобы не вводить в грех ростовщика».

Он также добавляет, что если не использовать банкиров, возникает дополнительное преимущество: вкладчики «не будут ошеломлены, если заимодавец прекратит платежи; если он разоряется, что весьма обычно и угодно Господу, несправедливые заработки его и его клиентов просто испарятся»¹⁸. Как мы видим, изобретательный и остроумный анализ, который предложил Саравиа-де-ла-Калье, безупречен и не содержит противоречий. Пожалуй, он чересчур увлекается осуждением банкиров за то, что они взимают процент (что противоречило каноническому запрету на ростовщичество), и обращает недостаточно внимания на то, что они не по праву используют вклады, которые доверили им клиенты.

Мартин де Аспилькуэта Наварро

Другой автор, давший верное толкование договора о вкладе до востребования, — это Мартин де Аспилькуэта, более известный под именем «доктор Наварро». Он сделал это в книге «Решающий комментарий о вексельных курсах» («Comentario Resolutorio de Cambios»), опубликованной в Саламанке в конце 1556 г. Мартин де Аспилькуэта прямо пишет о «банковской деятельности по хранению», т.е. об обслуживании банками вкладов до востребования. С его точки зрения, банковская деятельность по хранению средств, т.е. обслуживание банковских вкладов до востребования, «является законной и допустимой, и когда банк выступает в роли хранителя, депозитария и гаранта денег, доверенных ему вкладчиками, и может распоряжаться ими по их поручению, выплачивая их купцам или иным контрагентам вкладчиков по их желанию, он имеет полное право брать плату за это либо с государства, либо с купцов, так как его ремесло приносит пользу обществу и вполне законно, и в силу этого он имеет право на заработок, как и всякий, кто трудится. А труд банкира состоит в том, что он получает и хранит деньги множества купцов, управляет ими, ведет книги вкладчиков, держит их счета, прилагая к сему большие усилия и иногда подвергая себя опасности ошибки в расчетах и другим неприятностям. То же самое можно осуществить посредством заключения договора, обязав одну из сторон получать и держать у себя деньги других сторон, вести и оплачивать их счета по их поручению и т.п., потому что такой договор по сути своей договор найма, т.е. законный, справедливый и священный договор»¹⁹.

Мы видим, что для Мартина де Аспилькуэты договор о вкладе до востребования — это абсолютно законный договор. Заключая его, клиент поручает хранение и обеспечение безопасности своих средств профессионалу, банкиру, который, как добрый отец семейства, обязуется заботиться об этих деньгах, обеспечивая, чтобы они всегда находились в распоряжении вкладчика, а кроме того, выполняет по его поручению функцию кассира. В обмен банкир получает от вкладчика плату за услуги. По мнению Мартина де Аспилькуэты, *вкладчики должны платить хранителю, т.е. банкиру, и ни в коем случае не наоборот*: вкладчики «платят ему за труды и заботу об их деньгах», а банкир соответственно должен «честно делать свое дело и довольствоваться справедливой платой за труды, получаемой от тех, чьи деньги он хранит и чьи счета он ведет, а не от тех, для кого он ничего не делает»²⁰. Чтобы избежать ошибок и окончательно прояснить свою позицию, Мартин де Аспилькуэта, как и доктор Саравиа-де-ла-Калье, прямо осуждает клиентов, которые не желают платить за хранение вкладов и даже пытаются получить с них процент. Он пишет: «В такого рода обменах грешат не только банкиры, но и те, кто дает им деньги под обязательство вернуть и делает то же самое, что и они: те, кто не хочет платить за услуги банка, утверждая, что банкирам достаточно того, что они имеют с их денег и получают от тех, кому выдают наличность. А если банкиры просят у них оплату, они уходят от них к другим; потому, чтобы вкладчики не ухо-

дили от них, банкиры отказываются от причитающейся им платы и берут ее с тех, кто не должен им ее»²¹.

Томас де Меркадо

Томас де Меркадо в «Трактате о сделках и договорах» («Suma de Tratos y Contratos»), опубликованном в Севилье в 1571 г., придерживается примерно тех же взглядов на банковскую деятельность, что и два уже известных нам автора. Он тоже совершенно справедливо полагает, что вкладчики должны платить банкирам за то, что они хранят их вклады до востребования, и делает вывод, что «все они (банкиры) должны, согласно общему правилу, иметь возможность брать плату с тех, кто кладет деньги к ним в банк, либо ежегодно, либо с каждой тысячи, ибо банки обслуживают их и гарантируют сохранность их состояния»²².

Томас де Меркадо иронически замечает, что севильские банкиры так «щедр», что не берут никакой платы за хранение вкладов: «Банкиры нашего города, правду сказать, так возвышенны и благородны, что не требуют и не взимают никакой платы». После этого он объясняет, что севильские банкиры не нуждаются в этом, потому что используют деньги вкладчиков для собственных, очень прибыльных сделок. На наш взгляд, в данном случае Томас де Меркадо просто описывает положение дел, а не констатирует законность такой практики, как считают некоторые современные исследователи. Наоборот, Томас де Меркадо, следующий доктрине римского права в чистом виде и рассматривающий правовую сущность договора о вкладе до востребования с этой точки зрения, максимально ясно, по сравнению с остальными схоластами, показывает, что передача собственности, которая происходит при заключении договора о денежном банковском вкладе, не предполагает передачи права на доступ к вкладу, из чего следует, что с практической точки зрения *полной* передачи собственности при этом не происходит. Он предельно ясно пишет об этом: «...(банкиры) должны понимать, что деньги принадлежат не им, а другим людям, и, более того, они должны понимать, что когда они заставляют деньги служить им, деньги перестают служить законному владельцу». Томас де Меркадо добавляет, что банкиры должны подчиняться двум основным правилам: «[Первое:] не оголять банк до такой степени, чтобы не иметь возможности платить по приходящим счетам, потому что когда они не могут платить по счетам, так как потратили деньги вкладчиков или вложили их в собственные спекуляции, они, безусловно, совершают грех... Второе: они не должны заниматься опасными предприятиями, ибо сие есть грех, даже если такие предприятия заканчиваются благополучно; ведь своим неправильным поведением они могут нанести серьезный ущерб тем, кто доверился им»²³.

Хотя из этих советов действительно вроде бы следует, что Томас де Меркадо допускает частичное резервирование, тем не менее он очень жестко подходит к юридической стороне вопроса и прямо говорит, что в конечном счете деньги на вкладах принадлежат не банкирам, а вкладчикам, особенно

когда замечает, что ни один из банкиров не придерживается его рекомендаций: «Но что касается прибыли, то, когда она велика, умерить алчность очень трудно, и поэтому никто из них не внимает двум сим предостережениям и не отвечает сим условиям»²⁴. В силу этого он выступает за запрет банкирам заниматься частным бизнесом, чтобы избавить их от соблазна, который представляют для них вклады по востребованию в качестве источника финансирования.

Кроме того, в конце главы IV Томас де Меркадо рассказывает, что севильские банкиры «являются хранителями денег и драгоценных металлов купцов, торгующих с Индиями» и что, располагая столь значительными вкладами, «они делают большие вложения» и получают большую прибыль. При этом он не осуждает их действия, хотя конкретно в этом месте речь идет об описании ситуации, а не об анализе ее законности. Как мы уже говорили, этим он занимается в главе XIV. В заключение Томас де Меркадо пишет, что банкиры «также продают и покупают товары и собирают налоги, и банкир в нашей стране ведет дела по всему миру и размахом превосходит океан, хотя иногда совершает столько ошибок, что в итоге все рухнет»²⁵.

Доминго де Сото, Луис де Молина и Хуан де Луго

Луис де Молина и Хуан де Луго, а также Доминго де Сото — это те схоласты, которые запутались в толковании договора о денежном вкладе. Эти теоретики попали под влияние ошибочной средневековой традиции так называемых глоссаторов и, в особенности, заблуждения, порожденного понятием о *depositum confessatum*. Так называли обычный кредит, который маскировали под вклад, чтобы вывести его из под запрета на взимание процента (это допускалось, если со стороны вкладчика в договор вписывалась (фиктивная) отсрочка). Молина, а также де Сото, ошибочно полагали, что вклад до востребования — это просто «заем», в ходе которого банкиру передается не только само имущество, но и полные права доступа к нему, в силу чего он может законно использовать их для выдачи кредитов, при условии, что он действует «с осторожностью». Вероятно, первым эту мысль выдвинул Доминго де Сото, хотя он и не сформулировал ее прямо. Действительно, в книге VI (вопрос XI) его трактата «О справедливости и праве» («La Justicia y el Derecho») мы читаем, что среди банкиров «говорят, был обычай: если купец вносит вклад наличными, то банкир отвечает по нему более крупной суммой. Если я отнесу меняле десять тысяч, то он будет отвечать передо мной двенадцатью или даже пятнадцатью, потому что для банкира иметь наличность очень прибыльно, и тут нет никакого порока»²⁶.

Доминго де Сото также считает допустимым создание кредита иным способом, а именно посредством ссуды в виде дисконта по бумагам, выпущенным против вкладов до востребования.

Но, вероятно, более всего из представителей Саламанкской школы ошибался в своей трактовке договора о вкладе до востребования Луис де Молина²⁷. В «Трактате о вексельных курсах» («Tratado sobre los Cambios»)

он разделяет средневековое представление о том, что вклад до востребования — это просто «кредитный» договор в пользу банкира, по которому передается не только собственность, но и все права на распоряжение ею, так что банкир имеет полное право использовать ее в собственных интересах, как для выдачи ссуд, так и любым другим способом. Вот что он пишет: «Так как сии банкиры, как и все остальные, законно владеют деньгами, размещенными вкладчиками в их банках, они сильно отличаются от остальных хранителей денег... они получают их в виде ссуды без каких-либо иных прав, и тем самым на собственный страх и риск».

Далее он снова повторяет, что «такой вклад по сути, как уже говорилось, представляет собой ссуду, так что собственность на деньги по вкладу переходит к банкиру, и следовательно, если они пропадают, они пропадают у банкира»²⁸. Кроме того, что эта позиция не слишком последовательна, она явно ошибочна и противоречит тому, что Молина пишет в другой своей работе «Трактат о ссудах и ростовщичестве» («*Tratado sobre los Préstamos y la Usura*»). Там он утверждает, что ключевым элементом любого кредитного договора является срок, и если время, на которое предоставляется кредит, не оговаривается (как в случае депозита до востребования) и дата погашения ссуды в договоре не установлена, «то следует подчиняться решению судьи по поводу того, в течение какого времени можно держать ее»²⁹. Луис де Молина также не обращает внимания на то, что природа и правовая сущность договора о вкладе до востребования не имеет ничего общего с кредитным договором. Соответственно его попытка приравнять одно к другому представляет собой шаг назад не только по сравнению с куда более последовательными теориями Саравиа-де-ла-Калье и Аспилькуэты Наварро, но и по сравнению с представлением о юридической природе кредитного договора, присущем классическому римскому праву. Удивительно, что такой ясный и глубокий ум, как Луис де Молина, не понял, насколько опасно мириться с нарушением общих принципов права, когда речь идет о банковских вкладах, и утверждал, что «никогда не случается так, что всем вкладчикам требуются деньги одновременно, так что на счетах вкладчиков всегда имеется много тысяч дукатов, чтобы банкиры могли использовать их с прибылью или убытком для себя»³⁰. Молина не понимал, что в описанной им ситуации происходит не только нарушение договора, который заключается с целью хранения и сохранения денег, но и создаются стимулы для поощрения разнообразных незаконных сделок и злоупотреблений, что в итоге неизбежно порождает экономическую рецессию и банкротство банков. Если нарушается традиционный принцип права, требующий постоянного хранения 100%-ного *tantundem* в пользу вкладчика, то не существует ясных руководящих принципов, позволяющих избегать банкротства банкиров. Совершенно очевидно, что невнятных увещаний типа «действуйте осторожно» или «не ввязывайтесь в опасные сделки» недостаточно, чтобы избежать чрезвычайно негативных экономических и социальных последствий частичного резервирования. Луис де Молина тем не менее счел нужным подчеркнуть следующее: «...(банкиры) должны знать, что они совершают смертный грех, если используют деньги, хранящиеся у них

на вкладах, так, что оказываются не в силах в нужное время обеспечить выплату затребованных вкладчиками сумм или выполнение их поручений... Они впадают в смертный грех и в случае, если занимаются сделками, способными поставить их в положение, когда они не могут выдать вклады, например если посылают в Америку такое количество товаров, что в случае кораблекрушения или нападения пиратов они не смогут выдать вклады, даже если продадут собственное имущество. *Они совершают смертный грех не только в том случае, если их сделки проваливаются, но и тогда, когда их сделки приводят к успеху, потому что они подвергают деньги вкладчиков опасности*»³¹.

Мы считаем это предостережение Луиса де Молины чрезвычайно разумным и не можем не удивляться тому, как он мог не понять, что эти его слова противоречат его положительному (при условии, что банкиры ведут себя «осторожно») отношению к системе частичного резервирования. Не имеет значения, насколько осторожны банкиры; единственное средство избежать рисков и гарантировать сохранность вкладов — постоянно иметь наличные в размере всех полученных вкладов до востребования. После Молины единственным, кто придерживался аналогичной позиции, был Хуан де Луго, тоже иезуит³². С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что внутри Саламанкской школы существовало два направления. Одно из них было теоретически верным, глубоко проработанным и близким к будущей «денежной школе». К нему принадлежали Саравиа-де-ла-Калье, Аспилькуэта Наварро и Томас де Меркадо. Другое направление было более благосклонно к причудам инфляционизма и частичного резервирования; взгляды его представителей — Луиса де Молины, Хуана де Луго и, в гораздо меньшей степени, Доминго де Сото были близки к взглядам будущей «банковской школы». В следующем разделе мы более подробно остановимся на этих двух точках зрения.

БАНКОВСКАЯ И ДЕНЕЖНАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВНУТРИ САЛАМАНКСКОЙ ШКОЛЫ

Вклад теоретиков Саламанкской школы в денежную теорию очень значителен и хорошо изучен³³.

Первый схоластический трактат, посвященный деньгам, принадлежит Диего Коваррубиасу-и-Лейве. Он вышел в свет в 1550 г. под названием «*Veterum Colatio Numismatum*» («Сводные данные о старых монетах»). В этой работе прославленный епископ Сеговии изучил историю девальвации кастильского мараведи и собрал много статистических данных об изменениях цен. Хотя в трактате Коваррубиаса неявным образом содержатся главные идеи количественной теории денег, он не формулировал ее прямо³⁴. Лишь спустя некоторое время, в 1556 г., Аспилькуэта Наварро впервые четко и убедительно заявил, что повышение цен (или, иными словами, снижение покупательной способности денег) произошло в результате

роста денежного предложения в Кастилии вследствие притока драгоценных металлов из Америки.

Мартин Аспилькуэта дал безупречное описание взаимосвязи между количеством денег в обращении и ценами. Он писал: «В землях, где остро не хватает денег, все предлагаемые на продажу вещи, даже труд, отдаются за меньшие деньги, чем в землях, изобильных деньгами; как можно видеть на опыте, во Франции, где денег меньше, чем в Испании, хлеб, вино, одежда и работа стоят гораздо меньше; и даже в Испании в то время, когда в ней было меньше денег, предлагаемые на продажу вещи и услуги наемного труда отдавались за гораздо меньшие деньги, чем после того, как открытие Индий осыпало ее серебром и золотом. Сему причиной то, что деньги стоят больше там и тогда, где и когда их мало, а не там, где они имеются в изобилии»³⁵.

Денежная теория Саламанкской школы хорошо изучена, однако позиция схоластов по отношению к банковской деятельности до сих пор оставалась, можно сказать, без внимания³⁶. Мы уже знаем, что теоретики Саламанкской школы занимались серьезным анализом деятельности банкиров и в значительной степени предвосхитили теории, которые были сформулированы два века спустя в Англии и вылились в конфликт между банковской школой и денежной школой.

Мы уже воспроизвели критику схоластами системы частичного резервирования, в основном опираясь на последние главы «Instrucción de Mercaderes» Саравиа-де-ла-Калье. Мартин де Аспилькуэта и Томас де Меркадо также критически относились к банковской деятельности и хотя градус их критики ниже, чем у Саравиа-де-ла-Калье, в их работах содержится безупречное толкование требований, которые по справедливости должны соблюдаться при заключении договора о денежном вкладе до востребования. В силу этого мы можем отнести этих авторов (в основном доминиканцев) к прото-денежной школе, которая с самого начала стала формироваться в недрах Саламанкской школы. Ее представители отстаивали последовательную и жесткую позицию применительно к юридическим требованиям, предъявляемым к банковскому договору о вкладе до востребования, а кроме того, критически и с недоверием относились к банковской деятельности.

От этой группы внутри Саламанкской школы следует отличать другую, большинство представителей которой были иезуитами. Самый яркий представитель этой группы — Луис де Молина. К ней принадлежат также Хуан де Луго и в меньшей степени — Лессиус и Доминго де Сото. Представители этой группы признавали лидерство Молины. Они неверно понимали юридическую природу договора о денежном вкладе до востребования и соглашались на частичное резервирование, полагая, что по сути он представляет собой «кредитный» договор. Мы не будем приводить здесь все аргументы против позиции Молины, ограничившись указанием на то, что его ошибка в значительной степени была следствием влияния глоссаторов и традиции *depositum confessatum*. Мы хотели бы подчеркнуть, что эта вторая группа внутри Саламанкской школы относилась к банковской деятельности с гораздо большим «пониманием» и оправдывала выведение ее за пределы

традиционных принципов права. Поэтому вполне уместно рассматривать ее как зародыш *банковской школы*, потому что ее представители, как и их последователи из числа представителей английской и континентальной банковской школы несколькими столетиями позже, не только оправдывали банковскую деятельность, основанную на частичном резервировании, — иначе говоря, нарушающую базовые принципы права, — но и полагали, что эта практика благотворна для экономики.

Хотя теоретические взгляды Луиса де Молины на договор о вкладе до востребования представляют собой явный шаг назад и противоречат традиционным принципам права, тем не менее *любопытно отметить, что он — первый представитель банковской школы, осознавший, что чеки и поручения о немедленной выплате конкретной суммы денег, выданные против вкладов до востребования, выполняют ту же самую функцию, что и наличные деньги*. Поэтому неверно утверждать, что первыми, кто показал, что вклады до востребования на счетах банков являются частью денежного предложения и, следовательно, оказывают на экономику то же влияние, что и банкноты, были теоретики английской банковской школы XIX в. Более чем за двести лет до них Луис де Молина уже четко сформулировал эту мысль в ст. 409 «Трактата о вексельных курсах». Он писал: «Деньги выплачиваются банкирам двумя способами: в виде наличности, т.е. монет, и в виде векселей или любых других расписок, ведь тот, кто обязуется погасить расписку, становится должен банку указанную в ней сумму, коию банк обязуется выплатить ее держателю»³⁷.

Луис де Молина имел в виду прежде всего те письменные документы (он называет их по-латыни: *chirographis pecuniarum*, которые на практике использовались в качестве средства платежа в большинстве рыночных сделок. Он указывает на то, что «хотя многие сделки оплачиваются наличными деньгами, большинство совершается с помощью расписок, подтверждающих либо наличие у банка соответствующего долга, либо его согласие выплатить указанную сумму; деньги при этом остаются в банке». Молина отмечает также, что эти чеки выписываются «на предъявителя» и поясняет, что они называются так потому, что деньги должны быть выплачены в момент предъявления документа»³⁸.

Но самое важное открытие Молины — сделанное им задолго до Пеннингтона, который сформулировал ту же мысль в 1826 г.³⁹, — связано с его утверждением, что все денежные сделки, совершаемые на рынке, невозможно покрыть за счет наличности, переходящей из рук в руки, и положение спасают деньги, *порождаемые* банками в виде депозитов, и чеки, которые вкладчики выписывают на эти депозиты. Таким образом, благодаря финансовой активности банков из ниоткуда создаются — в виде депозитов — новые деньги, которые используются в ходе сделок. Молина прямо пишет: «Большинство сделок совершается путем подписания документов, потому что денег не настолько много, чтобы их хватало на покупку огромного количества продаваемых на рынке товаров, и если бы товары можно было бы покупать только за наличные деньги, то объем сделок был бы значительно ниже»⁴⁰.

Наконец, Молина хорошо отличает те операции, которые подразумевают предоставление кредита, т.е. предполагают отсрочку погашения долга, от тех, которые совершаются с помощью чека или списания средств с банковского счета. Он делает следующий вывод: «Нужно заметить, что если происходит списание денег с банковского счета, то сделка не считается предоставлением ссуды, даже если сразу после ее заключения наличные не выплачиваются; ведь банкир будет списывать средства со счета, имеющего (по крайней мере на дату сделки) положительное сальдо»⁴¹.

Хуан де Луго полностью разделял взгляды Молины и так же, как и он, ошибочно считал банковский вклад до востребования «займом». На этом основании он делает вывод, что банкир может использовать его в своих собственных целях до тех пор, пока вкладчик его не востребует⁴².

Позиция Молины и Луго в отношении правового характера договора о банковском вкладе до востребования настолько непоследовательна, что они даже допускают, что этот договор может одновременно (!) иметь разную правовую природу в зависимости от того, с какой стороны его рассматривать (иначе говоря, он может быть вкладом до востребования с точки зрения вкладчика и займом с точки зрения банкира). По-видимому, их это совершенно не смущало. Насколько нам известно, они предъявляют банкирам лишь одно требование: банкиры должны действовать «с осторожностью», чтобы по закону больших чисел у них всегда оставалось достаточно ликвидности, чтобы иметь возможность вернуть вклады в «нормальной» ситуации. Они не понимали, что введенный ими критерий «осторожности» не является объективным и неспособен служить ориентиром для банкиров. Этот критерий явно не требует от банкиров, чтобы они были в состоянии в любой момент вернуть все вклады; его авторы подчеркивают, что банкиры совершают «смертный грех», когда используют средства вкладчиков для заключения неосторожных спекулятивных сделок, *даже если эти сделки успешны и позволяют им вовремя вернуть деньги вкладчикам*⁴³. Кроме того, критерий осторожности не является достаточным: банкир может быть очень осторожным, но не очень ловким или просто невезучим. Тогда «в момент Ч» у него не окажется достаточно ликвидности, чтобы вернуть вклады⁴⁴. В чем же в таком случае состоит пресловутая «осторожность»? Очевидно, что на этот вопрос не существует объективного ответа, которым банкиры могли бы руководствоваться в своей деятельности. Кроме того, закон больших чисел не действует для системы частичного резервирования, потому что порождаемая ей кредитная экспансия генерирует повторяющиеся циклы бума и спада, которые всегда ставят банкиров в тяжелую ситуацию. Теория экономического цикла австрийской школы доказала, что банковская система, основанная на частичном резервировании, неизбежно порождает кризисы ликвидности и тем самым неплатежеспособность банковской системы в целом. Так или иначе, в момент кризиса очень высока вероятность того, что банк будет не в состоянии платить, — иными словами, вероятность того, что он приостановит платежи, — и даже если всем его кредиторам повезло и в конце концов они получают свои деньги, это в самом лучшем случае произойдет после длительного периода ликвидации банка,

на время которого роль вкладчиков изменится: они потеряют возможность распоряжаться своими деньгами и будут вынуждены *принудительно сберегать*, так как смогут изъять деньги только после завершения процедуры ликвидации банка.

Бесспорно, именно по этой причине Томас де Меркадо писал, что провозглашенный Молиной и Хуаном де Луго принцип осторожности — это цель, которой в реальном мире не способен достичь *ни один* банкир. Томас де Меркадо, скорее всего, понимал, что этот принцип не может служить практическим руководством к действию и неспособен гарантировать платежеспособность банков. Но раз он не позволяет обеспечить платежеспособность и ликвидность, то из этого следует, что банковская система, основанная на частичном резервировании, неспособна выполнять свою миссию ни при каких обстоятельствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОЗИЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИЕЗУИТОВ БЕРНАРДА ДЕМПСИ И ФРАНСИСКО БЕЛЬДЫ

Недавно, в прошлом веке, два экономиста-иезуита вернулись к изучению взглядов схоластов на банковскую деятельность. Один из них стоял на позициях банковской школы, другой — на позициях денежной школы. Первый — это испанский иезуит Франсиско Бельда, автор интересной работы под названием «Этичность создания кредитов согласно доктрины Молины, Лессиуса и Луго» («*Ética de la creación de créditos según la doctrina de Molina, Lesio y Lugo*»)⁴⁵. О. Бельда уверен, что на основании описания банковской деятельности у Молины можно сделать вывод, что имеет место настоящее создание кредитов. Благодаря вмешательству банков создается новая, не существовавшая ранее покупательная способность. Одни и те же деньги одновременно используются дважды: банк использует их в собственных целях, и одновременно то же самое делает вкладчик. В результате объем платежных средств в обращении в несколько раз превышает объем наличных денег, породивших эти платежные средства, из чего банк извлекает большую выгоду.

Бельда пишет также, что Молина «считает законным использование банком вкладов клиентов, при условии, что он делает это достаточно осторожно, чтобы продолжать иметь возможность вовремя исполнять свои обязательства»⁴⁶.

Про Хуана де Луго Бельда пишет: «(Он) подробно описывает обычаи банкиров. Мы видим у него открытое одобрение создания кредита, хотя он и не пишет прямо о феномене появления *созданного* кредита. Банки используют для собственных сделок вклады клиентов, при этом предоставляя последним возможность тоже распоряжаться своими деньгами. Речь идет о расширении объема платежных средств, обеспеченного банками посредством выдачи кредитов, дисконтирования векселей и других операций с чужими деньгами. В итоге это приводит к росту покупательной способности рынка,

в разы превышающей тот объем денежных депозитов, который является ее источником»⁴⁷.

Бесспорно, Бельда прав, утверждая, что из всех схоластов Молина и Луго благосклоннее всего относились к банковской деятельности. Тем не менее мы должны покритиковать о. Бельду за то, что он даже не упоминает о взглядах других представителей Саламанкской школы, особенно Томаса де Меркадо, а также Мартина де Аспилькуэты и Саравиа-де-ла-Калье, а ведь они относились к банковским учреждениям гораздо более критично и проанализировали их куда глубже. Анализируя взгляды Молины и Луго, Бельда исходит из кейнсианских представлений об экономике и не только игнорирует все негативные последствия кредитной экспансии для структуры производства, но и считает, что она приносит экономике большую пользу, увеличивая «эффективный спрос» и национальный доход. Таким образом, Бельда рассматривает взгляды представителей Саламанкской школы с точки зрения кейнсианства и банковской школы; он не в состоянии дать внятный анализ правового обоснования института денежного вклада до востребования и в силу этого склоняется к тому, чтобы считать частичное резервирование законной практикой.

Перу другого выдающегося иезуита, о. Бернарда Демпси, принадлежит экономический трактат «Процент и ростовщичество»⁴⁸, где он анализирует взгляды Саламанкской школы на банковскую деятельность, опираясь на гораздо более глубокое знание теории денег и капитала чем то, которым может похвастаться о. Бельда⁴⁹.

Любопытно, что Демпси анализирует работы не тех теоретиков Саламанкской школы, которые более других осуждали банковскую деятельность (Саравиа-де-ла-Калье, Мартина де Аспилькуэты Наварро и Томаса де Меркадо), а тех, кто был ближе всего к банковской школе: Луиса де Молины, Хуана де Луго и Лессиуса. Тем не менее исследование их работ привело его к заключению, что *с точки зрения их собственной доктрины банковское дело, основанное на частичном резервировании, должно быть признано незаконным*. Демпси сделал этот вывод, применив традиционные представления о ростовщичестве, разделявшиеся этими представителями Саламанкской школы, к банковским учреждениям и экономическим последствиям их деятельности, которые были совершенно неизвестны в эпоху Саламанкской школы, но к тому времени, когда Демпси писал свою книгу, получили теоретическое объяснение в работах Мизеса и Хайека. Хотя Демпси и отмечал, что Молина и Луго относились к банкам довольно благосклонно, он утверждал, что кредиты, созданные банками из воздуха за счет использования частичного резервирования, приводят к порождению покупательной способности, для которой не нужно ни сбережений, ни жертв, что наносит существенный ущерб большому количеству третьих лиц — держателей денежных единиц, покупательная способность которых снижается в результате организованного банками инфляционного расширения кредита⁵⁰. Согласно Демпси, создание покупательной способности из воздуха противоречит базовым принципам права в понимании Молины и Луго и подлежит осуждению. Так, Демпси пишет: «Из этого можно сделать

вывод, что если бы схоласты XVII в. имели возможность высказаться по вопросам современной денежной политики, они выступили бы за 100%-ное резервирование или за ограничение хождения денег определенным сроком. Необходимым условием осмысленной и справедливой цены денег является фиксированное денежное предложение либо такое денежное предложение, которое можно изменить лишь в соответствии с объективными и исчислимыми критериями»⁵¹.

Демпси утверждает, что порожденная банковской индустрией кредитная экспансия приводит к снижению покупательной способности денег; в результате банки возвращают клиентам по их требованию денежные вклады во все более обесценивающихся денежных единицах⁵². Из этого он делает верный вывод, что если бы представители Саламанкской школы обладали подробными теоретическими знаниями о функционировании и последствиях того экономического процесса, который порождается банковской системой с частичным резервированием, то они — даже Молина, Лессиус и Луго — расценили бы его как незаконное и порочное *институциональное ростовщичество* огромного масштаба.

ГЛАВА 17

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ЛЮДВИГА ФОН МИЗЕСА КАК УЧЕБНИК ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Тридцатилетие с момента выхода третьего, исправленного и дополненного английского издания главной книги Людвиг фон Мизеса, экономического трактата «Человеческая деятельность», — безусловно, прекрасный повод поразмышлять о значении этой книги для развития экономической теории и удачная возможность продемонстрировать ее сравнительные преимущества ученым, преподавателям и интеллектуалам. Выход в Испании главной книги Мизеса пятым изданием на рубеже XX и XXI столетий имеет глубокое символическое значение: не только потому, что крах реального социализма в странах Восточной Европы стал блестящим подтверждением выводов Мизеса, но и в связи с глубоким кризисом доминировавшего в экономической науке неоклассического вальрасианского похода, приверженцы которого окончательно зашли в тупик². К тому же прошло ровно десять лет с того момента, как мы стали использовать «Человеческую деятельность» в качестве базового учебника политэкономии в мадридском университете Комплутенсе. За прошедшее время этот трактат использовали в качестве основного пособия и рабочего инструмента более 2000 студентов, многие из которых с тех пор успели внести собственный вклад в науку и теорию.

В этой статье мы рассмотрим основные идеи трактата Мизеса и его сравнительные преимущества относительно большинства учебников и хрестоматий по экономической теории, которые сегодня используются в качестве базовых учебных пособий. Затем мы перейдем к изложению краткой интеллектуальной биографии автора и к описанию судьбы его главной книги и ее значения для развития экономической науки. Наконец, мы дадим несколько практических рекомендаций тем университетским преподавателям, которые захотят использовать ее в качестве базового учебника.

ОСНОВНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Типичные недостатки современных учебников по экономической теории

Большая часть из огромного количества имеющихся сегодня на рынке вводных курсов и учебников политической экономии обладает существенными

недостатками, на которые в большинстве случаев не принято обращать внимания. Однако эти недостатки оказывают негативное влияние на качество подготовки будущих экономистов. Во-первых, практически все современные учебники стремятся угнаться за модой. Считается, что чем современнее учебник, тем он лучше; иными словами, самый лучший учебник — это тот, который соответствует последнему писку научной моды и отражает самые последние тенденции, иначе говоря, тот, который ориентируется на свежие публикации в специализированных экономических журналах, считающихся наиболее авторитетными. По сути дела мы имеем дело с очередным воплощением старого мифа о «научном мелиоризме» — представлением о том, что любые новые научные идеи с теоретической точки зрения лучше старых уже потому, что они новые. Такие представления имеют под собой некоторое основание, если речь идет о естественных науках или о технологии, но они совершенно ошибочны, если речь идет о социальных науках и, в частности, о политической экономии. Наша наука стоит на принципах, относящихся к сущности человеческой природы; они не меняются в соответствии с научной модой и в зависимости от развития технологий; они чрезвычайно устойчивы, даже незыблемы. Это означает, что будущим экономическим теоретикам следует давать в первую очередь фундаментальные теоретические знания и внимательно следить, в первую очередь в начале обучения, чтобы они не отвлекались на разные модные идеи и новейшие течения, которые, несмотря на прелесть новизны, на самом деле довольно поверхностны и мешают, или могут помешать студентам понять базовые принципы, на которые опирается экономическая наука³.

Погоня за модой стала той причиной, по которой многие авторы учебников искренне полагают, что им достаточно пересказать модные доктрины разного качества и в разной степени согласующиеся друг с другом и совершенно незачем прилагать усилия для разъяснения их фундаментальных оснований (и уж тем более не нужно пытаться объяснить читателю или студенту их внутреннюю логику). Обычно, чтобы скрыть недостаток рефлексии и логики, прибегают к математическим формулам (верное средство убедить непосвященных в «научности» гипотезы) и к насыщению текста статистикой и разными схемами. Писать такие учебники на самом деле гораздо проще и быстрее, чем дать сжатое, понятное и логичное описание экономических принципов, заставляющее студентов (и преподавателя) постоянно помнить о фундаментальных основаниях того аналитического инструментария, который они используют. Очень мало кто из авторов современных учебников излагает основания экономической теории и даже те, кто упоминает о них, быстро переходят на другие темы, не желая «сбивать с толку» студентов, обременяя их изучением «трудных» вопросов, связанных с принципами, фундаментом и методом нашей науки.

По описанным причинам авторы учебников часто легкомысленно упрощают материал, чтобы сделать его «попонятнее и подступнее» для студентов. Этим объясняется их любовь к конкретным примерам, диаграммам и подробным статистическим данным. Непрерывное снижение уровня подготовки абитуриентов в сочетании с доминированием в обществе «массовой

культуры» приводит к тому, что многие базовые учебники по экономической науке больше похожи на глоссарии, объясняющие значение терминов, которые можно встретить в статьях экономических журналистов, чем на научные работы по экономической теории, где раскрываются базовые принципы и основания нашей дисциплины, хотя по идее они должны сформировать у первокурсников умение рассуждать в терминах экономической логики. То, что в одном из наиболее авторитетных учебников экономической теории категорически утверждается, что «цена *измеряет* редкость»⁴, а в другом написано, что если установить цены на уровне предельных издержек, то это позволит социалистической экономике достичь «оптимума» и превзойти его, чего в капиталистической экономике достичь трудно⁵, это лишь два из многочисленных примеров того, какой вред наносят умам студентов неточности в изложении и стремление авторов учебников любой ценой упростить материал. Подобные казусы создают у них ложные представления, на разрушение которых требуются годы, а иногда оболванивание необратимо.

Было бы ошибкой считать, что причина перечисленных нами недостатков — преходящая мода, личные причуды или пренебрежение строгостью изложения конкретных авторов конкретных учебников. Самая главная опасность связана с тем, что в значительной степени эти недостатки представляют собой естественные результаты доминирования внутри научного сообщества узкосциентистского и позитивистского представления об экономической теории. Образ нашей науки, который обычно создают учебники, — это образ дисциплины, развитие которой идет тем же путем, что и развитие естественных и инженерных наук. Эта дисциплина исходит из того, что необходимая информация о целях и средствах доступна или «дана» (в абсолютном или относительном смысле) и что это знание (информация) является *константой* и не меняется; соответственно проблематика экономической науки сводится исключительно к технологии оптимизации и максимизации. За этим представлением скрывается неявное стремление сконструировать науку «социальной инженерии» и свести экономическую теорию к набору практических советов о том, как следует вмешиваться в экономику. Соответствующие рекомендации, украшенные безумным количеством функций и графиков (спроса, предложения, издержек, безразличия—предпочтения, производственных возможностей и т.д., и т.п.), некритически преподносятся студентам и внушают им ложное убеждение, будто бы существует универсальная технология вмешательства в экономику, способная служить ориентиром «аналитику», который занимается теми или иными конкретными экономическими проблемами. Такой подход наносит студентам огромный вред. Вводные курсы по экономической теории не дают им никакого представления о базовых принципах и основаниях экономической науки; к тому же у них возникает ложное впечатление, будто каждая проблема имеет единственно верное решение, которое можно найти, если правильно поставить «диагноз» и автоматически выполнить соответствующие «рекомендации». Студентов учат, что главное — уметь механически формулировать и решать уравнения, в которых содержится якобы фиксированная и неиз-

менная информация (скажем, о спросе, предложении и «эластичности»⁶ соответствующих функций). Экономические факультеты, использующие описанный подход, больше похожи на учебные институты самого низкого пошиба, где готовят (социальных) «инженеров», чем на *подлинно* университетские центры, где, по идее, должны исследовать принципы и основания экономической науки и обучать этому студентов⁷.

Из сказанного ясно, почему современные учебники обычно живут недолго. Желание угнаться за модой и упростить материал приводит к тому, что при последующих изданиях учебника (а тираж распродается быстро, потому что эти учебники жадно поглощают орды молодых экономистов, которым преподаватели всегда рекомендуют самые последние, новейшие издания) его автор, не обременяя себя объяснениями, часто просто выбрасывает из него описание некоторых теорий и идей, ранее занимавших в нем важное место. Например, из четырнадцатого издания одного из самых популярных учебников исчез (к счастью, на наш взгляд) присутствовавший в предыдущих тринадцати «парадокс сбережения или бережливости» — разумеется, без каких-либо объяснений. Почему это произошло, неизвестно: то ли многие поколения студентов заучивали наизусть ошибочные тезисы, то ли, наоборот, читатели последнего издания почему-то решили лишить важной информации⁸.

Мираж новизны и связанный с ним порок поверхностности не только разрушают логику и строгость изложения и снижают качество обучения, но, кроме того, часто создают у студентов неполное представление об экономической науке, поскольку в учебниках разные подходы и методики — возможно, чтобы не «запутывать» студентов — преподносятся без какого-либо критического анализа, а кроме того, в них не описываются альтернативные подходы. Если такие-либо теоретические позиции и идеи, вполне соответствующие стандартам научного исследования, приводят к иным выводам, чем те, которые сформулированы в учебнике, автор просто умалчивает о них, создавая у первокурсников ложное впечатление о том, что в научном сообществе существует консенсус, которого на самом деле нет. Иногда авторы учебников используют, так сказать, критерий «демократии», излагая позицию «большинства» и умалчивая о существовании иных взглядов. Упоминания о других школах и доктринах в лучшем случае встречаются в кратких замечаниях, относящихся к истории экономической мысли; часто их выносят за пределы основного текста, и это неизбежно создает впечатление, что современная наука (идеи которой излагаются в основном тексте) усвоила все ценные идеи этих школ, а остальное устарело, и не стоит того, чтобы тратить на него время. В каких учебниках по экономике говорится, к примеру, о существовании строго научных доказательств того, что закон равенства взвешенных (по ценам) предельных полезностей не имеет теоретического смысла? В каких из них высказываются сомнения по поводу неограниченного использования в нашей науке функционального анализа или таких обобщенных инструментов, как например, кривые безразличия—предпочтения?⁹ В каких учебниках критикуется теория так называемого выявленного предпочтения за то, что она основана на усло-

вии неизменности субъективных оценок, которое никогда не выполняется в реальной жизни, а не на неоспоримых критериях «непротиворечивости» и «рациональности»?¹⁰ Иными словами, как можно объяснить, что в нашей науке существуют важные школы мысли, использующие априорные и дедуктивные построения, не прибегая к старым гипотезам методологического позитивизма?¹¹

*Важное значение трактатов об основаниях
и принципах экономической науки*

Единственный способ устранить недостатки, о которых шла речь в предыдущем разделе, это возродить традицию трактатов о принципах и основаниях экономической науки и учить по ним студентов. Вместо того чтобы писать учебники, представляющие собой обзоры модных трендов и последних новостей, нужно создавать настоящие экономические трактаты, которые, будучи плодом серьезной методологической рефлексии и значительного личного научного опыта, давали бы последовательное изложение основных принципов, лежащих в основе экономической науки. В результате студенты получили бы в руки неоценимый инструмент, который позволил бы им принять участие в дальнейшем развитии экономической теории и служил бы для них ориентиром в течение всей их профессиональной карьеры. Срок жизни экономического трактата гораздо дольше, чем у современных учебников и пособий. Авторы трактатов ориентируются на вневременные и абстрактные критерии (иными словами, избегают журналистики и горячих тем) и заботятся о том, чтобы читатель получил целостное представление об экономической науке, все элементы которой тесно взаимосвязаны. Так или иначе, главная цель любого трактата о принципах и основаниях нашей науки должна состоять в том, чтобы научить студентов мыслить в терминах экономической теории. Поскольку к изложению и теоретическому обоснованию основных принципов экономической науки следует относиться очень требовательно и серьезно, то в трактатах должны непредубежденно описываться все существующие подходы и альтернативные точки зрения. Их авторы, проанализировав их сравнительные достоинства и недостатки, должны предоставлять серьезные аргументы в пользу избранной ими теоретической позиции. В настоящих трактатах о принципах экономической теории от читателя не скрывают разнообразия существующих подходов; напротив, их представляют их читателю и подвергают подробному анализу для того, чтобы в результате прийти к теоретическим выводам, которые представляются автору наиболее обоснованными¹².

Естественно, это не означает, что в экономических трактатах нет места теоретическому анализу более конкретных проблем, имеющих большое практическое значение. Ведь качественный теоретический и абстрактный фундамент не только является необходимым условием верного понимания и истолкования того, что происходит в реальной экономике, но и позволяет правильно проводить теоретический анализ реальных событий и выда-

вать наиболее уместные в той или иной конкретной ситуации практические рекомендации.

Главным трактатом о принципах и основаниях экономической науки, созданным в XX в., является «Человеческая деятельность» Людвиг фон Мизеса. Его отличают строгость и глубина анализа, последовательность и внутренняя логика, связывающая воедино все 39 глав, где затронуты практически все проблемы экономической науки. В своем труде Мизес дает систематическое изложение цельной, завершенной и внутренне непротиворечивой экономической теории¹³. При этом трактат написан ясным и понятным языком. В нем не просто проанализированы различные существовавшие на протяжении истории экономической мысли школы и дана их оценка; ему присущи редкая теоретическая глубина и оригинальность, делающая его классикой экономической мысли. Это подлинная сокровищница идей и наблюдений, каждое из которых легко превратить в тему для отдельного исследования, диссертации или даже целой книги или трактата¹⁴.

АВТОР И ЕГО ГЛАВНЫЙ ТРУД: ВКЛАД МИЗЕСА В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ

Хотя объем этой статьи не позволяет нам даже кратко изложить все теоретические открытия, которых так много в «Человеческой деятельности», мы хотели бы перечислить хотя бы главные из них и немного рассказать об эволюции взглядов автора, итогом которой стал этот трактат.

Научная деятельность Мизеса пришлось на первые две трети прошлого века. По собственному признанию, Мизес стал экономистом после того, как на Рождество 1903 г. прочитал «Основы учения о народном хозяйстве» Карла Менгера¹⁵. Это стало началом долгой и плодотворной научной карьеры исследователя и преподавателя, которая завершилась в 1969 г., когда Мизес покинул кресло профессора экономической теории Нью-Йоркского университета.

Книга Менгера, оказавшая такое влияние на Мизеса, была вехой в истории экономической мысли. В ней была впервые предпринята попытка построить экономическую теорию на основе представления о человеке как о творческом и деятельном субъекте, играющем ведущую роль во всех социальных процессах. Менгер считал, что необходимо отбросить бесплодную «объективность» классической англосаксонской школы и вслед за куда более древней традицией, восходящей к испанским схоластам XVI—XVII вв.¹⁶, полагал, что ученый должен вставать на субъективную точку зрения действующего человека, которая неизбежно оказывает определяющее воздействие на формирование экономических теорий, их выводы и практические результаты. Вполне понятно, что он требовал отказа от бесплодного объективизма классической англосаксонской школы, помешанной на якобы объективных внешних факторах (социальных классах, агрегатах, факторах материального производства и т.п.). Естественным следствием из возрожденной усилиями Менгера «субъективистской»¹⁷ концепции стало не только создание субъективной теории ценности и открытие вытекаю-

щего из нее закона предельной полезности, но и представление о том, что издержки представляют собой субъективную оценку человеком тех возможностей, от которых он отказывается, когда начинает действовать определенным образом (понятие альтернативных издержек).

Дело Менгера продолжил его самый блестящий ученик, Ойген фон Бём-Баверк (1851—1914)¹⁸, который преподавал экономику сначала в Инсбруке, а потом в Вене. Кроме того, он три раза занимал пост министра финансов Австро-Венгрии. Вклад Бём-Баверка состоял не только в распространении разработанной Менгером субъективистской концепции, он значительно развил ее, особенно в области теории капитала и процента. Бём-Баверк подверг критическому анализу все теории, существовавшие до появления его работы об источнике процента (с особенным блеском он раскритиковал Марксову теорию эксплуатации и тех теоретиков, которые считали, что источником процента является предельная производительность капитала). Он разработал новую теорию происхождения процента, основанную на субъективном факторе временного предпочтения. Самым блестящим учеником Бём-Баверка, несомненно, был Людвиг фон Мизес, наиболее талантливый участник семинара, который Бём-Баверк вел в Венском университете до начала войны. На этом семинаре, в котором принимали участие теоретики калибра Й. Шумпетера, Мизес предложил распространить традиционную субъективистскую концепцию экономической науки, которую возродил Менгер, на сферу денег и кредита. В 1912 г. он опубликовал свою первую значительную книгу по экономической теории, «Теорию денег и фидуциарных средств обращения»¹⁹.

Людвиг фон Мизес и теория денег, кредита и экономических циклов

Первое из открытий Мизеса в области теории денег, продвинувшее науку далеко вперед, состояло в том, что он распространил субъективизм австрийской школы на сферу денег и дал объяснение ценности денег, основанное на теории предельной полезности. Мизесу удалось вырваться из порочного круга, в который до тех пор превращались все попытки объяснить феномен денег с помощью теории предельной полезности. Ведь цена, или покупательная способность, денег зависит от спроса на деньги и от предложения денег. Однако тот спрос на деньги, который предъявляют люди, в свою очередь, зависит не от непосредственной полезности, которую обеспечивают деньги, а от их покупательной способности. Мизес разорвал этот порочный круг с помощью теоремы регрессии, которую он формулирует и подробно объясняет в четвертом разделе Главы XVII «Человеческой деятельности». Согласно этой теореме, спрос на деньги зависит не от их *сегодняшней* покупательной способности (это привело бы к возникновению описанного выше порочного круга), а от информации об их *вчерашней* покупательной способности, которая формируется у действующего субъекта на основании его опыта. В свою очередь, вчерашняя покупательная способность зависит от

спроса на деньги, сформировавшегося на базе информации об их позавчерашней покупательной способности. Эта цепочка уходит вглубь истории до того момента, когда на тот или иной товар (золото и серебро) впервые возник спрос в качестве средства обмена.

«Теория денег и фидуциарных средств обращения» вскоре стала классикой денежной теории²⁰. В этой книге Мизес начал развивать свою замечательную теорию экономических циклов. Позже эта теория стала известна как австрийская теория экономических циклов. Соединив теорию денежной школы с субъективистской теорией капитала и процента Бём-Баверка, Мизес показал, что безудержное расширение кредита без учета роста реальных сбережений (эмиссия фидуциарных средств обращения), которое порождает банковская система, контролируемая центральным банком и основанная на частичном резервировании, не просто циклически генерирует неконтролируемый рост денежного предложения. В силу того что эта система приводит к созданию из воздуха кредита по искусственно заниженным ставкам, она неизбежно порождает нереальное и нежизнеспособное удлинение производственных процессов, которые становятся неоправданно капиталоемкими. Рано или поздно разгон инфляции за счет кредитной экспансии стихийно прекращается и начинается кредитное сжатие, а это приводит к экономическому кризису и рецессии, когда в результате инвестиционных ошибок возникают массовая безработица и необходимость ликвидации и перераспределения неверно инвестированных ресурсов. Теория цикла, которую Мизес подробно излагает в главах XX и XXXI «Человеческой деятельности», представляет собой первую удачную попытку интеграции микро- и макроаспектов экономической теории²¹ и обеспечивает теоретические инструменты, необходимые для того, чтобы объяснить чередование на рынке бума и депрессии. Неудивительно, что Мизес был основным инициатором создания [в 1928 г.] Австрийского института исследований конъюнктуры, первым директором которого бы назначен Ф. Хайек (лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 г.). Институт стал единственным научным учреждением, которое смогло в 1929 г. предсказать наступление Великой депрессии, ставшей неизбежным венцом искусственного процветания 1920-х годов с их денежными и кредитными эксцессами²². Следует также подчеркнуть, что Мизес и его ученики развивали теорию экономических циклов, одновременно занимаясь анализом невозможности социализма (см. ниже). На самом деле австрийская теория кризисов занимается лишь одним частным случаем последствий тех нарушений социальной координации, которые возникают в результате систематической агрессии государства по отношению к производственной структуре общества в налоговой, кредитной и денежной сферах.

Теорема Мизеса о невозможности социализма

Третье великое открытие Мизеса — это теорема невозможности социализма. Для Мизеса, стоявшего на точке зрения австрийского субъективизма,

этот вывод был очевиден²³. Если источником всех желаний, оценок и знаний является способность действующих людей к творчеству, то все системы, основанные на использовании агрессии против свободной человеческой деятельности, т.е. социализм и, в меньшей степени, интервенционизм, неизбежно препятствуют возникновению в умах отдельных людей информации, необходимой для координации общества. Мизес понимал, что *экономический расчет*, т.е. любая оценка результата доступных человеку вариантов действий, требует информации из первых рук и невозможен в системе, которая, подобно социализму, основана на принуждении и в большей или меньшей степени препятствует добровольному обмену (в ходе которого формируются, обнародуются и обнаруживаются индивидуальные оценки) и свободному использованию денег в качестве добровольного и общепринятого средства обмена²⁴. На этом основании Мизес приходит к выводу, что там, где не существует свободного рынка, свободных рыночных цен и/или денег, «рациональный» экономический расчет невозможен, если считать «рациональным» расчет, сделанный на основе необходимой (а не произвольной) информации. Впервые Мизес систематизировал свои взгляды на социализм в большом критическом трактате об этой общественной системе, первое издание которого вышло в 1922 г. по-немецки под названием «Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus». Далее последовали переводы на английский, французский и испанский²⁵. «Социализм» Мизеса пользовался огромной популярностью в континентальной Европе. Прочитав эту книгу, Ф. Хайек (изначально социалист-фабианец), Вильгельм Рёпке и Лайонел Роббинс изменили свою позицию и стали либералами²⁶.

Кроме того, эта книга положила начало одному из четырех великих споров, в которые были вовлечены теоретики австрийской школы: спору о невозможности экономического расчета при социализме²⁷. Недавно у меня была возможность заняться подробным изучением и переоценкой²⁸ всех аспектов этого спора, в котором победили сторонники австрийской школы, что сегодня признают даже бывшие теоретики социализма²⁹. По своим последствиям это был один из самых значимых споров в истории экономической мысли³⁰.

Теория предпринимательства

Отношение к человеку как к главному и неотъемлемому фигуранту всех социальных процессов составляет суть четвертого важнейшего открытия Мизеса. Он осознал, что благодаря субъективистской концепции Менгера экономическая теория, которая первоначально исследовала идеально-типическую (в веберовском смысле) фигуру *homo oeconomicus*, приобрела более универсальный характер, превратившись во всеобщую теорию человеческой деятельности и взаимодействия (праксиологию, в терминологии Мизеса). Основные характеристики человеческой деятельности, взаимодействия между людьми и вытекающие из этого последствия подробно исследуются в экономическом трактате Мизеса, который именно по этой

причине носит название «Человеческая деятельность»³¹. Мизес считает, что у любого действия есть предпринимательно-спекулятивная составляющая; он развивает теорию предпринимательства, понимаемого как способность людей к созданию субъективных возможностей для извлечения выгоды или прибыли из окружающих их обстоятельств и к осознанию того, что такие возможности существуют в их окружении, а также непосредственно к деятельности, направленной на извлечение из них выгоды³². Теорию предпринимательства Мизеса впоследствии развил один из самых блестящих его учеников, профессор экономики Нью-Йоркского университета Израэл Кирцнер (род. 1930)³³. Кроме того, что наличие у людей предпринимательской способности объясняет, почему они постоянно заняты поиском и созданием новой информации о целях и средствах³⁴, это позволяет понять, почему на рынке, который не испытывает на себе государственного вмешательства, стихийно возникает тенденция к координации. Именно учет координирующей способности предпринимательства позволяет создать логически непротиворечивый корпус экономической теории и избежать ловушки сциентистского (математического и статистического) анализа, который основан на гипотетических константах и представляет собой дурную копию совершенно чуждого нашей науке метода физики и прочих естественнонаучных дисциплин.

Априорно-дедуктивная методология и критика сциентистского позитивизма

Начиная с Менгера теоретики австрийской школы проявляли глубокий интерес к методологическим и эпистемологическим проблемам; особое внимание уделял им Мизес, и его вклад в исследование этой проблематики чрезвычайно велик. Из того что «наблюдатель», т.е. исследователь, не может получить ту практическую информацию, которую постоянно и децентрализованно создают и открывают «наблюдаемые» действующие субъекты — предприниматели, вытекает теоретическая невозможность эмпирической верификации в нашей науке. В этом смысле можно утверждать, что эмпирицизм и анализ затраты—выгоды, т.е. утилитаризм в узком смысле, не подходит нашей науке абсолютно по тем же причинам, по которым социализм теоретически невозможен. Не имеет значения, кто — правитель или ученый — тщетно пытается получить нужную ему практическую информацию, чтобы проверить свою теорию или добиться от своих приказов координирующего эффекта. Если бы это было возможно, то полученную информацию можно было бы с успехом использовать и для обеспечения в обществе координации посредством приказов (социализм или интервенционизм), и для эмпирической верификации экономических теорий. Однако по одним и тем же причинам — во-первых, в силу колоссального объема информации; во-вторых, в силу характера этой информации (рассеянной, субъективной и не выраженной вербально); в-третьих, из-за динамической природы предпринимательского процесса (невозможно передать инфор-

мацию, которую предприниматели, вовлеченные в непрерывный процесс творчества и инноваций, еще не породили); в-четвертых, в результате последствий самой агрессии и научного «наблюдения» (которые искажают процесс создания предпринимателями информации, пагубно влияют на него и частично или полностью блокируют), — и социалистический идеал, и позитивистский (он же утилитаристский) идеалы с точки зрения экономической теории невозможны³⁵.

По тем же самым причинам в экономической науке теоретически невозможны конкретные предсказания (в смысле предсказания временных и пространственных координат). Мы в принципе не можем иметь научных знаний о том, что произойдет завтра, потому что это зависит в основном от того знания и от той информации, которых предприниматели еще не создали; соответственно их невозможно узнать. Поэтому экономическая наука может предсказывать исключительно тенденции (или, как выразился Хайек, паттерны), т.е. явления, которые носят сугубо теоретический характер и связаны в лучшем случае с качественным прогнозированием неупорядоченности и последствий нарушения социальной координации, вызванных институциональной агрессией против рынка (социализмом и интервенционизмом).

В силу отсутствия в сфере экономической науки наблюдаемых объективных фактов внешнего мира, связанного с тем, что согласно субъективистской концепции «факты» экономического исследования суть просто мнения людей, о том, что они делают и к чему стремятся³⁶. Эти «факты» не поддаются непосредственному наблюдению, а могут лишь интерпретироваться в историческом контексте. С учетом этого обстоятельства, а также крайне сложного характера находящихся в состоянии непрерывного изменения социальных процессов и событий, применительно к которым можно говорить лишь о «переменных», но никак не о «параметрах» или «константах», традиционная цель эконометрики становится невозможной, а любая позитивистская методология (от наивного стремления проверить теорию фактами до утонченного попперианского фальсификационизма) лишается всякого смысла.

В противоположность позитивистскому идеалу Мизес далее демонстрирует, что экономическую теорию можно построить исключительно с помощью априоризма и дедукции. В двух словах, он показывает, что можно создать полноценный логический и дедуктивный арсенал на базе самоочевидного знания (типа аксиомы субъективности человеческой деятельности и ее основных компонентов), с которым невозможно спорить, не впад в очевидное противоречие³⁷. Этот теоретический арсенал необходим для того, чтобы верно интерпретировать на первый взгляд не связанные друг с другом сложные исторические явления, в совокупности образующие мир социального, а также для того, чтобы писать историю прошлого или предсказывать события будущего (типичное занятие предпринимателя) с минимальной уверенностью, рациональностью или шансами на успех. В связи с этим становится понятно, почему Мизес отводит такую роль истории, соотношению теории и истории и фигуре историка, а также почему он

называет предпринимателя «действующим человеком, который смотрит в будущее глазами историка»³⁸.

*Экономическая теория как теория динамических
социальных процессов: критика модели общего
и частичного равновесия и представления
об экономической теории как о технологии максимизации*

Наконец, в-шестых, работа Мизеса дала сильнейший импульс развитию теории динамических процессов. С точки зрения Мизеса, построение математической экономической науки, основанной на модели равновесия (общего или частичного)³⁹, где вся информация, необходимая, скажем, для построения функций спроса и предложения, считается (пусть и в вероятностных терминах) постоянной и «данной», не имеет смысла.

По мнению Мизеса, главная задача экономической науки заключается совершенно в ином; она должна заниматься изучением динамического процесса социальной координации, в ходе которого разные люди, занимаясь предпринимательством, постоянно генерируют новую информацию (которая никогда не бывает константой или данностью) в ходе поиска целей и средств, которые они считают существенными при данных конкретных обстоятельствах, и таким образом, не замечая того, формируют стихийный процесс координации. В экономике, в отличие от физики и естественных наук, не существует функциональных соотношений (и, следовательно, функции спроса, предложения, издержек и т.п.). Не следует забывать, что с точки зрения математики, точнее, теории множеств, функция — это всего лишь взаимно однозначное соответствие между элементами или точками двух множеств, «начального» и «конечного». С учетом врожденной творческой способности людей, которые постоянно порождают и открывают новую информацию в конкретных условиях, где они действуют, реализуя собственные цели и используя доступные им средства, очевидно, что в экономике не выполняется ни одного из трех условий, необходимых для наличия функциональной взаимосвязи: 1) элементы начального множества не даны и не являются постоянными; 2) элементы конечного множества не даны и не являются постоянными; 3) что самое главное, *соответствие между элементами двух множеств тоже не является ни заданным, ни постоянным, а все время меняющимся в результате деятельности и творческой способности людей*⁴⁰. Соответственно, чтобы использовать функции в нашей науке, нужно исходить из *гипотезы о неизменности информации*, т.е. исключить из рассмотрения главного фигуранта социального процесса: наделенного врожденной творческой и предпринимательской способностью человека. Огромная заслуга Мизеса состоит в том, что он показал: завершенную и логически непротиворечивую экономическую теорию можно построить, не прибегая к функциям, а следовательно, и к гипотезе неизменности, которая противоречит природе человека, главного фигуранта социального процесса, изучение которого является задачей экономической науки⁴¹.

Таким образом, Мизес доказал, что главная проблема экономической теории носит не технический или технологический характер, как обычно считают использующие математические методы экономисты-неоклассики, которые исходят из того, что цели и средства «даны», а остальная необходимая информация неизменна, сводя тем самым задачи экономической науки к чисто технической задаче оптимизации или максимизации⁴². Иными словами, основная экономическая проблема — это не задача максимизации «известной» и постоянной объективной функции, ограниченной «известными» и постоянными факторами. Она носит чисто экономический характер и возникает в условиях конкуренции множества целей и средств, информация о которых не является ни данной, ни неизменной, а рассеяна по умам людей, непрерывно создающих и порождающих ее из ничего, откуда следует, что в принципе не могут быть известны ни все уже доступные варианты действий, ни те варианты действий, которые будут созданы в будущем, ни та относительная интенсивность, с которой люди будут их реализовывать. Возможно, самое главное и самое важное, что сделал Мизес для экономической науки, заключается как раз в том, что он окончательно уничтожил то ложное представление, что экономическая теория сводится всего лишь к технологии максимизации⁴³.

Краткая биография Людвиг фон Мизеса

Людвиг фон Мизес родился 29 сентября 1881 г. в Австро-Венгрии, в Лемберге. Сейчас этот город называется Львов и входит в состав независимого украинского государства. Отец Людвиг закончил Цюрихскую политехническую школу и получил известность как инженер-железнодорожник. Людвиг был старшим из трех братьев. Один из его младших братьев умер еще ребенком, другой, Рихард, стал знаменитым математиком и логическим позитивистом. Отношения между братьями были прохладными.

Людвиг фон Мизес стал доктором права 20 февраля 1906 г. Он был звездой экономического семинара Бём-Баверка, который тот вел в Венском университете до 1914 г. Участником семинара Бём-Баверка был и Й. Шумпетер. Мизес считал Шумпетера весьма непоследовательным и легковесным теоретиком, попавшим в ловушку неоклассического сциентизма, и осуждал его желание блистать во что бы то ни стало.

В 1906 г. Мизес начал преподавательскую деятельность. Сначала он шесть лет читал экономическую теорию в Венском женском коммерческом училище (*Wiener Handelsakademie für Mädchen*), а в 1913 г. стал профессором Венского университета, где преподавал двадцать лет. В 1934 г. он стал профессором кафедры международных экономических отношений в Институте высших международных исследований в Женеве. После начала Второй мировой войны он бежал от Гитлера в США, получил американское гражданство и стал профессором Нью-Йоркского университета, где преподавал до выхода на пенсию в 1969 г. С 1920 по 1934 г. Мизес вел знаменитый семинар по экономической теории (*Privatseminar*, частный семинар),

заседания которого устраивались в его кабинете в Венской Торговой палате, где он был директором экономического департамента. Благодаря этому начинанию он приобрел возможность серьезно влиять на экономическую политику Австрии. На заседания, проходившие в пятницу вечером, приходили не только аспиранты Мизеса: он приглашал на них выдающихся экономистов со всего мира. Регулярными участниками семинара были Фридрих Хайек, Фриц Махлуп, Готтфрид фон Хаберлер, Оскар Моргенштерн, Пауль Розенштейн-Родан, Феликс Кауфман, Альфред Шюц, Рихард фон Штригль, Карл Менгер (сын основателя австрийской школы, математик) и Эрих Фёгелин. Из Великобритании и США приезжали Лайонел Роббинс, будущий лидер лейбористов Хью Гейтскелл, Рагнар Нурске, Альберт Харт и др. В США Мизес возобновил свой семинар, когда стал преподавать в Нью-Йоркском университете. Семинар собирался по четвергам, начиная с осени 1948 г. и до весны 1969 г. Среди его участников были покойный профессор Мюррей Ротбард и профессор Израэл Кирцнер. Людвиг фон Мизес стал почетным доктором Нью-Йоркского и Фрайбургского университетов (во втором случае — по просьбе Хайека). В 1962 г. он получил медаль Австрийской республики за заслуги в области науки и искусства, а в 1969 г. стал почетным членом Американской экономической ассоциации. Он умер в Нью-Йорке 10 октября 1973 г., оставив после себя 22 книги и сотни экономических статей и докладов⁴⁴.

Жизнь Мизеса сложилась удачно. Ему было отпущено почти семьдесят лет научного творчества, и он получил мировую известность при жизни. Уже в 1944 г. Генри Саймонс назвал его «величайшим из живущих учителей экономической теории»⁴⁵. Лауреат Нобелевской премии Милтон Фридмен, позитивист чикагской школы, вскоре после смерти Мизеса отозвался о нем как об «одном из величайших экономистов всех времен и народов»⁴⁶. Другой нобелевский лауреат, Морис Алле, писал, что Мизес был «человеком исключительного ума, внесшим в экономическую науку колоссальный вклад»⁴⁷. Наконец, лорд Роббинс в своей интеллектуальной автобиографии отозвался о Мизесе так: «Я уверен, что только человек, ослепленный политическими пристрастиями, неспособен оценить редкие достоинства «Человеческой деятельности», авторитетнейшего экономического трактата, который будит научное воображение и стимулирует теоретические поиски»⁴⁸.

Издательская судьба «Человеческой деятельности»

«Человеческую деятельность» Мизеса нельзя назвать простой книгой. Это серьезный и обширный трактат по политической экономии. Тем не менее в своем жанре он стал бестселлером. На момент написания этой статьи он вышел 25-ю изданиями (не учитывая допечаток, которых было примерно столько же). При жизни автора вышло четыре издания, в каждое из которых он вносил исправления и дополнения. К настоящему моменту продано в общей сложности примерно 150 тыс. экземпляров «Человеческой деятельности»⁴⁹. Книга выходила на десяти языках: английском, немецком,

итальянском, французском, испанском, португальском, русском, японском, китайском и корейском. Она остается одним из наиболее широко цитируемых трактатов; на нее ссылаются в монографиях, специализированных экономических статьях, работах по методологии экономической науки и особенно в текстах, где говорится об экономическом анализе социализма. Мы дадим краткий обзор основных изданий «Человеческой деятельности».

Трактат «Nationalökonomie»: немецкий предшественник «Человеческой деятельности»

«Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens»⁵⁰ («Экономическая теория: теория деятельности и изменений») — это первый написанный Мизесом экономический трактат, который можно считать непосредственным предшественником «Человеческой деятельности». Он писался в счастливое для Мизеса время, в Женеве, и был опубликован в мае 1940 г. Из-за Второй мировой войны научный мир не заметил этой книги. В первой версии своего трактата Мизес стремился систематически изложить завершённую экономическую теорию человеческого поведения на языке, доступном любому образованному человеку⁵¹.

«Nationalökonomie» до сих пор не переведена на английский. С научной точки зрения это достойно сожаления, потому что она далеко не во всем совпадает с «Человеческой деятельностью». На самом деле этот трактат дает больше пищи исследователю, потому что в нем больше примечаний, из которых можно узнать о том, под влиянием каких источников находился автор, и они гораздо пространнее, чем в «Человеческой деятельности». Кроме того, в текст «Человеческой деятельности» не вошли некоторые крайне важные разделы «Nationalökonomie», в частности глава, где Мизес критикует теорию процента Бём-Баверка⁵².

Необходимость сделать этот трактат Мизеса доступным немецкому читателю привела к тому, что *Nationalökonomie* была переиздана в 1980 г., на этот раз в серии «Библиотека Карла Менгера» (International Carl Menger Library)⁵³. Выход второго издания вызвал в Австрии и Германии волну благосклонных откликов⁵⁴. Кроме того, вышло роскошное факсимильное издание *Nationalökonomie* в серии «Классики экономической теории», снабженное «путеводителем» (*Vademecum*), написанным Питером Бетке, Куртом Лойбе и Энрико Коломбатто.

Human Action, или «Человеческая деятельность» по-английски

Первое издание «Человеческой деятельности» по-английски было издано под названием «Человеческая деятельность: трактат по экономике» («Human Action: A Treatise on Economics») в издательстве «Yale University Press» в 1949 г. Это был главный труд Людвиг фон Мизеса, вершина его

теоретической мысли. Мы уже писали, что «Человеческая деятельность» отнюдь не просто перевод «Nationalökonomie». После переезда в США Мизес работал над своим текстом пять лет, и результатом стала принципиально новая книга. «Человеческая деятельность» имела успех у читателей, и вышедшее одновременно в США и Англии⁵⁵ первое издание трактата за десять лет пришлось допечатывать шесть раз.

В 1963 г. в издательстве «Yale University Press» вышло второе, дополненное и расширенное автором издание «Человеческой деятельности». Наиболее важные изменения и дополнения относились к трактовке понятия свободы и деятельности правительства в разделе 6 Главы XV, к теории монополии (раздел 6 главы XVI) и к анализу коррупции в разделе 6 Главы XXVII. Мизес был очень недоволен опечатками и типографскими ошибками в этом издании и вообще (неумышленной) небрежностью издательства («Yale University Press»)⁵⁶ и договорился с другим издательством о третьем издании, в котором были бы исправлены все ошибки, допущенные во втором. Третье издание вышло в 1966 г. в издательстве «Henry Regnery». Это каноническая версия⁵⁷. С тех пор третье издание «Человеческой деятельности» выходило еще три раза: в 1978 г., в подарочном варианте в 1985 г. и в дешевом карманном издании — в 1990. Кроме того, в 1990 г. вышла аудиоверсия «Человеческой деятельности» на тридцати кассетах, начитанная Бернардом Мейсом⁵⁸.

Недавно по-английски вышли три новых издания «Человеческой деятельности»: в 1996 г. — четвертое издание под редакцией Беттины Бьен Гривз⁵⁹, в 1998 г. — великолепное научное издание, подготовленное на базе издания 1949 г. Джеффри Хербенером, Гансом-Германом Хоппе и Джозефом Салерно⁶⁰, а также четырехтомное издание, опубликованное «Liberty Fund» в 2007 г.

Переводы «Человеческой деятельности» на иностранные языки (кроме испанского)

Успех «Человеческой деятельности» привел к тому, что ее стали переводить на другие языки. О переводах на испанский мы поговорим отдельно. В этом разделе мы перечислим в хронологическом порядке переводы на остальные языки.

Первое издание «Человеческой деятельности» за пределами США и Великобритании вышло в 1959 г. в Италии под названием *L'Azione Umana: Trattato di economia*. Трактат Мизеса перевел, опубликовал и снабдил предисловием (в состав которого вошли краткая биография Мизеса и библиография его работ) Туллио Баджотти, профессор политической экономии в миланском университете Боккони⁶¹.

Первый перевод «Человеческой деятельности» на китайский появился в 1976 г. Его сделал профессор Ся Даобинь (Tao-Ping Hsia) с третьего издания 1966 г. Этот двухтомник лег в основу тайванского издания, вышедшего в 1991 г. под редакцией профессора У Хуйлиня⁶².

По-французски «Человеческая деятельность» вышла в 1985 г. под названием «L'Action humaine: Traité d'économie». Перевод сделал с третьего английского издания Рауль Одуэн. Трактат Мизеса был издан в престижной серии «Libre Échange» издательства «Presses Universitaires de France» (редактор серии Флорен Афталъон)⁶³.

В 1987—1988 гг., перевод «Человеческой деятельности» с английского (в двух томах) вышел по-корейски с предисловием профессора Тосио Мурата⁶⁴.

В 1990 г. в Бразилии вышел перевод третьего издания «Человеческой деятельности» на португальский язык под названием *Ação humana: um tratado de economia*. Переводчик — Дональд Стюарт-мл., книга была издана Либеральным институтом Рио-де-Жанейро⁶⁵. Я хотел бы отметить высокое качество перевода; правда, к сожалению, примечания в этом издании не подстрочные, как обычно, а в конце глав, что не очень удобно. В 1991 г. под названием *Ningen-Kōi-Gaku* вышел перевод «Человеческой деятельности» на японский (сделанный с третьего издания). Его любовно выполнил Тосио Мурата. Он учился у Мизеса в Нью-Йоркском университете, а сейчас профессор экономической теории в университете Йокогамы⁶⁶. Мурата выучился испанскому языку от одного иезуита. Во время Второй мировой войны он был прикомандирован к штабу 13-й армии, стоявшему в Шанхае. Там он имел возможность непосредственно убедиться в невозможности принудительного управления сверху цветущей рыночной экономикой, существовавшей тогда в этой части Китая, а также стал свидетелем того, как денежная политика японских оккупантов привела к гиперинфляции. Это сделало его приверженцем экономических идей Мизеса, и в дальнейшем он неустанно распространял их в Японии.

Наконец, под Рождество 2000 г.* благодаря усилиям А. В. Куряева появился перевод «Человеческой деятельности» на русский язык. Трактат Мизеса был опубликован московским издательством «Экономика»**. В 2007 г. вышел перевод на чешский профессора Йозефа Симы.

Восемь изданий «Человеческой деятельности» на испанском

Судьбу «Человеческой деятельности» в Испании в значительной степени определил ее переводчик, Хоакин Реиг Альбиоль. Хоакин Реиг получил степень доктора права 15 февраля 1958 г. Он защитил диссертацию на тему «Современные социальные проблемы в свете экономических идей Людвиг фон Мизеса». Эта диссертация (научным руководителем Реига был профессор политической экономии юридического факультета мадридского университета Комплутенсе Хесус Прадос Аррарте) была первой написанной по-испански монографией о «Человеческой деятельности». Реиг писал о первом издании «Человеческой деятельности», которое вышло в США несколькими годами ранее⁶⁷.

Спустя два года вышел первый перевод «Человеческой деятельности» на испанский. Его сделал Хоакин Реиг Альбиоль с первого, 1949 г., издания «Человеческой деятельности». Это был двухтомник, изданный Фондом Игнасио Вильялонга (Fundación Ignacio Villalonga)⁶⁸. Хоакин Реиг написал к этому изданию пространное введение (см. с. 26—62 тома I), где впервые познакомил испанских читателей с Мизесом и его трудами. Спустя 8 лет в издательстве «Editorial Sopes» вышло второе издание «Человеческой деятельности», которое представляло собой перевод третьего англоязычного издания 1966 г. В нем тоже было предисловие Хоакина Реига (с 17—19), но гораздо менее пространное и более лаконичное, чем в издании 1960 г.⁶⁹

С 1970-х годов изданием работ Мизеса в переводе на испанский занимается издательство «Unión Editorial». Оно издало «Человеческую деятельность» в 1980 г.⁷⁰ Это очень качественное издание во всех отношениях. Кроме краткого предисловия переводчика оно снабжено примечаниями, в которых Хоакин Реиг, в основном ориентируясь на глоссарий, составленный Перси Гривзом в 1978 г., объясняет читателям наиболее сложные и темные места трактата. Это издание быстро было распродано, и в 1985 г. «Unión Editorial» выпустило четвертое издание⁷¹.

Спустя 10 лет, в ноябре 1995 г., «Unión Editorial» выпустило пятое издание «Человеческой деятельности», отредактировав, исправив и модернизировав перевод. К сожалению, первый переводчик Мизеса, Хоакин Реиг Альбиоль, скончался в 1986 г. и не смог участвовать в этой работе, которая велась с большим уважением к первоначальному тексту и состояла в основном в модернизации и упрощении некоторых оборотов речи и введении в него экономических терминов, ставших к тому времени общеупотребительными. Наиболее важные из подготовленных Хоакином Реигом примечаний к предшествовавшим изданиям были сохранены. Была расширена библиография; наконец, в книгу была включена обширная вступительная статья пера вашего покорного слуги. Шестое, исправленное и дополненное, издание вышло в 2001 г. В настоящий момент читатели могут приобрести седьмое, исправленное и дополненное издание «Человеческой деятельности» на испанском языке.

В завершение этого раздела нужно сказать, что Людвиг фон Мизес всегда имел большой авторитет в странах испанского языка. Во-первых, на испанском «Человеческую деятельность» издавали намного чаще, чем на других языках (если не считать английского). Кроме того, Мизес несколько раз ездил читать лекции в страны Латинской Америки (Мексика, Перу и Аргентину), где он выступал в лучших университетах и обрел значительное число учеников и последователей. Любопытно отметить, что в предисловии к третьему изданию «Человеческой деятельности» на английском Мизес выражает благодарность лишь одному испаноговорящему человеку, и этот человек — д-р Хоакин Реиг Альбиоль⁷². В 2001, 2004 и 2007 г. вышли 6-е, 7-е и 8-е издания «Человеческой деятельности»; в каждое последующее издание вносились незначительные исправления.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» КАК ИМПУЛЬС ДЛЯ
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Главная особенность экономического трактата Мизеса — это его фундаментальный характер. Как мы уже говорили, текст Мизеса полон идей и догадок, каждая из которых может послужить темой для докторской диссертации. Неудивительно, что за прошедшие годы «Человеческая деятельность» весьма способствовала прогрессу экономической науки. Мы кратко опишем основные области, где этот благотворный импульс ощущался особенно сильно.

Мизес и теория эволюции общественных институтов

Мизес, бесспорно, был сторонником разработанной Карлом Менгером эволюционной теории возникновения институтов. В нескольких местах своего трактата он прямо говорит о своем полном согласии с ней⁷³. Однако надо признать, что в «Человеческой деятельности» встречаются утверждения, которые можно неправильно понять, если неверно интерпретировать их в рамках преувеличенного утилитаристского рационализма. Например, на с. 179 Мизес чрезвычайно высоко отзывается о Бентаме и его утилитаристской доктрине, а на с. 187 и 500 мы читаем: «Любое данное общественное устройство было продумано и спроектировано, прежде чем быть реализованным» и «Эти законы не были результатом случая, исторической случайности или географического положения. Они были продуктами разума». Хотя эти высказывания Мизеса нельзя вырывать из контекста, следует признать, что в «Человеческой деятельности» теория эволюционного возникновения институтов еще не выражена в том, полном и завершенном виде, который придал ей впоследствии Хайек, самый блестящий из учеников Мизеса, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 г. Развив идеи Карла Менгера, Хайек показал, что институты вообще (т.е. повторяющиеся паттерны поведения) и законы в частности не являются плодом сознательных усилий человеческого разума, а возникают стихийно в результате длительного процесса эволюции, в котором принимают участие многие поколения людей. Поэтому мы считаем, что студентам, изучающим «Человеческую деятельность», следует также рекомендовать главные работы Хайека, посвященные теоретическому анализу социальных институтов, например «Право, законодательство и свободу», а также его последнюю книгу «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма» (1992)⁷⁴.

Теория естественного права

В своем трактате Мизес делает несколько критических замечаний по поводу доктрины естественного права, полностью проясняющих его позицию.

Во-первых, он считает, что принципы морали являются чисто субъективными (с. 95), а во-вторых, он не просто защищает строго утилитаристский взгляд на моральные принципы⁷⁵, но и резко критикует доктрину естественного права (с. 175 и глава XXVII, раздел 3). Однако впоследствии экономические теоретики стали уделять все больше внимания и анализу моральных принципов вообще и доктрине естественного права в частности. Например, один из самых блестящих учеников Мизеса Мюррей Ротбард очень благосклонно относился к идее естественного права и отстаивал тезис об объективном характере моральных принципов, которые обусловлены самой природой человека и, следовательно, являются единственными принципами, способными обеспечить процесс координации в обществе⁷⁶. Развивая идеи Ротбарда с опорой на аксиому межличностной аргументации Хабермаса, Ганс-Герман Хоппе логически обосновал моральную необходимость права собственности и капиталистической системы⁷⁷. Наконец, Израэл Кирцнер сформулировал совершенно новое представление о распределительной справедливости при капитализме, опираясь на то, что каждый человек обладает естественным правом на плоды собственного предпринимательского творчества⁷⁸. Так или иначе, мы считаем синтез этих трех точек зрения: рационалистически-утилитаристской точки зрения Мизеса, эволюционного подхода Хайека и позиции Ротбарда и Хоппе, отстаивающих существование объективной теории социальной морали с точки зрения естественного права — не только возможным, но и желательным. Каждый из этих подходов имеет свою область приложения и дополняет остальные, смягчая их крайние проявления⁷⁹.

Различение практического и научного знания

Возможно, одна из главных заслуг Мизеса состоит в том, что в «Человеческой деятельности» он вводит понятие о практическом знании⁸⁰, которое носит предпринимательский характер и принципиально отличается от научного знания. Однако подробный анализ различий между двумя этими типами знания провели уже другие исследователи, которые углубили и развили эту основополагающую идею Мизеса. Так, я интерпретирую идею Мизеса о развитии рынка на основании «разделения интеллектуального труда» (с. 709) как идею разделения информации, т.е. практического знания, которое открытое общество порождает в колоссальных объемах⁸¹.

Теория монополии

Теория монополии — одна из тех областей экономической теории, которой трактат Мизеса дал серьезный импульс. Хотя Мизес в «Человеческой деятельности» пытался отказаться от статического подхода к анализу конкуренции и монополии, некоторые его замечания показывают, что до конца ему это не удалось. К счастью, два наиболее талантливых американских

ученика Мизеса, Израэл Кирцнер и Мюррей Ротбард⁸², существенно продвинули теорию монополии вперед, обратившись к изучению динамического процесса конкуренции, т.е. к выяснению того, в какой степени в той или иной области рынка свобода предпринимательства сталкивается с насильственными ограничениями, вместо подсчета количества «имеющихся в каждом секторе» предприятий и формы, или вычисления «эластичности», рисования соответствующих кривых спроса, как это было принято до них. Более того, Ротбард нащупал слабое место неоклассической теории монополии. Неоклассический анализ монополии опирается на статическое сравнение «монопольной цены» с «ценой совершенной конкуренции». Однако цена совершенной конкуренции это цена равновесия, которого на реальном рынке в принципе не может существовать; следовательно, ее нельзя узнать и уж тем более ее невозможно использовать в качестве ориентира, относительно которого можно решить, является или нет та или иная реальная ситуация «монопольной». Важно подчеркнуть, что Мизес застал расцвет этих исследований в области теории монополии, в значительной степени бывших продолжением его собственных идей. К счастью, у нас есть непосредственное доказательство того, что он полностью разделял эти новые взгляды на монополию⁸³.

Социализм и теория интервенционизма

Характерной особенностью взглядов Мизеса является проведение четкого теоретического различия между социалистической экономической системой и интервенционистской системой (см., например, с. 258—259). Согласно Мизесу, социализм — это система организации общества, основанная на государственной собственности на средства производства, а интервенционизм — это компромиссная система, в которой хотя и имеется насильственное вмешательство государства в различные области экономики, но сохраняются как минимум базовые рудименты экономического расчета. Теоретические исследования последнего времени показали, что различий между интервенционистскими и социалистическими экономическими режимами гораздо меньше, чем считал Мизес. И для того, и для другого типа режимов характерно насильственное вмешательство государства, которое в большей или меньшей степени ограничивает свободу предпринимательства, хотя степень этого вмешательства действительно сильно различается. Так или иначе, в тех областях, куда агрессивно вмешивается государство, затруднено порождение информации предпринимателями, и, следовательно, оценка ценности различных вариантов действий (т.е. экономический расчет). В результате на рынке возникают серьезный социальный беспорядок и нарушения координации. В связи с этим последнее время существует тенденция рассматривать феномен институциональной агрессии вообще, вне зависимости от того, является ли она тотальной, как в случае «реального социализма», или относится лишь к конкретным сферам, как в случае интервенционизма, поскольку доказано, что возникаю-

щие в этих двух случаях негативные последствия для координации качественно не различаются⁸⁴.

Теория кредита и банковской системы

В «Человеческой деятельности» Мизес выступает за полностью свободную банковскую систему, потому что она, как он пишет, лучше всего обеспечивает стабильность денежной системы, что освобождает рыночную экономику от экономических кризисов. При этом он не останавливается подробно на идее восстановления 100%-ного резервирования по вкладам до востребования, которую защищает в остальных своих работах⁸⁵. Позиция, занятая Мизесом в «Человеческой деятельности», привела к тому, что теоретики австрийской школы разделились на две группы. Одни выступают за полную свободу банковской деятельности, включая свободу частичного резервирования. Это, в частности, Лоуренс Уайт, Джордж Селджин и Кевин Доуд. Ко второй группе, во главе с Мюрреем Ротбардом, относятся Ганс-Герман Хоппе, Джозеф Салерно и автор этих строк. Мы считаем, что для нормального функционирования системы свободной банковской деятельности необходимо, чтобы банковская деятельность подчинялась обычным принципам права (иными словами, чтобы существовало 100%-ное резервирование по вкладам до востребования)⁸⁶.

Теория народонаселения

Еще одна область, где произошел значительный прогресс, — это демографические представления экономистов. Несмотря на то что взгляды Мизеса на демографическую проблему (глава XXV, раздел 2) несут на себе отпечаток мальтузианства, он тем не менее прямо пишет, что в условиях рыночной экономики рост населения не только не препятствует экономическому развитию, но и увеличивает богатство народов и придает ускорение развитию цивилизации⁸⁷. В дальнейшем эту фундаментальную идею развивал Фридрих Хайек, особенно в своей последней книге «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма». В ней он писал, что поскольку человек не является однородным фактором производства и наделен врожденной способностью к предпринимательскому творчеству, то рост населения — это не тормоз экономического развития, а его мотор и необходимое условие. Кроме того, для развития цивилизации требуется постоянно растущее углубление горизонтального и вертикального разделения труда, что возможно лишь при условии, что прогрессу цивилизации сопутствует рост количества людей, способных вместить растущий объем используемой на социальном уровне практической информации⁸⁸. В свою очередь, идеи Хайека стали развивать другие ученые, например Джулиан Саймон, который занимался проблемой демографического взрыва в странах «третьего мира» и анализом благотворных экономических последствий иммиграции⁸⁹.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
И ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Людвиг фон Мизес был одним из главных предтеч школы общественного выбора, которая исследует с помощью экономического анализа поведение политиков, бюрократов и избирателей. Этот подход, который достиг расцвета благодаря таким теоретикам, как лауреат Нобелевской премии по экономике за 1986 г. Джеймс Бьюкенен, прекрасно сочетается с прагматическим пониманием задач экономической теории по Мизесу, считавшему, что цель нашей науки состоит в построении общей теории человеческой деятельности во всех ее разнообразных проявлениях (включая и политическую деятельность).

Мизес одним из первых подверг критике традиционный подход к анализу политики и экономики, исходивший из того, что правители всегда «мудры и беспристрастны», а их слуги, государственные чиновники и бюрократы — ангелы во плоти. Наоборот, по Мизесу, «в этом смысле политик всегда эгоистичен, неважно, поддерживает он популярную программу, чтобы занять должность, или твердо придерживается своих собственных непопулярных убеждений» (с. 735)⁹⁰, а «должностные лица и их аппарат далеко не ангелы» (с. 735). Мизес противопоставляет идиллическому мифу о правителе, как о «человеке, столь же великодушном, сколь и мудром, [который] искренне посвятит себя делу создания устойчивого благосостояния своих граждан», реальность, где правитель оказывается «обычным смертным, который прежде всего стремится к увековечиванию своего господства, а также господства своей родни, своих друзей и своей партии» (с. 850).

Нужно упомянуть и о том, что писал Мизес про группы влияния, или «группы давления». Он дает им такое определение: это «альянсы людей, стремящиеся содействовать своему собственному материальному благополучию всеми средствами» и неизменно оправдывающих «свои требования выгодами для благосостояния общества» (с. 318).

В совокупности деятельность бюрократов, политиков и групп влияния нарушает функционирование демократии и вынуждает большинство принимать неверные и неуместные решения, так как общественное мнение оказывается в плену ложных демагогических идей⁹¹. Именно поэтому Мизес придавал такое значение институтам, которые, подобно золотому стандарту, выводят денежную систему из сферы политического⁹².

Неудивительно, что Джеймс Бьюкенен высоко отзывается о тех, кто оказал на его взгляды решающее влияние, т.е. о Мизесе и австрийской школе: «Я часто повторяю, что австрийцам лучше всех остальных школ удается донести до студентов базовые принципы экономической теории»⁹³.

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Потенциальные читатели

Мы уже упоминали, что, когда Мизес задумывал «Человеческую деятельность», он стремился написать всеобъемлющий экономический трактат, который был бы доступен любому образованному человеку, испытывающему интерес к наиболее актуальным проблемам современности. Он прямо писал: «Экономическая наука не должна отдаваться на откуп учебным классам и кабинетам статистиков и не должна оставаться в эзотерических кружках. Она является философией человеческой жизни и деятельности и касается всех и каждого, энергией цивилизации и человеческого существования» (с. 878).

Таким образом, если Мизес прав, то его экономический трактат — это интеллектуальный инструмент, который должен быть в библиотеке каждого образованного человека.

Однако нет сомнений, что самую важную роль «Человеческая деятельность» может и должна играть в университетском образовании. С этой точки зрения она адресована двум группам студентов. Во-первых, это юристы, изучающие политическую экономию. Им нужно дать общее представление об экономической науке, которое должно быть методически корректным и последовательно гуманистическим. В этой связи следует упомянуть о нашем позитивном опыте. В течение десяти лет главным учебником по курсу политэкономии у студентов школы права мадридского университета Комплутенсе была «Человеческая деятельность». Изучая Мизеса, студенты-правоведы начинают яснее понимать взаимосвязь между экономической теорией и юридическими дисциплинами, которые они изучают одновременно с ней. Они приобретают знания о базовых принципах и основах нашей науки, которые очень пригодятся им в их будущей работе. Студенты экономических факультетов находятся в ином положении. Сейчас они получают образование, насквозь пропитанное позитивистской и сциентистской методологией, которую Мизес так резко критиковал. На наш взгляд, совершенно необходимо предоставить им возможность получить более сбалансированное образование и знакомить их также с другим научным подходом, резко отличающимся от того, чему их традиционно учат. Таким образом, все студенты-экономисты должны подробно изучать «Человеческую деятельность» Мизеса. Это обогатит их представления об экономической теории, они получат возможность сравнивать разные теоретические подходы и узнают много нового, захватывающего и оригинального. В результате общий уровень профессионального экономического образования повысится и молодые экономисты получат возможность более разумно и критически относиться к разным экономическим теориям⁹⁴.

Четвертая, и последняя, группа читателей, которым изучение «Человеческой деятельности» может принести большую пользу, это профессиональные экономисты, в последнее время проявляющие все больший инте-

рес к австрийской экономической школе, особенно после того, как крах реального социализма и кризис государства всеобщего благосостояния показали, что господствовавшие в течение длительного времени интервенционистские теории не имеют под собой серьезного теоретического фундамента. В условиях кризиса, который переживает неоклассическая вальрасианская парадигма, экономическая теория остро нуждается в том более гуманистическом и динамическом подходе, который всегда развивали австрийцы и в первую очередь Людвиг фон Мизес.

Курс политической экономики в мадридском университете Комплутенсе, основанный на изучении «Человеческой деятельности»

Наш опыт преподавания показал, что «Человеческую деятельность» без особых проблем можно изучить за академический год. Если каждую неделю с октября по июнь проводить три занятия по 45 минут — а именно столько отводится в испанских университетах на курс политэкономии, — то за это время вполне можно пройти все 39 глав «Человеческой деятельности». Желательно, чтобы перед каждым занятием студенты внимательно и старательно прорабатывали самостоятельно ту главу, которую они будут разбирать, несмотря на то что некоторые вещи они не смогут понять без разъяснений преподавателя. Мы лично убедились, что это наиболее продуктивный способ работы с текстом и что именно такая организация курса (самостоятельное чтение + последующие разъяснения преподавателя) позволяет студентам максимально легко усваивать материал.

Изучение «Человеческой деятельности» можно разделить на две части (два четырехмесячных периода). Сначала студенты работают с главами I—XVII, а потом с остальным текстом. Это разделение не совпадает с традиционным для учебников экономической теории жестким разделением на «микроэкономику» и «макроэкономику», поскольку, как мы уже говорили, Мизес не видел смысла в жестком разграничении двух этих сфер. Анализ теории капитала, процента и экономического цикла разумно включать во вторую часть курса, потому что с точки зрения субъективистского подхода основанного на типичном для Мизеса методологическом индивидуализме, именно эти вопросы составляют наиболее практические и общие проблемы экономики. Если в распоряжении преподавателя имеется всего четыре месяца, этого времени тоже вполне достаточно для довольно глубокого ознакомления с «Человеческой деятельностью», хотя, безусловно, в иной степени подробности⁹⁵.

Касаясь дополнительных источников, знакомство с которыми необходимо для понимания «Человеческой деятельности», следует отметить, что Мизес исходит из того, что его читатели в целом представляют себе генетически-каузальную теорию формирования рыночных цен и теорию формирования цен на факторы производства. Относительно теории образования цен Мизес прямо пишет (с. 201, сн. 1), что предполагает знакомство читателя с идеями,

высказанными Бём-Баверком во II томе трактата «Капитал и процент»⁹⁶, но когда речь идет о теории образования цен на факторы производства, он не отсылает читателей к конкретному источнику⁹⁷. Чтобы дать студентам некоторые предварительные знания об этом, я составил и издал хрестоматию «Lecturas de Economía Política»; этот трехтомник задуман как пособие к курсу изучения «Человеческой деятельности» и студенты должны читать его параллельно⁹⁸.

Наконец, что касается дополнительных источников, следует рекомендовать студентам работы Хайека, в особенности упомянутые выше «Право, законодательство и свободу» и «Пагубную самонадеянность: ошибки социализма», а также мои книги «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция» («Socialismo, cálculo económico y función empresarial») и «Деньги, банковский кредит и экономические циклы» («Dinero, crédito bancario y ciclos económicos»). Существует также еще не переведенная на испанский опубликованная посмертно книга Мюррея Ротбарда по истории экономической мысли. С учетом широты охвата и методологического подхода автора она может стать очень ценным дополнением к изучению «Человеческой деятельности»⁹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Человеческая деятельность» Мизеса и в будущем продолжит оказывать влияние на экономическую мысль и неизбежно войдет в сокровищницу классических экономических трактатов. Мы надеемся, что читатели во всем мире будут использовать этот изумительный интеллектуальный инструмент по назначению и продолжат распространять идеи Мизеса с неослабевающим энтузиазмом. Благодаря этому экономическая наука обретет устойчивое основание, продолжит развиваться и получит возможность выполнить свою великую задачу. Она станет теоретическим фундаментом развития цивилизации и позволит ей избежать разрушительных кризисов и конфликтов. Более того, развитие экономической науки неизбежно приведет к появлению нового трактата о принципах экономической науки, основанного на идеях, высказанных Мизесом в «Человеческой деятельности», но превосходящего его труд глубиной и смелостью идей. Мы надеемся, что это произойдет в не слишком отдаленном будущем, и уверены, что это дерзкое интеллектуальное предприятие станет лучшим памятником Людвигу фон Мизесу¹⁰⁰.

ГЛАВА 18

ПАМЯТИ МЮРРЕЯ РОТБАРДА¹

Я впервые услышал имя Мюррея Ротбарда осенью 1973 г. в Мадриде, на семинаре по австрийской экономической теории, который проводил у себя дома по четвергам Луис Реиг. В то время идеи Ротбарда вызывали в нашем кружке ожесточенные споры. Мы подробно обсуждали взгляды Ротбарда, его учителя Людвиг фон Мизеса и остальных теоретиков австрийской школы и сравнивали их с «ортодоксальной» экономической теорией. Нас особенно привлекала в изложении Ротбарда теория монополии, потому что он сумел избавить ее от недостатков и противоречий, которыми она страдала в «Человеческой деятельности» Мизеса. В области политической философии между Ротбардом и его учителем тоже было расхождение: Ротбард был сторонником теории естественного права, а Мизес — утилитаристом. Именно это подвигло меня на пристальное изучение двух главных книг Мюррея Ротбарда: трактата «Человек, экономика и государство» («Man, Economy and State»)² и дополняющей его работы «Власть и рынок» («Power and Market»)³. Меня восхищало то, что в 36 лет Ротбард смог написать тысяче-страничный трактат об экономических основаниях, каждая страница которого была полна критического духа, оригинальности и глубины. Неудивительно, что в эта книга оказала глубокое влияние и на меня, как и на все мое поколение теоретиков австрийской школы.

Лично я познакомился с Мюрреем Ротбардом лишь спустя восемь лет после того, как впервые услышал о нем. Это произошло в 1980 г. у него дома в Пало-Альто. Мне повезло: когда я получил стипендию Банка Испании и приехал в Стэнфорд, чтобы заниматься политической экономией, Ротбард как раз работал в Институте гуманитарных исследований, который находится совсем недалеко от Стэнфордского университета. Несмотря на то что я был уже знаком с главными трудами Ротбарда и его идеями, наша встреча произвела на меня неизгладимое впечатление. Благодаря его личному обаянию, энтузиазму и безграничной эрудиции с ним было потрясающее интересно обсуждать не только актуальные и фундаментальные проблемы экономической науки, но и спорить на самые различные темы, политические, философские, этические и даже теологические⁴.

Мне посчастливилось спорить с Мюрреем Ротбардом ночи напролет⁵. Атмосфера на этих сходках была чрезвычайно неформальной, Ротбард приветствовал выражение любых точек зрения. Правда, он был жестким критиком и подвергал безжалостному анализу каждую прозвучавшую на этих бдениях мысль. Во время этих споров он демонстрировал совершенно потрясающую эрудицию и широту знаний. Например, он великолепно знал историю Испании⁶, прекрасно разбирался в фуэрос* (испанском аналоге кутюмов**) и в их роли в процессе формирования испанского права и в политической истории Испании. Он был хорошо знаком и с испанской либе-

ральной традицией, которую оценивал очень высоко с тех последовательно анархо-капиталистических позиций, которых придерживался всю жизнь. Ротбард прекрасно знал труды теоретиков Саламанкской школы (так называемого испанского золотого века), о всемирном значении которых он писал в статье «Новые данные об истоках австрийской школы»⁷. По мнению Ротбарда, основы современной австрийской экономической теории были заложены испанскими схоластами XVI—XVII вв., которые не только придумали субъективистскую теорию ценности, но и использовали ее для исследования денег и общественных институтов. С этой точки зрения деятельность классической, т.е. англосаксонской экономической школы, опиравшейся на объективную трудовую теорию ценности и модель статического равновесия, можно рассматривать как своего рода протестантскую ересь, как отклонение от континентальной томистской традиции, основанной на представлении о творческой природе человека и свободной от помешательства на догматах предопределения и искупления грехов упорным трудом⁸.

После возвращения в Испанию в 1982 г. я продолжал поддерживать оживленную переписку с Мюрреем Ротбардом. Кроме того, мы встречались лично еще несколько раз. В это время вышел его фундаментальный этический трактат «Этика свободы» («The Ethics of Liberty»)⁹; он любезно предоставил мне возможность ознакомиться с рукописью этой книги и высказать свои замечания. В 1985 г. был основан Институт Людвиг фон Мизеса и начал выходить научный журнал «Review of Austrian Economics», полностью состоящий из работ экономистов австрийской школы.

Для переписки с Ротбардом было чрезвычайно характерно то, что в ответ на короткое замечание или просто упоминание о какой-нибудь интересной проблеме вы могли получить многостраничное письмо, напечатанное через один интервал, которое по сути было полноценной и глубоко оригинальной научной статьей: настолько новыми и одновременно глубоко проработанными были идеи и теоретические решения, которые он высказывал в обычной переписке.

Последний раз я виделся с Мюрреем Ротбардом в сентябре 1993 г., на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Рио-де-Жанейро. На ней Ротбард выступил с докладом о приватизации национальных государств, который недавно был опубликован с небольшими изменениями в «Journal of Libertarian Studies»¹⁰. Эта конференция Общества Мон-Пелерен замечательна тем, что в ней участвовали наиболее видные современные теоретики австрийской школы, в первую очередь Мюррей Ротбард и Израэль Кирцнер. Было очень занятно и интересно наблюдать, как общались друг с другом эти два гиганта австрийской школы. Дело в том, что у них абсолютно разный характер. Израэль Кирцнер очень серьезный и сдержанный человек, способный сохранять безукоризненную вежливость при любых обстоятельствах. Мюррей Ротбард же был чрезвычайно экспансивным, брызжущим энергией и доброжелательством. С Ротбардом было гораздо проще общаться, чем с Кирцнером; в то же время Кирцнер всегда очень сдержан в своей критике и в отличие от Ротбарда никогда не задевает самолюбия оппонента.

В заключение я хотел бы добавить, что в Рио-де-Жанейро Ротбард говорил мне, что ему очень хочется побывать в Саламанкском университете, где, с его точки зрения, зародилась австрийская экономическая школа. Интерес Ротбарда к испанским схоластам вырос, когда я рассказал ему, что в ходе изучения истории теории денег пришел к выводу, что конфликт, получивший название спора банковской и денежной школ, впервые проявился не в Англии XIX в., а за триста лет до этого в среде испанских схоластов. Ротбард посоветовал мне написать об этом статью и опубликовать ее в «Review of Austrian Economics»¹¹. Я организовал Ротбарду лекции в университетах Испании и Португалии во втором полугодии 1995 г. Разумеется, главной остановкой в пиренейском маршруте Ротбарда должна была стать Саламанка. Увы, в январе 1995 г. я получил гранки моей статьи с исправлениями Ротбарда, к которым была приложена записка от редактора, сообщавшего мне, что глава австрийской экономической школы умер от сердечного приступа 7 января 1995 г. К сожалению, мечта Ротбарда не сбылась, и он так и не увидел университет Саламанки. Но он оставил после себя двадцать пять книг и тысячи статей, которые продолжают оставаться для всех его учеников неисчерпаемым источником творческого вдохновения и мощным интеллектуальным стимулом.

КАК ОТЛИЧИТЬ ХОРОШЕГО ЭКОНОМИСТА ОТ ПЛОХОГО: СПОСОБ ХАЙЕКА¹

Если внимательно изучить оставшиеся после Хайека карточки, на которых он делал предварительные заметки, то можно выяснить, что он считал способом опознать настоящего экономиста. Любопытно, что Хайек писал об этом еще в 1941 г., в «Приложении» III к «Чистой теории капитала», которое заканчивается словами: «Мне по-прежнему кажется, что экономистом можно считать того, кто хорошо понимает, что „спрос на товары не является спросом на труд“»². Хайек имел в виду одну из центральных идей теории капитала: реальная структура производства очень сложна и состоит из множества стадий, и соответственно рост спроса на потребительские товары всегда негативно влияет на занятость на тех стадиях, которые находятся относительно далеко от потребления (а именно там занято большинство работников). Иными словами, работодатели могут по-прежнему зарабатывать деньги даже в условиях снижения выручки (или «совокупного спроса»), если сократят издержки, заменив наемный труд капитальным оборудованием, что вызовет рост спроса на наемный труд на тех стадиях производства капитальных благ, которые расположены дальше всего от потребления³.

Чрезвычайно поучительно, что в серии коротких заметок об экономической теории, которые Хайек оставил нам почти пятьдесят лет спустя, он снова вспомнил об этих базовых идеях теории капитала. Так, на одной из карточек написано: «Высокий спрос на потребительские блага скорее подавляет инвестирование, чем стимулирует его, и то же самое относится к занятости, *потому что в успешно развивающейся экономике работники в основном работают на отдаленное будущее, а не на настоящее*» (курсив мой. — Х. У. де С.). Он пишет также: «В итоге именно *снижение* конечного спроса по текущим ценам и приводит к новым инвестициям, которые нужны, чтобы снизить издержки». Из этого Хайек делает вывод, что «занятость не зависит от совокупного спроса». Иными словами, с точки зрения Хайека, экономист — это тот, кто понимает, какая ошибка заложена в основе теорий недопотребления и так называемого парадокса бережливости, или парадокса сбережения: «Доход генерируется не потребительским спросом. Высокие доходы поддерживаются за счет инвестирования разницы между доходами и потребительскими расходами». Многие экономисты не в состоянии понять это из-за того, что они придерживаются макроэкономического (агрегирующего) подхода, который Хайек считает серьезной ошибкой, в конечном счете приводящей к социальной инженерии и социализму. («Социализм основан на макроэкономике, т.е. на научной ошибке».)

Понять, что происходит на «макро»-уровне, можно, только если использовать микроэкономический подход: «Мы можем понять макросоциум исключительно с помощью микроэкономического подхода». Эту ошибку совершают даже монетаристы чикагской школы: «Даже Милтон Фридмен якобы сказал однажды: «Сегодня мы все кейнсианцы»». Подход, опирающийся на модель равновесия и макроэкономику, ошибочен потому, что «если наука самонадеянно исходит из того, что обладает информацией, которую в принципе невозможно получить, это не наука». То же самое можно сказать об экономической теории благосостояния, которую Хайек называет «мнимым научным основанием социалистической политики».

От настоящего экономиста требуется также понимание роли экономического расчета и оценки альтернативных издержек и того, что это возможно исключительно при условии наличия рыночных цен и развитого общественного сотрудничества. Хайек пишет: «По-настоящему экономическая наука родилась тогда, когда ученые поняли, что такое альтернативные издержки (ценность того, от чего человек отказывается, выбирая один конкретный вариант действий)». Этого никогда не понимали представители классической политэкономии, и даже в наши дни эта идея находится в тени «компромиссных идей Маршалла», или, как пишет Хайек в другом месте, «в результате длительного господства беспринципных и компромиссных идей Маршалла». С точки зрения Хайека, «экономическая теория — это наука, которая способна доказать, что рационализм ошибается, потому что рационального знания фактов недостаточно». Это дает ему основания для вывода, что «некоторые из великих философов-рационалистов XIX в., а именно Бентам, Милль, Рассел и Кейнс были разрушителями западной цивилизации». По его мнению, в наши дни «главные соблазнитель — это уже не Маркс, Энгельс, Прудон и Ленин, а Кейнс, Тинберген, Гэлбрейт и Мюрдаль, Леонтьев и Дворкин, и несть им числа. Я считаю их врагами великого и высоко развитого общества». Всех этих ученых в той или иной степени объединяет «уверенность в том, что если бы рынка не было, то люди знали бы столько же, сколько они знают, действуя в рамках рыночной системы. В этом состоит фундаментальная ошибка тех, кто, подобно Оскару Ланге, верит в возможность существования рационального экономического расчета в социалистической экономике». Иными словами, согласно Хайеку, «рационалисты — те, кто верит, что знают больше, чем знают на самом деле, — глупцы».

Людвиг фон Мизес однажды написал, что «главной заслугой австрийской школы и тем, что обеспечит ей бессмертную славу, является то, что она создала теорию экономической деятельности, а не теорию экономического равновесия и бездеятельности»⁴. Хайек обобщил эту идею Мизеса в одной из своих заметок: «Главное достижение австрийской школы связано с тем, что она, безусловно, прояснила различия, неизбежно существующие между наукой, которая занимается относительно простыми явлениями [макроэкономикой с ее моделью равновесия] и наукой, которая изучает феномены высокого уровня сложности [реальный рыночный процесс]».

В наши дни, вероятно, настоящим экономистом следует считать того, кто осознает эту разницу.

ГЛАВА 20

ЭФФЕКТ РИКАРДО¹

Одна из главных идей микроэкономики состоит в том, что дополнительные сбережения обычно инвестируются в более окольные и более капиталоемкие процессы производства. Рост добровольных сбережений немедленно оказывает очень важное воздействие на уровень реальной заработной платы. Когда сбережения растут, денежный спрос на потребительские блага обычно снижается. Легко понять, почему в результате роста сбережений при прочих равных происходит снижение относительных цен на конечные потребительские блага. Если, как это обычно бывает, номинальная заработная плата и другие расходы на труд как производственный фактор, остаются неизменными, то вслед за снижением цен на конечные потребительские блага происходит повышение реальной заработной платы работников, занятых на всех стадиях производственной структуры. При тех же самых номинальных доходах работники получают возможность приобрести больше (в количественном и качественном отношении) потребительских товаров и услуг по новым, более низким ценам. Вызванное ростом добровольных сбережений повышение реальной заработной платы означает, что в относительном смысле предприниматели, занятые на всех стадиях производственного процесса, заинтересованы в том, чтобы заменить наемный труд капитальными благами. Через повышение реальной заработной платы рост добровольных сбережений приводит к тому, что в экономической системе складывается тенденция к увеличению длительности стадий производства и повышению их капиталоемкости. Иными словами, предприниматели в этой ситуации предпочитают использовать капитальные блага, а не наемный труд. Это создает мощный эффект, направленные на удлинение стадий внутри производственной структуры.

По мнению Фридриха Хайека, этот эффект открыл Давид Рикардо. В «Началах политической экономии и налогового обложения» Рикардо пришел к следующему заключению: «Следовательно, любое повышение заработной платы или, что то же самое, любое снижение прибыли снижает ценность товаров, произведенных с использованием долговечного капитала, и соответственно повышает ценность тех, что произведены за счет капитала более тленного. Снижение заработной платы будет иметь ровно противоположный эффект».

В известной главе «О машинах», которая появилась в третьем издании «Начал», опубликованном в 1821 г., Рикардо добавляет, что «машины и труд постоянно конкурируют друг с другом и часто машины нельзя использовать, пока не повысятся цены на труд».

Позже эту идею развивал Хайек, который, начиная с 1939 г., усиленно использовал ее в своих работах об экономическом цикле. Хайек писал о последствиях роста добровольных сбережений для производственной струк-

туры в связи с так называемым парадоксом сбережений и ложным представлением о негативном влиянии сбережений на реальный спрос. Согласно Хайеку, «при высоких ставках реальной заработной платы и низком уровне прибыли инвестиции будут приобретать в высокой степени капиталистические [т.е. капиталоемкие. — *Ред.*] формы: предприниматели будут отвечать на высокие издержки, связанные с фактором наемного труда, внедряя позволяющие сэкономить на рабочей силе машины, такие, которые выгодно использовать только при очень низких ставках прибыли и процента».

Таким образом, эффект Рикардо представляет собой чисто микроэкономическое объяснение поведения предпринимателей, которые реагируют на рост добровольных сбережений предъявлением повышенного спроса на капитальные блага и инвестициями в новые стадии производства, более далекие от потребления. Важно помнить, что любой рост добровольных сбережений и инвестиций сначала приводит к снижению производства новых потребительских благ и услуг по сравнению с краткосрочным максимумом, который был бы достигнут, если бы производственные факторы не отвлекались от наиболее близких к конечному потреблению стадий производства. Функция этого снижения состоит в высвобождении производственных факторов, необходимых для удлинения тех стадий, которые находятся дальше всего от потребления. В современной экономике те потребительские блага и услуги, которые оказываются непроданными при увеличении сбережений, играют важную роль: они позволяют различным экономическим агентам (наемным работникам, владельцам природных ресурсов и капиталистам) обеспечивать свое существование в течение периода времени, когда недавно начатое удлинение производственного процесса неизбежно приводит к снижению темпа появления на рынке новых потребительских благ и услуг. Это замедление имеет место до тех пор, пока не запустятся все новые, более капиталоемкие процессы. Если бы не наличие нераспроданных из-за роста сбережений потребительских благ и услуг, то временное снижение предложения новых потребительских благ вызывало бы значительное повышение цен и значительные трудности с обеспечением спроса на них.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНТЕРВЬЮ: ИСПАНСКИЕ КОРНИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ¹

АЕН: Сегодня на конференции теоретиков австрийской школы вы сделали очень важное объявление. Не могли бы вы рассказать об этом читателям *АЕН*?

Уэрта де Сото: Сначала я хотел бы поблагодарить Институт Мизеса, который организовал эту конференцию. Мне очень приятно видеть на ней столько участников из разных стран, и я с большим удовольствием и очень внимательно прочитаю все представленные доклады.

Сегодня я объявил, что в октябре начнет выходить собрание сочинений Людвиг фон Мизеса на испанском языке. У нас есть 300 подписчиков-частных лиц, а кроме того, нашу инициативу поддержали сочувствующие идеям свободного рынка исследовательские центры из испаноговорящих стран.

В собрании сочинений будет семь томов, каждый толщиной с «Человеческую деятельность». Первый том, работа над которым уже идет, будет называться «Денежная теория и экономические циклы». В него войдут «Теория денег и кредита» и другие работы Мизеса о деньгах и экономических циклах.

Этот беспрецедентный проект рассчитан на 4—5 лет. Мы уверены, что выход собрания сочинений Мизеса будут приветствовать не только ученые Испании, но и научная общественность Латинской Америки. На мой взгляд, это лучший способ увековечить память нашего учителя.

АЕН: Как вышло, что в странах испанского языка сформировался рынок для книг Мизеса?

Уэрта де Сото: Книги Мизеса стали выходить по-испански очень рано. «Теория денег и фидуциарных средств обращения» и «Денежная теория и экономический цикл» Хайека были изданы в 1936 г. Однако они прошли практически незамеченными, потому что в том году разразилась гражданская война. Реальные сдвиги начались спустя двадцать лет, когда молодой ученый из Мадридского университета по имени Хоакин Реиг защитил диссертацию на тему «Современные общественные проблемы в свете теории Людвиг фон Мизеса». Это была первая в Испании диссертация о «Человеческой деятельности», которая, между прочим, была издана в США всего за восемь лет до этого. Реиг познакомился с Мизесом и стал его преданным другом и одним из самых горячих почитателей. В предисловии к третьему изданию «Человеческой деятельности» Мизес благодарит Реига за содействие. Реиг любил рассказывать, как он спросил у Мизеса, что тот думает про трактовку теории монополии в «Человеке, экономике и государстве» Ротбарда. Это был каверзный вопрос, поскольку в «Человеческой деятельности» нет внятной теории монополии. Мизес ответил Реигу: «Я готов подписаться под каждым словом, написанным профессором Ротбардом о теории монополии».

АЕН: Когда в Испании была издана «Человеческая деятельность»?

Уэрта де Сото: В 1960 г., в прекрасном переводе Реига. С большими сложностями удалось ее издать. Цензура вычеркнула несколько мест, представлявших, по ее мнению, политическую опасность для диктатуры Франко.

В 1960-е Хоакин Реиг с братом Луисом организовали семинар по австрийской теории. Он проходил у них дома по четвергам. Этот семинар стал очагом австризма в Испании. Я тоже был в числе его участников. Несколько раз там бывал даже Хайек. Реиг перевел на испанский «Бюрократию», «Либерализм», «Антикапиталистическую ментальность» и «Теорию и историю».

В 1985 г. я стал профессором политической экономии в мадридском университете Комплутенсе. С этого момента семинар стал проводиться уже не дома у Реига, а в университете. Все главные испанские университеты — государственные. Все университетские профессора — государственные служащие, которые занимают свои кресла пожизненно. При этом согласно нашей Конституции они имеют право учить студентов, чему хотят, практически без ограничений. В течение многих лет академической свободой пользовались и, разумеется, злоупотребляли марксисты и социалисты. Но с начала 1980-х этим стали пользоваться и сторонники свободного рынка.

Университет Комплутенсе — один из старейших в Испании. Он основан в 1293 г. Сейчас в нем учатся больше 100 000 студентов. В Школе права (на юридическом факультете), где я преподаю, — 17 000 студентов. Я 12 лет читаю один и тот же вводный курс, и его популярность у студентов все время растет. Я использую «Человеческую деятельность» в качестве основного учебника, и мне сдавали по ней экзамены больше 2000 студентов. Кстати, всего в Испании было продано 15 000 экземпляров «Человеческой деятельности» в переводе Реига.

АЕН: Как относится к австрийской школе академическое начальство?

Уэрта де Сото: Оно смирилось с ней не сразу. Но за 12 лет многое изменилось. Сейчас мы имеем право присваивать степень по австрийской экономической теории, участвуем в учебных программах юридических и экономических факультетов других университетов и каждый год приглашаем на стажировку иностранных студентов. Недавно при поддержке мэрии Мадрида и министра образования Эсперансы Агирре мы провели двухдневную Мизесовскую конференцию, в которой участвовали 300 человек. Об этой конференции очень много писали в газетах.

В США сторонники австрийской школы спорят друг с другом, они разделились на сторонников Мизеса, Хайека и Ротбарда. В частности, я очень внимательно слежу за спорами об экономическом расчете при социализме. Но тем не менее я считаю, что взгляды Мизеса и Ротбарда — это две стороны одной медали.

В Испании мы пытаемся найти синтез рационализма и утилитаризма Мизеса с аристотелианством Ротбарда, сторонника доктрины естественного права, и с эволюционным подходом Хайека. Когда я читаю курс по банковскому делу, я подчеркиваю необходимость 100%-ного резервирования,

которое вполне согласуется с традиционными испанскими законами о вкладах до востребования заменимых вещей, между прочим, продолжающими действовать до сих пор.

АЕН: Судя по тому, сколько книг вы привезли сюда, издательская деятельность сыграла решающую роль в деле распространения идей австрийской школы в Испании

Уэрта де Сото: Кроме того, что я редактор собраний сочинений Мизеса и Хайека, я еще редактирую отдельную серию под названием «Новая коллекция свободы». К марту этого года в ней вышло двадцать книг. Самое последнее, что мы издали, это перевод на испанский замечательной книги Раймондо Кубедду «Политическая философия австрийской школы»².

Мы издавали Ротбарда, Кирцнера, Мизеса, Хайека, Бруно Леони, Вильгельма Рёнке. К пятидесятилетию первого выхода в свет «Экономической теории за один урок» Хэзлитта (*Hazlitt «Economics in One Lesson»*) мы выпустили ее на испанском с предисловием Лу Рокуэлла. Мы планируем издать «Экономическую теорию и этику частной собственности» Ганса-Германа Хоппе (*Hans-Hermann Hoppe «The Economics and Ethics of Private Property»*) и «The Enterprise of Law» Брюса Бенсона (*Bruce Benson*). Но самое главное — мы готовим к выходу перевод «Истории экономической мысли в свете австрийской экономической школы» Ротбарда. Она выйдет в 1998 г. с моим предисловием.

АЕН: Вы были лично знакомы с Ротбардом?

Уэрта де Сото: Когда я учился в аспирантуре, я получил грант на обучение в США. Хайек написал мне рекомендательное письмо в Стэнфордский университет, и меня приняли туда на программу МВА. На мое счастье, в это время Ротбард работал в Институте гуманитарных исследований, и мы провели вместе много чудесных дней, в частности обсуждая рукопись «Этики свободы». Я трепетно храню черновик этой книги.

Ротбард знал об Испании, о ее истории и географии, буквально все. Особенно хорошо он знал историю гражданской войны. Он был, разумеется, против Франко, но коммунисты-республиканцы не нравились ему еще больше. Я был полностью согласен с ним. Одним из самых ужасных преступлений коммунистов было то, что они убили всех анархистов. Мой дедушка часто говорил: «Анархисты — нормальные ребята». В каком-то смысле они лучше относились к рынку и к частному бизнесу, чем социалисты и консерваторы, которые терпеть не могли классических либералов.

Последний раз, когда я встречался с Ротбардом, это было на конференции Общества Мон-Пелерен в Рио-де-Жанейро в 1993 г. Мы договорились, что он приедет в Испанию и Португалию читать лекции осенью 1995 г. Главной остановкой на его маршруте должен был стать университет Саламанки, колыбель австрийской школы. К сожалению Ротбарду не довелось увидеть Саламанку, где он так хотел побывать. Но я уверен, что он был бы счастлив видеть, сколько народу собралось на эту конференцию, и очень радовался бы тому, как крепнут узы между австрийцами, живущими по обе стороны Атлантики.

АЕН: Называть Испанию колыбелью австрийской школы — это ведь отчасти ревизионизм?

Уэрта де Сото: Возможно, но это правда. Нельзя концентрироваться исключительно на Вене. Мы все — люди Нового Времени, нам всем свойственно считать, что только новое имеет ценность, а изучение старого относится к области археологии. Но применительно к философии и экономической теории это совершенно неверно. Большинство великих философских и экономических идей были уже сформулированы в прошлом. Это относится и к базовым идеям австрийской теории.

Одним из важнейших открытий Ротбарда было то, что он показал, что корни австрийской школы можно найти в трудах испанских схоластов так называемого Золотого Века (так принято называть время от начала правления императора Карла V в XVI в. и до конца XVII в.). Ротбард впервые высказал эту мысль в докладе, который сделал в 1974 г. на конференции в Вермонтской школе права. Текст этого доклада был опубликован спустя два года в «The Foundations of Modern Austrian Economics».

АЕН: Но он был не первым, кто высказал эту мысль.

Уэрта де Сото: Нет, конечно. Об этом писал в 1954 г. Йозеф Шумпетер в «Истории экономического анализа» (*Joseph Schumpeter «History of Economic Analysis»*). Тогда же, в 1950-е годы, Хайек познакомился с замечательным итальянским ученым Бруно Леони, который убедил его, что интеллектуальные корни классического либерализма следует искать в Средиземноморье, а не в Шотландии. Леони смог повлиять на круг научных интересов Хайека и существенно изменить их. Позже ученица Хайека Марджори Грайс-Хатчинсон (баронесса Марджори фон Шлиппенбах) перевела ключевые места из схоластов.

В своей книге Бруно Леони приводит цитату из Цицерона про слова Катона, что римский закон — самый совершенный закон из всех существующих, потому что он не создан никем лично. Он не сконструирован сознательно. Он представляет собой результат процесса, в ходе которого соединилась мудрость множества людей. Юристы не создают закона, они обнаруживают его и способны улучшать его лишь очень медленно и постепенно.

Леони удалось убедить Хайека. Это очевидно, если сравнивать «Конституцию свободы», написанную под влиянием шотландской школы, с «Правом, законодательством и свободой», где чувствуется уже средиземноморское влияние. В текстах, вошедших в «Право, законодательство и свободу», Хайек часто ссылается на мнения схоластов об экономической теории.

У меня есть письмо от Хайека, датированное 7 января 1979 г., где он просит меня прочитать статью Ротбарда. Он пишет, что Ротбард и Марджори Грайс-Хатчинсон «демонстрируют, что базовые принципы теории конкурентного рынка были разработаны испанскими схоластами XVI века и что экономический либерализм придумали не кальвинисты, а испанские иезуиты».

АЕН: Кем были эти испанские предтечи австрийцев?

Уэрта де Сото: Большинство преподавали этику и теологию в Саламанкском университете, средневекового города в 150 милях к северо-западу от Мадрида, почти на границе с Португалией. В основном это были доминиканцы и иезуиты, и их взгляды на экономическую теорию сильнейшим образом напоминают взгляды жившего на три века позже Карла Менгера.

Я очень люблю Диего де Коваррубиаса-и-Лейву. Этот человек открыл субъективную теорию ценности. Он писал, что «ценность товара зависит не от его сущностной природы, а от его субъективной оценки людьми, даже если эта оценка неразумна». Он родился в 1512 г., был епископом Сеговии и министром короля Филиппа II. В Толедо, в музее Эль Греко, есть потрясающий портрет Коваррубиаса. На его трактат об обесценении денег 1560 г. ссылается Карл Менгер.

Другим значительным представителем Саламанкской школы был Луис Саравиа-де-ла-Калье. Он первым показал, что издержки зависят от цен, а не наоборот. Он писал: «Те, кто меряет справедливую цену трудом, издержками и риском купца, глубоко ошибаются. Справедливая цена определяется не подсчетом издержек, а общим мнением». Саравиа резко критиковал банковскую деятельность с частичным резервированием и считал, что банкирам нужно платить за то, что они хранят золото вкладчиков.

AEN: Теперь мы можем перейти к вашей статье об этом в *Review of Austrian Economics* (vol. 9, no. 2).

Уэрта де Сото: Ротбард в своей истории экономической мысли уделил не слишком много места теориям представителей Саламанкской школы. Но это очень интересная тема. Споры внутри Саламанкской школы в точности предвосхитили дискуссию о банках в Британии XIX в. Ученые из Саламанки заинтересовались банковской деятельностью потому, что стали свидетелями коррупционных взаимоотношений между банкирами и правительством, которые были основаны на законодательной защите правительством принципа частичного резервирования.

Представители Саламанкской школы выступали против инфляции в любом виде. Возьмем Мартина Аспилькуэту Наварро. Он родился в 1493 г., прожил 94 года и прославился, в частности, тем, что в своей опубликованной в 1556 г. книге «Комментарий о вексельных курсах» (у меня есть это издание!) сформулировал количественную теорию денег, разъяснив читателям, что «там и тогда, где и когда денег не хватает, их ценят больше, чем там и тогда, где их полно».

Наварро выступал против частичного резервирования и четко различал займы банкам со стороны клиентов и банковские вклады до востребования. Он писал, что банкир должен быть «хранителем, опекуном и гарантом» доверенных ему денег. Он полагал, что договор вклада до востребования в принципе не может допускать частичного резервирования, а если стороны все-таки заключили такой контракт, то они виновны в мошенничестве.

Более благосклонно к частичному резервированию относился Луис де Молина. Он был первым, кто предложил рассматривать банковские вклады в качестве части денежного предложения. Но он путал займы [банкам со стороны клиентов] со вкладами до востребования и не понимал, что частичное резервирование создает нестабильность. Таким образом, Наварро и де ла Калье относились, так сказать, к тогдашней денежной школе и не доверяли банкирам и любому резервированию, кроме 100%-ного, а де Молина и Хуан де Луго, подобно банковской школе, были гораздо терпимее к частичному резервированию.

АЕН: Вы намерены ограничиться историей экономической мысли или же собираетесь принять активное участие в тех спорах о резервировании, которые идут между представителями австрийской школы сегодня?

Уэрта де Сото: Я написал большую статью в защиту 100%-ного резервирования, направленную против теории денежного равновесия Джорджа Селджина. Он считает, что когда спрос на фидуциарные средства растёт или падает, банки должны иметь возможность реагировать на это расширением или сжатием кредита. Эти действия, по его мнению, не искажают стимулы для инвесторов, потому что банки реагируют на уже произошедшие изменения спроса. По сути дела, речь идет о возрождении старой доктрины банковской школы, доктрины «потребностей торговли». И, подобно кейнсианцам, сторонники свободной банковской деятельности интересуются исключительно краткосрочными односторонними колебаниями спроса на деньги.

Однако они не учитывают, что изменения спроса на деньги не всегда являются чем-то внешним по отношению к свободной банковской системе. Такие изменения вполне могут быть эндогенными. Сами банки вполне способны манипулировать денежным предложением, потому что это в их интересах, при условии, что им удастся избежать набега вкладчиков. Это созданное банками дополнительное предложение денег вполне может породить собственный спрос и запустить экономический цикл. История это подтверждает. Теория свободной банковской деятельности не учитывает этого аспекта, потому что она носит исключительно макроэкономический характер.

АЕН: Представители Саламанкской школы были последовательными сторонниками свободного рынка или же они интересовались только банковской деятельностью?

Уэрта де Сото: Представители Саламанкской школы, как правило, стояли на либертарианских позициях. Например, Франсиско де Витория считается основателем международного права. Он возродил представление о том, что естественное право в моральном отношении выше могущества государства. Хуан де Мариана считал грабежом любую порчу денег правительством. Он полагал, что у любого гражданина есть право убить правителя, который вводит налоги без согласия народа. Единственной ошибкой Марианы было то, что он был противником боя быков. В данном случае я пристрастен: мой дедушка был знаменитым тореро.

АЕН: Связь между испанцами и австрийцами — это случайность или нечто большее?

Уэрта де Сото: Давайте вспомним, что в XVI в. император Карл V, король Испании, послал своего брата Фердинанда I править «Австрией» (само слово Austria означает «восточную часть империи»), в состав которой тогда входила большая часть континентальной Европы. Единственным исключением была Франция, этот остров в море испанских владений.

Тесные экономические, политические и культурные узы связывали Испанию и Австрию в течение нескольких столетий. Карл Менгер возродил и продолжил ту континентальную европейскую традицию испанской схоластики, которая была практически забыта в его время.

АЕН: Что же случилось с этой традицией? Почему ее потребовалось возрождать?

Уэрта де Сото: Развитию субъективистской школы, которая не только последовательно выступала за свободный рынок, но и была способна осмыслить его теоретически, положили конец успехи Адама Смита и его последователей. Однако эта традиция продолжала жить во Франции благодаря Кантильону, Тюрго и Сэю, и даже проникла в Англию через труды протестантских теоретиков естественного права Самуэля Пуфендорфа и Гуго Гроция.

В XVIII—XIX вв., в правление последних Габсбургов и французской династии Бурбонов, Испания переживала упадок. Этатизм Филипа IV подвиг его на попытку создать огромную империю, управляемую из Мадрида, что, разумеется, было невозможно в принципе.

Схоласты, разумеется, были против этатизма, но их мнение игнорировали, и эта традиция была утрачена. Проблема была еще и в том, что они писали по-латыни, и, таким образом, существовал языковой барьер. Не нужно забывать и о созданной британцами Черной Легенде, благодаря которой на двести лет удалось дискредитировать все испанское и католическое. Забавно, что Реформация остановила развитие теории свободного рынка. Долгое время влияние Церкви уравнивало влияние государства. Когда Церковь пришла в упадок, забылась и мудрость ее лучших экономических мыслителей, а мощь государства и влияние его апологетов, наоборот, выросли.

АЕН: Почему испанскую экономическую теорию возродил именно австриец?

Уэрта де Сото: Книги схоластов обычно печатались в Брюсселе и в Италии, откуда их посылали в Испанию и в Вену. Так они и оказались в Вене. Кроме того, в Австрии была собственная схоластическая традиция: как-никак, это на 90% католическая страна.

Но надо сказать, что один испанский католик решил загадку «парадокса ценности» за 27 лет до Карла Менгера. Его звали Хайме Бальмес. Он родился в Каталонии в 1810 и умер в 1848 г. За свою короткую жизнь он сумел стать наиболее выдающимся томистом Испании. В 1844 г. он опубликовал статью «Истинная идея ценности, или Размышления о происхождении, природе и разнообразии цен», где предложил решение парадокса ценности и сформулировал идею предельной полезности. «Почему драгоценный камень стоит больше краюхи хлеба?» — спрашивал Бальмес. И отвечал, что ценность вещи определяется ее полезностью таким образом, что «всегда существует взаимосвязь между ростом или снижением ценности товара и его нехваткой или избытком».

АЕН: Как современные австрийские теоретики могут использовать тексты представителей Саламанкской школы?

Уэрта де Сото: Несколько лет назад группа ученых решила перевести на испанский все главные труды Саламанкской школы. Они широко распространяют свои переводы, и многие ученые стали понимать, что все эти великие мыслители были либертарианцами. Благодаря этому статус авст-

рийской школы в Испании стал меняться. Она обрела исторические корни и тем самым более устойчивый интеллектуальный фундамент.

Не так давно я был просто странным профессором, который преподает по странному учебнику. Сейчас меня воспринимают как представителя школы, предсказавшей крах социализма, продолжателя традиций величайших испанских мыслителей. И все это происходит в то время, когда Испания пытается выволнить свои рынки из пучины собеса.

АЕН: И чтобы ей помочь, вы разработали план реформирования системы социального страхования.

Уэрта де Сото: Проблема гарантированных пенсий по старости актуальна для всех западных стран. Пенсионные обязательства колоссальны, но демографическая ситуация такова, что их можно выполнить лишь за счет безумного повышения налогов. Прежде чем решить, что делать с этой системой, нужно осознать ее внутреннюю противоречивость.

Во-первых, официальной целью этой системы является накопление денег, но на самом деле она негативно влияет на сбережения. Налоги, которые требуются для поддержания такой системы, вытесняют личные сбережения. При этом у людей возникает впечатление, что в будущем о них позаботятся и поэтому им не нужно копить деньги на старость. На практике формирование системы социального страхования парадоксальным образом коррелирует с колоссальным сокращением сбережений. Это приводит к значительному повышению ставки процента и снижению инвестиций.

Во-вторых, вне зависимости от того, что написано в законодательстве о распределении пенсионных взносов между работодателями и наемными работниками, с экономической точки зрения за все платит работник. Впервые об этом написал Мизес в «Социализме». Там он говорит, что социальное страхование всегда происходит за счет заработной платы.

В-третьих, эта система основана на всеобщей и огульной институциональной агрессии против граждан и, следовательно, является посягательством на свободу. Это, в свою очередь, мешает творческому развитию процесса предпринимательского открытия, появлению новых финансовых моделей сбережений и эффективному использованию собственности. Конечным результатом всего этого становится неверное размещение труда и капитала в колоссальных масштабах, не поддающихся оценке.

В-четвертых, эта система не может одновременно представлять собой и страховку, и социальное пособие, поскольку две этих цели нельзя совместить. Частное страхование основано на том, что выплаты зависят от взносов. Социальное обеспечение основано на удовлетворении нуждающихся. В условиях непрерывного падения доходов «страховой» элемент системы подавляет компонент «соцобеспечения», и наоборот.

Кстати, почему вообще эти системы существуют? Говорят, из-за того, что некоторые люди не в состоянии сами позаботиться о себе. В таком случае можно сказать, что раз некоторые люди не в состоянии обеспечить себя едой, то нужно заставить всех питаться в государственных столовых.

АЕН: Какое отношение имеет ваш план реформы к чилийскому опыту?

Уэрта де Сото: Не надо забывать, что в Чили пенсионные обязательства были очень малы по сравнению с нынешними испанскими и американскими. В основном они были съедены инфляцией, а остатки были выплачены за счет профицита бюджета. Поэтому аналогия с Чили не совсем уместна. Наши проблемы гораздо тяжелее.

Во время переходного периода плательщики взносов должны не только откладывать на собственную пенсию, но и содержать нынешних пенсионеров. Суть реформы в том, что пенсионные сбережения становятся полностью частными и человек получает возможность целиком и полностью контролировать их. Реформа не должна быть принудительной. Следует позволить людям, если они этого хотят, полностью выйти из системы, т.е. не платить пенсионные взносы и не получать пенсию. Это долгосрочная цель, и мне кажется, что выйти из системы захочет большинство людей. Мой план предусматривает, что в переходный период те, кто откажутся от получения государственных пенсий, будут платить вдвое меньше пенсионных взносов. Кроме того, в переходный период размер обязательных пенсионных взносов нельзя повышать. Иначе у политиков появится соблазн выдать санацию обанкротившейся пенсионной системы за счет повышения взносов за ее приватизацию.

АЕН: Можно ли примерно таким же образом разрушить социализм в медицине?

Уэрта де Сото: В Испании более этактистская система медицинского обслуживания, чем в США. Практически вся медицина находится под контролем государства. Я выступаю за стимулирование развития частной медицины с помощью налоговых льгот. Люди, которые сами платят за медицинские услуги, должны получать налоговые вычеты. Неправильно, когда человек платит за медицину дважды.

АЕН: Находят ли эти идеи отклик?

Уэрта де Сото: В прошлом году в Испании были выборы, на которых кандидат социалистов проиграл сорокачетырёхлетнему Хосе Марии Аснару. С ним пришла новая волна политиков и советников, которые читали и Мизеса, и Хайека, и Ротбарда. Это классические либералы. Я консультирую Народную партию Аснара уже 12 лет, и все эти годы я строго придерживался либертарианских взглядов. Хотя аснаровские либертарианцы составляют меньшинство в парламенте, прогресс колоссален. Налог на прирост капитала был снижен с 56 до 20%. Налоги на доходы юридических и физических лиц тоже снизились.

Сейчас главная проблема, стоящая перед правительством, это реформирование рынка труда. Когда правительство социалистов пришло к власти 14 лет назад, оно оставило нетронутым социалистическое трудовое законодательство времен генерала Франко. Чтобы уволить работника, ему нужно выплатить выходное пособие в сумме его заработной платы за 1260 дней. Поэтому компании боятся нанимать людей. А так как размер пособия по безработице составляет 90% заработной платы, люди не заинтересованы в том, чтобы искать работу.

АЕН: Какие политические шаги по реформированию рынка труда можно предпринять прямо сейчас?

Уэрта де Сото: Мы пытаемся уменьшить выходное пособие как минимум в два раза и еще сильнее, если для увольнения есть веские основания. Выходное пособие не должно превышать годовой зарплаты. Разумеется, и этого слишком много. Я предлагаю регулировать этот вопрос непосредственно в договоре найма. Если работник хочет получать большую пенсию или большое выходное пособие, пусть он соглашается на более низкую заработную плату, и наоборот. Как договариваться — дело работодателя и наемного работника, а не государства.

Безусловно, до этого еще далеко. Но мы пытаемся сделать все, что возможно сейчас. Маятник склоняется в нашу сторону, и это радует.

Например, вот-вот в Испании отменят воинский призыв. До этого годичная служба в армии была обязательной. Молодые люди зря тратили время, приобщались к наркотикам, обслуживали генералов и т.п. Каждый год 200 000 молодых людей на год лишались возможности производительного труда. Когда это прекратится, богатство страны, безусловно, вырастет.

АЕН: На ваш взгляд, этим ребятам следует учиться, а не служить?

Уэрта де Сото: Необязательно. Иногда учеба — это неправильное использование ума и таланта. Так часто бывает, когда система образования принадлежит государству. Сформулированная Гэри Беккером теория «человеческого капитала» исходит из того, что чем больше человек учится, тем ценнее он становится для общества. Естественно, из этого вытекает, что государство должно оплачивать образование всем, чтобы общество становилось богаче.

Я абсолютно не согласен с Беккером. Как всегда, когда речь идет о деньгах государства, и в данном случае невозможно экономически рассчитать, насколько эффективны инвестиции в образование. Вполне возможно, что они неэффективны. Люди годами изучают вещи, которые им совершенно не нужны. Неоклассическая теория вообще относится к капиталу так, как будто вложения капитала не могут быть удачными или неудачными. Капитал, с точки зрения неоклассиков, он и есть капитал. В некотором смысле неправильное вложение интеллектуального капитала приносит еще больше вреда, чем другие типы неэффективного размещения ресурсов.

АЕН: Вы не видите противоречия между вашим теоретическим идеалом и этими довольно скромными планами реформ?

Уэрта де Сото: Самая большая опасность для либертарианской стратегии — это соблазн впасть в политический прагматизм. Легко забыть о конечной цели, если ее по политическим причинам невозможно достичь в краткосрочной перспективе. В результате наши идеалы и цели теряют ясные очертания и государство сманивает наших интеллектуалов.

Чтобы этого не случилось, нужно следовать двойной стратегии. С одной стороны, мы не должны скрывать наших целей и обязаны постоянно разъяснять людям, почему именно их реализация полезнее всего для общества. С другой стороны, нам следует поддерживать любые краткосрочные политические меры, если они приближают нас к нашим целям. В этом случае,

когда эти краткосрочные цели будут достигнуты, мы сможем уверенно продолжить движение, потому что общество будет подготовлено к тому, что нужно будет делать дальше.

АЕН: Откуда вы узнали об австрийской школе?

Уэрта де Сото: Когда мне было 16 лет, я увлекся экономической теорией. Я скупал все книги по экономике и штудировал их. Я уже думал, что прочитал всё что можно, когда однажды на книжном развале увидел толстую книгу неизвестного мне автора. Это была «Человеческая деятельность». Я очень люблю толстые книги, поэтому я тут же купил ее. Она потрясла меня.

Один из друзей отца застал меня за чтением Мизеса и пригласил на семинар к Рейгу. О нем я уже рассказывал. Там все удивились, насколько хорошо я знаю «Человеческую деятельность». После этого я прочел книгу «Человек, экономика и государство». С течением времени я узнавал об австрийской школе все больше и больше.

АЕН: Удивительно, что в 16 лет вы так интересовались экономической теорией.

Уэрта де Сото: Я из семьи страховщиков. Это единственное, что у меня общего с Кейнсом. Он в 30-е годы возглавлял Лондонское Национальное общество взаимного страхования жизни. Страхование жизни — род деятельности, практически не испытывавший на себе воздействия государства и спокойно развивавшийся последние двести лет. Я заинтересовался деньгами, финансами и экономическими институтами, когда начал помогать отцу. Я хотел быть актуарием. У меня были большие способности к математике.

Но вскоре я начал осознавать, что то, что работает в актуарном деле, которое связано с расчетами вероятности смерти и дожития, не может работать в экономической теории, потому что в человеческой деятельности нет констант. В ней есть творчество, перемены, открытия и решения, но нет фиксированных соответствий, которые позволяли бы строить функции.

Ганс Майер высказал одну очень интересную мысль. Я наткнулся на нее в трехтомной хрестоматии по австрийской теории, выпущенной под редакцией Кирцнера. Майер утверждал, что кривые спроса и предложения не могут отражать реальность, потому что информация, которая нужна, чтобы их построить, еще не создана и будет постепенно создаваться только непосредственно в ходе процесса предпринимательства. Эта информация никогда не появляется одновременно, а если мы используем математические методы, то исходим именно из этого. Майер позаимствовал эту идею у Мизеса и развил ее. Но, как известно, Майер был политическим хамелеоном, конформистом — особенно перед Второй мировой войной и во время нее, — и поэтому Мизес не уважал его.

АЕН: Кейнс тем не менее сделал из опыта занятий страховым делом совершенно другие выводы относительно человеческой деятельности.

Уэрта де Сото: Кейнс, как я выяснил, испортил не только экономическую теорию, но и страхование жизни. Он пересмотрел традиционные принципы ведения дел и стал оценивать активы компании, которую воз-

главлял, в соответствии с их рыночной ценностью, а не с исторической (первоначальной). В краткосрочной перспективе это дало ему колоссальное конкурентное преимущество. Кейнс выплачивал клиентам дивиденды на нереализованный прирост капитала.

Пока фондовый рынок рос, все было прекрасно. Но когда наступила Великая депрессия, компания Кейнса чуть не обанкротилась. И по сию пору индустрия страхования США и Великобритании пожинает горькие плоды этого разрыва с традицией. На континенте страховщики по-прежнему оценивают активы по их исторической ценности и выплачивают дивиденды только с реализованного прироста капитала.

АЕН: Вы подарили Институту Мизеса портрет короля Хуана Карлоса с книгой Мизеса в руках. Король — приверженец теории Мизеса?

Уэрта де Сото: Не совсем. Он сторонник свободного рынка и знает, что мы придерживаемся радикальной позиции в этом вопросе. Каждый год мы приглашаем его на выставку, где представляем наши новые книги, и он всегда любезно принимает наше предложение. К счастью, он не учился в Чикаго и поэтому гораздо лучше относится к австрийцам, чем можно было бы ожидать от короля. Австрийская школа привлекает самых разных людей, и нельзя предугадать заранее, кем они окажутся.

АЕН: Например, кто бы мог предугадать, что австрийская школа через иезуитов из Саламанки окажет влияние на современную Католическую церковь?

Уэрта де Сото: Католическая церковь похожа на огромный трансатлантический лайнер. Если переложить руль, судно начинает медленно разворачиваться и в конце концов меняет курс.

В Испании есть влиятельная католическая организация под названием «Opus Dei» («Божье дело»). Она очень близка к папе и настроена чрезвычайно пропредпринимательски. И вдруг, представьте себе, кто-то из руководства этого ордена прочитал Хайека, увидел в нем родственную душу и дал указание всем членам «Opus Dei» поддерживать австрийцев. После этого все в «Opus Dei» прочитали все мои книги, и меня стали приглашать читать лекции священникам и другим членам ордена. Недавно я видел диссертацию о Мизесе и Хайеке, которую написал один из руководителей «Opus Dei».

АЕН: Папа правильно понимает многие вопросы экономической теории, но продолжает оставаться поклонником профсоюзов.

Уэрта де Сото: Папа часто обозначает словом «труд» человеческую деятельность. Когда он пишет, что труд носит творческий, предпринимательский и производительный характер, профсоюзы тут не при чем. Он имеет в виду идею экономической деятельности и добровольного обмена.

Разумеется, Церковь может ошибаться; например, она, как пишет Ротбард в «Истории экономической мысли», долгое время заблуждалась относительно сути процента.

К мнению Церкви по экономическим вопросам следует относиться серьезно, но это не имеет отношения к вопросам веры. Кстати, в моем кабинете висит фотография, на которой сняты вместе Хайек и папа.

АЕН: Вы полагаете, что экономисты должны с большим, чем сейчас, уважением относиться к религии?

Уэрта де Сото: Да, безусловно. Религия играет в экономике важную роль. Она передает от поколения к поколению те нормы поведения и моральные традиции, без которых не может быть верховенства права, обеспечивающего возможность экономического обмена. Например, если в обществе нет уважения к контрактам, оно может разрушиться. Не государство, а религия воспитывает в нас сознание того, что мы должны выполнять обещания и уважать чужую собственность.

АЕН: Есть ли среди святых экономисты?

Уэрта де Сото: Да, два схоласта. Два экономиста из числа схоластов были причислены к лику святых: св. Бернардино Сиенский и его самый талантливый ученик св. Антонио Флорентийский. Будем надеяться, что они не последние.

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И АНАРХОКАПИТАЛИЗМ¹

Введение

В начале XXI в. либеральная мысль оказалась на теоретическом и политическом распутье. Хотя после падения Берлинской стены в 1989 г. и крушении реального социализма мы, казалось, присутствуем при «конце истории» (если использовать неудачное и претенциозное выражение Френсиса Фукуямы), сегодня в мире господствует этатизм, причем во многих отношениях его господство сильнее, чем когда-либо ранее, друзья свободы деморализованы. В силу этого «модернизация» либерализма насущно необходима. Пора подвергнуть либеральную доктрину пересмотру и привести ее в соответствие с последними достижениями экономической науки и новейшим историческим опытом. Этот процесс следует начать с откровенного признания в том, что попытки классических либералов ограничить государство потерпели неудачу. Современная экономическая наука в состоянии объяснить, почему их поражение было неизбежно. После этого нужно сосредоточиться на динамической теории основанных на предпринимательстве процессов общественного сотрудничества, которые порождают стихийный порядок рынка. Эта теория может быть использована в качестве инструмента полноценного анализа анархокапиталистической системы общественного сотрудничества, единственной системы, осуществимой на практике и не противоречащей человеческой природе.

В данной статье мы подробно проанализируем эти вопросы, а также дадим ряд рекомендаций практического характера относительно исследовательской и политической стратегии. Кроме того, мы воспользуемся случаем, чтобы прояснить некоторые распространенные заблуждения и указать на часто встречающиеся ошибочные интерпретации.

Роковая ошибка классического либерализма

Роковая ошибка классических либералов связана с тем, что они не осознают: их идеал теоретически невозможен; он содержит семена собственной гибели, так как подразумевает существование государства (пусть минимального), обладающего монополией на институциональное насилие.

Тем самым в самом их подходе содержится величайшая ошибка: они рассматривают либерализм как план политических действий плюс набор экономических принципов, цель которых состоит в том, чтобы ограничить власть государства, в то же время признавая его существование и даже считая его необходимым. Но в наше время (в начале XXI в.) экономиче-

ская наука уже доказала, что а) государство не является необходимым, б) этатизм (даже минимальный) невозможен теоретически и в) человеческая природа такова, что если государство существует, то ограничить его власть невозможно. Рассмотрим каждый из этих пунктов по очереди.

Государство — ненужный институт

С научной точки зрения вера в существование так называемых общественных благ (их основные черты: совместное предложение и неконкурентное потребление), на которой основано оправдание существования органа, обладающего монополией на институциональное насилие (государства), поскольку лишь такой орган способен обязать каждого гражданина финансировать эти блага, могла возникнуть исключительно в рамках ошибочной парадигмы — парадигмы равновесия.

Динамическая (австрийская) концепция стихийного порядка, порождаемого предпринимательством, разрушила это теоретическое обоснование необходимости государства: на самом деле появление любого (реального или мнимого) «общественного блага» (совместного предложения в сочетании с неконкурентным потреблением) сопровождается стимулами, благодаря которым импульс предпринимательской творческой энергии находит, посредством технологических и правовых инноваций, а также предпринимательских открытий, наилучшее решение, позволяющее справиться со всеми возможными проблемами (если только ресурс, о котором идет речь, не объявляют «общественным»; иначе говоря, если имеет место свободное проявление предпринимательства и соответственно частное присвоение плодов творческой предпринимательской деятельности). Например, в Великобритании система маяков долгое время находилась в частной собственности и финансировалась за счет частных средств; частные институты (ассоциации моряков, портовые сборы, стихийное общественное наблюдение и т.п.) эффективно решали «проблему», которая в этатистских учебниках экономики описывается как типичнейший пример «общественного блага». Аналогично на Диком Западе в свое время возникла проблема с установлением и защитой прав собственности на скот, пасшийся на бескрайних равнинах. По мере возникновения проблем их решали посредством различных предпринимательских инноваций: клеймением скота, охраной стад вооруженными ковбоями, наконец — изобретением колючей проволоки, позволившей дешево огораживать большие участки земли. Поток предпринимательского творчества немедленно иссяк бы, если бы эти ресурсы объявили «общественной» собственностью и передали под бюрократическое управление какого-нибудь государственного агентства. (В наши дни большая часть улиц и автомобильных дорог отсечена от предпринимательских инноваций: гибких систем платы за проезд, частных систем безопасности и контроля уровня шума и т.п. Их внедрение больше не является технологической проблемой. Однако, поскольку соответствующие блага были объявлены «общественными», это исключает их приватизацию и препятствует возможности творческого, предпринимательского управления ими.)

Большинство людей верит в необходимость государства потому, что путает факт его (необязательного) наличия с действительно необходимыми услугами и ресурсами, которое оно сегодня (кое-как) монопольно обеспечивает (чаще всего под предлогом, что они, дескать, носят общественный характер). Люди видят, что сегодня дорогами, школами, больницами, общественным порядком и т.п. занимается в основном государство, а поскольку все эти вещи действительно необходимы, то они, недолго думая, делают из этого вывод о необходимости государства. Они не понимают, что те же ресурсы, только несравненно более высокого качества, более дешевые и приспособленные к разнообразным и постоянно меняющимся потребностям каждого отдельного человека они могли бы получить при стихийном рыночном порядке, свободе предпринимательского творчества и частной собственности. Люди совершают и другую ошибку: они верят, что государство необходимо для защиты бедных, слабых и обездоленных («мелких» акционеров, рядовых потребителей, рабочих и т.п.). Они не понимают, что, как доказала экономическая теория, так называемые защитные меры государства неизбежно наносят ущерб тем, кого они должны защищать. Таким образом, этот навязший в зубах аргумент в пользу необходимости государства не имеет под собой оснований.

Ротбард утверждал, что набор благ и услуг, который в наши дни предоставляет государство, можно разделить на две части: на те блага и услуги, которых вообще не должно быть, и на те, которые следует приватизировать. Разумеется, блага, которые мы только что перечислили, относятся ко второй группе. Исчезновение государства вовсе не означает исчезновения дорог, больниц, школ, общественного порядка и т.д.; всех этих вещей будет больше, они станут лучше и дешевле (по сравнению с тем, во сколько они нынче обходятся налогоплательщику). Следует также добавить, что исторические эпизоды институционального хаоса и отсутствия общественного порядка (например, в Испании во время гражданской войны и предшествовавшие ей годы или в наши дни на значительной части территории Колумбии или Ирака) связаны с тем, что государство оказывается не в состоянии обеспечить эти блага. Оно не может сделать это *само* (хотя в теории должно бы) и *не согласно позволить это частному сектору, предпринимателям*; дело в том, что государство предпочитает хаос (способствующий легитимации его «права» на принуждение) самоликвидации и приватизации.

Особенно важно осознать, что установление, приобретение, передача, обмен и защита прав собственности, от которых зависит связность общественного процесса и его поступательное развитие, не требуют наличия органа, обладающего монополией на насилие (государства). Наоборот, действия государства всегда сопряжены с многочисленными нарушениями законных прав собственности; оно защищает их очень плохо и разлагающе влияет на отношение людей к правам собственности других (и с точки зрения морали, и с точки зрения права).

Правовая система представляет собой результат эволюции общих принципов права (особенно прав собственности), не противоречащих чело-

веческой природе. Таким образом, не государство устанавливает законы (демократически или любым иным способом). Источником права является природа человека; при этом законы действительно открываются и обобщаются постепенно, основываясь на прецедентах, но в первую очередь — на правовой доктрине. (Мы считаем, что континентальная традиция римского права, абстрактная и доктринальная, гораздо лучше англосаксонской системы частного права, где судебные решения и постановления обеспечиваются сильной государственной поддержкой. В силу прецедентного характера англосаксонского права решения, вынесенные по конкретным делам и основанные на специфических обстоятельствах данного конкретного иска, приобретают общеобязательный характер, что делает правовую систему дисфункциональной). Право имеет эволюционную природу и основано на обычае; соответственно оно предшествует государству и не зависит от него, а следовательно, для его установления и развития не требуется никакого органа, обладающего монополией на насилие.

Государство не нужно не только для того, чтобы установить законы, но и для того, чтобы применять и защищать их. Это должно быть особенно очевидно в наши дни, когда частные охранные компании используются повсеместно, в том числе многими государственными организациями.

Здесь не место для подробного описания того, как именно частный сектор будет обеспечивать блага, которые сегодня считаются общественными (хотя те, кто выступает за статус-кво, руководствуясь принципом «уж лучше знакомый дьявол», часто предъявляют анархокапиталистам наивный и беспомощный упрек в отсутствии у них априорных знаний о том, каким именно образом рынок будет решать бесчисленные проблемы). На самом деле мы не можем знать, какие решения конкретных проблем нашла бы армия предпринимателей, если бы ей это разрешили. Тем не менее даже самые отчаянные скептики должны признать: «сегодня мы знаем», что рынок, движимый творческой энергией предпринимателей, работает, и работает он только до тех пор, пока в его работу не вмешивается осуществляющее принуждение государство. Принципиально важно осознать, что сложности и конфликты всегда возникают именно там, где свободный и стихийный порядок рынка сталкивается с ограничениями. Поэтому, несмотря на бесчисленные попытки: от Густава де Молинали до наших дней — представить себе, как будет функционировать анархокапиталистическая сеть частных охранных и защитных агентств, каждое из которых будет обеспечивать работу одной из многочисленных правовых систем, теории свободы не должны забывать: как раз то, что мешает нам точно представить себе, как будет выглядеть безгосударственное будущее (творческая природа предпринимательства), позволяет нам рассчитывать на то, что любая проблема будет успешно решаться, поскольку на это будут направлены все силы и творческая энергия заинтересованных в этом людей². Экономическая наука учит не только тому, что рынок работает, но и тому, что этатизм теоретически невозможен.

Почему этатизм теоретически невозможен

Австрийскую экономическую теорию в части невозможности экономического расчета при социализме можно расширить³ и преобразовать в теорию невозможности этатизма, если понимать этатизм как попытку организовать любую из сторон жизни в обществе посредством принуждающих приказов, которые предполагают вмешательство, регулирование и контроль и исходят от органа, обладающего монополией на институциональную агрессию (от государства). Государство в принципе неспособно достичь заявленных целей (координации) в тех областях процесса общественного сотрудничества, куда пытается вмешиваться, особенно в области денег и банковской деятельности⁴, установления закона, обеспечения правосудия и общественного порядка (т.е. предотвращения, пресечения и наказания преступных деяний) по четырем причинам:

- а) государству потребовался бы для этого огромный объем информации, которая существует лишь в распределенном или рассеянном виде, в умах миллионов участников социального процесса;
- б) информация, которая потребовалась бы осуществляющему вмешательство органу для того, чтобы его приказы обеспечивали координацию, в основном невербальная и неартикулируемая по своей природе; следовательно, ее невозможно корректно передать;
- в) информация, которую использует общество, не «дана»; она постоянно меняется в силу того, что люди — творческие существа. Очевидно, что не существует возможности передать сегодня информацию, которая будет создана только завтра; но именно эта информация нужна органу государственного вмешательства для того, чтобы достичь своих завтрашних целей;
- г) наконец, и это самое главное, когда приказы государства выполняются и оказывают на общество задуманное воздействие, их насильственный характер мешает предпринимателям создавать именно ту информацию, которая больше всего нужна органу государственного вмешательства для того, чтобы сделать свои команды координирующими (а не вносящими беспорядок).

Этатизм не просто невозможен теоретически; он порождает серию крайне вредных искажающих периферийных эффектов: поощрение безответственности (поскольку власти не знают, во сколько обходится их вмешательство, они действуют безответственно); уничтожение окружающей среды в результате объявления ее «общественным благом», что препятствует ее приватизации; извращение традиционных представлений о праве и справедливости и замена их приказами и «социальной справедливостью»⁵; разрушение моральных устоев людей, которые начинают, в подражание государству, пренебрегать моралью и правом и становятся все более и более агрессивными.

Все это позволяет нам сделать вывод, что те современные общества, которые процветают, достигли этого не благодаря государству, а *вопреки ему*⁶. Многие люди привыкли уважать материальное право; сохраняются

значительные островки относительной свободы; государство навязывает свои нелепые, выбранные вслепую требования очень неумело. Кроме того, даже минимальное увеличение свободы необычайно способствует процветанию, что свидетельствует о том, насколько далеко могло бы продвинуться человечество, сбросив с себя оковы этатизма.

Наконец, мы уже упоминали о ложных верованиях тех, кто отождествляет государство с («общественными») благами, которые оно сегодня (кое-как и задорого) обеспечивает, и на этом основании приходит к ошибочному выводу, что исчезновение государства неизбежно приведет к исчезновению этих ценных услуг. Этот вывод порожден постоянной и вездесущей политической индоктринацией (в частности, ею пропитана вся система образования, от контроля над которой по вполне понятным причинам не желает отказываться ни одно государство), тираническим навязыванием стандартов «политкорректности» и тем, что конформистское большинство рационализирует статус-кво и отказывается видеть очевидное: государство — это иллюзия, созданная меньшинством, чтобы жить за счет остальных; что касается остальных, то их используют, развращают и подкупают, платя им внешними ресурсами (налогами) за разного рода политические «услуги».

*Невозможность ограничить власть государства:
«летальный» характер государственной власти
в сочетании с человеческой природой*

Если государство существует, то воспрепятствовать его экспансии невозможно. Безусловно, Хоппе прав: некоторые формы правления (например, абсолютные монархии, где король, собственник государства, при прочих равных будет стараться не «убить курицу, несущую золотые яйца») менее прочих (например, демократий, где у правителей нет причин беспокоиться о том, что будет после следующих выборов) склонны к расширению полномочий и интервенционизму. Кроме того, при определенных исторических обстоятельствах интервенционистская волна действительно идет на спад. Тем не менее исторический опыт неопровержимо свидетельствует о том, что государство постоянно растет⁷. Оно растет потому, что сочетание человеческой природы с государством, т.е. с институтом, обладающим монополией на насилие, представляет собой «взрывоопасную» смесь. Государство — это мощнейший магнит, притягивающий к себе самые отвратительные страсти, пороки и проявления человеческой природы. Люди стремятся уклониться от исполнения приказов государства, но они используют его монопольную власть на полную катушку. Кроме того — особенно в демократических странах, — сочетание деятельности привилегированных групп интересов, близорукость правительства и покупка им голосов, мегаломания политиков, а также безответственность и слепота бюрократов образуют взрывоопасный коктейль. Эту смесь постоянно встряхивают социальные, экономические и политические кризисы, которые используются политическими и общественными «лидерами» в качестве оправдания

для расширения государственного вмешательства — а государственное вмешательство не только приводит к обострению существующих проблем, но и создает новые.

Государство превратилось в «идола», которому все поклоняются. Поклонение государству — это, без сомнения, самая серьезная и опасная социальная болезнь нашего времени. Нам привили веру в то, что государство в состоянии вовремя обнаружить и решить все проблемы. Наша судьба находится в руках государства, а управляющие им политики обязаны гарантировать нам удовлетворение всех наших потребностей. В результате люди становятся инфантильными. Они бунтуют против своей творческой природы (неотъемлемого качества человеческой натуры, которое делает будущее людей принципиально неопределенным). Они требуют волшебного зеркала, в котором они не только могли бы увидеть будущее, но и убедиться, что все проблемы будут успешно решены. Политики и общественные лидеры сознательно поощряют «инфантилизацию» масс, поскольку она служит оправданием их существования и гарантирует им популярность, доминирование и место у кормила власти. Активными участниками этой оргии стали интеллектуалы, профессура и социальные технологи.

Правильный диагноз этой болезни не смогли поставить даже наиболее уважаемые церкви и религиозные деноминации. Он таков: сегодня главной угрозой для свободных и ответственных людей, у которых есть моральные принципы, является обожествление государства; государство — это могущественнейший идол, вызывающий всеобщее поклонение; оно не выпускает никого из-под своего контроля и не позволяет никому иметь личные моральные и религиозные принципы, противоречащие его установлениям. Государство добилось невозможного: благодаря систематическому использованию весьма хитроумных приемов, в частности изобретению разнообразных козлов отпущения («капитализма», жажды наживы, частной собственности), ему удается скрывать от граждан то, что истинной причиной социальных проблем и конфликтов является оно само. Государство перекладывает свою вину на козлов отпущения и направляет против них гнев народных масс, а также религиозных и общественных деятелей, которые обычно ловятся на эту удочку или же не осмеливаются сказать вслух, что в наше время главной угрозой для религии, морали и, следовательно, для человечества стало поклонение государству⁸.

Аналогично тому как падение Берлинской стены в 1989 г. стало образцовой исторической иллюстрацией теоремы о невозможности социализма, провал попыток теоретиков классического либерализма и либеральных политиков ограничить власть государства превосходно иллюстрирует теорему о невозможности этатизма, особенно же то, что либеральное государство внутренне противоречиво (так как государство все равно остается «принуждающим», даже когда оно «ограничено») и теоретически невозможно (после того, как мы допустили существование государства, ограничить его экспансию невозможно). Иначе говоря, «правовое государство» представляет собой недостижимый идеал, противоречие в терминах, подобное «...горячему снегу, развратной девственнице, упитанному скелету, кру-

глому квадрату»⁹ или «совершенному рынку» (он же «модель совершенной конкуренции») «социальных технологов» и экономистов-неоклассиков¹⁰.

Анархокапитализм — единственная модель общественного сотрудничества, не противоречащая человеческой природе.

Этатизм противоречит человеческой природе, так как представляет собой систематическое и монопольное принуждение, которое неизбежно блокирует творческую способность и предпринимательскую координацию, т.е. наиболее типичные и характерные проявления человеческой природы, во всех областях, на которые распространяется (включая сферу установления законов и поддержания общественного порядка). Кроме того, как мы видели, этатизм порождает и стимулирует безответственность и моральное разложение тем, что поощряет людей занять привилегированную позицию у руля государства, хотя издержки действий политической власти принципиально неизвестны. Эти последствия этатизма возникают везде, где существует государство, несмотря ни на какие попытки ограничить его и достичь той заведомо неосуществимой цели, которая превращает классический либерализм в ненаучную утопию.

Нам абсолютно необходимо преодолеть «утопический либерализм» наших предшественников, которые наивно полагали, что государство можно ограничить, и проявляли непоследовательность, отказываясь довести собственные идеи до логического конца и сделать из этого выводы. В XXI в. нашей главной задачей должна стать замена (утопического и наивного) классического либерализма XIX в. новым, подлинно научным и современным подходом, который можно назвать либертарианским капитализмом, анархизмом частной собственности, или просто анархокапитализмом. Сегодня, в XXI в., спустя почти двадцать лет после падения Берлинской стены, когда для всех стало очевидным, что государство не прекратило расширяться и посягать на личные свободы людей, либералам не имеет смысла повторять то же самое, что они говорили 150 лет назад.

Анархокапитализм (или «либертарианство») представляет собой наиболее чистое выражение стихийного рыночного порядка, когда все услуги, в том числе установление законов, справедливости и общественного порядка, предоставляются в ходе сугубо добровольного процесса общественного сотрудничества. Этот процесс должен стать главной темой современных экономических исследований. В нем нет областей, закрытых от воздействия творческой энергии и предпринимательской координации людей; поэтому там все проблемы решаются эффективнее и справедливее, а кроме того, исчезают те узкие места, которые неизбежно порождают самим своим существованием органы, обладающие монополией на насилие (государства). Кроме того, в такой системе устраняется порождаемое государством поощрение коррупции; наоборот, эта система стимулирует моральное и ответственное поведение людей, в то же время препятствуя формированию

монопольного органа (государства), узаконивающего систематическое применение насилия и эксплуатацию конкретных общественных групп (у которых в этой ситуации нет иного выбора, кроме как подчиниться) другими группа (теми, которые в данный момент крепко держат государственную власть в своих руках).

Анархокапитализм — это единственная система, полностью признающая свободную и творческую природу людей и их способность непрерывно усваивать все более и более моральные образцы поведения в обстановке, где по определению никто не может присвоить себе право на монопольное и систематическое насилие. Иными словами, в анархокапиталистической системе можно попробовать осуществить любой предпринимательский проект, если он имеет добровольную поддержку; в динамичной и постоянно меняющейся среде добровольного сотрудничества будет возникать масса творческих решений.

Постепенная замена государств динамической сетью частных агентств, обеспечивающих функционирование различных правовых систем, безопасность, профилактику преступности и решающих задачи обороны, является главным пунктом современной политической и научной повестки дня. Это главная перемена, которая ожидает общество в XXI в.

Заключение: Революционные последствия нового подхода

Революция, свергнувшая старый порядок, в авангарде которой находились классические либералы XVIII—XIX вв., находит естественное продолжение в анархокапиталистической революции XXI в. К счастью, нам известна причина неудач утопического либерализма, и мы осознаем необходимость замены его научным либерализмом. Мы также осознаем всю наивность и ошибочность взглядов прежних революционеров, преследовавших недостижимый идеал и тем самым открывшим дорогу наиболее ужасным этатистским тираниям в истории человечества.

Анархокапитализм — это революционный подход. Его цель революционна. Он стремится уничтожить государство и заменить его конкурентным рыночным процессом с участием частных агентств, ассоциаций и организаций. У него революционные средства; это особенно касается научной, общественно-экономической и политической сферы.

а) *Научная революция.* С одной стороны, экономическая наука должна стать общей теорией стихийного рыночного порядка, охватывающего все сферы жизни общества. С другой стороны, она должна дать анализ нарушений общественной координации, которые порождает этатизм в любой области, куда вмешивается (включая право, правосудие и общественный порядок). Кроме того, важнейшим предметом экономических исследований должны стать методы демонтажа государства, переходный период, а также способы и последствия тотальной приватизации всех тех услуг, который сегодня считаются «общественными».

- б) *Общественно-экономическая революция.* Невозможно представить себе все те замечательные успехи, открытия и достижения, которые станут возможны, если освободить предпринимательство от воздействия этатизма. Даже сегодня, несмотря на постоянную агрессию со стороны государства, в нашем все более глобальном мире стала зарождаться принципиально новая цивилизация. Она настолько сложна, что этатизм не в состоянии с ней справиться, а после того, как она освободится от пут этатизма, ее рост не будет знать границ. Ведь мощь творческой энергии такова, что она пробивается сквозь любые мелкие трещинки в броне государства. Как только люди осознают фундаментальную порочность ограничивающего их государства и те колоссальные возможности, которых оно их постоянно лишает, блокируя творческую энергию предпринимательства, все более и более широкие слои общества будут требовать реформ, демонтажа государства и движения к неведомому, но великому и прекрасному будущему.
- в) *Политическая революция.* Политическая борьба в ее нынешнем виде уступит место процессам, описанным в пунктах а) и б). Бесспорно, мы должны по-прежнему поддерживать наименее интервенционистские предложения, так же как и классические либералы, пытавшиеся демократически ограничить государство. Однако настоящий анархокапиталист не ограничивается этим; он идет гораздо, гораздо дальше, потому что знает гораздо больше. Он знает, что его конечная цель состоит в уничтожении государства, и это воодушевляет его и определяет все его конкретные политические шаги. Поэтапное движение в верном направлении — это, конечно, хорошо, но нам не следует впадать в соблазн прагматизма и отступаться от нашей конечной цели, уничтожения государства. Если мы хотим оказывать влияние на общество и просвещать людей, мы должны открыто и систематически добиваться нашей цели¹¹.

Анархокапиталистическая повестка должна включать всемерное сокращение размера и полномочий государства. Используя децентрализацию на региональном и местном уровне, либертарианский национализм, возрождение городов-государств и сецессию¹², мы должны разрушить диктатуру большинства над меньшинством и создать условия, в которых люди будут все больше голосовать ногами, а не бюллетенями. Иначе говоря, цель состоит в том, чтобы обеспечить людям возможность сотрудничать друг с другом в масштабах всего мира, невзирая на границы, и достигать самых разнообразных целей без оглядки на государство (как религиозные организации, частные клубы, интернет-сообщества и т.п.)¹³.

Следует помнить, что политическая революция необязательно требует крови, особенно тогда, когда она является итогом процесса развития и просвещения общества, а также результатом народного желания положить конец обману, лжи и насилию, мешающим людям достигать своих целей. Например, падение Берлинской стены и положившие конец социализму в Восточной Европе бархатные революции были практически бескровными. На пути к этому результату нам следует использовать все мирные¹⁴

и законные¹⁵ средства, которые существуют в рамках современных политических систем.

Перед нами лежит великое будущее, и в нем мы будем постоянно открывать новые пути, которые, в соответствии с нашими фундаментальными принципами, приведут нас к анархокапиталистическому идеалу. Хотя сегодня это будущее может показаться далеким, мы можем в любой момент стать свидетелями гигантских скачков вперед, которые застанут врасплох даже самых отчаянных оптимистов. Кто в 1984 г. мог бы предсказать, что в 1989 г. рухнет Берлинская стена, а с нею — коммунизм в Восточной Европе? Темп истории ускорился, и хотя процесс перемен никогда не закончится, в жизни человечества начнется совершенно новый этап, когда оно впервые за всю современную историю целиком и полностью избавится от государства, отдав ему место мрачного и трагического музейного экспоната.

На рисунке показано, как разные политические системы естественным образом переходят друг в друга. Они сгруппированы в зависимости от отношения к государству и частной собственности.

Мы видим, как первоначальное (ошибочное и утопическое) революционное движение классических либералов против старого порядка

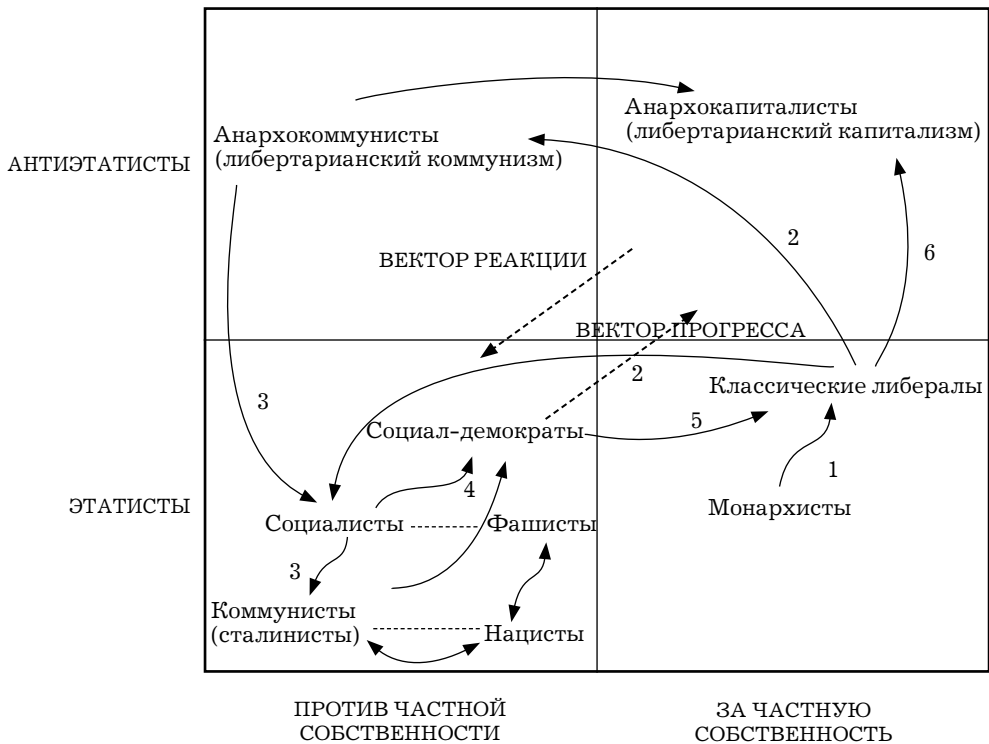

Рис. 1

скатывается к прагматизму и признанию государства, открывая дверь перед разными типами социалистического тоталитаризма (коммунизма и фашизма-нацизма). Падение реального социализма приводит к социальной демократии, политической системе, преобладающей в наши дни (групповое мышление).

Либеральная революция, провал которой объясняется ошибками классических либералов и их наивностью, находится в промежуточной фазе, суть которой состоит в эволюции по направлению к анархокапитализму.

Одним из последствий провала либеральной революции стало появление либертарианского коммунизма, на который набросились сторонники всех остальных политических систем (особенно крайне левые) за его анти-этатистский пафос. Либертарианский коммунизм тоже утопия, поскольку отвергает частную собственность, а это означает, что он допускает по отношению к ней использование систематического (т.е. «государственного») насилия. Таким образом, он впадает в неразрешимое логическое противоречие и препятствует развитию процесса предпринимательства, который обеспечивает существование единственной научно обоснованной анархической системы: капиталистического и либертарианского рынка.

Краткие сведения о традиции анархизма в Испании

В Испании существует почтенная анархическая традиции. Несмотря на то что испанские анархисты совершали ужасные преступления (хотя количественно и качественно они несравнимы с преступлениями коммунистов и социалистов), а их идеология была противоречивой, анархистский эксперимент в период гражданской войны хотя и был обречен на неудачу, но получил широкую поддержку в народе. Сегодня перед анархистами, как и перед сторонниками либеральной революции, во второй раз открываются великие возможности. Они должны признать свои ошибки (анархизм, отвергающий частную собственность, — утопия) и осознать, что рыночный порядок — это единственный путь к уничтожению государства. Если испанские анархисты XXI в. смогут усвоить уроки теории и истории, Испания, скорее всего, снова удивит мир (на это раз — приятно), встав в теоретическом и практическом авангарде новой анархокапиталистической революции.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

I. Введение: опасная трансформация бухгалтерских стандартов в США во времена «иррациональной эйфории» и «новой экономики»

Годы «иррациональной эйфории» закончились глубоким кризисом на финансовых рынках и появлением угрозы глобальной экономической рецессии. Закончившийся недавно период искусственного роста был отмечен, в частности, постепенной деградацией традиционных американских принципов финансовой отчетности. Всё началось в 1991 г., с выпуска №107 Свода стандартов финансовой отчетности (SFAS No. 107). После этого постепенно произошел отказ от традиционного принципа разумной предусмотрительности, на смену которому пришел принцип рыночной, или «справедливой», оценки активов, особенно финансовых. Этого активно добивались инвестиционные банки, инвестиционные фонды и все те, кто был заинтересован в том, чтобы раздуть собственные финансовые активы, и стремился перейти на «объективный» учет их стоимости. В обстановке финансовой эйфории, охватившей весь мир, казалось, что стоимость финансовых активов будет расти непрерывно. В годы, когда надувался «пузырь», рост котировок и их отражение в отчетности подпитывали друг друга, став основой искусственного роста акций на фондовом рынке.

В ходе этой безрассудной гонки, в результате отказа от традиционных принципов бухгалтерского учета и замены их более «современными» постепенно стало нормой оценивать компании, исходя из гипотетических предположений и не вполне ортодоксальных критериев, в частности из оценки будущих продаж и будущих клиентов, относить затраты на рекламу к активам и вообще учитывать при оценке контракта все будущие ожидаемые доходы («учет по потоку»). Вследствие этого рыночная стоимость компаний, у которых с точки зрения традиционных принципов бухучета имелись огромные убытки, довольно долго и неожиданно росла просто поразительными темпами за счет ожиданий (основанных на прогнозе будущих продаж и на гипотезе о том, что текущая рыночная стоимость активов падать не будет), которые в конечном счете оказались далекими от реальности.

Крах финансовых рынков и утрата участниками рынков доверия к отчетности продемонстрировали всю серьезность ошибок, допущенных в те годы, когда основанные на разумной предусмотрительности традиционные принципы отчетности были отброшены и деградировали до уровня так называемого творческого бухучета по «справедливой цене».

В контексте этого не может не удивлять, что Европейская комиссия приняла решение одобрить введение Международных стандартов финансовой отчетности, которые основаны на доказавших свою опасность еретических принципах учета по «справедливой цене», практиковавшегося в период так называемой новой экономики, или финансовой эйфории, именно в тот момент, когда угроза, нависшая над мировой экономикой, стала очевидной и в практическом, и в теоретическом отношении. Еврокомиссия обнародовала меры по введению международных стандартов финансовой отчетности 13 февраля 2001 г. В этом документе (разработанном частной организацией, расположенной в Лондоне) открыто признается, что он создан под влиянием некоторых европейских транснациональных корпораций, долгое время завидовавших тем возможностям «творческого бухучета», которые имелись у их американских коллег. Причина, по которой предлагается ввести новые стандарты (цитирую): «Переход на МСФО объясняется не столько недостатками существующей системы, сколько стратегическими, деловыми и финансовыми мотивами». Это признание не имело бы существенного значения, если бы не то, что Еврокомиссия решила переходить на МСФО после громких банкротств «Enron», «WorldCom» и других американских компаний, отказавшихся от традиционных принципов отчетности, основанных на разумной предусмотрительности.

Последовавшее за этим смятение умов таково, что не редкость прочесть в газетах или услышать от финансовых властей, будто внедрение новых стандартов поможет справиться с утратой доверия к отчетности, несмотря на то, что до сих пор Европе удавалось избежать серьезных скандалов с отчетностью, подобных американским, именно потому, что она еще не перешла на эти стандарты. Еврокомиссия стремится заставить европейские компании перейти в обязательном порядке именно на те стандарты, которые уже наделали столько бед в США.

Испанское правительство в связи с этим сформировало группу «экспертов», поручив им написать Доклад о реформе финансовой отчетности (далее — Доклад). Несмотря на то что в подготовке Доклада участвовало семь подкомитетов, результатом их работы стал крайне неубедительный текст, полный противоречащих друг другу утверждений и выводов. Но самое страшное то, что «эксперты» поддержали отказ от принципа разумной предусмотрительности при оценке активов и одобрили переход на оценку активов по рыночной стоимости (которую принято стыдливо называть «справедливой»), несмотря на то, что, по их же мнению, этот, с позволения сказать, «коперниканский переворот» в финансовой отчетности создаст угрозу для разумного управления финансами предприятий и для нашей экономики в целом. В следующем разделе мы подробнее рассмотрим главные недостатки новых принципов и норм, которые нам пытаются навязать.

II. Отрицательные стороны реформы

Главная ошибка авторов Доклада состоит в отказе от принципа разумной предусмотрительности, главного из всех традиционных принципов финансовой отчетности, и замене его принципом так называемой справедливой стоимости. Иными словами, предлагается перейти на оценку активов, особенно — финансовых, по их рыночной стоимости. В Докладе признается, что эти изменения приведут к значительным неудобствам. Однако его авторы, вместо того чтобы предписать использование новых стандартов исключительно компаниям, акции которых торгуются на фондовой бирже (собственно, это единственное, чего требует Евросоюз), предлагают перевести на них все предприятия и организации в стране.

По некоторым причинам это может привести к крайне негативным последствиям. Во-первых, это означает отказ от традиционного принципа разумной предусмотрительности. Если компании будут обязаны оценивать свои активы по их рыночной стоимости, то в период бума это приведет к тому, что стоимость компаний будет резко расти за счет нереализованной прибыли, и в большинстве случаев окажется искусственно завышенной. Эта практика будет создавать искусственный «эффект богатства», особенно в фазе подъема экономического цикла. Результатом станет распределение несуществующей прибыли, т.е. проедание капитала национальной экономики, подрывающее здоровую структуру производства и долгосрочный потенциал экономического роста.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что цель финансового учета не в том, чтобы извлечь выгоду из так называемой «реальной» стоимости активов (которая в любом случае является субъективной и каждый день заново определяется рынком), прикрываясь стремлением к ложно понимаемой «прозрачности», а в том, чтобы избежать проедания капитала. Именно для этого и нужны консервативные критерии отчетности (основанной на принципе разумной предусмотрительности и на отражении в бухгалтерском учете активов по исторической или рыночной стоимости, в зависимости от того, какая из них меньше), которые дают гарантию того, что прибыль является не виртуальной, а реальной, и, следовательно, ее распределение не ставит под угрозу будущую капитализацию компании и ее жизнеспособность.

В-третьих, следует отметить, что рыночная стоимость не является объективной. На рынке не происходит ничего подобного объективному расчету справедливой цены. Напротив, рыночные цены представляют собой результат субъективных оценок и подвержены сильным колебаниям. Поэтому учет финансовых активов по справедливой цене приведет к тому, что финансовая отчетность утратит значительную часть своей традиционной ясности, надежности и информативности. В результате содержащаяся в ней информация будет бесполезной и ее не смогут расшифровать даже специалисты. Кроме того, волатильность, которую демонстрирует рыночная стоимость компаний на протяжении экономического цикла, приведет к тому, что отчетность, основанная на «новых принципах», в значитель-

ной степени утратит роль ориентира для менеджеров компаний, а ведь это главная функция финансовой отчетности.

В-четвертых, после внесения в финансовую отчетность последних изменений в ней уже стала дополнительно отражаться информация о текущей рыночной стоимости компании, причем так, что это не затрагивает стабильности традиционного принципа разумной предусмотрительности.

В-пятых, если говорить об оценке так называемых нематериальных активов, то поистине удивительно слышать, что новые критерии (оценка по рыночной стоимости) якобы консервативнее традиционных. На самом деле все ровно наоборот: в период эйфории на фондовых рынках ни одна компания в США не амортизировала нематериальные активы, тогда как европейские компании обязаны это делать.

Сегодня, когда цены на акции стремительно падают, американские компании внезапно озаботились амортизацией. Хотя и утверждают, что сейчас в США применяются более жесткие требования к амортизации нематериальных активов, чем в Европе, но у европейских компаний в условиях падения фондового рынка остается больше пространства для маневра, поскольку они систематически амортизировали свои нематериальные активы в предшествующий период. Таким образом, если отказаться от традиционного принципа разумной предусмотрительности при оценке нематериальных активов, то это только усугубит проблемы, порождаемые волатильностью финансовых и фондовых рынков.

В-шестых, в Докладе содержится много иных неудачных и неразумных рекомендаций. Например, это рекомендация практически полностью отказаться от создания резервов под риски и непредвиденные расходы, предложение отражать расходы как реальные активы и т.п. Наконец, надо отметить, что после ознакомления с Докладом у любого беспристрастного наблюдателя создается впечатление, что участвовавшие в его составлении эксперты не смогли прийти к общему мнению (об этом свидетельствуют противоречия в тексте Доклада) и просто махнули рукой на рекомендательную часть. Только этим можно объяснить то, что, признав серьезную опасность, исходящую от так называемых международных стандартов финансовой отчетности, они не просто одобрили их, но и предложили перевести на них все компании в стране.

III. Заключение

Европейская комиссия одобрила переход на МСФО крайне не вовремя, именно в тот момент, когда в США эта система финансовой отчетности доказала свою полную непригодность. В связи с этим существует острая необходимость выработать жесткие политические критерии, которые препятствовали бы введению этих норм на территории Евросоюза, и отменить все решения, ранее принятые в этом направлении.

В то же время, пока идет политическая подготовка, необходимая для отмены уже принятого решения, важно максимально ограничить реали-

зацию мер, уже одобренных Еврокомиссией. Как известно, пока Еврокомиссия требует перевода на МСФО только консолидированной отчетности компаний, акции которых торгуются на фондовом рынке. Если ошибка уже совершена, то нужно по крайней мере минимизировать ее последствия, вместо того чтобы безответственно распространять вредные стандарты отчетности на все компании страны.

IV. Дополнительные замечания относительно применения международных стандартов финансовой отчетности страховой отрасли

Применение учета по «справедливой стоимости» может нанести серьезный ущерб экономике в целом, но для страховых компаний негативные последствия могут быть особенно велики. Специфика страхового сектора такова, что для него традиционные принципы отчетности и крайний консерватизм играют особую роль.

Особенно достойна порицания рекомендация, чтобы страховщики переходили на неортодоксальные критерии оценки, основанные на текущей ценности ожидаемого потока доходов и расходов, когда она исходит от заинтересованных сторон (например, от аудиторов). Фактически они предлагают формировать оценку на основе глубоко субъективной и неопределенной гипотезы, верность которой зависит от будущих страховых выплат, состояния финансовых рынков и других событий в будущем, которые трудно или невозможно предсказать. Важно учесть, что к финансовому и бухгалтерскому скандалу с «Enron» привел как раз переход на «прогрессивные принципы» оценки и оценка различных долгосрочных контрактов о поставках газа и других энергоносителей на основании ожидаемых потоков доходов и расходов.

В страховании отчетность всегда была основана на противоположном принципе: на ежегодном учете накопленных доходов и произведенных расходов, отражаемых в отчетности соответствующего периода. Это и позволило сформироваться платежеспособной страховой отрасли, способной без проблем исполнять свои обязательства в любой экономической ситуации. Изменение традиционных критериев отчетности не только внесет хаос в управление компаниями, но и породит колоссальную волатильность в момент ухудшения экономической конъюнктуры, поставив под угрозу платежеспособность страховых компаний. Совершенно непонятно, откуда берется стремление заменить в страховой отрасли традиционные принципы отчетности, многократно доказавшие свою надежность за более чем вековую практику, на какие-то сомнительные с теоретической точки зрения критерии, которые к тому же не прошли проверку временем.

Мы обязаны также высказать наше резко критическое отношение к идее изменения требований к платежеспособности страховых компаний (иными словами, к введению стандарта «Solvency II»). Те самые аудиторы, которые пропагандируют эту идею, признают, что переход на «Solvency II» снизит

требования к платежеспособности страховых компаний. Многие из них считают разумным «высвобождение финансовых ресурсов на благо других секторов экономики» во имя «максимизации ценности для акционеров». Эти аргументы неубедительны, особенно с учетом того, что страховому сектору до сих пор удавалось сохранять платежеспособность, что позволило ему с честью выходить из тяжелых ситуаций и преодолевать последствия финансовой турбулентности, которая в последние годы терзает мировую экономику. Безответственность тех, кто в нынешних условиях требует перехода на новые стандарты отчетности, воистину не знает пределов.

Таким образом, по указанным причинам, а также по другим, о которых мы не упомянули, хотя их можно привести еще много (например, потому что контрольный орган не в состоянии следить за платежеспособностью каждой отдельно взятой страховой компании, даже если отвлечься от того, что такое вмешательство в дела компании в принципе недопустимо), необходимо остановить внедрение стандарта «Solvency II» в страховой отрасли и вернуться к традиционным стандартам платежеспособности, которые существуют уже длительное время и хорошо зарекомендовали себя на практике.

ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА ДИРЕКТИВЫ «SOLVENCY II»

Введение

В настоящее время страховой сектор переживает реформу регулирования, направленную на «модернизацию» и «корректировку» требований к платежеспособности страховых компаний и предполагающую переход на наиболее «прогрессивные» инструменты финансовой теории и анализа рисков. До сих пор мало кто осмеливался поставить под сомнение научный фундамент, на котором основан подход Второй директивы ЕС в области контроля за платежеспособностью страховых компаний «Solvency II». Наоборот, многие с энтузиазмом отнеслись к этой директиве, поскольку людям свойственно с уважением относиться к сложным и вычурным моделям, хотя бы из страха показаться невеждами. Та горстка профессионалов, ведущих теоретиков и специалистов с большим практическим опытом, которые видят в новых нормах серьезные опасности, настроена пораженчески. Они примирились с неизбежностью грядущей катастрофы и ограничиваются критикой мелких недостатков новых норм регулирования, не осмеливаясь, по крайней мере публично, выступить с критикой системы в целом (исключением среди испанцев является Маэстро¹). Что любопытно, эта ситуация совершенно аналогична той, которая имеет место в банковском секторе по отношению к стандартам платежеспособности «Базель II» и к новым международным стандартам финансовой отчетности (IAS), хотя их сфера применения гораздо шире и соответственно они гораздо опаснее для рыночной экономики, потому что влияют на ведение бизнеса во всех отраслях². Однако в последнее время появляется все больше научных работ, где ставится под сомнение теоретическая база всех новых стандартов. Их авторы задаются вопросом, не приведут ли новые правила, которые по идее должны обеспечить платежеспособность, конкуренцию, а также рост эффективности и прозрачности, к совершенно противоположным результатам³.

Научные пороки новой модели

Обычно с того момента, как ученые в своей башне из слоновой кости изобрели новые теории и модели, до того, как некоторые из них просачиваются в реальную экономическую жизнь (обычно в результате влияния мощных заинтересованных групп интересов, например аудиторов, инвестиционных банков, биржевых спекулянтов и т.п.), проходит 20—30 лет. Очень часто теоретическая модель входит в широкую моду и начинает законодательно воплощаться в жизнь уже после того, как ее научная несостоятельность

доказана (правда, большинство об этом еще не знает). Именно это произошло с теоретической базой, на которой основаны «Solvency II», «Базель II» и IAS.

Все названные выше новые правила основаны на неоклассической финансовой теории, которая сформировалась во второй половине прошлого века и благодаря своему статическому характеру, формализму, редукционизму, фантастичности допущений и неверному представлению о том, как работает рынок, сегодня в значительной степени утратила авторитет. Ядро неоклассической финансовой теории составляет «модель оценки капитальных активов» (САРМ). Она, в свою очередь, основана на «гипотезе эффективного рынка», согласно которой финансовые рынки эффективны в статическом аспекте, в каждый данный момент верно отражают всю доступную информацию и находятся в равновесии. Эта гипотеза служит основанием для постулирования неизменности и представления о том, что информацию о прошлом можно экстраполировать на будущее в виде предсказуемых и неизменных вероятностных сценариев и распределений, которыми могут и должны руководствоваться действующие субъекты экономики.

Однако эти гипотезы ложны и не имеют под собой научной основы⁴. Рынок вообще и финансовые рынки в частности представляют собой динамические процессы предпринимательского творчества и координации, в ходе которых предприниматели ежедневно открывают новые возможности для извлечения прибыли, иначе говоря, новые возможности удовлетворения желаний потребителей. Таким образом, «совершенный» рынок неоклассиков представляет собой противоречие в терминах: рынок по определению не находится в равновесии и не отражает всей доступной информации; наоборот, он постоянно меняется и находится в неравновесии, что побуждает его участников непрерывно открывать и внезапно создавать новую информацию, которая всегда субъективна и часто противоречива. Так, в любой финансовой сделке участвуют две стороны: продавец и покупатель; тот, кто покупает, считает, что цена будет расти, а тот, кто продает, — что она будет падать. Таким образом, применительно к рынку говорить о «консенсусных» и «объективных» ценах равновесия просто смешно, потому что на постоянно меняющихся рынках реального мира равновесие никогда не достигается.

Смешение понятий риска и неопределенности

Особенные опасения внушает то, что в правилах «Solvency II» смешиваются понятия риска и неопределенности. Это своего рода парадокс, потому что именно в секторе страхования различие между риском (который можно застраховать) и неопределенностью (от которой застраховаться невозможно) следует проводить особенно строго.

Эти два понятия полностью смешались в неоклассической модели «современной» финансовой теории, потому что она постулирует объективность

ОБЛАСТЬ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК	ОБЛАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1. Вероятность класса: Поведение класса известно или познаваемо, а поведение отдельных элементов класса — нет.	1. «Вероятность» уникального события или ситуации: класса не существует: некоторые элементы, влияющие на уникальную ситуацию, известны, другие — нет. Событие вызывается или создается самим действием.
2. Для всего класса имеет место ситуация страхуемого риска.	2. В силу творческой природы человеческой деятельности имеет место неустранимая неопределенность. Эта неопределенность не страхуется.
3. Вероятность можно выразить математически.	3. Вероятность нельзя выразить математически.
4. Вероятность измеряется с помощью логики и эмпирических исследований. Благодаря теореме Байеса можно оценивать вероятность класса по мере появления новой информации.	4. Возможности обнаруживают по наитию и подвергают предпринимательской оценке. Каждая новая частица информации приводит к изменению всей системы ожиданий и оценок (принцип неожиданности).
5. Является предметом исследования естественных наук.	5. Это понятие обычно использует действующие предприниматели и историки.

информации и экстраполирует исторические данные в будущее в виде вероятностных сценариев и распределений, которые считаются известными, измеримыми и неизменными.

В таблице выше представлены все главные различия между риском и неопределенностью⁵.

Очевидно, что сектор страхования имеет дело с технически страхуемыми рисками, потому что в его распоряжении имеется достаточное количество статистической информации о поведении класса *однородных* явлений, относящихся к колонке, которую мы назвали «областью естественных наук» (например, риск смерти в разных возрастных группах согласно таблицам смертности, количество пожаров в домах определенного типа, частота и средний ущерб от дорожно-транспортных происшествий и т.п.).

В области человеческой деятельности будущее всегда является *неопределенным* в том смысле, что ему еще предстоит определиться, и у тех людей, которые станут главными фигурантами деятельности в будущем, в настоящем имеются лишь некие идеи, представления или ожидания, которые они надеются реализовать в своей деятельности и во взаимодействии с другими людьми. Кроме того, будущее открыто для человеческого творчества во всех его формах. Таким образом, каждый человек действует в условиях *постоянной неопределенности*. Эту неопределенность можно уменьшить с помощью правил поведения, которых придерживаются действующий человек и те, кто его окружает, т.е. с помощью институтов. Ее можно уменьшить с помощью деятельности и предпринимательской смекалки, но уничтожить ее невозможно. Открытый и постоянный характер этой неопределенности не позволяет нам оперировать применительно к сфере человеческой деятельности традиционными понятиями объективной и субъективной вероятно-

сти, а также использовать в этой сфере теорию субъективной вероятности Байеса. Ведь теорема Байеса выполняется при наличии стабильной базовой стохастической структуры, а это несовместимо с творческой природой человека. Дело не только в том, что человек не знает всех возможных вариантов, но и в том, что у него имеется ограниченное количество субъективных представлений и убеждений, которые Мизес называл *вероятностью события* (case probability), или *вероятностью уникальной ситуации*⁶, и когда эти субъективные представления меняются и расширяются, то это обычно происходит внезапно и в результате резко меняется вся структура представлений и знаний действующего человека. Таким образом, действующий человек постоянно обнаруживает совершенно новые ситуации, которых он не был способен даже представить себе заранее.

Технико-экономическая причина, по которой невозможно застраховать неопределенность (но не риск), возникающую при любых занятиях бизнесом, и особенно — страховым бизнесом, состоит в том, что именно сама деятельность предпринимателя провоцирует и создает те события, которые пытаются страховать. Соответственно между так называемой страховкой (требованием «Solvency II») и конкретными действиями, которые требуется застраховать (повышением уровня платежеспособности страховой компании), отсутствует необходимая для страхования стохастическая независимость. В этом смысле страховые компании не отличаются от брачных союзов. По статистике разводов нельзя судить о шансах на успех конкретного брака, потому что каждый брак — исторически неповторимое, уникальное событие, и его судьба будет зависеть от усилий обоих супругов. (Безусловно, наличие «брачной страховки», гарантирующей супругам компенсацию в случае неудачного брака, повлияло бы на эти усилия.) Другой пример: «страховка от банкротства» не имеет смысла, потому что если бы такая страховка существовала, то это побуждало бы предпринимателей вести себя безответственно (т.е. повышало бы вероятность того, что они обанкротятся).

Фатальная ошибка «Solvency II»

Весь подход «Solvency II» основан на грубом игнорировании описанных выше экономических принципов. Он требует, чтобы так называемая «объективная» вероятность того, что данная страховая компания не обанкротится, составляла как минимум 99,5%. Исходя из этой цели калькулируется некий необходимый уровень платежеспособности.

Однако что означает применительно к страховой компании вероятность банкротства 0,5%? Что каждый год разоряется только одна из 200 компаний? Что любая существующая 200 лет компания только один раз за это время подвергается опасности разориться? Существует ли такой класс *однородных* явлений, который дал бы возможность извлечь смысл из такой, с позволения сказать, вероятности? Нет, такого класса не существует. Любая страховая фирма — это исторически неповторимое, уникальное событие, которое отличается от всех остальных своими предприниматель-

скими планами, взглядами управляющих, деловой культурой, услугами, гибкостью и т.д. Более того, любая страховая компания меняется, поэтому она, так сказать, не равна самой себе, и годы ее существования нельзя рассматривать как класс однородных элементов. Таким образом, «вероятность разорения 0,5%» — это метафора, лишенная всякого объективного и научного смысла. Она передает лишь общую идею того, что вероятность разорения очень мала, и тем самым представляет собой всего лишь проявление субъективного желания, смысл которого в значительной степени зависит от мнения наблюдателя.

Научного смысла не имеет не только цель стандарта «Solvency II», нет его и у конкретных требований этого стандарта, потому что они целиком и полностью противоречат неустранимому характеру неопределенности, с которой сопряжено всякое предпринимательство. В частности, многое из того, что стандарт «Solvency II» неверно рассматривает как «риски», не является страхуемым (за исключением, вероятно, страховых рисков). Рыночный риск, процентный риск, операционный риск и т.п. (на самом деле все это не риски, а факторы неопределенности) относятся к сфере человеческой деятельности, т.е. к уникальным событиям предпринимательского творчества, которые по самой своей природе невозможно застраховать. Кроме того, не имеет никакого смысла экстраполировать на неизменно неопределенное будущее неоднородных и уникальных предпринимательских событий распределения вероятности и сценарии, построенные на исторических данных. (Вспомним о крахе хедж-фонда «Long-Term Capital Management», столкнувшегося с таким сценарием развития событий, которого никто не был в состоянии даже вообразить.)

В конечном счете то, обанкротится ли данная страховая компания или нет, зависит от конкретных действий конкретных людей, которые они могут совершить, а могут и не совершить, и эти действия в принципе нельзя застраховать (на основании якобы «научных» расчетов маржи платежеспособности), поскольку наличие этой, с позволения сказать, «страховки» само по себе будет влиять на действия предпринимателей, увеличивая возможность «несчастливого случая» (т.е. банкротства). Иными словами, наличие полиса страхования жизни не увеличивает вероятности смерти застрахованного, а вот законодательное введение гипотетической страховки от банкротства (на основании расчета маржи платежеспособности по «Solvency II») реально влияет на сознательное и бессознательное поведение застрахованных предпринимателей, внушая им ложную уверенность в том, что «Solvency II» обеспечивает их надежной защитой от их собственных предпринимательских ошибок. Следовательно, само существование этой так называемой страховки (маржи платежеспособности по «Solvency II») будет стимулировать такое поведение предпринимателей, которое в долгосрочной перспективе приведет к повышению волатильности, станет мешать ответственному ведению бизнеса, создаст массу головной боли для регулятора и окончательно запутает застрахованных.

Замечательно, что в течение последних двухсот лет страховые компании, не располагая современным инструментарием неоклассической финансо-

вой теории — ни моделью анализа рисков, ни навыками построения сценариев с различным распределением вероятности, словом, ничем из того, на чем строится теоретический фундамент стандарта «Solvency II», вполне справлялись со своими обязанностями и смогли пережить многочисленные войны, экономические и социальные кризисы и прочие, весьма разнообразные внешние удары, с которыми другие финансовые институты, например, банки (которые в отсутствие кредитора последней инстанции неплатежеспособны по определению), справлялись куда менее успешно. Это произошло потому, что страховщики учились на своих ошибках и выработали различные приемы (например, учет активов по первоначальной стоимости, пассивное и крайне консервативное управление инвестициями, в основном с фиксированной доходностью, использование при страховании жизни технических ставок процента, не включающих инфляцию, введение в договор страхования условий, исключающих моральный риск, и т.д.), позволившие им успешно приноровиться к постоянной неопределенности (в отличие от рисков), присущей любому предпринимательству.

Несмотря на все это, в наши дни предпринимаются попытки постепенно уничтожить традиционные принципы, на которые опирается страхование, и ввести учет активов по их рыночной, или «справедливой», стоимости, уничтожить стабилизационные резервы, внедрить кассовый принцип учета и прочие стандарты IAS, так называемые «активные» инвестиции и альтернативные инструменты инвестиций и т.д. Нам говорят, что на смену традиционным принципам должны прийти «постмодернистские», якобы более «научные», но на самом деле позволяющие все что угодно — при условии соблюдения требований платежеспособности «Solvency II», которые якобы дают страховой фирме 99,5% гарантии от банкротства. Однако если новые идеи будут реализованы и дело не ограничится просто вынужденным подчинением новым требованиям надзора, при том что дела будут идти по-прежнему, согласно давно заведенным порядкам, то это приведет к последствиям, прямо противоположным заявленным целям: платежеспособность страхового сектора снизится, и он станет значительно менее надежным, чем был (к большому удовлетворению клиентов) до сих пор, а выгоду от этого — по крайней мере в краткосрочной перспективе — получит легион «регуляторов», экспертов, аналитиков, аудиторов и прочей шушеры. Некоторые из них отстаивают свои псевдонаучные взгляды чрезвычайно самоуверенно, не понимая, что в конечном счете все они лишь ученики колдуна, играющие с огнем, который может уничтожить основания рыночной экономики вообще и страховых институтов в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

Теория динамической эффективности

- 1 См.: J. Huerta de Soto, *La Escuela Austriaca: mercado y creatividad empresarial*, Madrid, Editorial Síntesis, 2001 [Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: Рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2009]; *Dinero, crédito bancario y ciclos económicos*, second edition, Madrid, Unión Editorial, 2002 (английское издание: *Money, Bank Credit and Economic Cycles*, Auburn, Ala., Ludwig von Mises Institute) [Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008].
- 2 A. Blázquez, *Diccionario Latino-Español, Español-Latino*, vol. 1, Barcelona, Editorial Ramón Sopena, 1998, p. 567, meaning 2.
- 3 Xenophon, *Xenophon in Seven Volumes*, translated by O. J. Todd, vol. 4, Cambridge, Mass., Harvard University Press, and London, William Heinemann, Ltd., 1979, Ec. 6.4, <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?lookup=Xen.+Ec.+1.1> (21 September 2003). (Использован, где это было возможно, перевод С. Соболевского. — *Прим. перев.*)
- 4 «На свете, жена, нет ничего столь полезного для человека и столь прекрасного, как порядок» (*ibid.*, Ec.8.3).
- 5 *Ibid.*, Ec.12.18.
- 6 «Но для людей, умеющих заботиться о деле и усердно обрабатывающих землю, земледелие — самое быстрое средство обогащения. Мой отец и сам так вел хозяйство и меня научил. Он никогда не позволял мне покупать землю хорошо обработанную, но ту, которая по небрежности ли хозяев или по недостатку средств у них не обработана и не засажена — такую он советовал покупать. Обработанная, говорил он, и стоит дорого, и улучшать ее нельзя... Так вот, нет ничего способного к большему улучшению, как земля, которая из загущенной становится в высшей степени плодородной. Уверю тебя, Сократ, — продолжал он, — что благодаря нашим стараниям стоимость многих участков земли стала во много раз больше первоначальной» (*ibid.*, Ec. 20.22—24).
- 7 «Ведь и купцы, по своей чрезвычайной любви к хлебу, как прослышат, что где-нибудь его очень много, так и едут туда за ним, переплывают и Эгейское, и Эвксинское, и Сицилийское море. Потом наберут его как можно больше и везут по морю, да еще на том судне, на котором сами едут. Когда им понадобятся деньги, они не выбрасывают хлеб зря и как попало, а, напротив, где, по слухам, цены на хлеб всего выше и где больше всего им дорожат, к тем и везут его на продажу» (*ibid.*, Ec. 20.27—28).
- 8 M. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith*, vol. 1, *An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, Aldershot, England, Edward Elgar, 1995.
- 9 Термин «энергия» тоже имеет греческое происхождение и означает «действующая сила».

- 10 *Webster's Third New International Dictionary*, 1981, Chicago and London: Encyclopedia Britannica, 1:725 (курсив мой).
- 11 'Proporción entre el producto o resultado obtenido y los medios utilizados'. *Diccionario de la Lengua Española*, 1992, Madrid: Real Academia Española, Espasa Calpe, 559, 1254.
- 12 H. Mayer, 'The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem', chap. 16, *Classics in Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*, I. M. Kirzner (ed.), vol. 2, London, William Pickering, 1994.
- 13 P. Mirowski, *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics*, Cambridge, Cambridge University Press, 1989. Позже Миrowski (*Machine Dreams*, Cambridge, Cambridge University Press, 2002) еще больше детализировал свой критический анализ механистичности неоклассической школы, которую он называет «вторжением киборгов в экономическую науку».
- 14 «Мы уже говорили о том, что рассматриваем силу и редкость, с одной стороны, как векторы, а энергию и полезность, с другой стороны, как скалярные величины» (L. Walras, 'Economie et mécanique', *Bulletin de la Société Vaudoise des Sciences Naturelles*, no. 45 (1909), p. 318 ; цит. по: Mirowski, op. cit., 220).
- 15 *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 1987, edited by John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman, London: Macmillan, vol. 2, p. 107.
- 16 F. W. Taylor, *The Principles of Scientific Management*, New York and London, W. W. Norton and Company, 1967, p. 69. (Первое издание вышло в 1911 г.)
- 17 J. Keynes, *Collected Writings*, London: Macmillan, 1973, vol. 7, p. 26, vol. 28, pp. 333—334. Кейнс разделял также утверждения тех интеллектуалов, чьи мозги были затуманены экономическими «победами» Советского союза («Я видел будущее и оно работает»). См. также: Ralph Raico, 'Keynes and the Reds', *The Free Market* (April 1997).
- 18 См. след. раздел.
- 19 О практической невозможности применения критерия Калдора—Хикса см.: E. Stringham, 'Kaldor-Hicks Efficiency and the Problem of Central Planning', *Quarterly Journal of Austrian Economics* 4, no. 2 (summer) (2001), pp. 41—50.
- 20 См. современный обзор: L. Gámir, *La economía del bienestar*, Grandes Cuestiones de la Economía no. 8, Madrid, Fundación Argentina, 1996.
- 21 L. Robbins, *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, London, Macmillan and St Martin's Press, 1972, pp. 36—37; R. G. Lipsey, *An Introduction to Positive Economics*, second edition, London, Weidenfeld and Nicolson, 1966; A. Alchian and W. R. Allen, *University Economics*, Belmont, Calif., Wadsworth Publishing Co., 1964, pp. 435—437.
- * Способ действия (лат.). — Прим. ред.
- 22 Уже после того, как я закончил эту статью, я увидел ту же мысль у Бьюкенена: J. M. Buchanan, *What Should Economists Do?*, Indianapolis, Liberty Fund, 1979, p. 25.
- 23 *Webster's New World Dictionary and Thesaurus*, Simon and Schuster: New York, 1996.
- 24 О теории предпринимательства, его основных элементах и чертах см.: J. Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, second edition, Madrid, Unión Editorial, 2001, chap. 2 [Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008. Гл. 2].
- 25 *Webster's Revised Unabridged Dictionary*, 1913, [http://www.bennetye.org// http_webster.cgi?compete&method=exact](http://www.bennetye.org//http_webster.cgi?compete&method=exact) (8 October 2003).
- 26 Huerta de Soto, *La Escuela Austriaca*, op. cit., chap. 5 and 6 [Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: Рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2009. Гл. 6 и 6].
- 27 I. Kirzner, *How Markets Work: Disequilibrium, Entrepreneurship and Discovery*, Hobart Paper, no. 133, London, Institute of Economic Affairs (IEA), 1997, p. 67.
- 28 I. Kirzner, 'Austrian Economics, the Coordination Criterion and Classical Liberalism', *Journal des économistes et des études humaines* 8, no. 2/3 (June-September 1998), pp. 187—200.
- 29 Kirzner, *How Markets Work*, op. cit., p. 64.

- 30 M. Rothbard, 'Comment: The Myth of Efficiency', в: *Time, Uncertainty and Disequilibrium*, Mario J. Rizzo (ed.), 1979, p. 95; 'Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics', *The Logic of Action One: Method, Money and the Austrian School*, Cheltenham, England, Edward Elgar, 1997, pp. 211—254 [Ротбард М. О реконструкции экономической теории полезности и благосостояния // Экономическая политика. 2009. №1—2].
- 31 R. E. Cordato, *Welfare Economics in an Open Ended World: A Modern Austrian Perspective*, Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1992.
- 32 J. A. Schumpeter, *The Theory of Economic Development*, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968. [Шумпетер Й. Теория экономического развития // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.]
- 33 J. A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy*, New York: Harper Perennial, 1976, p. 106. (Первое издание: Harper and Brothers, 1942.) [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.] Марк Блауг (M. Blaug, *The Disease of Formalism in Economics, or Bad Games that Economists Play*, Jena, Lectiones Jenenses, 1998, p. 7) употребил для описания позиции Шумпетера термин «динамическая эффективность».
- 34 H. Leibenstein, 'Allocative Efficiency vs. X-Efficiency', *American Economic Review*, no. 56 (1966), pp. 392—415.
- 35 G. J. Stigler, 'The Existence of X-Efficiency', *American Economic Review*, no. 66 (1976), pp. 213—216.
- 36 I. Kirzner, *Perception, Opportunity and Profit*, Chicago, University of Chicago Press, 1979, pp. 120—136.
- 37 Об *x*-эффективности см. также: R. Frantz, *X-Efficiency: Theory, Evidence and Applications*, Boston and Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988.
- 38 D. C. North, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge and New York, Cambridge University Press, 1990, pp. 80—82, 99, 136 [См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: ФЭК «Начала», 1997]; *Understanding the Process of Economic Change*, London, Institute of Economic Affairs (IEA), 1999, pp. 17—18. Самый лучший критический разбор взглядов Норта с позиций австрийской школы принадлежит Стромбергу. См.: J. R. Stromberg, 'Douglas C. North and Non-Marxist Institutional Determinism', *Journal of Libertarian Studies* 16, no. 4 (autumn) (2002), pp. 101—137.
- 39 Из последних работ на эту тему см.: R. O. Zerbe, *Economic Efficiency in Law and Economics*, Cheltenham, England, Edward Elgar, 2001.
- 40 I. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, Chicago, University of Chicago Press, 1973, pp. 225—234 [см.: Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010].
- 41 Гарольд Демсец резко критиковал модель нирваны, которой оперируют многие экономисты-неоклассики (Эрроу и др.), сравнивающие реально существующие институты с идеальными, которые в принципе не могут существовать в реальности, так как транзакционные издержки, необходимые для того, чтобы превратить существующую систему в «нирвану», абсолютно неподъемны. Хотя мы расцениваем позицию Демсеца как смелый шаг к анализу реальности, он тем не менее не осознает, что фундаментальная проблема не связана с транзакционными издержками и имеет чисто предпринимательскую природу. См.: H. Demsetz, *Efficiency, Competition and Policy*, London, Basil Blackwell, 1989, chap. 1, 3—24.
- 42 Гэри Норт назвал тезис Коуза о нерелевантности структуры прав собственности при нулевых транзакционных издержках «теорией прав собственности Дона Корлеоне». Подход Коуза резко отличается от нашего подхода, который основан на тесной взаимосвязи динамической эффективности и этики. См.: G. North, 'Undermining Property Rights: Coase and Becker', *Journal of Libertarian Studies* 16, no. 4 (autumn) (2002), pp. 75—100.

- 43 Нами были учтены широкоизвестные учебники следующих авторов: Samuelson, Lipsey, Friedman (Milton), Friedman (David), Stiglitz, Kreps, Fisher-Dornbusch-Schmalense, Mankiw, Wonnacott and Wonnacott, Alchian and Allen, Sloman, Boulding, Bresciani-Turroni, Gwartney and Stroup, Dolan and Lindsay, Barre, Kasper and Streit, Hardwick-Khal-Langmead, Gimeno and Guirola, González Paz, Mochón, O'Driscoll and Rizzo.
- 44 J. D. Gwartney and R. Stroup, *Economics: Private and Public Choice*, third edition, New York and London, Academic Press, 1983, esp. pp. 416—419.
- 45 E. G. Dolan and D. E. Lindsay, *Economics*, fifth edition, New York, Dryden Press, 1988, pp. 489—492.
- 46 W. Kasper and M. E. Streit, *Institutional Economics*, Aldershot, England, Edward Elgar, 1998, p. 58.
- 47 G. P. O'Driscoll and M. J. Rizzo, *The Economics of Time and Ignorance*, London, Routledge, 1998, esp. p. 88 ff.
- 48 P. Wonnacott and R. Wonnacott, *Economics*, New York, McGraw-Hill, 1986, pp. 492, 771.
- 49 Мы уже видели, что к похожему заключению можно прийти посредством теоремы Коуза.
- * Заново (*лат.*). — *Прим. ред.*
- 50 Наш пример патологически завистливого человека представляет собой исключение.
- * Захват ничейной вещи (*лат., юр.*). — *Прим. ред.*
- 51 См.: J. Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit. [*Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008.*]
- 52 Творческая энергия предпринимательства также проявляется в помощи нуждающимся, и в том числе — в систематическом поиске тех, кто нуждается в помощи. Насильственное государственное вмешательство посредством инструментов, типичных для так называемого государства всеобщего благосостояния, нейтрализует и в значительной степени блокирует поиск предпринимателями людей, остро нуждающихся в помощи, и закрывает для них возможность помогать испытывающим трудности (дальним и ближним) собратьям. Таким образом, государственное вмешательство подавляет естественное человеческое желание помогать другим и препятствует действиям, направленным на оказание помощи нуждающимся посредством добровольного и стихийного сотрудничества, которое так высоко ценит большинство людей. Об этой проблеме и других, связанных с ней, писал Папа Иоанн Павел II в энциклике 1991 г. *Centesimus Annus* (Rome, Vatican Press, chap. 4, section 49 [рус. пер. см.: http://www.catholic.ru/holy_material.html?id=464]).
- 53 Подробнее см.: J. Huerta de Soto, 'Socialismo, corrupción ética y economía de mercado', chapter 8 in *Nuevos estudios de economía política*, Madrid, Unión Editorial, 2002, pp. 193—219.
- 54 Эти институты (семья и религия) также являются необходимым условием воспитания в людях привычки к соблюдению более общих норм социальной этики (уважение к правам собственности). Без помощи этих институтов никакая мощь государственного насилия не смогла бы обеспечить соблюдение даже наиболее базовых стандартов социального сотрудничества.
- 55 Глубокие религиозные убеждения и набожность — это своего рода «сертификат», гарантирующий в будущем исполнение семейных обязательств. Такая «гарантия» уменьшает (хотя и не исключает) риск, связанный с решением о вступлении в брак; и хотя разочарование и не исключено, такая «гарантия» способствует коррекции и координации, обеспечивающей существование эффективного в динамическом отношении общества.
- 56 J. Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., p. 69, note 37. [См.: *Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008.*]

- 57 J. Huerta de Soto, 'Historia, ciencia económica y ética social', *Estudios de economía política*, Madrid, Unión Editorial, 1994, pp. 105—109.
- 58 Традиционный статический анализ исходит из того, что функции спроса и предложения известны и постоянны; в силу этого возникает возможность рассчитать эластичность спроса и предложения в соответствии с правилом Рамсея—Пигу (оптимальная ставка налогообложения товаров обратно пропорциональна эластичности компенсированного спроса на них).
- 59 В области государственных финансов применение этого подхода позволяет увидеть, что в динамическом смысле общественных благ не существует (потому что проблемы единственного поставщика и неисключительного потребления обычно решаются за счет творческой энергии предпринимательства); соответственно, исчезает главное теоретическое обоснование необходимости государства.
- 60 I. Kirzner, 'Los objetivos de la política antitrust: una crítica', *Información comercial española*, no. 775 (1999), pp. 67—77. О динамически эффективной природе картельных соглашений между частными компаниями, если они заключаются не под прямым или косвенным давлением государства, см.: P. Salin, 'Cartels as Efficient Productive Structures', *Review of Austrian Economics* 9, no. 2 (1996), pp. 29—42.
- 61 Я посвятил этому целую книгу — «Деньги, банковский кредит и экономические циклы». Отказ от модели эффективности и равновесия применительно к рынкам капитала приведет и к отказу от устаревшей теории финансовых рынков. Эта теория несет ответственность за ущерб от недавно лопнувшего спекулятивного пузыря «новой экономики», так как она была его теоретическим фундаментом. Напротив, новая теория рассматривает фондовый рынок как динамический процесс предпринимательского творчества, который никогда не достигает статической эффективности, но всегда стремится к динамической, иначе говоря, к выявлению и созданию возможностей для достижения прибыли и к предпринимательской координации. См.: Huerta de Soto, *Dinero, crédito bancario y ciclos económicos*, op. cit., especially chap. 5 and 6 [*Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы*. Челябинск: Социум, 2008. Гл. 5—6].

ГЛАВА 2

Австрийская школа и «спор о методах»: история вопроса и современное состояние

- 1 Эта статья была написана по просьбе Гэри Беккера, который попросил меня изложить точку зрения австрийской школы, чтобы сопоставить ее с неоклассическим подходом в ходе заседания Общества Мон-Пелерен. Дискуссия состоялась в сентябре 1996 г. в Вене во время конференции Общества. Помимо меня с докладами выступили Шервин Розен (Sherwin Rosen), Лиланд Йегер (Leland Yeager) и Эрик Штрайслер (Eric Streissler). По следам этой дискуссии Розен и Йегер опубликовали статьи в *Journal of Economic Perspectives*, vol. 2, no. 4 (1997), pp. 153—165. Мой доклад был опубликован под названием 'The Ongoing Methodenstreit of the Austrian School' в: *Journal des économistes et des études humaines*, vol. VIII, no. 1 (March 1998): 75—113.
- 2 Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, Libertarian Press, 1978, p. 36.
- 3 Carl Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, Wilhelm Braumüller (ed.), Vienna 1871. Translated by James Dingwall and Bert F. Hoselitz, with an introduction by F. A. Hayek, *Principles of Economics*, New York University Press, New York and London, 1981. [Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 57—286.]
- 4 Israel M. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, Chicago University Press, Chicago, 1973, p. 33. [См.: *Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство*. Челябинск: Социум, 2010.]

- 5 Israel M. Kirzner, *The Meaning of Market Process: Essays in the Development of Modern Austrian Economics*, Routledge, London, 1991, pp. 201—208.
- 6 Lionel Robbins, *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, Macmillan, London, 1932 and 1972.
- 7 F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science: Studies in the Abuse of Reason*, Free Press of Glencoe, Illinois, 1952, p. 209. [См.: Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003.]
- 8 Австрийский субъективизм позволяет расширить предметную область экономической науки на всю человеческую деятельность и обеспечить ее объективную валидность (это кажется парадоксом лишь на первый взгляд).
- 9 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, 4th revised edition, The Foundation for Economic Education, New York, 1996, p. 92. [См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005.]
- 10 Ibid., pp. 809—811.
- 11 Israel M. Kirzner, 'A Tale of Two Worlds', *Advances in Austrian Economics*, Greenwich, Ct., and London, UK, Jay Press, 1994, vol. I, pp. 223—226.
- 12 См.: Jesús Huerta de Soto, 'The Economic Analysis of Socialism', Chap. 14 of *New Perspectives on Austrian Economics*, Gerrit Meijer (ed.), London and New York, Routledge, 1995.
- 13 По поводу критики с позиций австрийской школы теории информации Гроссмана — Стиглица см.: Esteban Thomsen, *Prices and Knowledge: A Market Process Perspective*, Routledge, London, 1992; см. также: Israel M. Kirzner, 'Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process', *Journal of Economic Literature*, March 1997, vol. XXXV, no. 1, pp. 60—85.
- 14 Ротбард и Кирцнер критиковали за крайний субъективизм некоторых теоретиков (в частности, Лахманна и Шэкля), которые считают, что на рынке нет тенденции к координации. Они ошибаются потому, что не учитывают, что любая предпринимательская деятельность людей является координирующей силой. См.: Murray N. Rothbard, 'The Present State of Austrian Economics', в: *Journal des économistes et des études humaines*, vol. 6, no. 1, March 1995, esp. pp. 56—59; см. также: Israel M. Kirzner, 'The Subjectivism of Austrian Economics', Chap. 1 of *New Perspectives on Austrian Economics*, op. cit., pp. 11—22.
- 15 Мои коллеги по австрийской школе обычно упоминают о том, что под влиянием предпринимательских процессов система стремится к равновесию, хотя и признают, что она никогда его не достигает. Я предпочитаю иную модель: я называю ее моделью «социального Большого взрыва», обеспечивающего максимально возможный в данных исторических условиях уровень координации (т.е. гармонии и согласованности) процесса неограниченного роста знаний и развития цивилизации. Это происходит потому, что предпринимательский процесс социальной координации никогда не прекращается и никогда не иссякает. Иными словами, суть акта предпринимательства сводится к созданию и передаче новой информации, которая неизбежно меняет то, как все люди в обществе воспринимают собственные цели и средства. Это, в свою очередь, приводит к появлению бесчисленного количества новых рассогласований, что означает новые возможности для извлечения прибыли, — и предприниматели обычно обнаруживают их и восстанавливают координацию. Последовательные повторения этих итераций образуют бесконечный динамический процесс, благодаря которому происходит непрерывное развитие цивилизации (это и есть модель «социального Большого взрыва»). См.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992, pp. 78—79. [См.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИ-СЭН, Социум, 2008.]
- 16 Эндрес даже пишет о «менгеровском принципе немаксимизации». См.: A. M. Endres 'Menger, Wieser, Böhm-Bawerk and the Analysis of Economic Behaviour', *History of Political Economy*, vol. 23, no. 2, Summer 1991, pp. 275—295, esp. note 5 on p. 281.
- 17 «Современная экономическая теория спрашивает не о том, сколько стоят железо или хлеб, а сколько стоит для действующего индивида определенное количество железа

- или хлеба в определенное время в определенном месте. Она не может не поступать таким же образом и в отношении денег. Уравнение обмена несовместимо с фундаментальными принципами экономической мысли. Это рецидив мышления той эпохи, когда люди не могли понять праксиологических явлений вследствие того, что они придерживались холистических представлений» (Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, 4th revised edition, The Foundation for Economic Education, New York, 1996, p. 400 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005]).
- 18 Мизес называет равновесие «равномерно функционирующей экономикой» и рассматривает его как идеальную конструкцию, которая помогает понять только две проблемы экономической науки: возникновение предпринимательской прибыли в динамической среде и связь цены потребительских благ и услуг с ценой необходимых для их производства факторов производства. В данном случае я даже радикальнее Мизеса: я считаю, что и возникновение предпринимательской прибыли, и установление цен на производственные факторы на уровне дисконтированной ценности их предельной производительности, можно объяснить, не обращаясь к моделям равновесия (общего или частичного), а используя исключительно модель динамического процесса, стремящегося (никогда его не достигая) к тому, что Мизес называл «конечным состоянием покоя». См.: Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 248 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]).
- 19 L. Walras, *Correspondence of Léon Walras and Related Papers*, W. Jaffé (ed.), North Holland, Amsterdam, vol. II, 1965, p. 3.
- 20 Hans Mayer, 'The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem', Chapter XVI of *Classics in Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*, Israel M. Kirzner (ed.), William Pickering, London, 1994, vol. II, p. 92.
- 21 Ганс Майер пишет, что если «не все потребности разного типа и качества находят-ся в однозначном соответствии друг другу, то из этого следует, в психологической реальности что постулат закона равной предельной полезности невожатен». Рассуждая о том, насколько абсурдна с теоретической точки зрения принудительная синхронизация оценок полезности, он добавляет: «Это все равно что оценивать эстетическую ценность мелодии, при том что соответствующий опыт восприятия представляет собой последовательное восприятие отдельных нот, через эстетическую ценность одновременного восприятия всех нот, составляющих эту мелодию» (Hans Mayer, 'The Cognitive Value of Functional Theories of Price', op. cit., pp. 81 and 83). Практически те же самые аргументы можно выдвинуть против кривых безразличия и предпочтения, а также против эффекта дохода и эффекта замещения. См. об этом: Pascal Salin, 'The Myth of the Income Effect', *Review of Austrian Economics*, vol. IX, no. 1, 1996, pp. 95—106.
- 22 Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., pp. 102—104 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]. См. также: Murray N. Rothbard, 'Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics', in *Austrian Economics*, Stephen Littlechild (ed.), Edward Elgar, Aldershot, England, 1990, Vol. III, p. 228 onwards [см.: Ротбард М. О реконструкции экономической теории полезности и благосостояния // Экономическая политика. 2009. №1—2].
- 23 Выдающимся примером может служить доказательство закона убывающей отдачи, в ходе которого Мизес использует исключительно логические аргументы (п. 2 главы VII «Человеческой деятельности»). Это логическое доказательство от противного: оно построено на том, что *sensu contrario*, если бы человеческая деятельность не соответствовала этому закону, то неизменный фактор производства обладал бы неограниченной производительной силой и соответственно был бы бесплатным благом. Карл Менгер-младший пытался — на наш взгляд, неубедительно, опровергнуть теорему Мизеса о чисто праксиологическом характере закона убывающей отдачи. См.: Karl Menger, 'Remarks on the Law of Diminishing Returns. A Study in Meta-Eco-

- nomics', Chapter 23 of *Selected Papers in Logic and Foundations, Didactics, Economics*, D. Reidel Publishing Co., Dordrecht, Holland, 1979, pp. 279—302.
- 24 Первого мнения придерживался Ротбард, второго — Мизес. См. анализ методологии австрийской школы в: Hans-Hermann Hoppe, *Economic Essence and the Austrian Method*, The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, Auburn, 1995; см. также очень полезную свежую статью Барри Смита: Barry Smith, 'In Defense of Extreme (Fallibilistic) Apriorism', *Journal of Libertarian Studies*, vol. 12, no. 1, Spring 1996, pp. 179—192.
- 25 См. благожелательное и бесстрастное описание методологии австрийской школы в: Bruce Caldwell, *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*, 2nd edition, Routledge, London, 1994, pp. 117—138. Главная книга о взаимосвязи теории и истории — «Теория и история» Мизеса (Ludwig von Mises, *Theory and History*, Yale University Press, Yale, 1957) [*Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. Челябинск: Социум, 2007]; см. также классическую работу Хайека «Контрреволюция науки» (Hayek, *The Counter-Revolution of Science*, Liberty Press, Indianapolis, 1979) [*Хайек Ф. Контрреволюция науки*. М.: ОГИ, 2003].
- 26 Я предпочел бы термин «праксиологический». Мизес считал, что логика отличается от праксиологии: логика неизменна и носит вневременной характер, а праксиология связана со временем и носит творческий характер. Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., pp. 99—100 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005].
- 27 См.: Sherwin Rosen, 'Austrian and Neoclassical Economics: Any Gains from Trade?', *Journal of Economic Perspectives*, vol. II, no. 4, Fall 1997, pp. 139—152.
- 28 Ф. А. Хайек, 'The Pretence of Knowledge', *American Economic Review*, December 1989, pp. 3—7.
- 29 Обязательно см. обзор Лоуренса Уайта, хотя его периодизация и не вполне совпадает с нашей: Lawrence A. White, *The Methodology of the Austrian School Economists*, The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, Auburn, 1984.
- 30 См. особенно разделы 2, 3 и 4 главы 1 «Оснований политической экономии» Менгера (Carl Menger, *Principles of Economics*, New York University Press, New York, 1981, pp. 51—71). Цитата см. р. 67 (курсив наш) [*Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы*. М.: Территория будущего, 2005].
- 31 Наиболее яркое и точное описание теории Менгера содержится в статье, опубликованной по-английски под заголовком «О происхождении денег» (Menger, 'On the Origin of Money', *Economic Journal*, June 1892, pp. 239—255). Израэл Кирцнер недавно включил эту статью в сборник *Classics in Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*, op. cit., vol. I, pp. 91—106, esp. pp. 98—99.
- 32 У термина «историзм» есть по крайней мере три различных значения. «Историзм» в первом значении относится к исторической школе права (Савиньи, Бёрк) и противостоит картезианскому рационализму; именно такой историзм отстаивает австрийская школа применительно к теоретическому анализу институтов. Историзм во втором значении обозначает немецкую историческую школу экономической теории XIX в. и американских институционалистов XX в. Они отрицали возможность существования абстрактной и универсальной экономической теории, которую отстаивал Менгер и экономисты австрийской школы. Историзм третьего типа связан с фундаментом методологического позитивизма и сциентизма; он проявляется в попытках использовать эмпирическое наблюдение (историю) для верификации и фальсификации теории. С точки зрения Хайека, это очередное проявление картезианского рационализма, который австрийцы так не любят. См.: Raimondo Cubeddu, *The Philosophy of the Austrian School*, Routledge, London and New York, 1993, pp. 29—30 [*Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы*: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008].
- 33 О Сэе как о предшественнике австрийцев см. в особенности: Murray N. Rothbard, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, Edward Elgar, England, 1995, vol. II, pp. 12—18.

- 34 Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, Liberty Fund, Indianapolis, 1991, p. 88 [Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008.].
- 35 Среди важнейших современных исследований вклада испанских схоластиков в экономическую теорию отметим Murray N. Rothbard, 'New Light on the Prehistory of the Austrian School', в: *The Foundations of Modern Austrian Economics*, E. G. Dolan (ed.), Sheed Andrews and McMeel, Kansas City, Ma., 1976, pp. 52—74 [Ротбард М. Новые данные об истоках австрийской школы // Грайс-Хатчисон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011], Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, Edward Elgar, England, 1995, vol. I, Chapter 4, pp. 97—133; Lucas Beltrán, 'Sobre los orígenes hispanos de la economía de mercado', *Cuadernos del Pensamiento Liberal*, Unión Editorial, Madrid, 1996, pp. 234—254; Marjorie Grice-Hutchinson, *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary Theory 1544—1605*, Clarendon Press, Oxford, 1952 [Грайс-Хатчисон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011], *Economic Thought in Spain: Selected Essays of Marjorie Grice-Hutchinson*, Laurence S. Moss and Christopher K. Ryan (eds), Edward Elgar, Aldershot, England, 1993; Alejandro Chafuen, *Christians for Freedom: Late-Scholastic Economics*, Ignatius Press, San Francisco, 1986; Jesús Huerta de Soto, 'New Light on the Prehistory of Banking and the School of Salamanca', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2 (1996), pp. 59—81 [Уэрта де Сото Х. Новые сведения об истоках теории банковской деятельности и Саламанкская школа // См. настоящее изд., гл. 16]. Интеллектуальное влияние испанских схоластов саламанкской школы на австрийскую школу не является, однако, чистым совпадением или историческим капризом. Оно возникло и существовало благодаря тесным историческим, политическим и культурным взаимосвязям Австрии и Испании в течение нескольких веков, начиная со времени правления Карла V [1516—1556] и его брата Фердинанда I. В этих взаимоотношениях сыграла важную роль Италия, которая в то время поистине была культурным, экономическим и финансовым мостом между двумя крайними точками Европейского континента, Испанией и Веней. См. об этом Jean Berenguer, *Histoire de l'empire des Habsbourg 1273—1918*, Librairie Arthème Fayard, Paris, 1990.
- 36 Первый из них, размышляя о том, что такое цена равновесия, пришел к заключению, что она зависит от такого количества конкретных факторов, что все их может знать один Господь. ('Pretium iustum mathematicum licet soli Deo notum', *Disputationes de Iustitia et Iure*, Sumptibus Petri Prost, Lyon, 1643, vol. II, D. 26, S. 4, N. 40, p. 312); Хуан де Салас, рассуждая о возможности получить конкретную информацию на рынке, пишет, что это так сложно, что посылить лишь Господу, но не человеку ('quas exacte comprehendere et ponderare Dei est non hominum' (*Commentarii in Secundam Secundae D. Thomas de Contractibus*, Sumptibus Horatij Lardon, Lyon, 1617, IV, no. 6, p. 9).
- 37 Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, op. cit., vol. I, pp. 268, 369, 387, 388.
- 38 Карл Менгер ссылается на Коваррубиаса, см. Carl Menger, *Grundsätze*, p. 157 (первое издание), p. 317 англоязычного издания: New York University Press, 1981. [См.: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.]
- 39 Leland B. Yeager, 'Book Review' of *Economic Thought before Adam Smith* (Vol. I), а также *Classical Economics* (Vol. II), *An Austrian Perspective on the History of Economic Thought* (Edward Elgar, Aldershot, England, 1995), in *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 1 (1996), p. 183. Я не понимаю, как можно, проштудировав двухтомник Ротбарда, продолжать считать Адама Смита предшественником австрийской школы. Более того, если Ротбард прав, то существуют весомые аргументы в пользу того, что первоначально австрийская школа была испанской школой и что на немецких предшественников Менгера оказал влияние не Смит, а традиция католического субъективизма, которую они усвоили от Жана-Батиста Сэя через Гуфеланда и др.

- 40 John Bates Clark, 'The Genesis of Capital', *Yale Review*, November 1893, p. 312.
- 41 Eugen von Böhm-Bawerk, 'Professor Clark's Views on the Genesis of Capital', *Quarterly Journal of Economics*, IX, 1895, pp. 113—131, переиздано в: *Classics in Austrian Economics*, Israel M. Kirzner (ed.), op. cit., pp. 131—143. Проявив недюжинную прозорливость, Бём-Баверк отметил, что если статический подход Кларка победит, это приведет к возрождению забытых учений о недопотреблении, что и случилось, когда из неоклассической доктрины Маршалла родилось кейнсианство: «Если уж соглашаться с мнением профессора Кларка, то его утверждение, что капитал не потребляется, следует считать весьма приблизительным, фигурой речи, которую нельзя воспринимать буквально. Любой, кто воспринимает ее буквально, впадает в заблуждение, жертвой которого наука однажды уже пала. Я имею в виду известную и одно время очень популярную доктрину, учившую, что сбережения — это общественное зло, а расточители полезны народному хозяйству: ведь то, что сберегается, то не тратится, а следовательно, из-за этого производители не находят рынков для сбыта своих товаров» (Ibidem, p. 137).
- 42 Фрэнк Найт, например, считал теорию экономических благ первого порядка и высшего порядка (иначе говоря, представление о том, что человеческая деятельность разделена на этапы) одной из второстепенных идей Менгера. См. предисловие Найта к первому изданию «Оснований политической экономии» на английском языке: 'Prologue', in Menger, *Principles of Economics*, J. Dingwall и B. Hoselitz (eds), Free Press of Glencoe, Illinois, 1950. Важнейшие источники по теме полемики австрийцев с чикагской школой: Fritz Machlup, 'Professor Knight and the 'Period of Production'', *Journal of Political Economy*, October 1935, vol. 43, no. 5, см.: *Classics in Austrian Economics*, Israel M. Kirzner (ed.) op. cit., vol. II, pp. 275—315; F. A. Hayek, 'The Mythology of Capital', *Quarterly Journal of Economics*, February 1936, p. 199—228.
- 43 Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1959, vol. I, pp. 241—321 [Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009], *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1962, pp. 201—302.
- 44 См.: Eugen von Böhm-Bawerk 'On the Value of Producer's Goods and the Relationship between Value and Cost', *Capital and Interest*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1959, vol. III, Chap. VIII, pp. 97—115 [Бём-Баверк О. О ценности средств производства и соотношении между ценностью и издержками // Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. II—III. Челябинск: Социум, 2010. Гл. VIII]; 'The Ultimate Standard of Value', *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*, op. cit., pp. 303—370. Субъективное представление об альтернативных издержках впервые сформулировал Фридрих фон Визер в 1876 г. См.: Friedrich von Wieser, 'On the Relationship of Costs to Value', Chap. 8 of vol. I of *Classics in Austrian Economics*, op. cit., pp. 207—234. Однако Мизес писал, что из всех представителей австрийской школы Визер ближе всего к неоклассическому подходу лозаннской школы: «Визер не был оригинальным мыслителем и в общем и целом от него было больше вреда, чем пользы. Он так и не понял сути субъективизма австрийской школы и это привело его ко многим прискорбным заблуждениям. Его теория вменения неверна. Его идеи расчета ценности свидетельствуют, что он принадлежит к лозаннской школе (Вальраса и Ко, сторонников идеи экономического равновесия), а не к австрийской» (см.: Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1978, p. 36).
- 45 Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 206 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 46 Frank H. Knight, 'Review of Ludwig von Mises' *Socialism*', *Journal of Political Economy*, no. 46, April 1938, pp. 267—268.
- 47 К примеру, исключительно эти объяснения содержались в «Президентской речи» Гэри Беккера, с которой он выступил на региональной конференции Общества Мон-Пелерен «В поисках пути к свободному обществу» (Прага, 3—7 ноября 1991 г.).

- 48 Wlodzimierz Brus and Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, Clarendon Press, Oxford, 1985, p. 60. Даже Роберт Хейлбронер признал: «Мизес был прав: социализм оказался величайшей трагедией нашего века». См.: Robert L. Heilbroner 'Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought', *Journal of Economic Literature*, September 1990, pp. 1097—1110; 'The Triumph of Capitalism', *New Yorker*, January 23, 1989, pp. 90—91, 'Reflections after Communism', *New Yorker*, September 10, 1990, pp. 91—100 (esp. p. 98).
- 49 J. E. Stiglitz, *Whither Socialism?*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1994, pp. ix—xii.
- 50 См., например: F. A. Hayek, *Contra Keynes and Cambridge*, vol. IX of *The Collected Works of F. A. Hayek*, Routledge, London, 1995.
- 51 Это слегка исправленная и расширенная версия таблицы Хайека, см. F. A. Hayek, *The Pure Theory of Capital*, Routledge, London, 1976, pp. 47—49; см. также: Mark Skousen, *The Structure of Production*, New York University Press, New York, 1990, p. 370.
- 52 Однако этот процесс занял некоторое время. Это объясняет знаменитую фразу Фрица Махлупа: «Главным свидетельством триумфа австрийской школы стало то, что ее открытия до такой степени вошли в кровь и плоть экономического мейнстрима, что об их австрийском происхождении забыли». Как это ни странно, примерно то же самое в 1932 г. говорил Мизес. Israel Kirzner, 'Introduction' to vol. I of *Classics in Austrian Economics*, op. cit., p. xvi onward.
- 53 Chapter 16 of vol. II of *Classics in Austrian Economics*, op. cit., pp. 55—168. Речь идет о переводе на английский статьи, вышедшей в 1932 г.: Hans Mayer, 'Der Erkenntniswert der funktionellen Preistheorien', in *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart*, Vienna, 1932, vol. II, pp. 147—239b. Через несколько лет расширенная версия этой статьи была опубликована по-итальянски: Hans Mayer, 'Il concetto di equilibrio nella teoria economica: ricerche sulla trattazione matematica del problema dei prezzi', *Economia Pura*, Gustavo del Vecchio (ed.), *Nuova collana di economisti stranieri e italiani*, vol. 4, Unione Tipografico-Editrice Torinese, Turin, 1937, pp. 645—799.
- 54 F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science: Studies in the Abuse of Reason*, Free Press of Glencoe, Illinois, 1952 [Хайек Ф. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003].
- 55 Milton Friedman, *Essays in Positive Economics*, The University of Chicago Press, Chicago, 1953.
- 56 F. A. Hayek, *Hayek on Hayek*, Routledge, London and New York, 1994, p. 145. Позже Хайек еще более ясно изложил свои методологические разногласия с Фридменом и неоклассиками: «Фридмен — закоренелый позитивист, он верит, что наука должна заниматься исключительно тем, что подтверждено эмпирически. Я же считаю, что мы знаем об экономике чрезвычайно много, и наша задача состоит в том, чтобы привести все эти знания в порядок. Нам не нужна новая информация, у нас проблемы с перевариванием того, что мы уже знаем. Мы не становимся умнее от статистической информации. Она, конечно, позволяет нам лучше представить себе конкретную ситуацию, но я полагаю, что в теоретическом отношении статистические исследования бесполезны... У монетаризма Милтона и кейнсианства гораздо больше общего, чем у меня с любой из этих теорий... Чикагская школа мыслит прежде всего в терминах „макроэкономики“. Они пытаются использовать в качестве аналитических инструментов агрегаты и средние значения, совокупный объем денег, совокупный уровень цен, совокупную безработицу и прочие статистические величины... Возьмем „количественную теорию“ Фридмена. Сорок лет назад я писал, что у меня есть очень серьезные возражения против количественной теории; это очень грубый подход, и он слишком многое игнорирует: мне очень жаль, что ученый калибра Милтона Фридмена довольствуется им вместо того, чтобы ограничиться его использованием на самом первом этапе исследований. Таким образом, в конечном счете наши разногласия носят методологический характер» (см. интервью с Хайеком Роберта Пула (Robert Pool) и Вирджинии Пострел (Virginia Postrel), *Free Minds and Free Markets*, Pacific Research Institute for Public Policy, California, 1993, pp. 129—130).

- 57 Например, Джордж Стиглер считал, что в ходе полемики о социализме ни одной из сторон не удалось верно оценить «эмпирические» последствия своей позиции, поскольку разногласия между сторонниками капитализма и социализма могут положить конец исключительно «эмпирическим подтверждениям». См.: George Stigler, *The Citizen and the State*, The University of Chicago Press, Chicago, 1975, pp. 1—13; см. также критический анализ позиции Стиглера: Norman P. Barry, 'The Economics and Theory of Socialism', *Il Politico*, University of Pavia, 1984, year XLIX, no. 4, pp. 573—592.
- 58 См.: Israel M. Kirzner, 'Book Review' of the book by Bridget Berger (ed.) *The Culture of Entrepreneurship*, in *Advances in Austrian Economics*, vol. I, Greenwich, Ct., and London, UK, Jay Press, 1994, p. 328.
- 59 Hans-Hermann Hoppe, *Economic Science and the Austrian Method*, op. cit., p. 54. См. также: Murray N. Rothbard, 'The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics', *Review of Austrian Economics*, no. 3, 1989, pp. 45—59; Idem, 'Intimidation by Rhetoric', *Review of Austrian Economics*, vol. IX, no. 1, 1996, pp. 173—178.
- 60 По этой же причине мы не можем согласиться с мнением Барри Смита (Barry Smith, *Austrian Philosophy: The Legacy of Franz Brentano*, Open Court, Illinois, 1994, pp. 330—331), что австрийская методология должна отвечать за фундамент экономической науки, а для решения всех прикладных экономических задач следует использовать неоклассический эмпиризм. Барри Смит был бы прав, если бы сциентистская методология неоклассиков не приводила к сокрытию действительно серьезных проблем и не порождала теоретических ошибок, которые в очень многих случаях ставят ее выводы под сомнение.
- 61 Ф. А. Hayek, *The Sensory Order*, University of Chicago Press, Chicago, 1952, pp. 184—194.
- 62 Стиглиц даже назвал один из разделов «Хайек versus Стиглиц». См.: Joseph E. Stiglitz, *Whither Socialism?*, op. cit., pp. 24—26. К сожалению, Стиглиц пытается перестроить неоклассические модели с помощью методологии, основанной на равновесии, и формализованного языка; иначе говоря, с точки зрения австрийской школы он повторяет методологические ошибки тех моделей, которые сам же и критикует. См.: Stephen Sullivan's 'Signifying Nothing: A Review Essay of Joseph Stiglitz' *Whither Socialism?*, *Advances in Austrian Economics*, vol. III, Greenwich, Ct., and London, UK, Jay Press, 1996, pp. 183—189.
- 63 Vilfredo Pareto, *Manual of Political Economy*, Augustus M. Kelley, New York, 1971, p. 120. В данном случае Парето имеет в виду такой инструмент, как кривые безразличия и предпочтения, использование которого, с нашей точки зрения, очень вредит экономической науке, так как при этом игнорируется последовательный и несинхронный характер человеческих действий, а также то, что человек рассматривает разные сочетания действий, позволяющие достичь конкретной цели (тогда как «безразличие» не предполагает никакой человеческой деятельности); кроме того, эти кривые не отражают такого важного и универсального явления, как *комплементарная* природа благ.
- 64 См.: Joseph Alois Schumpeter, *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*, Dunker & Humblot, Leipzig, 1908, p. 227. Лучший критический анализ этой сциентистской книги принадлежит Визеру; см. Friedrich von Wieser, 'The Nature and Substance of Theoretical Economics', *Classics in Austrian Economics*, Israel M. Kirzner (ed.), op. cit., vol. I, pp. 285—303.
- 65 Приведем два примера. Первый: «предсказание» краха реального социализма, которое неявно содержалось в австрийском доказательстве невозможности социализма. Второй — то, что австрийцы предсказали Великую депрессию 1929 г. Неоклассики не смогли предсказать ни того, ни другого. См.: Mark Skousen, 'Who Predicted the 1929 Crash?', в: *The Meaning of Ludwig von Mises*, Jeffrey M. Herbener (ed.), Kluwer Academic Publishers, Amsterdam, 1993, pp. 247—284 [Скоузен М. Кто предсказал крах 1929 г. // Экономические циклы: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 172—215]. Лайонел Роббинс в предисловии к «Ценам и производству»

- Хайека (Lionel Robbins, 'Introduction' to the first edition of *Prices and Production* by F. A. Hayek, (Routledge, London, 1931, p. xii) писал о том, что Мизес и Хайек в 1929 г. предсказывали, что творящиеся монетарные и кредитные бесчинства неизбежно закончатся Великой депрессией, в статьях в «*Monatsberichte des österreichischen Instituts für Konjunkturforschung*». Эти предсказания австрийцев выделялись на фоне оптимизма неоклассиков (Кейнса и монетаристов, в частности Фишера), которые даже за несколько месяцев до биржевого краха продолжали публично заявлять, что экономический бум 1920-х годов будет продолжаться бесконечно и биржевые индексы будут непрерывно расти.
- 66 См., например, резкие замечания Самуэльсона, который утверждал, что существование экономистов австрийской школы заставляет его «дрожать за репутацию экономической науки» (*The Collected Scientific Papers of Paul A. Samuelson*, R. C. Mer-ton (ed.), The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1972, vol. III, p. 761). См. также обвинения в адрес австрийской школы, выдвигавшиеся Блаугом в: Mark Blaug, *The Methodology of Economics*, Cambridge University Press, Cambridge and London, 1980, pp. 91—93 [см.: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // Вопросы экономики. 2004]. Однако, как мы увидим ниже, позиция Блауга постепенно изменилась, и он стал благосклонно относиться если не к дедуктивной методологии австрийской школы, то к ее динамическому предпринимательскому подходу, а также оценил австрийскую критику неоклассической (вальрасианской) модели равновесия.
- 67 Bruce Caldwell, *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*, Routledge, London, 1994, pp. 118—119.
- 68 Примером того, как неоклассики отождествляют собственную позицию с «точкой зрения экономической науки», может служить Нобелевская речь Гэри Беккера, Gary Becker, 'The Economic Way of Looking at Behaviour', reproduced as Chapter 26 of *The Essence of Becker*, Ramón Febrero and Pedro S. Schwartz (eds.), Hoover Institution, Stanford University, Stanford, pp. 633—758.
- 69 J. E. Stiglitz, *Whither Socialism?*, op. cit., p. 273.
- 70 Israel M. Kirzner, *The Meaning of the Market Process: Essays in the Development of Modern Austrian Economics*, Routledge, London, 1992, p. 207. Однако было бы несправедливо обвинять в империализме всю экономическую науку за ее стремление расширить свои горизонты: с точки зрения австрийцев, экономическая теория является общей теорией человеческой деятельности, и ее предметом могут быть любые области деятельности людей. Обвинение в империализме можно считать обоснованным лишь тогда, когда неоклассики пытаются использовать свою модель сугубо рационального *homo oeconomicus* для анализа человеческой деятельности в целом.
- 71 Менгер считал, что этот (неоклассический) подход «вопреки намерениям его сторонников неизбежно ведет к социализму». Carl Menger, *Problems of Economics and Sociology*, University of Illinois Press, Illinois, 1963, p. 177 (pp. 207—208 немецкого издания *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*, Verlag von Ducker & Humblot, Leipzig, 1883) [см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 287—495].
- 72 Edward H. Crane, 'A Property Rights Approach to Social Security and Immigration Reform', заметки по поводу выступления Гэри Беккера на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Канкуне в январе 1996 г. (Gary S. Becker, 'An Open Door for Immigrants?', presented at the Regional Meeting of the Mont Pèlerin Society in Cancun, Mexico, in January 1996), рукопись, p. 6. Уильям Хатт в своей прекрасной книге (William H. Hutt, *Politically Impossible...?*, The Institute of Economic Affairs, London, 1981) также приводит несколько конкретных примеров того, как либертарианцы-неоклассики прямо или косвенно оправдывали интервенционистские меры.
- 73 Мюррей Ротбард даже писал: «История Иеремии Бенгама должна стать уроком для тех экономистов, которые пытаются соединить философский утилитаризм с экономической теорией свободного рынка» (Murray N. Rothbard, *Classical Economics*, op. cit., p. 55).

- 74 Hans-Hermann Hoppe, 'The Intellectual Cover for Socialism', *The Free Market*, February 1988.
- 75 Sherwin Rosen, 'Austrian and Neoclassical Economics: Any Gains from Trade?', op. cit., p. 145. Не менее поражен был Рональд Коуз: «Ничего из прочитанного мной, ничего из известного мне не предвещало этого краха» (Ronald H. Coase 'Looking for Results', *Reason: Free Minds and Free Markets*, January 1997, p. 45).
- 76 См.: *Appraising Economic Theories*, Mark Blaug and Neil de Marchi (eds.), Edward Elgar, London, 1991, p. 508. Совсем недавно, в *Economic Journal* за ноябрь 1993 (p. 1571) Блауг вновь назвал попытки неоклассической парадигмы обосновать социализм чем-то «до того наивным с точки зрения администратора, что это просто смешно. Этот бред могли проглотить исключительно люди, опьяненные теорией статического равновесия в условиях совершенной конкуренции. В студенческие годы, в 1950-е годы, я был одним из них и сегодня я могу лишь поражаться собственной тупости».
- 77 Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 869 [см.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 78 Примерами такого регресса экономической мысли могут служить возрождение неорикардянцами объективной теории ценности, кейнсианский экономический анализ, отказ от фактора времени и теории капитала в современной макроэкономике, а также понятия рациональности в узком смысле, максимизации в узком смысле и равновесия в узком смысле, на которых построен неоклассический анализ.
- 79 Дополнительные аргументы против так называемой «проверки австрийской экономической теории рынком» приведены в блестящей статье Игера, см. Leland Yeager 'Austrian Economics, Neoclassicism and the Market Test', *Journal of Economic Perspectives*, vol. II, no. 4, Fall 1997, pp. 153—165.
- 80 F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science*, Free Press of Glencoe, New York, 1952, p. 31 [см.: *Хайек Ф*. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003]. В прим. 24 (на с. 210) Хайек пишет: «...возможно, наиболее последовательным [субъективистом] был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что в большинстве своем особенности его воззрений, поначалу поражающие многих читателей своей странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников».

ГЛАВА 3

«Предполагаемая история» и выход за ее пределы

- 1 Опубликовано в: *Humane Studies Review*, George Mason University, Fairfax, Virginia, vol. 6, no. 2, Winter 1988—1989, p. 10.
- 2 F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, Chicago, Ill., University of Chicago Press, 1989, p. 69. [*Хайек Ф*. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1988.]

ГЛАВА 4

Предпринимательство и экономический анализ социализма

- 1 Статья была опубликована в качестве главы 14 сборника *New Perspectives on Austrian Economics*, Gerrit Meijer (ed.), Routledge, London and New York, 1995, pp. 228—253.

- 2 О понятии человеческой деятельности и ее основных характеристиках см. прежде всего «Человеческую деятельность» Людвиг фон Мизеса: Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, third revised edition, Henry Regnery Company, Chicago, 1966, pp. 11—29 and 251—256 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]. Мизес пишет, что «любое действующее лицо всегда является предпринимателем и спекулянтом» (с. 252) и что «предприниматель — это человек, *действия* которого ориентируются на изменения рыночной информации» (с. 254).
- 3 В данной статье предпринимательство понимается так, как понимает его профессор экономической теории в Нью-Йоркском университете Израэл Кирцнер, автор трилогии *Competition and Entrepreneurship; Perception, Opportunity, and Profit; Discovery and the Capitalist Process* (Chicago: University of Chicago Press, 1973, 1979, и 1985 соответственно [см. перевод первой книги: Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010]. В этих глубоких и блестящих трудах он развивает различные аспекты теории предпринимательства, созданной его учителями Людвигом фон Мизесом и Фридрихом Хайеком. Кроме того, Кирцнер написал четвертую книгу, *Discovery, Capitalism, and Distributive Justice*, Oxford: Basil Blackwell, 1989, которая целиком посвящена вытекающим из его теории предпринимательства последствиям для *социальной этики*.
- 4 *The Oxford English Dictionary*, 2nd edition, vol. V, Clarendon Press, Oxford, 1989, p. 293, meanings 3 and 1.
- * *Инсигнии* (insignia) — внешние знаки могущества, власти или сана.
- 5 Israel M. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, op. cit., pp. 65—79 [см.: Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010].
- * Согласно толковому словарю английского языка, «Alertness (бдительность) есть состояние сосредоточенного и постоянного внимания, настороженности и готовности к немедленному реагированию на опасность или чрезвычайную ситуацию, или, иными словами, состояние быстрого восприятия и готовности к действию. Восходит к итальянскому *all'erta* — „быть начеку“, или на „на высоте“ [т.е. на смотровой башне] (первое упоминание зарегистрировано в 1618 г.)»
- 6 Фома Аквинский определяет конкретные обстоятельства как «*accidentia individualia humanorum actuum*» (т.е. индивидуальные качества человеческих действий) и утверждает, что, за исключением времени и места, наиболее значимым из этих конкретных обстоятельств является цель, которой человек стремится достичь («*principallissima est omnium circumstantiarum illa quae attingit actuum ex parte finis*»). См.: *Summa Theologiae (Suma Teológica de Santo Tomás de Aquino)*, pt. 1—2, ques. 7, art. 1 and 2, vol. 4, Madrid: В. А. С., 1954, 293—294, 301. Нам следует отметить, что различие между «практическим знанием» и «научным знанием» провел Майкл Оукшотт. См.: Michael Oakeshott, *Rationalism in Politics*, London: Methuen, 1962. Расширенная версия этой книги была опубликована под названием *Rationalism in Politics and Other Essays*, Indianapolis: Liberty Press, 1991; см. в особенности с. 12 и 15. Другая фундаментальная работа: Michael Oakeshott, *On Human Conduct*, Oxford: Oxford University Press, 1975, переиздано Oxford: Clarendon Paperbacks, 1991, pp. 23—25, 36, 78—79, 119—121.)
- 7 См. в особенности основополагающие статьи Ф. А. Хайека: «Economics and Knowledge» («Экономическая теория и знание»; 1937) и «The Use of Knowledge in Society» («Использование знания в обществе»; 1945), опубликованные в книге Hayek F., *Individualism and Economic Order*, Chicago: Henry Regnery, 1972, 35—56, 77—91 [см.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011].
- 8 Это различие привилось с тех пор, как его в 1949 г. ввел Гилберт Райл (Gilbert Ryle) в знаменитой статье «Knowing How and Knowing That» («Знание как и знание что»), опубликованной в: *The Concept of Mind*, London: Hutchinson's University Library, 1949.
- 9 Michael Polanyi, *The Study of Man*, The University of Chicago Press, Chicago, 1959, pp. 24—25.
- 10 Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Лавой добавляет, что если бы издержки можно было бы вычислять объективно,

единообразно и научным способом, то принятие экономических решений свелось бы к следованию некоему набору конкретных и явно сформулированных правил. Однако с учетом того, что издержки субъективны и в контексте каждого конкретного действия их может знать только сам действующий субъект, предпринимательская практика не может быть сформулирована в деталях или заменена каким-либо объективным научным критерием (op. cit., pp. 103—104).

- 11 Английский термин *calculation* (расчет) этимологически восходит к латинскому *calx-calcis*; так называли кусочки мела, использовавшиеся в греческих и римских счетах-абаках.
- 12 Словарь Испанской Королевской Академии определяет слово «принуждение» (*coaccion*) как «силу или насилие, использующееся для того, чтобы заставить кого-либо что-либо сделать». Это слово восходит к латинскому *cogere*, заставлять, и к *coactionis*, которое относится к сбору налогов. О понятии принуждения и его воздействии на действующего субъекта см. F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty*, Routledge, London, 1959; reprint, London: Routledge, 1990, pp. 20—21. В свою очередь, Мюррей Ротбард определяет «агрессию» следующим образом: «Агрессия есть иницирование использования физического насилия или угроза его применения против лица или чужой собственности» (см.: Murray N. Rothbard, *For a New Liberty*, New York: Macmillan Publishing, 1973, p. 8 [Ротбард М. К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009]). Существует три типа принуждения: *аутистическое, двух- и трехстороннее*. Аутистическое вмешательство означает, что приказ отдается только одному субъекту и меняет его поведение, но никак не влияет на его взаимоотношения с другими людьми. В случаях двухстороннего вмешательства контролирующий орган использует принуждение по отношению к человеку, чтобы получить от него что-то против его воли; т.е. насильственно меняет в свою пользу обмен между собой и подвергающимся принуждению человеком. При трехстороннем вмешательстве когда целью приказа и принуждения со стороны контролирующего органа является насильственный обмен между двумя разными действующими субъектами. Эта система классификации заимствована из: Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy*, 2nd ed. (Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970), p. 9, 10 [см.: Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010].
- 13 Конечно, в наше понятие систематической агрессии не входит минимальный уровень институционального принуждения, который необходим для предотвращения и исправления негативных последствий неинституциональной и несистематической произвольной агрессии. Минимальным мы считаем такой уровень институционального принуждения, который желал бы обеспечить себе даже сам неинституциональный агрессор (разумеется, не по отношению к собственной несистематической агрессии).
- 14 Людвиг фон Мизес писал: «Идея социализма одновременно грандиозна и проста. На самом деле мы можем утверждать, что социализм — это одно из самых дерзких созданий человеческого духа; он настолько смел и великолепен, что справедливо вызвал величайшее восхищение. Если мы хотим спасти мир от варварства, мы должны доказать несостоятельность социализма, но мы не можем небрежно отбросить его в сторону» (*Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Liberty Classics, Indianapolis, 1981, p. 40 [см.: Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ. М.: Catallaxy, 1994]).
- 15 Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 696 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 16 Мизес писал: «В распоряжении этого руководителя [или контролирующего органа] находится все технологическое знание его времени. Более того, он имеет полный список всех материальных факторов производства, имеющихся в наличии, и реестр всей наличной рабочей силы. В этом отношении толпа экспертов и специалистов, собранных в его канцелярии, обеспечивает его *совершенной информацией* и правильно отвечает на все вопросы, которые он может им задать. Их многотомные отчеты огромными гру-

дами лежат на его рабочем столе» (*Human Action*, op. cit., p. 696 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]). Далее Мизес предполагает, что «руководитель уже сформулировал свои оценки конечных целей» и что «непостижимая сила заставляет всех соглашаться и друг с другом, и с руководителем в оценке конечных целей» (*ibidem*). Однако, когда Мизес пишет о «совершенной информации» и доступности «полного списка всех факторов производства», он имеет в виду лишь технологии («все технологическое знание его времени»); таким образом, его слова имеют отношение исключительно к нашему первому аргументу против социализма (невозможно усвоить колоссальный объем рассеянной в обществе информации, даже если она, как описано у Мизеса, корректно сформулирована). Но Мизес не идет ни на какие уступки в отношении трех остальных причин, по которым социализм невозможен (все они связаны с тем, что *совершенного знания* в неоклассическом смысле не существует): 1) неартикулированности знания; 2) того, что релевантное знание еще не создано предпринимателями; 3) того, что предприниматели могут создать это знание только в том случае, если не будут подвергаться принуждению. Так, он пишет: «Ничем, кроме как идиотизмом, нельзя назвать предположение о том, что они (руководители) всеведущи и непогрешимы». К этому он добавляет: «Мы исследуем лишь вопрос о том, может ли какой-либо смертный человек, имеющий логическую структуру человеческого разума, соответствовать задачам, возложенным на руководителя социалистического общества» (*ibidem*). В итоге Мизес приходит к следующему выводу: «Бесполезно тешить себя надеждой, что органы коллективной экономики будут вездесущи и всеведущи. В рамках праксиологии мы имеем дело с действиями не вездесущего и всеведущего божества, а людей, наделенных лишь человеческим разумом. Этот разум не может планировать без экономического расчета» (*ibidem*, p. 710). Необходимость этого длинного примечания связана с тем, что в самое последнее время некоторые экономисты австрийской школы, свихнувшиеся на выискивании различий между Мизесом и Хайеком, заявили, что Мизес считал социализм невозможным даже при условии наличия «совершенного знания» («всеведения»). Тем самым они свели аргументацию Мизеса к проблеме расчетов внутри статической системы, основанной на чистой логике выбора. См.: Joseph T. Salerno, 'Ludwig von Mises as Social Rationalist', *Review of Austrian Economics*, no. 4, 1990, pp. 36—41; idem, 'Postscript: Why a Socialist Economy Is 'Impossible'', в: Ludwig von Mises, *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*, Praxeology Press, Auburn, Alabama, 1990, pp. 51-71; idem, 'Mises and Hayek Dehomogenized', *Review of Austrian Economics*, vol. 6, no. 2, 1993, pp. 113—146; Murray N. Rothbard, 'The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited', *Review of Austrian Economics*, vol. 5, no. 2, 1991, pp. 51—76; idem, *The Present State of Austrian Economics*, working paper from the Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, November 1992, pp. 4—5.

- 17 Мизес утверждает: «Суть социализма в следующем: все средства производства находятся в исключительном распоряжении организованного общества. Это, и только это является социализмом. Все остальные определения вводят в заблуждение» (Ludwig von Mises, *Socialism*, New York University Press, New York, 1983, p. 211 [Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ. М.: Catallaxy, 1994]). По причинам, изложенным в тексте, мы полагаем, что Мизес ошибался, делая столь категоричное утверждение.
- 18 Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, Kluwer Academic Publishers, Boston, 1989, p. 2. Хоппе утверждает, что «социализм, который гораздо старше, чем марксизм XIX в., следует концептуализировать как институционализированное вмешательство, или агрессию, против частной собственности и прав частной собственности».
- 19 Впервые «интервенционизм» использовал в качестве экономического термина Людвиг фон Мизес в опубликованной в 1925 г. книге «Kritik des Interventionismus» (Gustav Fischer Verlag, Jena (англ. пер. *A Critique of Interventionism*, New York, 1976)). См. также: Don Lavoie, 'The Development of the Misesian Theory of Interventionism', *Method, Process and Austrian Economics: Essays in Honor of Ludwig von Mises*, I. M. Kirzner (ed.), Lexington Books, Massachusetts, 1982, p. 169—193.

- 20 Например, относительно «интервенционизма» Дон Лавой недавно сделал такой вывод: «Можно продемонстрировать, что он саморазрушителен и иррационален примерно по тем же причинам, по которым Мизес объявил невозможным полностью централизованное планирование... разрозненные акты государственного вмешательства в систему цен точно так же должны считаться препятствующими процедуре открытия [нового знания] и соответственно настолько же искажающим знание, которое при этом порождается. Таким образом, аргумент экономического расчета может использоваться для объяснения многих частичных провалов, возникающих в результате *кромсания* государством системы цен, примерно так же, как он используется для объяснения полного экономического краха, неизбежно следующего за попытками *отменить* систему цен». См.: "Introduction," *The Journal of Libertarian Studies*, vol., no. 1, Winter 1981, p. 5. В свою очередь, Израэл Кирцнер много раз упоминал о *параллелях* между «социализмом» и «интервенционизмом». См.: Israel Kirzner, "Interventionism and Socialism: A Parallel," in "The Perils of Regulation: A Market-Process Approach," chap. 6 in *Discovery and the Capitalist Process*, 121 ff. Нам следует подвергнуть критике идею возможности экономического расчета в интервенционистских системах, которую раз или два случилось защищать даже Мизесу. В тех сферах, где существует вмешательство, такой расчет невозможен, и если в принципе какие-то расчеты возможны, то исключительно потому, что вмешательство интервенционистской системы не распространяется на все общество (в той степени, которая характеризует реальный социализм).

ГЛАВА 5

Кризис социализма

- 1 Всю свою жизнь профессор Паскаль Сален посвятил изучению и защите свободного рынка и либертарианских принципов. Эта заметка о кризисе социализма написана в его честь.
- * По собственному побуждению (*лат.*) — *Прим. ред.*
- ** См. ниже, прим. 12 к гл. 6.
- *** После «Но...» идут следующие слова: «...если под „капитализмом“ понимать систему, где свобода в экономической сфере не подчинена строгим нормам закона, которые ставили бы ее на службу человеку во всей его полноте и считали бы ее лишь особым аспектом человеческой свободы, основанной на нравственности и религии, ответ, конечно, будет: „нет“». — *Прим. перев.*

ГЛАВА 6

Предпринимательство и рыночная теория охраны окружающей среды с позиций свободного рынка

- 1 Опубликовано в сборнике в честь профессора Жака Гарелло, *Festschrift in Honour of Jacques Garelo*, Kurt R. Leube, Angelo M. Petroni and James Sadowsky (eds.), La Rosa Editrice, Turin, 1997, pp. 175—188.
- 2 Семинар был организован Фондом свободы (Liberty Fund) в рамках Восьмой летней школы по новой экономической теории. Он прошел 5—14 сентября в Экс-ан-Прованс (на базе юридического факультета Университета Экс-Марсель). В нем приняли участие Джон Бейден (John Baden) из Университета Монтаны ; Бодуэн Бауккарт (Bau-

- douin Bouckaert) из Гентского университета; Жан-Пьер Санти (Jean-Pierre Centi) из Университета Экс-Марсель; Жак Гаррело (Jacques Garelo) из Университета Экс-Марсель; Мишель Гле (Michel Glais) из Реннского университета; Жан-Луи Аруэль (Jean-Louis Harouel) из Университета Пуатье; Жан-Доминик Лафей (Jean-Dominique Lafay) из Университета Пуатье; Анри Лепаж (Henri Lepage) из Парижского института бизнеса; Леонард Лиджио (Leonard P. Liggio) из Института гуманитарных исследований; ныне покойный Жан-Филипп Манжен (Jean-Philippe Mangin) из Университета Ниццы; Кристиан Мули (Christian Mouly) из Международного центра ЮНСИТРАЛ (комиссии ООН по торговому праву); Паскаль Сален (Pascal Salin) из Университета Париж-Дофин; Ален Сьянс (Alain Siaens) из Лувенского университета и Ричард Строуп (Richard Stroup) из Университета Монтаны.
- 3 [Уэрта де Сото использует английский термин *Free Market Environmentalism*], по названию монографии Terry L. Anderson and Donald R. Leal, *Free Market Environmentalism*, Pacific Research Institute for Public Policy, San Francisco, 1991. Авторы рассматривают *Free Market Environmentalism* как «новое социально-политическое движение, выступающее за охрану природы» с помощью рынка и свободного предпринимательства.
  - 4 Как отмечает Ричард Строуп, рыночную теорию охраны окружающей среды начали разрабатывать во второй половине 70-х годов озабоченные состоянием окружающей среды экономисты из Университета Монтаны, Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) и Центра общественного выбора (Public Choice Center). Постепенно они создали новую дисциплину: «новую экономическую теорию природных ресурсов» (New Natural Resource Economics). Она имеет три различных, но дополняющих друг друга источника: экономическую теорию австрийской школы, основанную на изучении процессов социального взаимодействия, которые возникают в результате действия творческой силы предпринимательства; школу общественного выбора, которая занимается теоретическим анализом стимулов, обуславливающих факторов и результатов сочетанных действий политиков, бюрократов и избирателей; и наконец, экономическую теорию прав собственности в ее развитии. См.: Richard Stroup, 'Natural Resource Scarcity and the Economics of Hope', *Economics and the Environment: A Reconciliation*, Walter E. Block (ed.), The Fraser Institute, Canada, 1990, p. 132. Европейские экономисты познакомились с этими идеями на историческом семинаре в Эксе в сентябре 1985 г.; см. выше, прим. 2.
  - 5 См.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, pp. 45, 54 and, above all, 84—85 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
  - 6 Это первое значение термина *ecología* (экология) в академическом словаре испанского языка: *Diccionario of the Spanish Royal Academy*, Espasa Calpe, Madrid, 1992 edition, p. 555.
  - 7 Более того, как подчеркивает Уолтер Блок, рынок и экосистемы не просто похожи друг на друга. Очень похожи и законы эволюции и взаимодействия, управляющие этими двумя процессами. Можно сказать, что теория охраны окружающей среды — это часть экономической науки (собственно, отсюда и термин «рыночная теория охраны окружающей среды»), или, если угодно, экономическую теорию можно рассматривать как часть более общей дисциплины, экологии. См.: Walter Block, 'Environmental Problems, Private Rights Solutions', *Economics and the Environment: A Reconciliation*, op. cit., p. 289.
  - 8 В другой работе я выдвинул тезис о том, что под «социализмом» следует понимать «любую систему институциональной агрессии против свободного проявления предпринимательства», и попытался доказать, что такая агрессия блокирует создание и обнаружение практической информации, необходимой для координации и согласования действий людей, и, следовательно, делает невозможным развитие цивилизации. Когда свободная человеческая деятельность сталкивается с препятствиями в какой-либо социальной сфере и, в частности, в области окружающей среды, это

- приводит к парадоксальному результату. Люди оказываются не в состоянии понять, что они действуют неэффективно и рассогласованно, так как многочисленные нарушения координации остаются незамеченными, и даже самые ужасные случаи уничтожения окружающей среды остаются без внимания и не встречают отпора. См. об этом: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., Chapters II and III, esp. pp. 117—118 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 9 Теорию эволюционного развития институтов разработал Карл Менгер: Carl Menger, *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere*, Duncker Humblot, Leipzig, 1883, p. 182 [см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005]; см. также: Jesús Huerta de Soto, *Socialism, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 68—73 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
  - 10 См. особенно провидческие замечания Людвиг фон Мизеса в параграфе «Границы прав собственности и проблемы внешних издержек и внешней экономии», 6-го раздела главы XXIII «Человеческой деятельности» (Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Henry Regnery, Chicago, third edition, 1966, pp. 614—763) [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005].
  - 11 О базовых принципах прав собственности, необходимых для функционирования экономики свободного рынка, а также о правах собственности и проблемах окружающей среды см.: Murray N. Rothbard, 'Law, Property Rights and Air Pollution', in *Economics and the Environment: A Reconciliation*, Walter Block (ed.), op. cit., pp. 233—279. В этой замечательной статье Ротбард отстаивает и развивает использование традиционных принципов права собственности, сформировавшихся в результате эволюции и в ходе предпринимательства (см. основной текст), применительно к новым, непредвиденным обстоятельствам. Проанализировав исторически обусловленные недостатки и логические ошибки этих принципов, он объясняет, как использовать их в новых условиях, которые представляют собой результат развития цивилизации. В частности, он объясняет выгоды приватизации дорог, воздушных коридоров, различных способов использования морей, воздушного пространства и недр, предлагая изобретательные и новаторские практические решения.
  - 12 Хотя это выражение придумал Гаррет Хардин, первый анализ «трагедии общинных пастбищ» дал Мизес в 1940 г.; см.: 'Die Grenzen des Sondereigentums und das Problem der external costs und external economies' (раздел VI главы 10 части IV трактата *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*, Editions Union, Geneva, 1940, 2nd edition Philosophia Verlag, Munich, 1980, pp. 599—705). Работа Хардина была опубликована через тридцать лет, см.: Garrett Hardin, 'The Tragedy of the Commons', *Science*, December 1968, republished on pp. 16—30 in *Managing the Commons*, Garrett Hardin and John Baden (eds), Freeman & Co., San Francisco, 1970 [см.: Хардин Г. Трагедия ресурсов общего пользования // <http://www.inliberty.ru/library/study/294/>]. Хардин практически не внес ничего нового по сравнению с Мизесом; кроме того, он пришел к неприемлемым, с нашей точки зрения, неомальтузианским выводам, которые показывают, что он скорее биолог, нежели экономист. В частности, Хардин игнорирует то, что издержки, связанные с увеличением числа детей в семье, родители учитывают *a priori* более или менее явным образом. Я уже писал, что рост населения является необходимым условием экономического и социального развития, и отстаивал идею о том, что проблемы современных слаборазвитых обществ связаны не с перенаселением, а с насильственным навязыванием институтов и экономических систем, блокирующих творческую энергию предпринимательства и препятствующих согласованному развитию свободных и эффективных рынков (иными словами, с социализмом и интервенционизмом). См.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 80—83 [см.: Уэрта де Сото Х.

Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].

- 13 Как верно отмечает Мизес (*Human Action*, op. cit., p. 917 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]), проблема общественных благ порождается существованием *положительных внешних эффектов* в случае ресурсов, предложение которых является неисключаемым, а потребление — неконкурентным. Это отдельный феномен и он не имеет ничего общего с *внешними издержками*, возникающими тогда, когда разграничение и защита прав собственности сталкиваются с препятствиями и порождают «трагедию общинных пастбищ». Поэтому аналитически неверно применять понятие «общественного блага» для исследования проблемы уничтожения окружающей среды. Между прочим, в другом месте я отмечал, что в экономике, где нет государственного вмешательства, выражение «общественные блага» теряет смысл, и что, следовательно, статистический анализ общественных благ не может использоваться в качестве аргумента, оправдывающего существование государства. См.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 36—37 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 14 «Следует признать, что значительная часть издержек представляет собой внешние издержки с точки зрения действующих индивидов или фирм, их экономические расчеты очевидно неполны, а их результаты обманчивы. Но это не является следствием мнимых недостатков, присущих системе частной собственности на средства производства. Напротив, это следствие лазеек, оставшихся в этой системе. Их можно устранить путем реформы законов, касающихся ответственности за наносимый ущерб, и путем отмены институциональных барьеров, препятствующих свободному функционированию частной собственности». — Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, op. cit., pp. 657—758 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005].
- 15 Кроме того, те, кто защищает понятие общественной собственности, впадают в неразрешимое логическое противоречие, когда пытаются решить проблему управления общественной собственностью в демократической политической системе. Дело в том, что, пытаясь решить проблему «внешних эффектов», они создают аналогичную проблему, только более масштабную. Получение качественной информации политического характера, позволяющей людям сознательно действовать и голосовать в вопросах управления общественной собственностью, действительно полезно сообществу в целом. Однако этот процесс связан со значительными издержками для каждого отдельно взятого члена сообщества. Это типичный случай так называемых положительных внешних эффектов. В этой ситуации люди будут самоустраняться от участия в демократическом процессе, чтобы не нести связанных с этим (в частности — с получением информации) издержек. Какой способ преодолеть это внутреннее противоречие в демократической системе могут предложить демократы? Они в принципе могут выступить за институциональное принуждение граждан к получению информации о политической системе и к голосованию, однако это будет означать конец демократической системы и возникновение железной диктатуры. Следовательно, попытка выделить общественную собственность и управлять ею в рамках политического процесса порождает гораздо большую проблему общественного блага, которую нельзя решить политическими средствами.
- 16 Согласно Израэлю Кирцнеру, мы не можем сегодня обладать тем знанием, которое предприниматели, действующие в соответствующей институциональной среде и пытающиеся решить проблемы этой среды и противостоять возникающим у них трудностям, создадут только завтра. Но парадоксальным образом именно то, что мешает нам узнать эти конкретные решения (предпринимательство), позволяет нам быть уверенными в том, что в любой конкретный момент будут найдены наилучшие из возможных решений. См.: Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, The University of Chicago Press, Chicago, 1985, p. 168.

- 17 Для тех сфер, в которых немедленная приватизация представлялась нереальной, как промежуточные и вспомогательные обсуждаются «вторые наилучшие» решения. Они, как правило, основаны на создании квазирынков *разрешений* или прав на загрязнение, на промысел конкретных биологических видов и т.п. Иногда такие системы могут быть несколько более эффективными, чем существующие ныне; однако они оставляют много места для бюрократического вмешательства (например, для фиксации цен и квот на загрязнение или на вылов рыбы). Следует подчеркнуть, что «вторые наилучшие» решения всегда следует рассматривать как временные и вспомогательные. Никогда не нужно забывать о главной фундаментальной цели: обеспечении условий для свободного предпринимательства. Именно в ходе творческого процесса свободного предпринимательства будут созданы те технические изобретения и решения, которые необходимы для разграничения и защиты прав собственности в той или иной конкретной сфере. «Вторые наилучшие» решения аналогичны реформам в русле «рыночного социализма», который так блистательно провалился в странах Восточной Европы. О теоретических причинах неэффективности вторых наилучших решений и рыночного социализма см.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 365—386 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 18 К огромному сожалению, Испания движется в направлении, противоположном рекомендациям рыночной теории охраны окружающей среды. Достаточно вспомнить принятый по инициативе правительства социалистов закон о водных ресурсах, уничтоживший частную собственность на подземные воды. Надеемся, что в будущем положение изменится. Наши надежды связаны прежде всего с деятельностью несоциалистических местных и региональных администраций, которые относятся к проблемам окружающей среды менее догматически. В силу этого было бы достаточно просто начать с приватизации некоторых объектов, находящихся в общественной собственности (в частности, зоопарков, природных парков, уборки мусора и пр.) и реализации «вторых наилучших» моделей, например в сфере прав на загрязнение для собственников отопительных систем, работающих на угле и дизельном топливе, в крупных городах страны, особенно в Мадриде. Эти меры связаны с низкими политическими издержками, и их можно быстро реализовать. В свою очередь, положительные последствия от их реализации облегчат последующие реформистские шаги в направлении приватизации других природных ресурсов и сфер, связанных с природной средой, разгосударствление которых сегодня выглядит проблематично.
- 19 Главный политический принцип, который следует отстаивать, — это не принцип «загрязнитель платит», который в Испании постепенно вошел в программы правополитических сил, а принцип «загрязнитель компенсирует ущерб тем, кто страдает от загрязнения, а также несет судебную ответственность в случае сознательного или случайного нанесения ущерба, если не сможет заключить мировое соглашение с пострадавшей стороной».
- 20 Другое преимущество рыночной теории охраны окружающей среды связано с тем, что она разрушает доминирующую сегодня концепцию устойчивого развития. Авторитет этой концепции объясняется наивностью поддержавших ее экологов и естествоиспытателей, не разбирающихся в экономической теории.

ГЛАВА 7

Теория либерального национализма

- 1 Я использую слово «либеральный» в традиционном (европейском) значении.
2 Опубликовано в: *Il Politico*, Pavia University, Italy, Year LX, no. 4 (175), October-December 1995, pp. 583—598.

- 3 В качестве положительного примера можно например, привести действия автономного сообщества Наварры, а вслед за ним — казначейства Страны Басков, где де-факто отменили налог на наследство для родственников, существенно улучшив положение людей, проживающих в этих провинциях, по сравнению с остальными жителями Испании.
- * Имеется в виду регулирование, приводящее к вытеснению испанского языка из сферы образования. — *Прим. перев.*
- ** В дальнейшем автор использует слово «нация» для обозначения группы, объединяющей всех носителей какого-либо языка. — *Прим. перев.*
- 4 Об австрийской теории социальных институтов и австрийском представлении об обществе как о стихийном процессе см.: Carl Menger, *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics*, New York University Press, New York, 1985, p. 158 [см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономики в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005]. [См. также: Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008. — Ред.]
- 5 О представлении о нациях как о конкурирующих друг с другом в рамках социального процесса стихийных порядках или подгруппах внутри гражданского общества см.: Ludwig von Mises, *Nation, State and Economy: Contributions to the Politics and History of our Time*, New York University Press, New York and London, 1983. Это перевод на английский книги, которая вышла в свет сразу после Первой мировой войны, Ludwig von Mises, *Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit*, Manzsche Verlags- und Universitäts-Buchhandlung, Vienna and Leipzig, 1919. Отрадно, что эту книгу недавно перевели на итальянский (*Stato, Nazione ed Economia*, Bollati Boringheri, Turin, 1994). [Русский перевод готовится в издательстве «Социум».] Мизес развил свое понимание национализма в книге «Всемогущее правительство» (*Omnipotent Government: The Rise of the Total State and Total War*, Arlington House, New York, 1969; первое издание опубликовано в 1944 г. издательством Yale University Press [Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006]). Людвиг фон Мизес был свидетелем событий, которые привели к двум мировым войнам, и в упомянутых книгах он подробно описывает и анализирует их со свойственной ему проницательностью.
- 6 См. мою статью ‘Entrepreneurship and the Economic Analysis of Socialism’ в: Gerit Meijer (ed.), *New Perspectives on Austrian Economics*, Routledge, London and New York, 1995, pp. 228—253.
- 7 Возможно, еще более верно оценивал ситуацию поэт Фернандо Пессоа. Он считал, что на Иберийском полуострове есть три разных нации, живущие в двух разных государствах, Испании и Португалии: кастильская, каталонская и галисийско-португальская. О басках Пессоа не упоминал, вероятно, потому, что считал их исчезающей нацией, которая практически слилась с другими нациями. См. статьи Пессоа: ‘Para o Ensaio “Iberia”’ и ‘Principios do Nacionalismo Liberal’ в: Fernando Pessoa, *Obra Poética e em Prosa*, vol. III, Lello & Irmão editores, Oporto, 1986, pp. 979—1009 and 1125—1136.
- 8 См. в связи с этим: Hans-Hermann Hoppe, ‘Against Centralization’, *Salisbury Review*, June 1993, pp. 26—28. См. также: Murray N. Rothbard, ‘Nations by Consent: Decomposing the Nation State’, *Journal of Libertarian Studies*, vol. II, no. 1, Fall 1994, pp. 1—10.
- * Традиционный перевод термина *welfare state* как «государство всеобщего благосостояния» не вполне точен. На наш взгляд, такие варианты перевода, как «государство социального обеспечения» или «государство социальных пособий», точнее описывают это явление. — *Прим. перев. и ред.*
- 9 О благоприятных последствиях роста населения и иммиграции см. работы Джулиана Саймона, особенно: Julian L. Simon, *Population Matters: People, Resources, Environment and Immigration*, Transaction Publishers, London, 1990, а также: Julian L. Simon, *The Economic Consequences of Immigration*, Basil Blackwell, Oxford, 1989.
- 10 Таково положение кастильцев по национальности, живущих в Каталонии и прежде всего в Стране Басков; их политические права неоспоримы, потому что они (и их предки) жили в этих регионах долгие годы.

- 11 Именно этого европейские социалистические лидеры стремятся избежать своими попытками создать социальное и интервенционистское европейское государство. Яркий пример — Фелипе Гонсалес с его критикой идеи «Европы купцов», выраженной в Римском договоре [международный договор, подписанный 1957 г. ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом о ликвидации всех преград на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала. Стал документом, заложившим основу для Европейского экономического сообщества. — *Ред.*]
- * Премьер-министр Испании с 1982 по 1996 г. — *Прим. ред.*
- ** В этом предложении описывается принцип субсидиарности — организационный и правовой принцип, являющийся частью европейского права. В соответствии с этим принципом задачи должны решаться на самом низком, малом или удаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. Этот принцип официально закреплен в Маастрихтском договоре о Европейском союзе (см.: Договор о Европейском союзе: консолидированная версия. М., 2001. С. 48). Кроме того, принцип субсидиарности является составной частью социального католического учения. В энциклике «*Quadragesimo Anno*» папы Пия XI от 15 мая 1931 г. он трактуется как базовый с точки зрения справедливой организации и функционирования социума: «Было бы несправедливо и одновременно очень досадно нарушить социальный порядок, если забрать у объединений низшего порядка функции, которые они способны выполнить сами, и поручить их выполнение более обширной группе более высокого ранга». — *Прим. ред.*
- 12 Следовательно, исполняя свои полномочия по защите прав личности и свободы торговли, государство обязано, в частности, ввести запрет на ограничение времени работы торговых точек и отменить иные интервенционистские меры, которые были недавно приняты в Каталонии и других регионах Испании и представляют собой средство защиты от благотворного воздействия конкуренции между регионами.
- 13 Мизес писал: «Путь к вечному миру лежит не через усиление государства и центральной власти, к чему так стремится социализм. Чем больше роль, на которую претендует государство в жизни отдельного человека и чем важнее для отдельно взятого человека политика, тем больше трения создается на территориях со смешанным населением. *Сведения власти государства к минимуму, к чему стремился либерализм, значительно смягчило бы противоречия между нациями, живущими бок о бок на одной территории.* Единственная подлинно национальная автономия — это свобода частного человека от государства и общества. «Огосударствление» жизни и экономики неизбежно приводит к столкновениям между нациями» (Mises, *Nation, State and Economy*, op. cit., p. 96).
- 14 Именно так и происходило, например, тогда, когда Кастилии с ее свободой торговли был навязан каталонский протекционизм, или когда в интересах Каталонии после банкротства Банка Барселоны был принят закон о банкротстве, или совсем недавно, когда каталонские националисты оказали политическую поддержку коррумпированному и интервенционистскому социалистическому правительству Испании, что нанесло ущерб всем остальным регионам страны.
- 15 Как верно отметил Людвиг фон Мизес, «в системе интервенционизма отсутствие торговых барьеров между регионами сдвигает политический центр тяжести в сторону федерального правительства» (см.: *Omnipotent Government*, op. cit., p. 268ff. [см.: Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006] (там объясняется, почему с точки зрения экономической теории интервенционистские и социалистические меры при наличии свободы торговли всегда разрушительны для образующих государство наций и почему они дают преимущество федеральному центру).
- 16 «Нация, которая верит в себя и в свое будущее, нация, уверенная в том, что ее представители связаны друг с другом не только случайностью рождения, но и общей культурой, которую каждый из них ценит превыше всего, разумеется, будет спокойно и равнодушно наблюдать за тем, как отдельные люди из ее числа вливаются в другие нации. Народ, уверенный в своей самоценности, не станет насильно

удерживать тех, кто хочет уйти, и насильно присоединять к себе тех, кто не согласен сделать это добровольно. Позволить своей национальной культуре доказать свое превосходство в свободной конкуренции с другими народами это единственный выбор, достойный гордой и свободной нации, и единственно правильная национальная и культурная политика. Для нее не нужно использовать ни власть, ни иные политические инструменты» (Ludwig von Mises, *Nation, State and Economy*, op. cit., p. 76). Трудно найти более точное, содержательное и вдохновенное описание концепции и идеала либерального национализма, чем эти слова Людвиг фон Мизеса.

ГЛАВА 8

Либертарианская теория свободной иммиграции

- 1 Этот текст впервые был опубликован под названием 'A Libertarian Theory of Free Immigration' («Либертарианская теория свободной иммиграции») в *Journal of Libertarian Studies*, vol. 13, no. 2, Summer 1998, pp. 187—197. Он был написан для сборника статей, посвященных проблеме иммиграции, где были опубликованы также работы Ральфа Райко (Ralph Raico), Джулиана Саймона (Julian Simon), Джона Хосперса (John Hospers), Тибора Махана (Tibor Machan), Гэри Норта (Gary North) и Ганса-Германа Хоппе (Hans-Hermann Hoppe).
- 2 Мюррей Ротбард понял, что насильственная иммиграция на международном уровне представляет собой проблему, при следующих обстоятельствах: «Я начал пересматривать свои взгляды на иммиграцию после распада СССР, когда стало ясно, что в советское время этнических русских специально поощряли переезжать в Латвию и Эстонию для того, чтобы уничтожить язык и культуру коренных жителей». См.: Murray N. Rothbard, 'Nations by Consent: Decomposing the Nation-State', *Journal of Libertarian Studies*, vol. 11, no. 1, Fall 1994, p. 7.
- 3 Rothbard, 'Nations by Consent', op. cit., p. 6.
- 4 См. подробное описание этого процесса в: Jesús Huerta Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992, pp. 80—83 [см.: *Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция*. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 5 F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, University of Chicago Press, Chicago, 1988, p. 133 [см.: *Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма*. М.: Новости, 1988].
- 6 Следует признать, однако, что технологическая революция и появление компьютерных средств связи (в частности, интернета) означает, что для достижения целей человеческой деятельности все меньше и меньше требуется физически переезжать из одного места в другое. Хороший обзор других преимуществ эмиграции и иммиграции, который учитывает роль предпринимательской способности мигрантов, но, на мой взгляд, слишком сильно опирается на неоклассическую экономическую теорию, см.: Julian L. Simon, *Population Matters: People, Resources, Environment and Immigration*, Transaction Publishers, New Brunswick, 1996, pp. 263—303.
- 7 Тем не менее мы можем представить себе многие предпринимательские решения, которым предстоит стихийно возникнуть в будущем, если обратим внимание на то, как были решены проблемы, которые первое время вызывали огромные потоки туристов, сегодня ставшие обыденными во всем мире. Развитие средств транспорта, гостиничной инфраструктуры, инфраструктуры обслуживания туристов, индустрии развлечений, агентств путешествий и разнообразных посредников, которые будут организовывать и обеспечивать поездки от начала до конца, — все эти институты в анархо-капиталистическом государстве достигнут небывалых высот.

Не нужно забывать о масштабе мирового туризма и деловых поездок и в наши дни. Например, к нам в Испанию приезжает больше 40 млн туристов в год — это больше, чем все население страны!

- 8 Hans-Hermann Hoppe, 'Small Is Beautiful and Efficient: The Case for Secession', *Telos* 107, Spring 1996, p. 101. О том же см. Rothbard, 'Nations by Consent', *op. cit.*; см. также: Jesús Huerta de Soto, 'A Theory of Liberal Nationalism', *Il Politico*, vol. 60, no. 4, pp. 583—598 [см. наст. изд., гл. 7].
- 9 Hoppe, 'Small Is Beautiful and Efficient', *op. cit.*, p. 101.
- 10 Как это ни странно, такой энтузиаст свободы миграции, неустанно подчеркивающий ее положительные последствия, как Джулиан Саймон, в некоторых случаях готов нанести иммигрантам существенный экономический ущерб. Речь идет не только о ситуации, когда ценность вклада иммигрантов в государственную систему социального страхования значительно превышает получаемые ими субсидии. Парадоксальным образом он выступает за то, чтобы продавать права на иммиграцию на аукционе, хотя и признает, что такая система «приведет к перераспределению значительной части „прибыли“ от иммигрантов к местным жителям» (Julian L. Simon, *Population Matters*, *op. cit.*, p. 293).
- 11 Сформулированные выше принципы должны применяться и внутри страны, и применительно к въезжающим в страну из-за рубежа. Несомненно, современные национальные государства достаточно однородны в культурном и экономическом отношении, и в силу этого внутренняя миграция не порождает серьезных проблем; тем не менее последовательное применение упомянутых принципов помогло бы избежать многих внешних издержек (в частности, тех, которые порождают нищие и бродяги). Однако, как представляется, наиболее актуальны эти принципы применительно к иммиграции из-за рубежа. Так или иначе, другие предлагавшиеся, в том числе либертарианскими теоретиками, меры, как-то иммиграционные квоты и аукционы по продаже прав на въезд в страну, не имеют права на существование, так как они противоречат идеалам либертарианства.

ГЛАВА 9

Кризис системы социального страхования и ее реформирование

- 1 Доклад, прочитанный на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Риоде-Жанейро (5—9 сентября 1993 г.) и опубликованный в: *Journal des économistes et des études humaines*, Bilingual Journal of Interdisciplinary Studies, Paris and Aix-en-Provence, vol. 5, no. 1, March 1994, pp. 127—155.
- 2 Этот теоретический принцип был проиллюстрирован системой социального страхования США в 1971 г., см. Martin Feldstein, 'Social Security, Induced Retirement and Aggregate Capital Accumulation', *Journal of Political Economy*, vol. 82, September-October 1974. Кроме того, из некоторых расчетов следует, что дефицит систем социального страхования такого уровня, как тот, что наблюдался во многих развитых странах в 1980-х годах, в долгосрочной перспективе приводит к сокращению запаса капитала в этих странах на 20—30% (см., например: Laurence J. Kotlikoff, 'Social Security and Equilibrium Capital Intensity', *Quarterly Journal of Economics*, vol. 93, no. 2, May 1979, pp. 183—207 [см. также: *Котликофф Л., Бёрнс С. Пенсионная система перед бурей*. М.: Альпина бизнес букс, 2005 (серия ИРИСЭН)]; см. также: A. J. Auerbach and L. J. Kotlikoff, *Dynamic Fiscal Policy*, Cambridge University Press, Cambridge, 1987). Гэри Беккер высказывал мнение, что от наличия государственного социального страхования снижается уровень частных сбережений (см.: 'The Family, Altruism and Public Policy', Mont Pèlerin Society Meeting, St. Vincent, Italy, September 1986, p. 9). В прим.

14 мы укажем на слабые места в неоклассическом подходе Беккера к государственным системам социального страхования.

- 3 См. мою статью 'Experiencias Internacionales sobre la Crisis de la Seguridad Social', *Boletín de Estudios Económicos*, vol. XL, Bilbao, August 1985, pp. 327—378, где я привожу источники по Швейцарии, Франции и Японии (с. 328).
- 4 В другой статье я попытался соединить идею частных пенсионных планов с австрийской теорией экономического цикла, разработанной Людвигом фон Мизесом и Ф. Хайеком. См. мои статьи 'Interés, Ciclos Económicos y Planes de Pensiones', *International Congress of Pension Funds*, Madrid, 1984, pp. 458—468, и 'La Teoría Austriaca del Ciclo Económico', *Moneda y Crédito*, no. 152, Madrid, March 1980.
- 5 «Denn die Versicherungsbeiträge gehen immer zu Lasten des Lohnes, gleichviel, ob sie von den Unternehmern oder von den Arbeitern eingehoben werden. Auch das, was der Unternehmern für die Versicherung aufwenden muß, belastet die Grenzproduktivität der Arbeit und schmälert damit den Arbeitslohn». См.: Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft; Untersuchungen über den Sozialismus*, Gustav Fisher, Jena, 1922 and 1932, Philosophia Verlag, Munich, 1981, p. 442. Лучший перевод на английский см. *Socialism; An Economic and Sociological Analysis*, translated by J. Kahane, Liberty Classics, Indianapolis, 1981, p. 430 [см.: Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономически анализ. М.: Catallaхu, 1994]. Спустя почти тридцать лет Мизес более подробно развил эту идею применительно ко всем «социальным завоеваниям» (см. *Human Action*, third edition, Henry Regnery, 1966, p. 617 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005]); в частности, он подробно проанализировал, кто платит за государственную пенсионную систему. См.: Ludwig von Mises, 'Economic Aspects of the Pension Problem', Chapter VII of *Planning for Freedom and Twelve Other Essays and Addresses*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, first edition 1952, third memorial edition 1974, pp. 83—86. Наконец, нужно отметить интересную эмпирическую иллюстрацию этого важного аргумента. См. данные по разным странам, которые приведены в: John A. Prittain, 'The Incidence of Social Security Payroll Taxes', *American Economic Review*, March 1971.
- 6 Примерно то же самое, с некоторыми отличиями, происходит и в других развитых странах. Например, во Франции в 1974 г. на одного пенсионера приходилось четыре плательщика пенсионных взносов. Всего через 10 лет, в 1984 г., это соотношение составляло 3,4 плательщика взносов на одного пенсионера, и с тех пор все продолжается в том же духе. В США в 1950 г. на одного пенсионера приходилось 17 работающих; в 1970 г. — только 3. Ожидается, что к началу XXI в. это соотношение составит два к одному. Предполагается, что к 2040 г. 40% населения США будет старше 64 лет. См.: Laurence J. Kotlikoff, 'Social Security', *The New Palgrave Dictionary of Economics*, John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman (eds), Macmillan, 1987, vol. IV, p. 415 [см. также: Котликофф Л., Бёнс С. Пенсионная система перед бурей. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005 (серия ИРИСЭН)]. Эта тенденция воспроизводится и в менее развитых странах по мере экономического и культурного развития, роста уровня жизни, улучшения здравоохранения и снижения, в силу всех этих факторов, уровня рождаемости. Рост продолжительности жизни и старение населения исторически соответствуют этапу зрелого экономического развития. См. мою статью 'Crisis de la Seguridad Social y el Papel de los Planes de Pensiones Privados en su Reforma', *Prospects for Social Insurance and Private Employee Benefit Plans*, Transactions of the 23rd International Congress of Actuaries, vol. II, Helsinki, 1988, pp. 477—498.

Наконец, следует отметить, что государственные пенсионные системы всегда возникали в силу стремления создать привилегии для людей предпенсионного возраста, которые получали право на пожизненную пенсию, не платя никаких пенсионных взносов, в те исторические моменты, когда описанный нами тренд старения населения еще не осознавался. Демагогическое использование государственных пенсионных систем, которые в момент их введения было легко финансировать, а также уничтожение у людей привычки к сбережениям в результате инфляции и кейнсианской экономической политики и есть причины, которыми объясняется создание

- государственных систем социального обеспечения почти во всех странах (см. Ludwig von Mises, 'Pensions, the Purchasing Power of the Dollar and the New Economics', в: *Planning for Freedom*, op. cit., pp. 86—93).
- 7 См. мою книгу *Socialismo, Cálculo Económico y Función Empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992 [Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008]. В ней я предлагаю новое определение социализма как «любой системы институционализированной агрессии против человеческой деятельности или предпринимательства» и формулирую общую интегрированную теорию невозможности социализма и интервенционизма, с их неизбежными вторичными последствиями: коррупцией, моральным упадком и отсутствием творческой координации. Английская версия главы 3 этой книги носит название «Экономический анализ социализма» ('Economic Analysis of Socialism'); я представил ее на Первой европейской конференции по австрийской экономической теории в Маастрихте (9—11 апреля 1992 г.) Моя теория социализма представляет собой естественный итог соединения австрийского анализа предпринимательства (в основном на базе работ Израэля Кирцнера) с теорией принуждения как главной и определяющей характеристики социализма, которой мы обязаны Мюррену Ротбарду и Гансу Хоппе (см.: Hans H. Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, Kluwer Academic Publishers, Amsterdam, 1989, p. 2). Между прочим, с точки зрения классификации типов вмешательства по Ротбарду, государственная пенсионная система — это типичный случай *двусторонней* агрессии (государство «принуждает индивида вступить с ним в отношения обмена»). См.: M. N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy*, Institute for Humane Studies, Menlo Park, 1970, pp. 9 and 135—136 [см.: Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010].
  - 8 Система социального страхования «подвергается критике со всех сторон. Получатели пенсий жалуются, что пенсии слишком малы для того, чтобы поддерживать обещанный уровень жизни. Те, кто платит социальные взносы, жалуются, что это бремя слишком тяжело. Работодатели жалуются, что из-за налогов соотношение стоимости найма работника для работодателя и чистой выгоды, которую получает в результате устройства на работу работник, таково, что порождает безработицу. Налогоплательщики жалуются, что необеспеченные обязательства системы социального страхования составляют многие триллионы долларов, и она неизбежно обанкротится, несмотря на нынешние высокие налоги. И все эти жалобы обоснованы» Milton and Rose Friedman, *Free to Choose; A Personal Statement*, Harcourt Brace Jovanovich, New York, 1980, p. 102 [См.: Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция. М.: Новое издательство, 2007]. На с. 106 этой книги Фридмен (в отличие от Беккера, идеи которого мы проанализируем ниже в прим. 13), так формулирует фундаментальную проблему государственных пенсионных систем: «Различие между нынешней пенсионной системой и тем, что существовало до нее, — в том, что нынешняя система принудительна и безлична, а до нее решение проблемы обеспечения людей в старости носило добровольный и личный характер. Моральная ответственность вносит личный, а не общественный характер. Раньше дети помогали своим родителям из любви и чувства долга. Сейчас они помогают чужим родителям из страха и подчиняясь принуждению. Раньше перераспределение доходов укрепляло семейные узы; нынешнее перераспределение ослабляет их».
  - 9 См. блестящий анализ с точки зрения австрийской экономической теории влияния государственной системы социального страхования на размещение капитала и труда: Roger W. Garrison, 'Misdirection of Labor and Capital under Social Security', *Cato Journal*, vol. 3, no. 2, Fall 1983, pp. 513—529.
  - 10 См. главу 19 («О социальном страховании») в: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty*, The University of Chicago Press, Chicago, 1960, pp. 285—323 and 509—515. Хайек пишет: «Вряд ли можно сомневаться в том, что для задачи обеспечения социальной защиты в масштабах государства одна всеобщая организация не является наиболее эффективным методом применения всего имеющегося *знания* и уж тем более никак

не лучшим методом стимулирования и распространения *нового знания*. Как и во многих других сферах, столь сложная задача требует не такой технологии координации, которая опирается на осознанное управление и контроль частей процесса из единого центра, такой, которая функционирует посредством безличного механизма» (с. 511) См. еще более глубокий анализ этого вопроса у Кирцнера: Israel M. Kirzner, 'The Perils of Regulation: A Market Process Approach', *Discovery and the Capitalist Process*, Routledge, London, 1991, pp. 136—145.

- 11 Эту идею впервые высказал фон Мизес в 1949 г. (Ludwig von Mises, *Human Action*, first edition, Yale University Press, p. 613 [см.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]). Ф. Хайек полностью поддержал ее через 11 лет, когда написал, что государственная система социального страхования «основана на парадоксе: то самое большинство людей, у которых отобрали право распоряжаться значительной частью доходов на том основании, что они неспособны сделать верный выбор, призвано, в качестве коллективной единицы, решать, как будут тратиться личные доходы». См. главу 19 («О социальном страховании»), *The Constitution of Liberty*, op. cit., p. 290.
- 12 Людвиг фон Мизес приходит к следующему выводу: «Социальное страхование не обязывает работодателей больше тратить на покупку труда. Оно ограничивает наемных рабочих в расходовании своего совокупного дохода. Оно урезает свободу рабочего организовывать свое личное хозяйство в соответствии со своими собственными решениями» (курсив мой. — У. де С.) Mises, *Human Action*, third revised edition, Henry Regnery, Chicago, 1966, p. 617 [см.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 13 Я не могу согласиться с Гэри Беккером и его неоклассической трактовкой государственных систем социального страхования. Он пишет о таких системах: «Дети будут счастливы (!) заключить с родителями общественный договор, по которому они будут содержать родителей в старости в обмен на сохранение текущего состояния государственной поддержки детства!» (Becker, *A Treatise on the Family*, Harvard University Press, Cambridge, 1991, p. 373). С нашей точки зрения, Беккер опирается на неверную методологию. Мы считаем так в силу тех же причин, по которым теоретики австрийской экономической школы осудили методологический подход неоклассиков-вальрасианцев к вопросу возможности экономического расчета при социализме. В частности, нашу критику вызывают близорукий подход Беккера к данному вопросу с точки зрения статического равновесия и использование им концепции «рациональности», а также теории максимизации Роббинса (в соответствии с которой у Беккера ведут себя действующие субъекты в его знаменитом экономическом анализе семьи). Недавно этот типичный для чикагской экономической школы методологический подход блестяще разобрал по косточкам Кирцнер, см.: Israel M. Kirzner, 'Self-Interest and the New Bashing of Economics' (*Critical Review*, vol. 4, nos. 1—2, Winter-Spring 1990, pp. 38—39, republished in *The Meaning of Market Process*, Routledge, London, 1992, pp. 207—208). Беккер, на наш взгляд, всего лишь предлагает *ad hoc* объяснение агрегированных феноменов, исходя из того, что «люди получают то, чего они хотят». В его анализе совершенно отсутствует динамическое представление о социальном процессе, движимом творческой энергией предпринимательства и координирующими усилиями живых людей во всем бесконечном разнообразии их чувств, мыслей, целей и оценок. Именно поэтому Беккер, как свойственно представителям сциентистской чикагской традиции, даже не упоминает об институциональной агрессии, на которой основаны государственные системы социального страхования; эта агрессия его вообще не волнует. При этом он считает, что помог читателям «понять, почему государство постоянно вмешивается в дела семьи» (ibidem, p. 379), и каким образом «государственные расходы на стариков в сочетании с государственными расходами на образование детей и вообще на человеческий капитал могут заполнить вакуум, возникший в результате распада социальных норм» (ibidem, p. 370). Беккер, как представляется, плохо понимает введенное Хайеком принципиальное различие между материальным семейным

правом, возникшим в процессе эволюции (как хорошо известно со времен менгеровской теории институтов), и государственным семейным законодательством, т.е. приказами государства, в результате которых возникли государственные системы социального страхования. Первое представляет собой ненамеренный и стихийный продукт социального взаимодействия, а второе — типичное проявление намеренной институционализированной агрессии (т.е. социализма) против конкретной сферы жизни социума, со всеми стандартными последствиями такой агрессии: теоретической невозможностью достижения поставленных целей, отсутствием координации и экспериментирования с новыми решениями, систематической моральной деградацией. Поэтому мы считаем, что в реальности дело обстоит совсем не так, как полагает Беккер: государственная система социального страхования вовсе не «заполнила вакуум, возникший в результате распада социальных норм»; она сама была одним из ключевых факторов, вызвавших деградацию и уничтожение моральных ценностей и социальных норм. Объяснение государственной системы социального страхования, а заодно и социализма во всех его видах и проявлениях, в гораздо большей степени связано с интеллектуальными ошибками конструктивизма и политическим давлением привилегированных групп, чем со стихийным исчезновением традиционных семейных ценностей (см. также прим. 6, последний абзац).

- 14 F. A. Hayek, 'Social Security', Chapter 19 of *The Constitution of Liberty*, op. cit., p. 292.
- 15 F. A. Hayek, 'The Mirage of Social Justice', vol. II of *Law, Legislation and Liberty*, The University of Chicago Press, Chicago and London, 1976 Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
- 16 В заголовке мы практически воспроизводим название блестящей книги Питера Феррары, идеи которого легли в основу раздела. См.: Peter J. Ferrara, *Social Security: The Inherent Contradiction*, Cato Institute, San Francisco, 1980.
- 17 См. иллюстрацию этого теоретического принципа в статье Peter J. Ferrara and John R. Lott, Jr., 'Rates of Return Promised by Social Security to Today's Young Workers' in *Social Security: Prospects for Reform*, ed. Peter J. Ferrara, Cato Institute, Washington, 1985, pp. 13—32.
- 18 Хайек писал: «Легко заметить, что полный отказ от страхового принципа и признание за всеми, кто достиг определенного возраста (а также за сиротами, вдовами и инвалидами) права на «достойный» доход, ныне установленный по желанию большинства (значительную часть которого составляют те, кто получает выгоду от такого устройства), превращают всю эту систему в целом в политический инструмент, в разменную монету для заигрывающих с избирателем демагогов» ('Social Security', Chapter 19 of *The Constitution of Liberty*, op. cit., p. 296).
- 19 Или, как энергично утверждали Милтон и Роуз Фридмены: «Кроме перераспределения средств от молодых к старым, государственная система социального обеспечения занимается также перераспределением средств от тех, кто беднее, к тем, кто богаче. Субсидии, правда, рассчитаны на тех, кто получает маленькие зарплаты, но другие факторы в итоге перевешивают. Дети из бедных семей обычно начинают работать — и, соответственно, платить налоги на заработную плату — относительно рано; дети из зажиточных семей идут работать значительно позже. В конце жизни происходит то же самое: люди с низкими доходами обычно живут меньше, чем люди с высокими доходами. Таким образом, бедные обычно платят налоги дольше, чем богатые, а получают пенсии в течение более короткого времени, чем они, — и все это происходит под лозунгом помощи бедным!» (*Free to Choose*, op. cit., pp. 106—107 [см.: Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция. М.: Новое издательство, 2007]).
- 20 Я говорю «вначале» потому, что правительство очень плохо справляется и с задачей помощи нуждающимся; оно не в состоянии ни в техническом, ни в экономическом отношении тягаться с армией конкурирующих друг с другом предпринимателей, которые прикладывают усилия и используют свои таланты для того, чтобы выявить подлинные потребности бедных, постоянно экспериментируя с новыми способами их удовлетворения с учетом конкретных обстоятельств места и времени. В сфере чело-

- веческой солидарности свободное взаимодействие людей и предпринимательство, иными словами, частная благотворительность, гораздо эффективнее и моральнее, чем систематическое государственное принуждение (т.е. социализм).
- 21 «Есть нечто парадоксальное в том, что современное государство претендует на превосходство в сфере, которая может служить, вероятно, наиболее яркой иллюстрацией того, что новые институты возникают в ходе постепенного процесса эволюции, а вовсе не в результате сознательного проектирования. Наша современная концепция страхования рисков не является результатом того, что в один прекрасный момент некто, обнаруживший эту проблему, сознательно предложил ее рациональное решение. Как верно отмечалось, мы получили современные страховые продукты в результате процесса постепенного развития, в ходе которого бесчисленные действия известных и неизвестных людей привели в конечном счете к созданию столь совершенного инструмента, по сравнению с которым любое отдельно взятое произведение сколь угодно выдающегося ума кажется чрезвычайно примитивным» (F. A. Hayek, 'Social Security', Chapter 19 of *The Constitution of Liberty*, op. cit., p. 291).
- 22 «Человек, который вынужден сам заботиться о собственной старости, должен либо сберегать часть своего дохода, либо приобрести страховой полис. Процветание страны невозможно, если ее граждане не понимают, что они смогут улучшить условия своей жизни только в том случае, если будут производить больше качественных товаров и услуг. А это возможно лишь при условии роста сбережений и накопления капитала» (Ludwig von Mises, 'Economic Aspects of the Pension Problem', *Planning for Freedom*, op. cit., pp. 92—93).
- 23 Разумеется, мы не можем предсказать, какое знание будет создано предпринимателями в будущем для того, чтобы решить все проблемы и справиться со всеми трудностями, которые возникают в ходе предлагаемой нами приватизации системы социального страхования. Тем не менее в данном случае нам повезло: мы можем получить приблизительное представление об этом, изучив развитие институтов страхования жизни и частных пенсионных планов. На эту тему очень точно высказался Кирцнер: «Обстоятельство, которое не позволяет нам со всей определенностью представить себе будущее капитализма, состоит в том, что предпринимательство освобождает нас от тирании фактора редкости. Как это ни парадоксально, именно отсутствие фактора определенности и предсказуемости и обеспечивает нам уверенность в долгосрочной жизнеспособности капиталистической экономики и в ее поступательном развитии» (Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, The University of Chicago Press, Chicago, 1985, p. 168).
- 24 Между прочим, традиционный институт страхования жизни тоже может подвергнуться порче, особенно когда под предлогом так называемого финансового дерегулирования или взаимодействия с внешними банковскими институтами происходит отказ от его фундаментальных принципов. В качестве примера порчи индустрии страхования жизни можно привести деятельность Джона Мейнарда Кейнса на посту председателя Лондонского национального общества взаимного страхования жизни. На этом посту Кейнс продвигал не только паевые вложения в акции *ad hoc* в ущерб традиционным вложениям в облигации с фиксированной ставкой процента, но и «новаторские» принципы учета по рыночной стоимости и даже выплату держателям полисов дивидендов из нереализованной прибыли. В результате этого типичного для Кейнса попраения традиционных принципов компания чуть не обанкротилась в период Великой депрессии. Негативное влияние Кейнса на британский страховой сектор ощущается и по сей день; в какой-то степени оно распространилось и на рынок США. Возвращение к базовым традиционным принципам индустрии страхования жизни является необходимым условием любой серьезной реформы, основанной на приватизации государственной системы социального страхования. См.: Nicholas Davenport, 'Keynes in the City', in *Essays on John Maynard Keynes*, Milo Keynes (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, 1975, pp. 224—225.
- 25 См. об этом блестящую книгу Уильяма Хатта: William H. Hutt, *Politically Impossible...?*, Institute of Economic Affairs, London, 1971.

- 26 Можно упомянуть и о пятом этапе, на котором будет приватизирована и перейдет к частным благотворительным учреждениям даже помощь нуждающимся. По причинам, которые мы привели в прим. 21, такая стопроцентно частная система будет гораздо более этичной и эффективной, чем вмешательство государства, даже чрезвычайно ограниченное и чисто вспомогательное.
- 27 Эта реформа наиболее актуальна для Латинской Америки и большинства стран континентальной Европы. Применительно к странам, которые уже сильно продвинулись по пути реформ — таким как Швейцария, США, Чили и др., — можно говорить о переходе к четвертому и пятому этапам.
- 28 Я совершенно согласен с тем, что пишет Роджер Гаррисон: «Политически жизнеспособные реформы вполне могут быть связаны с перекосами, например с освобождением пенсионных сбережений от налогов. Такие перекосы достойны сожаления; тем не менее они могут быть неизбежным элементом успешной стратегии, стремящейся приблизить конец агрессивной и неэффективной программы государственного социального обеспечения» (см.: Roger Garrison, 'Misdirection of Labor and Capital under Social Security', *Cato Journal*, vol. 3, no. 2, Fall 1983, p. 529).
- 29 Вот краткий обзор этих двух моделей реформирования социального страхования в верном направлении. Обе модели могут служить ориентиром для тех стран Европы и Латинской Америки, которые будут проводить реформы в ближайшем или в более отдаленном будущем. Итог реформы системы социального страхования в Великобритании состоит в том, что благодаря ей значительная часть пенсионных выплат происходит помимо государственной системы. Политическая борьба за частные пенсионные институты началась в Великобритании в 1960 г. Изначально консерваторы были за приватизацию пенсионной системы, а лейбористы — против. Приходя к власти, каждая из партий приступала к осуществлению собственной программы реформирования системы социального страхования и вносила изменения в систему, созданную другой партией в предыдущем избирательном цикле. Так продолжалось до 1978 г., когда лейбористы и консерваторы пришли к консенсусу, плодом которого стала наиболее масштабная в истории приватизация пенсионной системы.

Сегодня в Великобритании существует два уровня пенсионного страхования. Первый (обязательный) уровень — это минимальная пенсия, которую получают после выхода на пенсию все работники, вне зависимости от их доходов и размера выплаченных взносов. На втором уровне пенсия рассчитывается исходя из дохода работника. Главная особенность британской системы связана с тем, что компании-работодатели имеют право заключать соглашения о выплате пенсий второго уровня с частными пенсионными институтами, а не только с государственной пенсионной системой. Они могут это делать при условии, что частные пенсионные планы компании обеспечивают как минимум тот же уровень выплат, что и государственная пенсионная система.

Для всех наемных работников, перешедших (с помощью компании-работодателя) на частный пенсионный план (для обеспечения пенсии второго уровня), размер обязательных пенсионных взносов был снижен на £227 в год в обмен на отказ от государственной пенсии в размере £40,63 ежегодно (все расчеты производились на основе средней заработной платы на апрель 1978 г.) В апреле 1983 г., т.е. *через пять лет, больше 45% наемных работников Великобритании перешли на частные пенсионные планы (напоминаем, это относится ко второму уровню)*. Но, вероятно, еще более существенно то, что к этому времени *обязательства государства по будущим выплатам пенсий второго уровня сократились вдвое*. Общее сокращение будущих пенсионных обязательств британского государства в результате перехода на систему частных пенсионных соглашений можно оценить в 30% — и это всего за пять лет. Это чрезвычайно позитивный итог; он подрывает аргументацию тех, кто выступает против системы, основанной на капитализации (или считает, что для ее введения понадобится несколько поколений), в силу якобы слишком высоких издержек перехода (см., например: Michael T. Boskin, 'Alternative Social Security Reform

Proposals', statement prepared for the National Commission of Social Security Reform, 20 August 1982).

Нужно подчеркнуть, что первоначально решение о выходе из государственной пенсионной системы принимали не наемные работники, а исключительно работодатели. Иными словами, соглашения о переходе на частные пенсионные планы для обеспечения пенсий второго уровня имели право заключать только работодатели. Тем не менее во многих случаях такие решения принимались в результате коллективных переговоров между работодателями и наемными работниками. Работодатель не мог перевести на частные пенсионные планы только часть работников, а остальных оставить в государственной пенсионной системе. Если он принимал решение об уходе в частный сектор, то должен был перевести на частные пенсионные планы всех сотрудников, в том числе и тех, которые получали от этого наибольшую выгоду (т.е. людей предпенсионного возраста), несмотря на то, что это дорого обходилось компании. Наконец, нужно отметить, что сокращение обязательств по уплате пенсионных взносов в государственную систему было одинаковым для всех наемных работников, вне зависимости от их возраста и уровня доходов.

Главные различия между британской и чилийской системой таковы. Прежде всего, в Чили решение о выходе из государственной пенсионной системы принимал сам человек, а не его работодатель. *С этой точки зрения чилийская система гораздо прогрессивнее британской.* Для тех работников, которые приняли решение о переходе в частный сектор, размер пенсионных взносов государству сокращался на 10%. Иными словами, те, кто остался в государственной системе, платили 27% зарплаты, а те, кто заключил договор с частным пенсионным фондом, платили 17%. Разница в 10% использовалась для финансирования частных пенсионных планов. Другая особенность чилийской системы состояла в том, что правительство выпустило ваучеры на сумму пенсионных взносов, внесенных работниками до начала реформирования государственной пенсионной системы. За счет этих ваучеров был увеличен размер частных пенсий. Реформа пенсионного обеспечения в Чили была чрезвычайно успешной; всего через год после ее начала больше половины работающих перешли в частные пенсионные фонды.

Нужно отметить, что обе модели включают существенное сокращение размера пенсионных взносов для тех работников, которые, непосредственно или через работодателя, приняли решение обеспечивать себе пенсию второго уровня с помощью частных систем. Однако, несмотря на это, взносы в государственную пенсионную систему все равно остаются очень высокими. Они необходимы для того, чтобы система могла выплачивать пенсии тем, кто сейчас находится в предпенсионном возрасте и не принял решения о переходе в частную пенсионную систему. Несмотря на то что реальное сокращение обязательных пенсионных взносов было гораздо меньше, чем следовало бы из актуарных расчетов, *большинство работников — и в Чили, и в Великобритании — добровольно согласились платить более высокие взносы в обмен на возможность передать значительную часть своих пенсионных накоплений в частные системы.* Иными словами, люди готовы платить за право выхода из государственной пенсионной системы. Это очень хорошо, потому что позволяет обеспечить более высокий уровень финансирования переходного периода и прежде всего гарантировать выплату пенсий тем, кто по возрасту не имел возможности перейти на новую систему.

- 30 См.: James Buchanan, 'Dismantling the Welfare State', Chapter 16 of *Liberty, Market and State; Political Economy in the 1980's*, Harvester Press, Great Britain, 1986, pp. 178—185. Я согласен с Бьюкененом, что успех программы реформирования системы социального страхования зависит, в частности, от того, насколько мы сумеем объяснить людям, что от перемен выиграют все (или по крайней мере, что при этом никто не пострадает), хотя я думаю, что предлагаемый мной механизм выхода из системы проще, чем его предложение, чтобы государство сразу выплатило людям все свои пенсионные обязательства перед ними, профинансировав эти выплаты за счет увеличения государственного долга (*ibidem*, p. 182). Кроме того, механизм выхо-

да из системы, как представляется, позволяет наилучшим образом выявить общественные предпочтения, и особенно то, что большинство людей согласны платить больше, если им разрешают переложить существенную часть своих пенсионных денег в частные системы, как это произошло в Великобритании и Чили, где большая часть населения продемонстрировала, что готова платить за право выхода из государственной пенсионной системы.

- 31 «Политические экономисты выполняют свое профессиональное предназначение тем, демонстрируя политикам, что существуют способы умерить расточительность государства социального страхования, *не отказываясь* от социальных обязательств государства. Такой подход к реформе не только соответствует общепринятым представлениям о справедливости; он еще и упрощает для политических лидеров задачу достижения консенсуса, без которого институциональные изменения невозможны» (James M. Buchanan, 'Dismantling the Welfare State', Chapter 16 of *Liberty, Market and State*, op. cit., p. 184).
- 32 Рассмотрим следующий пример, в котором использованы реальные данные (1 доллар США = 100 испанских песет).
Возьмем холостого банковского служащего второго разряда с трехлетним опытом работы и посмотрим, сколько он и его работодатель отчисляют в государственную пенсионную систему. Этот служащий стоит компании 1 080 060 песет (16 выплат по 41 231 песете плюс дополнительные выплаты на общую сумму 673 522 песеты). Кроме того, он платит 45 500 песет пенсионных взносов и с его зарплаты удерживается налог в размере 88 880 песет. В результате в год он получает брутто 807 952 песеты; разницу (272 108 песет) составляют взносы работодателя в государственную пенсионную систему.
Предположим теперь, что наш служащий будет работать до 65 лет (т.е. еще 45 лет), и все это время его взносы, инвестированные по накопительной ставке 10%, будут увеличиваться на 10% в год. Тогда в совокупности его взносы за весь этот период *составят 574,9 млн песет* (исходя из сложной процентной ставки 10%). Безусловно, если бы такие цифры стали известны наемным работникам, они обратились бы в горячих сторонников приватизации государственной пенсионной системы (пример взят из: Joaquín Trigo Portela and Carmen Vázquez Arango, *La Economía Irregular*, Barcelona, 1983, Servicio Central de Publicaciones de la Generalitat de Cataluña, pp. 181—190).
- 33 См. интересную статью: Stuart Butler and Peter Germanis, 'Achieving Social Security Reform: A «Leninist» Strategy', *Cato Journal*, vol. 3, no. 2, Fall 1983, pp. 547—556.
- 34 В этой связи я горячо рекомендую книгу: *Social Security: Prospects for Reform*, ed. by Peter J. Ferrara, Cato Institute, Washington, 1985.
- 35 И опять-таки первым заметившем это экономистом стал Людвиг фон Мизес. Он писал: «Между здоровьем и болезнью нет четкой границы. Феномен болезни отчасти зависит от сознательной воли человека и психических сил, действующих в его подсознании». Он приходит к следующему выводу: «Ослабляя или полностью уничтожая волю человека к работе, система социального страхования порождает болезни и неспособность к работе. Иначе говоря, этот институт поощряет болезни и значительно усиливает физические и психологические результаты несчастных случаев и болезней» (Ludwig von Mises, *Socialism; An Economic and Sociological Analysis*, op. cit., pp. 431—432 [см.: Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ. М.: Catallaxy, 1994]).
- 36 «В сфере, которая развивается настолько быстро, как современная медицина, в лучшем случае можно обеспечить всех услугами одинаково низкого «среднего» качества. Там, где имеется государственная система здравоохранения, мы обычно сталкиваемся с тем, что люди, чью трудоспособность можно было бы быстро восстановить, обречены на длительное ожидание из-за того, что все койки в больницах заняты теми, кто больше никогда не сможет принести пользу остальным» (F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty*, op. cit., pp. 299—300).

37 С помощью ваучерной системы или лучше даже с помощью смешанной системы (ваучеры плюс возможность перехода в частный сектор) можно было бы легко осуществить приватизацию системы медицинского страхования, не нанося никому ущерба и резко сократив ненужные и неэффективные траты. См. об этом: J. C. Goodman and G. L. Musgrave, *Patient Power; Solving America's Health Care Crisis*, Cato Institute, Washington, 1992; *Health Care in America; The Political Economy of Hospitals and Health Insurance*, Н.Е. Frech III (ed.), Pacific Research Institute for Public Policy, San Francisco, 1988; J. L. Bast, R. C. Rue and S. A. Wesburg, *Why We Spend Too Much on Health Care*, The Heartland Institute, Chicago, 1992; о положении в Великобритании см. все, что издает лаборатория здравоохранения и социального обеспечения Института экономических дел (Institute of Economic Affairs).

ГЛАВА 10

Критический анализ центральных банков и свободной банковской деятельности в условиях частичного резервирования с точки зрения австрийской экономической школы

- 1 Статья была первоначально опубликована в *Review of Austrian Economics*, vol. 8, no. 2 (1995), pp. 25—38. Я посвятил ее Джеймсу Бьюкенену в знак признательности за то, что он публично поддержал меня, когда я высказал основные сформулированные в ней идеи на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Рио-де-Жанейро в сентябре 1993 г. Я глубоко благодарен покойному профессору Мюррею Ротбарду, благодаря усилиям которого мой текст стал значительно более внятными.
- 2 F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, University of Chicago Press, Chicago, 1989, pp. 102—104 [см.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1988].
- 3 Vera C. Smith, *The Rationale of Central Banking and the Free Banking Alternative*, Liberty Press, Indianapolis, Indiana, 1990, Chapter 12, p. 169 [см.: Смит В. Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996].
- 4 Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, University of Chicago, Chicago, 1985, p. 168.
- 5 F. A. Hayek, *Denationalization of Money: The Argument Refined*, second edition, Institute of Economic Affairs, London, 1978, pp. 119—120 [см.: Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]. Хайек приходит к следующему выводу: «На мой взгляд, в скором времени обнаружится, что бизнес, который состоит в создании денег, плохо сочетается с контролем над крупными инвестиционными портфелями и с контролем над значительной частью промышленности». Однако боюсь, что Хайек обращает недостаточное внимание на то, что является ядром теории денег Мизеса: на то, что деньги свободного рынка — это всегда *товарные* деньги, что конкуренция разных видов денег мешает функционированию денег как средства обмена и что свободный рынок всегда стремится к использованию *единых и универсальных* товарных денег.
- 6 До Мизеса наиболее известным сторонником стопроцентного резервирования был Дэвид Юм, который в своем эссе «О деньгах» (1752) писал, что «самый лучший банк — это банк, который хранит все деньги, которые получает и никогда не увеличивает количество монеты в обращении, обращая часть доверенных ему ценностей на нужды коммерции». David Hume, *Essays: Moral Political and Literary*, Liberty Classics, Indianapolis, Indiana, 1985, pp. 284—285 [Юм Д. О деньгах // Юм. Бенгам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1895. С. 20—35].

- 7 О юридической трактовке этого традиционного принципа права см. титул 3 книги 16 Дигест Юстиниана, особенно параграфы 7 и 8, о банкротстве банкиров (*El Digesto de Justiniano*, vol. 1, 1968, pp. 606—717, esp. p. 112); см. также блестящую аргументацию испанского иезуита Луиса де Молины, с чьей точки зрения банкир, использующий частичное резервирование, «совершает грех тем, что ставит под угрозу свою способность исполнять договорные обязательства, даже если в итоге у него не возникает конфликта с правом и его спекуляции со средствами вкладчиков заканчиваются хорошо» (цит. по: *De Iustitia et Iure*, Maguntiae [1614], in Alejandro Chafuen, *Christians for Freedom: Late Scholastic Economics*, Ignatius Press, San Francisco, 1986, p. 146, notes 1—7). См. также блестящие выводы Паскуале Коппа-Дзуккари, сделанные им в фундаментальной работе «Иррегулярная поклажа» (*Pasquale Coppa-Zuccari, Il Deposito Irregolare*, Modena, 1901), на которую ссылается, в частности, Хоакин Гарригес в: Joaquín Garrigues, *Contratos Bancarios*, second edition, Madrid, 1975, p. 365. Все это относится и к так называемым финансовым сделкам с обязательством обратного выкупа в любой момент по номинальной стоимости (а не по колеблющейся цене рынка), поскольку фактически такие сделки являются попыткой с помощью манипулирования законом выдать обычные договоры вклада за нечто иное.
- 8 *Ibid.*, pp. 367—368.
- 9 О вероятности класса (объективной), которую можно застраховать, и о вероятности одиночного события, зависящего от человеческой деятельности, которую застраховать нельзя, см.: Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, third revised edition, Henry Regnery, Chicago, 1966, pp. 106—115 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке*. Челябинск: Социум, 2005]; см. также: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, Cálculo Económico y Función Empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992, pp. 46—48 [см.: *Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция*. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 10 Это был огромный соблазн; с учетом того, какую выгоду он сулил, сопротивляться ему было практически невозможно. Не надо забывать, что банковская система с частичным резервированием позволяет создавать кредит из ничего и требовать от заемщиков возврата кредитов реальными деньгами, да еще и с уплатой процента!
- 11 Sir James Steuart, *An Inquiry into the Principles of the Economy: Being an Essay on the Science of Domestic Policy in Free Nations*, A. Millar and T. Caddell in the Strand, London, 1767, vol. 2, p. 301.
- 12 David Hume, 'On Money', p. 284 [см.: *Юм Д. О деньгах // Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ)*. Вып. 5. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1895].
- 13 «Банк Амстердама уверяет, что он не одалживает ничего из денег, что хранят в нем вкладчики, и что на каждый гульден, выдаваемый им в кредит, у него в хранилищах приходится полновесный гульден (либо монетой, либо слитком)». — Adam Smith, *The Wealth of Nations*, W. Strahan and T. Caddell in the Strand, London, 1776, vol. 2, book 4, chapter 3, p. 72 [см.: *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007].
- 14 Любопытно, что банкиры всегда использовали свое влияние и власть (а они располагали огромной властью, поскольку огромное количество людей были либо их должниками, либо держателями акций их банков) для того, чтобы воспрепятствовать вкладчикам снимать деньги или отговорить их от этого, в тщетной надежде избежать кризиса. Например, сенатор от Пенсильвании Конди Роге пришел к выводу, что сопротивляться их давлению практически невозможно и что «независимый человек, т.е. не акционер и не должник, был бы подвергнут преследованию как враг общества, если бы отважился потребовать от банков выполнения обязательств» (письмо Роге Рикардо от 18 апреля 1821 г., опубликованное в: David Ricardo, *Minor Papers on the Currency Question 1805—1823*, Jacob Hollander (ed.), The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, 1932, pp. 199—201); цит. по: Murray N. Rothbard, *The Panic of 1819: Reactions and Policies*, Columbia University Press, New York, 1962, pp. 10—11).

- 15 Краткое изложение австрийской теории экономических циклов и список важнейших книг по этому вопросу можно найти в моей статье 'The Austrian Theory of Economic Cycles', впервые опубликованной в: *Moneda y Crédito*, no. 152, Madrid, March 1980, и перепечатанной в vol. 1, *Lecturas de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1986, pp. 241—256.
- 16 См. статью «Теория свободной банковской деятельности» («The Theory of Free Banking»), с которой она выступила на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Рио-де-Жанейро в сентябре 1993 г., особенно с. 5.
- 17 Mises, *Human Action*, pp. 648—688 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005].
- 18 Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, Liberty Press, Indianapolis, Indiana, 1980, p. 447 [см.: *Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита*. Челябинск: Социум, 2011].
- 19 Ludwig von Mises, 'Monetary Stabilization and Cyclical Policy', in *On the Manipulation of Money and Credit*, Free Market Books, Irvington-on-Hudson, New York, 1978, pp. 167—168 [см.: *Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита*. Челябинск: Социум, 2011].
- 20 Mises, *The Theory of Money and Credit*, p. 481 [см.: *Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита*. Челябинск: Социум, 2011].
- 21 F. A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, Augustus M. Kelley, New York, 1971, pp. 81—84.
- 22 F. A. Hayek, *Denationalization of Money*, pp. 119—120 [см.: *Хайек Ф. Частные деньги*. М.: Институт национальной модели экономики, 1996].
- 23 См. особенно следующие работы Ротбарда: Murray N. Rothbard, *The Case for a One Hundred Percent Gold Dollar*, second edition, Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 1991; *The Mystery of Banking*, Richardson & Synder, New York, 1983; 'The Myth of Free Banking in Scotland', *Review of Austrian Economics*, vol. 2, 1988, pp. 229—245 и 'Aurophobia: or, Free Banking on What Standard?', *Review of Austrian Economics*, vol. 6, no. 1, 1992, pp. 99—108.
- 24 Maurice Allais, 'Le Retour à l'État du privilège exclusif de la creation monétaire', в: *L'Impôt sur le capital et la réforme monétaire*, Hermann Editeurs, Paris, 1985, pp. 200—210; см. также последнюю статью Алле 'Les Conditions monétaires d'une économie de marchés: des enseignements du passé aux réformes de demain,' *Revue d'économie politique*, vol. 3, May/June 1993, pp. 319—367.
- 25 Начало этой традиции положила анонимная двадцатипятистраничная брошюра, которую распространяли в 1933 г. Генри Саймонс, Аарон Директор, Френк Найт, Генри Шульц, Пол Дуглас, Э. Харт и др. Далее последовали работы Саймонса, Харта и Фишера: Henry C. Simons, 'Rules Versus Authorities in Monetary Policy', *Journal of Political Economy*, vol. XLIV, no. 1, February 1936, pp. 1—30; Albert G. Hart, 'The "Chicago Plan" of Banking Reform', *Review of Economic Studies*, vol. 2, 1935, pp. 104—116; Irving Fisher, *100 Percent Money*, Aldelphi, New York, 1936. Наивысшей точки эта традиция достигла в 1959 г., после выхода книги Фрийдмана «Программа денежной стабильности» (Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability*, Fordham University Press, New York, 1960).
- 26 Mises, *Human Action*, p. 443 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005]. Если в двух словах, то Мизес считал, что нужно заменить нынешние хитросплетения законодательства о банковской деятельности простыми и ясными статьями в торговом и уголовном кодексах.
- 27 См., например: Lawrence H. White, *Free Banking in Britain: Theory, Experience and Debate, 1800—1845*, Cambridge University Press, Cambridge, 1984, и *Competition and Currency: Essays on Free Banking and Money*, New York University Press, New York, 1989; George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, Rowman and Littlefield, Totowa, New Jersey, 1988, и *The Experience of Free Banking*, George A. Selgin and Kevin Dowd (eds), Routledge, London, 1992; Kevin

- Dowd, *The State and the Monetary System*, St Martin's Press, New York, 1989, и *Laissez Faire Banking*, Routledge, London, 1993.
- 28 Цит. по: Mises in *Human Action*, p. 446 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 29 Исключительно в этом смысле (косвенного приближения к идеалу) следует понимать позицию Чернуски, о которой упоминает Мизес в «Человеческой деятельности» (*Human Action*, p. 446 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]). В 1865 г. Чернуски сказал: «Я считаю, что то, что называется свободной банковской деятельностью, в результате приведет к полному исчезновению банков во Франции».
- 30 Теоретический анализ практических проблем, связанных с переходом от нынешней денежной и банковской системы к системе, где, наконец-то, создание денег и банковский бизнес будут полностью отделены от государства, дан в книге: Murray N. Rothbard, *Mystery of Banking*, pp. 249—269.

ГЛАВА 11

Критическая заметка по поводу свободной банковской деятельности, основанной на частичном резервировании

- 1 Впервые опубликовано в: *Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 1, no. 4, Winter 1998, pp. 25—49. Я написал эту статью по следам дискуссии, возникшей в США после опубликования моей статьи «Критический анализ центральных банков и свободной банковской деятельности с частичным резервированием с точки зрения австрийской экономической теории» ('A Critical Analysis of Central Banks and Fractional-Reserve Free Banking from the Austrian Perspective', *Review of Austrian Economics*, vol. 8, no. 2, 1995, pp. 25—38). Эта работа, в которой я подверг критике современных приверженцев свободной банковской деятельности с частичным резервированием, вызвала резкую реакцию Селджина и Уайта (George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defence of Fiduciary Media — or, We Are Not Devolutionists, We Are Misesians!', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, 1996, pp. 83—107). Еще до того как я собрался ответить им, в защиту моей позиции выступили Хоппе, Хьюльсманн и Блок (Hans-Hermann Hoppe, Jörg Guido Hülsmann and Walter Block, 'Against Fiduciary Media', *Review of Austrian Economics*, vol. 10, no. 2, 1997, pp. 125—163). Я опубликовал данную «критическую заметку», чтобы подвести черту под этой дискуссией и, в особенности, чтобы показать, что даже в тех условиях, которые Селджин и Уайт рассматривают как максимально благоприятные, свободная банковская деятельность с частичным резервированием все равно может породить экономические циклы.
- 2 Мы считаем, что разделение на четыре школы (когда внутри банковской школы и денежной школы выделяют школу сторонников свободной банковской деятельности и школу сторонников центрального банка), которое предложила в своей книге Вера Смит, лучше и более четко описывает ситуацию, чем предложенное Анной Шварц разделение на три школы. См.: Vera C. Smith *The Rationale of Central Banking and the Free Banking Alternative*, Liberty Press, Indianapolis, 1990, pp. 144—145 [см.: Смит В. Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]; Anna J. Schwartz, 'Banking School, Currency School, Free Banking School', *The New Palgrave: A Dictionary of Money and Finance*, vol. I, Macmillan Press, London and New York, 1992, pp. 148—152. С учетом того, что, согласно Вере Смит, большинство теоретиков банковской школы выступало за полную свободу банковской деятельности (за исключением Тука, Бонами Прайса, Кэрнса и Коллета), современную школу свободной банковской деятельности вполне можно назвать необанковской школой.

- 3 Как справедливо отмечает Дэвид Лейдлер, нынешняя волна интереса к свободной банковской деятельности и постепенное формирование школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием начались с выхода книги Хайека о денационализации денег (Friedrich A. Hayek, *Denationalization of Money: The Argument Refined, An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies*, Institute of Economic Affairs, London, 1978 [см.: Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]). До Хайека похожие мысли высказывал Бенджамин Клейн, см.: Benjamin Klein, 'The Competitive Supply of Money', *Journal of Money, Credit and Banking*, no. 6, November 1974, pp. 423—453. См.: David Laidler, 'Free Banking Theory', *The New Palgrave: A Dictionary of Money and Finance*, Macmillan Press, London and New York, 1992, vol. II, pp. 196—197.
- 4 Lawrence H. White, *Free Banking in Britain: Theory, Experience and Debate, 1800—1845*, Cambridge University Press, New York and London, 1984, second edition, Institute of Economic Affairs, London, 1995; *Competition and Currency: Essays on Free Banking and Money*, New York University Press, New York, 1989; см. также статьи, написанные Уайтом совместно с Селджином: 'How Would the Invisible Hand Handle Money?', *Journal of Economic Literature*, vol. XXXII, no. 4, December 1994, pp. 1718—1749; 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, 1996, pp. 83—107. Уайт собрал наиболее значительные тексты необанковской школы в трехтомнике *Free Banking: Volume I, 19th Century Thought; Volume II, History; Volume III, Modern Theory and Policy*, Edward Elgar, Aldershot, England, 1993.
- 5 George A. Selgin, 'The Stability and Efficiency of Money Supply under Free Banking', *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, no. 143, 1987, pp. 435—456, переиздано в: *Free Banking: Volume III, Modern Theory and Policy*, Lawrence H. White (ed.), op. cit., pp. 45—76; *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, Rowman & Littlefield, Totowa, New Jersey, 1988; см. также его совместные с Уайтом статьи 'How Would the Invisible Hand Handle Money?', op. cit.; 'Free Banking and Monetary Control', *Economic Journal*, vol. 104, no. 427, November 1994, pp. 1,449—1,459; 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit.
- 6 Steven Horwitz, 'Keynes' Special Theory', *Critical Review: A Journal of Books and Ideas*, Summer-Autumn 1989, vol. III, nos. 3—4, pp. 411—434; 'Misreading the Myth: Rothbard on the Theory and History of Free Banking', in *The Market Process: Essays in Contemporary Austrian Economics*, Peter J. Boettke and David L. Prychitko (eds), Edward Elgar, Aldershot, England, 1994, pp. 166—176; см. также книгу Хорвица *Monetary Evolution, Free Banking and Economic Order*, Westview Press, Oxford, 1992.
- 7 Kevin Dowd, *The State and Monetary System*, St Martin's Press, New York, 1989; *The Experience of Free Banking*, Routledge, London, 1992; *Laissez-Faire Banking*, Routledge, London and New York, 1993.
- 8 David Glasner, *Free Banking and Monetary Reform*, Cambridge University Press, Cambridge, 1989; 'The Real-Bills Doctrine in the Light of the Law of Reflux', *History of Political Economy*, vol. 24, no. 4, Winter 1992, pp. 867—894.
- 9 Leland B. Yeager and Robert Greenfield, 'A Laissez-Faire Approach to Monetary Stability', *Journal of Money, Credit and Banking*, no. XV (3), August 1983, pp. 302—315, in *Free Banking*, Lawrence H. White (ed.), op. cit., vol. III, pp. 180—195; Leland B. Yeager and Robert Greenfield, 'Competitive Payment Systems: Comment', *American Economic Review*, no. 76 (4), September 1986, pp. 848—849.
- 10 Richard Timberlake, 'The Central Banking Role of Clearinghouse Associations', *Journal of Money, Credit and Banking*, no. 16, February 1984, pp. 1—15; 'Private Production of Scrip-Money in the Isolated Community', *Journal of Money, Credit and Banking*, no. 4, October 1987 (19), pp. 437—447; 'The Government's License to Create Money', *Cato Journal: An Interdisciplinary Journal of Public Policy Analysis*, vol. IX, no. 2, Autumn 1989, pp. 302—321.

- 11 Milton Friedman and Anna J. Schwartz, 'Has Government Any Role in Money?', *Journal of Monetary Economics*, no. 17, 1986, pp. 37—72, in *The Essence of Friedman*, Kurt R. Leube (ed.), Hoover Institution Press, Stanford University, California, 1986, pp. 499—525.
- 12 Джордж Селджин причисляет к сторонникам аналитической концепции денежного равновесия в частности, таких европейских экономических теоретиков, как Готтфрид Хаберлер (1931), Фриц Махлуп (1940) и (с оговорками) Ф. А. Хайек (1935). Относительно Кейнса Селджин делает следующий вывод: «Несмотря... на значительные различия между кейнсианством и взглядами иных теоретиков денежного равновесия, с предложенным нами рецептом денежного равновесия могут согласиться многие кейнсианцы» (см.: Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., pp. 56 and 59).
- 13 George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 34. Подобный анализ этой теории можно найти в главах IV, V и VI, особенно см. с. 64—79.
- 14 На самом деле эти взгляды уже высказывались британскими противниками буллионизма в XVIII в. См.: 'The Early Bullionist Controversy', 'The Bullion Report and the Return to Gold' и 'The Struggle over the Currency School', Chapters 5, 6 and 7 of Murray N. Rothbard, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. II, Edward Elgar, Aldershot, England, 1995, pp. 159—274; см. также: F. A. Hayek, 'English Monetary Policy and the Bullion Debate', Part III, Chapters 9—14 of *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, W.W. Bartley III and Stephen Kresge (eds), *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. III, Routledge, London, 1991, pp. 127—344.
- 15 Стивен Хорвиц пишет об Уайте: «[Он] прямо отказывается от доктрины реальных векселей и по-иному формулирует идею „потребностей торговли“. Для него „потребности торговли“ означают спрос на банкноты. В этой интерпретации суть доктрины состоит в том, что предложение банкнот должно колебаться в зависимости от спроса на них. Как я продемонстрирую, эта точка зрения столь же правомерна, как и предположение о том, что предложение обуви должно меняться, чтобы удовлетворить спрос на нее» (Stephen Horwitz, 'Misreading the Myth: Rothbard on the Theory and History of Free Banking', op. cit., p. 169).
- 16 «Таким образом, свободная банковская деятельность препятствует возникновению краткосрочного денежного неравновесия и его циклическим последствиям» (George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., pp. 101—102).
- 17 Любопытно, что современные теоретики школы свободной банковской деятельности, так же как и кейнсианцы с монетаристами, просто одержимы краткосрочными односторонними изменениями спроса на деньги. Однако исторически такие изменения возникали в ходе экономических циклов (на последних стадиях бума и во время кризиса) почти исключительно в результате *предшествовавших* им изменений денежного предложения за счет создания банковской системой новых денег. Кроме этого, внезапное увеличение спроса на деньги возникает только в моменты бедствий (войн и других природных и рукотворных катастроф). Сезонные колебания спроса на деньги не имеют большого значения; свободная банковская система со 100%-ным резервированием может легко приспособиться к ним за счет сезонных изменений цен и перетоков золота. Кроме того, согласно Мизесу, рост спроса на деньги не порождает проблем с координацией даже тогда, когда банки не стремятся адаптироваться к возникшей ситуации с помощью расширения кредита. Таким образом, даже если рост сбережений (иными словами, снижение потребления) будет выражаться исключительно в увеличении остатков наличности (т.е. hoards — запасов, сокровищ), а не в прямых кредитах в виде расходования капитальных благ, произойдет эффективная экономия на благах и услугах данного сообщества, в результате чего производственные процессы удлинятся и станут более капиталоемкими. При таких обстоятельствах увеличение остатков наличности просто приведет к росту покупательной способности денег и, следовательно, к снижению номинальных цен на по-

- требительские блага и услуги различных факторов производства; при этом будет возникать относительный диспаритет цен, типичный для ситуации роста сбережений и повышения капиталоемкости структуры производства. См.: Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Henry Regnery, Chicago 1966, pp. 520—523 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005]; см. также комментарии Салерно в: Joseph T. Salerno, 'Mises and Hayek De-Homogenized', *Review of Austrian Economics*, vol. VI, no. 2, 1993, esp. pp. 144ff.
- 18 Хайек писал, что для того, чтобы быть нейтральным, «денежное предложение должно быть неизменным». — F. A. Hayek, *Prices and Production*, Routledge, London, 1935, and Augustus M. Kelley, New York, 1967, p. 108 [см.: Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007]. Не следует забывать, что целью Хайека в этой работе было «продемонстрировать, что идея „эластично“ валюты, способной расширяться или сокращаться в зависимости от колебаний „спроса“, основана на грубой логической ошибке» (см. p. xiii предисловия к первому изданию *Prices and Production*, Routledge, London, 1931).
- 19 Марк Скоузен отмечает, что полностью свободная банковская система в сочетании с чистым золотым стандартом более эластична, чем то, что предлагает Хайек, и вполне способна откликаться на «потребности бизнеса»: дефляция цен может стимулировать открытие новых месторождений золота и в итоге должна приводить к расширению предложения золотых денег, не порождая циклического чередования бумов и крахов. Он делает следующий вывод: «Как свидетельствует исторический опыт, денежное предложение (запас золота) при чистом золотом стандарте может увеличиваться на 1—5%. И, что самое существенное, при 100%-ной обеспеченности денежных знаков (currency) золотом денежная дефляция практически невозможна» (Mark Skousen, *The Structure of Production*, New York University Press, New York and London, 1990, p. 359).
- 20 «Поддержка Мизесом свободной банковской деятельности отчасти основана на том, что он согласен с Чернуски, который, как и Модесте, полагал, что свобода выпуска банковских расписок автоматически приводит к банковской системе со 100%-ным резервированием». См.: George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 62; см. также с. 164, где Селджин пишет, что Мизес «полагал, что свободная банковская деятельность тем или иным образом приведет к исчезновению внутренних денег, основанных на частичном резервировании». Другую интерпретацию позиции Мизеса дает Уайт, см.: Lawrence H. White, 'Mises on Free Banking and Fractional Reserves', *A Man of Principle: Essays in Honor of Hans F. Sennholz*, John W. Robbins and Mark Spangler (eds), Grove City College Press, Grove City, Pennsylvania 1992, pp. 517—533. Салерно критикует Уайта за то, что, считая Мизеса предшественником современной школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием, тот не понимает, что Мизес постоянно критиковал ключевые идеи банковской школы, и высказывался в поддержку свободной банковской деятельности лишь потому, что рассматривал ее как непрямой способ достичь конечной цели, т.е. банковской системы со стопроцентным резервированием. Салерно приходит к следующему выводу: «Мизес выступал за право банков свободно создавать фидуциарные средства только потому, что его теоретические штудии привели его к выводу, что это приведет к жесткому регулированию предложения денег в соответствии с принципом денежной школы [законом Пиля 1844 г.]. Мизес желал полностью устранить деструктивное воздействие фидуциарных средств на денежные расчеты и динамический рыночный процесс» (Joseph T. Salerno, 'Mises and Hayek De-Homogenized', *Review of Austrian Economics*, op. cit., p. 137ff. and p. 146).
- 21 Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 442 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005] (курсив мой). Чуть ниже Мизес добавляет, что «свободная банковская деятельность... не сможет помешать медленному расширению кредита» (ibid., p. 443). На мой взгляд, в «Человеческой деятельности» Мизес

чересчур оптимистично оценивал роль свободной банковской деятельности в деле ограничения кредитной экспансии. В то же время во втором немецком издании книги «Теория денег и кредита» (1924) он писал: «Понятно, что сама по себе свобода банковской деятельности не обеспечивает невозможности возврата к инфляционистской политике» (Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, Liberty Fund, Indianapolis, 1981, p. 436. (Ludwig von Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*, Verlag von Duncker & Humblot, Munich and Leipzig, 1924, p. 408) [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011]).

- 22 «Банковская школа потерпела полный провал в трактовке этих проблем. Ее представители были введены в заблуждение ложной идеей, согласно которой потребности торговли жестко ограничивают максимальное количество конвертируемых банкнот, которое банк имеет возможность выпустить в обращение. Они не понимали, что спрос людей на кредиты является величиной, зависящей от готовности банка выдавать займы, и что банк, не заботящийся о своей платежеспособности, снизив ставку процента ниже рыночного уровня, может расширить фидуциарный кредит... Понижение ставки процента равносильно увеличению величины того, что ошибочно считается справедливыми и нормальными потребностями торговли» (Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., pp. 439—440 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]).
- 23 Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., pp. 427—428 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 24 См.: Jörg Guido Hülsmann, 'Free Banking and Free Bankers', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 1, 1996, esp. pp. 40—41.
- 25 См.: David Laidler, 'Free Banking Theory', *The New Palgrave Dictionary of Money and Finance*, op. cit., vol. II, pp. 197.
- 26 George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 82.
- 27 См., например: Anna J. Schwartz, 'The Theory of Free Banking', рукопись, представленная на региональной конференции общества Мон-Пелерен в 1993 г., с. 3.
- 28 См.: Mark Skousen, *The Structure of Production*, op. cit., Chapter 8, pp. 269 and 359.
- 29 Не следует забывать и о возможности более масштабной кредитной экспансии в результате резкого роста предложения денежного товара, хотя Селджин и склонен преуменьшать значение этого фактора. См.: George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., pp. 129—133.
- 30 Не следует забывать (см. прим. 21) что, с точки зрения Мизеса, «очевидно, что свобода банковской деятельности сама по себе не означает невозможности возврата к инфляционистской политике», особенно если среди экономистов господствует проинфляционная идеология: «Многие ученые считают, что у действий банков есть внешние причины, что те или иные конкретные события поощряют их закачивать в обращение фидуциарные средства и что в отсутствие таких обстоятельств банки вели бы себя по-другому. В первом издании моей книги о теории денег я тоже склонялся к этой точке зрения. Я не понимал, почему исторический опыт не учит банкиров ничему. Я думал, что они вели бы себя разумно и осторожно, если бы внешние обстоятельства не подталкивали их к отказу от осторожности... Но позже я убедился, что бесполезно объяснять поведение банков внешними стимулами... Легко понять, что создающие фидуциарные средства банки готовы пойти на расширение объемов кредитования и увеличение выпуска расписок ради того, чтобы повысить свои шансы на получение прибыли. Требуется объяснения то, почему попытки улучшить экономический климат за счет расширения кредита предпринимаются снова и снова, несмотря на то, что многочисленные предшествовавшие попытки всегда оканчивались неудачей. Ответ должен звучать следующим образом: согласно господствующей среди деловых людей и политэкономов идеологии главной целью экономической политики является снижение процентной ставки. Кредитная экспансия считается подходящим средством для достижения этой цели» (Ludwig von Mises, *On the Manipulation*

- of *Money and Credit*, Percy L. Greaves, Jr (ed.), Free Market Books, New York, 1978, pp. 135—136 [см.: *Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011*].
- 31 «Кризисы стали возникать регулярно, раз в несколько лет, с тех пор как банки начали играть важную роль в экономической жизни людей». — Ludwig von Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, Percy L. Greaves, Jr (ed.), op. cit., p. 134 [см.: *Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011*].
- 32 Ф. А. Хайек, *The Pure Theory of Capital*, Routledge & Kegan Paul, London, 1941 and 1976, p. 378.
- 33 Ф. А. Хайек, *The Pure Theory of Capital*, op. cit., p. 394. Этот крайний случай роста сбережений, при котором все они имеют вид новых накоплений банковских денег, используют для иллюстрации своей теории Селджин и Уайт. См.: George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., pp. 104—105.
- 34 Эта гипотеза абсолютно правомерна. Это признают и Селджин с Уайтом, когда пишут, что «рост сбережений не является ни необходимым, ни достаточным условием для роста объема фидуциарных средств обращения» (George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., p. 104).
- 35 См.: Ф. А. Хайек, *Prices and Production*, op. cit., Lecture II, pp. 32—72 [см.: *Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007*]; см. также: Mark Skousen, *The Structure of Production*, op. cit., Chapters 5—7, pp. 133—214.
- 36 Селджин и Уайт неявно признают это, когда пишут, что «выгоду получают те должники банка, которые используют расширенное предложение промежуточного кредита, а также все те, кто работает с увеличившимися вследствие этого запасами капитального оборудования» (George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., p. 94).
- 37 «Мы не согласны с тем, что рост объема фидуциарных средств, если ему в точности соответствует повышение спроса на фидуциарные средства, нарушает денежное равновесие и запускает австрийский деловой цикл» (George A. Selgin and Lawrence H. White, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., p. 102—103).
- 38 John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Macmillan, London, 1936, p. 83 [см.: *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо: 2007*].
- 39 George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 54.
- 40 George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Free Note Issue*, op. cit., pp. 54—55. Это высказывание Селджина напоминает о склонности Кейнса смешивать сбережения с инвестициями. По мнению Бенджамина Андерсона, это все равно, что отождествлять инфляцию со сбережениями: «Следует резко возразить против опасного отождествления банковской экспансии и сбережений, которое является частью доктрины Кейнса. Эта доктрина особенно опасна сегодня, когда мы сталкиваемся с тем, что нынешний рост количества денег и банковских депозитов, порожденный финансированием войны, описывается как „сбережения“ лишь на том основании, что у этих средств имеются конкретные держатели. Согласно этой доктрине чем выше инфляция, тем больше сбережения!» (Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare: A Financial and Economic History of the United States, 1914—1946*, Liberty Press, Indianapolis, 1979, pp. 391—392 (first edition, Van Nostrand, 1949)). Сам Селджин пишет, что те кейнсианцы, которые не считают практическую вероятность возникновения ловушки ликвидности высокой, скорее всего, не станут возражать против этого [т.е. против его концепции денежного равновесия. — *У. де С.*]» (Ibidem, p. 59).
- 41 George A. Selgin, 'The Stability and Efficiency of Money Supply under Free Banking', op. cit., p. 440.

- 42 Как можно считать, что банкноты и банковские депозиты, которые суть деньги, представляют собой финансовыми активами, и поэтому для держателя, в свою очередь, являются поставкой настоящих денег третьей стороне в обмен на будущие деньги? Представление о банковских деньгах как о финансовом активе ясно показывает, что дублицированные средства платежа создаются из ничего, поскольку к деньгам, которые ссужаются третьей стороне (которая становится их держателем и использует их), добавляется еще финансовый актив, которым является эта ссуда, — он *тоже* считается деньгами.
- 43 Gerald P. O'Driscoll, 'Money: Menger's Evolutionary Theory', *History of Political Economy*, no. 18, 4, 1986, pp. 601—716.
- 44 George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 184, no. 20. По Селджину, область А наших треугольников будет соответствовать «трансферу кредита», потому что это «кредит, предоставленный банками в ответ на желание людей воздержаться от потребления ради остатков внутренних денег» (ibidem, p. 60), тогда как с моей (и Махлупа) точки зрения, как минимум область В соответствует «созданию кредита», так как субъекты экономики не ограничили свое потребление на объем, соответствующий области С.
- 45 См.: Kevin Dowd (ed.), *The Experience of Free Banking*, op. cit., pp. 39—46.
- 46 Kurt Schuler and Lawrence H. White, 'Free Banking History', *The New Palgrave Dictionary of Money and Finance*, op. cit., vol. II, p. 198.
- 47 См.: Jesús Huerta de Soto, 'New Light on the Prehistory of the Theory of Banking and the School of Salamanca', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, 1996, pp. 62—73; см. также: Carlo M. Cipolla, *Il Governo de la Moneta: La Moneta a Firenze nel Cinquecento*, Società editrice Il Mulino, Bologna, 1990.
- 48 Sidney J. Checkland, *Scottish Banking: A History, 1695—1973*, Collins, Glasgow, 1973.
- 49 Например, когда Джордж Селджин описывает период существования свободной банковской системы с частичным резервированием в Чили (с 1866 по 1874 г.), он отмечает, что это была «эпоха поразительного роста и прогресса, свободная от денежных кризисов». Он добавляет, что в это время «в Чили появились железные дороги и телеграф, был реконструирован порт Вальпараисо, а налоговые поступления увеличились на четверть». С точки зрения австрийской теории экономических циклов все это свидетельствует о том, что эти восемь лет были периодом бурной кредитной экспансии, на что указал Мюррей Ротбард, см.: Murray N. Rothbard, 'The Other Side of the Coin: Free Banking in Chile', *Austrian Economics Newsletter*, Winter 1989, pp. 1—4. Однако Селгин полагает, что последовавший за периодом бума глубокий банковский кризис был вызван не свободной банковской системой с частичным резервированием, а тем, что правительство поддерживало искусственный паритет золота и серебра, и недооцененность золота привела к оттоку из страны золотых резервов. См.: George A. Selgin, 'Short-Changed in Chile: The Truth about the Free Banking Episode', *Austrian Economics Newsletter*, Spring-Summer 1990, pp. 5 and 6 and note 3 of p. 7.
- 50 George A. Selgin, 'Are Banking Crises a Free-Market Phenomenon?', доклад на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Рио-де-Жанейро (1993), Table 1(b), p. 27.
- 51 Murray N. Rothbard, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, op. cit., vol. II, p. 491. В другом месте Мюррей Ротбард отмечал, что меньшее (в относительных цифрах) по сравнению с Англией количество банковских банкротств в существовавшей в Шотландии так называемой свободной банковской системе с частичным резервированием не означает, что шотландская система была *лучше*. В нынешних системах, основанных на институте центрального банка, банкротств банков практически не бывает, но это не означает, что они лучше свободной банковской системы, подчиняющейся общим принципам права; наоборот. Банкротства банков не только не свидетельствуют о том, что система работает плохо, но и могут быть признаком здорового социального процесса экономической реакции, который возникает на рынке в ответ на агрессию, проявляющуюся в виде банков-

- ской привилегии на частичное резервирование. Поэтому если в свободной банковской системе с частичным резервированием не происходит регулярно банковских банкротств и приостановок платежей, т.е. основания подозревать, что имеются некие институциональные причины, защищающие банки от обычных последствий использования принципа частичного резервирования и выполняющие в этой системе роль своего рода центрального банка. Иными словами, на самом деле рассматриваемая банковская система не была по-настоящему свободной и ее предполагаемая большая стабильность не может рассматриваться в качестве аргумента в пользу теории денежного равновесия в условиях свободной банковской деятельности. См.: Murray N. Rothbard, 'The Myth of Free Banking in Scotland', *Review of Austrian Economics*, vol. II, Lexington Books, 1988, pp. 229—245. В пользу точки зрения Ротбарда свидетельствуют и данные Раймона Богара, который пишет, что из 163 венецианских банков, возникших в начале Нового времени, согласно документальным подтверждениям, по крайней мере 93 разорились. См.: Raymond Bogaert, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, A. W. Sijthoff, Leyden, Holland, 1968, footnote 513 on p. 392.
- 52 George A. Selgin, 'Are Banking Crises a Free-Market Phenomenon?', *op. cit.*, p. 2.
- 53 Kevin Dowd (ed.), *The Experience of Free Banking*, *op. cit.*, pp. 40—45 and 46. Следует признать, что в большинстве случаев мы имеем дело с сочетанием всех упомянутых факторов. Например, так было в Чили, где недобросовестные банкиры вошли в спор с политиками, а политики использовали эту систему в фискальных целях. См.: George A. Selgin, 'Short-Changed in Chile: The Truth about the Free-Banking Episode', *op. cit.*, pp. 5—7.
- 54 На междисциплинарный характер критического анализа свободной банковской системы с частичным резервированием и соответственно на важность юридических, а не только экономических, соображений, обратил внимание также Уолтер Блок; см.: Walter Block, 'Fractional Reserve Banking: An Interdisciplinary Perspective', Chapter III, *Man, Economy and Liberty: Essays in Honour of Murray N. Rothbard*, Walter Block and Llewellyn H. Rockwell (eds), The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, Alabama 1988, pp. 24—32. Уолтер Блок указывает также на одну любопытную особенность. Дело в том, что ни один из современных теоретиков школы свободной банковской деятельности не занимался систематической критикой банковской системы, основанной на 100%-ном резервировании. На самом деле, если не считать нескольких замечаний Хорвица, теоретики школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием пока не пытались доказать, что банковская система со 100%-ным резервированием неспособна обеспечить «денежное равновесие», свободное от экономических циклов. См.: Stephen Horwitz, 'Keynes' Special Theory', *Critical Review*, vol. III, nos. 3—4, Summer-Autumn 1989, footnote 18 on pp. 431—432. На возможные возражения против свободной банковской системы со 100%-ным резервированием подробно ответил Хюльсманн, см.: Jörg Guido Hülsmann, 'Free Banking and Free Bankers', *Review of Austrian Economics*, *op. cit.*, pp. 10—17.
- 55 Juan Iglesias, *Derecho Romano: Instituciones de Derecho Privado*, Ediciones Ariel, Barcelona, 1972.
- 56 Сам факт наличия дискуссии вокруг свободной банковской деятельности с частичным резервированием уже свидетельствует о том, что правовые основания этого института несколько сомнительны.
- 57 Решения, релевантные с этой точки зрения, еще в прошлом веке несколько раз принимали суды континентальной Европы. См. ссылки в: Jesús Huerta de Soto, 'A Critical Analysis of Central Banks and Fractional-Reserve Free Banking from the Austrian Perspective', *Review of Austrian Economics*, vol. 8, no. 2, 1995, pp. 29—32 [см. наст. изд., гл. 10].
- 58 На мой взгляд, противозаконное (преступное) происхождение банковского дела с частичным резервированием не подлежит сомнению. О том, что свободная банковская деятельность с частичным резервированием позволяет на пустом месте удваивать денежные средства, используемые в экономике, см.: Hans-Hermann Hoppe,

- 'How Is Fiat Money Possible? — or, The Devolution of Money and Credit', *Review of Austrian Economics*, vol. VII, no. 2, 1994, p. 67.
- 59 Субъективистская позиция австрийской экономической теории полностью совпадает с юридической точкой зрения, которая учитывает прежде всего различные причины, или цели, сторон, когда отделяет один тип договора от другого. Селджин игнорирует этот типично австрийский субъективистский подход, когда критикует Мизеса за проведение различия между *срочными* обязательствами и вкладами до востребования. По мнению Селджина, «Мизес путает различие в степени [срок исполнения «ссуд до востребования» просто не определен, полагает Селджин. — У. де С.] с различием по сути». Однако Мизес абсолютно прав, потому что с *субъективной* точки зрения клиентов банка речь идет о чрезвычайно важном различии *по сути* дела: вклады до востребования рассматриваются как полные заместители денег, а срочные обязательства представляют собой истинные займы, предусматривающие утрату денег клиентами до момента их погашения. См.: George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*, op. cit., p. 62.
- 60 Великий испанский юрист Фелипе Клементе де Диего называл этот тип договора *уродцем* и *юридическим выкидышем* за то, что цели сторон такого договора по самой своей сути противоречат друг другу. См.: *La cuenta corriente de efectos de un sector de la banca catalana*, Madrid, 1936, pp. 370—371.
- 61 Как правило, банкиры при заключении договоров, проведении операций и оформлении сделок никогда не объясняют, в чем состоит точный смысл договора, какие обязательства по хранению они приобретают и дает ли им вкладчик разрешение на инвестирование размещенных им в банке средств. Обычно все это формулируется настолько запутанно и туманно, что мы рискуем утверждать, что реальное согласие клиентов с условиями договора отсутствует.
- 62 То, что в некоторых случаях вкладчики получают процент, никоим образом не меняет основной цели вклада до востребования (ответственное хранение денег). Никто не откажется от денег, упавших с неба, и *простодушный* вкладчик, которому предлагают процент, немедленно примет это предложение, если доверяет своему банкиру. То, что он получает противоестественный (*contra naturam*) процент, не меняет сути договора (доступа к наличным в любой произвольно взятый момент) и не превращает вклад до востребования в заем. Это свидетельствует лишь о том, что банкир неправомерно распоряжается доверенными ему деньгами. Процент по вкладу до востребования — это противоестественная выгода, сильно напоминающая те противоестественные выгоды, которыми соблазняют своих жертв мошенники (люди часто становятся жертвами мошенничества из-за собственного желания получить что-то, на что они не имеют права).
- 63 Небрежное вождение лишь изредка приводит к дорожно-транспортным происшествиям и нанесению ущерба третьим лицам, однако оно всегда считается правонарушением, так как представляет собой угрозу для общественного порядка.
- 64 Для сравнения, договор между мафиози и наемным убийцей тоже может быть 1) совершенно добровольным и 2) основываться на полном понимании сторонами правовой природы их соглашения. Тем не менее даже в абсолютном свободном либертарианском обществе этот договор будет ничтожным, так как он наносит ущерб третьему лицу (потенциальной жертве киллера).
- 65 Hans-Hermann Hoppe, 'How Is Fiat Money Possible? — or, The Devolution of Money and Credit', *Review of Austrian Economics*, op. cit., pp. 70—71.
- 66 Мы не согласны с тем, что пишут об этом Уайт и Селджин. См.: White and Selgin, 'In Defense of Fiduciary Media — or, We are *Not* Devo(lutionists), We are Misesians!', op. cit., pp. 92—93.
- 67 «Наказываются тюремным заключением на срок от двенадцати лет и одного дня до двадцати лет и лишением гражданских прав на срок отбывания наказания: 1) Фальшивомонетчики» (ст. 283 Уголовного кодекса Испании). Нужно отметить, что ущерб для общества как от подделки денег, так и от кредитной экспансии очень сильно распылен, и в силу этого трудно ожидать, что кого-то будут преследовать по этой ста-

те на основании требований пострадавшей стороны о возмещении ущерба. Поэтому в Кодексе состав преступления описан как род занятий (подделка денег), а не с точки зрения конкретного ущерба, к которому он приводит. Таким же образом следует поступить, если будет принято решение о введении уголовного наказания для банков за создание денег из ничего.

- 68 Шотландские банки между 1730 и 1765 гг. уже использовали такие «оговорки», оставлявшие за ними право временно приостановить погашение звонкой монетой выпущенных ими банкнот. В связи с этим Селджин писал о банковской панике: «В свободной банковской системе, однако, банки могут избежать такой судьбы, выпустив обязательства, базовые выплаты денег по которым могут быть „ограничены“ в соответствии с договором. С помощью ограничения платежей банки смогут защитить денежные резервы и другие номинальные величины (активы) от последствий паники» (George A. Selgin, 'Free Banking and Monetary Control', *Economic Journal*, November 1994, p. 1455).
- 69 К сходному выводу пришел Ротбард, см.: Murray N. Rothbard, 'The Present State of Austrian Economics', *Journal des économistes et des études humaines*, vol. VI, no. 1, March 1995, pp. 80—81.

ГЛАВА 12

Этика капитализма

- 1 Впервые опубликовано в: *Journal of Markets & Morality*, vol. 2, no. 2, Fall 1999, pp. 150—163.
- 2 Папа Иоанн Павел II, Энциклика «Сияние истины» (*Veritatis Splendor*), 6 августа 1993 г., pp. 97—98 [нец/ пер. см.: http://www.catholic.ru/holy_material.html?id=467]. Критикуя консеквенциализм, Иоанн Павел II писал: «В конце концов, каждый испытывает трудности или даже невозможность оценить все последствия собственных действий и всех их хороших и плохих результатов, называемых „до-моральными“: здесь невозможен исчерпывающий и рациональный расчет. Как определить пропорции, если они опираются на оценку, критерии которой неясны? Возможно, ли обосновать какую-либо абсолютную обязательность, ссылаясь на такие сомнительные вычисления?»
- 3 Эту теорему открыли теоретики австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек. Она была высказана и уточнена в прошлом веке, в ходе длительной дискуссии о невозможности социализма. Представители австрийской школы также продемонстрировали кризис неоклассического вальрасианского подхода с его статической концепцией экономики, исходящей из того, что цели и средства известны и заданы, а главная задача экономической науки сводится к технической проблеме максимизации. См.: D. Lavoie, *Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 1985); Jesús Huerta de Soto, 'The Ongoing *Methodenstreit* of the Austrian School', *Journal des économistes et des études humaines*, vol. VIII, no. 1, March 1998, pp. 75—113.
- 4 По сути, о том же писал Мюррей Ротбард, когда критически анализировал позицию Мизеса, см. Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, Atlantic Highlands, New Jersey, 1982, pp. 201—213 [см.: Ротбард М. Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)].
- 5 «Современная экономическая наука учит нас не тому, что моральные принципы субъективны, а тому, что субъективными являются полезности и издержки» (Ibid., 202).
- 6 В то же время Кирцнер не утверждает, что экономическая теория сама по себе способна решать вопросы морали, поэтому упреки Роланда Клея в его адрес необосно-

ванны. См.: *Hayek's Social and Political Thought*, Clarendon Press, Oxford, 1994, p. 228, note 9.

- 7 В лучшем случае можно говорить о взаимоувязанности пары двучленов, один из которых образован всем справедливым и эффективным, а другой — всем, что вызвано неэффективными и несправедливыми действиями (когда свобода предпринимательства систематически сталкивается с направленной против нее институциональной агрессией, а людям не дают свободно распоряжаться результатами их творческой активности). Кроме того, та неэффективность, которая порождается аморальной систематической агрессией государства против экономики, очень сильно отличается от той неэффективности, которую, как полагают экономисты-неоклассики, они выделяют в статичной парадигме так называемой экономической теории благосостояния. С их точки зрения, меры институционального принуждения (иначе говоря, насильственное перераспределение доходов) порождают в экономической системе искажения, отдаляющие ее от максимумов кривой ее производственных возможностей. Они не понимают, что эти меры наносят гораздо более серьезный ущерб. Они *динамически* препятствуют предпринимателям вносить координацию в рыночные процессы и обнаруживать те новые возможности, которые постоянно сдвигают вправо кривую производственных возможностей общества.
- 8 См.: Friedrich von Hayek, 'The Mirage of Social Justice', *Law, Legislation and Liberty*, vol. 2, *The Mirage of Social Justice*, University of Chicago Press, Chicago and London, 1976 [Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006].
- 9 Израэл Кирцнер начал развивать свои идеи в области социальной этики в разделе 4 (главы 11—13) книги *Perception, Opportunity and Profit*, University of Chicago Press, Chicago and London, 1979, где речь идет о предпринимательстве, справедливости и свободе. См. также в особенности его статью 'Some Ethical Implications for Capitalism of the Socialist Calculation Debate' in *Capitalism*, Ellen Frankel Paul, Fred D. Miller, Jr., Jeffrey Paul and John Ahrens (eds), Basil Blackwell, Oxford, 1989. В этой статье Кирцнер впервые высказал идеи, которые он позже развил в книге *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*, Basil Blackwell, Oxford and New York, 1989.
- 10 См.: John Rawls, *A Theory of Justice*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 [Ролз Дж. Теория справедливости. М.: УРСС, 2010].
- 11 Этот импульс, как и предпринимательское творчество, действует также в сфере помощи нуждающимся, включая поиск и систематический мониторинг ситуаций, когда такая помощь необходима. Таким образом, государственное принуждение и вмешательство в жизнь общества механизмов государства всеобщего благосостояния нейтрализуют и в значительной степени делают невозможным предпринимательский поиск в этой сфере, лишают людей возможности поддерживать нуждающихся и подавляют чувство солидарности и желание помочь ближнему, которые так важны для большинства людей. Это прекрасно понимал Иоанн Павел II. Он писал: «Вмешиваясь прямо и лишая общество ответственности, государство социальной помощи приводит к тому, что люди работают хуже, зато расходы страшно растут, и все больше учреждений, где царит скорее бюрократия, чем забота о человеке. По-видимому, нужду лучше распознает и удовлетворит тот, кто ближе к ней и действует как ближний» (Иоанн Павел II, Энциклика «Сотый год» (*Centesimus Annus*), 1 мая 1998 г., п. 48 [рус. пер. см.: http://www.catholic.uz/holy_material.html?id=464]).
- 12 «В последние месяцы жизни Хайек встретился и долго беседовал с Папой Иоанном Павлом II. В энциклике *Centesimus Annus*, безусловно, чувствуется влияние идей Хайека. Это особенно относится к п. 31 и 32» (Michael Novak, 'Two Moral Ideas for Business', *Economic Affairs*, September–October 1993, p. 7).
- 13 Michael Novak, *The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism*, The Free Press, New York, 1993, p. 117; Karol Wojtyla, *The Acting Person*, D. Reidel, Boston, 1979.
- 14 См.: *Centesimus Annus*, 1991, 25, ch. IV, nos. 32—33 [рус. пер. см.: http://www.catholic.uz/holy_material.html?id=464].
- 15 См.: Kirzner, *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*, pp. 126—127, 176—177.

- 16 Ibid., p. 176.
- 17 См.: Israel Kirzner, 'Knowledge Problems and Their Solutions: Some Relevant Distinctions', in *The Meaning of Market Process: Essays in the Development of Modern Austrian Economics*, Routledge, London and New York, 1992, pp. 163—179; *The Limits of the Market: The Real and the Imagined*, Proceedings of the Regional Meeting of the Mont Pèlerin Society, Rio de Janeiro, 5—8 September 1993.
- 18 «По нашему мнению, не существует способа, который позволяет отдельно взятому частному предпринимателю оценить превосходство какой-либо системы мер, не говоря уже о том, чтобы повлиять на ее введение. Внешний эффект (экстерналия) в виде существенной пользы для общества, который возникает в результате изменения системы мер блокирует конвертацию этой неиспользованной возможности, доступной людям совместно как членам общества, в конкретные привлекательные для частных лиц возможности, способные пробудить предпринимательскую энергию» (Kirzner, 'Knowledge Problems and Their Solutions', *op. cit.*, p. 174).
- 19 «До этой счастливой мысли могли додуматься самые умные, а остальные получили возможность им подражать» (Mises, *Human Action*, third revised edition, Regnery, Chicago, 1966, p. 406 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]). Вероятно, трудно точнее и лаконичнее описать роль предпринимательской бдительности и творческой способности в развитии институтов, чем это сделал Мизес, когда писал о теории Менгера.
- 20 Это соображение не реабилитирует неоклассический анализ права и юридических институтов, основанный на представлении о неизменности, равновесии и строгой рациональности экономических агентов, действующих в соответствии с принципом максимизации прибыли. Противоречие, заложенное в экономическом анализе права, очевидно. Ведь в статической модели нет необходимости в законах и институтах, так как для обеспечения координации в обществе, где доступна полная информация, достаточно приказов. Мы резко выступаем против такого подхода и считаем, что юридические нормы и институты следует оценивать не по восходящему к Парето узкому критерию статической эффективности, сравнивая затраты с якобы известными выгодами, а по критерию динамической эффективности, иными словами, по тому, как они стимулируют и насколько облегчают предпринимательскую координацию на рынке. Следовательно, следует стремиться не к «оптимальным» по Парето юридическим нормам и решениям, а к *справедливым* нормам и решениям, т.е. к таким, которые способствуют координации предпринимательских рыночных процессов с точки зрения динамической эффективности.

ГЛАВА 13

Проект стратегии рыночных реформ имени Хайека

- 1 Впервые опубликовано в: J. Backhaus, W. Heijmann, A. Nantjes and J. Van Ophem (eds), *Economic Policy in an Orderly Framework: Liber Amicorum for Gerrit Meijer*, LIT Verlag, Münster, 2003, pp. 231—254.
- 2 Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992 [*Уэрта де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 3 Иными словами, выражаясь на неоклассическом жаргоне, демократическая система порождает гигантскую и неразрешимую проблему «общественного блага», или «билетника», поскольку каждый избиратель полностью берет на себя те (высокие издержки), которых требует ответственное голосование (т.е. глубокое изучение предмета), в то время как все выгоды от его действий расплываются среди всех граждан. В результате отдельно взятый избиратель не имеет возможности воспользоваться

- теми выгодами, которые связаны с тем, что он или она ведет себя как ответственный и информированный участник избирательного процесса.
- 4 Мы могли бы перечислить множество примеров либеральных реформ или, скажем, вернуться в XVIII в., чтобы познакомиться с неудавшимися реформами Тюрго. Однако нам кажется, что и приведенных примеров вполне достаточно.
  - 5 См. о реформе Эрхарда книгу самого Эрхарда: Ludwig Erhard, *Wohlstand für alle*, Econ-Verlag, Düsseldorf, 1957, а также сборник работ Эрхарда: Ludwig Erhard, *Deutsche Wirtschaftspolitik: Der Weg der sozialen Marktwirtschaft*, Econ-Verlag, Düsseldorf and Vienna, 1992; см. также: Samuel Brittan and Peter Lilley, *The Delusion of Income Policy*, Temple Smith, London, 1977, Chapter IV.
  - 6 О реформах Рейгана и их философских корнях см.: Martin Anderson, *Revolution*, Harcourt Brace Jovanovich, New York and London, 1988; Bruce Bartlett, *Reaganomics*, Arlington House, Westport, Connecticut, 1981.
  - 7 О тэтчеристской революции и ее последствиях см.: Margaret Thatcher, *The Downing Street Years*, HarperCollins, London, 1993, и *The Path to Power*, HarperCollins, London, 1995.
  - 8 Например, это относится к президенту Аргентины Карлосу Менему. Либеральные реформы в Чили были очень успешными и послужили образцом для остальных латиноамериканских стран, несмотря на то что они были начаты при диктатуре генерала Пиночета. Чилийцам хватило мудрости, чтобы после восстановления демократии продолжить и даже углубить либеральные реформы, начатые при Пиночете.
  - 9 Jesús Huerta de Soto, 'Conjectural History and Beyond', *Humane Studies Review*, vol. 6, no. 2, Winter 1988—1989, p. 10.
  - 10 Например, это относится к марксистской теории эксплуатации, которую Карл Маркс избрал для того, чтобы обосновать свои революционные взгляды, а также к «Общей теории» Кейнса, огромная популярность которой объяснялась именно тем, что она обеспечила теоретическую поддержку и научную респектабельность тому интервенционизму, который всегда практиковало государство в сфере налоговой, денежной и кредитной политики, и позволило политикам игнорировать принципы правильной экономической теории.
  - 11 Удивительно приятно видеть, как в наши дни наиболее выдающиеся социалистические теоретики, в частности Роберт Хейлбронер, признают крах социализма и триумф идей австрийской школы. Хейлбронер пишет: «Мизес был прав... социализм действительно был величайшей трагедией нашего века» (Robert L. Heilbroner, 'Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought', *Journal of Economic Literature*, vol. 28, September 1990, pp. 1097 and 1010—1011). См. также его статьи в «Нью-Йоркере»: *New Yorker*, 'The Triumph of Capitalism', 23 January 1989, и 'Reflections after Communism', 10 September 1990, pp. 91—100. Детальный анализ спора о теоретической невозможности социализма см.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992 [Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008]. В этой книге я пишу и о том, что падение Берлинской стены и крушение реального социализма должны оказать существенное влияние на судьбу экономической науки, где до сих пор господствовал сциентистский неоклассический подход. Модели и теоретические идеи неоклассиков часто использовались для оправдания интервенционистской экономической политики и попыток доказать жизнеспособность социалистической системы. См. также об этом: J. E. Stiglitz, *Whither Socialism?*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts 1994, pp. xi—xii.
  - 12 F. A. Hayek, 'On Being an Economist', Chapter 2 of *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, vol. III of *The Collected Works of F. A. Hayek*, W.W. Bartley III and Stephen Kresge (eds), Routledge, London, 1991, pp. 45—46.
  - 13 Недавно один из моих уважаемых коллег из Общества Мон-Пелерен выразился так: «Обидно, что наши союзники из Чикаго используют свои выдающиеся таланты, помогая государству более эффективно делать то, чего оно вообще не должно

- делать, и то, чего оно должно делать поменьше» (Edward H. Crane, 'A Property Rights Approach to Social Security and Immigration Reform', comment on Gary S. Becker's paper 'An Open Door for Immigrants', presented at the Mont Pèlerin Society Regional Meeting, Cancun, Mexico, January 1996, p. 6).
- 14 William H. Hutt, *Politically Impossible...?*, The Institute of Economic Affairs, London, 1971. Я попытался применить принцип *двойной стратегии* в конкретной области, проанализировав кризис пенсионной системы и предложив проект ее реформирования, см.: 'The Crisis and Reform of Social Security: An Economic Analysis from the Austrian Perspective', *Journal des économistes et des études humaines*, vol. V., no. 1, Paris and Aix-en-Provence, March 1994, pp. 127—155 [см. наст. изд., гл. 9].
  - 15 Многие либертарианские теоретики чикагской школы часто становятся жертвами того, что можно назвать «парадоксом социального инженера с либертарианскими взглядами». Проявляя точно такое же сциентистское высокомерие, как и социальные инженеры-неоклассики, они пытаются, используя описанный нами подход и соответствующий аналитический инструментарий, оправдать якобы «либертарианские» политические меры, которые часто противоречат базовым принципам свободы. В итоге они начинают, сами того не осознавая, поощрять типичную для интервенционизма институциональную агрессию.
  - 16 См.: Jesús Huerta de Soto, 'The Ongoing *Methodenstreit* of the Austrian School', *Journal des économistes et des études humaines*, vol. 8, no. 1, March 1998, pp. 75—113 [см. наст. изд., гл. 2].
  - 17 Следует отказаться от статического понятия эффективности по Парето и заменить его «динамическим» понятием эффективности, основанным на творческой способности предпринимательства. Согласно предлагаемому нами динамическому критерию главное — это стимулировать творческую способность предпринимателей и постоянно сдвигать вправо «кривую максимума производственных возможностей» (критерий «динамической эффективности»), а не просто избегать непроизводительных издержек и фиксировать систему в произвольной точке этой кривой (критерий Парето). Естественно, когда мы говорим о «кривой максимума производственных возможностей», мы используем эту метафору исключительно для того, чтобы нас могли понять неоклассики, так как на самом деле этой кривой *не существует*, поскольку образующие ее точки не даны (они постоянно меняются) и способа их познать не существует.
  - 18 Такого мнения придерживается папа Иоанн Павел II. Поставив вопрос о том, является ли капитализм путем к экономическому и общественному прогрессу, он отвечает на него так: «Если под „капитализмом“ понимать экономическую систему, которая признает важнейшую и положительную роль дела, рынка, частной собственности и вытекающей из этого ответственности за средства производства, а также свободной и творческой деятельности на ниве экономики, тогда ответ, конечно, — „да“, хотя лучше бы в этом случае говорить об „экономике предпринимательства“, „рыночной экономике“ или просто „свободной“» (John Paul II, *Centesimus Annus*, Catholic Truth Society, London, 1991, Chapter IV, no. 42, p. 31 [рус. пер. см.: http://www.catholic.uz/holy_material.html?id=464]).
  - 19 См.: Jesús Huerta de Soto, 'Entrepreneurship and the Economic Analysis of Socialism', в: *New Perspectives on Austrian Economics*, Gerrit Meijer (ed.), Routledge, London and New York, 1995, Chapter 14, pp. 228—253 [см. наст. изд., гл. 4].
  - 20 См.: Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, Atlantic Highlands, New Jersey, 1982, pp. 207—208 [см.: *Ротбард М.* Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)].
  - 21 «Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. Оно определяет весь ход человеческой истории. ... Расцвет человеческого общества зависит от двух факторов: наличия интеллектуальной мощи выдающихся людей, чтобы создать и постигнуть разумные социальные и экономические теории, а также способности этих или других людей сделать эти идеологии приятными для большинства». Ludwig von Mises,

- Human Action: A Treatise on Economics*, fourth revised edition, The Foundation for Economic Education, New York, 1996, pp. 863—864 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 22 Например, можно указать на огромную роль романов Диккенса в деле распространения крайне вредной и ложной идеи о том, что промышленная революция принесла простым людям одни страдания, тогда как на самом деле все было ровно наоборот. К сожалению, на каждого романиста, который, подобно Эйн Рэнд, интерпретирует реальность в соответствии с правильной теорией и моралью, основанной на либертарианских принципах, приходится много таких, кто, подобно Диккенсу, лишь частично отражает реальность или даже объявляет себя противником капиталистической экономической системы, нанося неисчислимый социальный ущерб цивилизации в долгосрочной перспективе и становясь непосредственно (хоть и в «размытом» виде) ответственным за насилие и масштабные конфликты в обществе. См.: F. A. Hayek (ed.), *Capitalism and the Historians*, The University of Chicago Press, Chicago, 1954 [Хайек Ф. (ред.). Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2011]. Об Айн Рэнд, написавшей, в частности, романы «Источник» и «Атлант расправил плечи» [оба переведены на русский. — *Ред.*], и о ее влиянии на либертарианское движение в США см.: D. M. Sciabarra, *Ayn Rand: The Russian Radical*, The Pennsylvania State University Press, Pennsylvania, 1995.
- 23 Подробный анализ истории и значения институтов и фондов такого типа для либертарианской революции последних десятилетий см.: Richard Cockett, *Thinking the Unthinkable: Think-Tanks in the Economic Counter-Revolution, 1931—1983*, Harper-Collins Publishers, London, 1994, особенно pp. 123—124, где Энтони Фишер вспоминает, что к решению создать Институт экономических проблем (IEA) его подтолкнул Хайек: «Сначала Хайек посоветовал мне не тратить времени на политическую карьеру (я тогда подумывал, не заняться ли политикой). Он сказал, что главную роль в борьбе идей и политических программ играют интеллектуалы, которых он назвал «торговцами подержанными идеями»... Если я согласен с тем, что правильные идеи не пользуются должным влиянием в обществе, то он рекомендовал бы мне создать вместе с единомышленниками исследовательскую организацию и предоставлять интеллектуалам из университетов, колледжей, прессы и телерадиовещания внушающие им доверие тексты об экономической теории рынка и ее практических приложениях».
- 24 Об Обществе Мон-Пелерен см.: R. M. Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society*, Liberty Press, Indianapolis, 1995.
- 25 «Самые хорошие теории являются бесполезными, если не разделяются общественным мнением. Они не могут работать, если не принимаются большинством людей. Какой бы ни была система правления, не может идти речи о длительном руководстве страной на основе доктрины, расходящейся с общественным мнением. В конце концов философия большинства одерживает верх. В долгосрочной перспективе непопулярная система правления невозможна. Различие между демократией и деспотизмом не влияет на конечный результат». Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 863 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 26 Цит. по: Lucas Beltrán, 'Seis nombres para una visión de Cataluña', *La Vanguardia Española*, Barcelona, 2 September 1976, p. 15.
- 27 О профессиональных политиках и об их роли в качестве распространителей подержанных идей см. классическую работу Вебера, Max Weber, *Politik als Beruf, Wissenschaft als Beruf*, Dunker & Humblot, Berlin and Munich, 1926.
- 28 К этой группе следует отнести и тех политиков, кто, обоснованно или нет, верит, что политические обстоятельства не позволяют продвигаться дальше, и ожидает, что внешние перемены позволят им стать политиками из группы 4 и реализовать более радикальные реформы. Что это: разумная тактика или желание оправдать собственную нерешительность — в каждом случае зависит от конкретных обстоятельств.
- 29 Было бы полезно перенять опыт у англичан и завести группу наблюдателей-либертарианцев, чтобы они регулярно публиковали доклад о том, кто из действую-

- щих политиков к какой группе относится. Это позволит выявить тех, кто совершал наиболее нелогичные и/или вредные шаги, и в то же время поощрить здоровую конкуренцию между политиками-либертарианцами и стимулировать их к повышению своего уровня знаний и профессиональному самосовершенствованию.
- 30 Образцом необратимой реформы стала приватизация принадлежавших муниципалитетам домов, которые правительство Тэтчер продало арендаторам (в основном рабочим с низкими доходами); в результате миллионы людей стали собственниками, и эту собственность не осмелится отнять у них ни одна партия, даже левая.
- 31 Нельзя предоставить интервенционистским партиям монополию на демагогию. Правда, политику, выступающему за свободный рынок, сложнее заниматься демагогией, но это не значит, что среди либертарианских идей нет таких, которые можно корректно подать, пользуясь вполне демагогическими приемами; этим, безусловно, нужно пользоваться.
- 32 Так называют свою стратегию либертарианских реформ Батлер и Джерманис. См.: S. Butler and P. Germanis, 'Achieving Social Security Reform: A Leninist Strategy', *Cato Journal*, vol. 3, no. 2, Autumn 1983, pp. 547—556. См. описание наиболее адекватной стратегии достижения триумфа свободы у Ротбарда: Murray N. Rothbard, 'A Theory of the Struggle for Liberty' in *The Ethics of Liberty*, op. cit., pp. 253—268 [см.: *Ротбард М.* Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)].
- 33 «Когда политик хорошо продумал свой план реформ и когда его признали уместным и полезным, наступает время напрячь все свои силы, чтобы мир принял этот план. Упорство — одна из главных добродетелей политика. Он не должен бросать начатое дело, если считает его нужным и полезным. Он должен усердно трудиться и посвящать ему все свое время и энергию. Пусть удача на этот раз не улыбнется ему, придет время, когда его заслуги признают и все глаза обратятся к нему, ища совета» (José Martínez Ruiz (Azorín), *El político (con un epílogo futurista)*, *Obras completas*, vol. VIII, Rafael Caro Raggio, Editor, Madrid, 1919, pp. 194—195).
- 34 Именно поэтому люди в 1948 г. приветствовали реформы Эрхарда, вопреки всем прогнозам оккупационных властей, породившие немецкое экономическое чудо (*Wirtschaftswunder*).
- 35 В такие моменты, когда партией рулят более «теплохладные» политики (из групп 1, 2 и 3), «идейным» не следует порывать все связи с ней; они должны играть роль совести партии, постоянно указывая на ошибки и непоследовательность людей из ее руководства.
- 36 Можно упомянуть, например, о неудачной попытке Жака Тюрго провести либертарианские реформы во Франции XVIII в. В XX в. можно указать на поражение на президентских выборах Барри Голдуотера в США и Марио Варгаса Льюсы в Перу, а также на провал либертарианской программы блока «Вперед, Италия!», разработанной Антонио Мартино.

ГЛАВА 14

Будущее либерализма: демонтаж государства с помощью прямой демократии

- 1 Это текст выступления на конференции Общества Мон-Пелерен в Сантьяго 24—27 ноября 2000 г. Это был совместный доклад с Джеймсом Бьюкененом и Бруно Фре-ем, и в своей части я прокомментировал статью Фрея «Будущее демократии: Как увеличить общественную активность граждан с помощью механизмов прямой демократии», в которой он призывает к повсеместному введению швейцарской системы референдумов.

- 2 Hans-Hermann Hoppe, 'Small Is Beautiful and Efficient: The Case for Secession', *Telos* 107, Spring 1996, p. 107.
- 3 См. наст. изд., гл. 7 («Теория либерального национализма») и гл. 8 («Либертарианская теория свободной иммиграции»).
- 4 Hans-Hermann Hoppe, 'Small Is Beautiful and Efficient: The Case for Secession', *Telos* 107, Spring 1996, p. 101.
- 5 Bruno S. Frey, "A Utopia? Government Without Territorial Monopoly," *The Independent Review* 6, no. 1 (Summer 2001): 92—112.
- 6 Frank Fetter, *The Principles of Economics*, New York, 1913, pp. 394 and 410.
- 7 William Hutt, 'The Concept of consumer's sovereignty', *Economic Journal*, March 1940, pp. 66—77; Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State*, Nash Publishing, Los Angeles, 1970, pp. 561—566.
- 8 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Henry Regnery, Chicago 1966, p. 471 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке*. Челябинск: Социум, 2005].
- 9 Murray N. Rothbard, *For a New Liberty*, New York: Macmillan Publishing, 1973 [*Ротбард М. К новой свободе*. М.: Новое издательство, 2009]; David Friedman, *The Machinery of Freedom*, Illinois: Open Court, 1989 [*Фридман Д. Механика свободы* (неотредактированный перевод см.: <http://libertynews.ru/node/165>)].

ГЛАВА 15

Хуан де Мариана и испанские схоласты

- 1 Опубликовано в качестве главы 1 книги «Пятнадцать великих экономистов австрийской школы» (*15 Great Austrian Economists*, Randall G. Holcombe (ed.), Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 1999, pp. 1—11).
- 2 В докладе под названием «Новые данные об истоках австрийской школы», сделанного Ротбардом на памятной конференции в Саут-Роялтоне (South Royalton), с которой началось возрождение австрийской школы. Текст доклада был опубликован через два года в: *The Foundations of Modern Austrian Economics*, Edwin Dolan (ed.), Sheed & Ward, Kansas City, 1976, pp. 52—74.
- 3 Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economics Thought*, vol. I, Edward Elgar, England, 1995, pp. 97—133.
- 4 Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, Liberty Fund, Indianapolis, 1991. [Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008.]
- 5 Одна из лучших учениц Хайека, Марджори Грайс-Хатчинсон, специализировалась на испанской литературе и перевела главные тексты испанских схоластов; см. ее ставшую классической книгу *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary Theory, 1544—1605*, Clarendon Press, Oxford, 1952 [Грайс-Хатчинсон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011], а также сборник *Economic Thought in Spain*, Laurence Moss and Christopher Ryan (eds), Edward Elgar, England, 1993. У меня даже хранится письмо от Хайека, датированное 7 января 1979 г., где он просит меня прочитать статью Мюррея Ротбарда об «Истоках австрийской школы», потому что он и Грайс-Хатчинсон «доказывают, что основные принципы теории конкурентного рынка были открыты испанскими схоластами XVI в., и следовательно, экономический либерализм придумали не кальвинисты, а испанские иезуиты». В конце письма Хайек пишет: «Мое знакомство с источниками убеждает меня в том, что позиция Ротбарда имеет под собой очень серьезное основание».
- 6 Последнее по времени исследование об испанских схоластах принадлежит Александру Чафуэну, см.: Alejandro Chafuen, *Christians for Freedom: Late Scholastics Economics*, Ignatius Press, San Francisco, 1986.

- 7 Мариана описывает тирана в следующих выражениях: «Он завладевает собственностью людей и попусту растрачивает ее, движимый недостойными правителя пороками: похотью, жадностью, жестокостью и коварством... Тираны пытаются причинить ущерб всем, разорить всех, но главной их мишенью становятся богатые и достойные жители королевства. Добрые подозрительнее им, чем злые, а добродетель, коей они не обладают, вызывает у них наибольшую ярость... Они изгоняют из сообщества лучших людей, дабы никто из оставшихся не высовывался... Чтобы остальные не могли объединиться, они доводят их до изнеможения, вводя все новые и новые поборы, раздувая распри между гражданами и затеывая войну за войной. Они строят грандиозные сооружения, а граждане платят за них — деньгами и потом. Так родились египетские пирамиды... Тиран всегда боится, что те, кого он запугивает и держит в рабстве, попытаются свергнуть его... Потому он запрещает гражданам создавать объединения, проводить собрания и вообще обсуждать дела в стране, лишая их средствами тайной полиции возможности свободно говорить и слушать, так что они не могут даже открыто пожаловаться на жизнь» (Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith*, op. cit., pp. 118—119).
- 8 См.: Juan de Mariana, *Discurso de las enfermedades de la Compañía* («Об авторе и обобщенности сих рассуждений»), printed by Don Gabriel Ramirez, calle de Barrionuevo, Madrid, 1768, p. 53.
- 9 Я буду приводить обширные выдержки из последнего испанского издания этой книги, *Tratado y discurso sobre la moneda de vellón*, with an introduction by Lucas Beltrán, Instituto de Estudios Fiscales, Madrid, 1987.
- 10 Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith*, op. cit., p. 120.
- 11 Цит. по: Covarrubias, *Omnia Opera*, Venice, 1604, vol. II, Book 2, Chapter 4, p. 131.
- 12 Luis Saravia de la Calle, *Instrucción de mercaderes*, Pedro de Castro, Medina del Campo, 1544; переиздано в: *Colección de Joyas Bibliográficas*, Madrid, 1949, p. 53. В своей книге Саравиа обращается к предпринимателям (по-испански *mercaderes*), следуя континентальной католической традиции, восходящей к св. Бернардино Сиенскому (1380—1444). См.: Murray N. Rothbard, *Economic Thought Before Adam Smith*, op. cit., pp. 81—85.
- 13 Juan de Lugo (1583—1660), *Disputationes de iustitia et iure*, Sumptibus Petri Prost, Lyon, 1642, vol. II, D. 26, S. 4, No. 40, p. 312.
- 14 Juan de Salas, *Commentarii in secundam secundae D. Thomae de contractibus*, Sumptibus Horatij Lardon, Lyon, 1617, IV, no. 6, p. 9.
- 15 Jerónimo Castillo de Bovadilla, *Práctica para corregidores*, Salamanca, 1585, II, Chapter IV, no. 49. См. также важные замечания о схоластах и их динамическом понимании конкуренции в: Oreste Popescu, *Estudios en la historia del pensamiento económico latinoamericano*, Plaza & Janés, Buenos Aires, 1987, pp. 141—159.
- 16 Luis de Molina, *De iustitia et iure*, Cuenca, 1597, II, disp. 348, no. 4; *La teoría del justo precio*, Francisco Gómez Camacho (ed.), Editora Nacional, Madrid, 1981, p. 169. Реймонд де Рувер, не знакомый с работами Кастильо де Бовадилли, писал: «Молина вводит даже понятие конкуренции, когда говорит, что конкуренция, т.е. соперничество покупателей, приводит к повышению цен». См.: Raymond de Roover, 'Scholastic Economics: Survival and Lasting Influence from the Sixteenth Century to Adam Smith', *Quarterly Journal of Economics*, vol. LXIX, no. 2, May 1955, p. 169.
- 17 Covarrubias, *Omnia Opera*, op. cit., vol. I, pp. 669—710.
- 18 Carl Menger, *Principles of Economics*, New York University Press, New York and London, 1981, p. 317 [см.: Менгер К. Основания политической экономики // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005].
- 19 Martín Azpilcueta Navarro, *Comentario resolutorio de cambios*, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Madrid, 1965, pp. 74—75.
- 20 См.: Jesús Huerta de Soto, 'New Light on the Prehistory of the Theory of Banking and the School of Salamanca', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, 1996, pp. 59—81. (См. наст. изд., гл. 16.)
- 21 Luis de Molina, *Tratado sobre los cambios*, with an introduction by Francisco Gómez Camacho, Instituto de Estudios Fiscales, Madrid, 1990, p. 146. Также см. датированную

- 13 февраля 1826 г. записку Джеймса Пеннингтона «О частных банковских учреждениях столицы» («Of the Private Banking Establishments of the Metropolis»), включенную в качестве приложения в: Thomas Tooke, *A Letter to Lord Grenville; On the Effects Ascribed to the Resumption of Cash Payments on the Value of the Currency*, John Murray, London, 1826.
- 22 Однако, по мнению о. Бернарда Демпси, если бы представители второй группы схоластов саламанкской школы имели подробное теоретическое представление о функционировании и последствиях того экономического процесса, к которому приводит банковская система, основанная на частичном резервировании, даже Молина, Леслиус и Луго охарактеризовали бы его как извращенный, масштабный и противозаконный процесс *институционализованного ростовщичества*. См.: Father Bernard W. Dempsey, *Interest and Usury*, American Council of Public Affairs, Washington, DC, 1943, p. 210.
- 23 Цит. по: Bernard W. Dempsey, *Interest and Usury*, op. cit., footnote 31 on p. 214.
- 24 Juan de Mariana, *Discurso de las enfermedades de la Compañía*, op. cit., pp. 151—155, 216.
- 25 «Адам Смит отверг все сказанное о субъективной ценности и предпринимательстве до него, отказался от подхода, основанного на изучении реальных рынков и цен и заменил все это трудовой теорией ценности, где центральное место занимает долгосрочное равновесие „естественных цен“, а существование предпринимательства игнорируется. Своим требованием запрета ростовщичества и введением различия между производительными и непроизводительными занятиями он смешал экономическую теорию с кальвинизмом. Он отошел от доктрины *laissez faire* некоторых французских и итальянских экономистов XVIII в. и привнес в экономическую науку множество ерунды и ненужных оговорок. Его теория была несистематической и страдала от внутренних противоречий» (Leland B. Yeager, 'Book Review', *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 1, 1996, p. 183).
- 26 Jaime Balmes, 'Verdadera idea del valor o reflexiones sobre el origen, naturaleza y variedad de los precios', *Obras Completas*, vol. 5, ВАС, Madrid, 1949, pp. 615—624. Бальмес очень ярко описал Хуана де Мариану: «Мариана — удивительный человек. Это выдающийся теолог, латинист, знаток древнегреческого и восточных языков, блестящий интеллектуал, уважаемый экономист, политик, обладавший даром предвидения, — словом, великолепный ум. Добавьте к этому безупречную жизнь, следование высочайшим этическим нормам, сердце, не ведавшее лжи, неспособное к лести, сердце, откликнувшееся на самый звук слова „свобода“, подобно пламенным республиканцам Древней Греции и Древнего Рима; добавьте неустрашимый, твердый голос, протестовавший против любой несправедливости, не склонявшийся перед сильными мира сего, бестрепетно обращавшийся к королям; наконец, представьте себе, что все это соединилось в насельнике скромной кельи иезуитского монастыря в Толедо, и вы согласитесь, что столь многочисленные совершенства редко когда можно встретить в одном человеке» (см. статью «Мариана», *Obras Completas*, op. cit., vol. 12, pp. 78—79).

ГЛАВА 16

Новые сведения об истоках теории банковской деятельности и Саламанкская школа

- 1 Идея этой статьи возникла в результате разговора с Мюрреем Ротбардом на региональной конференции общества Мон-Пелерен, которая состоялась в Рио-де-Жанейро в сентябре 1993 г. Статья была опубликована по-английски в: *Review of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, 1996, pp. 59—81. Этот выпуск был посвящен памяти Мюррея Ротбарда, ушедшего от нас 7 января 1995 г.

- 2 См.: Murray N. Rothbard, 'New Light on the Prehistory of the Austrian School', *The Foundations of Modern Austrian Economics*, E.G. Dolan (ed.), Sheed and Ward, Kansas City, Kansas, 1976, pp. 52—74 [см.: Ротбард М. Новые данные об истоках австрийской школы // Грайс-Хатчисон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011]. В своем письме ко мне от 7 января 1979 г. Ф. Хайек перечисляет ученых, которым мы обязаны открытием связи между Саламанкской школой и австрийской экономической школой. Помимо Реймонда де Рувера это, в хронологическом порядке, Х. Робертсон (H. M. Robertson, *Aspects of the Rise of Economic Individualism*, Cambridge University Press, Cambridge, 1933), Марджори Грайс-Хатчинсон (Marjorie Grice-Hutchinson, *The School of Salamanca*, Clarendon Press, Oxford, 1952) и особенно Мюррей Ротбард (см. упомянутую выше статью).
- 3 Ramón Carande, *Charles V y sus Banqueros*, three volumes, Editorial Crítica, Barcelona and Madrid, 1987.
- 4 После больших усилий ему удалось получить 200 тыс. дукатов. По этому поводу он заметил: «Я боюсь стать причиной банкротства всех сеvilских банков». См.: Ramón Carande, *Charles V y sus Banqueros*, Editorial Crítica, Barcelona and Madrid, 1987, vol. I, pp. 299—323, esp. pp. 315—316 (описание визита Грэшема в Севилью).
- 5 См. важную статью Карло Чиполлы: Carlo M. Cipolla, 'La moneta en Florencia en el Siglo XVI', *El Gobierno y la Moneda: Ensayos de Historia Monetaria*, Editorial Crítica, Barcelona, 1994, pp. 11—142, esp. p. 96 onwards (итальянский оригинал см.: *Il Governo della Moneta: La Moneta a Firenze nel Cinquecento*, Società editrice Il Mulino, Bologna, 1990).
- 6 Чиполла пишет про то, как банк Риччи начиная с 1570-х годов, был не в состоянии возвращать вкладчикам наличные деньги и де-факто приостановил платежи, начав выдавать им просто «чернила» (расписки), или «банковские полисы». Исполненные благих намерений (как это обычно бывает), власти Флоренции, которые видели лишь симптомы болезни, пытались положить ей конец декретами, обязав банкиров платить своим кредиторам звонкой монетой без промедления, но никак не боролись с фундаментальными причинами этого явления (с незаконным обращением со вкладчиками до востребования как с займами и с отказом банков поддерживать 100%-ное резервирование). В результате декреты множились, а кризис постепенно углублялся, пока не достиг пика в середине 1570-х годов. См.: Carlo M. Cipolla, 'La Moneta en Florencia en el Siglo XVI', op. cit., pp. 102—103.
- 7 См. следующие свежие работы, посвященные вкладу испанских схоластов в экономическую теорию: Lucas Beltrán, 'Sobre los orígenes hispanos de la economía de mercado' in *Cuadernos del Pensamiento Liberal*, no. 10 (1), 1989, pp. 5—38; Marjorie Grice-Hutchinson, *Economic Thought in Spain: Selected Essays of Marjorie Grice-Hutchinson*, Laurence S. Moss and Christopher K. Ryan (eds), Edward Elgar, Aldershot, England, 1993; Jesús Huerta de Soto, 'Génesis, esencia y evolución de la Escuela Austriaca de Economía', *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994, pp. 17—55; и особенно Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. I, Edward Elgar, Aldershot, England 1995, pp. 101—127. Интеллектуальное воздействие испанских теоретиков из Саламанкской школы на австрийскую школу нельзя считать чистым совпадением или игрой случая. Его причиной стали теснейшие политические и культурные связи, исторически существовавшие между Испанией и Австрией в течение нескольких столетий, начиная с правления Карла V и его брата Фердинанда I. В этих отношениях важную роль сыграла Италия, которая поистине была культурным, экономическим и финансовым мостом между двумя крайними форпостами Империи в Европе (Испанией и Веной). См. об этом: Jean Berenguer, *El Imperio de los Habsburgos*, Editorial Crítica, Barcelona, 1993, particularly pp. 133—335. (французский оригинал: *Histoire de l'empire des Habsbourg 1273—1918*, Librairie Arthème, Fayard, Paris, 1990).
- 8 Luis Saravia de la Calle, *Instrucción de Mercaderes*, Pedro de Castro, Medina del Campo, 1544; переиздано в: *Colección de Joyas Bibliográficas*, Madrid, 1949.

- 9 Saravia de la Calle, *Instrucción de Mercaderes*, op. cit., p. 180.
- 10 Ibid., p. 181.
- 11 Ibid., p. 195.
- 12 Ibid., p. 196.
- 13 Ibid., p. 197.
- 14 Ibid., p. 197.
- 15 См.: Jesús Huerta de Soto, 'A Critical Analysis of Central Banks and Fractional-Reserve Free Banking from the Austrian School Perspective', *Review of Austrian Economics*, vol. 8, no. 2, pp. 25—38, esp. pp. 29—30 (note 6).
- 16 Saravia de la Calle, *Instrucción de Mercaderes*, op. cit., p. 186.
- 17 Ibid., p. 190 (курсив мой. — У. де С.).
- 18 Ibid., p. 198.
- 19 Martín de Azpilcueta, *Comentario Resolutorio de Cambios*, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Madrid, 1965, pp. 57—58. Изучая взгляды доктора Наварро, я пользовался первым испанским изданием 1556 г., вышедшим из печати Андреаса де Портонари (Andrés de Portonarijs) в Саламанке, а также первым португальским изданием, опубликованным Жоаоом (Жоау) де Баррейру (Joam de Barreira) в Коимбре в 1560 г. под названием «Comentario Resolutorio de Onzenas».
- 20 Martín de Azpilcueta, *Comentario Resolutorio de Cambios*, op. cit., pp. 60—61.
- 21 Ibid., p. 61.
- 22 Я цитирую по изданию Instituto de Estudios Fiscales, Madrid, 1977, edited and introduced by Nicolás Sánchez Albornoz, vol. II, p. 479. Существует и другое издание, Restituto Sierra Bravo (ed.), Editora Nacional, 1975, по которому я привожу цитату на с. 401. Текст был впервые опубликован в Севилье в 1571 «в доме Типографа Эрнандо Диеса, что на Змеиной улице».
- 23 Tomás de Mercado, *Suma de Tratos y Contratos*, op. cit., vol. II, p. 480 издания Instituto de Estudios Fiscales и с. 401 издания под редакцией Реститутто Сьерра Браво (Restituto Sierra Bravo).
- 24 Ibid., p. 480.
- 25 Цит. по: Ramón Carande, *Charles V y sus Banqueros*, vol. I (вступление к анализу деятельности севильских банкиров и кризису, который привел их всех к банкротству). См.: Tomás de Mercado, *Suma de Tratos y Contratos*, op. cit., vol. II, pp. 381—382 издания Instituto de Estudios Fiscales 1977 г. и с. 321 издания под редакцией Реститутто Сьерра Браво (Restituto Sierra Bravo).
- 26 Реститутто Сьерра Браво (Restituto Sierra Bravo, *El Pensamiento Social y Económico de la Escolástica*, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, vol. I, Madrid, 1975, p. 215) полагает, что эта фраза свидетельствует о том, что Доминго де Сото был не против банковской системы с частичным резервированием.
- 27 Важно подчеркнуть, что многие исследователи, в том числе Марджори Грайс-Хатчинсон, не уверены, следует ли относить Луиса де Молину к теоретикам Саламанкской школы: «Сейчас мне кажется, что отнесение Молины к Саламанкской школе сомнительно» (Marjorie Grice-Hutchinson, 'The Concept of the School of Salamanca: Its Origins and Development', Chapter 2 of *Economic Thought in Spain: Selected Essays of Marjorie Grice-Hutchinson*, op. cit., p. 25).
- 28 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, edition and introduction of Francisco Gómez Camacho, Instituto de Estudios Fiscales, Madrid, 1990, pp. 137—140.
- 29 Luis de Molina, *Tratado sobre los Préstamos y la Usura*, edition and introduction of Francisco Gómez Camacho, Instituto de Estudios Fiscales, Madrid, 1989, p. 13.
- 30 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, op. cit., p. 137.
- 31 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, op. cit., p. 138—139 (курсив мой. — У. де С.).
- 32 R. P. Joannis de Lugo Hispalensis, S. I., *Disputationum de Iustitia et Iure, Tomus Secundus*, Lugduni, 1642, Disp. XXVIII, Sec. V, pp. 406—407. Я очень признателен профессору и отцу-иезуиту Энрике Уренье (Enrique M. Ureña) и доминиканцу о. Родриго Идальго (Rodrigo T. Hidalgo) за то, что благодаря им я имел возможность работать с первоизданиями книги де Луго.

- 33 См. прежде всего докторскую диссертацию Марджори Грайс-Хатчинсон (ее научным руководителем был Ф. Хайек): Marjorie Grice-Hutchinson, *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary Theory, 1544—1605*, Clarendon Press, Oxford, 1952 (Грайс-Хатчинсон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011); Murray N. Rothbard, 'New Light on the Prehistory of the Austrian School', *The Foundations of Modern Austrian Economics*, op. cit., pp. 52—74 [Ротбард М. Новые данные об истоках австрийской школы // Грайс-Хатчинсон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011]; Alejandro A. Chafuen, *Christians for Freedom: Late-Scholastics Economics*, Ignatius Press, San Francisco, 1986, pp. 74—86; Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. I, op. cit., pp. 101—127.
- 34 Я использую Omnia Opera (полное собрание сочинений), вышедшее в Венеции в 1604 г. Трактат о деньгах Диего де Коваррубиаса опубликован в первом томе под названием «Veterum Collatio Numismatum, cum his, quae modo expenduntur, publica, et Regia auctoritate perpensa», с. 669—710. Эту работу Диего де Коваррубиаса часто цитирует Даваццати, а также — как минимум один раз — Галиани в главе 2 своего знаменитого трактата «Della Moneta», написанного в 1750 г.
- 35 Martín de Azpilcueta, *Comentario Resolutorio de Cambios*, издание Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Madrid, 1965, pp. 74—75 (курсив мой. — У. де С.).
- 36 Это относится даже к недавней блестящей работе Мюррея Ротбарда (Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. I, op. cit.), скромным дополнением к которой, я надеюсь, станет настоящая статья.
- 37 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, op. cit., p. 145.
- 38 Ibid., p. 146.
- 39 См. записку Джеймса Пеннингтона (James Pennington) от 13 февраля 1826 г. 'On the Private Banking Establishments of the Metropolis', in Thomas Tooke, *A Letter to Lord Grenville; On the Effects Ascribed to the Resumption of Cash Payments on the Value of the Currency*, John Murray, London, 1826; Murray N. Rothbard, *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. II, Edward Elgar, Aldershot, England, 1995, pp. 230—233; F. A. Hayek, 'The Dispute between the Currency School and the Banking School, 1821—1848', Chapter 12 of *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, W.W. Bartley III and Stephen Kresge (eds), vol. III of *The Collected Works of F. A. Hayek*, Routledge, London, 1991, p. 224.
- 40 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, op. cit., p. 147.
- 41 Luis de Molina, *Tratado sobre los Cambios*, op. cit., p. 149.
- 42 «Quare magis videntur pecuniam precario mutuo accipere, reddituri quotiescumque exigetur a deponente. Communiter tamen, pecunia illa interim negotiantur, et lucrantur, sine ad cambium dando, sine aliud negotiationis genus exercendo». Цит. по: 'De Cambiis', Joannis de Lugo Hispalensis, Societatis Iesu, *Disputationum de Iustitia et Iure, Tomus Secundus, Lugduni 1642*, p. 406, Section 5, no. 60.
- 43 Возможно, Хуану де Луго удалось всего удалось сформулировать этот принцип: 'Qui bene advertit, eiusmodi bancarios depositarios peccare graviter, & damno subsequuto, cum obligatione restituendi pro damno, quoties ex pecuniis apud sed depositis tantam summan ad suas negotiationes exponunt, ut inhabiles maneant ad solvendum deposentibus, quando suo tempore exigent. Et idem est, si negotiationes tales aggrediantur, ex quibus periculum sit, ne postea ad paupertatem redacti pecunias acceptas reddere non possint, v.g. si euenus ex navigatione periculosa dependeat, in qua navis hostium, vel naufragij periculo exposita sit, qua iactura sequuta, ne ex proprio quidem patrimonio solvere possint, sed in creditorum, vel fideiussorum damnum cedere debet'. R. P. Joannis de Lugo Hispalensis, S. I., *Disputationum de Iustitia et Iure, Tomus Secundus, Lugduni, 1642*, Disp. XXVIII, Sec. V, pp. 406—407.
- 44 Если использовать терминологию Кирцнера (Israel M. Kirzner, 'Economics and Error', in *Perception, Opportunity and Profit*, The University of Chicago Press, Chicago, 1979,

- pp. 120—136), то всегда есть вероятность, что банкир совершит чисто предпринимательскую ошибку (от которой не гарантирует закон больших чисел), что приведет к существенному предпринимательскому убытку, вне зависимости от степени его осторожности.
- 45 Опубликованной в журнале *Pensamiento: revista trimestral de investigación e información filosófica publicada por las Facultades de Filosofía de las Compañías de Jesús en España*, no. 73, vol. 19, January–March 1963, Madrid, pp. 64—89.
  - 46 Father Francisco Belda, *op. cit.*, pp. 63 and 69.
  - 47 *Ibid.*, p. 87. Имеется в виду следующее место у де Луго: vol. 2, Disp. XXVIII, Section V, nos. 60—62.
  - 48 Bernard W. Dempsey, *Interest and Usury*, published with an introduction by Joseph A. Schumpeter by the American Council of Public Affairs, Washington, DC, 1943. Следует отметить, что статья о Бельды была критической реакцией с кейнсианских позиций на идеи, высказанные Демпси в его книге. Я хотел бы поблагодарить профессора Джеймса Садовски из Фордхэмского университета за экземпляр книги Демпси, которую я не смог найти в Испании.
  - 49 В предисловии к его книге Шумпетер пишет о глубоких теоретических познаниях о Демпси, в частности о его знакомстве с экономическими взглядами Людвиг фон Мизеса, Хайека, Вискелля, Кейнса и др.. Кроме того, Шумпетер высоко оценил Демпси в: Schumpeter, *History of Economic Analysis*, Oxford University Press, New York, 1980, pp. 95—96 and 104. (*Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 120, 121 сн., 131 сн.*)
  - 50 «Кредитная экспансия приводит к обесцениванию того средства обмена, которое использует банк. Цены растут, растет и стоимость активов. Банк выплачивает свой долг вкладчикам денежными знаками меньшей ценности... Вероятно, схоласты вряд ли стали бы обвинять в грехе ростовщичества какого-либо конкретного участника этого процесса. Однако весь этот процесс действует ростовщически; мы снова встречаемся с систематическим, или институциональным, ростовщичеством... Нынешняя ситуация, применительно к которой теоретики говорят о расхождении естественного и денежного процента, дивергенции инвестиционных сбережений, отклонении распределения дохода от логически устроенной модели в результате недобровольного перемещения средств, имеет достаточно много общего с той, которую анализировали теоретики позднего Средневековья, для того чтобы описанный выше процесс заслужил имя „институционального ростовщичества“» (Father Bernard W. Dempsey, *Interest and Usury*, *op. cit.*, pp. 225 and 227—228).
  - 51 Bernard W. Dempsey, *Interest and Usury*, *op. cit.*, p. 210. Между прочим, о Демпси указывает на то, что родоначальников теории временного предпочтения, возможно, был Фома Аквинский, так как ее сформулировал один из его самых блистательных учеников, Эгидий Лессинский, писавший, что *res futurae per tempora non sunt tantae existimationis, sicut eadem collectae in instanti nec tantam utilitatem inferunt possidentibus, propter quod oportet quod sint minoris existimationis secundum iustitiam* («будущие блага не ценятся столь же высоко, как те же самые блага, доступные в настоящем, а также не позволяют владельцу достичь той же полезности»). См. *Opusculum LXVI, De usuris in communi et de usurarum contractibus*, by Aegidius Lessines, 1285, p. 426 (протигированную о Демпси в прим. 31, с. 214). Открытие того, что первым на феномен временного предпочтения обратил внимание Эгидий Лессинский, принадлежит о Демпси; в книге Мюррея Ротбарда (Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith*) говорится, что первыми сформулировали теорию временного предпочтения св. Бернардино Сиенский и Конрад Зумменхарт в 1431 и 1499 г. соответственно (с. 85, 92).
  - 52 Тот же самый аргумент приводит великий либертарианец иезуит Хуан де Мариана в: Juan de Mariana, *De monetae mutatione*, 1609. Мариана считает любую порчу монеты правительством грабежом, а Демпси, следуя той же логике, полагает грабежом кредитную инфляцию, порождаемую банками. Блестящий анализ взглядов

Хуана де Марианы дал Ротбард, см.: Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. I, op. cit., p. 119.

ГЛАВА 17

«Человеческая деятельность» Людвиг фон Мизеса как учебник по экономической теории

- 1 Впервые опубликовано в: *Journal for the New Europe*, vol. 1, no. 1, 2004, pp. 5—72.
- 2 См.: Jesús Huerta de Soto, 'La crisis del paradigma walrasiano' и 'Método y crisis en la Ciencia Económica', в: *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994, pp. 56—82.
- 3 Все те, кто наивно верит в то, что «научный мелиоризм» распространяется на экономическую науку, попадают в ловушку «виговской теории истории науки», как удачно выразился Мюррей Ротбард. Согласно этому подходу в науке «самое новое всегда самое лучшее», и, разумеется, это относится и к экономической науке. Это верование исходит из того, что современные научные идеи всегда правильнее и лучше, чем те, которые существовали до них. Такие взгляды неизбежно порождают самодовольство и необоснованный оптимизм, крайне опасные для тех, кто занимается поиском и хранением научной истины. На самом деле «научный мелиоризм» — это всего лишь искусственный «ремень безопасности», которым самые разные научные направления неявно и исподтишка пользуются, чтобы воспрепятствовать мыслям о том, что какая-то школа научной мысли может быть основана на ошибке, и о том, что экономическая наука может стагнировать и даже, как это часто бывало в истории, деградировать.
Ротбард писал в связи с этим: «В экономической науке нельзя исходить из того, что старое всегда хуже нового. Неверно также считать, что все известные экономисты внесли в развитие науки свою лепту. Развитие экономической науки не похоже на планомерное строительство здания; экономическая теория рождается в спорах и ее путь идет зигзагами: ошибки могут одерживать победу над предшествовавшими им более разумными подходами, и это может иметь для экономической мысли трагические последствия. В некоторые исторические эпохи экономическая теория может не только развиваться, но и разлагаться» (Murray N. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective of the History of Economic Thought*, Edward Elgar, Aldershot, England, 1995, vol. I, p. x). В качестве примеров регресса экономической мысли можно привести, скажем, возрождение объективной теории ценности неорикардianской школой, кейнсианский экономический анализ, отказ от учета фактора времени и теорию капитала в современной макроэкономике, а также понятия рациональности, максимизации и равновесия в узком смысле, на которых основан неоклассический анализ.
- 4 Joseph E. Stiglitz, *Economics*, W. W. Norton & Company, 1993, Chapter 4, p. 84. Эту ошибку в свое время разъяснял Мизес: «...действующий человек не измеряет полезность. Он упорядочивает ее на шкале ранжирования. Рыночные цены выражают не эквивалентность, а расхождение оценок двух участников обмена» (Mises, *Human Action*, Henry Regnery, Chicago, 1966, p. 703. (Здесь и далее цитаты приводятся по изданию 1966 г., если не указано иначе) [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005].
- 5 О возможности использования правила «равенства цены и предельных издержек» для «оптимальной» организации социалистической экономики можно прочитать, в частности, в известном учебнике J. C. Gould and C. E. Ferguson, *Microeconomic Theory*, Richard D. Irwin, Illinois, 1980, p. 445. Ошибочность этого утверждения подробно

разобрана в: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, Unión Editorial, Madrid, 1992, pp. 319ff. [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008]

- 6 Неудивительно постоянное использование понятий типа «эластичности», которые представляют собой заимствования из понятийного аппарата физики (конкретно этим заимствованием мы обязаны Альфреду Маршаллу). На это обращают внимание те, кто, как, например, Филип Миrowsки, доказывают, что неоклассическая парадигма представляет собой дурную копию (устаревшего) представления об энергии, бытовавшего в физике в XIX в. См.: Philip Mirowski, *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1991.
- 7 Вот как описывает Мизес вред, который scientистское понимание экономической науки наносит неокрепшим умам: «Студенты недоумевают. В курсах, читаемых экономистами математического направления, их кормят формулами, описывающими гипотетические состояния равновесия, в которых не происходит никакой деятельности. Они легко делают вывод, что эти уравнения абсолютно бесполезны для постижения экономической активности. В лекциях специалистов они узнают массу деталей, относящихся к интервенционистским мероприятиям. Они должны сделать вывод о парадоксальности сложившихся условий, поскольку никакого равновесия нет, а ставки заработной платы и цены на сельскохозяйственную продукцию не такие высокие, как хотелось бы профсоюзам или фермерам. Очевидно, заключают они, необходимы радикальные реформы. Но какие?»

Большинство студентов без промедления поддерживают интервенционистские панацеи, рекомендованные их профессорами. Социальные условия станут абсолютно удовлетворительными, когда государство установит минимальные ставки заработной платы и обеспечит каждого соответствующим питанием и жилищем или когда будут запрещены продажа маргарина и ввоз иностранного сахара. Они не видят противоречий в словах своих учителей, сегодня жалующихся на безумие конкуренции, а завтра на пороки монополии, сегодня сокрушающихся по поводу падения цен, а завтра по поводу роста стоимости жизни. Они получают свои степени и стараются как можно быстрее получить работу в правительстве или в мощной группе давления» (Mises, *Human Action*, op. cit., p. 875 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005]).

- 8 Ср. 12-е (McGraw Hill, New York, 1986) и 14-е (McGraw-Hill, New York, 1992) издания учебника «Economics» Поля Самуэльсона и Уильяма Нордхауса (Paul A. Samuelson and William N. Nordhaus). Из четырнадцатого издания учебника Самуэльсона — естественно, без каких-либо объяснений — испарился пассаж о том, что «вопреки мнениям скептиков, советская экономика доказала, что социалистическая командная экономика может функционировать и даже процветать» (вероятно, с учетом событий в странах Восточной Европы, которые полностью подтвердили обоснованность теории социализма Мизеса), (см.: Paul A. Samuelson, *Economics*, thirteenth edition, McGraw-Hill, New York, 1989, p. 837).
- 9 Мне известны лишь два примера такой интеллектуальной честности. Это учебники Брешани-Туррони и Рёпке, в которых упоминается о работах Ганса Майера, посвященных критике неоклассической функциональной теории определения цены. См.: C. Bresciani-Turroni, *Corso di Economia Politica*, A. Guiffre-Editore, Milan, 1960, Chapter 2, Wilhelm Röpke, *Die Lehre von der Wirtschaft*, Eugen Rentsch, Zurich, 1968, note 2 of Chapter I. Работы Ганса Майера см. в оригинале под названием 'Der Erkenntniswert der funktionellen Preistheorien: kritische und positive Untersuchungen zum Preisproblem', в: *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart*, Hans Mayer (ed.), Verlag von Julius Springer, vol. II, Vienna, 1932, pp. 147—239b, а также по-английски: 'The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem', in *Classics in Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*, Israel M. Kirzner (ed.), William Pickering, London, 1994, vol. II, pp. 55—168.

- 10 Мизес писал: «Предпринимались попытки получить понятие нерационального действия посредством следующего рассуждения: если *a* предпочитается *b* и *b* предпочитается *c*, логически *a* должно предпочитаться *c*. Но если в действительности *c* предпочитается *a*, то мы сталкиваемся с образом действий, которому нельзя приписать последовательность и рациональность. Это рассуждение игнорирует то, что два действия индивида никогда не могут быть синхронными. Если в одном действии *a* предпочитается *b*, а в другом действии *b* предпочитается *c*, это не позволяет, каким бы коротким ни был интервал между действиями, построить общую шкалу ценности, на которой *a* предшествует *b* и *b* предшествует *c*. Недопустимо также рассматривать последующее третье действие как совпадающее с двумя предыдущими действиями». См. также: Murray N. Rothbard, 'Toward a Reconstruction of Unity and Welfare Economics', in *Austrian Economics*, Stephen Littlechild, Edward Elgar, Alder-shot, England, 1990, vol. III, pp. 228ff. [рус. пер.: Ротбард М. О реконструкции экономической теории полезности и благосостояния // Экономическая политика. 2009. №1—2] См. также ниже, прим. 40.
- 11 Мне известно единственное исключение. О существовании иных методологических подходов кроме позитивистского упоминает Ричард Липси (по крайней мере в первых восьми изданиях своего знаменитого учебника Richard G. Lipsey, *An Introduction to Positive Economics*). Липси пишет о «Человеческой деятельности» Мизеса и об «Очерке о природе и значении экономической науки» Лайонела Роббинса: «Эту интересную книгу должны прочитать все специалисты по экономической теории. В ней представлены понимание природы экономической теории и ее связи с эмпирическими наблюдениями, которое прямо противоречит изложенному нами» (Richard G. Lipsey, *An Introduction to Positive Economics*, Weidenfeld and Nicolson, London, 1967, footnote 19 of Chapter 16).
- 12 Например, в главах XXIX—XXXI «Человеческой деятельности» Мизес дал блестящий, вдохновляющий и полезный в практическом отношении теоретический и логический анализ цепочки событий, порождающих протекционизм, интервенционистские меры и таможенный контроль.
- 13 Фридрих Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., особо отметил эти достоинства трактата Мизеса в своей рецензии на первое немецкое издание. Он пришел к выводу, что «широта взглядов и интеллектуальная мощь этой книги таковы, как будто она вышла из-под пера какого-нибудь философа XVIII в., а не одного из наших современников» (F. A. Hayek, *The Economic Journal*, April 1941, pp. 124—127). Одной из целей, которые Мизес преследовал при написании «Человеческой деятельности», был ответ на вызов Макса Вебера, призвавшего ученых создать целостный теоретический корпус, который позволял бы интерпретировать и творить историю, иными словами, общую социальную теорию, благодаря которой появилась бы возможность интерпретировать историческую реальность. Современные неоклассики предпринимали попытки создать такой *сводный* трактат, см., например, книгу Джеймса Коулмана «Основания социальной теории» (James Coleman, *The Foundations of Social Theory*, Harvard University Press, Cambridge, 1990). Но поскольку Коулман использует в качестве базы неоклассический подход в версии чикагской школы, его книга обладает не только всеми достоинствами этого подхода, но и всеми его недостатками и пороками, от которых, на наш взгляд, полностью избавлен трактат Мизеса.
- 14 Например, профессор экономической теории университета Йокогамы Тосио Мурата недавно писал: «„Человеческая деятельность“ Мизеса наполнена его драгоценной мудростью, написана очень лаконично и охватывает множество тем. Это сокровищница мыслей и идей, и каждая из них способна стать отправной точкой для новой идеи или для новой книги» (Toshio Murata, 'Fascinated by Mises for Thirty-Five Years', *Shunjo (Shunjo-sha)*, no. 330, July 1991, p. 4).
- 15 «Под Рождество 1903 г. я впервые прочитал „Основы учения о народном хозяйстве“. Именно прочтение этой книги сделало из меня „экономиста“» (Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1978, p. 33). См.: Carl

- Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, Wilhelm Braumüller, Vienna, 1871; translated by James Dingwall and Bert F. Hoselitz, with an introduction by F. A. Hayek, New York University Press, New York and London, 1981 [Менгер К. Основания политической экономики // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005].
- 16 Связь австрийской школы со взглядами испанских схоластов подробно исследовали два ученика Мизеса, Ф. Хайек и особенно Мюррей Ротбард. См. прежде всего статью последнего: Murray N. Rothbard, 'New Light on the Prehistory of the Austrian School', *The Foundations of Modern Austrian Economics*, Sheed & Ward, Kansas City, 1976, pp. 52—74 [Ротбард М. Новые данные об истоках австрийской школы // Грайс-Хатчисон М. Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов, 1544—1605 гг. Челябинск: Социум, 2011], а также том I опубликованной посмертно книги Ротбарда «Экономическая мысль до Адама Смита: австрийская трактовка истории экономической мысли», *op. cit.*, pp. 97—177. Сам Мизес не упоминает о Саламанкской школе, когда в конце раздела 3 главы XII «Человеческой деятельности» (с. 219) вскользь касается вопроса о предшественниках субъективизма.
- 17 Ф. Хайек писал: «Не будет преувеличением сказать, что последние сто лет экономическая наука была обязана своим прогрессом исключительно субъективизму» (*The Counter-Revolution of Science*, Free Press of Glencoe, New York, 1955, p. 31 [см.: Хайек Ф. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003]). В примечании (note 24, pp. 209—210) Хайек отметил: «Возможно, наиболее последовательным в этом был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что в большинстве своем особенности его воззрений, поначалу поражающие многих читателей своею странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников. Возможно, все характерные черты его теорий, начиная от теории денег и кончая тем, что он сам назвал своим *априоризмом*, его воззрения на математическую экономику вообще и на измерение экономических явлений, в частности, как и его критика планирования, прямо вытекают из этого центрального положения» (курсив мой. — У. де С.). Субъективизм является наиболее яркой особенностью взглядов Мизеса и главным отличием австрийской школы от маржиналистских школ Вальраса и Джевонса. См.: William J. Jaffé, 'Menger, Jevons and Walras De-Homogenized', *Economic Enquiry*, no. 14 (4), December 1976, pp. 511—524. См. также прим. 36.
- 18 Главная книга Бём-Баверка, несмотря на свое название, «Капитал и процент», является экономическим трактатом в истинном смысле этого слова: см. Böhm-Bawerk, *Kapital und Kapitalzins*, Wagner, Innsbruck, 1884—1903. Существует перевод этой книги на английский, выполненный Гансом Сенхольцем: *Capital and Interest*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1959. [Рус. изд.: Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009; Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. II («Позитивная история капитала»); Т. III («Экскурсы»). Челябинск: Социум, 2010.]
- 19 Ludwig von Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*, Duncker & Humblot, Munich and Leipzig, 1912 (второе издание вышло в 1924 г.). Лучшее из изданий на английском языке (в переводе Бэтсона) вышло с предисловием Ротбарда (*Theory of Money and Credit*. Liberty Classics, Indianapolis, 1981). [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011.]
- 20 К сожалению, популярнейший экономист Джон Мейнард Кейнс не сумел разобраться, о чем говорится в трактате Мизеса. Он признавался: «Мое знание немецкого позволяет мне понять при чтении лишь то, что мне уже известно, и, как правило, новые идеи, выраженные на этом малопонятном для меня языке, от меня ускользают» (John Maynard Keynes, *A Treatise on Money*, London, 1930, vol. I, p. 199, note 2). Полу Самуэльсону тоже не удалось разобраться в концепции Мизеса, судя по тому, что он пишет о денежной теории Мизеса в книге «Основания экономического анализа»

- (см.: Paul A. Samuelson, *Foundations of Economic Analysis*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1947, pp. 117—118).
- 21 Принципиальное отделение «микро» от «макро» является одним из характернейших недостатков современных вводных курсов по политической экономии. Вместо того чтобы, как это делает Мизес, подходить ко всем экономическим проблемам с единых позиций, авторы современных учебников всегда пишут, что экономическая наука делится на две не связанных между собой дисциплины («макроэкономике» и «микроэкономике»), которые можно изучать по отдельности. Как совершенно верно отмечает Мизес, причина такого разделения связана с использованием понятий типа *общего уровня цен*, которые игнорируют идеи субъективной теории ценности денег и восходят к донаучному периоду развития экономической теории, когда экономисты еще пытались использовать для экономического анализа понятия глобальных классов или агрегатов благ вместо инкрементальных и предельных единиц. Этим объясняется возникновение целой дисциплины, основанной на якобы существующих между макроэкономическими агрегатами исследовании механических соотношений, которые имеют непонятно какое отношение к деятельности конкретных людей (если имеют вообще).
- 22 См.: Mark Skousen, 'Who Predicted the 1929 Crash?', in *The Meaning of Ludwig von Mises*, Jeffrey M. Herbener (ed.), Kluwer Academic Publishers, Amsterdam, 1993, pp. 247—284. Лайонел Роббинс в предисловии к первому изданию «Цен и производства» Хайека (Lionel Robbins, 'Introduction', F. A. Hayek, *Prices and Production*, Routledge, London, 1931, p. xii) тоже писал о том, что Мизес и Хайек предсказали наступление Великой депрессии; в частности, Хайек прямо писал об этом в статье, опубликованной в 1929 г. в *Monatsberichte des österreichischen Instituts für Konjunkturforschung*.
- 23 «Иллюзия, что в обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, возможен рациональный порядок экономического управления, обязана своим происхождением теории ценности классической школы и неспособности многих современных экономистов последовательно продумать до конечных выводов фундаментальные теоремы субъективистской теории... Воистину именно ошибки этих школ позволили расцвести социалистическим идеям» (Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 206 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]). Недавно Джозеф Стиглиц тоже заявил, что доминировавший до сих пор неоклассический подход в значительной степени был причиной ошибочного представления о том, что социалистическая экономическая система работоспособна. Он пришел к следующему выводу: «В том, что многие восточноевропейские страны оказались в ужасном положении, отчасти следует винить стандартные (неоклассические) модели. Есть серьезные аргументы в пользу того, что доминировавшие среди экономистов взгляды явились причиной невиданных страданий половины населения земного шара» (J. E. Stiglitz, *Whither Socialism?*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1994, pp. ix—xii). См. примерно те же идеи, высказанные мной за два года до Стиглица: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 33ff. [см.: *Уэрта де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 24 Понятие экономического расчета, анализ этого понятия и его значения для человеческой деятельности и взаимодействия людей исключительно важны для Мизеса, и он посвящает этой теме всю третью часть (главы XI—XIII) «Человеческой деятельности». Заслуга Мизеса состоит в том, что он смог интерпретировать теоретически ту связь, которая существует между субъективным (ординальным) миром индивидуальных оценок и внешним миром рыночных оценок, выраженных в денежных единицах (типичным кардинальным миром экономических расчетов). Мост между двумя мирами возникает тогда, когда люди вступают в отношения обмена, который, под воздействием различных субъективных оценок его участников, совершается по денежной цене рынка или на основании исторически установившегося менового соотношения между денежными единицами и конкретным количеством конкретного блага, благодаря чему предприниматель впоследствии может использовать сведе-

- ния об обмене как информацию, полезную для оценки будущего развития событий и принятия решений (т.е. для экономических расчетов). Из этого следует, что если свободному обмену препятствуют, то между людьми не заключаются добровольные сделки обмена, и мост (или связь) между субъективным (ординалистским) миром информации и непосредственных оценок и внешним (кардинальным) миром цен разрушается. Это приводит к невозможности экономического расчета. См. в особенности Murray N. Rothbard, 'The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited', *Review of Austrian Economics*, vol. 5, no. 3, 1991, pp. 64—75.
- 25 Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*, Gustav Fischer, Jena, 1922. Англ. пер.: *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Liberty Classics, Indianapolis, 1981, translated by J. Kahane, with a foreword by F. A. Hayek. [Рус. пер.: *Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ*. М.: Catallax, 1994.] В этот трактат практически целиком вошел первый значительный текст Мизеса о социализме, его статья 'Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 47, 1920, pp. 106—121. Кроме того, статья была переведена на английский З. Адлером (S. Adler) и опубликована под названием «Экономический расчет в социалистическом сообществе» ('Economic Calculation in the Socialist Commonwealth', *Collectivist Economic Planning*, F. A. Hayek (ed.), Augustus M. Kelley, Clifton, 1975).
- 26 См. предисловие Ф. Хайека к четвертому изданию «Социализма» на английском языке, опубликованному в 1981 г. (*Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, op. cit., p. xix [см.: *Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ*. М.: Catallax, 1994]). Мизес вспоминал, что когда он поступил в университет, то придерживался сугубо этактистских взглядов, которые постепенно поменялись в результате изучения политической экономии: «Когда я начал учиться в университете, я тоже был стопроцентным этактистом (интервенционистом). Однако, в отличие от моих университетских товарищей, я был сознательным противником марксизма. Первые сомнения в достоинствах интервенционизма зародились у меня тогда, когда в пятом семестре профессор Филиппович побудил меня заняться изучением жилищных условий рабочих, а в шестом профессор Лёффлер, чей семинар по уголовному праву я посещал, попросил меня изучить поправки к закону о домашней прислуге, которую хозяева в то время продолжали подвергать телесным наказаниям. Тогда я начал осознавать, что причиной всех реальных улучшений в положении трудящихся был исключительно капитализм, а социальные законы часто приводили к результатам, противоположным целям их инициаторов» (Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, op. cit., pp. 16 and 19—20).
- 27 Остальные три великих спора (в хронологической последовательности): спор о методе (*Methodenstreit*) между Менгером и немецкой исторической школой в XIX в., спор о понятии капитала и теории процента, который первоначально возник между Бём-Баверком и Дж. Б. Кларком, а потом продолжился между Мизесом, Хайеком и Махлупом, с одной стороны, и представителем чикагской школы Фрэнком Найтом — с другой, и широкоизвестный спор Хайека и Кейнса в 1930-е годы (см.: F. A. Hayek, *Contra Keynes and Cambridge: Essays, Correspondence*, vol. 9 of *The Collected Works of F. A. Hayek*, Bruce Caldwell (ed.), Routledge, London, 1995). Ход истории (крах реального социализма) и развитие экономической мысли (кризис кейнсианства) демонстрируют, что австрийцы в этих спорах были правы.
- 28 Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit. [Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008] См. также: Donald A. Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, Cambridge University Press, Cambridge, 1985.
- 29 «Мизес был прав... Социализм был величайшей трагедией нашего века» (Robert L. Heilbroner, 'The Triumph of Capitalism', *New Yorker*, January 23, 1989, и 'Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought', *Journal of Economic Literature*, vol. 28, September 1990, pp. 1097 and 1110—1111). Экономисты Влодзимеж Брус и Казимеж Ласки тоже пришли к выводу, что Оскару Ланге и теоретикам социализма

- «не удалось дать достойный ответ австрийцам» (Włodzimierz Brus, Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, Clarendon Press, Oxford, 1985, p. 60). Мизес суммирует свою позицию по экономическому расчету при социализме в Пятой части «Человеческой деятельности» (главы XXV и XXVI).
- 30 Величайшая заслуга Мизеса состоит в том, что он был первым, кто заявил о теоретической невозможности социализма. До этого (с 1848 по 1920 г.) на это никто не отваживался. Кроме того, он показал, что своей жизнеспособности социалистическая идея обязана ошибкам неоклассического подхода (см. раздел 2 Главы XXVI) и конструктивистскому рационализму (который Мизес называл «рационалистическим романтизмом»). См.: Mises, *Human Action*, pp. 507 and 702 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 31 Как верно заметил профессор экономической теории миланского Университета Боккони Туллио Баджотти: «Такое название немного удивляет. До него им не воспользовался ни один экономист, хотя экономика часто взламывала собственные границы и становилась руководством к действию» (Tullio Bagiotti, 'Presentazione' to the Italian edition of *L'Azione Umana: Trattato di economia*, Union Tipografico-Editrice Torinese, Turin, 1959, p. vi).
- 32 Мизес прямо утверждает, что суть предпринимательства — творчество («Творческий человеческий ум становится тогда, когда он управляет деятельностью и производством»). Он резко критикует популярное, но ошибочное мнение, что прибыль связана с предпринимательским риском (риск всего лишь порождает дополнительные издержки в процессе производства и не имеет ничего общего с предпринимательской прибылью (Mises, *Human Action*, pp. 809—810 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]), и не менее ошибочное представление, что предпринимательство является производственным фактором, который можно купить и продать на рынке. Наоборот, пишет Мизес: «Чтобы добиться успеха в коммерции, человеку не нужна степень, полученная в бизнес-школе. Эти школы готовят подчиненных для рутинной работы. Они не готовят предпринимателей. Предпринимателя нельзя подготовить. Человек становится предпринимателем, используя возможности и заполняя пробелы. Чтобы продемонстрировать точные оценки, предвидение и энергию, не требуется образования» (с. 314).
- 33 Недавно Кирцнер рассказал мне, что его профессиональную судьбу решил случай. Он записался на семинар по экономической теории, который Мизес в 1949 по 1969 г. вел в Нью-Йоркском университете, потому, что у Мизеса было больше публикаций, чем у остальных преподавателей. Главные книги Кирцнера: *Competition and Entrepreneurship*, Chicago University Press, Chicago, 1973 [Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010]; *Perception, Opportunity and Profit*, Chicago University Press, Chicago, 1979; *Discovery and the Capitalist Process*, Chicago University Press, Chicago, 1985; *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*, Basil Blackwell, Oxford, 1989; *The Meaning of the Market Process*, Routledge, London, 1992.
- 34 Заявление Мизеса о том, что экономическая теория имеет дело со средствами, а не с целями (с. 15), нужно понимать в том смысле, что экономическая теория никогда не занимается содержательным анализом целей, к которым стремится действующий человек, и не выносит им оценку. Однако экономический анализ учитывает не только средства, но и цели: строго формально, как результаты постоянного потока вновь создаваемой информации, которую порождает предпринимательский процесс человеческого взаимодействия. Кроме того, экономическая теория выясняет, какие установленные правила и нормы поведения находятся в согласии со стихийным процессом социальной координации, движимом силой предпринимательства, а какие мешают ему и блокируют. Мы совершенно согласны с Ротбардом (Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, Atlantic Highlands, New Jersey, 1982, p. 202 [см.: Ротбард М. Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)]), который критикует Мизеса за то, что он считал этические нормы чисто субъективными (см. прим. 73). К тому же, редукционистская и чрезмерно узкая трактовка Лайонелом Роббинсом четкой и ясной позиции Мизеса

- в вопросе о роли целей и средств в экономическом анализе привела его к ошибочному выводу, что цели «даны» (не в том смысле, что они не подлежат оценке, а в том, что они известны и постоянны), и, следовательно, экономическое поведение человека сводится к простой оптимизации или максимизации, направленной на то, чтобы по максимуму достичь предустановленных целей, используя данные средства (с. 21).
- 35 Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 150 and 406—407 [Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008]. Как пишет Мизес, теория предшествует эмпирическим фактам и необходима для трактовки той социальной реальности, которая образует историю. Для оформления истории как научной дисциплины нужно также ненаучное суждение о значимости тех или иных событий (*Verstehen*, понимание) которое не является объективным и поэтому у разных историков разное (глава II «Человеческой деятельности»).
- 36 «Экономическая теория — это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей... Производство не является чем-то физическим, материальным либо внешним; оно представляет собой духовный и умственный феномен» (с. 92 и 144). Таким образом, с точки зрения экономической теории «ограничения» связаны не с материальными факторами внешнего мира (как, например, в энергетике, где ограничения обусловлены запасами нефти), а с предпринимательскими знаниями людей (изобретение карбюратора, удвоившего эффективность двигателя внутреннего сгорания, имеет тот же экономический эффект, что и удвоение физических запасов нефти).
- 37 Ярким примером может служить доказательство закона убывающей отдачи исключительно формально-логическими средствами (раздел 2 главы VII «Человеческой деятельности»). Это логическое доказательство от противного: оно основано на том, что если бы в мире человеческой деятельности этот закон не действовал, то неизменные производственные факторы обладали бы неограниченной производственной способностью и, соответственно были бы даровыми. Сын великого экономиста Карл Менгер попытался, на наш взгляд, безуспешно, опровергнуть теорему Мизеса о строго праксиологическом характере закона убывающей отдачи. См.: Karl Menger, 'Remarks on the law of Diminishing Returns. A Study in Meta-Economics', Chapter 23 of Karl Menger, *Selected Papers in Logic and Foundations, Didactics, Economics*, D. Reidel Publishing Co., Dordrecht, Holland, 1979, pp. 279—302.
- 38 Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 58 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]. Недавно с объективным и благожелательным анализом методологии Мизеса выступил Брюс Колдуэлл, см. Bruce Caldwell, *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*, second edition, Routledge, London, 1994, pp. 117—138. О методологии Мизеса вообще и о соотношении теории и истории, в частности, см. библиографию в моей статье 'Crisis y método en la Ciencia Económica', *Hacienda Pública Española*, no. 74, 1982 (переиздано в: Jesús Huerta de Soto, *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994, pp. 59—84), а также «Теорию и историю» Мизеса (Mises, *Theory and History*, Yale University Press, New Haven, Connecticut, 1957 [Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007]) и работы Хайека (Hayek, 'The Facts of the Social Sciences', in *Individualism and Economic Order*, Henry Regnery, Chicago, 1972 [Хайек Ф. Факты общественных наук // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011], и *The Counter-Revolution of Science*, Liberty Press, Indianapolis, 1979 [Хайек Ф. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003]).
- 39 Мизес называет равновесие «равномерно функционирующей экономикой» и считает его идеальной конструкцией, полезной для анализа лишь двух проблем экономической науки: возникновения предпринимательской прибыли в динамической среде

- и соотношения цен на потребительские блага и цен на производственные факторы, необходимые для их производства (*Mises, Human Action*, p. 248 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005*]). В этом отношении я придерживаюсь еще более радикальной позиции, чем Мизес. Я считаю, что возникновение предпринимательской прибыли и обычай устанавливать цены на производственные факторы в соответствии с дисконтированной ценностью их предельной производительности можно объяснить, не обращаясь к модели (общего или частичного) равновесия, исключительно исходя из стремления динамических процессов достичь состояния, которое Мизес называл «конечным состоянием покоя» (и которого невозможно достичь в реальности). Так или иначе, нужно подчеркнуть, что, согласно Мизесу, «главной заслугой австрийской школы и тем, что обеспечит ей бессмертную славу, является то, что она создала теорию экономической деятельности, а не теорию экономического равновесия и бездеятельности» (*Ludwig von Mises, Notes and Recollections*, op. cit., p. 36). Более того, Мизес писал: «Идеальная конструкция конечного состояния покоя характеризуется особым вниманием к изменениям во временной последовательности событий» (*Mises, Human Action*, p. 246 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005*]). Это отличает ее от модели равновесия, или «равномерно функционирующей экономики», в которой фактор времени элиминирован (с. 247).
- 40 «В области экономической науки нет постоянных зависимостей, и, следовательно, невозможны никакие измерения». Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 55 [см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005*]. Кроме того, как мы уже отмечали в прим. 10, аксиоматические критерии рациональности, которые предлагают Самуэльсон и другие сторонники использования в экономической науке математических методов, тоже не имеют смысла, потому что субъект, предпочитаящий a по сравнению с b , a b по сравнению с c , может при этом предпочитать c по сравнению с a , не переставая быть «рациональным» и «последовательным»; он может просто поменять точку зрения (пусть на сотую долю секунды, которую у него заняло рассмотрение этой проблемы).
- 41 Критическому анализу использования математики в экономической науке посвящен раздел 5 главы XVI «Человеческой деятельности», и это одно из самых важных мест в книге. Взгляды Мизеса на этот вопрос напоминают позицию австрийского экономиста Ганса Майера, который был профессором экономики в Венском университете после Менгера и Визера. С точки зрения Майера, неоклассическая теория функциональной, или математической цены, не имеет смысла, потому что она основана на представлении о том, что система уравнений должна *одновременно* учитывать информацию о ценах и о количестве благ и услуг, произведенных рынком. На самом деле речь идет о разнородных величинах, которые никогда не формируются одновременно, а возникают *последовательно* в ходе процесса, как итог конкретных действий людей, обусловленных силой предпринимательства. Мы уже упоминали о наиболее значимой работе Ганса Майера, Hans Mayer, 'Der Erkenntniswert der funktionellen Preistheorien', in *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart*, vol. 2, Springer, Vienna, 1932, pp. 147—239b (английский перевод 'The Cognitive Value of Functional Theories of Price,' *Classics in Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*, Israel M. Kirzner (ed.), William Pickering, London, 1994, vol. II, pp. 55—71). Разумеется, математики имеют право попытаться создать и развить новую «математику», которая позволяла бы учитывать творческую способность человека и вытекающие из этого последствия и могла бы быть инструментом анализа этой способности, иными словами, не прибегающую к гипотезе неизменности, позаимствованной из мира физики, на которой основаны все ныне известные математические языки. Мы, однако, полагаем, что идеальным научным языком, позволяющим учитывать творческую способность человека, является язык, стихийно созданный людьми в ходе занятий предпринимательством и выраженный физически в виде тех многочисленных языков и типов речи, с которыми мы имеем дело на практике.
- 42 Экономические проблемы исчезли бы и уступили место чисто технологическим, если бы, как верно отмечал Мизес (с. 206—207), производственные факторы были бы пол-

ностью взаимозаменяемы (при фиксированных пропорциях обмена) или, наоборот, обладали бы каждый уникальной спецификой. Во всех остальных случаях все проблемы носят экономический характер (в соответствии с нашим определением «экономического» в основном тексте), если, конечно, не постулировать функции спроса и предложения и соответствующие им цены равновесия, как это делают неоклассики. При этом, несмотря на то что в реальности производственные факторы не взаимозаменяемы (при фиксированных пропорциях обмена) и не полностью специфичны, экономические проблемы реального мира сводятся к сугубо технологической проблеме максимизации.

- 43 Большой фурор произвело обращение Марка Блауга, который недавно отрекся от модели общего равновесия и от статической неоклассической (вальрасианской) доктрины. Блауг признался: «Медленно и с крайней неохотой я пришел к выводу, что они [австрийцы] правы, а мы все были неправы». См.: *Appraising Economic Theories*, Mark Blaug and Neil de Marchi (eds), Edward Elgar, London, 1991, p. 508. См. также: Mark Blaug, *Economics through the Looking-Glass*, Institute of Economic Affairs, Occasional Paper 78, London, 1988, p. 37. Недавно в статье в *Economic Journal* (November 1993, p. 157) Блауг вновь упомянул о том, что неоклассическое оправдание социалистической системы «настолько наивно, что это просто смешно. Эту чушь могли принимать всерьез только люди, перекормленные теорией статического равновесия в условиях совершенной конкуренции. Я был студентом в 1950-е годы, меня пичкали этой теорией, и сегодня я могу только поражаться собственной безмозглости». Можно было бы даже не упоминать о том, что неоклассический анализ «несовершенной» информации, который проделал Дж. Стиглер в статье «Экономическая теория информации» (G. J. Stigler, 'The Economics of Information', *Journal of Political Economy*, no. 69, June 1961, pp. 213—225), неспособен учесть реальную творческую способность человека и его неустрашимое неведение, поскольку Стиглер в своем анализе исходит из того, что и все возможные варианты развития событий в будущем, и их относительные вероятности заданы. На самом деле в реальных процессах человеческого взаимодействия неизвестны даже возможные варианты развития событий, не говоря уж о том, насколько вероятен каждый из них (ведь благодаря предпринимательскому творчеству постоянно порождаются новые варианты). Таким образом, неоклассическая теория использует карикатуру на предпринимательскую информацию, возникающую на рынке, и несмотря на заявления неоклассиков, что их модели учитывают «несовершенный» характер информации, они по-прежнему строятся на гипотезе неизменности и полноты информации о вариантах развития событий в будущем (пусть и с точки зрения их относительной вероятности). См., например: Israel M. Kirzner, 'Economics and Error', Chapter 8 of *Perception, Opportunity and Profit*, op. cit., pp. 120—136.
- 44 Исчерпывающая библиография работ Мизеса составлена Беттиной Бьен Гривз (Betina Bien Greaves and Robert McGee, *Mises: An Annotated Bibliography*, The Foundation for Economic Education, New York, 1993, 391 pp.). О жизни и эволюции взглядов Мизеса см. его автобиографию «Notes and Recollections»; см. также работы Потбарда: статью 'Ludwig Edler von Mises', *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, Macmillan, London, 1987, vol. III, pp. 479—480; брошюру *Ludwig von Mises: Scholar, Creator, Hero*, The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, Auburn, Alabama, 1988; а также *The Essential von Mises*, Oakler R. Bramble, Michigan, 1973. См. также воспоминания жены Мизеса Маргит (Margit von Mises, *My Years with Ludwig von Mises*, Arlington House, New York, 1976), и глоссарий к «Человеческой деятельности», составленный Перси Гривзом (Percy L. Greaves, *Mises Made Easier: A Glossary for Ludwig von Mises' Human Action*, Free Market Books, New York, 1974) [В 2007 г. вышла 1000-страничная научная биография Мизеса: Jörg Guido Hülsmann, *Mises: The Last Knight of Liberalism*, Auburn, Ala: Ludwig von Mises Institute, 2007 (Рус. пер.: Хьюльсман Й.-Г. Людвиг фон Мизес: Последний рыцарь либерализма. Челябинск: Социум, 2011)].
- 45 *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, no. 239, November 1944, pp. 192—193.

- 46 *The University of Chicago Magazine*, no. 67, Autumn 1974, p. 16.
- 47 См.: Maurice Allais, *L'Impôt sur le capital et la réforme monétaire*, Hermann Editeurs, Paris, 1989, p. 307. Похвала Алле имеет особенную ценность потому, что исходит из уст сторонника математических методов, чрезвычайно далекого от мизесианской методологии; правда, нужно отметить, что Алле с самого начала оценил значение идеи Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме и его призывов в создании динамической теории социальных процессов, протекающих в состоянии неравновесия. См., например, Maurice Allais, *Traité d'économie pure*, third edition, Clément Juglar, Paris, 1994, pp. 549—551 and 653—757 (на этих страницах Алле больше пяти раз цитирует Мизеса).
- 48 Lord Robbins, *Autobiography of an Economist*, Macmillan, London, 1971, p. 108.
- 49 Это консервативная оценка, исходящая из предположения, что каждое английское издание выходило тиражом 5000 экземпляров, а издания на других языках — тиражом 3000 экземпляров.
- 50 Ludwig von Mises, *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*, Editions Union, Geneva, 1940, 756 p.
- 51 «Целью этого трактата было создание завершенной теории экономического поведения, которая включала бы не только экономическую теорию рыночной экономики (системы свободного предпринимательства), но и экономическую теорию всех мыслимых систем общественного сотрудничества, т.е. социализма, интервенционизма, корпоративизма и т.п. Кроме того, я счел необходимым разобраться со всеми критическими замечаниями по адресу экономических выводов и методов, использовавшихся экономистами всевозможных школ и направлений. Только исчерпывающий разбор всех критических возражений способен удовлетворить требовательного читателя и убедить его в том, что экономическая теория — это наука, способная дать человеку знания и служить ориентиром для его поведения. Это, безусловно, чисто научный трактат, а не научно-популярная книга. Однако всем использующимся в нем специальным терминам я дал четкое определение и подробно объяснил их, и потому моя книга доступна любому образованному человеку». Так писал в декабре 1944 г. Людвиг фон Мизес своему американскому издателю Норману Дэвидсону из «Yale University Press». Это письмо цитирует его жена Маргит в своих воспоминаниях, см.: Margit von Mises, *My Years with Ludwig von Mises*, op. cit., pp. 105—106.
- 52 См. pp. 439—444 немецкого издания *Nationalökonomie*; этот кусок был переведен Перси Гривсом и вошел в его книгу Percy L. Greaves, *Mises Made Easier: A Glossary for Ludwig von Mises' Human Action*, op. cit., pp. 150—157.
- 53 Ludwig von Mises, *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*, second edition, The International Carl Menger Library, Philosophia Verlag, Munich, 1980.
- 54 См., в частности, следующие рецензии: E. Tuchtfeldt в *Neue zürcher Zeitung* (no. 207) от 8 сентября 1981 г.; в *Unsere Wirtschaft* (Düsseldorf, август 1981 г.); Wilhelm Seuss в *Frankfurter allgemeine Zeitung* (9 декабря 1980 г.); Karl Graber, *Die Presse*, Vienna (23 ноября 1981 г.).
- 55 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, Yale University Press, New Haven, Connecticut, 1949, 889 p. Британское издание тоже вышло в 1949 г. (издательство William Hodge, London).
- 56 Маргит фон Мизес подробно описывает, как возмутили Мизеса ошибки, допущенные во втором издании «Человеческой деятельности» См.: Margit von Mises, *My Years with Ludwig von Mises*, op. cit., Chapter 8.
- 57 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, third revised edition, Henry Regnery, Chicago, 1966, 907 p.
- 58 Ludwig von Mises, *Human Action: An Abridged Audiotape Version*, Classics on Tape, Ashland, Oregon, 1990, read by Bernard Mayes.
- 59 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, fourth revised edition, with a foreword by Bettina Bien Greaves, The Foundation for Economic Education, Irvington-on-Hudson, New York, 1966 (этот текст доступен в интернете на сайте Института Людвиг фон Мизеса).

- 60 Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics, The Scholar's Edition*, with an introduction by Jeffrey H. Herbener, Hans-Hermann Hoppe and Joseph T. Salerno, Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 1998.
- 61 Ludwig von Mises, *L'Azione Umana: Trattato di economia*, translation and foreword by Tullio Bagiotti, Unione Tipografico-Editrice Torinese, in the collection *Sociologi ed Economisti*, Turin, 1959, 861 pp. В 1988 г. вышел сборник памяти Туллио Баджотти, *Studi in memoria de Tullio Bagiotti*, Padova, 1988.
- 62 Китайский перевод *Human Action* by Tao-Ping Hsia, revised by Hui-Lin Wu, Yuan Liu Publishing, Taipei, Taiwan, 1991, nos. 1 and 2 of the series 'Famous Books on Libertarianism', two volumes, pp. 1—506 and pp. 507—1074.
- 63 Ludwig von Mises, *L'Action humaine: Traité d'économie*, translation by Raoul Audouin, Presses Universitaires de France, Paris, January 1985, 942 pp. Пауль Одуэн, кроме того, перевел на французский главные труды Хайека: *La Présomption fatale: Les Erreurs du socialisme*, Presses Universitaires de France, Paris, 1988, *La Constitution de la liberté*, Litec, Paris, 1994 (совместно с профессором Жаком Гарелло).
- 64 *Human Action*, translated into Korean and published in Seoul by Kyung Mun Sa Publishing Co., vol. I, 1987 (Chapters 1—19, 519 p.) and vol. II, 1988, Chapters 20—39, 459 pp.), оба с предисловием Тосио Мурата (Toshio Murata).
- 65 Ludwig von Mises, *Ação humana: um tratado de economia*, translated into Portuguese by Donald Stewart, Jr, Instituto Liberal, Rio de Janeiro, 1990, 972 p.
- 66 Ludwig von Mises, *Ningen-Kōi-Gaku*, Shunjū Sha, Tokyo, 1991, 995 pp. plus the index.
- * Точнее в сентябре. — *Ред.*
- ** Второе издание вышло в свет в 2005 г. в издательстве «Социум». — *Ред.*
- 67 Эта диссертация заслужила оценку «cum laude» [«с похвалой»]. Председателем диссертационного совета был Мариано Пуигдоллер Оливер. В состав совета входили профессоры Николас Перес Серрано, Хуан дель Розаль Фернандес, Хосе Мария Наарро Мора и Гаспар БайонЧакон. Между прочим, цензурное ведомство, существовавшее в Испании при генерале Франко, 25 апреля 1958 г. выпустило специальное распоряжение относительно этой диссертации. В официальном письме Книжной инспекции Генерального департамента информации Министерства информации и туризма говорилось, что перед изданием диссертации из нее следует «исключить отмеченные места на с. 13, 34—36 и 42—44, страницу 56 целиком, а также отмеченные места на с. 62—75, 72-78, 96—125 и 142—197; исправленные гранки предоставить на утверждение инспекции».
- 68 Ludwig von Mises, *La acción humana (tratado de economía)*, Fundación Ignacio Villalonga, Valencia, 1960, vols I and II. У меня есть экземпляр этой книги с пометками цензора, где отмечены пассажи, которые он счел политическими опасными для режима Франко и потребовал исключить. Фонд, издавший книгу, был создан предпринимателем Игнасио Вильялонга. В юности он был депутатом от каталонской Региональной Лиги (*Lliga Regionalista*) Франсеска Камбо, а позже спонсировал издание книг о либертарианстве, демократии и рыночной экономике, для чего во франкистской Испании требовалась изрядная смелость. В 1960-е годы за издательское дело в фонде Вильялонги отвечал Хоакин Рейг Альбиоль. См. также: 'Ignacio Villalonga: Biographical Sketch of a Politician, Banker and Liberal' in Jesús Huerta de Soto, *Nuevos Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 2002, ch. XV, pp. 379—394.
- 69 Ludwig von Mises, *La acción humana (tratado de economía)*, second edition in Spanish, Editorial Sopec, Madrid, 1968, translated by Joaquín Reig Albiol, 1066 p. Я впервые знакомился с трактатом Мизеса именно по этому изданию. Это было двадцать лет назад, когда я начал изучать экономическую теорию в мадридском университете Комплутенсе.
- 70 Другие значительные работы Мизеса, изданные на испанском издательством Unión Editorial: *Burocracia*, translated by Dalmacio Negro Pavón, Unión Editorial, Madrid, 1974; *Teoría e Historia*, translated by Rigoberto Juárez Paz, Unión Editorial, Madrid, 1975 and 2003; *Sobre liberalismo y capitalismo* — сборник, включающий, в частности,

- «Либерализм» (третье издание), «Антикапиталистическую ментальность» (второе издание) и «Шесть лекций о капитализме» (второе издание), Unión Editorial, Madrid, 1995; *La teoría del dinero y del crédito*, Unión Editorial, Madrid, 1997; *Socialismo, Análisis económico y sociológico*, Unión Editorial, Madrid, 2003; *Crítica del intervencionismo*, translated by Jesús Gómez Ruiz, Unión Editorial, Madrid, 2001; *Autobiofría de un liberal*, Unión Editorial, Madrid, 2001; *Gobierno omnipotente*, translated by Pedro Elgoibar, Unión Editorial, Madrid, 2002.
- 71 Ludwig von Mises, *La acción humana: tratado de economía*, Unión Editorial, Madrid, 1980, third edition, 1302 p.; fourth edition of 1985, 1302 p. Эти издания мои студенты используют как учебники уже десять лет, с тех пор как я начал преподавать политическую экономию в Школе права мадридского университета Комплутенсе.
- 72 В своих воспоминаниях Маргит фон Мизес писала: «Самые преданные читатели и самые горячие почитатели были у Людвига в странах, где говорят по-испански. Вероятно, чем тяжелее пята диктатуры, тем больше люди тоскуют по свободе» (Margit von Mises, *My Years with Ludwig von Mises*, op. cit., p. 109). Мизес несколько раз ездил читать лекции в Латинскую Америку: 30 июля — 28 августа 1949 г. в Школе экономики Университета Мехико, 31 марта — 16 апреля 1950 г. в Университете Перу по приглашению Центрального банка Перу, 19—28 сентября 1958 г. в Мехико, по приглашению Института социально-экономических исследований, и, наконец, 2—15 июля 1959 г. в Университете Буэнос-Айреса по приглашению Центра изучения свободы. Лекции, прочитанные им в Аргентине, были записаны и опубликованы по-английски под названием *Economic Policy: Thoughts for Today and Tomorrow*, Henry Regnery, Chicago, 1979. Хоакин Реиг Альбиоль перевел их на испанский и опубликовал под названием «Шесть лекций о капитализме», *Seis lecciones sobre el capitalismo*, Instituto de Economía de Mercado and Unión Editorial, Madrid, 1981, 107 pp. (в 1991 г. изданы в составе сборника *Sobre liberalismo y capitalismo*, op. cit.).
- 73 См. с. 405—408 и особенно с. 264—267, где Мизес прямо пишет, что «рыночная экономика является продуктом длительного эволюционного процесса». Более того, на с. 33, Мизес объясняет, что априорный характер категорий мышления прекрасно сочетается с теорией эволюции, и приходит к тем же идеям, которые подробно развивал Хайек в книге «Сенсорный порядок», Hayek, *The Sensory Order*, The University of Chicago Press, Chicago, 1976. В свете этих цитат из «Человеческой деятельности» хайековская критика утилитаристского рационализма Мизеса в предисловии к последнему изданию «Социализма» выглядит несколько преувеличенной. См.: Ф. А. Хайек, 'Foreword', *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Liberty Classics, Indianapolis, 1981, pp. xxiii—xxiv; см. также: Jesús Huerta de Soto, *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994, pp. 114—115.
- 74 Ф. А. Хайек, *Law, Legislation and Liberty*, The University of Chicago Press, Chicago, three vols, 1973, 1976 and 1979 [Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006]; *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, Routledge, London, 1988 [Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1988].
- 75 «Все нравственные правила и человеческие законы являются средствами достижения определенных целей». *Human Action*, op. cit., p. 761 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 76 «Современная экономическая теория учит нас не тому, что субъективны моральные принципы, а тому, что субъективны издержки и выгоды» (Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, Atlantic Highlands, New Jersey, 1982, p. 202 [см.: Ротбард М. Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)]).
- 77 См.: Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Capitalism and Socialism*, Kluwer Academic Publishers, Holland, 1989, esp. Chapter 7, pp. 127—144; *The Economics and Ethics of Private Property*, Kluwer Academic Publishers, Holland, 1993, Chapters 8—10, pp. 173—208.
- 78 См.: Israel M. Kirzner, *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*, Basil Blackwell, London, 1989.

- 79 Я сформулировал идею о трехуровневом подходе к исследованию социальной реальности (на теоретическом, историко-эволюционном и моральном уровнях) в статье: 'Historia, ciencia económica y ética social', Jesús Huerta de Soto, *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994, Chapter VII, pp. 105—110. См. также мою заметку 'Conjectural History and Beyond', "The Fatal Conceit" by F. A. Hayek. A Special Symposium', *Humane Studies Review*, vol. 6, no. 2, Winter 1988—1989, p. 10 [см. наст. изд., гл. 3].
- 80 Мизес писал: «Предвосхищающая события интерпретация обстоятельств неопределенного будущего отвергает любые правила и систематизацию. Ее нельзя ни преподавать, ни заучить» (Mises, *Human Action*, op. cit., p. 585 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]. См. также: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit. pp. 52—85 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 81 См.: Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit. pp. 80—82 [см.: Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 82 Murray N. Rothbard, 'Monopoly and Competition', Chapter 10 of *Man, Economy and State*, Nash Publishing, Los Angeles, 1970, pp. 560—766; Israel M. Kirzner, 'Competition and Monopoly', Chapter 3 of *Competition and Entrepreneurship*, The University of Chicago Press, Chicago and London, 1973, pp. 88—134.
- 83 Маргит фон Мизес в своих воспоминаниях пишет, что в 1965 г., во время конференции Общества Мон-Пелерен в Стрезе, Хоакин Рейг беседовал с Мизесом о монополии и об опубликованной в 1962 г. книге Ротбарда «Человек, экономика и государство» («Man, Economy and State»). «Рейг обратил внимание Людвига на то, что Ротбард, один из его самых способных и преданных учеников, не совсем согласен с его анализом монополии. Людвиг ответил: „Я готов подписаться под каждым словом в этом исследовании Ротбарда“. Рассказывая мне об этом, Рейг заметил: „Со стороны Людвига фон Мизеса было очень благородно сказать, что его ученик выразил одну из его идей лучше, чем он сам. После этого признания я стал восхищаться им еще больше“» (Margit von Mises, *My Years with Ludwig von Mises*, op. cit., p. 158). Другое признание Мизеса, свидетельствующее о его скромности и интеллектуальном благородстве (какой контраст с самоуверенностью современных исследователей!), можно найти на с. 786 «Человеческой деятельности», где, рассуждая о золотом стандарте (контролируемого государством при разрешении частичного резервирования), он сожалеет, что не увидел с самого начала, насколько легко при такой системе правительству манипулировать денежным предложением: «Обсуждая проблему золотовалютного стандарта, все экономисты включая и автора этих строк оказались не способны осознать, что он дает в руки правительствам власть легко манипулировать национальной валютой».
- 84 См.: Jesús Huerta de Soto, 'Entrepreneurship and the Economic Analysis of Socialism', в: *New Perspectives on Austrian Economics*, Gerrit Meijer (ed.), Routledge, London and New York, 1995, esp. pp. 247—250.
- 85 Например, в части 4 «Теории денег и кредита» («Реконструкция денежной системы»), изданной по-английски в 1953 г., спустя четыре года после выхода в свет «Человеческой деятельности», он приходил к следующему выводу: «Главное, чтобы правительство больше не имело возможности увеличивать ни количество денег в обращении, ни количество чеков, если они не полностью — т.е. не на 100% обеспечены вкладами граждан». Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, Liberty Classics, Indianapolis, 1981, pp. 481 and 491 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011].
- 86 Наиболее полную библиографию см.: Jesús Huerta de Soto, 'A Critical Analysis of Central Banks and Fractional-Reserve Free Banking from the Austrian School Perspective', *Review of Austrian Economics*, vol. 8, no. 2, 1995, pp. 25—38 [см. наст. изд., гл. 10]. Важно

- подчеркнуть, что Мизес и те экономисты австрийской школы, которые выступают за свободную банковскую систему, основанную на 100%-ном резервировании, придерживаются радикально иной позиции, чем теоретики чикагской школы, тоже выступающие за стопроцентное резервирование по банковским вкладам до востребования. Теоретики чикагской школы отстаивают необходимость монополии центрального банка, который, с их точки зрения, должен отвечать за денежное предложение. Они предлагают ввести 100%-ное резервирование именно для того, чтобы облегчить государству проведение денежной политики и сделать ее результаты более «предсказуемыми». В отличие от них, теоретики австрийской школы выступают против любого вмешательства государства в сферу денег и кредита, за реприватизацию банковской системы и введение 100%-ного резервирования по вкладам до востребования в товаре, который в данный момент используется на рынке в качестве денег (т.е. в золоте и, в меньшей степени, в серебре). Следовательно, позиция австрийцев противоположна и монетаристскому подходу, с его общим уравнением обмена, и кейнсианскому подходу. Две последние школы подходят к проблеме с макроэкономической точки зрения, игнорируя выводы теории предельной полезности применительно к денежной сфере, а также нарушения координации на микроэкономическом уровне и последствия инфляции для капитальных благ. См.: Jesús Huerta de Soto, 'Crítica de las doctrinas monetarista y keynesiana', Chapter VII of *Dinero, crédito bancario y ciclos económicos*, Unión Editorial, Madrid, 1996 [*Уэрта де Сото* X. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008. Гл. VII].
- 87 «В той мере, в какой существует свободный капитализм, больше не существует проблемы нищеты в том смысле, в каком этот термин применялся для условий некапиталистического общества. Рост численности населения плодит не лишние рты, а дополнительные руки, использование которых создает дополнительное богатство» (Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 836 [см.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005]).
- 88 См.: Ф. А. Хайек, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, Routledge, London, 1988, pp. 120—134 [*Хайек* Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1988]; Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, op. cit., pp. 80—82 [*Уэрта де Сото* X. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 89 См.: Julian L. Simon, *The Economic Consequences of Immigration*, Basil Blackwell, London, 1989; *The Ultimate Resource*, Princeton University Press, Princeton, 1994 (second edition).
- 90 См. подробный анализ этой проблемы в «Бюрократии» (Mises, *Bureaucracy*, Yale University Press, 1944 [*Мизес Л. фон*. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006.]), где он приходит к следующему выводу: «Немецкие метафизики, обожествившие государство, специально запутали публику, убедив ее в том, что все государственные чиновники воплощают идеал альтруистического самопожертвования» (с. 78). Взгляды Мизеса оказали сильное влияние на Уильяма Нисканена, автора ставшего классическим экономического анализа бюрократии, который в своей книге приводит обширные цитаты из «Бюрократии» Мизеса. См.: William A. Niskanen, *Bureaucracy and Representative Government* (second edition included in *Bureaucracy and Public Goods*, Edward Elgar, Aldershot, England, 1994), pp. 3, 7—9, 19, 36, 68—79, 201, 208.
- 91 «Демократия гарантирует систему правления, согласующуюся с желаниями и планами большинства. Но она не мешает большинству стать жертвой ошибочных идей и не гарантирует, что в результате применения неправильной политики не просто не будут достигнуты поставленные цели, а не случится катастрофы». Ludwig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 193 [см.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 92 «Золотой стандарт делает процесс определения покупательной способности денег независимым от амбиций и доктрин политических партий и групп давления. Это является не недостатком золотого стандарта, а его главным преимуществом». Lud-

- wig von Mises, *Human Action*, op. cit., p. 474 [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005].
- 93 Цит. по: Thomas J. DiLorenzo, 'The Subjective Roots of James Buchanan's Economics', *Review of Austrian Economics*, vol. 4, 1990, p. 108. Ди Лоренцо тем не менее признает, что школа общественного выбора не полностью находится под воздействием субъективизма и что в значительной степени она до сих пор опирается на позитивистскую и сциентистскую методологию неоклассической школы. См. также: Thomas J. DiLorenzo, 'Competition and Political Entrepreneurship: Austrian Insights into Public Choice Theory', *Review of Austrian Economics*, vol. 2, pp. 59—71.
- 94 Иными словами, если прибегнуть к не очень удачному, но модному нынче выражению, подробное изучение «Человеческой деятельности» можно рассматривать как очень выгодную «инвестицию в человеческий капитал». Между прочим, со взглядами Мизеса на то, что не слишком корректно называется теорией «человеческого капитала», т.е. на процессы инвестирования в образование и профессиональную подготовку и на их ярко спекулятивный и предпринимательский характер, можно ознакомиться на с. 624 и 625 «Человеческой деятельности». О том скромном рациональном зерне, которое содержится в так называемой «теории рациональных ожиданий», см. «Человеческую деятельность», с. 797, а также статью Мизеса 'Elastic Expectations in the Austrian Theory of the Trade Cycle', *Economica*, August 1943, pp. 251—252. Об ошибках «теории рациональных ожиданий» Мизес пишет на с. 871; см. также: Gerald P. O'Driscoll and Mario J. Rizzo в: *The Economics of Time and Ignorance*, Basil Blackwell, Oxford, 1985, pp. 222ff.; Jesús Huerta de Soto, *Dinero, crédito bancario y ciclos económicos*, Unión Editorial, Madrid, 1996, Chap. VII [Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008. Гл. VII].
- 95 С желающими изучить «Человеческую деятельность» самостоятельно я могу поделиться личным опытом. Если посвящать чтению примерно три часа в день, это можно сделать за месяц.
- 96 Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, vol. II, *Positive Theory of Capital*, Book III, 'Value and Price', Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1959, pp. 207—256 [Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. II—III. Челябинск: Социум, 2010. Т. II: Позитивная теория капитала. Книга III: Ценность и цена].
- 97 Эту лакуну легко заполнить, порекомендовав студентам книгу Ротбарда; Murray N. Rothbard, 'General Pricing of the Factors', Chapter 7 of *Man, Economy and State*, Nash Publishing, Los Angeles, 1970, pp. 387—433 (fourth edition by the Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1994).
- 98 См.: Jesús Huerta de Soto (ed.), *Lecturas de Economía Política*, three vols., Unión Editorial, Madrid, 1986—1987. В этот трехтомник включены, в частности, испанские переводы работ, упомянутых в двух предыдущих примечаниях: Eugen von Böhm-Bawerk, 'La ley básica de determinación del precio' (vol. I, pp. 99—142) и Murray N. Rothbard, 'La fijación general del precio de los factores de producción' (vol. II, pp. 21—48).
- 99 Посмертно изданная книга Мюррея Ротбарда по истории экономической мысли, написанная с позиции австрийской экономической школы, состоит из двух томов: том первый «Экономическая мысль до Адама Смита», том второй «Классическая экономическая теория» (Murray N. Rothbard, *An Austrian Perspective on the History of Economic Thought, Economic Thought before Adam Smith* (vol. 1) and *Classical Economics* (vol. 2), Edward Elgar, Aldershot, England, 1995).
- 100 В связи с этим нельзя не упомянуть о замечательном экономическом трактате Мюррея Ротбарда «Человек, экономика и государство» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State*), который уже выдержал четыре издания (Van Nostrand, New Jersey, 1962; Nash Publishing, Los Angeles, 1970; New York University Press, 1979; Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1994). Его дополняет другая книга Ротбарда, «Власть и рынок» (*Power and Market*, Institute for Humane Studies, 1970, New York University Press, 1977) [Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010]. Несмотря на то что Ротбард блестяще разъяснил многие вопросы и во многих отношениях его трактат смог превзойти «Человеческую деятель-

ность», нам кажется, что трактат по современной политической экономии, который подобрал бы в себя все последние открытия и достижения австрийской школы и стал бы импульсом к ее развитию в XXI в., еще не написан.

ГЛАВА 18

Памяти Мюррея Ротбарда

- 1 Впервые опубликовано в *Journal des économistes et des études humaines, Bilingual Journal of Interdisciplinary Studies*, Paris & Aix-en-Provence, vol. 6, no. 1. March 1995, pp 15—20.
- 2 M. N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, New Jersey, 1962 [Ротбард М. Этика свободы (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>)]. Книга была переиздана еще три раза: Nash Publishing, Los Angeles, 1970; New York University Press in New York in 1979; Ludwig von Mises Institute and Auburn University, 1994. Некоторые ее разделы были переведены на испанский и опубликованы в томах I и II составленной мной хрестоматии *Lecturas de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1986—1987.
- 3 M. N. Rothbard, 'Nations by Consent: Decomposing the Nation-State', *Journal of Libertarian Studies*, vol. XI, no. 1 (autumn), 1970; переиздано издательством New York University Press, New York, 1977.
- 4 Ротбард настолько горячо отстаивал томистскую доктрину *ius naturalism* (естественных прав), что прошел слух, будто бы он перешел в католичество. Хотя Ротбард опровергал это, он, конечно, был настоящим «томистом-агностиком», по выражению о Роберта Сирико (Father Robert Sirico, 'Murray N. Rothbard, 1926—1995', *Liberty*, vol. VIII, no. 4, March 1995, p. 13).
- 5 Благодаря одной из таких ночных бесед и заинтересовался либеральной теорией Роберт Нозик. Сам Нозик писал: «Мой интерес к теории индивидуалистического анархизма резко вырос после одного долгого разговора с Мюрреем Ротбардом примерно шесть лет назад» (R. Nozick, *Anarchy, State and Utopia*, Basic Books, New York, 1974, p. xv [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]).
- 6 Джозеф Соберан, вспоминая о Ротбарде, писал: «Самым первым политическим воспоминанием Мюррея было то, как однажды в 30-е годы на семейном празднике его родственники, большинство из которых были коммунистами, ругали Франко. Маленький Ротбард потряс семейство вопросом: „А что плохого сделал Франко?“ Это был абсолютно неприличный вопрос. Уже в детстве Мюррей начал ниспровергать основы» (Joseph Soberan, *Liberty*, vol. 8, no. 4, March 1995, p. 26). Хотя вопрос маленького Ротбарда и возмутил его родителей-коммунистов, он был совершенно прав, особенно с учетом очень большого сходства между диктаторским, основанным на принуждении, режимом Франко, и тем режимом, который не менее насильственным путем пытались навязать Испании его противники.
- * *Фуэрос* — общий свод законов в государствах Пиренейского полуострова, относящихся ко всем подданным государства, а также законы, подтверждающие права провинций и муниципалитетов. Название происходит от латинского слова *forum* в значении суд, право или рынок. Первое известное фуэро — «Вестготская правда» (*лат.* *Forum judicum*), созданное в 654 г.
- ** *Кутюмы* — в средневековой Франции правовой обычай; запись, норма обычного права. Кутюмы преобладали в Северной Франции, которая в отличие от Южной считалась «страной обычного права». Во Франции было около 360 систем кутюмов, сложившихся на основе старых правд и грамот.
- 7 M. N. Rothbard, 'New Light on the Prehistory of the Austrian School', глава 3 *The Foundations of Modern Austrian Economics*, Dolan, E. (ed.), Sheed & Ward, Kansas City, 1976, pp. 52-74.

- 8 См.: М. Н. Rothbard, *Economic Thought before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. I, Aldershot, Elgar, 1995; *Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*, vol. II, Aldershot, Elgar, 1995. В этой книге он высоко оценивает и подробно анализирует континентальную католическую традицию и ее противостояние англосаксонской традиции, протестантской по происхождению. См. об этом J. Huerta de Soto, 'Génesis, esencia y evolución de la Escuela Austriaca de Economía', in *Estudios de Economía Política*, Unión Editorial, Madrid, 1994.
- 9 Rothbard, *The Ethics of Liberty*, op. cit. Существует французское издание: *L'Éthique de la Liberté*, Les Belles Lettres, Paris, 1991. Под названием *La Ética de la Libertad* книга вскоре должна выйти в «либертарианской» серии мадридского издательства «Unión Editorial», редактором которой является автор этих строк. [См.: *Ротбард М. Этика свободы* (неотредактированный рус. пер. на <http://libertynews.ru/node/142>).]
- 10 М. Н. Rothbard, *Power and Market*, Institute for Humane Studies, Menlo Park, Calif., 1994, pp. 1—10 [*Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика*. Челябинск: Социум, 2010].
- 11 J. Huerta de Soto, 'A Critical Analysis of Central Banks and Fractional Reserve Free Banking from the Austrian School Perspective', *Review of Austrian Economics*, vol. VIII, no. 2, 1995, pp. 25—38 [см. наст. изд., гл. 10].

ГЛАВА 19

Как отличить хорошего экономиста от плохого: способ Хайека

- 1 Впервые опубликовано в: *Procesos de Mercado: Revista Europea de Economía Política*, vol. I, no. 2, autumn 2004, pp. 121—124.
- 2 Ф. А. Hayek, *The Pure Theory of Capital*, Routledge, London, 1976, p. 439.
- 3 Huerta de Soto, J. (2006). *Money, Bank Credit and Economic Cycles*, Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 2006, pp. 265—395 [см.: Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008].
- 4 Mises, L. von, *Notes and Recollections*, Libertarian Press, South Holland, Illinois, 1978, p. 36.

ГЛАВА 20

Эффект Рикардо

- 1 Впервые опубликовано в: *An Eponymous Dictionary of Economics*, edited by Julio Segura and Carlos Rodríguez Braun.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Интервью: испанские корни австрийской школы

- 1 Это интервью вышло в 1997 г., в летнем выпуске (vol. 17, no. 2, pp. 1—7) посвященного австрийской экономической теории ежеквартальника the *Austrian Economics Newsletter* (AEN). Поводом для интервью был мой доклад в Институте Людвиг фон Мизеса (Университет Оберн, Алабама) в апреле 1997 г. на тему «Испанские корни австрийской школы». Взял интервью Джеф Такер.
- 2 *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008.

Классический либерализм и анархокапитализм

- 1 Перевод сделан по: *Property, Freedom and Society. Essays in Honor of Hans-Hermann Hoppe*. Ed. by Jörg Guido Hülsmann and Steppan Kinsella. Auburn, Ala: Mises Institute, 2009. Pp. 161—178.
- 2 Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process* (Chicago and London: University of Chicago Press, 1985), p. 168.
- 3 Jesús Huerta de Soto, *Socialismo, Cálculo Económico, y Función Empresarial*, 3rd ed. (Madrid: Unión Editorial, 2005), pp. 151—153 [*Уэрта де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, Социум, 2008].
- 4 Jesús Huerta de Soto, *Money, Bank Credit, and Economic Cycles*, Melinda A. Stroup, trans. (Auburn, Ala.: Mises Institute, 2006) (originally published in Spanish in 1998 as *Dinero, Crédito Bancario, y Ciclos Económicos*, 3rd ed. (Madrid: Unión Editorial, 2006) [*Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008].
- 5 F. A. Hayek, *Law, Legislation, and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*, 3 vols. (Chicago: University of Chicago Press, 1973—1979) [*Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006].
- 6 Carlos Rodríguez Braun, *A Pesar Del Gobierno: 100 Críticas al Intervencionismo con Nombres y Apellidos* (Madrid: Unión Editorial, 1999).
- 7 Hans-Hermann Hoppe, *Democracy — The God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order* (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2001).
- 8 Возможно, наиболее ярким исключением из этого правила стала книга папы Бенедикта XVI «Иисус из Назарета». То, что государство и политическая власть представляют собой институциональное воплощение Антихриста, должно стать очевидным для любого человека, имеющего хотя бы самое смутное представление об истории, который познакомится с размышлениями папы о самом опасном из всех дьявольских соблазнов: «Искуситель не настолько глуп, чтобы уговаривать нас поклониться непосредственно дьяволу. Он всего лишь рекомендует нам сделать разумный выбор в пользу хорошо спланированного и тщательного организованного мира, где оставлено какое-то место и для Господа; правда, предполагается, что Он не будет вмешиваться в судьбы человечества. У Соловьева Антихрист был автором своего рода новой Библии: книги под названием «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию», обожествлявшей благоденствие и рациональное планирование» (Joseph Ratzinger, *Jesus of Nazareth*, Adrian J. Walker, trans. (London: Bloomsbury, 2007), p. 41). Примерно в том же духе, только еще более резко, высказывается Редфорд.

- 9 Anthony de Jasay, *Market Socialism: A Scrutiny: This Square Circle* (Occasional paper 84) (London: Institute of Economic Affairs, 1990), p. 35.
- 10 Jesús Huerta de Soto, “The Essence of the Austrian School,” lecture delivered at the Bundesministerium für Wissenschaft und Forschung, March 26, 2007, in Vienna; published in *Procesos de Mercado: Revista Europea de Economía Política* 4, no. 1 (Spring 2007): 343—350, see esp. 347—348.
- 11 Jesús Huerta de Soto, “El Economista Liberal y la Política,” in *Manuel Fraga: Homenaje Académico*, vol. 2 (Madrid: Fundación Cánovas del Castillo), pp. 763—788; reprinted at pp. 163—192 of *Nuevos Estudios de Economía Política*. На рост влияния либертарианского капитализма на современную политическую повестку указывает, например, появление статьи («Бум либертарианства» в разделе «Essay» журнала «Time» в 2007 г.: Michael Kinsley, “Libertarians Rising,” *Time* (October 29, 2007), p. 112.
- 12 Jesús Huerta de Soto, “Teoría del Nacionalismo Liberal,” in *Estudios de Economía Política*, 2nd ed. (Madrid: Unión Editorial, 2004); idem, “El Desmantelamiento del Estado y la Democracia Directa.”
- 13 Bruno S. Frey, “A Utopia? Government Without Territorial Monopoly,” *The Independent Review* 6, no. 1 (Summer 2001): 99—112.
- 14 Не следует забывать о сформулированных испанскими схоластами «золотого века» условиях, выполнение которых необходимо для того, чтобы акт насилия был справедливым: 1) все возможные мирные альтернативы должны быть исчерпаны; 2) этот акт должен быть оборонительным (т.е. ответом на конкретные акты насилия), но ни в коем случае не наступательным; 3) средства должны соответствовать цели (например, идеал независимости не стоит жизни и свободы людей, даже одного человека); 4) нужно предусмотреть все, чтобы избежать случайных жертв; 5) надежда на успех должна быть реальной (иначе речь идет о грехе самоубийства). Это мудрые принципы, и я добавлю к ним лишь один: участие в справедливом акте насилия и его финансирование должны быть добровольными. Любой акт насилия, нарушающий эти условия, нелегитимен и наносит страшный вред цели, во имя которой совершается. К этому вопросу имеет прямое отношение теория тираноубийства о. Хуана де Марианы (Juan de Mariana, *De Rege et Regis Institutione* (Toledo: Pedro Rodriguez, 1599).
- 15 Ротбард не рекомендовал нарушать современные законы (они же административные приказы), потому что в огромном большинстве случаев издержки такого поведения больше, чем выгоды.

Фатальная ошибка директивы «Solvency II»

- 1 Maestro, J. L. 2007. “Reflexiones sobre Solvencia II. Documents”. *Actualidad Aseguradora* (April 23, 2007).
- 2 Huerta de Soto, J. 2003. “Nota crítica sobre la propuesta de reforma de las normas de contabilidad”. *Partida Doble: Revista de Contabilidad, Auditoría y Empresa*, year 13, no. 192, (March 2003): 24—27.
- 3 См., в частности: Zicchino, L. 2006. “A model of bank capital, lending, and the macroeconomy: Basel I versus Basel II”. *The Manchester School* (2006 supplement): 50—77.
- 4 Huerta de Soto, S. 2005. “Eficiencia y equilibrio en los mercados de capitales”. *Procesos de Mercado: Revista Europea de Economía Política* 2, no. 2 (Autumn): 211—219.
- 5 Huerta de Soto, J. 2006. *Money, Bank Credit, and Economic Cycles*. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute. P. 388 [Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.].
- 6 Mises, L. von. 1998. *Human Action: A Treatise on Economics*. Scholar’s Edition. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute [см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005].

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрийская школа
– возрождение 53
– догматизм 57–58
– дополняемость с неоклассической школой 54–55
– ее критика 54–58
– испанское происхождение 219, 224
– критика ею неоклассической школы 45–46
– макроэкономика 52
– методологическая позиция 46–54
– отказ от предсказаний 56–57
– отличия от неоклассической школы 33–46
– отсутствие эмпирических работ 56
– отсутствие эмпирического критерия 56
– предпринимательская координация 39–41
– предпринимательская ошибка 38
– предпринимательство 37–38
– связь с эмпирическим миром 43–46
– словесный формализм 41–42
– субъективизм 37
– субъективная информация 38–39
– теория деятельности 36
- Австрийский институт исследований конъюнктуры 252
- Австрия, культурные связи с Испанией 286–287
- Агрессия 74–77, 84–85
- Адаптивная эффективность 1, 16
- Алле Морис** 155
- Аллен У.** 8
- Алчиан А.** 8
- Анархизм частной собственности 218
- Анархокапитализм 301–303
– и экономическая наука 302
- Анархокапиталистическая модель 120, 301
- Ансар Хосе-Мария** 289
- Антимонопольное законодательство 29
- Антонио Флорентийский**, св. 48, 293
- Априористически-дедуктивная методология 254–255
- Аспилькуэта Наварро**, Мартин де 48, 221, 223, 233, 237, 285
- Бальмес Хайме** 225, 287
- Банк Амстердама 153
- Банковская система, эволюция 151–154
- Банковская теория 285
– потребность в новом подходе 149
- Банковская школа 238, 239, 286
- Банковская школа 239
- Банковская эмиссия, междисциплинарный анализ 175
- Банковские договоры 175–181
- Банковское дело
– свободное б. д. 150–151, 156, 227, 356 сн. 19 и 20
– свободное б. д. с частичным резервированием
– исторические примеры 160–162
– юридические аргументы 175–181
– теория денежного равновесия 165–170
– школа 159
– с частичным резервированием 152, 154–155, 175–181, 223, 238, 240, 285–286
- Банкротства
– банков 362–363 сн. 51
– севильских банкиров 228–229
- Бдительность и предпринимательство 66
- Бём-Баверк Ойген** 48–50, 251
- Беккер Гэри** 290, 247–248 сн. 13
- Бельда Франциско** 241
- Бентам Иеремиа** 6, 60
- Бергсон А.** 6
- Берлинская стена, падение 294, 300, 301, 303, 304
- Бернардино Сиенский**, св. 3, 48, 293
- Блауг М.** 60, 388 сн. 43
- Бухгалтерские стандарты 306–317
– IAS 312, 313, 317
– «Solvency II» 310, 311, 312–317
– «Базель II» 312, 313
– в Европе 307, 309
– в страховом деле 310–311, 313
– в США 306, 309
– деградация 308–309
– традиционные принципы 306, 307, 309
– цель 308
– учет по справедливой цене 306–308
- Бьюкеннан Джеймс** 198–199
- Вальрас Леон** 4
- Вальрасианская парадигма 60, 185, 206, 245, 269
- Валюты, свобода выбора 157
- Веббы Беатрис и Сидней** 5

- Виговская теория истории науки 373 сн. 3
Вигория Франциско де 221, 286
Вклад. См. Поклажа
Воннакотт П. 19
Воннакотт Р. 19
Восточная Европа, падение социализма 200
Врожденная творческая способность 21, 90, 205, 256
Вторая фундаментальная теорема экономической теории благосостояния 6, 20
Вторые наилучшие решение 339–340
- Гарелло** Жак 99
Гвартни Дж. 18
Герменевтика 54
Гласнер Дэвид 159
Гонсалес Фелипе 113
Гордыня 91
Города, развитие 121
Государственная собственность 103
Государство 295–297, 299
– и человеческая природа 299
– нарушение прав собственности 296
– правовое 300
Государство всеобщего благосостояния, кризис 202
Государство
– демонтаж 215–218
– роль в либеральном национализме 114–115
- Грайс-Хатчинсон** Марджори 284
Грех 230, 231, 240
Гроций Гуго 287
Грэшем Томас 229
- Двойная стратегия 203, 211, 290
Демократия прямая 215–218
Демпси Бернард 242
Демсец 17, 321 сн. 41
Денежная и банковская система свободного общества 156–158
Денежная теория 30
– необходимость нового подхода 149
Денежная школа 151, 238
Денежного равновесия теория, свободное банковское дело с частичным резервированием 165–170
Денежное равновесие/неравновесие 159
Деньги 30. *См. т.ж.* Фидуциарные средства обращения.
– спрос на д. и сбережения 170–172
Депозит. *См.* Поклажа
Деятельность (действие) 65
– три уровня 200–201
Динамическая концепция деятельности 49
Динамическая эффективность 1
Документы, в обмен на звонкую монету 239. *См. т.ж.* Фидуциарные средства обращения
Долан 18
Допущения, упрощение 55
Достояние, преумножение 2–3
Доуд Кевин 156, 159, 174
- Европейский Банк 157
Европейский союз 112–113, 114, 126, 306–312
Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). *См.* Европейский союз (ЕС)
- Займы 236–237
Закон о проституции 95
Закон о сохранении энергии 3
Закон равенства взвешенных предельных полезностей 42
Закон равной предельной полезности
Закон убывающей отдачи 325 сн. 23, 386 сн. 37325 сн. 21
Знание, которое нельзя выразить словами 69–70
Знание. *См. т.ж.* Информация
– и предпринимательство 66–67
– не «дано» 89
– неявное 69–70, 79, 90
– субъективное и практическое ненаучное 67
– частное и рассеянное 67–69
- Игер** Лиланд 48, 159
Идеологические посредники 207
Избирательные права, для иммигрантов 125
Издание книг 207, 283
Издержки 41
Издержки–выгоды, анализ 43
Иммиграция. *См. т.ж.* Эмиграция
– и избирательное право 126
– и социальные пособия 124–125
– либертарианство 119
– принципы 124–127
– проблемы принудительного государственного вмешательства 121–122
– решение проблем, порождаемых миграционными потоками 123
– свобода 111–112
– чистая теория передвижения людей в либертарианской среде 120–121

- Институт гуманитарных исследований 208
 Институт Катона 208
 Институт Людвиг фон Мизеса 208
 Институты общественные 47
     – возникновение и эволюция 47, 107–108
     – передача личной морали 24–26
     – экономический анализ 31
 Институты общественные
     – предпринимательство и моральное поведение 193–195
 Интеллектуалы 207, 300
 Интервенционизм (государственное вмешательство) 86, 115, 335–336 сн. 18
 Интроспекция 47
 Инфляция 220–221
 Информация. *См. тж* Знание
     – и предпринимательство 66–67
     – неясное 79
     – объективная 38–39
     – объем 90–91
     – передача 72–73
     – создание 71–72
     – субъективная 38, 90
Иоанн Павел II, папа 96, 191, 369 сн. 18
 Испания 113–114, 130
     – культурные связи с Австрией 286–287
 Испанские схоласты 48, 284–285, 327 сн. 35
     – влияние на австрийскую школу 219, 224
 Исследовательские фонды 206
 Исследовательский фронт «Атлант» 208
 Историзм 326 сн. 32
 Италия 229–230
Калдор Н. 6
 Калдора–Хикса подход 6
Кантильон Ричард 48, 225, 287
Каранде Рамон 228, 229
Карл V 227–228, 286
Каспер Вольфганг 19
Кастильо де Бовадилля, Херонимо 221
Кастильо, Кановас дель 209
 Каталония 115–116, 117
 Католическая церковь 191, 192
 Качественный критерий успеха 62
Кейнс Джон Мейнард 5, 51, 170, 291–292
 Кейнсианская макроэкономика 52
Кирцнер Израэл 1, 12–13, 15, 35, 36, 51, 54, 58, 65, 66, 84–85, 186, 188–196, 254, 258, 264, 265, 272, 283, 291, 324 сн. 14, 330 сн. 3, 336 сн. 20, 339 сн. 16, 346 сн. 7, 347 сн. 10 с 13, 346 сн. 23, 365–366 сн. 6, 366 сн. 9, 377–378 сн. 44, 385 сн. 33,
Кларк Джон Бейтс 49
Коваррубиас-и-Лейва, Диего де 220–221, 237
Колдвелл Брюс 57
 Компенсация потенциальная 6
 Комплутенсе университет 282
 Конкуренция 10, 221, 301
 Консеквенционализм, провал 183–184
 Координация 11–12, 72–73
Кордато Рой 13–14
Коуз Рональд 17
 Кредитная экспансия 163–165, 178, 222–223, 240, 243, 252
Крейн Эдвард 59
 Кривые безразличия-предпочтений 330 сн. 63
 Кризисы ликвидности 240
Ксенофонт 2
Лавой Дон 54
Ланге Оскар 51
 Латинская Америка
Лейбенштейн Харви 1, 15–16
Леони Бруно 47, 219, 284
Лессиус Леонард 238
 Либерализм
     – в начале XX в. 294
     – идеал 294
     – классический 294–295
     – модернизация 294
     – научный 302
     – утопический 301, 302
 Либеральный национализм 303
     – и роль государства 114–115
     – и социалистический национализм 115–116
     – ключевые принципы 109–112
     – обращение национал-социалистов 116–118
     – экономические и социальные преимущества 112–116
 Либертарианская реформа. *См. тж*
     Реформы рыночные
     – роль политиков 206–211
 Либертарианская среда, иммиграция 120–121
 Либертарианские принципы, применение
 Либертарианство 301
Линдсей Д. 17
Липси Р. Дж. 8
 Личная мораль 24–26
 Логико-дедуктивный метод 44
 Ложь в политике 211–213

Локка условие/оговорка 22, 190

Луго Хуан де 47, 221, 223, 224, 235–236, 238, 240–243

Люди

- взаимодействия 108
- врожденная творческая способность 90, 205, 256

Мадрид 117

Майер Ганс 4, 41–42, 51, 291, 325 сн. 21

Макклоски Дейрде 54

Макро-, разделенность с микро- 40

Макроэкономика 30, 51

- два представления о 52

Мариана Хуан де 223, 286, 374 сн. 26

- биография 219
- защита тираноубийства 219–220
- о налогообложении 220
- порча монеты 286

Маркс Карл 49

Маршалл Альфред 49, 50

Массы 300

Математика 387 сн. 41

Математический формализм 41–42, 55–56

Махлуп Фриц 49

Мегаломания 94, 299

Медицинский социализм 289

Медицинской помощи проблема 146–148

Международная координация 208

Мейнстрим 53–54

Менгер Карл (Carl) 30, 33, 41–42, 46–49, 59, 63, 194, 219, 221, 224, 225, 250–251, 254

Менгер Карл (Karl, сын Карла Менгера) 258

Менем Карлос 209

Меркадо Томас де 223, 234–237, 238, 241, 242

Методологический плюрализм 54

Методология неоклассической теории 58, 329 сн. 56

Механическая физика, влияние на экономическую мысль 3–5

Мизес Людвиг фон. См. *тж* Human

Action. 1, 36, 37, 39, 40, 50, 51, 61, 84, 89, 130, 151, 154, 155, 161–162, 205, 206, 245, 276, 286, 325 сн. 18 и 23, 334–335 сн. 16

- априорно-дедуктивная методология и критика позитивистского сциентизма 254–255

- биография 257–258

- влияние Карла Менгера 250–251

- издание собрания сочинений 281

- издания Human Action 258–262

- невозможность социализма 252–253

- различие практического знания и научного знания 264

- социализм и теория интервенционизма (государственного вмешательства) 265–266

- теория денег, кредита и экономических циклов 251–252

- теория динамических процессов 256–257

- теория естественного права 263–264

- теория кредита и банковского дела 250

- теория монополии 264–265

- теория народонаселения 266

- теория предпринимательства 253–254

- теория эволюции институтов 263

Микро-, разделенность с макро- 40

Мировски Филип 4

Модель оценки капитальных активов (САРМ) 313

Модель совершенной конкуренции 10

Молина Луис де 48, 221, 223, 235–236, 238–239, 241–242, 285

Моливари Густав де 297

Монетаризм, макроэкономика 52

Мон-Пелерен, общество 208

Монтескье Шарль-Луи 63

Мораль 93–96

- и эффективность 186–188

- институты и предпринимательство 193–195

- традиционная 206

Моральные принципы 187

Найт Фрэнк 49, 50

Научный мелиоризм 246, 379 сн. 3

Национализм как проблема 107

Нация, концепция и характеристики 107–109

Недопотребление 328 сн. 41

Немецкая историческая школа 47, 51, 54

Немецкое экономическое чудо 200

Неоавстрийцы 53–54

Неоклассическая экономическая теория 4

- homo oeconomicus 37–38

- дополняемость с австрийской школой 54–55

- макроэкономика 52

- математический формализм 41–42

- объективная информация 38–39

- отношение к эмпирическому миру 43–43

- полемика против 50–51

- равновесие, общее и/или частичное 39–41
- рационализация принятых решений постфактум 38
- совершенная конкуренция 301
- теория принятия решений 36
- Неопределенность 313–315
- Неявное знание 69–70, 79
- Нигилизм 54, 199, 200,
  - методологический 53–54
- Нирвана 27, 321 сн. 41
- Новак Майкл** 191
- Новшества в учебниках по экономической теории 246
- Норт Дуглас** 1, 16

- Образование 207
- Обучения эффект 73
- Общественная координация 39
- Общественного выбора школа 198–199, 267
- Общественное мнение 207, 209
- Общественные блага 193–194, 295, 325 сн. 59, 339 сн. 13
- Объективизм 37
- Объективная информация 38–39
- О’Дрисколл Дж. П.** 19
- Окружающая среда (природа)
  - проблемы, предпринимательское решение 104–105
  - ущерб 93
- Окружающая среда, охрана
  - в условиях свободного рынка 99–105, 337 сн. 4
  - и невозможность экономического расчета при социализме 101–103
- Осторожность 240
- Ошибки, достойные сожаления 38

- Парадигмы, критерии успеха 60–62
- Парето Вильфредо** 56, 330 сн. 63
- Паровой двигатель 4
- Патернализм 132
- Паттерны, предсказание 43, 255
- Пенсии 130, 286, 345 сн. 6. *См. тж* Частные пенсионные планы; Социальное страхование
- Пенсии, выплата из текущих пенсионных отчислений 130, 135
- Первородный грех 91
- Пигу А. С.** 5, 7
  - подход к исследованию благосостояния 7
- Пиля закон 1844 г. 151
- Плюрализм методологический 54

- Позитивизм 44, 53, 247, 255
- Поклада (депозит, вклад) денежная
  - в отличие от денежного займа 177
  - присвоение банкирами 232
  - срок 230
  - спрос 231, 233, 233–235, 235–237
- Поланы Майкл** 69
- Полезность, сравнение 7
- Полемика между экономическими школами 50–51
- Политики
  - ложь 211–213
  - мегаломания 299
  - нелюбовь к референдумам 215
  - прагматизм 210
  - рекомендации для 213–214
  - роль в либертарианских реформах 209–211
- Понимание (Verstehen) 44
- Поппер Карл** 53
- Пособия социальные, и иммиграция 124
- Потери, характерны для рыночной экономики 12
- Потребительские товары, спрос и предложение 166
- Потребностей торговли теория 160
- Права собственности 105, 338 сн. 11
  - и иммиграция 124–125, 126
  - принуждение и окружающая среда 100–101
  - распределение 17
- Право 296–297
  - принципы 27
- Право, экономический анализ 31, 367 сн. 20
- Правовые институты, экономический анализ 31
- Прагматизм 290
  - политиков 210
  - политический 140, 203
- Праксеология 57, 63, 253
- Практические приложения 28–31
- Практическое знание 67
- Предполагаемая история 63
- Предпринимательская координация 39–41
- Предпринимательская ошибка 38
- Предпринимательство 2–3, 9, 31, 36–38
  - и бдительность 66
  - и понятие социализма 74–77
  - информация и знание 64–65
  - концепция понимания 87–88
  - сущность 65–74
  - творческая природа 70–71
  - этимология 65–66

- этические следствия 189
- Предсказания 43–46, 255, 330 сн. 65
  - отношение австрийской школы к 56–57
- Принуждение 74–77, 88, 334 сн. 12
  - права собственности и окружающая среда 100–101
- Принципы
  - важность исследования в экономической науке 249
  - либертарианские 197
  - моральные 188
  - права 176
- Приспособление 72–73
- Пропаганда 94
- Процент 231, 364 сн. 62
- Пуфендорф** Сэмюэл 287
- Равновесие 11, 221, 295, 325 сн. 18, 386–387 сн. 39
  - общее и/или частичное 39–41
- Развитие, экономическая теория 29–30
- Рамсея–Пигу правило 322 сн. 58
- Распределительная справедливость 188
- Рассеянное знание 67–69
- Рациональность 181, 204
- Резервирования коэффициенты 286
- Реиг** Хоакин 279, 291
- Рейган** Рональд 200
- Рейтер** Стенли 5
- Религия 26, 292–293, 322 сн. 55
- Рёнке** Вильгельм 253
- Ресурсы, «даны»/«не даны» 21–22
- Референдум 215
- Реформация 48
- Реформы рыночные. *См. тж.* Реформа либертарианская
  - анализ стратегии 200–201
  - двойная стратегия 203, 211
  - исторический уровень действий 201, 207–209
  - причины политической невозможности 198–199
  - специализация и разделение труда 209
  - теоретически уровень действий 201, 201–204
  - уровни действий 200–209
  - этический уровень действий 201, 204–207
- Решение, рационализация постфактум 38
- Рикардо** Давид 277–278
- Римское право 297
- Риск 37–38, 313–315
- Риццо** М. Дж. 19
- Риччи, банк 229, 375 сн. 6
- Роббинс** Лайонел 7, 34, 253
- Розен** Шервин 60
- Ролз** Джон 190
- Ротбард** Мюррей 1, 13, 35, 48, 64, 120, 124, 155, 174, 213, 223, 227, 258, 264, 265, 271–273, 283–284
- Рынка дефекты 193
- Рыночная экономика, этическая основа 22
- Савиньи** Фридрих Карл 175
- Саламанкская школа, взгляды денежной и банковской школы 237–241
- Салас** Хуан де 48
- Самоопределение 109
- Самуэльсон** П. Э. 6
- Саравия-де-ла-Калье Луис** 48, 221, 223–224, 230–232, 233, 236, 237, 238, 242, 283
- Сбережения 130, 137–138
  - и концепция спроса на деньги 170–172
- Свобода
  - эмиграции/иммиграции 111–112
  - важность этического фундамента 184–185
  - торговли 110–111
- Свобода, теория 197
- Свободное общество, денежная и банковская системы 156–158
- Свободный рынок, анархизм частной собственности 218, 301
- Святые Католической церкви 293
- Севилья, развитие банков 228–230
- Селджин** Джордж 156, 159, 164, 170, 172, 173, 174, 266, 286, 356 сн. 1, 357 сн. 4, 358 сн. 12, 359 сн. 20, 360 сн. 29, 361 сн. 33, 36 и 40, 362 сн. 44 и 49, 364 сн. 59 и 66, 365 сн. 68
- Семья 26
- Семья 26
- Сен** Амартия 6
- Сецессия 216–218, 303
- СМИ 208
- Смит** Адам 47, 48, 59, 153, 224, 287, 327 сн. 39, 374 сн. 25, 382 сн. 16, 394 сн. 99
- Смит** Барри 326 сн. 24, 330 сн. 60, 353 сн. 3, 356 сн.
- Собственные (свои) интересы 82
- Созидательное разрушение 14
- Соперничество предпринимательское 10
- Сото** Доминго де 235, 238
- Социализм 52–53
  - анализ невозможности у Мизеса 252–253
  - аргументы против 89–92

- возможность обращения в либеральный национализм 116–118
- динамический аргумент 80–81
- и интервенционизм 86
- и предпринимательство 74–79
- и теория интервенционизма 265
- как интеллектуальная ошибка 77–79
- крах 197, 200, 202, 294
- критика альтернативных концепций 84–86
- невозможность с т. зр. контролирующего органа 82–83
- невозможность с т. зр. общества 79–81
- непоследовательность 92
- неэтичность 23
- определение 88, 205–206
- парадокс 334–335 сн. 16
- развращающее влияние 93–96
- статический аргумент 79
- традиционное определение 84
- ущерб окружающей среде 93
- Социалистический национализм и либеральный национализм
- Социальная помощь 128
- Социальная справедливость 187
- Социальная этика
  - формальная теория 64
  - возможность теории 185–186
- Социальные процессы, эволюционная теория
- Социальный «Большой взрыв» 324 сн. 15
- Спор о методах 46–54
- Справедливость 188
- Справедливость 24, 95
  - распределительная 188
  - и эффективность 187–188
- Старение населения 130
- Статическая эффективность
  - критический анализ развития 2–9
  - исторический контекст 2–3
  - влияние механической физики 3–5
  - как миф 13
- Стиглер Дж.15
- Стиглиц Дж. 38–39, 51, 55, 58
- Страна Басков 215–216
- Страхование
  - бухгалтерские стандарты 310–311, 313
- Страхование социальное 346 сн. 8, 347 сн. 13, 348 сн. 19. См. тж Пенсии; Частные пенсионные планы
  - главные стратегические принципы 140
  - взносы компаний 130
  - диагностика проблем 129–137
- этические проблемы 131–134
- идеальная модель с т. зр. либертарианства 137–139
- внутреннее противоречие 134–137
- направления реформы 142–144
- политические влияния 136
- постановка проблемы 129
- реформа 350–351 сн. 29, 351–352 сн. 30
- реформа в Испании 288–290
- относительное положение различных стран 141
- этапы реформы 141
- стратегия реформы 140–146
- технические проблемы 129–131
- ваучерная система 353 сн. 37
- Строгость, недостаток этого качества в учебниках по экономике 247
- Строуп** Ричард 18, 337 сн. 4
- Субъективизм 37, 46, 62, 220–221, 225, 250–251, 364 сн. 59
- Субъективная информация 38, 90
- Субъективная теория ценности 48, 224
- Субъективное знание 66
- Сциентизм 44, 59, 184, 185, 204, 205, 247, 254, 257, 268, 326 сн. 32, 330 сн. 60 и 64, 347 сн. 13, 368 сн. 11, 369 сн. 15, 380 сн. 7, 394 сн. 93
- Сэй Жан-Батист** 47, 225
- Творчество
  - и координация 11–12
  - как врожденное свойство 21–22, 90, 207, 258, 302
  - и помощь нуждающимся 322 сн. 52, 366 сн. 11
- Тейлор** Фредерик 5
- Тенденции, предсказание 43, 254
- Теорема регрессии покупательной способности денег 251–252
- Теоретические утверждения, формализация 55–56
- Теории, эмпирические критерии для подтверждения 57
- Теория государственной собственности 339 сн. 15
- Теория денежного равновесия 286
- Теория деятельности 36
- Теория динамических процессов 256
- Теория естественного права у Мизеса 263–264
- Теория интервенционизма (государственного вмешательства) 265
- Теория кредита и банковского дела 266
- Теория монополии у Мизеса 264–265

- Теория налогообложения 28
Теория народонаселения у Мизеса 266
Теория предельной полезности 251
Теория предпринимательства 65, 253–254
– возникновение институтов и морального поведения 193–195
Теория принятия решений 36
Теория развития институтов 263
Теория регулирования и интервенционизма 28–29
Теория свободы 197
– этические основы 206
Теория социальной этики 185–186
Теория стихийных порядков 55
Теория трансакционных издержек
Теория ценности, субъективистская 221
Теория экономических циклов 154
Теория экономических циклов 252
Теория экономических циклов австрийской школы 251–252
Термодинамика, второй закон 3
Техническая эффективность 8
Тимберлейк Ричард 159
Тираны 373 сн. 7
Торговля, свобода 110–111
Трагедия общественных пастбищ 102, 154, 338 сн. 12, 339 сн. 13
Треугольные диаграммы (Хайек) 167, 168, 169
Тэтчер Маргарет 113, 200
Тюрго Жак 48, 225, 287

Уайт Лоуренс 156, 159, 160, 170, 266, 326 сн. 29, 356 сн. 1, 357 сн. 4 и 5, 358 сн. 15, 359 сн. 20, 361 сн. 33, 34 и 36, 364 сн. 66
Упрощение, в учебниках по экономической теории 246
Утилитаризм, невозможность 43
Учебники 89

Факты 43–44
Феттер Фрэнк 218
Фидуциарные средства обращения. См. тж. Документы вместо звонкой монеты; Деньги
– изменения спроса как экзогенная переменная 160–163
– спрос на 159–160, 358–359 сн. 17
– эмиссия 164, 166
Филип IV 287
Фонд Свободы 208
Формализм, словесный и математический 41–42
Формальная (словесная) логика 41–42
Фрей Бруно 215–218

Фридмен Милтон 53, 159
Фукуяма Френсис 294
Функция общественного благосостояния 7, 20

Хайек Ф. 1, 12, 13, 19, 35, 36, 43–45, 49, 50–52, 55, 62, 63–64, 67, 84, 89, 91, 92, 98, 120, 133, 134, 149, 152, 154, 155, 156, 166–167, 191, 197, 202, 205–208, 219, 221, 242, 253, 255, 258, 263, 264, 266, 270, 275–276, 277–278, 281–284, 289, 292–293, 326 сн. 32, 329 сн. 56, 333 сн. 3, 335 сн. 16, 345 сн. 4, 346 сн. 10, 346 сн. 11, 347 сн. 13, 348 сн. 18, 350 сн. 5, 357 сн. 3, 359 сн. 18 и 19, 365 сн. 3, 363 сн. 12, 370 сн. 23, 372 сн. 5, 375 сн. 2, 377 сн. 33, 378 сн. 49, 381 сн. 13, 382 сн. 16 и 17, 383 сн. 22, 384 сн. 26 и 27, 391 сн. 73, 393 сн. 88,
Хардин Гаррет 101
Хатт Уильям 203, 218
Хикс Дж. 6
Хоппе Ганс–Германн 54, 60, 84–85, 123–124, 178, 218, 260, 264, 266, 283, 299, 335 сн. 18, 343 сн. 1, 346 сн. 7, 356 сн. 1
Хорвиц Стивен 159
Хуан Карлос, король 292

Центральный банк 151–154, 180

Частная собственность, результат предпринимательства 23
Частное знание 67–69
Частное право англосаксонское 297
Частные пенсионные планы 137–139. См. тж. Пенсии; Социально страхование
Человеческая деятельность 65
Человеческая природа 27
Человеческая реальность, уровни изучения 63–64
Человеческого капитала теория 290
Чикагская школа 1, 155, 202, 276
Чили 289, 362 сн. 49
Чиполла Карло 173, 229
Чистая предпринимательская прибыль 71–71

Шварц Анна 154
Штрайт Манфред 19
Шумпетер Йозеф 1, 14–15, 16, 284

Эволюционистская теория социальных процессов 184
Эгидий Лессинский 223
Экономическая теория благосостояния
– критика статической эффективности 7–9

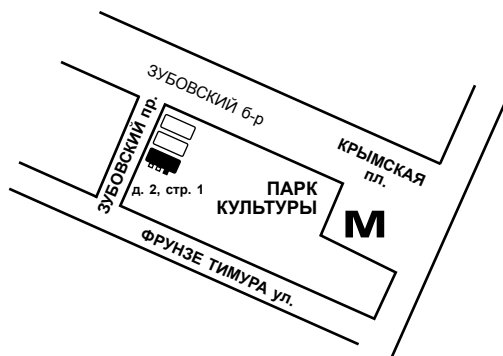
- первая теорема 6
- вторая фундаментальная теорема 6, 20
- и статическая концепция эффективности 5–7
- статическая эффективность 187
- Экономическая теория развития 29–30
- Экономическая теория
  - определение 386 сн. 36
  - возникновение 63
  - влияние механической физики 3–5
  - микро- и макро- 383 сн. 21
  - Ксенофонт 2–3
- Экономическая теория, учебники
  - понятие экономической эффективности 18–20
  - недостатки 245–249
- Экономический анализ права, регулирования и социальных институтов 30–31
- Экономический расчет 101–106, 383 сн. 24
- Экономический расчет при социализме, дискуссия о 253
- Экономический расчет, невозможность 298
- Экосистемы 99
- Эмиграция. См. *тж* Иммиграция
  - свобода 111–112
  - решение проблемы, порождаемые миграционными потоками 123
- Эмпиризм 43–46
- Эмпирические исследования, отсутствие в австрийской школе 56
- Эмпирические критерии, подтверждение теорий 57
- Эмпирический успех, критерии 61
- Энергия 3
  - эффективность 4
- Эрроу К.** 6
- Эрхард Людвиг** 200
- ЭТА 215–216
- Этатизм 294, 301
  - теоретическая невозможность 298–299
  - периферийные эффекты 298, 301
- Этика
  - совместимость с динамической эффективностью 32
  - вклад Кирцнера 188–191
  - критика Кирцнера 192–195
  - фундамент свободы 184–185
  - как необходимое и достаточное условие 21–22
  - связь с динамической эффективностью 20–28
  - и социальное страхование 131–134

- Этические принципы 1–2
  - предпринимательство 190
  - эволюция 26–28
  - релятивизм 192
  - Ротбард 13
- Эффективное размещение ресурсов
  - определение 4
- Эффективность
  - и мораль 186–188
  - определение 4
  - по Парето 1, 6
  - этимология 2
  - *x*-эффективность 1, 15–16
- Юм Давид** 153
- Юрисдикции, функционально пересекающиеся конкурирующие 217–218
- Язык и национальная идентичность 107
- «Действующее лицо» (Иоанн Павел II) 191
- «Капитализм, социализм и демократия» (Шумпетер) 14
- «Карл V и его банкиры» (Каранде) 228
- «Католическая этика и дух капитализма» («The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism») (Novak) 191
- «Контрреволюция науки» (Хайек) 50
- «Начала политической экономии и налогового обложения» (Рикардо) 277
- «О короле и об установлении королевской власти» (Марианна) 219
- «О перемене монеты» (Марианна) 220
- «О справедливости и праве» (Soto) 235
- «Основания политической экономии» (Менгер) 46
- «Открытие, капитализм и распределительная справедливость» (Кирцнер) 192
- «Очерки по позитивной экономической теории» (Фридман) 53
- «Пагубная самонадеянность» (Хайек) 63, 91
- «Поучение купцам» (Saravia de la Calle) 221, 230–232, 238
- «Принципы научного управления» (Тейлор) 5
- «Процент и ростовщичество» (Dempsey) 242
- «Рассуждение о недугах общества Иисуса» (Мариана) 223
- «Решающий комментарий о вексельных курсах» (Аспилькуэта) 221, 233
- «Свободное банковское дело в Британии» (Уайт) 160
- «Сотый год» (Иоанн Павел II) 191

- «Социализм» (Мизес) 253
«Социализм» (Мизес) 253, 288
«Теория денег и фидуциарных средств обращения» («Теория денег и кредита») (Мизес) 155, 251–252
«Теория экономического развития» (Шумпетер) 14
«Трактат о сделках и договорах» (Меркадо) 234–235
«Трактат о ссудах и ростовщичестве» (Молина) 236
«Трактате о вексельных курсах» (Молина) 235, 238
«Частные деньги» (Хайек) 156
«Человеческая деятельность» (Мизес) 51, 245, 254. *См. тж* Мизес Людвиг фон
– развитие экономической науки 263–267
– издания на английском языке 259–260
– как предшественница школы общественного выбора 267
– значение 250, 270
– «Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens» 259
– потенциальные читатели 268
– переводы на испанский 261–262
– изучение и преподавание 268–270
– издания 258–262
– преподавание 269–270
– переводы (на языки, кроме испанского) 260–261
«Чистая теория капитала» (Хайек) 275
«Экономика» (Ксенофон) 2
«Экономическая теория и механика» (Вальрас) 4
«Экономическая теория: теория деятельности и изменений» (Мизес) 259
«Экономическая теория: частный и общественный выбор» (Гвартни и Строуп) 18
«Этичность создания кредитов согласно доктрины Молины, Лессюса и Луго» (Бельда) 241
Casa de Contratación (Торговая палата) 228
Charles Paul Hurault de l'Hôpital, known as the seigneur of Belesbat
«Enron» 307, 310
Homo oeconomicus 37–38, 253
Occupatio rei nullius 22, 190
Opus Dei 292
Verstehen (понимание) 44
«WorldCom» 307

В Москве все книги издательства «СОЦИУМ»
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:
10⁰⁰—19⁰⁰ Пн-Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (499) 246-05-48

Серия: «Австрийская школа»
Выпуск 6

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО
Социально-экономическая
теория динамической
эффективности

Художник: *Е. В. Ратмирова*
Верстка: *Г. Н. Шингарёв*

Подписано в печать 11.01.2011. Формат 70×100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Journal». Усл. печ. л. 33,8.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО Издательство «Социум», www.sotsium.ru
info@sotsium.ru тел. (495) 330-51-98

Людвиг фон Мизес

**ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
Трактат по экономической теории (877 с.)**

(Серия: Австрийская школа. Вып. 3)

Людвиг фон Мизес (1881—1973) — один из величайших мыслителей XX века, австрийский экономист, философ и политолог. С 1940 г. жил и работал в США. Данная книга представляет собой систематическое изложение эпистемологии, методологии и теории экономической науки от самых основ (теории ценности) до экономической политики. В ней автор завершил разработку экономической теории австрийской школы (ведущей свое начало от К. Менгера и О. Бём-Баверка), превратив ее в общую теорию человеческой деятельности — праксиологию, теоретическую науку о человеческой деятельности, которую он противопоставил, с одной стороны, естественным наукам, а с другой — истории. Мизес утверждает праксиологию как теоретическую, дедуктивную и априорную науку в противовес описаниям экономической науки как исторической, индуктивной и эмпирической. В книге всесторонне рассматривается как рыночная экономика, так и социалистическая, а также интервенционизм (последствия государственного вмешательства в экономику).

Издавалась на английском, испанском, итальянском, китайском, португальском, румынском французском, японском и языках.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- I Действующий человек
- II Эпистемологические проблемы наук о человеческой деятельности
- III Экономическая наука и бунт против разума
- IV Первичный анализ категории деятельности
- V Время
- VI Неопределенность
- VII Деятельность в мире

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ

- VIII Человеческое общество
- IX Роль идей
- X Обмен в обществе

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ

- XI Определение ценности без вычисления
- XII Сфера экономического расчета
- XIII Денежный расчет как инструмент деятельности

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАТАЛЛАКТИКА,
ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА**

- XIV Предмет и метод каталлактики
- XV Рынок
- XVI Цены
- XVII Косвенный обмен
- XVIII Деятельность в потоке времени
- XIX Процент
- XX Процент, кредитная экспансия и цикл производства
- XXI Работа и заработная плата
- XXII Первичные факторы производства, не связанные с деятельностью человека
- XXIII Данные рынка
- XXIV Гармония и конфликт интересов

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ РЫНКА

- XXV Идеальная конструкция социалистического общества
- XXVI Невозможность экономического расчета при социализме

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ДЕФОРМИРОВАННАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

- XXVII Государство и рынок
- XXVIII Вмешательство посредством налогообложения
- XXIX Ограничение производства
- XXX Вмешательство в структуру цен
- XXXI Денежное обращение и манипулирование кредитом
- XXXII Конфискация и перераспределение
- XXXIII Синдикализм и корпоративизм
- XXXIV Экономическая теория войны
- XXXV Принцип благосостояния versus принципа рынка
- XXXVI Кризис интервенционизма

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

- XXXVII Неописательный характер экономической науки
- XXXVIII Место экономической науки в образовании
- XXXIX Экономическая наука и важнейшие проблемы человеческого существования

Хесус Уэрта де Сото

ДЕНЬГИ, БАНКОВСКИЙ КРЕДИТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ (2008. 677 с.)

(Австрийская школа. Вып. 5)

Книга посвящена всестороннему рассмотрению центрального института современного экономического порядка — банковского дела на началах частичного резервирования с центральным банком и роли этого института в периодически повторяющихся экономических циклах. Автор анализирует эту проблему с юридической, исторической и экономической точек зрения. Первые три главы посвящены юридическим и историческим аспектам банковского дела с частичным резервированием. В главах 4—7 подробно объясняется, каким образом нарушение универсальных принципов права, выражающееся в ведении банковского дела на началах частичного резервирования, неизбежно ведет к кредитной экспансии и циклу бум—крах. Здесь Уэрта де Сото излагает и развивает подход австрийской экономической школы (Л. Мизес, Ф. Хайек, М. Ротбард). Глава 8 посвящена разбору теорий, обосновывающих необходимость центрального банка и допустимость банковского дела с частичным резервированием. В завершающей 9-ой главе книги автор обсуждает проблему реформирования современной денежной системы, базирующейся на сочетании неразменных денег и банковского дела с частичным резервированием, находящихся под контролем центрального банка, выступая с собственным планом.

Книга написана для образованных неспециалистов простым нетехническим языком, можно сказать «на пальцах». Автор постоянно повторяет выводы, полученные в предыдущих главах, не давая забыть о них читателю, что значительно способствует пониманию логики изложения.

Глава 1. Правовая сущность денежного договора иррегулярной поклажи

1. Предварительное разъяснение терминов: договоры займа (*mutuum* и *commodatum*) и договор поклажи
2. Социально-экономическая функция иррегулярной поклажи
3. Важнейшие различия между договором иррегулярной поклажи и договором денежного займа
4. Открытие римскими юристами общих принципов права, регулирующих договор денежной иррегулярной поклажи

Глава 2. Исторические нарушения правовых принципов, регулирующих договор денежной иррегулярной поклажи

1. Введение
2. Банковское дело в Греции и Риме
3. Банкиры позднего Средневековья
4. Банковское дело в царствование Карла V и доктрина Саламанкской школы
5. Новая попытка легитимного банковского дела: Банк Амстердама.
Банковское дело в XVII — XVII вв.

Глава 3. Попытки юридически оправдать банковское дело с частичным резервированием

1. Введение
2. Почему невозможно приравнять иррегулярную поклажу к договору займа (mutuum)
3. Пересмотр понятия доступности — неадекватное решение проблемы
4. Денежная иррегулярная поклажа, сделки РЕПО и договоры страхования жизни

Глава 4. Процесс кредитной экспансии

1. Введение
2. Роль банка как истинного посредника в договоре займа
3. Роль банка в договоре денежного банковского вклада
4. Последствия использования банкирами депозитов до востребования: случай отдельного банка
5. Кредитная экспансия и создание новых депозитов в банковской системе в целом
6. Некоторые дополнительные сложные случаи
7. Параллели между созданием депозитов и выпуском необеспеченных банкнот
8. Процесс сжатия кредита

Глава 5. Кредитная экспансия банков и ее воздействие на экономическую систему

1. Основы теории капитала
2. Воздействие на производственную структуру увеличения кредита, финансируемого предшествующим увеличением добровольных сбережений
3. Последствия банковской кредитной экспансии, не обеспеченной увеличением сбережений: австрийская теория, или теория экономических циклов, основанная на фидуциарном кредите
4. Банки, нормативы частичного резервирования и закон больших чисел 292

Глава 6. Дополнительные соображения о теории экономических циклов

1. Почему не бывает кризисов, когда новые инвестиции финансируются за счет реальных сбережений
2. Возможно ли отсрочить наступление кризиса: теоретическое разъяснение процесса стагфляции
3. Потребительский кредит и теория экономических циклов
4. Саморазрушительная природа искусственных бумов, вызванных кредитной экспансией: теория «вынужденных сбережений»
5. Растраниживание капитала, простаивающие мощности и ошибочное инвестирование производственных ресурсов
6. Кредитная экспансия как причина массовой безработицы
7. Система национальных счетов не отражает стадии экономического цикла
8. Предпринимательство и теория экономических циклов
9. Политика стабилизации общего уровня цен и ее дестабилизирующее воздействие на экономику
10. Как избежать экономических циклов: предотвращение экономического кризиса и послекризисное восстановление

11. Теория экономического цикла и неиспользуемые ресурсы: их роль в начальных стадиях бума
12. Неизбежное сжатие кредита на стадии спада: критика теории «вторичной депрессии»
13. «Маниакально-депрессивная экономика»: угнетение предпринимательского духа и другие отрицательные последствия экономических циклов для рыночной экономики
14. Влияние экономических колебаний на фондовый рынок
15. Влияние экономического цикла на банковский сектор
16. Маркс, Хайек и представление о том, что рыночной экономике свойственны экономические кризисы
17. Два дополнительных соображения
18. Эмпирическое доказательство теории экономических циклов

Глава 7. Критика монетаристской и кейнсианской теорий

1. Введение
2. Критика монетаризма
3. Критика кейнсианской экономической теории
4. Марксистская традиция и австрийская теория экономического цикла. Неорикардиянская революция и полемика о переключении технологий
5. Заключение
6. Приложение. Компании страхования жизни и другие небанковские финансовые посредники

Глава 8. Теория свободной банковской деятельности и банковской системы с центральным банком

1. Критический анализ банковской школы
2. Дискуссии между сторонниками центрального банка и свободной банковской деятельности
3. Теорема о невозможности социализма и ее приложение к центральному банку
4. Критический обзор современной школы свободной банковской деятельности с частичным резервированием
5. Заключение. Ложная дискуссия между сторонниками центрального банка и адептами свободы банковской деятельности с частичным резервированием

Глава 9. Реформа банковской системы: теория 100%-ного резервирования

1. История современных концепций 100%-ного резервирования
2. Наше предложение по реформе банковской системы
3. Обсуждение преимуществ предложенной системы
4. Ответы на возможные возражения на предложенную нами реформу денежной системы
5. Экономический анализ процесса реформирования и перехода к предложенной денежной и банковской системе
6. Заключение. Банковская система свободного общества

В СЕРИИ «АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА»
ВЫШЛИ В СВЕТ

- Вып. 2 *О. Бём-Баверк*
Капитал и прибыль. Т. 2—3 (2010. 916 с.)
- Вып. 3 *Л. фон Мизес*
Человеческая деятельность: трактат по экономической теории
(2008. 878 с.)
- Вып. 5 *Х. Уэрта де Сото*
Деньги, банковский кредит и экономические циклы (2007. 663 с.)
- Вып. 6 *Х. Уэрта де Сото*
Теория социально-экономической эффективности (2011. 425 с.)
- Вып. 21 *Х. Уэрта де Сото*
Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское
творчество (2009. 210 с.)
- Вып. 22 *М. Ротбард*
Власть и рынок: государство и экономика (2010. 430 с.)
- Вып. 23 *И. Кирицнер*
Конкуренция и предпринимательство (288 с.)
- Вып. 24 *Ф. Хайек*
Индивидуализм и экономический порядок (430 с.)
- Вып. 25 *М. Ротбард*
История денежного обращения и банковского дела в США
(2009. 554 с.)

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

- Вып. 4 *Л. фон Мизес*
Теория денег и кредита
- Вып. 7 *Г. Хюльсман*
Последний рыцарь либерализма:
Биография Л. фон Мизеса (1881—1973)
- Вып. 26 Саламанкская школа: денежная теория испанских схоластов,
1544—1605 гг.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОЦИУМ»

- Барнард Ч.* Функции руководителя. 2009. 365 с.
- Бастиа Ф.* Грабеж по закону. 2006. 264 с. (Библиотека ГВЛ: Право)
- Бастиа Ф.* Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. 2003. 732 с.
- Бастиа Ф.* Протекционизм и коммунизм. 2011. 444 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)
- Бастиа Ф.* Что видно и чего не видно. 2006. 144 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)
- Бастиа Ф.* Экономические софизмы. 2010. 350 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)
- Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. 2009. 310 с.
- Бентам И.* Тактика законодательных собраний. 2006. 206 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)
- Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности. 2009. 287 с. (Библиотека ГВЛ)
- Джевонс У. С.* Деньги и механизм обмена. 2006. 180 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)
- Козн М., Нагель Э.* Введение в логику и научный метод. 2010. 655 с.
- Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы: К Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. 406 с.
- Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. 2-е изд. 2008. 743 с.
- Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 1—2. 2008. 1030 с.
- Кулишер И. М.* Основные вопросы международной торговой политики. 2008. 479 с.
- Кэллахан Дж.* Экономика для обычных людей. 2006. 423 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)
- Лебон Г.* Психология народов и масс. 2010. 408 с. (Библиотека ГВЛ)
- Мизес Л.* Либерализм. 2007. 344 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)
- Мизес Л. фон.* Всомогущее правительство. 2007. 466 с.
- Мизес Л. фон.* Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. 2009. 392 с.
- Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. 2005. 878 с.
- Милль Дж. С.* Рассуждения о представительном правлении. 2006. 376 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)
- Немецкая историческая школа права. 2010. 512 с.
- Ротбард М.* Власть и рынок. 2010. 412 с.
- Ротбард М.* Государство и деньги: как государство завладело денежной системой общества. 2008. 234 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)
- Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. 2005. 548 с.
- Ротбард М.* Показание против Федерального резерва. 2003. 183 с.
- Саймон Дж.* Неисчерпаемый ресурс. 2005. 800 с.
- Сото Э. де.* Иной путь. 2007. 408 с.
- Струве П. Б.* Торговая политика России. 2007. 304 с.
- Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. 2008. 680 с.
- Хаберлер Г.* Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. 2008. 474 с.
- Хайек Ф.* Судьбы либерализма в XX веке. 2009. 337 с.
- Хайек Ф.* Цены и производство. 2008. 213 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)
- Энджел Н.* Великая иллюзия: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. 2009. 412 с. (Библиотека ГВЛ)